

30 YEARS OF DAYTON:

how are you, Bosnia?

30 GODINA DEJTONA:

kako ide, Bosno?

30 ЛЕТ ДЕЙТОНУ:

как поживаете, Босния?

Издательский Дом «Зебра Е»
Москва 2025

30 лет Дейтону: как поживаешь, Босния? Научная монография

Рецензенты:

Братерский М. В., д.полит.н., профессор НИУ ВШЭ

Никифоров К. В., д.и.н., директор Института славяноведения РАН

Авторский коллектив:

Энтина Екатерина (НИУ ВШЭ), Бондарев Никита (Институт славяноведения РАН), Лобанов Михаил (Институт экономики РАН), Наджаров Александр (НИУ ВШЭ), Ерёмин Денис (Институт Европы РАН), Иветич Стефания (НИУ ВШЭ), Артёмов Сергей (МГИМО МИД России), Быкова Елизавета (МГИМО МИД России), Пивоваренко Александр (НИУ ВШЭ), Степанов Неманя (НИУ ВШЭ), Деревцов Николай (независимый исследователь).

Под общей редакцией д.полит.н., профессора НИУ ВШЭ Екатерины Энтиной

Перевод на официальные языки Боснии и Герцеговины — Артёмов Сергей

Перевод на английский язык — Маганов Алексей

Вёрстка — Жилина Лика

Этнические карты — Душан Дачич

Обложка — Быкова Елизавета

ISBN 978-5-907867-95-6

Издательский дом Зебра Е

Москва 2025

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗЮМЕ	4
ОБЩЕСТВО	7
БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ	7
КИНЕМАТОГРАФ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ: МЕЖДУ «ВЫНУЖДЕННЫМ ПРИМИРЕНИЕМ» И «ИГРОЙ В ЖЕРТВУ»	34
ЭКОНОМИКА	59
ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ЭКОНОМИК В ПОСТДЕЙТОНСКОЙ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ: ВМЕСТЕ ИЛИ ВРОЗЬ?	59
ПОЛИТИКА	90
АППАРАТ ВЫСОКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ: ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ ЧЕРЕЗ УНИФИКАЦИЮ	90
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ	105
НЕПРЕРЫВНОСТЬ ПРИСУТСТВИЯ, ТРАГЕДИЯ И БОРЬБА КАК СИМВОЛ СЕРБОВ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ	113
VERZIJA NA SLUŽBENIM JEZICIMA BOSNE I HERCEGOVINE	126
VERSION IN ENGLISH	240
ПРИЛОЖЕНИЕ: Список решений Высокого представителя, опубликованных на сайте АВП с декабря 1997 г. (на английском языке)	362

РЕЗЮМЕ

В 2025 году, тридцать лет спустя подписания Дейтонских мирных соглашений, Босния и Герцеговина вновь активно замелькала на страницах мировой прессы. В дискурсе международного сообщества она представляется недостроенной, дисфункциональной страной с множеством нерешенных этнических проблем и политических противоречий, готовой вот-вот опрокинуться в очередную кровавую резню. В общественном сознании бродит призрак югославских войн 1990-х гг., и новости, исходящие из Боснии, зачастую даже на интуитивном уровне воспринимаются именно через эту призму. В то же время, любой человек, приезжая в сюда, увидит балканскую страну, со своими проблемами, уникальным колоритом и замечательной природой.

Классическое описание Боснии во всей ее «цветущей сложности» дано нобелевским лауреатом Иво Андричем в рассказе «Письмо из 1920».

«Кто проведёт в Сараево ночь в бессоннице, тот может услышать голоса сараевской ночи. Тяжело и надёжно пробивают часы на католическом соборе: два после полуночи. Проходит немногим более одной минуты и тогда отзываются несколько более слабым, но пронизывающим звуком часы на православной церкви, и они пробивают свои два часа. Немного позже за ними пробивают хриплым далёким голосом часы на башне у Беговой мечети, пробивают одиннадцать часов, призрачных турецких часов, по странному исчислению далёких, иноземных стран света! У евреев нет своих часов, которые пробивают время, один Бог знает, сколько сейчас часов у них. Во тьме, пока все спят, в подсчёте безлюдных ночных часов бодрствует различие, разделяющее этих заспанных людей, которые, проснувшись, радуются и печалются, празднуют и постятся на четыре разных, вызывающих раздор календаря, и все свои желания и молитвы шлют одному и тому же небу на четырёх разных церковных языках. Различие, иногда видимое и открытое, иногда невидимое и вероломное, всегда похоже на ненависть, часто полностью тождественно ей».

За сто лет мало что изменилось. Последние тридцать, посвященные социально-политическому эксперименту, — установлению полномасштабного международного протектората над формально суверенным европейским государством — принесли неоднозначные плоды. В нашем исследовании мы пытаемся подвести промежуточный итог этого эксперимента, в первую очередь, в сфере социального и экономического, — того, что имеет первостепенное значение для каждого человека вне зависимости от веры, национальности и возраста.

Для этого нами были проведены масштабное социологическое исследование в формате онлайн с участием более 2500 респондентов и ряд глубинных интервью с представителями основных народов БиГ. Для анализа распространенных в обществе нарративов о себе, своей идентичности авторы обратились к боснийско-герцеговинскому кинематографу, созданному за последние 30 лет.

В нашем исследовании мы показываем глубоко разделенную страну, чьи народы не научились жить друг с другом, а выстроили свои параллельные реальности. В то время как сербы и хорваты не чувствуют Боснию и Герцеговину по-настоящему своей страной, бошняки на протяжении тридцати лет, с подачи собственной интеллигенции и западного сообщества, пытались трансформировать идентичность — как через кинематограф, так и политику исторической памяти. В основе этой новой бошняцкой идентичности лежит комплекс жертвы и показное бессилие. Она выстраивается на памяти о войне и страданиях; в ней отсутствует созидательное зерно; она противоречит историческому самовосприятию бошняков. И во многом именно поэтому шансы на построение Боснии как единой страны со «светлым общим будущим» невелики — результатом социального эксперимента стало сведение к минимуму созидательного основания самого государства.

При этом называть Боснию и Герцеговину абсолютно дисфункциональной и безнадежной страной нельзя. Здесь сохранилась и развивается промышленность, которая, однако, в основном принадлежит либо этническому, либо иностранному капиталу. Этнический капитал поддерживает цепочки добавленной стоимости там, где это необходимо, но в стране отсутствуют силы, которые бы форсировали создание единого экономического пространства. Частичное объяснение этому кроется в том, что БиГ в силу статуса Центрального банка не обладает настоящим монетарным, и, соответственно, экономическим суверенитетом.

На наш взгляд, наиболее очевидным тормозом к созданию более эффективного государства является Аппарат Высокого представителя и система управления, созданная в результате его появления. В нашем исследовании мы показываем, как она в целом устроена. Ее неотъемлемым элементом является не только сам Высокий представитель и общие полусуверенные институты, но и разветвленная сеть неправительственных организаций, осуществляющая аналитическое и информационное сопровождение их деятельности. Именно эта вертикально интегрированная система привела к тому, что попытка унифицировать боснийское пространство спустя 30 лет обернулась его еще большей внутренней дезинтеграцией.

Важнейшей чертой этой системы в чем-то случайно, как цепь печальных обстоятельств, а отчасти совершенно намеренно стало последовательное,

проводимое с 2000-х гг. наступление на символику и идентичность сербов в Боснии. В политическом пространстве принято говорить об этом только как о стремлении демонтировать Республику Сербскую как автономию. На наш взгляд, ситуация куда серьезнее и требует более глубокого анализа. В конечном итоге политика Запада по продвижению Республики Сербской как «геноцидального» образования, запреты на использование универсальных символов сербского народа, сведение истории этого народа в Боснии исключительно к периоду 1990-х гг. направлены на растворение «боснийского сербства» как такового, его скукоживание для самих же сербов и мирового сообщества до группы узких нарративов и «неважных» для современности исторических мифов. Такой сценарий в целом уже удался западному миру в Косово и Метохии. Именно поэтому в качестве одного из необходимых ответов наше исследование предлагает вернуться и задуматься, прежде всего, самим сербам о создании символа непрерывного присутствия сербского народа в боснийско-герцеговинском пространстве.

Проведя исследование, изучив мнения свыше двух тысяч граждан БиГ, побеседовав с десятками боснийцев, мы увидели не только проблемы и недостатки, но и искреннее желание людей жить в мирном и процветающем пространстве. Но и мир, и процветание возможны лишь в условиях равноправного, открытого диалога между народами. Это сложно осуществить, когда в информационной повестке доминирует единый набор политизированных нарративов, продвигаемый внешними акторами. Мы надеемся, что наш труд не только формулирует альтернативный западному взгляд на Боснию, но и станет приглашением к широкой и честной дискуссии.

БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА: ОЖИДАНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

— А в чём, по-Вашему, уникальность современной Боснии и Герцеговины?

— В красоте жизни. Здесь люди всё ещё умеют сидеть, наслаждаться, пить, хорошо есть, общаться, наслаждаться природой, испытывать радость, проводить семейные встречи. Не знаю, панславянство это или что-то ещё, но у нас есть такая особенность. В этом и прелесть жизни.

(М38, серб)

Тут [В Боснии и Герцеговине — прим.] очень много «но» и очень много запятых.

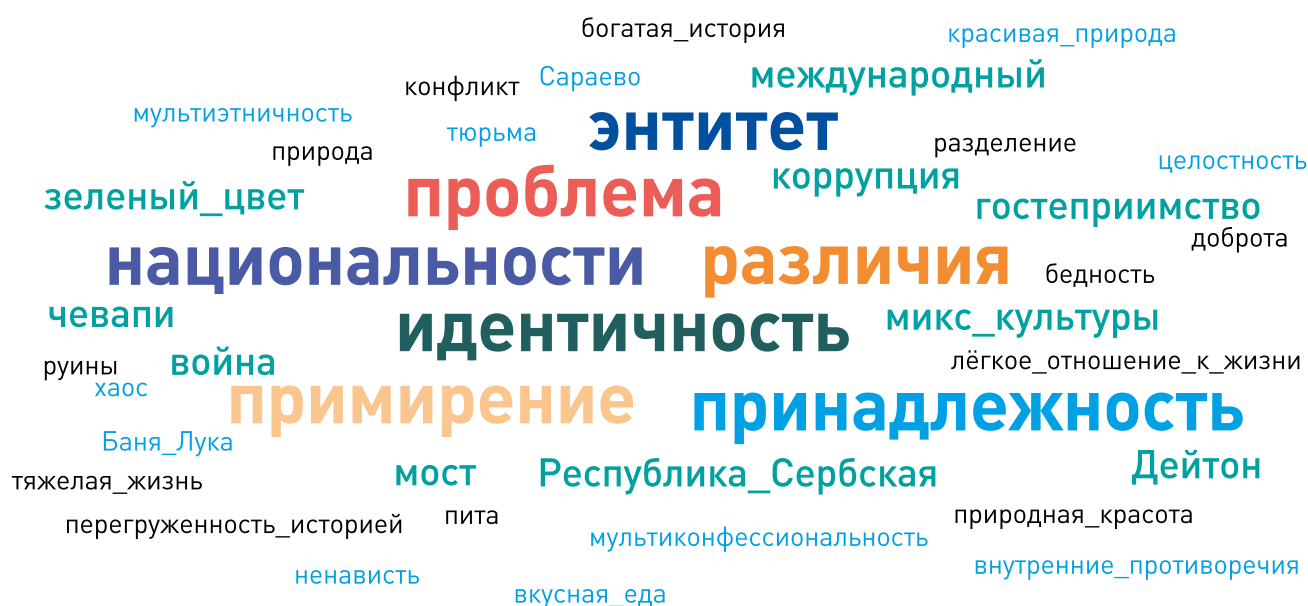
(Ж24, бошнячка)

Западные фонды и центры регулярно проводят опросы общественного мнения среди граждан Боснии и Герцеговины. Как правило, они касаются позиции населения по вопросу вступления в ЕС и коррупции в стране. Значительно реже такие исследования затрагивают тему национальной идентичности, межэтнических отношений, отношения к политическим институтам. Наше стремится заполнить эту лакуну. При проведении социологического опроса мы хотели выявить, как титульные народы БиГ видят друг друга спустя 30 лет после подписания Дейтонских соглашений, как смотрят на будущее своей страны и своё будущее в ней, как оценивают политические и экономические перспективы страны.

В нашем исследовании, проведенном в формате онлайн, приняли участие свыше 2500 человек, из них полностью ответили на все вопросы 1177. Результаты анкетирования были нормированы в соответствии с половозрастной пирамидой БиГ и ее этнической структурой. Респондентам было предложено ответить на 32 вопроса.

При анализе полученных данных важно учитывать внутреннюю динамику общества Боснии и Герцеговины. Оно отличается высоким уровнем взаимного недоверия между этническими группами, что делает многие вопросы предельно чувствительными: ответы на них могут восприниматься не только как личное мнение, но как маркер политической или национальной принадлежности. Постконфликтный характер общества лишь усиливает эту чувствительность — травмы прошлого по-прежнему определяют социально-политический ландшафт, и это влияет на готовность людей откровенно говорить о волнующих их темах.

Полиэтничность и фрагментация страны (как в пространственном, так и в институциональном измерении) дополнительно усложняют ситуацию: что является «нормой» и «общим местом» в одном локальном сообществе, в соседнем может трактоваться диаметрально противоположным образом. Постдейтонская архитектура, построенная на принципах этнического паритета и постоянных компромиссов, формирует атмосферу, где социологический замер отражает не только общественное мнение, но и оказывается вписанным в сложный политический контекст, что обуславливает ряд трудностей для сохраняющего нейтральность и академическую честность исследователя. В такой среде учёный сталкивается не просто с проблемой сбора достоверных данных, но и с необходимостью учитывать, как методы сбора данных, используемые формулировки и объяснительные модели могут быть восприняты разными группами населения.

Организация серии глубинных интервью с жителями Боснии и Герцеговины оказалась ещё более трудоёмким процессом, чем реализация анонимизированного количественного опроса. Найти респондентов, готовых к откровенному разговору, было непросто: часть потенциальных участников игнорировала запросы, другие соглашались, но с множеством оговорок, уточнений и вопросов относительно целей исследования и последующего использования полученных данных. Даже те, кто в итоге принимал участие, зачастую применяли механизмы самоограничения — тщательно подбирали слова, избегали острых тем или склонялись к социально одобряемым формулировкам. Для социального исследователя сам этот феномен является познавательным: он отражает не только высокий уровень социального недоверия, но и то, насколько глубоко укоренена практика «политкорректной» манеры ведения диалога на социально чувствительные темы.

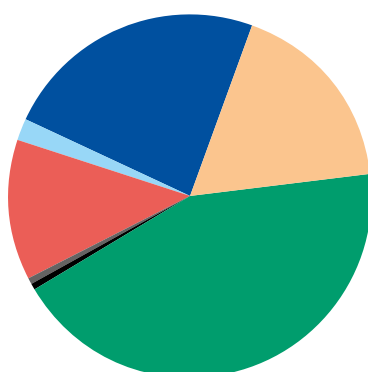
Межэтнические отношения и вопрос национальной идентичности

В ходе серии глубинных интервью выявилась показательная тенденция: почти никто из респондентов не идентифицировал себя с гражданской категорией «босниец». Такая самоидентификация, как правило, встречалась лишь у космополитически ориентированных участников, зачастую свидетелей югославского проекта, для которых идея надэтнической общности по-прежнему сохраняет ценность. В иных случаях категория «босниец» трактовалась как региональная идентичность, связанная с территориальной принадлежностью, но не с политическим сообществом.

Проще говоря, я трактую термин «боснийский» как региональную принадлежность. (M28, серб)

Я — гражданин Республики, и на этом настаиваю, Республики Боснии и Герцеговины. Ведь именно как республика она возникла после распада Югославии. А Югославия была разрушена. Я бы, пожалуй, скорее назвал себя югославом. Но так как той страны больше нет, то, по сути, в глубине души я считаю все народы бывшей Югославии своими земляками, если можно так выразиться. Однако это, к сожалению, утрачено, исчезло в пространстве, потерялось во Вселенной. Поэтому я стараюсь оставаться в этом центральном положении — как босниец. (M74, босниец)

Этническое самоопределение респондентов

- Боснийцы и герцеговинцы
- Бошняки
- Черногорцы
- Другое
- Хорваты
- Югославы
- Сербы

Стоит отметить, что крайне интересную картину показали ответы на «технический» вопрос о национальной самоидентификации и в онлайн-опросе: 17% респондентов назвали себя «боснийцами» (Bosanci i Hercegovci). Однако подавляющее большинство этих людей проживает на территории ФБиГ (95%). Среди представителей «гражданской идентичности», находящихся в длительных отношениях/в браке, у 81% партнер — также представитель гражданской идентичности, у 11% — бошняк/бошнячка, у 5,5% — хорват/хорватка, и лишь у 2% — серб/сербка. Это достаточно наглядно показывает, что как таковая «гражданская идентичность» действительно укоренилась в части общества, однако, преимущественно, в мусульmano-хорватской. Отметим, что доля смешанных длительных отношений/браков среди респондентов составила 10%.

Ну, знаете, как вам сказать... Конечно, различия существуют, об этом мы уже говорили. Они связаны не только с вопросами идентичности, но и с травмами войны. Однако я всё же считаю, что люди способны сотрудничать. Это не совсем так, как порой показывают в СМИ. Люди вместе работают над какими-то задачами и, так сказать, не затрагивают политику. Если существует более высокая цель или если мы понимаем, что для нас в приоритете, то зачем вмешивать туда политику? Поэтому я думаю, что люди вполне могут сотрудничать. (M31, серб)

Но мы не можем быть уверены, что можем полностью доверять друг другу, потому что с обеих сторон есть экстремисты, которые считают, что должно быть больше войн, убийств и так далее. И это есть на всех трёх сторонах. Я не могу полностью доверять ни бошнякам, ни хорватам. Я также понимаю, что они не могут полностью доверять сербам, потому что я знаю, что здесь, на сербской стороне, наверняка есть люди, радикально настроенные люди. (M28, серб)

Например, я состою в культурно-просветительном обществе — сербском культурно-просветительном обществе, в просветительской деятельности... В Сараево я провожу концерты и веду некоторые программы, когда меня приглашают. Для их газеты я написал одну свою историю, так что я там очень активен. То есть я взаимодействую и с теми, и с другими. И для меня, в отличие от того, что тебе, возможно, важно для ответа, национальная принадлежность не является определяющей или решающей для дружбы. (M74, босниец)

Они близки мне лично, я считаю сербов близкими как в культурном плане, так и в плане идентичности. Есть также некоторые культурные сходства и различия, которые важны. Например, общая атмосфера в (Республике) Сербской гораздо более комфортная. Допустим, мы в Федерации и так находимся в ситуации, когда нам приходится бояться выразить свою идентичность, даже на вывесках... Более того, в Федерации присутствуют различные экстремистские группы, которые вы видите на улице. И это, конечно, неприятно. Так что с этой стороны Республика Сербская, безусловно, свободнее для хорватов, чем федерация. Так что, если уж на то пошло, то да, Республика Сербская гораздо ближе мне. (M42, хорват)

У меня никогда не было таких проблем: у меня есть друзья всех вероисповеданий и национальностей, и для меня это не представляет проблемы. Но я верю, что в некоторых местах, в некоторых городах такие проблемы всё же существуют. (Ж28, бошнячка)

Данные социологического опроса показывают, что этническая напряженность в обычных бытовых ситуациях находится на низком уровне. На вопрос «стали бы вы общаться в неформальной обстановке на корпоративе с членами другой этнической группы», 41% респондентов ответили, что вообще не обращали бы внимание на этническую принадлежность человека при выборе собеседника, а еще 16% отметили, что сами бы инициировали разговор с представителями другой этнической группы. 32% заявили, что были бы готовы общаться на нейтральную тему, и лишь 3% респондентов выразили свою незаинтересованность в такого рода коммуникации.

Насколько Вы готовы лично к неформальному общению с коллегами из другой этнической группы на корпоративном мероприятии?

Примечательно, что ответы на уровне этнических групп отличаются в пределах статистической погрешности. Однако совершенно другая картина представляется в случае рассмотрения по возрастным группам. Так, 30% респондентов в возрасте от 18 до 25 лет ответили, что сами бы инициировали разговор, в то время как лишь 11% респондентов в возрастной группе от 36 до 45 ответили аналогично.

Подобным же образом отвечали на вопрос о склонности доверять экспертизе из другой этнической группы, который выступает по общественно значимой тематике по телевизору или на YouTube. Почти 80% респондентов онлайн-

Представьте, что Вы смотрите передачу на телевидении или YouTube, где даёт комментарий эксперт по общественно значимому вопросу. Вы узнаете, что этот эксперт принадлежит к другой этнической группе (например, серб/хорват/бошняк). Насколько Вы склонны доверять информации и оценкам этого эксперта узнав о его этнической принадлежности?

опроса отметили, что этническая принадлежность выступающего для них не имеет значения.

Но, наряду с этим, вопрос доверия к оценкам эксперта не из собственной этнической группы более четко проявился на этапе анализа данных, полученных в рамках серии глубинных интервью. Большинство участников заявляли о доверии к эксперту, но при этом сразу делали оговорку: это доверие сохраняется лишь в случаях, когда речь не идёт о политике или об интерпретации событий 1992–1995 гг.

Мне все равно, если даются оценки неполитическим вопросам, иначе говоря, если тема не связана с военными событиями, а речь идет о какой-то узкоспециальной сфере. Конечно, тогда национальность не будет играть роли для меня. (М31, серб)

Если идет разговор, и какой-нибудь там политолог, условно говоря, рассматривает ситуацию на Ближнем Востоке или французский вопрос, то, наверное, его национальность неважна. А если речь уже о внутренних каких-то процессах, то, возможно, у какого-то процента возникнут вопросы и сомнения, но при этом я не думаю, что это прямо на 100% массовая история. (Ж24, бошнячка)

Даже если он говорит правду, у меня бы были какие-то сомнения. А у других ещё больше. (Ж22, хорватка)

Несколько иначе респонденты ответили на вопрос, как бы они отнеслись, если бы их сын/дочь женился/вышла замуж за представителя другой этнической группы. 32,5% восприняли бы это негативно, 21,3% — позитивно, еще 24,9% — нейтрально. 6% людей отметили, что их отношение зависело бы от национальности или вероисповедания партнера их сына/дочери. Стоит указать, что по возрастным категориям и этническим группам ответы практически не отличались, за исключением группы респондентов, отметивших свою «гражданскую» идентичность: в их случае только 15,5% негативно бы отнеслись к подобному браку, а 40% — позитивно.

Мои родители могут сотрудничать с представителями другой веры в деловом отношении. Все в порядке с общением в быту. Но, конечно, мой отец никогда бы не принял тот факт, что мой партнер может быть другой веры. Он бы просто это не переварил. (Ж28, сербка)

Мне без разницы, потому что в моей семье уже есть смешанные браки. Мне без разницы. Просто чтобы человек не был сильно религиозным, то есть религиозность, я думаю, большая проблема для людей, чем национальность. (Ж22, хорватка)

Ну, у меня были бы проблемы, если бы они вышли замуж за боснийских мусульман. (М42, хорват)

По крайней мере, мусульмане достаточно щепетильно к этому подходят, потому что многие уезжают на заработки даже в какие-то другие близлежащие страны типа Словении... И несмотря на то, что многие там планируют до конца жизни оставаться, они всё равно ищут себе для брака человека из своей страны и желательного из своей конфессии. (Ж24, бошнячка)

Единственное, против чего я бы возражал, — это если бы этот человек был радикалом. В том смысле, что от моего ребенка требовали сменить религию, что-то в этом роде. В таком случае я бы открыто не поддерживал. Именно это я и говорю: вера во Христа очень важна для меня. (М38, серб)

В целом данные социологического исследования наводят на два вывода относительно состояния межэтнических отношений. Во-первых, уровень межэтнической розни невысок. Она, безусловно, есть, в особенности в чувствительных вопросах, касающихся семьи и личной жизни, как видно в ответах на вопрос о браке, однако она однозначно не доминирует в обществе. Из трети респондентов, негативно ответивших на вопрос о браке, лишь 15% готовы активно ему препятствовать. Это очевидно не является показателем в целом нетолерантного общества. Во-вторых, результаты опроса показывают, что спустя три десятилетия после окончания войны большинство респондентов стремятся подчеркнуть отсутствие этнических предубеждений, что может указывать на эффект самоограничений и ориентацию на социально одобряемые ответы.

Историческая память и национальная символика

Весьма интересными представляются ответы на вопросы по исторической памяти. В частности, респондентам было предложено высказать свое мнение о допустимости наличия в общественном пространстве трех муралов: с Ратко Младичем, Слободаном Праляком и Мехмедом Алагичем. Показательно, что если ответы по Р. Младичу и С. Праляку в процентном отношении были практически идентичными, в случае М Алагича существенно большее количество людей выбрало вариант с «пассивным» осуждением. Это связано, по сути, с численным преобладанием бошняков среди респондентов опроса.

Представьте, что Вы едете по дороге БиГ и видите билборд. На нём изображены символы (флаги, эмблемы, лозунги, изображения), которые прямо или косвенно отсылают к военизированным формированиям другой этнической группы. Как бы Вы оценили наличие такого билборда в публичном пространстве?

При этом, в то время как 30% сербов и 33% хорватов выбрали позитивные варианты ответов в отношении «своих генералов», всего 21% бошняков и 10% боснийцев отметили, что мурал с М. Алагичем представляет собой положительный элемент общественной среды. Обобщая, можно говорить об однозначно негативном отношении к муралам, прославляющим генералов гражданской войны, выраженное респондентами.

Именно, я осуждаю, я считаю, что это цирк, мы в XXI веке. Но большинство общества, я бы сказала, не реагирует никак. Я реагирую отрицательно, для меня это фу, отвратительно, потому что миллион человек после войны уехали, сотни тысяч умерли. Зачем нам это? Общество как общество не реагирует больше. У них больше реакции нет. Просто смотришь — ничего. Проехал на машине, ничего. (Ж22, хорватка)

Я не хочу это видеть ни со стороны моей национальной группы, ни со своей стороны, ни со стороны других. (Ж27, сербка)

Безусловно, это негативное явление, но именно оно и формирует политическую жизнь Боснии и Герцеговины. Подогревание национальной напряженности выгодно определённым политическим элитам. Конечно, это плохо. Возможно, всё это даже несколько мистифицируется. Не чрезмерно, но всё же в определённой мере. Это проявляется и через память, через политику памяти, через отмечание некоторых важных дат. Но, как я уже сказал, в этом году исполняется 30 лет со дня окончания войны, и с тех пор прошло действительно очень много времени. Поэтому, в любом случае, воспоминания постепенно блекнут. Однако нельзя сказать, что война полностью исчезла из жизни и больше никак не влияет на повседневность людей. (М31, серб)

Это совершенно не нужно. Это никому не нужно. (Ж28, бошнячка)

Конечно, я отношусь к этому негативно и считаю это провокационным и ненужным, именно потому, что эти конфликты, агрессия и... различные грандиозные национальные амбиции уже привели к огромным последствиям для всех трёх народов. Когда я говорю это, я имею в виду все три народа, которые сейчас доминируют в БиГ. (М74, босниец)

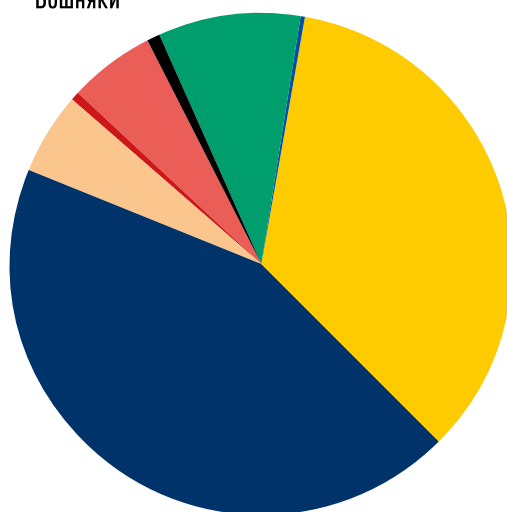

Показательными стали ответы на вопрос «С каким флагом Вы наиболее себя ассоциируете?» На выбор было предложено восемь флагов — флаг с зеленым полем и полумесяцем/звездами (использовался бошняцкими вооруженными формированиями), флаг с красно-сине-белыми полосами и сербским крестом (использовался сербскими вооруженными формированиями), флаг с золотыми лилиями на синем щите с белой полосой, современный флаг Боснии и Герцеговины, флаг Республики Сербской, флаг Федерации Боснии и Герцеговины, флаг Хорватского вече Герцег-Босны и флаг Социалистической республики БиГ.

По 4 основным идентичностным группам ответы распределились следующим образом:

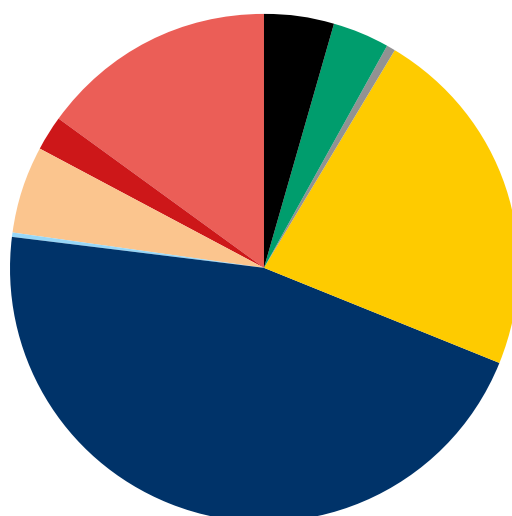
С государственным символом наиболее идентифицируют себя представители гражданской идентичности, затем — бошняки, хорваты и, в последнюю очередь, сербы.

Бошняки

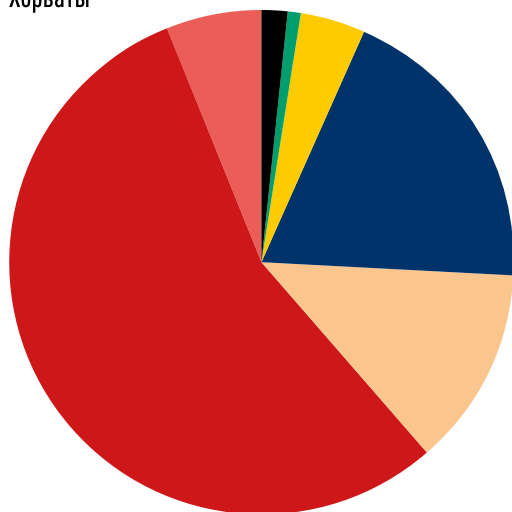
- Ни с одним из предложенных
- Флаг с зеленым полумесяцем
- Сербский флаг с крестом
- Флаг с лилиями на синем щите
- Флаг БиГ
- Флаг РС
- Флаг ФБиГ
- Флаг Хорватского вече ХБ
- Флаг СоцБиГ

Боснийцы и герцеговинцы

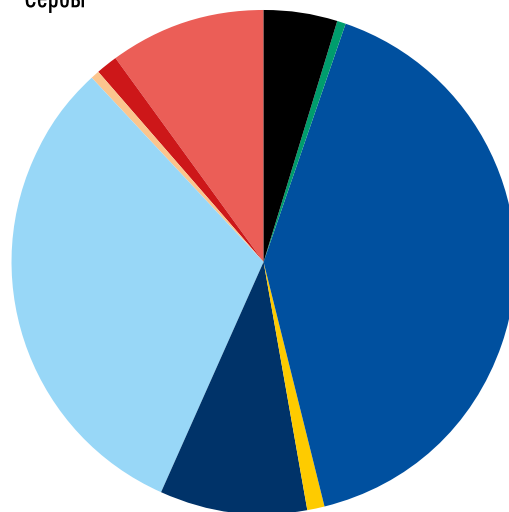

Каждая из титульных групп ассоциирует себя с флагами своих вооруженных формирований времен войны, однако это наиболее выражено на примере хорватов (55%) против 44% у бошняков и 41% у сербов. Наиболее сильная связь с флагом энтитета предсказуемо у сербов — 32%.

Хорваты

Сербы

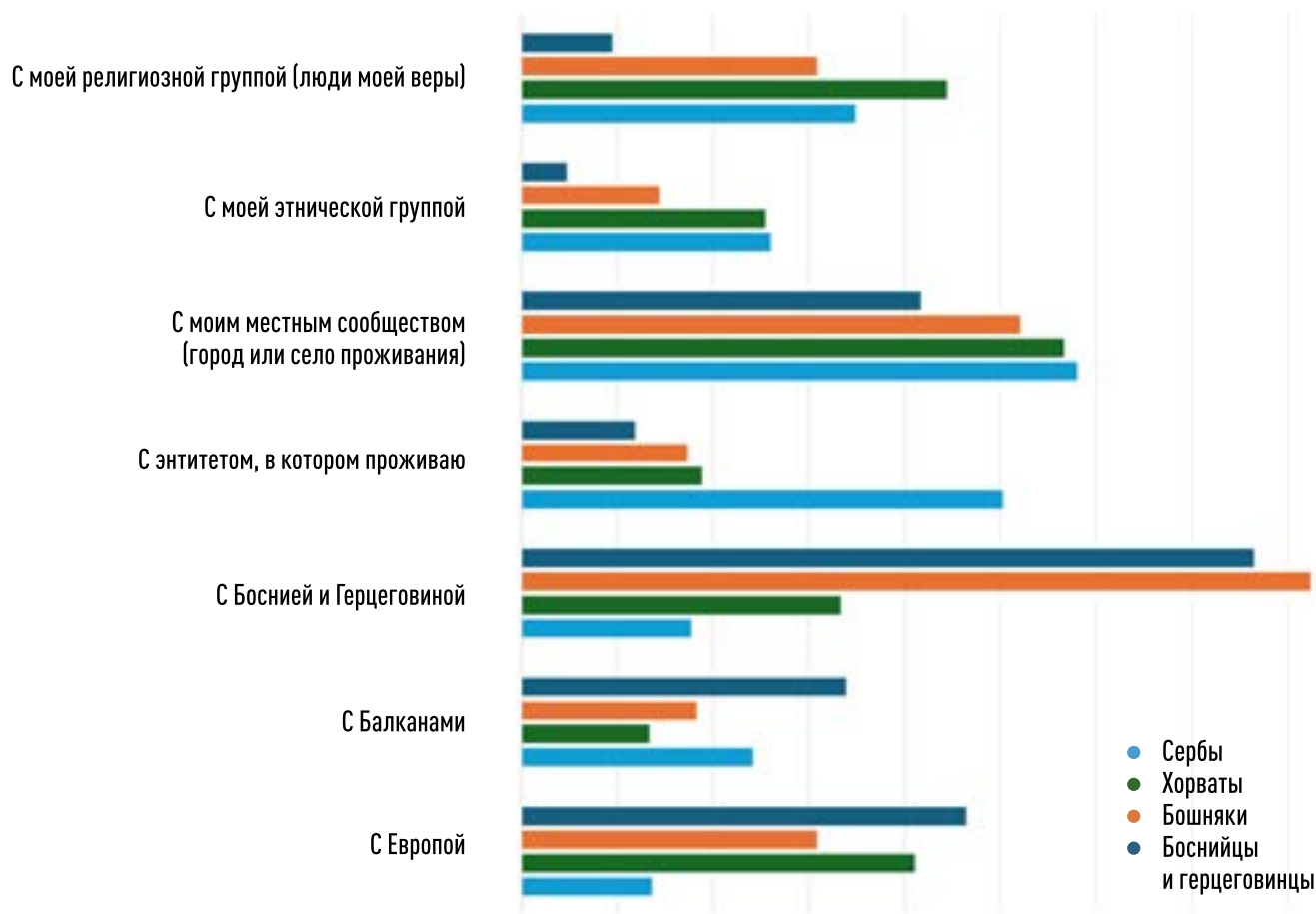

В большей степени с флагом ФБиГ соотносят себя хорваты (13%); в целом можно констатировать, что конкретно этот символ не прижился. 15% представителей гражданской идентичности чувствуют ассоциацию с флагом социалистической Боснии. **Ответы на данный вопрос показывают, что флаг БиГ воспринимается как «свой» исключительно бошняками и представителями «гражданской Боснии», которые в массе своей являются этническими бошняками.**

На вопрос «С чем Вы себя наиболее ассоциируете?» с возможностью множественного выбора ответа респонденты ответили следующим образом:

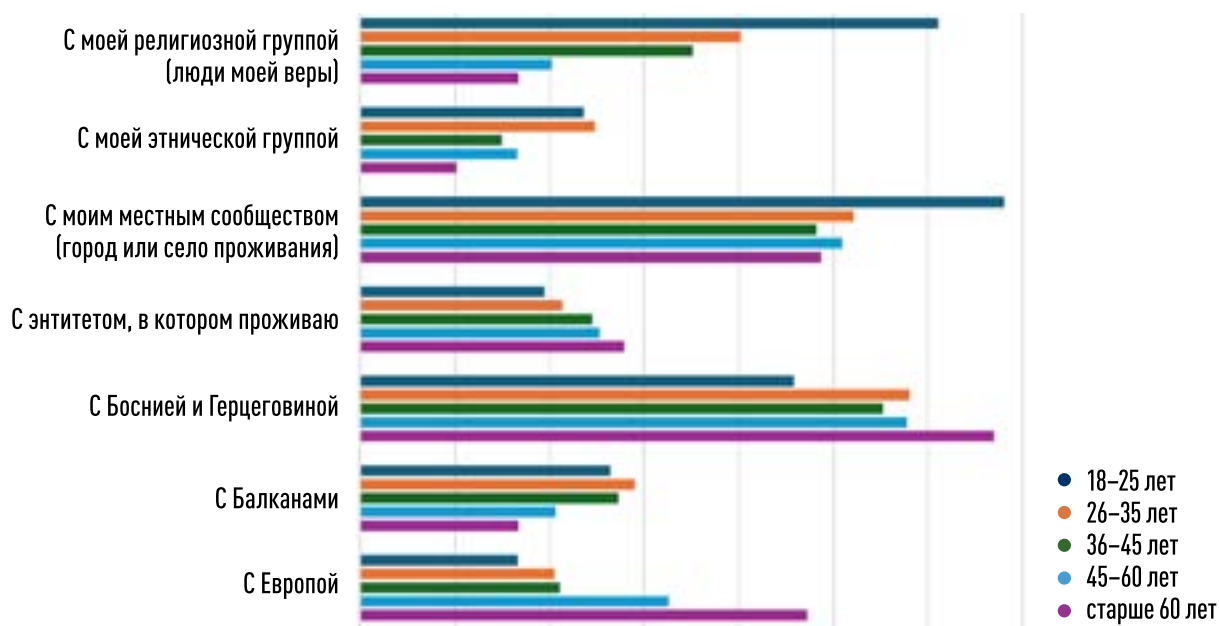
По данным видно, что лояльность респондентов достаточно фрагментирована. Около 59% ассоциируют себя, собственно, со страной. Около 52% наиболее сильно ощущают собственную локальную идентичность. Примерно равное количество людей чувствуют принадлежность или к Европе, или к своей вере. В этно-идентичностном разрезе ответы на этот вопрос выглядят следующим образом: Наглядно видно, что стабильно «сильной» идентичностью

является локальная. С боснийским государством ассоциируют себя боснийцы и бошняки; с собственным энтитетом — сербы. Наиболее однозначно идентифицируют себя с конфессией хорваты; с Европой — боснийцы и хорваты.

Даже те хорваты, которые не ходят в церковь и не являются католиками, а такие есть, тоже действуют через церковь. Так что между Католической церковью и хорватским населением существует неразрывная, неразрывная связь. Таким образом, хорваты совершенно, практически бессильны предпринимать что-либо политически, пока не получат хотя бы молчаливого согласия Католической церкви. В то же время Католическая церковь сама по себе является институтом, а не политической силой. (М42, хорват)

В то же время в возрастном разрезе ситуация предстает еще интереснее:

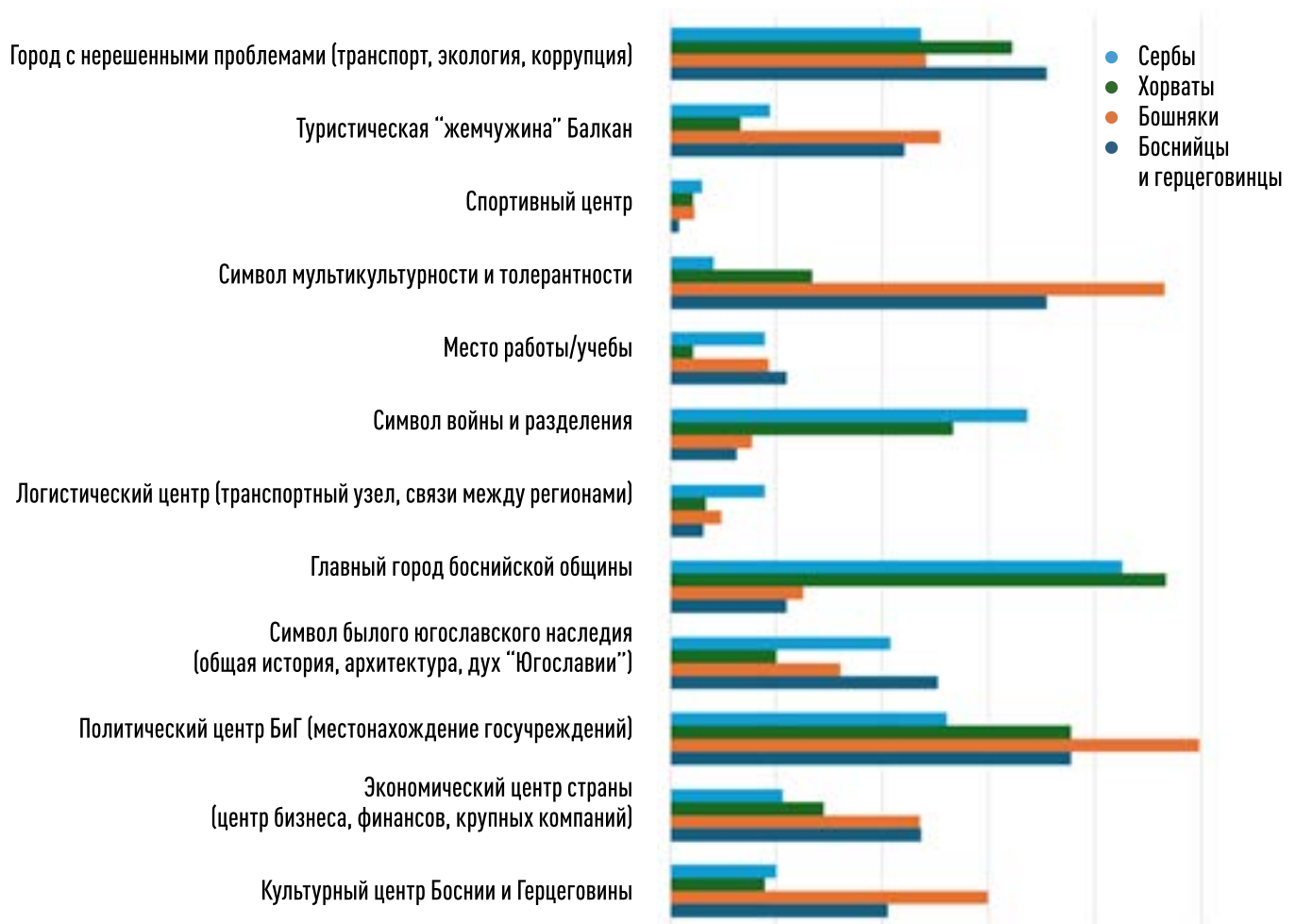
Молодежь (18–25) наиболее ассоциирует себя с вероисповеданием и локальным сообществом, в то время как остальные поколения ассоциируют себя, прежде всего, с БиГ и локальным сообществом. Чаще всего связывает себя как с Европой, так и с энтитетом старшее поколение.

Наконец, в этом блоке респондентам был задан вопрос «Чем для вас является Сараево»? Ответы на него распределились следующим образом:

Маленький городок, достаточно колоритный, но при этом достаточно бедный. Зимой здания до сих пор отапливаются по-чёрному, то есть углём. В городе стоит смог, дым. Летом там обычно чуть-чуть прохладнее, чем в других регионах из-за географического положения в междугорье. С точки зрения логистики, классно оттуда, допустим, путешествовать в другие европейские города, страны. С точки зрения города и его инфраструктуры там для досуга, молодежи достаточно...грустно, я бы сказала, потому что, особенно, когда мы сравниваем с Москвой, конечно, там очень ограничены варианты проведения досуга, но при этом очень такой компактный, с определенным колоритом городок. (Ж24, бошнячка)

Интересно, что ни один из ответов не набрал абсолютного большинства. Наиболее популярными вариантами стали «политический центр БиГ», «символ мультикультурализма и толерантности» и «город с нерешенными проблемами». Серьезная разница видна при рассмотрении ответов в этническом разрезе:

Для бошняков Сараево — центр БиГ и символ толерантности. Для представителей гражданской идентичности — аналогично, но также и город с нерешенными проблемами.

Мне кажется, тут даже не стоит что-то выделять конкретное, как и любая столица для любой страны мира, какую роль играет столица? — Это главный основной финансовый центр, принимающий и раздающий решения, в котором сидит власть. (Ж24, бошнячка)

Сараево — это, я бы сказал, мегаполис, оазис полиэтнических общностей, которые уважают друг друга. Политики, политики и те, кто говорит о политическом Сараево и так далее, — это чушь, это выдумка. Лучшее подтверждение того, о чём я говорю сейчас, — это постоянный рост числа туристов из года в год, несмотря на отсутствие какой-либо системной политики в этой сфере. Так, несколько раз Сараево признавался одним из привлекательных направлений в мире. Несколько раз. Сейчас, в данный момент, оно не на первом месте, но город полон туристов. (М74, босниец)

Для сербов — главный город бошняков и, чаще всего, символ войны и разделения.

Если в Сараево остался кто-то из сербов, то у него больше общих традиций и общих тем с мусульманином из Сараево, чем у серба из Сараево и серба из Вранья. Но это больше относится к прошлому, сейчас есть только какие-то следы... Я там не был, но это точно большой город, город с богатой историей, хозяин Олимпийских игр — вот, что мы в какие-то моменты можем сказать о Сараево. А сегодня это город, очень исламизированный город, который очищен от сербов, поэтому не могу сказать, что сейчас во мне он вызывает какие-то позитивные эмоции. Какие-то исторические — безусловно, но сегодня нет, ничего позитивного. (М31, серб)

Ну, что касается самого города, то я лично люблю эту восточную культуру. Сараево ещё называют маленьким Стамбулом, и у меня была возможность побывать в Стамбуле, и этот город мне очень нравится. И Сараево тоже очень нравится мне как город, и я всегда люблю ездить в Сараево. Но в каком-то смысле я не воспринимаю его как свой город, скорее, я так думаю, и это уже подсознательно, как бы это ни было, может быть, необъективно, но я просто чувствую себя дома в Белграде или Нови-Саде, но не в Сараево. То есть, я не думаю, что, не знаю, кто-то убьёт меня в Сараево. <...> Но сейчас я не думаю, что в Сараево чувствую себя в безопасности, наверное. (М28, серб)

Для хорватов — и политический центр БиГ, и главный город бошняков, и город с нерешенными проблемами.

Столица, гордость, город красивый, но слишком стал «фейк-исламизированный», десять лет назад так не было. Город красивый, богатый, развивается, но слишком мало балканского, славянского... Сараево — столица всех нас, но нас больше нет там. Там надписи на арабском встречаются. Это какой-то диссонанс, резонанс общественный, который есть не только у хорватов и сербов, но и у боснийских мусульман тоже. Им не нравится это.

(Ж22, хорватка)

Атмосфера в Сараево ощутимо негативна в отношении всех видов отличия. То есть, какое-либо отличие от доминирующего там нарратива ставит вас в очень неудобное положение. Существует пропаганда, машинерия, которая продвигает прямо противоположный образ о Сараево как открытом, мультиэтническом, культурном городе. Это может быть так, но только для туристов, приезжающих на один-два дня. Тот, кто задержится в Сараево на больше, чем два-три дня, непременно ощутит эту негативную энергию, особенно те, кто там живут. И это не только не-бошняки, но и сами бошняки! То есть Сараево стал производителем негативной энергии, которую ощущают все, думаю, что почти без исключений, и это переносится и на личные позиции людей в социальных сетях, а иногда и просто на улицы. Вся общественная жизнь сведена к военной символике, воспоминаниям о войне, ассоциациям с войной, это тренд. Нет культурных событий, вообще позитивных событий, если вы уступили место негативным. (М42, хорват)

Таким образом, Сараево стал настоящим препятствием для развития Боснии и Герцеговины и нормальной жизни. Могу сказать как хорват: нигде мне не было неудобно заявлять о своей хорватской идентичности, кроме как в Сараево. Везде, куда бы ни пришёл, проблем с проявлением своей идентичности нет или они минимальны, а только в Сараево возникают настоящие трудности. Так что сейчас Сараево фактически стал отдельным «субъектом», само по себе. (М42, хорват)

Можно резюмировать, что Сараево в общественном сознании — это символическая столица. Практическое значение и роль города как центра играют второстепенную роль, уступая место идентичностному измерению. Это позволяет рассматривать Сараево как культурный артефакт, арену соперничества различных символических практик в процессе интерпретации коллективной памяти.

Сараево. Старый город.

В целом блок вопросов о символике и идентичности достаточно убедительно показывает, что единых символов в современной БиГ не существует. И ее флаг, и ее столица признаются таковыми в большей степени носителями «гражданской» идентичности, считающими себя боснийцами. Для других титульных народов страны в приоритете остаются локальное сообщество, этни-тет, вера, символика военных лет.

Отношение к политической системе и восприятие будущего страны

Я бы хотела, чтобы Босния и Герцеговина выжила, но выживет ли она через 15–20 лет, понятия не имею. Но у нас всегда есть кто-то, с кем можно выпить кофе.

(Ж27, сербка)

Респонденты крайне негативно относятся к сложившейся в БиГ политической системе. 80% ответивших считают что система нестабильна, 84% — что она неэффективна. Эти чувства разделяются всеми этническими и возрастными группами. Наиболее скептически настроены представители гражданской идентичности, затем — сербы, бошняки и хорваты, однако разница между ними находится в пределах статистической погрешности.

Держава, которая не состоялась. Которая имела потенциал, хоть какой-то шанс на успех, ничего из этого потенциала не использовала, и сейчас это провалившаяся страна, чье существование зависит от международной воли и репрессивных органов, которыми международное сообщество располагает. Пока есть армия, которая обеспечивает существование Боснии и Герцеговины, страна существует, но у нее нет внутренней легитимности среди собственных граждан, и это ощущается по всем фронтам. (М42, хорват)

Для нас самая большая проблема — огромная коррупция в государственном секторе. Не только при трудоустройстве, что косвенно ударяет по всей системе. Еще одно измерение — коррупция при тендерных закупках. Это серьезно парализует работу. (М38, серб)

Смогут ли они когда-то на 100% прийти к одному какому-то умозаключению, мнению? Как показывает практика, не то, чтобы на 100% у них что-то между собой клеится. Кого, если ставить во главе какого-то единого главу, кто должен им быть, у меня ответа нет. Но на сегодняшний день, безусловно, есть проблемы самого базового уровня по типу очень высокого уровня коррупции до действительно того, что не получается урегулировать вещи, которые должны быть урегулированы, просто потому что нет того человека, грубо говоря, который бы принимал решения. (Ж24, бошнячка)

Перспективу выхода РС респонденты оценивают как низкую. С утверждением «вероятность выхода РС из состава БиГ весьма высока» согласилось лишь 15% ответивших: 22% сербов, 7% бошняков, 10% боснийцев и 10% хорватов. Больше согласных было с утверждением «вероятность развала БиГ как государства весьма высока»: с этим скорее согласились или полностью согласились 14% боснийцев, 10% бошняков, 19% хорватов и 28% сербов. Интересно, что наибольшими оптимистами выступают именно бошняки, в то время как представители гражданской идентичности настроены чуть более алармистски, что говорит о разных видениях того, какой должна быть Босния и Герцеговина.

Если говорить об этом, думаю, что нереально ожидать выход Республики Сербской, хоть, может, это именно то, чего бы хотел сербский народ. Это что-то, что невозможно в контексте сегодняшней Боснии и Герцеговины. Поэтому создание какого-то третьего энтитета для хорватского народа бы было опцией, где бы мы получили три четких энтитета с четкими полномочиями. Чтобы Босния и Герцеговина была неким видом конфедерации, где у энтитетов были бы четкие полномочия, понимание, что есть права и ответственность. В таком виде я думаю, что Босния и Герцеговина могла бы как-то функционировать. (М31, серб)

Не то, чтобы война будет, я не думаю, что кто-то её допустит из-за того, что происходит на Украине. Это было бы просто разрушительно для Европы. Что ж, я всё ещё надеюсь, что это хорошо, потому что всё лучше войны. Но сейчас ситуация хуже некуда. Я думаю, что доверия на международном уровне вообще не существует. Речь не о дружбе, бизнесе, а обо всем. И на коллективном уровне я не доверяю ни своим, ни кому-либо ещё. Никому в БиГ. (М28, серб)

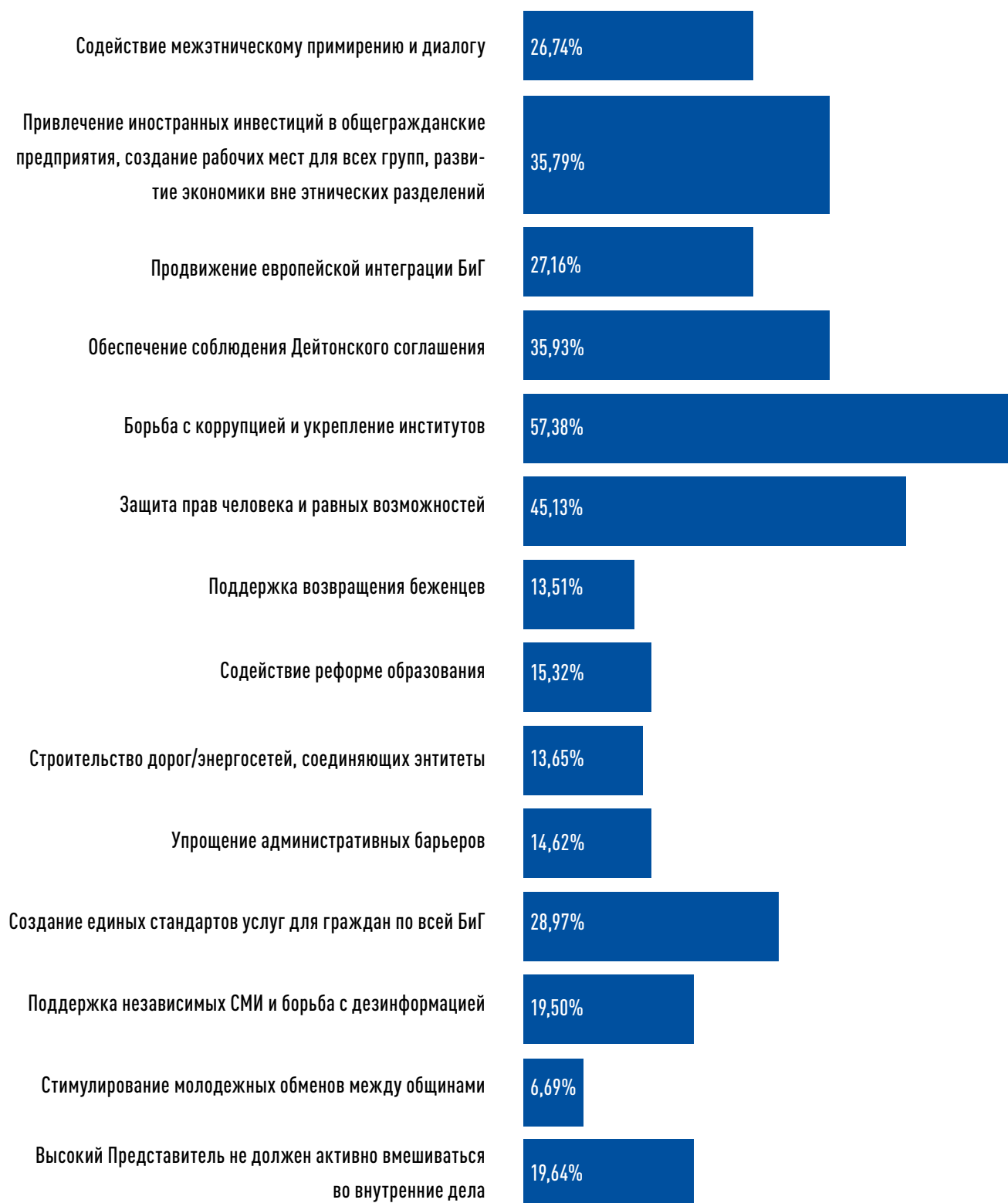
Видите ли, границы на Балканах всегда менялись в результате глобальных изменений в архитектуре безопасности. Поэтому границы здесь никогда не менялись просто так. Это всегда означало какую-то реакцию, всегда было реакцией на какие-то другие серьезные изменения в мире. (М42, хорват)

Курс на евроинтеграцию БиГ поддерживают 55% опрошенных, из них 65% боснийцев, 68% бошняков, 48% хорватов и 29% сербов. 49% сербов и 28% хорватов выступают против евроинтеграции БиГ. В случае сербов это маркер сопротивления «диктату» ЕС в БиГ, в первую очередь, в отношении статуса РС; в случае хорватов высокая доля респондентов, нежелающих видеть БиГ в ЕС, объясняется более «приземленно»: боязнью повышения цен на товары и услуги, нежеланием видеть «соотечественников» гражданами ЕС, в то время как у большинства боснийских хорватов есть хорватские паспорта.

Наиболее поляризующим стал вопрос о необходимости существования должности Высокого представителя. С утверждением «Считаю, что Высокий представитель необходим БиГ и по сей день» согласились 47%, не согласились — 34%. С этим тезисом согласны 61% «боснийцев» и 62% бошняков, 41% хорватов и 12% сербов. Не согласны — 75% сербов, 39% хорватов, 19% бошняков и 15% боснийцев. Занимательно, что общественное мнение боснийских хорватов по этому вопросу, фактически, поляризовано. Рассматривая ответы на этот вопрос в возрастном разрезе, стоит отметить, что **молодое поколение (18-25) наименее склонно поддерживать ВП (31%)**, в то время как старшие поколения, наоборот, ратуют за поддержание статус-кво: 51% людей в возрасте от 45 до 60 и 58% в возрасте старше 60.

Честно, я их всех ненавижу, этого Высокого представителя, всех. У меня он какое-то жуткое раздражение вызывает: какой-то тип, который не знает мой язык, мою культуру, мою историю, говорит мне, что мне делать. Он говорит какому-то... Даже если я не люблю политика... я не люблю Додика. Но если какой-то тип, иностранец, говорит ему, что делать, это вызывает жуткое раздражение. Даже если ты не любишь этого политика, просто вызывает что-то: типа, приятель, ты меня не знаешь! Ты не знаешь даже мой язык, мою культурную особенность! Кто ты?! Жуткое раздражение вызывает это международное сообщество. "Вот, мы рекомендуем, чтобы так..." — кто ты, чтобы ты нам рекомендовал? (смеется) Да. Я думаю, это бесит. Бесит большинство людей. (Ж22, хорватка)

Чем должен приоритетно заниматься Высокий представитель международного сообщества в Боснии и Герцеговине?

Не знаю, он как колониальный правитель, не знаю, что вам сказать. Не вижу его позитивной роли в уменьшении противоречий или улучшении жизни граждан, так что да, абсолютно убежден, что его должность надо упразднить. Его роль негативна, в том смысле, что происходит майоризация, когда бошняцкий народ начинает чрезмерно доминировать, становится доминирующим политическим фактором. В этом смысле и сербы, и хорваты оказываются отодвинутыми на второй план, поэтому в этом смысле его роль абсолютно пробошняцкая. (M31, серб)

Как институт, исключительно негативно. Сам факт его существования негативен. А потом, то, что они делают, тоже так же отрицательно. <...> Влияние исключительно негативно, в первую очередь потому, что он нарушает природный ход политической жизни. <...> Да, я думаю, что его следует упразднить сегодня же — физически, конституционно, юридически и всеми остальными способами. (M42, хорват)

Нет. Думаю, что может... несколько лет после войны должно было существовать что-то, что сохраняло мир, поскольку положение все еще было очень нестабильно <...> Так что кто-то должен был... как-то потушить этот пожар, образно говоря, но я думаю, что спустя 30 лет этого совершенно не должно было быть. Если за 30 лет мы не научились жить самостоятельно в мире, то я не понимаю, в чём смысл таких государств. Поэтому я думаю, что это, по сути, просто предлог для какого-то иностранного влияния здесь. (M28, серб)

На мой взгляд, однозначно нет, от него давно следовало отказаться, в принципе. Он тормозит достижение компромиссов на международном уровне. И если бы мы хотя бы раз определились, если бы немного успокоились, если бы мы научились немного договариваться, всё стало бы лучше. Однако есть сторона, которая всегда знает, что если мы не достигнем соглашения, он отреагирует. И это немедленно разрушает компромиссы. И я особенно помню, что всё всегда просто. Это никогда не китаец, никогда, я не знаю, не русский и даже не араб из Объединённых Арабских Эмиратов, но всегда немец, британец или американец. То есть, это нехорошо. Поэтому сейчас я думаю, что лучше бы это был американец, чем немец или француз. То есть, эти двое были абсолютно разрушительны. Единственным не-западным человеком в буквальном смысле был словак. И он единственный, кто, на мой взгляд, был действительно объективен. (M31, серб)

Международное сообщество — это большое заблуждение, и это не сообщество, потому что они невнятные, нерешительные, недостаточно решительные и лицемерные, действуют лишь в своих отдалённых интересах, которые не отвечают интересам или выгоде граждан Боснии и Герцеговины. Я имею в виду всех граждан и оба образования. Нет. Они очень ненадёжны, и их влияние... ну, оно неравномерно, оно неэффективно. Они влияют через этого так называемого... Высокого представителя, Верховного комиссара по правам человека, то есть через этого Шмидта, которого сербы отрицают, потому что они ему мешают... Что ж, этот конкретный Шмидт, как я бы сказал, очень непредсказуем и принимает очень непредсказуемые и нелогичные решения. Он будет думать о своих правах там, где, по его мнению, они ему нужны, и я думаю, что Высокий представитель вообще не представляет собой защиту Дейтонского мирного соглашения. (М74, босниец)

В любом случае, в идеальном мире, если мы сейчас будем какую-то утопию разводить, то все важны, все нужны. Поэтому по принципу того, что в любом случае, если у нас есть государство суверенное, его (Боснию) тоже нужно иметь в виду, это однозначно. Но при этом влияет ли на что-то оно (государство), то есть оказывает ли оно давление на какие-то там другие государства, ну, конечно же, нет, просто потому что нету мощностей, потому что мы все знаем, какие у нас сейчас ведущие державы в мире на мировой арене, и как бы о чем речь. (Ж24, бошнячка)

В целом же с ключевым тезисом «Я вижу будущее своих детей в Боснии и Герцеговине» согласилось 40% опрошенных, не согласилось — 32%, затруднились с ответом — 28%. Наиболее оптимистично настроенными вновь оказались бошняки — 50% из них видят будущее своего потомства в стране. Того же мнения придерживаются 40% боснийцев, 31% хорватов и 27% сербов. 41% сербов, 34% хорватов, 32% боснийцев и 28% бошняков считают иначе. В возрастном разрезе наиболее оптимистично настроены старшие поколения, 45–60 лет и старше. Наименее оптимистично — поколение 36–45 лет. При этом 36% молодежи (18–25 лет) ответили на этот вопрос отрицательно. В остальных возрастных группах такого же мнения придерживаются около трети опрошенных.

Единственное, что можно сказать наверняка, — это то, что люди будут покидать Боснию и Герцеговину, и через 10–15 лет население страны наверняка уменьшится по сравнению с сегодняшним днем. (М28, серб)

Босния, которая просто на Балканах сама по себе... Никто не знает вообще, что это за страна. Будет ли она в какой-то внешней интеграции набирать обороты? — Честно, не думаю. Если говорить о процессах внутри, если начнутся какие-то, возможно... перемены на каком-то там фундаментальном уровне, я не знаю, или какая-нибудь там, не дай Бог, революция огромная или еще что-то. Возможно, конечно, что-то изменится, но честно, вот в такой достаточно короткой перспективе мне кажется, что все плюс-минус останется так же. Ну, я не знаю, ВВП поднимется. Ну, я не знаю, может, внутри страны смогут больше чего-то производить, потому что сейчас все очень зависит от импорта. (Ж24, бошнячка)

Я не вижу другого сценария для БиГ, кроме как её распад или существование в состоянии зомби ещё 50 лет. (М42, хорват)

Приведённые цифры говорят о многом — как минимум, что более половины граждан Боснии и Герцеговины не могут утвердительно ответить на вопрос, есть ли у их детей будущее в стране. Около трети граждан верят и склонны верить, что такого будущего нет. С учетом падающей рождаемости и продолжающегося оттока населения за рубеж долгосрочным наследием Дейтонских соглашений становится депопуляция, обезлюживание Боснии и Герцеговины.

По данным Статистического агентства БиГ за период 2013–2023 гг. население страны сократилось на 3%. Число смертей превысило число рождений в 2024 г. на 11 тысяч.

Данные социологического опроса показывают, что современная БиГ — крайне фрагментированная, разобщенная страна, без единой символики, идентичности и видения будущего. Тем не менее, линии разлома проходят не только по этно-конфессиональным границам. На основе собранного массива данных мы можем выделить, используя метод кластерного анализа, четыре основных социальных группа-кластера боснийского общества:

Кластер 0: Прагматичные конформисты (21% от выборки). Этот кластер объединяет все этнические группы БиГ: в его состав входят сербы (38.7%), хорваты (23.2%) и бошняки (20.0%), а также значительная доля (15.5%) носителей гражданской идентичности («босниец и герцеговинец»). В нем преобладают респонденты среднего и старшего возраста (более 72% старше 36 лет), подавляющее большинство которых (68.4%) заняты в частном секторе. Эти люди толерантны и открыты в своих взглядах. Их ключевая

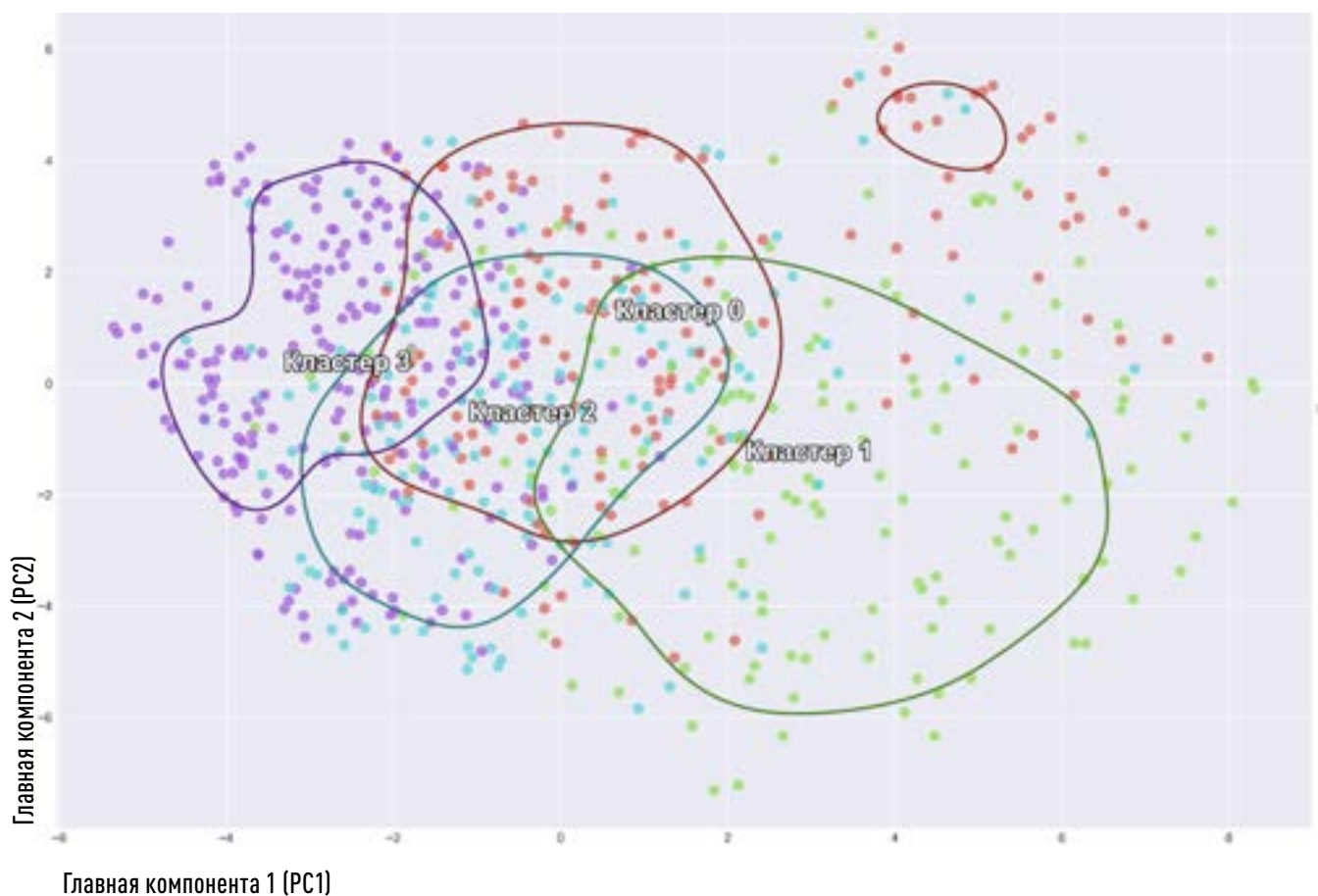
черта — самоидентификация с локальным сообществом и глубокое разочарование в политике.

Кластер 1: Сербские и хорватские националисты (21% от выборки). Данный кластер состоит из сербов (65%) и хорватов (22,5%). Это люди, которые чувствуют наибольшую связь со своей верой, энтитетом (в случае сербов), символикой военных лет. Они, скорее, негативно относятся к смешанным бракам. Фактически, этот кластер представляет собой более этно-ориентированную часть сербов и хорватов: они не поддерживают евроинтеграцию, не считают нужным Высокого представителя и видят реалистичной вероятность распада БиГ.

Кластер 2: Бошняцкие националисты (23%). Это моноэтнический кластер: 86% его составляют бошняки. Аналогично предыдущему кластеру, это достаточно нетолерантные люди. Однако, в отличие от сербов и хорватов, они поддерживают евроинтеграцию и Высокого представителя. Это кластер с наиболее сильной лояльностью к символике современной Боснии и Герцеговины. При этом респонденты в этом кластере наиболее оптимистично настроены относительно будущего БиГ и не верят в угрозу ее развала.

Кластер 3: Боснийские еврооптимисты (35%). Кластер имеет смешанный этнический состав с доминированием бошняков (53,7%). Однако в нем присутствует высокая доля (32,4%) тех, кто идентифицирует себя как «босниец и герцеговинец». Это самый возрастной кластер, почти 78% его представителей старше 46 лет. Он характеризуется самой высокой долей занятых в государственном секторе (46,7%). Это наиболее антинационалистический и проевропейский кластер, поддерживающий существование Аппарата Высокого представителя.

В современном обществе Боснии и Герцеговины можно выделить две основные категории идентичностей. Первая — сильная национальная идентичность, к которой относятся представители кластеров **«Сербские и хорватские националисты»** и **«Бошняцкие националисты»**. Для представителей этих групп важно подчеркнуть свою эксклюзивность и принадлежность к конкретной нации. Вторая категория — наднациональная идентичность, представленная прежде всего **«Боснийскими еврооптимистами»**, для которых важнее ощущение принадлежности к общей стране. Наряду с этим значительную роль в социальном ландшафте играют те, для кого локальная идентичность — город, село или община — является доминирующей (эти респонденты объединены в кластере **«Прагматичные конформисты»**). Для таких людей будущие перспективы страны не кажутся определяющими: они, как правило, настроены прагматично и сконцентрированы на местном уровне. Такая фрагментация отражает глубокие струк-

Визуализация кластеров (PCA) с обводкой ядер

турные и политические сложности, в которых сегодня находится Босния и Герцеговина.

30 лет спустя после заключения Дейтонских соглашений нельзя говорить о том, что народы Боснии и Герцеговины готовы вновь взяться за оружие. Результаты опроса показывают, что это далеко не так: большинство людей хотят жить мирно. Но при этом опрос демонстрирует полное отсутствие общественного консенсуса по ключевым, общегосударственным вопросам — символам и идентичности, политическому будущему страны. Это — прямое следствие тех решений в области политики, в т.ч. политики памяти и культурной политики, принятых за последние 30 лет.

Босния — это не мусульманская страна, это не православная, это не какая-то страна. <...> Это страна всех нас. Это страна в сердце Европы, европейская страна, со своими отличиями, со своей уникальностью. <...> Босния — это страна нас всех <...> Извини, но я думаю, мало людей думает, что Босния — это наша родина <...> Это будет очень редкий случай, когда кто-то говорил бы про Боснию как свою родину <...> И это больно. (Ж22, хорватка)

Знаем историю БиГ, все что в ней было: австро-венгерская оккупация, перед ней — османская, а Гаврило Принцип! Действительно страна богатой истории, возможно, в ловушке истории, но мы там, где мы есть. То есть мы должны жить вместе, даже если это подчас тяжело, но стараясь понять друг друга — это единственный способ сохраниться вообще. БиГ потеряла огромную часть населения. После войны уезжали люди, недовольные жизнью. Поэтому пусть политические элиты попробуют что-то сделать, повысят жизненный стандарт, что-то создадут в этой стране. И это единственный путь сохранения страны. В конце концов мы получим Боснию, в которой нет никакого народа. Если продолжим, как сейчас. Или к нам приедут какие-нибудь мигранты, и когда они станут большинством, тогда будет неважно кто ты — серб, бошняк или хорват. Тогда все объединятся в борьбе. (М31, серб)

Нет никаких ценностей, которые бы продвигались, или, скорее, есть определённые ценности, которые каждое сообщество продвигает, но у молодёжи в целом нет развитого, единого взгляда на государство, и, конечно же, молодые люди становятся конфликтующими сторонами, потому что их воспитывают по-разному. (М42, хорват)

Босния и Герцеговина целостна, многоконфессиональна, многоэтнична, но боснийскость должна быть доминирующей, потому что эта боснийскость в равной степени включает в себя и народы. (М74, босниец)

Иногда я об этом думаю, но точно не знаю, я не уверена. Думаю, что вряд ли что-то сильно изменится в плане уровня жизни. В какой-то мере я потеряла надежду, но, возможно, станет чуть более, как бы это сказать, стабильно. Думаю, это единственное, что могло бы измениться, а что касается уровня жизни, как я уже говорила, очень сложно сильно улучшить его и достичь какого-то «вау» уровня. (Ж28, бошнячка)

КИНЕМАТОГРАФ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ: МЕЖДУ «ВЫНУЖДЕННЫМ ПРИМИРЕНИЕМ» И «ИГРОЙ В ЖЕРТВУ»

Два энтитета, один кинематограф

Кинематограф Боснии и Герцеговины может рассказать о ментальности ее жителей, об их зачастую скрываемых страхах и устремлениях возможно больше, чем сами боснийцы хотели бы. Для начала необходимо констатировать, что, говоря о кинематографе Боснии и Герцеговины, мы имеем в виду лишь один из ее энтитетов, Мусульмано-хорватскую федерацию, где уже к началу 2000-х гг. функционировала полноценная киноиндустрия. Примером тому стал фильм бошняцкого (мусульманского) режиссера Даниса Тановича «Ничья земля», получивший в 2002 г. награду американской киноакадемии — это единственный «Оскар», присужденный режиссеру с пространства бывшей Югославии за всё время существования премии, считая и социалистический период.

С другой стороны, во втором энтитете, Республике Сербской, масштабная собственная киноиндустрия так и не сложилась. Местные киностудии и государственные структуры, связанные с кино, занимались в основном предоставлением услуг съемочным группам из Сербии, работающим в Боснии («Красивые деревни красиво горят» (1996); «Неприятель» (2011) и др.). Кинематографу Республики Сербской должен был дать старт фильм «Здухач значит приключения» (2011), молодежная комедия о подростках, которые едут из Требинье в Бания-Луку на рок-фестиваль через всю Республику Сербскую. Но фильм оказался провальным и с точки зрения критиков, и по мнению публики, не смог окупить вложенных в него средств и на этом развитие самостоятельной киноиндустрии в Республике Сербской заглохло.

Диспропорция между двумя энтитетами объясняется очень глубокой интегрированностью Республики Сербской в общесербское культурное и образовательное пространство. Наши коллеги из Университета Бания-Луки неоднократно жаловались, что большинство молодых людей, обладающих научным и творче-

ским потенциалом, при первой же возможности уезжают в Сербию. В принципе, это же характерно и для хорватов в Федерации БиГ — пример тому режиссер Антонио Нуич, снявший трагикомедию «Все бесплатно» (2006). В свою очередь, боснийский кинематограф можно условно разделить на две категории: картины для внутреннего/регионального потребления и картины для внешнего, мирового зрителя. Это принципиально разный тип кинематографа, с принципиально разной моделью финансирования. Фильмы, которые снимаются для «балканского» зрителя, должны окупиться в кинопрокате — по крайней мере, они снимаются с прицелом на коммерческий результат.

Совершенно иначе выглядит бизнес-модель боснийского «фестивального» кино, которое стало основным способом рефлексии о войне. Большинство фильмов о войне, поствоенной травме относится именно к этой категории. Перед этими лентами не стоит задача окупиться в прокате: «Куда ты идешь, Аида?» не отбила даже четверти своего бюджета. Эти картины практически все без исключения создаются на грантовые деньги и пожертвования. Так, вышеупомнутый фильм Я. Жбанич получил, помимо прочих, грант от румынского центра кино в размере 400 тысяч евро¹.

Подобные проекты служат личному продвижению режиссеров, а также зачастую снимаются таким образом, чтобы гарантированно получить грантовые/благотворительные средства на создание следующей картины. Поэтому их главной целью является следование европейскому нарративу, который, по определению боснийского политолога Ясмينا Хасановича, состоит в «воландемортизации Югославии»² (по имени хтонического злодея из «Гарри Поттера»), под которую попадают и сербы как главные апологеты «югославской идеи».

В боснийском кинематографе наиболее интересными представляются темы межэтнического примирения и конфронтации, а также объясняющие духовный стержень, прежде всего, бошняков. Кинематограф — это, с одной стороны, главная отдушина для «коллективного бессознательного», с другой — «великий утешитель», главный врачеватель пост-травматического синдрома отдельных людей и целых наций. Причем врачевание коллективных травм может проходить по двум сценариям: через создание «героического» нарратива, который льёт бальзам на общественную травму, или, наоборот, грубое и, возможно, шокирующее вскрытие язвы, путем инициирования общественной дискуссии по наиболее болезненным вопросам.

¹ GRANTS: Romanian CNC Gives Biggest Grant to Minority Coproduction Quo Vadis, Aida! URL: http://www.filmneweurope.com/index.php?option=com_acymailing&ctrl=url&subid=&urlid=10652&mailid=1833

² Hasanović J. Mirroring Europeanization: Balkanization and auto-colonial narrative in Bosnia and Herzegovina // The Unwanted Europeanness. — 2021. — p.89.

Отметим, что кинематограф Боснии и Герцеговины где-то с 2010 г. пошел по уникальному пути, отказавшись и от «героизации», примеры которой имелись в предшествующем десятилетии, и от прописывания зрителю «горькой пилюли» исторической объективности (по этому пути развивается кинематограф в Сербии и Хорватии). Бошняки под сильным влиянием западной кинофестивальной культуры выбрали стратегию «игры в жертву» (самовиктимизации), которая пронизывает всю массовую культуру БиГ, но наиболее четко проявляется именно в кино.

Нарративы межэтнического примирения и конфронтации в боснийском кинематографе конца 1990-х гг.

Боснийский кинематограф берет отсчет с фильма **«Идеальный круг»** Абдулаха Сидрана и режиссера Адемира Кеновича, снятого в 1998 г. «Идеаль-

Идеальный круг (Savršeni krug), реж. А. Кенович, 1997

ный круг» — это попытка рассказать о блокаде Сараево языком раннего Эмира Кустурицы, первые работы которого были основаны именно на сценариях Абдулаха Сидрана. Картина рассказывает о двух мусульманских мальчишках, которые в блокадном городе прибились к абсолютно чужому им человеку (но тоже мусульманину) — немолодому и сильно пьющему поэту, одержимому мыслями о самоубийстве. В условиях гражданской войны герои распозна-

ют друг друга не по внешнему облику, не по совершаемым обрядам, а исключительно по именам. Отсюда удивление детей, когда они узнают, что соседа и друга их спасителя зовут Марко. «Это же четническое имя!» — удивляются дети. «Запомните, дети, четников узнают не по именам, а по убийствам», — отвечает им старый Хамза.

Идея о том, что не все сербы — четники, не все хорваты — усташи, и не все бошняки — муджахеддины, характерна именно для данного периода в истории Боснии и Герцеговины, непосредственно после подписания Вашингтонских и Дейтонских соглашений. Этот период можно назвать «примиренческим»: ради общего «светлого завтра» надо переступить через национальную рознь — однако примирение не означает забвение. Ради снятия остроты противостояния по национальному признаку Кенович и Сидран даже готовы признать, что в блокаде Сараево находились не только бошняки и хорваты, но и сербы, которые также гибли от пуль снайперов. Примечательно, что ни в одном другом боснийском кинофильме, снятом по настоящее время, этот факт не отображается. Когда речь заходит о блокаде Сараево, все авторы скатываются к нарративу, сформулированному еще в 1992 г.: мусульмане и хорваты — жертвы, сербы — агрессоры.

Однако в финале фильма Кенович все-таки не отказывается от соблазна персонализировать исходящую от сербов угрозу: одного из мальчиков убивают люди в касках с сербским крестом; вооруженных мусульман мы, при этом, в фильме не видим. То есть жертвы войны интернациональны, среди них есть и сербы, но агрессорами оказываются только сербы. Также отметим, что Кеновичу и Сидрану удается увязать сербских националистов с Россией. Когда позиции сербов в горах над Сараево начинает бомбить НАТО, поэт Хамза на радостях напивается и начинает слагать оду во славу НАТО. «Да почему ты уверен, что это НАТО их бомбит?» — спрашивает сосед. «А кто же ещё, не русские же?» — хитро ухмыляется Хамза.

К этой же «примиренческой» тенденции в боснийском кино относятся короткометражные фильмы учеников А. Кеновича (Срджана Вулетича, Пьера Жалицы, Алена Дрлевича), снимавшиеся с 1998 по 2005 гг., объединенные в сборник, распространявшийся газетой «Dnevni avaz». В нем, прежде всего, обращает на себя внимание дебютный фильм Вулетича, того самого «невидимого» для режиссёров-бошняков серба, остававшегося в Сараево все время войны. Вулетич рассказывает историю мусульманского тренера и его ученицы, сербской снайперши, которая в 1993 г. мстит бывшему наставнику за обиду, нанесенную еще во время Олимпийских игр 1984 г., всячески запугивая его (в детей и женщин, при этом, снайперша не стреляет, хотя стреляют другие сербы). В финальной сцене герои короткометражки узнают друг друга в автобусе в 1998 г. и не знают, что им делать. Вулетич здесь следует в русле тезиса об априорной ви-

новности сербов и морально безупречной позиции мусульман, которые лишь терпеливо сносили сербские зверства. При этом он показывает, что причиной взаимной неприязни мусульманина и сербки могут быть личные обиды из довоенного периода, не связанные ни с национальностью, ни с религией.

Лучшая работа в сборнике снята по сценарию А. Кеновича его белградским другом, режиссёром Слободаном Леманом. Новелла рассказывает о странном сближении двух одноногих военных инвалидов, бывшего бойца армии Республики Сербской Бошко и бывшего бойца армии БиГ Элмира. У одного нет правой ноги, у другого — левой, при этом они носят обувь одинакового размера. Элмир живет в центре Сараево и имеет возможность покупать относительно неплохую обувь. Бошко живет в лесу на Яхорине (гора и горнолыжный курорт возле г. Пале) и гонит ракию. Пару раз в год они встречаются: Элмир отдает Бошко ненужный самому ботинок, а Бошко — бутылку ракии. Бывшие антагонисты напиваются и пытаются танцевать народные танцы, имея две ноги на двоих (зато в одинаковых ботинках). Это ироничная и мощная метафора необходимости примирения разных народов Боснии, которых травмы (и даже физические увечья) могут не разделять, а сплавивать. Серб и мусульманин вместе образуют почти полноценного члена общества, порознь же они просто два инвалида. При этом о забвении прошлого речь не идёт — тяжело забыть об отсутствующей ноге — но выгоды от симбиоза и однотипность проблем очевидно перевешивают. Также отметим, что бошняк здесь заявлен не как «жертва снайпера», а именно как боец, сражавшийся с сербами с оружием в руках, то есть Элмир и Бошко являются зеркальным отражением друг друга. Все эти идеи, очевидно, близки Адемиру Кеновичу, но сам снимать фильм по этому сценарию он не рискнул, отдав его гостю из Белграда — на случай, если боснийская (бошняцкая, прежде всего) общественность фильм признает недостаточно патриотичным.

Боснийский кинематограф 2000-х гг.: поляризация

В 2000-е гг. политическая ситуация и культурный контекст, очевидно, меняются. Адемир Кенович, в котором многие видели «нового Кустурицу», полностью уходит из режиссуры в продюсирование. Но то, что снимают в новом веке его протеже Вулетич и Жалица, сильно отличается от их короткометражек. Это тяжело назвать фестивальным кинематографом — скорее, попытка создания чисто зрительского кино, которое отвечало бы чаяниям людей, уставших от военной тематики. Так появились «Лето в золотой долине» (2003) и «Тяжело быть хорошим» (2007) Срджана Вулетича, «Бикфордов шнур» (2003) Пьера Жалицы.

Первый фильм посвящен сараевским школьникам, мечтающим стать бандитами и/или звёздами рэпа, второй — неудачливому таксисту, который, напротив, усиленно пытается не втянуться в криминал. Примечательно, что в фильмах этнического серба Вулетича все действующие лица — исключительно бошняки-мусульмане, в них нет сербов или хорватов. Соответственно, нет и конфликтов на национальной почве — какие могут быть конфликты в выглядящем монолитным и моноэтничным Сараево? Это особенно странно и даже пугающе выглядит в случае фильма «Тяжело быть хорошим», снятого сербом (Вулетичем) по сценарию другого серба (Мирослава Мандича), в главной роли серб Саша Петрович, играющий бошняцкого таксиста по имени Фуад Толья. При этом все герои фильма абсолютно секулярны: в мире, где остались только бошняки-мусульмане, нет необходимости в акцентировании внимания на минаретах или призывах к намазу.

Трудно быть хорошим (Teško je biti fin), реж. С. Вулетич, 2007

Несколько иначе выглядит комедия П. Жалицы «Бикфордов шнур». Там сербы и хорваты присутствуют, но их существование зритель видит исключительно благодаря приезду американского президента в боснийский городок, где живут одни бошняки-мусульмане. Комедийные фильмы Вулетича и Жалицы имели успех в Боснии, смотрели их и в соседних странах, правда распространялись они в основном на пиратских носителях, поэтому цифры официального проката здесь нерелевантны. В 2010-е гг. и Кенович как продюсер, и режиссеры из его «гнезда» оказались задвинуты на края боснийской кинематографии, оттесненные от бюджетов Данисом Тановичем, Ясмилой Жбанич, Аидой Бегич.

Бикфордов шнур (Gori vatra), реж. П. Жалица, 2003

Данис Танович и **Дино Мустафич** воплощали собой другую линию в боснийском кинематографе 1990-х — начала 2000-х гг., предельно конфронтационную и ориентированную на западного зрителя. Оба в разгар боевых действий были штатными кинооператорами бошняцких вооруженных формирований. Отснятые ими за это время материалы вошли в документальный фильм 1995 г. **«Чудо в Боснии»**, подписанный, правда, одним Мустафичем. Фильм сегодня воспринимается как любопытный артефакт, полностью противоречащий тем неписаным конвенциям, по которым боснийское кино существует в последние годы. Вся картина является гимном агрессивному милитаризму, вплоть до того, что некоторые ее сцены буквально воспроизводят пропагандистский фильм Лени Рифеншталь 1935 г. «День свободы. Наша армия». Мусульманин с автоматом, который не только защищается, но и нападает — не частый персонаж для современного боснийского кинематографа. Бошняки в нем, как уже было отмечено, почти всегда выступают пассивными жертвами, неспособными сопротивляться, как евреи в годы Второй мировой войны. Неслучайно «Чудо в Боснии» в наши дни практически невозможно найти: его нет ни на видео-хостингах, ни на торрент-трекерах. Первенца бошняцкой кинематографии редко вспоминают — «Идеальный круг» Кеновича на роль краеугольного камня подходит гораздо лучше.

В 2003 г. Дино Мустафич выпускает свой первый художественный фильм **«Ремейк»**. Говоря о нем, сложно абстрагироваться от эмоциональных эпитетов — до такой степени эта картина претенциозна. Однако Дино Мустафич показывает и проговаривает то, что другие боснийские режиссеры только

подразумевают. Сербь в нем выведены грабителями, палачами и убийцами. Даже сербский приятель главного героя оказывается малодушным трусом. «Бошнячество» главных героев выражено, как и у Адемира Кеновича, только в их именах, никто из них не является практикующим мусульманином, никакой исламской атрибутики в кадре нет. Разве что народные песни проводят некий водораздел между бошняками и сербами — в концлагере сербы требуют от мусульманского пленного, чтобы он спел что-то «наше» (то есть четническое, из времен Второй мировой войны), а тот начинает петь боснийские севдалинки (печальные песни в ориентальном духе). Отдельный пласт фильма — история отца главного героя, бошняка-социалиста, пострадавшего в годы Второй мировой от хорватских усташей.

Ремейк (Remake), реж. Д. Мустафич, 2003

Картина доносит два тезиса: во-первых, не бошняки начали эту войну, но они ее выиграли, причем не благодаря натовским бомбардировкам и «голубым каскам» (которые показаны предельно гротескно), а воинской доблести простых бошняцких ребят, которые не безропотно сносили превратности военного времени, а самоорганизовались и стали не менее грозной силой, чем армия Республики Сербской. Второй тезис — на Балканах было два геноцида, и, если во Вторую мировую войну хорваты уничтожали сербов и евреев (отчасти и мусульман), то в 1990-е гг. уже сербы уничтожали мусульман и хорватов. Таким образом, и сербы, и хорваты успели побывать организаторами геноцида, а вот бошняки-мусульмане в обоих случаях оказались в позиции жертвы. Первый тезис в боснийском кино XXI века не прижился, мусульмане не носят

камуфляж и не стреляют в сербов практически никогда, а второй — стал краеугольным камнем всего кинематографа.

Не вдаваясь глубоко в историю, отметим лишь, что во Вторую мировую войну из бошняков-мусульман была сформирована дивизия SS «Ханджар», а также служившая усташам мусульманская милиция. То есть в годы Второй мировой бошняки-мусульмане ни коим образом не были пассивными наблюдателями и жертвами развязанного усташами геноцида. Справедливости ради, и среди четников Дражи Михайловича было немало бошняков-мусульман, особенно после того, как штаб четников в 1944 г. переместился из Сербии в окрестности боснийской Зеницы (Мустафа Мулалич, Исмет Поповац, Фехим Мусакадич и др.). Мусульманские четники сегодня — самая табуированная в мусульмано-хорватской Федерации БиГ тема, иначе придется признать не только, что «не все сербы четники», как это постулируется в фильме Адемира Кеновича, но и что «не все четники — сербы».

Интересное и абсолютно уникальное явление в боснийском кино — картина **Ахмеда Имамовича «Go West» (2006)** не случайно получившая название по популярной в 1990-е гг. песне дуэта Pet Shop Boys, поскольку это комедия про пару геев, бошняка и серба, пытающихся в 1992 г. сбежать из Боснии на Запад. Причем бошняку приходится притвориться женщиной, что он делает не без удовольствия. Фильм вроде бы призывающий к толерантности и примирению, при этом предельно конфронтационный. По нашему мнению, причина появления этой картины — желание травестировать и абсурдизировать историю реальных «сараевских Ромео и Джульетты» сербского юноши Бошко Бркича и мусульманской девушки Адмиры Исмич, застреленных при попытке бегства из Сараево в контролировавшуюся сербами Грбавицу. Авторы ненавязчиво подталкивают зрителя к мысли о том, что представитель этнической группы «сербы» и представитель этнической группы «бошняки» могут любить друг друга, только если оба являются не только социальными, но и сексуальными девиантами. В конце фильма бошняцкий травести Кенан, которому удалось перебраться во Францию, констатирует, что «бошняки, сербы и хорваты может быть когда-нибудь и помирятся, но вот п***ров они будут ненавидеть всегда». Здесь мы должны констатировать, что в 2011 году фильм буквально на эту же тему — национализм vs гомосексуализм — снял сербский режиссер Срджан Драгоевич («Парад»). Это тоже комедия на стыке китча и черного юмора, но при этом, несмотря на трансгрессивность, подлинно гуманистическая. Драгоевич своих героев жалеет, Имамович — просто издевается.

Отдельно отметим, что в этом же фильме мы видим самое идеологизированное изображение сербского «четника» из всех возможных — это человек в длинном кожаном плаще, фуражке и нарукавной повязке, на которой изобра-

На Запад (Go West), реж. А. Имамович, 2006

жен сербский крест с четырьмя буквами «С», вписанный в белый круг на красном фоне, издаലെка напоминающий свастику. Бойцы армии Республики Сербской прямо и недвусмысленно, на уровне базовой визуальной айдентики, уподобляются нацистам, причем даже не вермахту, а скорее частям SS. Образ можно было бы расценить как элемент юмора

и пародии, если бы четник, похожий на штандартенфюрера SS, в следующем кадре не расстреливал боснийских женщин и детей. Это полностью придуманный, фантазийный противник, не имеющий вообще никакого отношения к реальной действительности: такого и ненавидеть проще, и смеяться над ним веселее.

Поразительно контрастирует с этим фильмом картина **Ясмина Дуракови-ча «Нафака» (2006)**. Этот фильм уникален для боснийского кинематографа хотя бы тем, что в нем показаны бойцы Армии БиГ, стреляющие в сербов и убивающие их: серб застрелен одним из главных героев — причем стрелял он в безоружного. Армия БиГ в нем показана также неоднородно, есть в ней люди идейные, а есть инфантилы, буквально «играющие в Терминатора». В фильме хорошо показана возникшая в ходе войны теневая экономика, продемонстрирован «военный беспредел»: когда представители якобы «Генерального штаба Армии БиГ» пытаются отобрать бар у одного из героев фильма, его друзья вмешиваются и спасают бизнес, тем самым вступая в конфликт с «Генеральным штабом». Однако они же возят контрабанду — нефть, купленную у хорватских формирований, продают армии Республики Сербской.

«Нафака» непохожа на остальные боснийские фильмы еще и тем, что сербы и хорваты в ней не выставлены кровожадными убийцами или обманутыми дураками. Да, и серб Неманя, и хорват Матан — более приземленные, практикоориентированные, в отличие от романтиков Ахмеда, Красного глаза и Садо. Но они такие же люди. Когда в фильме Неманя возвращается в Сараево, за ужином командир бошняцкого подразделения в годы войны прямо его спрашивает — что ты делал в тех горах (имеются в виду горы вокруг Сараево, где в годы войны были позиции сербской армии — прим. авт.). На ответ серба «стрелял, как и все,

а кто говорит, что не стрелял — врет» он жмет ему руку. Нельзя не отметить, что «военная» часть фильма существенно сильнее «гражданской», где фильм скатывается в трагифарс, перенасыщенный посттравматическим расстройством психики у всех главных героев.

Нафака (Nafaka), реж. Й. Дуракович, 2006

Однако «Нафака», несмотря на это, — крайне интересный пример, показывающий, чем бы боснийский кинематограф мог быть, но не стал, пойдя по пути создания «индустрии геноцида».

Рассмотрение боснийского кинематографа 2000-х гг. невозможно без обращения к единственному оscarоносному режиссеру всего постъюгославского пространства — Данису Тановичу. Хотя он и начинал с Дино Мустафичем, эволюционировал Танович в совершенно другом направлении. Прежде всего, Танович — очень мастеровитый и прекрасно чувствующий дух времени режиссер. Главный его талант состоит, пожалуй, в умении обозначить свою политическую позицию, не делая ее частью сюжета фильма, иначе говоря, отделять себя от своих героев. Это прекрасно демонстрирует полнометражный **дебют Тановича «Ничья земля» (2001)**, укладывающийся в господствующую на тот момент «примиренческую» тенденцию. Сюжет этого фильма хорошо известен: серб и бошняк-мусульманин оказываются в окопе на «ничьей земле», между позициями воюющих сторон, они весь фильм бранятся, выясняя, «кто первый начал». Доводы их одинаково неубедительны, истинные причины конфликта стороннему зрителю непонятны, глубинных различий между протагонистами нет — у обоих даже был роман с одной и той же девушкой из Баня-Луки. Во второй половине картины фокус смещается на западных журналистов и миротворцев, которым глубоко наплевать на Боснию и всех ее жителей вместе взятых: первых интересует только красивая картинка, вторых — только красивые отчеты. Миротворцы являются французами и значительная часть фильма снята на французском, что помогло успешному прокату фильма в Европе. Конкретно — принесло ленте поддержку Бернара-Анри

Леви и Андре Глюксманна, о проекте которых «Европа начинается в Сараево» написано ниже.

Из сюжетной части фильма следует вывод об абсурдности и бессмысленности любых войн, при этом, кинолента перебивается выпусками новостей, обособленными от сюжета, но задающими историческую рамку, в которой действие происходит («боснийские сербы при поддержке югославской армии яростно разрушали мирные боснийские города, которые защищали только плохо вооруженные мирные жители» и т.д.). Этим Танович встраивает примиренческий посыл фильма в общий нарратив о боснийской войне, где вся ответственность за войну и преступления лежит на сербах.

Ничья земля (Ničija zemlja), реж. Д. Танович, 2001

После премии «Оскар» Танович стал частью мировой кино-элиты, участвовал во многих высокобюджетных международных проектах. Следующий его фильм о Боснии был снят спустя 10 лет. Это экранизация романа боснийско-хорватского писателя Ивицы Джикича **«Цирк Колумбия» (2010)**. Антураж фильма достаточно типичен для Джикича, но абсолютно атипичен для бошняцкого кинематографа — действие происходит в 1992 году в герцеговинском городке, где живут в основном хорваты, незначительное число сербов, а бошняков-мусульман нет вообще. «Цирк Колумбия» представляет собой кустурианский парад стереотипов о Балканах. Но за фасадом легковесного бурлеска скрывается история о том, как буквально за пару дней нормальные на первый взгляд люди превращаются в насильников, мародеров и убийц. Поскольку зло в фильме творят хорваты, а жертвами являются сербы, Танович позволяет себе возвыситься над конфликтом и не солидаризироваться ни с кем. Он даже показывает, как вооруженные хорватские формирования штурмуют казармы югославской армии и расстреливают военных, хотя те им абсолютно ничего плохого не сделали. При этом разница между хорватами и сер-

бами показана значительно более наглядно, чем между сербами и бошняками в большинстве снятых в БиГ фильмов. Хорваты сильно индоктринированны католицизмом и усташескими идеями, сербы же в основном индифферентны к религии и настроены про-югославски.

Цирк «Колумбия» (Cirkus Columbia), реж. Д. Танович, 2010

Все же, нулевые годы в боснийском кинематографе характеризовались стремлением найти общее в отрицании войны, в демонстрации ее бессмысленности и трагичных последствий. При этом, есть целый ряд фильмов, вроде бы призывающих к примирению и прощению (но не забвению), по сути же — предельно конфронтационных. Во многих картинах, безусловно, считывался антисербский подтекст, а в случае «Цирка «Колумбия»» и антихорватский. Эти тенденции привели к трансформации боснийской кинематографии в следующем десятилетии.

Дискуссия о боснийскости в кинематографе БиГ 2000-х гг.

Не менее важным вопросом для боснийско-герцеговинского кинематографа стал вопрос идентичности как бошняцкого этноса, так и всех граждан страны. В «Грбавице» Я. Жбанич (2006) показана трагедия бошняцкой матери-одиночки. Главная героиня, Эсма, которую замечательно воплотила белградская актриса Мирьяна Каранович, рассказывает своей дочери, что ее отец был «шехид», то есть погиб за Боснию. Но ни одного портрета этого человека в доме нет, предоставить в школу документы, свидетельствующие о героической смерти, она тоже не может. Эсма ходит в группу поддержки для женщин, но только ради ев-

ропейских пособий, которые там выдают, рассказывать о своих проблемах она не хочет. В конце концов дочь силой добивается от Эсмы признания в том, что ее во время войны изнасиловали «четники». Однако, внимательному зрителю даются подсказки, указывающие на то, что и эта версия происхождения девочки может являться социально приемлемой ложью, а на деле Эсму мог изнасиловать местный криминальный авторитет и полевой командир Ченга.

Эсма и всё ее окружение — типичные «мусульмане-атеисты»; Жбанич, правда, показывает нам вполне экзотично выглядящую занесенную снегом мечеть, но туда никто из героев не заходит. Возникает вопрос, а что тогда отличает сыгранную сербской актрисой Эсму от такой же матери-одиночки из Сербии или Хорватии, или Черногории? Что является стопроцентным атрибутом ее боснийскости? Когда в конце фильма Эсма вынуждена посмотреть вглубь себя и рассказать, наконец, в терапевтической группе о своих травмах, в центре своей личности она обнаруживает ухмыляющегося «четника», ненависть к которому и определяет все ее существование, делает ее боснийской. Таким образом, это «самоопределение через отторжение», единственный доступный этой секулярной боснийке тип самоопределения.

Грбавица (Grbavica), реж. Я. Жбанич, 2006

Абсолютная антитеза этой картины — фильм Аиды Бегич «Снег», вышедший в **2008 г.** Бегич — практикующая мусульманка, все фильмы которой посвящены преодолению военной травмы через приход к Богу. В «Снеге» рассказывается история жительниц мусульманского села в окрестностях Сребреницы, всех мужчин в котором во время войны уничтожили сербы. Часть женщин позже осознано приняла ислам, они же выступают хранительницами памяти

о страданиях бошняцкого народа, другая остается «мусульманками-атеистками», мечтает порвать с прошлым и уехать в большой город. Для Бегич вопрос идентичности решается однозначно: быть бошняком значит сохранять веру. Но ислам для героинь Бегич не отделим от памяти о войне и априорной виновности сербов. У одной из героинь картины происходит очень показательный диалог с сербом Миро:

— Ты в войне участвовал?

— Как и все.

— А зачем ты воевал?

— Не знаю. Кто-то обратил нас друг против друга.

— Я не знаю, кем был этот «кто-то», но знаю, кто убил моих детей...

— Ну не все же убивали!

— Да. **Мы** — не убивали...

Это типичная дискуссия бошняка с выдуманным сербом, который выдвигает в споре именно те аргументы, которые бошняку удобны. **«Мы не знаем, зачем воевали,»** — говорит серб из Сребреницы, и это именно те слова, которые устраивают бошняков, подтверждая их излюбленный тезис «сербь убивали просто потому, что могли».

В реальности именно житель Сребреницы мог бы многое бошняцкому собеседнику рассказать о причинах своих действий, вспомнить убийства и грабежи, которые боевики Насера Орича осуществляли в сербских сёлах, как и то, что накануне входа в Сребреницу армии Республики Сербской Орича вывезли в Тузлу вертолётном голландские миротворцы. Но мы никогда не услышим имя Насера Орича ни в одном боснийском фильме. Настороженное и неприязненное отношение главной героини ленты к любым сербам, можно сказать, неприятие сербов как идеи, в конце находит оправдание и подтверждение — Миро оказывается чуть ли не тем самым человеком, который убил ее мужа. Во всяком случае он при этом присутствовал.

Аида Бегич выглядит в чем-то инопланетным явлением для Балкан: ее фильмы и визуально, и интонационно ближе к иранскому кинематографу, чем к трагифарсам в духе Кустурицы или европейскому мейнстриму. Главная идея ее картин заключается в том, что ислам — неотъемлемая часть бошняцкой идентичности; через веру можно преодолеть и травмы прошлого, и несправедливость настоящего. При этом, новоприобретённую (для большинства бошняков) религиозную идентичность легко потерять в большом городе — об этом, если обобщать, и ее фильм **«Дети Сараево» (2012)**. Идеальной формой существо-

Снег (Snijeg), реж. А. Бегич, 2008

для Европы 2010-х гг., только-только вступивший на путь массового завоза мигрантов с Ближнего Востока, Магриба и Сахеля. В этом смысле фильм Бегич полностью снят через «колониальную» оптику, в которой Балканы являются частью «Большого Ближнего Востока», с его ориентальной экзотикой и не всегда понятной для европейцев архаичной поведенческой логикой. При этом, перед нами красивый и нестрашный «евроислам», совсем не похожий на антиутопии Гилберта К. Честертона, еще в начале XX века пугавшего читателей «Британским Халифатом».

Дети Сараево (Djeca), реж. А. Бегич, 2012

(то есть, если без обиняков, атеизму). Главная героиня ленты — стюардесса, ее муж авиадиспетчер, которого увольняют с работы за пьянство, оба секулярные бошняки. В попытках найти работу завсегдатай кабаков и ночных клубов Амар неожиданно для самого себя попадает в среду исламских фундаменталистов, которые дают ему и деньги, и работу, и смысл в жизни. Его жена Луна категорически не приемлет «арабский» вариант ислама, чуждый балканской традиции. Последней каплей для нее становится брак приятеля ее мужа, Юсуфа, с тринадцатилетней девочкой, который активно продвигает «старшая» жена Юсуфа, Наджа. В конце фильма Луна ставит Амару ультиматум — или я, или «эти», но выбор супруга остается за кадром.

вания для бошняков-мусульман, по Бегич, являются обособленные религиозные коммуны, как в «Снеге». Примечательно, что А. Бегич, несмотря на религиозную составляющую фильмов, является еще одним примером боснийского фестивального кинематографа. Ее фильмы посвящены нормализации европейского ислама — теме, весьма актуальной

Своеобразным ответом картине Аиды Бегич о «глубинной Боснии» и «евроисламе» стал фильм **Ясмилы Жбанич «На пути» (2010)**. Картина начинается как попытка объективного и отстраненного рассказа об исламизации БиГ, но ближе к концу превращается в гимн тому, что Бернар-Анри Леви называл «боснийским космополитизмом»

На пути (Na putu), реж. Я. Жбанич, 2010

возрождение» по арабским лекалам — пришлое, чуждое, не имеющее ничего общего с Боснией и бошняками.

Фильмы Я. Жбанич и А. Бегич пытались предоставить ответ на важнейший для БиГ на протяжении как минимум последних ста лет вопрос о бошняцкой и боснийской идентичностях. Для Бегич ситуация предельно ясна: в условиях, когда сербская идентичность привязана к православной церкви, а хорватская — к католической, бошняки должны начать свое духовное возрождение. Для Жбанич же «духовное

Эти позиции отражают глубинный раскол в Боснии и бошняцком этносе в целом, когда одна его часть стремительно исламизируется, в то время как вторая по образу жизни ничем не отличается от своих соседей-иноверцев (поэтому образ Другого, необходимый для национального самоопределения, выстраивается не на основе религии, а на травматическом опыте Боснийской войны).

«Игра в жертву»: начало

В боснийском кинематографе 2010-х гг. тема межэтнического примирения постепенно начала уступать место реактивации травматического опыта, расчёсыванию ран, которые вроде бы начали зарубцовываться. Если не первым, то, во всяком случае, самым заметным из таких фильмов стал **«Бельведер» Ахмеда Имамовича (2010)**. Действие разворачивается в одноименном лагере для беженцев-бошняков в окрестностях Сребреницы. Обитатели его занимаются в основном тем, что ездят на опознания трупов своих близких из вскрытых массовых захоронений, а в свободное время смотрят сербское реалити-шоу «Большой Братка», в котором участвует недалекий паренек из лагеря «Бельведер». При этом будни беженцев сняты в черно-белой гамме, минималистично и аскетично, а телешоу — цветное и китчевое. Здесь героям-бошнякам, нищим, больным и изможденным, выглядящим как великомученики (ч/б картинка этому способствует) противопоставляются тупые, вульгарные, вечно что-то жующие или над чем-то «угорающие» участники сербского реалити-шоу, которые

мало того, что по возрасту не могли участвовать в Боснийской войне, они вообще не являются уроженцами БиГ. Мы не видим в фильме бошняков, которые не были бы жертвами, как не видим и сербов, которые выглядели бы человекоподобно, а не как сексуально озабоченные идиоты из мира «Большого Братки».

То, что для самого Имамовича этот фильм — не более чем игра (в жертву), выдают сцены опознания трупов, стилизованные под американские полицейские сериалы типа «CSI: место преступления», или эпизод вскрытия массового захоронения, которое сопровождается музыкой в стиле индастриал и выглядит как клип группы «Rammstein». «Бельведер» стал первым за 12 лет боснийским фильмом, не получившим ни одного приза на международных фестивалях. Зато картину оценил Бакир Изетбегович, доверивший именно Имамовичу снимать биографический сериал про своего отца, Алию Изетбеговича («Алия», 2016, сериал снят в копродукции с Турцией и с турецкими актерами в главных ролях).

Стратегию реактивации травматического опыта использует и фильм **Я. Жбанич «Для тех, кто не может говорить» (2013)**. Картина, пусть и снятая в псевдодокументальном формате, представляет собой политическую агитку, направленную на распространение нарратива о коллективной вине сербов за «совершенные злодеяния», в частности — за «лагеря изнасилований», в данном случае в спа-отеле «Вилина Влас» под Вишеградом.

Во время Боснийской войны такие лагеря действительно существовали, причем организовывали их далеко не только сербы (управлявшиеся хорватами лагеря - Дретель, Габела, Войно, Гелиодром и др., бошняки в тех же целях использовали лагерь Челебичи). По статье о массовых изнасилованиях Гаагским трибуналом осуждено примерно одинаковое количество сербов, хорватов и бошняков. Конкретно в случае «Вилина Влас» Гаагский трибунал проявил осторожность и в качестве «гаре сатр» его не признал, за отсутствием доказательств.

Главная героиня фильма — австралийская актриса Ким Веркоу (играет сама себя), во время туристической поездки в Вишеград проведшая несколько ночей в «Вилина Влас», после войны опять превращенной в отель. Узнав уже по возвращении в Австралию, что в этих стенах, по версии бошняков, происходило, Веркоу поставила моноспектакль «Семь километров на северо-восток» и даже показала его в Сараево в 2009 г. Вопрос о том, почему Ясмил Жбанич решила рассказать именно об этом, не признанном Международным трибуналом инциденте, и вопрос о том, почему с момента сараевской премьеры моноспектакля Ким Веркоу и до контакта с ней Жбанич прошло три года, имеют один ответ. Жбанич прямым текстом говорит об этом в интервью английско-

му изданию «Screendaily»: «Сербские власти, отрицающие геноцид мусульман, собираются вложить 12 миллионов евро в так называемый «арт сити» Эмира Кустурицы — Андричград в Вишеграде. Здесь нет никакого искусства, это чисто политическая хрень (bullshit), это просто способ отвлечь внимание от геноцида. Это всё равно, что делать арт-кластер в Аушвице, понимаете?». Первые строительные работы в Андричграде Эмира Кустурицы начались в 2011 г., в том же году Жбанич выходит на контакт с Веркоу, чтобы снять фильм, который должен помешать Кустурице вдохнуть новую жизнь в довольно депрессивный Вишеград. Аналогия Жбанич с Аушвицем нам не кажется добросовестной — «арт сити» Кустурицы посвящен Иво Андричу и находится в городе, который писатель воспел, с видом на легендарный мост. Думается, что, планируя строительство в Республике Сербской Андричграда, Кустурица меньше всего думал о том, понравится ли это бошнякам.

Для тех, кто не может говорить (Za one koji ne mogu da govore), реж. Я. Жбанич, 2013

Необходимо объяснить отношение к Эмиру Кустурице политически активных бошняков. Кустурица олицетворяет собой некий «третий путь» бошняцкой идентичности — не исламский и не секулярный, а путь полного отречения от «боснийскости» в пользу «сербскости». Кустурица живёт в Сербии, считает себя сербом, в 2006 г. покрестился и принял имя Неманя, по его словам, «сделал бы это и раньше, но не хотел расстраивать родителей, которые тоже считали себя сербами, но были коммунистами». Этот же выбор в 1970-е гг. сделал главный боснийский писатель второй поло-

вины XX века Меша Селимович («Дервиш и смерть», «Крепость»), считавший себя сербом, а не «мусульманином» (открытое письмо САНУ 1976 г.) и переехавший с семьей жить в Белград. Кустурица, Селимович, мусульмане-четники из времен Второй мировой войны — все это части истории об альтернативном самоопределении бошняков, абсолютно неприемлемые в рамках актуальной политической повестки.

Двумя главными фильмами 2010-х гг. стали **«Смерть в Сараево» Тановича (2016)** и **«Мужчины не плачут» Алена Дрлевича (2017)**. Танович поставил кино-адаптацию монодрамы Бернара-Анри Леви «Отель Европа», причем с большим количеством действующих лиц, в том числе потомком и полным тезкой Гаврило Принципа. По большому счету, это развернутая экспликация популярного на Балканах анекдота: «— Если бы Гаврило Принцип оказался в сегодняшнем Сараево, в кого бы он стрелял? — Если бы Принцип оказался в сегодняшнем Сараево — его бы самого застрелили...». Именно это и происходит с потомком и тезкой Гаврило Принципа, которого вызвали в Сараево для записи телепередачи на крыше «Отеля Европа».

Как и в «Ничьей земле», серб вступает в прения о причинах войны с бошняком — в этом случае это телеведущая. Ожидаемо, оба очень эмоциональны и не очень убедительны. Однако равноудаленность автора от спорящих — лишь кажущаяся. Перечисляя мусульманских военных преступников, серб очень удобно для своей оппонентки называет только тех, кого сами же бошняки осудили. Контрапунктом к спорам серба и мусульманки Танович дает выпуски новостей и мнения экспертов (реальных историков), которые озвучивают именно бошняцкую позицию: причиной Сараевского убийства 1914 г. и Первой мировой войны стал сербский национализм, причиной распада Югославии стал он же. Отметим, что единственным, в чем серб и бошнячка соглашаются, становится абсолютная неэффективность Высокого представителя, хотя трактуют его «неэффективность» они по-разному: телеведущая считает, что он недостаточно последователен в осуждении сербов (на момент выхода фильма Высоким представителем был Валентин Инцко).

Город Сараево в фильме впервые показан так, что в него хочется приехать: никаких руин и мрачных спальных районов, только сияющие небоскребы, зеленые горы и немножко глянцевого открыточного вида центра. **Вопрос о том, в чем заключается национальная специфика жителей города (бошняков), отличающая их от сербского гостя из деревни Грахово, решается на уровне картинки: сараевцы современные, модные, вестернизированные. Заезжий серб умилительно старообразный — таскает с собой целофановый пакет с яблоками и орехами «из села», там же, правда, и пистолет. В этом фильме**

сербы не являются воплощенным злом, а олицетворяют собой скорее первобытный хаос, который несет с собой разрушение и деградацию и никогда не сможет стать частью «цивилизованного» мира («—Чем вы занимаетесь у себя в Грахово? —Читаю, стреляю...» — портрет типичного серба).

Смерть в Сараево (Smrt u Sarajevu), реж. Д. Танович, 2016

Крайне интересным образцом обновленного нарратива о межэтнических отношениях выступает картина **«Мужчины не плачут» А. Дрлевича**. Картина рассказывает о группе ветеранов Боснийской войны (по трое от каждого из титульных народов), которых собрали для коллективной психотерапии в пустующем отеле на Яхорине. Интерпретация происходящего в метафорическом ключе напрашивается буквально с первых кадров: пустующий отель — это Босния и Герцеговина, психотерапевт-словенец — собирательный образ ангажированных в Боснии западных функционеров, ветераны и есть ветераны. Цель сессии — понять, готовы ли искалеченные войной люди, в данном случае бойцы трех армий, начать прощать друг друга или хотя бы не вцепляться друг другу в глотку, услышав «окопную правду» от своих визави. Все персонажи, за исключением одного представителя хорватов, которого участники сессии выгоняют, готовы признать, что «и мы стреляли, и в нас стреляли». Но когда дело доходит до «вскрытия» психологических контейнеров с травматичным опытом, выясняется, что все мужчины переживают из-за того, что повели себя недостойно: бошняк сломался на допросе и выдал своих побратимов, хорват отправил вместо себя в караул молодого рекрута, предполагая, что того могут убить. И только серб оказывается соучастником массового убийства мирных жителей, пусть и поневоле. Тем же вечером хорват, до этого

Мужчины не плачут (Muškarci ne plaču), реж. Я. Жбанич, 2017

вместе с сербом в пьяном угаре крушивший мебель, сжигает единственную ценную вещь серба — грузовик. В конце фильма, после посещения похорон матери другого участника-бошняка, серб совершает попытку самоубийства. Из петли его достает хорват и плюет на него. В очередной раз за «примиренческим фасадом» обнаруживаются градации вины и ответственности: да, убивали все, но самый страшный грех совершил серб.

Еще более важно то, что, даже признав свою вину, серб не заслужил прощения. Его достают из петли, но он так и остается парией. Главный посыл фильма именно в этом — мусульманин прощает оскорбившего его святыни светского бошняка, тот прощает свою мать, сдавшую его когда-то военному патрулю, и только серб остаётся непощенным, вечным Другим.

«Игра в жертву»: промежуточный финал

Ясмила Жбанич шесть лет собиралась с силами, прежде чем в 2020 году выпустила самый масштабный и дорогостоящий фильм в боснийской кинематографии, **«Quo vadis, Аида?» (Куда идешь, Аида?)**, посвященный трагедии в Сребренице. События июля 1995 года в боснийском шахтерском городке стали краеугольным камнем современной бошняцкой идентичности — о них было снято множество документальных и короткометражных фильмов. Картина сделана технически безукоризненно, однако, как и многие другие до нее,

транслирует общий для боснийского кино нарратив: «Сербы убивали не в ответ на то, что бошняки убивали их, а просто потому, что могли».

Интересно, что в названии фильма обыгрывается история апостола Петра, который, узнав, что в Риме его собираются казнить, попытался покинуть город, но на дороге ему явился Иисус Христос, спросивший Петра «quo vadis» — «камо грядеши?». Петр устыдился и вернулся в Рим, где и был распят. Главная героиня фильма на протяжении большей его части пытается бежать из Сребреницы сама и, пользуясь статусом переводчицы ООН, вывезти оттуда семью. В итоге она разделяет судьбу многих женщин Сребреницы: ее саму сербы отпускают, мужа и сыновей расстреливают. В финале Аида спустя десять с лишним лет возвращается в Сребреницу, которая вошла в состав Республики Сербской и мусульман там практически нет, чтобы учить сербских школьников английскому языку. В город, где каждый камень напоминает о потерянной семье. Это возвращение и уподобляется возвращению апостола Петра в Рим, а преподавание в школе сербским детям — крестным мукам, на которые героиня пошла сознательно. Это — вполне осознанная «сакрализация» событий в Сребренице, закладывание фундамента национального мифа.

Куда ты идешь, Аида? (Quo Vadis, Aida?), реж. А. Дрлевич, 2017

В 2021 г. фильм Ясмилы Жбанич получил на Берлинском кинофестивале три премии Ассоциации европейских кинокритиков — лучший европейский фильм, лучший европейский режиссёр, лучшая европейская актриса. В 2024 г. Генассамблея ООН, несмотря на протесты Сербии, а также России и Китая приняла резолюцию по «геноциду» в Сребренице,

в которой «безоговорочно осудила» любое его отрицание, призвав все государства не допускать искажения истории и «сохранять установленные факты».

Ясмилу Жбанич гордится тем, что накануне всем участникам заседания Генассамблеи ее продюсерской компанией «Деблокада» были разосланы ссылки на бесплатную версию фильма с субтитрами на главных мировых языках. В этом отношении ее фильм — важный элемент международной кампании по демонизации сербов и конкретно — по демонтажу Дейтонских соглашений и Республики Сербской.

«Quo vadis, Аида» — один из наиболее известных современных боснийских фильмов. Однако нельзя сказать, что в самой стране такого рода картины пользуются большой популярностью. Желających повторно переживать страшные события тридцатилетней давности в кинотеатрах немного. Существенно более популярными являются сериалы, к примеру, «Тендер» Срджана Вулетича (2022—2025). «Тендер» представляет собой политическую сатиру на федеральные институты БиГ, парализованные этно-партийными противоречиями, бюрократией и международными требованиями. На протяжении двух сезонов зритель наблюдает за комиссией по государственным тендерам, состоящей из бошняка, серба и хорвата. До конца сериала ни один тендер комиссия провести не может. Лишь в последней серии тройка успешно проводит закупку микрофонов, планируя протестировать их во время корпоративного праздника. Однако, когда кажется, что уже все хорошо, этнические противоречия оставлены позади, в здание врывается ОМОН сараевского кантона и арестовывает примирившуюся тройку по подозрению в коррупции. Место отдыхающих на корпоративе занимает тройка политических лидеров титульных народов БиГ.

Примечательно, как выведены национальные стереотипы в героях сериала. Самый молодой член комиссии — бошняк, он энергичен, вестернизирован и «повернут» на социальных сетях. Хорват — самый старый, ретроградный и слегка занудный. Серб — громкий, неуклюжий и в целом комично-деревенский, тогда как бошняк особенно «урбанистичен». В этом отношении посыл ясен: будущее за бошняками, хорваты — прошлый век, сербы — архетип «деревенщины».

Тендер (Tenđer), реж. С. Вулетич, 2018

Подводя итоги, безусловно, промежуточные, зададимся вопросом — какой образ Боснии был создан боснийскими режиссерами за последние 30 лет? Их главным достижением является создание индустрии «мини-Холокоста»: непрекращающегося поминовения жертв Сребреницы, которое идет параллельно с активностью на уровне НПО и международном уровне. Существуют десятки фильмов про Сребреницу. Чуть ли не каждый молодой режиссер в Боснии начинает свой творческий путь с короткого метра про войну и ее последствия — с высокой долей вероятности обращаясь к тематике Сребреницы. В какой-то момент подобное «поминовение» теряет свой гуманистический посыл и начинает напоминать пляски на костях погибших людей, неприкрытую коммерциализацию их могил ради поддержания «игры в жертву».

По определению Ясмينا Хасановича, «Нарратив самовиктимизации («игры в жертву») был изначально частью западного колониального нарратива, он прошел через идеологическую нормализацию и локализацию, стал частью локальной идентичности»³.

На наш взгляд, такой образ Боснии и бошняков, в конечном итоге, — национальное унижение. Низведение полноценной войны до бессильной фразы «don't let them kill us», как минимум, полностью противоречит истинным чувствам бошняков — достаточно побывать в Сараево, чтобы понять, что мусульмане гордятся своими ветеранами не меньше, чем сербы или хорваты. Оседлав «синдром жертвы» в сфере искусства, бошняки получили, тем самым, поддержку мирового сообщества, но в какой-то степени потеряли себя, стержень, которым могли бы гордиться и на котором можно было бы строить созидательное будущее.

Как известно, искусство должно ранить тех, кто спокоен, и утешать тех, кто ранен. Можно ли, глядя на боснийский кинематограф последних тридцати лет, утвердительно ответить на вопрос «Смогло ли искусство утешить израненное общество»? — Вероятнее всего, нет. Кинематограф так и не стал мостом между народами БиГ — даже образы примирения в нем использовались для распространения нужных политических нарративов. С 2010-х гг. ситуация в этом отношении ухудшилась: производимые картины стали элементом усилий по пересмотру сложившегося поствоенного порядка. Боснийский кинематограф только способствует закреплению разделенного, живущего в параллельных реальностях общества.

³ Hasanović J. Mirroring Europeanization: Balkanization and auto-colonial narrative in Bosnia and Herzegovina //The Unwanted Europeanness. — 2021. — p.90

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ЭКОНОМИК В ПОСТДЕЙТОНСКОЙ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ: ВМЕСТЕ ИЛИ ВРОЗЬ?

«Гражданские организации со всего мира приступят к осуществлению отдельной программы гуманитарной помощи и восстановления, финансируемой в основном нашими европейскими союзниками и другими заинтересованными странами. Эти усилия также абсолютно необходимы для сохранения мира. Это даст жителям Боснии еду, кров, одежду и лекарства, в которых многие были так долго лишены.

Это поможет им восстановиться — восстановить дороги и школы, электростанции и больницы, заводы и магазины. Это воссоединит детей с их родителями, а семьи — со своими домами. Это позволит боснийцам свободно выбирать своих лидеров. Это позволит всему народу Боснии быть гораздо более заинтересованным в мире, чем в войне, так что мир обретет собственную жизнь и логику»

Из выступления Б. Клинтона 27 ноября 1995 г.

Дейтонские соглашения 1995 г. должны были стать институциональной основой интеграционного процесса, способного «размыть» границы «этнических экономик», — наследия периода военных действий. Тем не менее, хозяйственная фрагментация не исчезла, что было обусловлено широкой автономией созданных административно-территориальных единиц и многоуровневой системой управления. Данный раздел посвящен экономической ситуации в постдейтонской БиГ, для анализа которой мы, в том числе, обращаемся к полученным в ходе исследования социологическим данным.

Зачатки функциональной фрагментации экономики Боснии и Герцеговины по этническому признаку появились ещё при османском владычестве и в период австро-венгерской оккупации. Социалистическая индустриализация 1950–70-х гг., в целом, способствовала «закреплению» функциональных ролей этнически гомогенных районов Боснии и Герцеговины, связанных между собой и другими республиками Югославии кооперационными связями. Вместе с тем, одной из задач индустриального развития в тот период выступало создание фактически замкнутых (квазиавтономных) производственных систем с одинаковым набором отраслей тяжелой промышленности в каждой из республик ФНРЮ / СФРЮ, что на рубеже 1980–90-х гг. внесло свою лепту в ускорение процесса экономической дезинтеграции¹. Пространственная дифференциация экономики БиГ, по понятным причинам, в наибольшей степени усилилась в период войны 1992–1995 гг. Границы этнических экономик оформились именно в первой половине 1990-х гг. и сохранялись в первые годы после Дейтонских соглашений, постепенно «размываясь» под влиянием интеграционных факторов, о которых речь пойдет ниже.

В этой связи примечательно, что три флагманских предприятия боснийской промышленности — комбинат черной металлургии в Зенице, алюминиевый комбинат в Мостаре и нефтеперерабатывающий завод в Броде — в 1990-х гг. перешли под контроль выходцев из трех основных этнических групп, что ознаменовало кульминацию процесса фрагментации экономического пространства БиГ².

¹ Стратегически важные отрасли промышленности были представлены предприятиями практически во всех республиках: к примеру, нефтеперерабатывающие заводы функционировали в Нови-Саде и Панчево (Сербия), Риеке и Сисаке (Хорватия), Броде (БиГ), Лендаве (Словения) и Скопье (Македония), комбинаты черной металлургии и сталелитейные заводы — в Смедерево (Сербия), Сисаке (Хорватия), Есенице и Равне (Словения), Зенице (БиГ), Никшиче (Черногория) и Скопье (Македония) и т.д.

² В 1892 г. в общине Дервента со смешанным населением, в структуре которого преобладали хорваты, венгерская компания Dapica построила нефтеперегонный завод. Благоприятное транспортно-географическое положение (р. Сава, принадлежащая к бассейну Черного моря, близость к ж/д магистралям) способствовало быстрому развитию предприятия, которым перед Второй мировой войной владела американская Standard Oil. Позднее НПЗ в Броде (ранее — Босански-Брод) стало одним из системообразующих предприятий экономики БиГ. Согласно переписи 1991 г., численность сербов и хорватов в общине Босански-Брод была примерно одинаковой (по 30%). В 1892 г. в Зенице австрийцы построили сталелитейный завод, близко расположенной к месторождениям коксующегося угля. В структуре населения Зеницы традиционно преобладают славяне-мусульмане. Наконец, алюминиевый комбинат в Мостаре был введен в строй в 1975 г. — важное значение для выбора места его размещения играла близость к порту Плоче и каскаду ГЭС на Неретве. Окрестности Мостара, как и ряд других частей Герцеговины, — область компактного расселения хорватов в 19 — начале 20 в. (в 1950–80-х гг. по 1/3 населения составляли хорваты и славяне-мусульмане, около 1/5 — сербы).

Последствия войны для экономики Боснии и Герцеговины

Социально-экономическая ситуация в период войны была крайне тяжелой. Половина населения страны была напрямую затронута боевыми действиями: согласно данным NRC (Norwegian Refugee Council), число беженцев к концу войны достигало 1,2 млн чел., а внутренне перемещенных лиц в 1993 г. — 1 млн чел³. Многие промышленные предприятия были разрушены противоборствующими сторонами или перестали функционировать. Уничтожено более трети жилого фонда и почти половина физического капитала страны (50% электросетей и 80% энергогенерирующих мощностей, 25–35% автодорог (2 тыс. км), 40% мостов (70), аэропорт в Сараево и т.д.)⁴. Во второй половине 1990-х гг. Всемирный Банк и ЕС выделили на восстановление инфраструктуры БиГ 5,1 млрд долл⁵.

В 1990–94 гг. ВВП Боснии и Герцеговины (в текущих ценах) сократился более чем в шесть раз — с 7,75 до 1,26 млрд долл. Докризисный показатель ВВП удалось превзойти лишь в 2003 г.⁶ В период боевых действий ВВП на душу населения снизился с 1900 до 520 долл./чел. (в 1990 г. — 2430 долл./чел., без учета сектора услуг)⁷. Экономический рост на подконтрольных бошнякам и хорватам территориях возобновился раньше, чем в Республике Сербской, что было вызвано перемирием между ними в результате подписания Вашингтонского соглашения в марте 1994 г. Оно позволило устранить барьеры для внешней торговли и обеспечить поступление больших объемов международной помощи. Сербь в РС, напротив, столкнулись с экономическими санкция-

³ Norwegian Refugee Council / Internal Displacement Monitoring Centre (NRC / IDMC). Global Overview 2014: people internally displaced by conflict and violence — Bosnia and Herzegovina, 14 May 2014. Papić Z. (ed.). International Policies of Support to Southeast Europe — Lessons (not) Learnt in BiH. Sarajevo: Müller, 2001.

⁴ Bosnia and Herzegovina. Emergency transport reconstruction project. Report No. T-6807-BIH. Technical annex. Washington, D.C.: The World Bank, 13 March 1996. Bosnia and Herzegovina: 1996–1998 Lessons and Accomplishments (PEIR). Washington, D.C.: The World Bank, May 1999. Bosnia and Herzegovina — Post-Conflict Reconstruction (Country Case Study). Washington, D.C.: The World Bank, May 2000.

⁵ В связи с тем, что финансовая помощь предоставлялась преимущественно на безвозмездной основе, а не в виде кредитов, государственный долг в конце 1990-х гг. оставался на приемлемом уровне — около 55% к ВВП, по данным МВФ.

⁶ Справедливости ради, ВВП по ППС (в сопоставимых ценах) в 1990–93 гг. снизился с 10,7 до 8,9 млрд. долл., а в 1995 г. превысил уровень 1990 г. (World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org>). Сокращение ВВП в Республике Сербской, по данным МВФ, было несколько меньшим, чем в районах под контролем бошняков и хорватов.

⁷ Эконометрические исследования свидетельствуют о менее значимых эффектах конфликтов. Так, Дж. Мюллер показал, что пятилетняя гражданская война приводит к снижению ВВП на душу населения на 7–22%, а С. Гейтс и др. в отношении конфликта средней интенсивности — на 15% (Müller J. War and Ideas: Selected Essays. New York: Routledge, 2013. Gates S., Hegre H., Nygård H. M., Strand H. Development Consequences of Armed Conflict // World Development. — 2012. — Vol. 40(9). — pp. 1713–1722). Авторы другой работы, в которой рассматриваются последствия войн для 78 регионов бывших югославских республик, утверждают, что ВВП на душу населения в среднем сократился на 38% (в БиГ — на 22%) (Kešeljović A., Nikolić S., Spruk R. Ethnic Conflicts, Civil War and Economic Growth: Region-Level Evidence from former Yugoslavia // arXiv:2505.02431. — 2025).

ми, инициированными ЕС и США и наложенными Советом Безопасности ООН в 1994 г. (Резолюция № 942)⁸. Международные программы экономического восстановления не сразу достигли своих целей, поскольку хозяйственный рост (по 40% в среднем в 1996–99 гг.) практически не сопровождался созданием новых рабочих мест вне государственного сектора⁹.

Промышленное производство в период боевых действий фактически оставалось: в 1993–95 г. его объем снизился до 9–11% от уровня 1991 г. При этом на территории, где проживало преимущественно мусульманское население, выпуск промышленной продукции составлял в 1994 г. всего 1% по сравнению с уровнем 1991 г.¹⁰

Согласно оценкам МВФ, в 1992–93 гг. из-за дефицита товаров произошел резкий рост цен: на контролируемой бошняками территории — в 730 в 1992 г. и в 440 раз — в 1993 г., сербами — в 73 в 1992 г. и 2 квадриллиона раз в 1993 г., хорватами — в 9 в 1992 г. и 11 раз в 1993 г.¹¹ Дополнительное инфляционное давление оказывали санкции против Республики Сербской.

По данным Всемирного банка, уровень безработицы вырос в 1991–95 гг. с 17,6 до 21,1%, причем этот тренд удалось переломить лишь в середине 2000-х гг.¹² Впрочем, существуют и менее оптимистичные оценки реальной

⁸ Pugh M. Postwar Political Economy in Bosnia and Herzegovina: The Spoils of Peace // *Global Governance*. — 2002. — Vol. 8. — pp. 467–482. Tzifakis N., Tsardanidis C. Economic Reconstruction of Bosnia and Herzegovina: The Lost Decade // *Ethnopolitics*. — 2006. — Vol. 5(1). — pp. 67–84. Cox, M. Protests and Illusions: How Bosnia and Herzegovina Lost a Decade. European Stability Initiative, 2014. Kromják L. Bosnia and Herzegovina's Economic Prospects and Historical Background // *Financial and Economic Review*. — 2021. — Vol. 20 (2). — pp. 148–169.

⁹ Ускорение темпов экономического роста и эффективную реструктуризацию хозяйства после войн А.Ф.К. Органски и Я. Куглер называли «эффектом Феникса» (Phoenix effect). Послевоенное восстановление, очевидно, происходит за счет опережающих темпов хозяйственного развития (т.н. догоняющий рост) (Barro R., Sala-i-Martin X. Empirical Analysis of a Cross Section of Countries. In: *Economic Growth*. New York: McGraw-Hill, 1995) П. Колльер, основываясь на модели, описывающей экономические последствия гражданских войн с 1960 г., показывает, что после продолжительных конфликтов экономика восстанавливалась быстрее. Однако если они длились всего один год, ежегодные темпы прироста ВВП в течение первых пяти лет мира были ниже на 2,1%. Утрата физического капитала продолжается и после краткосрочных войн («эффект военного наследия»; war overhang effect), что приводит к затяжному снижению активности в промышленности, строительстве, транспорте и ряде других секторов (Collier P. On the economic consequences of civil war // *Oxford economic papers*. — 1999. — Vol. 51. — pp. 168–183). Анализируя столкновения в 41 стране в 1960–2003 гг., С.Чэн и др. обнаружили, что динамику темпов экономического роста после конфликтов можно представить в форме перевернутой буквы U, когда максимальные значения ВВП на душу населения достигаются на четвертом и пятом годах после перемирия. Авторы утверждают, что опережающие темпы роста в послевоенный период частично объясняются повышением инвестиционной активности (Chen S., Loayza V. N., Reynal-Querol M. The Aftermath of Civil War // *The World Bank Economic Review*. — 2008. — Vol. 22(1). — pp. 63–85).

¹⁰ Bosnia and Herzegovina: Recent Economic Developments. IMF Staff Country Reports, Vol. 1996 (104). Washington, D.C.: IMF, October 1996.

¹¹ Ibid. Стабилизация цен на подконтрольной бошняками территории началась после деноминации динара БиГ в конце 1994 г. и ужесточения кредитной и фискальной политики. В Республике Сербской местный динар утратил платежеспособность и был выведен из обращения в начале 1994 г.; его заменил новый югославский динар, выпускавшийся в Белграде. Боснийские хорваты использовали куну, которую эмитировал ЦБ Хорватии в Загребе.

¹² World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org>

безработицы в период ведения военных действий — до 80–90%; предполагается, что и в 2001 г. она достигала 40–50%¹³. Часть населения была вынуждена осуществлять хозяйственную деятельность в рамках «серой» или «черной» экономики, в связи с чем международные организации оценивают официальное трудоустройство в 1994 г. на территориях с преимущественно мусульманским и хорватским населением в 25 и 20% от уровня 1991 г.¹⁴

Достоверные данные по уровню бедности во второй половине 1990-х гг. отсутствуют; согласно оценкам, за чертой бедности проживало от 20 до 60% населения. Накануне заключения Дейтонских соглашений около 80% жителей полностью или частично зависело от продовольственной помощи. Спустя пять лет после перемирия уровень бедности в ФБиГ достигал 46%, а в РС — 75%. Такой разрыв во многом был связан с тем, что программы помощи наиболее уязвимым слоям населения в Республике Сербской не действовали¹⁵.

Таким образом, военные действия имели разрушительные последствия для экономики территорий, находившихся под контролем бошняков, сербов и хорватов. Возвращение к положительным темпам хозяйственного роста не означало решения структурных проблем, накопившихся в период, предшествовавший острой фазе конфликта. Разграниченные линией фронта этнические экономики функционировали на основе нелегальных и теневых хозяйственных операций, а сложившиеся этно-клиентелистские иерархии служили перераспределению доходов¹⁶. Дейтонские соглашения были призваны установить прочный мир и создать условия для замены неформальных институтов развития общества и экономики формальными. Рассмотрим, в какой мере постдейтонская социально-политическая организация смогла повлиять на процесс фрагментации экономического пространства Боснии и Герцеговины.

¹³ Donais T. The Political Economy of Peacebuilding in Post-Dayton Bosnia. London and New York: Routledge, 2005. Pugh M. Postwar Political Economy in Bosnia and Herzegovina: The Spoils of Peace // Global Governance. — 2002. — Vol. 8. — pp. 467–482.

¹⁴ Bosnia and Herzegovina: Recent Economic Developments. IMF Staff Country Reports, Vol. 1996 (104). Washington, D.C.: IMF, October 1996.

¹⁵ Bosnia and Herzegovina: From Recovery to Sustainable Growth. A World Bank Country Study. Washington, D.C.: The World Bank, May 1997.

¹⁶ Schierup C.-U. Prelude to the Inferno: Economic Disintegration and Political Fragmentation of Socialist Yugoslavia // Migration. — 1993. — Vol. 5. — pp. 5–56. Pugh M., Cooper N., Goodhand J. War Economies in a Regional Context: Challenges of Transformation. London: Lynne Rienner Publishers, 2004. Andreas P. The Clandestine Political Economy of War and Peace in Bosnia // International Studies Quarterly. — 2004. — Vol. 48(1). — pp. 29–51.

Развитие этнических экономик в условиях постдейтонской институциональной трансформации

Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине, подписанное в декабре 1995 г., определило дальнейшее общественно-политическое и экономическое развитие рассматриваемых территорий.

Экономические задачи договора были объединены в Приложении IX («Соглашение об учреждении общественных корпораций БиГ»): подписанты обязуются учредить объединенную транспортную корпорацию, а впоследствии, опираясь на опыт её функционирования — совместные компании в сфере энергетики, коммунальных и почтовых услуг¹⁷. Данный план так и не был выполнен: сторонами были созданы только два наднациональных предприятия по управлению ж/д и автомобильной инфраструктурой.

В Приложении IV указано, что «оба образования не должны препятствовать полной свободе передвижения лиц, товаров, услуг и капитала по всей территории страны». Кроме того, предполагалось учредить Центральный банк БиГ, одной из задач которого должна была стать эмиссия единой валюты, а также проведение единой монетарной, внешнеторговой и бюджетной политики¹⁸.

Большинство экспертов сходятся во мнении, что Дейтонские соглашения не достигли основных целей общественно-политической и экономической интеграции, которые в них напрямую или косвенно провозглашались. Они «практически не создали интеграционные элементы (например, совместные институты) и не предусмотрели каких-либо избирательных или политических стимулов к сотрудничеству»¹⁹.

Важнейшей проблемой, связанной с «наследием Дейтона», является недееспособность официальных институтов, которая, в том числе, обусловлена высокой степенью автономности административно-территориальных единиц. Управление страной стало осуществляться на трёх уровнях, что потребовало создания и финансирования громоздкого бюрократического аппарата. Правительственные структуры БиГ, территориальных образований (ФБиГ, РС), десять

¹⁷ The General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina. Annex 9: Agreement on Establishment of Bosnia and Herzegovina Public Corporations. URL: <https://www.ohr.int/dayton-peace-agreement/annex-9>.

¹⁸ The General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina. Annex 4: Constitution of Bosnia and Herzegovina. URL: <https://www.ohr.int/dayton-peace-agreement/annex-4>.

¹⁹ Tzifakis N. Bosnia's Slow Europeanisation // Perspectives on European Politics and Society. — 2012. — Vol. 13 (2). — pp. 131–148.

кантонов в составе ФБиГ могут принимать и зачастую принимают решения, которые трудно назвать скоординированными, в том числе, в отношении экономической политики. Административно-территориальное деление усложняется наличием 143 муниципалитетов (общин) — 79 в ФБиГ, 64 в РС и округа Брчко²⁰. До начала войны их было 109, то есть число низовых административных единиц после подписания Дейтонских соглашений выросло, несмотря на значительное сокращение населения страны²¹. Дополнительную путаницу в систему управления вносит институт Высокого представителя по Боснии и Герцеговине. Ряд экспертов указывает на дублирование функций и отсутствие координации между четырьмя «полунезависимыми» судебными системами (БиГ, ФБиГ, РС, Брчко), что делает в экономической сфере неэффективной борьбу против коррупции²². Весьма примечательно, что респонденты проведенного коллективного соцопроса на вопрос «Функционирует ли общегосударственная политическая система эффективно» подавляюще ответили отрицательно.

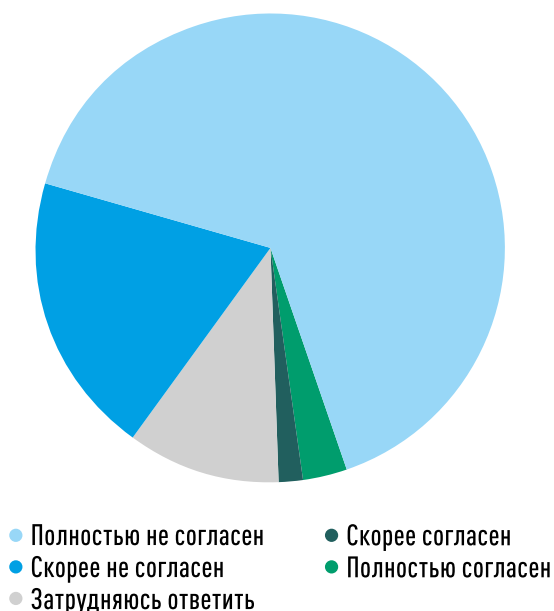

Рис №1. Распределение ответов на вопрос: «Общегосударственная политическая система работает эффективно»

Этно-территориальное разделение власти оставило общегосударственным институтам относительно мало маневра для разработки и имплементации экономической политики. Органы власти БиГ проводят единую монетарную и таможенную политику, а также взимают косвенные налоги (доля НДС, например, достигает 40% в структуре налоговых поступлений). Полномочия образований и кантонов в составе ФБиГ в экономической сфере существенно шире. Кроме того, РС и ФБиГ управляют значительным числом монополий — от энергетических до транспортных. Таким образом, Дейтонские соглашения создали условия для возникновения и усиления этнических партий; их представители стали руководить перерас-

²⁰ Для целей пространственного планирования и сбора статистики 64 общины РС были объединены в шесть нодально-функциональных регионов, которые не являются АТЕ («Пространственный план РС на период до 2025 года», принят в 2015 г.).

²¹ Более того, в кантонах и муниципалитетах ФБиГ со смешанным населением могли возникать параллельные властные структуры (например, органы охраны правопорядка) (Tanaka S. The political economy of power-sharing: patronage politics and ethnic party dominance in post-Dayton Bosnia // Democratization. — 2025. — Vol. 32 (6). — pp. 1450–1473).

²² Belloni R., Strazzari F. Corruption in Post-Conflict Bosnia-Herzegovina and Kosovo: A Deal among Friends // Third World Quarterly. — 2014. — Vol. 35 (5). — pp. 855–871. Donais T. The Political Economy of Peacebuilding in Post-Dayton Bosnia. London and New York: Routledge, 2005. Tanaka S. The political economy of power-sharing: patronage politics and ethnic party dominance in post-Dayton Bosnia // Democratization. — 2025. — Vol. 32 (6). — pp. 1450–1473.

пределением экономических благ, значительная доля которых формировалась в границах административных образований, исходя из принципа национальной принадлежности.

Одним из факторов становления этнических экономик выступало распределение активов с учетом национальной принадлежности — «этническая приватизация». Как было показано выше, значительная часть материальных фондов была утрачена или пострадала в период конфликта, что крайне негативно влияло на процесс восстановления хозяйственной деятельности в республике. Некоторые предприятия возобновили деятельность, но были вынуждены свернуть их, поскольку столкнулись с отсутствием внутреннего и внешнего спроса на свою продукцию. Отсутствие стабильности в производственном секторе сказывалось на развитии бюджетно-налоговой сферы и внешнеторговой сбалансированности, а также ухудшало ситуацию на рынке труда. Естественные монополии, автономно функционировавшие в РС и ФБиГ, работали с переменным успехом и требовали регулярных отчислений для покрытия убытков, что усиливало нагрузку на финансы. Единственным существенным источником капитала, необходимого для восстановления экономики, выступали финансовые потоки международной помощи; денежные переводы диаспор также играли важную роль.

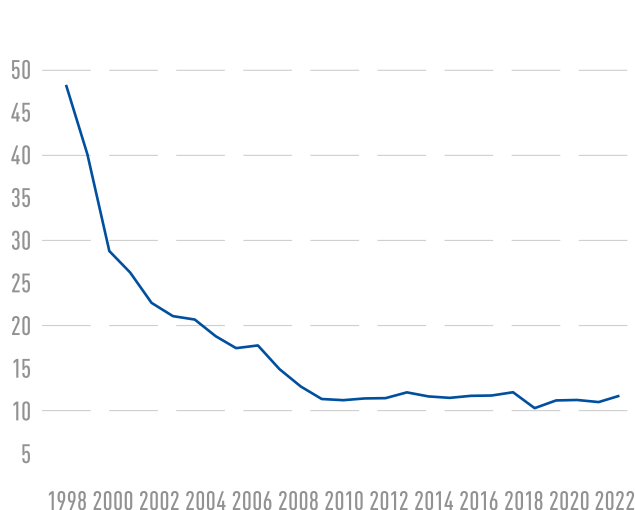

Рис №2. Доля личных переводов мигрантов в ВВП БиГ.
Источник: Всемирный банк

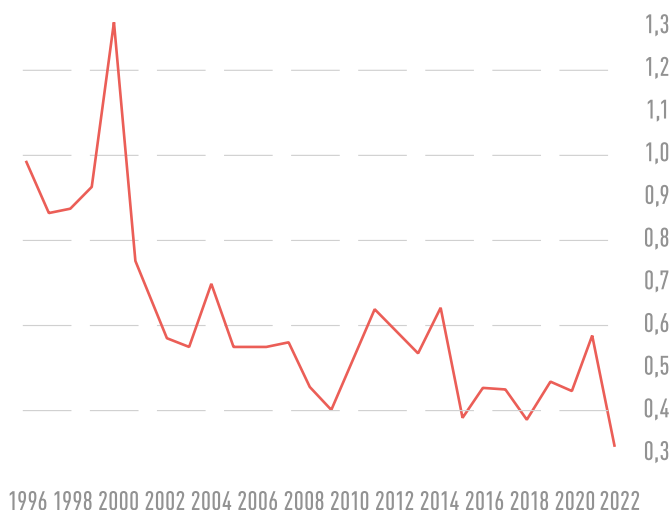

Рис №3. Чистая официальная помощь в целях развития (млрд долл. США). Источник: Всемирный банк.

Приватизация, по распространенному тогда мнению, была призвана повысить конкурентоспособность предприятий. Кроме того, одной из ключевых задач приватизации в БиГ было выведение активов из теневой сферы. Решить её удалось лишь частично: легальная, «серая» и нелегальная («черная») экономики пересекались, поскольку хозяйствующие субъекты зачастую действовали в рамках всех трех типов отношений²³.

²³ Микрокредитные программы Всемирного банка, направленные на поддержку малого бизнеса, критиковали за то, что участие в них может быть прибыльным лишь в случае вовлечения предприятий в операции

Процесс приватизации, который был запущен во второй половине 1990-х гг., протекал медленно. Доля частного сектора в структуре экономики страны через десятилетие после его начала составляла около 50%. Многие приватизационные тендеры, организованные для стратегически важных предприятий, провалились²⁴. Модель массовой приватизации, выбранная для большинства небольших госкомпаний (примерно четверть всех активов), также не принесла желаемых результатов: после передачи собственности населению через сертификаты (ФБиГ) и ваучеры (РС) реструктуризация фирм была затруднена в связи с дефицитом капитала и ноу-хау.

Важно отметить, что агентства по приватизации были учреждены не только на уровне энтитетов, но и в каждом из десяти кантонов ФБиГ; единого НПА в рамках БиГ так и не было принято. Власти образований и кантонов стремились продать госкомпанию представителям своей национальности, в результате чего структура управления и занятости на них носила этнический характер²⁵. С. Танака называет способ сохранения этническими партиями контроля над активами и после приватизации «распределением акций среди партийного актива»²⁶. Нередки были случаи, когда руководящий состав компаний до и после приватизации оставался тем же (т.н. теневые советы, *shadow boards*). Намеренно разорив госпредприятия, «теневые советы» получали в ходе приватизации активы по заниженным ценам.

Территориальная и организационная структура госсектора БиГ доказывает существование этнических экономик. Доминирующее положение по объему активов и показателям занятости занимают госкомпании под контролем образований — РС и ФБиГ; центральные государственные органы, и, тем более, кантоны и муниципалитеты, управляют менее значимыми предприятиями²⁷. Почти 1/2 доходов и более 1/3 занятых в госкомпаниях БиГ приходится на предприятия электроэнергетики и коммунальных услуг (*Elektroprivreda BiH* в Сараево, *Elektroprivreda HZHB* в Мостаре, *Elektroprivreda RS* в Требинье). Кроме того, крупные предприя-

на «черном» рынке (Pugh M. *Postwar Political Economy in Bosnia and Herzegovina: The Spoils of Peace* // *Global Governance*. — 2002. — Vol. 8. — pp. 467–482).

²⁴ В 2000 г. международные организации сформировали список из 140 стратегических госкомпаний (87 из ФБиГ и 53 из РС), которые предполагалось приватизировать (Santrucek S. *Failed Privatisation is to Blame for Bosnians' Exodus* // *BalkanInsight*. — May 16, 2019).

²⁵ Omanovic S. *Accepting Responsibility: Moving Beyond Political and Economic Dependence in Post Conflict Bosnia and Herzegovina*. Washington, D.C.: CIPE, 9 February 2005. Salimović E. *Privatisation in Bosnia and Herzegovina* // *SEER — South-East Europe Review for Labour and Social Affairs*. — 1999. — Vol. 3. — pp. 163–179. Vučetić S. *Peacebuilding and political corruption: the Bosnia case* // *South-East Europe Review*. — 2002. — Vol. 3. — pp. 65–80.

²⁶ Tanaka S. *The political economy of power-sharing: patronage politics and ethnic party dominance in post-Dayton Bosnia* // *Democratization*. — 2025. — Vol. 32 (6). — pp. 1450–1473.

²⁷ Центральным органам власти и правительствам РС и ФБиГ в конце 2010-х гг. принадлежали компании, которые обеспечивали 85% доходов и сосредотачивали такую же долю активов госсектора.

тия функционируют в транспортной сфере (Željeznice FBiH в Сараево, Željeznice RS в Добое, Ceste Federacije BiH в Сараево, Autoputevi RS в Баня-Луке), телекоммуникациях (BH Telecom в Сараево), а также лесном хозяйстве РС (Šume RS), угледобыче (RMU Banovići, RU Kreka) и военно-промышленном комплексе ФБиГ (Igman, Pretis, BNT — ТМиН). Территории, на которых распространяются полномочия большинства перечисленных государственных монополий, определены этническими границами. Они выступают структурообразующими элементами этнических экономик БиГ, во многом определяя (полу)автономный характер функционирования ключевых отраслей.

«Жизнь внутри энтитетов зависит от того, что вы выберете. Если вы решите работать в государственной фирме, будьте готовы вступить в партию» (Ж22, хорватка)

Во второй половине 2010-х гг. каждый десятый занятый в экономике страны был трудоустроен на государственных предприятиях. БиГ являлась единственным государством в регионе, где занятость в госкомпаниях продолжала стабильно расти (80 тыс. чел. на 550 предприятиях)²⁸. При этом эффективность их деятельности в рассматриваемый период была крайне низкой: по расчетам МВФ, средняя рентабельность собственного капитала (ROE) в госкомпаниях характеризовалась устойчивыми отрицательными значениями²⁹. Государственные предприятия накопили существенные долги, а проблемы с ликвидностью вынуждают органы власти разных уровней предоставлять им финансовую поддержку в явном или скрытом виде³⁰.

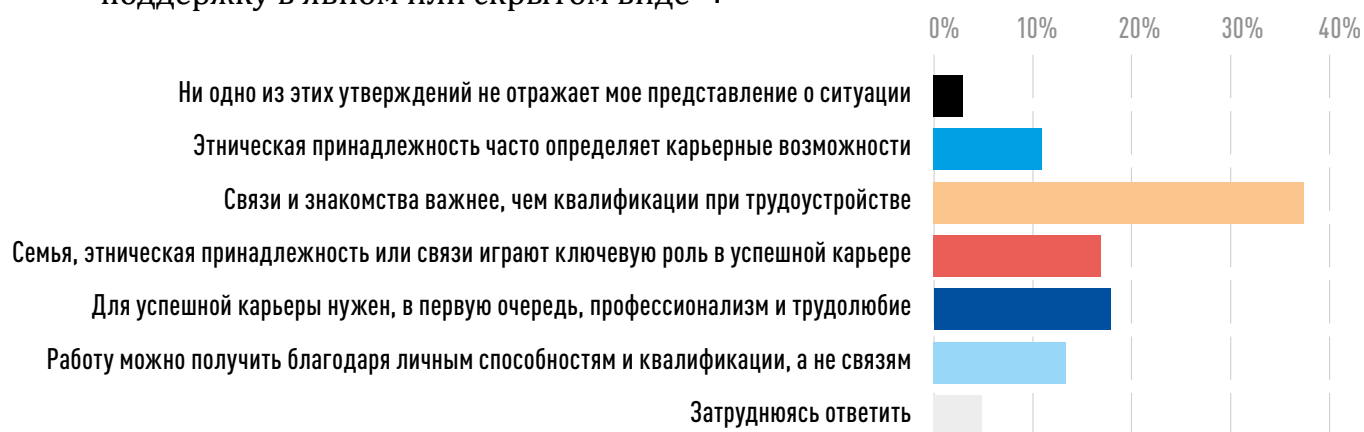

Рис №4. Распределение ответов на вопрос: «Какие утверждения наиболее точно отражают ваши мысли о поиске работы и карьере в БиГ?»

²⁸ Особенностью рынка труда являются и более высокие зарплаты трудоустроенных в госкомпаниях. Согласно данным МВФ, в 2017 г. они получали на 40% выше, чем занятые в частном секторе, хотя рентабельность и производительность труда на государственных предприятиях были ниже (Cegar B., Parodi F. J. State-Owned Enterprises in Bosnia and Herzegovina: Assessing Performance and Oversight. IMF Working Papers WP/19/201. IMF European Department, 2019).

²⁹ Ibid.

³⁰ В меньшей степени указанные проблемы относятся к госкомпаниям в сфере ВПК, телекоммуникаций и энергетики.

По мнению самих граждан БиГ, этническая принадлежность, связи и знакомства продолжают играть весомую роль при трудоустройстве.

Особенности фрагментации экономического пространства современной БиГ

Постдейтонские принципы разделения власти, как было показано в предыдущем разделе, значительно усложняют формирование в БиГ единой общественно-экономической системы. Промышленная, оборонная, трудовая, культурная, пенсионная, образовательная и научно-техническая политика остались прерогативой органов власти на местах. Различия в институционально-правовых системах непосредственным образом влияют на внутри- и внешнеэкономическую деятельность. Институциональная многоуровневость сказывается на эффективности правоприменения: законодательные нормы, действующие в отдельно взятом кантоне, могут противоречить правовым актам в соседнем кантоне, Федерации или государстве в целом. Правила регистрации компаний и налогообложения их доходов, лицензирования и аккредитации, контроля бухгалтерского учета и аудита, занятости, выдачи разрешений на строительство — всё это и многое другое имеет свои особенности в РС и ФБиГ. Институциональные рамки привлечения иностранных инвестиций и предоставляемых зарубежным компаниям преференциальных режимов тоже отличаются. Полномочия по регулированию отдельных отраслей экономики разграничены между административно-территориальными образованиями разного уровня.

Если существование этнических (или, точнее, квазиэтнических) экономик, возникших в период военных действий и эволюционировавших в условиях перехода к рынку, можно оспаривать, то сами положения мирного соглашения обусловили бинарность хозяйственной системы — с центрами управления в Сараево и Баня-Луке.

С некоторой долей условности хозяйственную систему РС можно считать квазиэтнической экономикой: согласно переписи 2013 г., доля сербов в структуре населения достигает 83%, тогда как бошняков — 12,7%, а хорватов — 2,3%. При этом более половины бошняков проживает всего в 4 общинах из 64 (Приедор, Зворник, Добой и Биелина), что свидетельствует о весьма высоком уровне концентрации. В свою очередь, в ФБиГ около 70,4% населения приходится на бошняков, 22,4% — на хорватов, 2,6% — на сербов. Хорваты сконцентрированы в Герцеговине и Посавине: в 4 кантонах из 10 они численно преобладают

Этнический состав Боснии и Герцеговины (БиГ)
согласно переписи населения 2013 г.

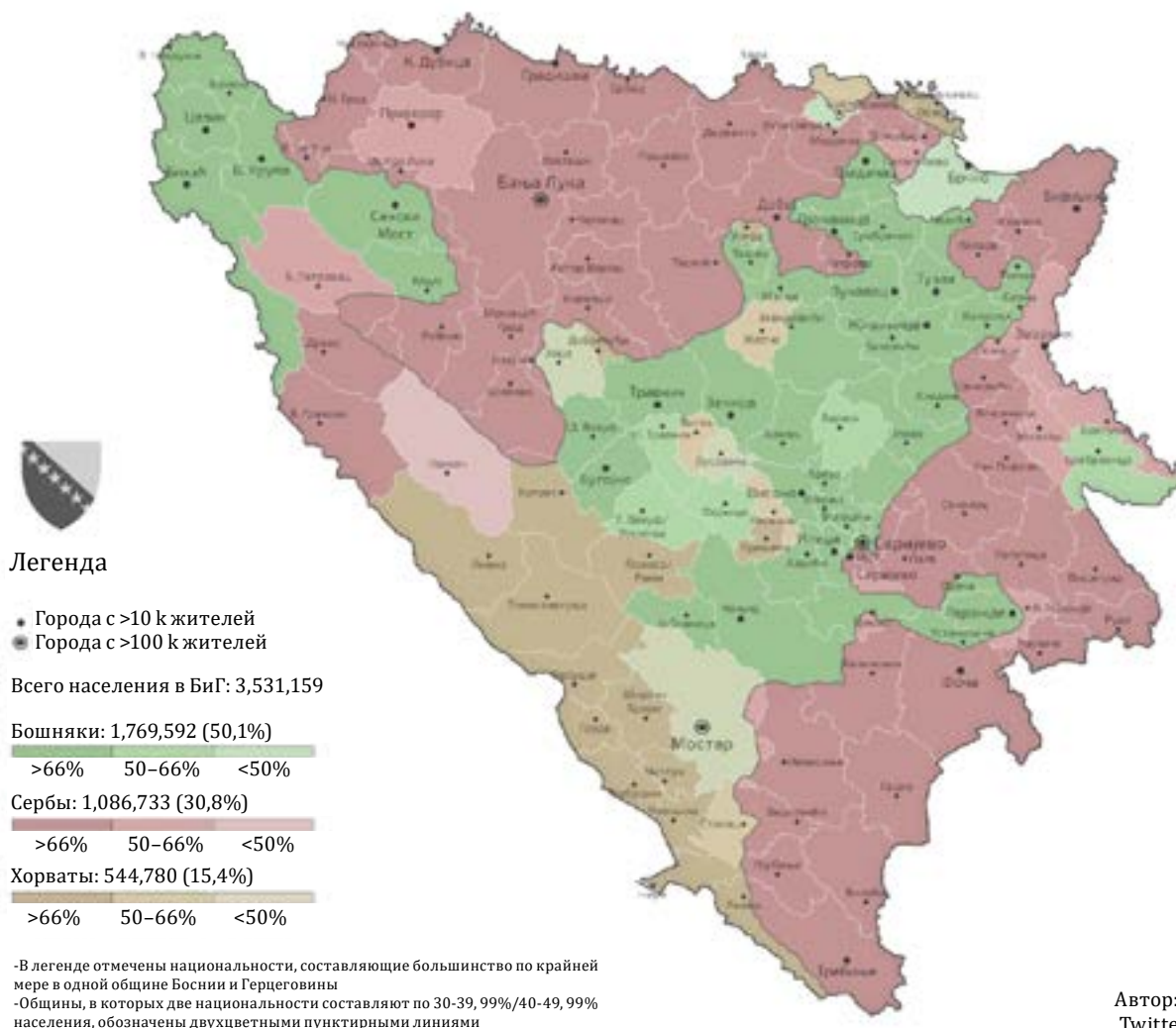

Рис №5. Этническая структура БиГ (перепись населения 2013 г.).

над бошняками, а свыше половины хорватского населения Федерации проживает в 10 общинах из 79 (Мостар, Ливно, Томиславград и др.).

Вклад РС и ФБиГ в социально-экономическое развитие страны различен, что, в первую очередь, обусловлено долей образований в совокупном населении³¹. Соотношение 2:1 в пользу Федерации оставалось неизменным на протяжении XXI в. (см. рис. 6). Такую же пропорцию мы фиксируем и в отношении вклада в ВВП в 2023 г. (в 2000 г. доля РС была несколько меньшей — 31 против 34%). Данные статистических агентств косвенно свидетельствуют о более низкой производительности труда в РС по сравнению с ФБиГ: доля Республики Сербской в совокупной занятости (35–36%) и занятости

³¹ Отталкиваясь от решения поставленной исследовательской задачи, мы не включаем в анализ данные по округу Брчко.

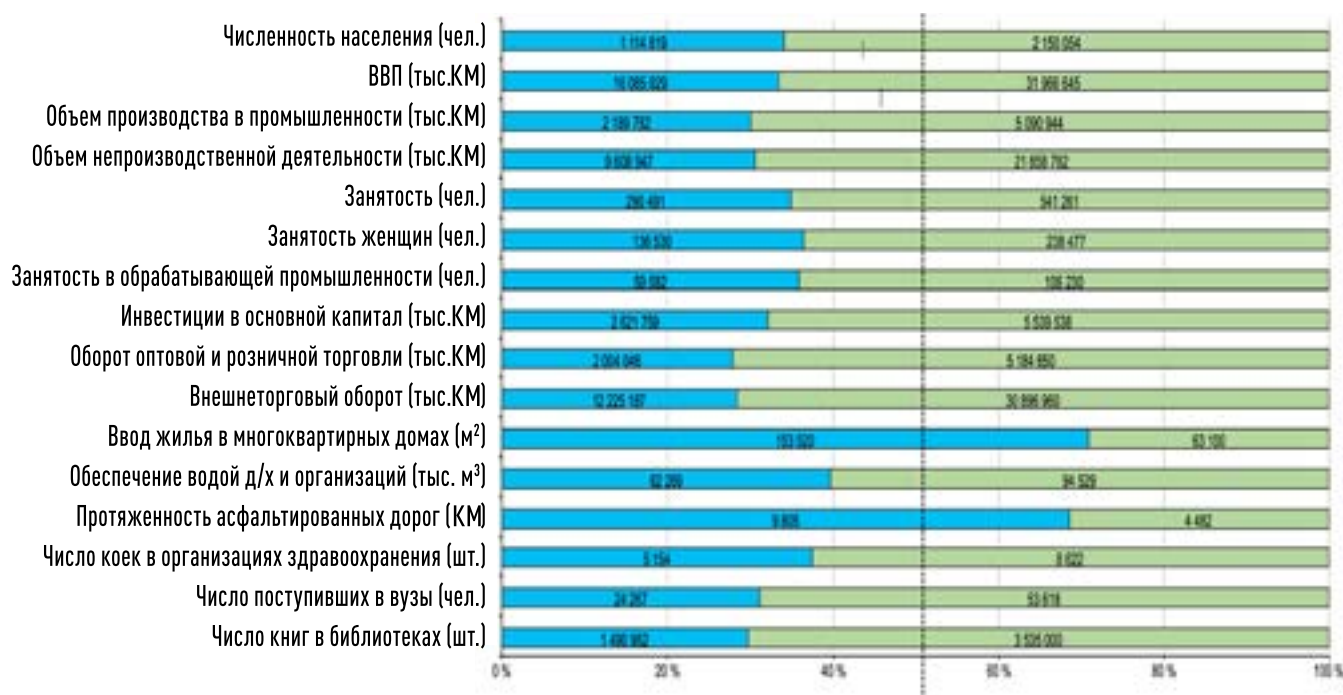

Рис №6. Некоторые показатели социально-экономического развития БиГ в начале 2000-х гг. и 2023 г.: вклад ФБиГ и РС

Примечание: пунктирными линиями показаны пропорции между ФБиГ и РС по отдельным индикаторам в начале 2000-х гг. Секущая пунктирная линия проведена с целью иллюстрации соотношения между образованиями по численности населения в 2023 г. За неимением данных по обоим образованиям на 2000 г. для отдельных индикаторов использована статистика за 2001 г. (занятость женщин, занятость в обрабатывающей промышленности, внешнеторговый оборот, число книг в публичных библиотеках), 2003 г. (обеспечение водой домохозяйств и организаций), 2004 г. (инвестиции в основной капитал, протяженность асфальтированных дорог) и 2007 г. (ввод жилья в многоквартирных домах).

Источник: составлено авторами на основе данных *Statistički godišnjak/ljetopis Federacije Bosne i Hercegovine*. Sarajevo, 2024; *Statistički godišnjak/ljetopis Federacije Bosne i Hercegovine*. Sarajevo, 2006; *Статистички годишњак Републике Српске*. Бања Лука, 2024; *Статистички годишњак Републике Српске*. Бања Лука, 2009.

в обрабатывающей промышленности традиционно выше (36–41%), чем её удельный вес в ВВП, объеме промышленного производства и объеме непроемственной деятельности (около 30% в 2023 г.). Впрочем, существует тенденция к выравниванию уровня производительности: к примеру, в промышленности разрыв между долей РС в занятости и объеме производства в начале 2000-х гг. мог достигать 15 п.п., а в 2023 г. составлял менее 6 п.п. Особенностью национального рынка рабочей силы является и большая вовлеченность женщин в трудовые отношения в РС, чем в ФБиГ (см. рис. 6).

Сохраняется несбалансированность в деятельности торговых предприятий: на Республику Сербскую в 2023 г. приходилось лишь 28% объема оптовой и розничной торговли и внешнеторгового оборота (при доле в населении 34%). Схожая картина наблюдается и в отношении инвестиций в основной капитал.

Для иллюстрации результатов политики, направленной на улучшение жизненных стандартов населения, нами был выбран ряд индикаторов, данные по которым в XXI в. последовательно публиковали статистические управления обоих образований. Выяснилось, что **протяженность асфальтирован-**

	ФБиГ	РС		ФБиГ	РС
Добыча бурого угля (тыс. т)	4118	2105	Производство каменноугольного кокса (тыс. т)	769	0
Добыча лигнита (тыс. т)	1310	5259	моторного топлива и масел (тыс. т)	0	16
Добыча железной руды (тыс. т)	...	1239	гидроксида алюминия (тыс. т)	0	551
Добыча бокситов (тыс. т)	...	351	Производство цемента (тыс. т)	1336	...
Производство лекарств (т)	2372	2041	бетона (тыс. т)	...	1024
Производство мяса (тыс. т)	34	40	Производство стального проката (тыс. т)	582	0
молока (тыс. т)	109	33	глинозема (тыс. т)	0	138
муки	134	59	алюминиевого проката (тыс. т)	64	0
фруктовых соков (гл)	479	29	металлоконструкций (тыс. т)	124	54
пива (гл)	298	339	Производство компьютеров (тыс. шт)	...	8
комбикормов (тыс. т)	32	243	электрических проводов и соединителей (тыс. т)	58	...
Производство пиломатериалов из хвойных пород (тыс. м³)	191	333	Производство бумаги, картона и изделий из них (тыс. т)	127	60
пиломатериалов из лиственных пород (тыс. м³)	...	249	Производство одежды (млн. шт)	23	6
дверей и окон (тыс. шт)	61	47	кожаной обуви (тыс. пар)	2390	1307
паркета (тыс. м³)	6	385	обуви из других материалов (тыс. пар)	448	16395
мебели (тыс. шт)	3394	1103	Производство электроэнергии на ТЭС (тыс. МВт-ч)	4142	5313
			электроэнергии на ГЭС (тыс. МВт-ч)	3559	3148

Табл. 1. Производство некоторых видов промышленной продукции в ФБиГ и РС в 2023 г.

Источник: составлено авторами на основе данных *Statistički godišnjak/ljetopis Federacije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2024*; *Статистички годишњак Републике Српске. Бања Лука, 2024*.

ных автодорог увеличивается в РС более быстрыми темпами, чем в ФБиГ (58 и 67% нового дорожного полотна в БиГ в 2004 и 2023 гг. было сооружено именно в РС). Что касается **обеспечения населения современным жильем**, то и здесь первенство остается за РС (53 и 71% новой жилплощади в многоквартирных домах в 2007 и 2023 гг.). На РС приходится около 40% объема **снабжения домохозяйств и организаций водой** — вновь больше, чем доля этого образования в населении. Выбранному целевому показателю (доля в населении), в целом, соответствуют значения индикаторов **развития высшей школы и здравоохранения**: в начале 2020-х гг. около 30% боснийских абитуриентов поступало в вузы РС, а число коек в медицинских учреждениях этого образования стабилизировалось на уровне 37% от общего числа в стране.

Если мы обратимся к проблеме территориальной и функциональной организации промышленности, где трудоустроена примерно четверть занятых в экономике страны (23% в ФБиГ, 25% в РС), то ожидаемо обнаружим высокую степень внутриотраслевой специализации. В табл. 1 показаны объемы производства некоторых видов промышленной продукции в обоих образованиях, анализ которых позволяет сделать вывод о том, что многие сформировавшиеся в XX в. отрасли по-прежнему играют системообразующую роль в индустриальном развитии страны. В некоторых сферах между ФБиГ и РС сохраняется паритет (например, гене-

рация электроэнергии, добыча энергетического угля или выпуск лекарственных средств), но, по большей части, эволюция промышленности идет в направлении внутриотраслевой специализации. Иногда это может быть обусловлено объективными физико-географическими факторами (залежи железной и алюминиевой руды на территории РС), однако в большинстве случаев такая ситуация связана с «эффектом колеи» — т.е. является следствием решений, принимавшихся властями Австро-Венгрии на рубеже XIX–XX вв. и социалистической Югославии с середины XX в. Например, к такому типу внутриотраслевой специализации относится производство стального и алюминиевого проката, кокса, мебели, оружия и отдельных изделий электроники в ФБиГ, пиломатериалов, глинозема и гидроксида алюминия в РС. Наконец, в пищевой и легкой промышленности, которые характеризуются наименьшей степенью структурной инерционности, специализация ФБиГ и РС на выпуске отдельных видов товаров стала складываться в конце XX — начале XXI вв. (к примеру, молока, фруктовых соков, муки и мяса птицы в ФБиГ, комбикормов в РС; различных типов обуви в рамках контрактного производства для зарубежных брендов).

Оставляет ли специализация место для развития кооперационных связей между предприятиями ФБиГ и РС? Как формируются цепочки добавленной стоимости, включающие хозяйствующие субъекты обоих образований? Какие факторы экономической природы влияют на повышение социально-экономической связности, ослабляя барьерные функции этнических границ? Данные вопросы рассмотрим в следующем разделе.

Факторы, влияющие на социально-экономическую связность ФБиГ и РС

Важнейшую интеграционную роль играет **единая монетарная политика и функционирование учрежденного международными акторами Центрального банка БиГ**. В период конфликта на обособление этнических экономик повлияло создание Национального банка Боснии и Герцеговины, Национального банка Республики Сербской и хорватского платёжного бюро; имели хождение разные локальные валюты, а также денежные единицы соседних стран и, в особенности, немецкая марка. Центральный банк БиГ начал свою деятельность в августе 1997 г. в Сараево — как результат выполнения задач Приложения IV Дейтонских соглашений³². Первый председатель Центробанка (1997–2004 гг.)

³² Филиалы Центробанка действуют в Сараево, Бая-Луке и Мостаре.

действовал по мандату МВФ. Отметим, что текст Закона о Центральном банке БиГ несколько отличается от первоначального варианта, предложенного МВФ, чтобы в большей мере учитывать интересы этнических групп³³.

Центробанк БиГ имеет исключительные права на эмиссию национальной валюты (конвертируемой марки), которая распределяется через его Филиалы. Дизайн банкнот (кроме 200 КМ) отличается для РС и ФБиГ, хотя их внешний вид должен был стать «наглядным символом объединённой страны»³⁴.

Основной особенностью денежно-кредитной политики страны является использование режима валютного совета (currency board regime): национальная валюта обменивается на иностранную («якорную») по фиксированному курсу, определенному в специальном законодательном акте. Предполагалось, что валютный совет должен действовать первые шесть лет с учреждения ЦБ (до конца 2004 г.), но фактически данный режим используется уже почти три десятилетия³⁵.

Основная задача Центробанка БиГ в условиях валютного совета — поддержание фиксированного обменного курса, что опосредованно способствует ценовой стабильности и поддержанию низких процентных ставок в экономике.

Институт валютного совета изначально применялся западными странами в своих колониях, в частности, Британией в Британской Западной и Восточной Африке, на Маврикии, Британской Малайзии (Стрейт-Сеттлментс).

С другой стороны, действуя в соответствии со строгими регулятивными нормами, Центробанк БиГ не имеет никаких дискреционных полномочий. В условиях валютного совета он лишен возможности эмитировать конвертируемые марки без обеспечения, не имеет права проводить активную политику на внешнем финансовом рынке, не может предоставлять кредитные средства исполнительным органам власти, коммерческим банкам или предприятиям³⁶, а также фи-

³³ Контроль Центрального банка над денежной системой на рубеже 1990–2000-х гг. был ослаблен вследствие существования трех «этнических» платёжных бюро, которые осуществляли безналичные расчёты в стране. В период военных действий платёжное бюро РС являлось «неотъемлемой частью югославской платёжной системы» (Coats W. L. The Central Bank of Bosnia and Herzegovina. In: Blejer M. I., Skreb M. Central Banking, Monetary Policies, and the Implications for Transition Economies. New York: Springer, 1999. Coats W. L. One Currency for Bosnia: Creating the Central Bank of Bosnia and Herzegovina. Ottawa: Jameson Books, Inc., 2007).

³⁴ Coats W. L. The Central Bank of Bosnia and Herzegovina. In: Blejer M. I., Skreb M. Central Banking, Monetary Policies, and the Implications for Transition Economies. New York: Springer, 1999.

³⁵ Валютный совет практически не распространен: согласно обзору МВФ, такой режим денежно-кредитной политики в 2022 г. использовали только 12 стран и территорий. К ним, в частности, относятся малые островные государства, входящие в Организацию Восточно-Карибских государств, САР Гонконг и Джибути (привязка к доллару США) (Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions 2022. Washington, D.C.: IMF, 2023). С января 2026 г., когда ожидается присоединение Болгарии к еврозоне, Босния и Герцеговина останется единственной страной в Европе, использующей валютный совет.

³⁶ В рамках режима валютного совета Центральный банк не может выполнять важную функцию кредитора

нансировать дефицит бюджета³⁷. Центробанк БиГ лишен полномочий влиять на обменный курс (например, путем валютных интервенций) для стимулирования экспорта и улучшения состояния платежного баланса в целом. Отсутствие механизма девальвации делает экономику БиГ уязвимой к внешним шокам. Ряд экономистов предупреждает о том, что страна попала в «ловушку валютного совета», поскольку смена режима монетарной политики серьезно не обсуждается³⁸.

В конечном счете, временный механизм валютного совета лишает Боснию и Герцеговину одного из ключевых атрибутов суверенитета — независимой монетарной политики.

Принципы **регулирования банковской деятельности** также выступают результатом постдейтонского разделения власти. Центральный банк БиГ не имеет полномочий регулятора и надзорного органа финансовых рынков. Вместо Центробанка контроль над деятельностью коммерческих банков, микрокредитных, лизинговых и других финансовых организаций осуществляют независимые Банковское агентство РС (с 1998 г.) и Банковское агентство ФБиГ (с 1996 г.), работу которых он может координировать в случае необходимости. В ходе реформы банковского сектора в 2017 г., осуществлявшейся в рамках гармонизации законодательства БиГ и ЕС, полномочия агентств были существенно расширены (возможность интервенций для устранения нарушений, реструктуризация кредитных учреждений, контроль над выполнением особых требований к системно значимым банкам и пр.)³⁹.

Таким образом, важнейшая функция конвенционального ЦБ реализуется в БиГ на уровне энтитетов.

последней инстанции (lender of last resort), т.е. обеспечивать ликвидность для банковской системы в кризисные периоды. Теоретически предоставление кредитов правительству и коммерческим банкам возможно при условии наличия валютных резервов, которые превышают объем необходимого покрытия денежной базы (Silajdzic S. The Currency Board Trap: The Case of Bosnia and Herzegovina // International Journal of Applied Econometrics and Quantitative Studies. — 2005. — Vol. 2 (2). — pp. 47–79).

³⁷ В связи с этим государство вынуждено поддерживать фискальную дисциплину — контролировать бюджетные расходы и повышать собираемость налогов.

³⁸ Ibid. См. также Mastilo Z., Božović N., Mastilo D. Central Bank in the Function of Development of National Economy of Bosnia and Herzegovina // International Letters of Social and Humanistic Sciences. — 2021. — Vol. 90. — pp. 26–36. Gedeon S. J. The Political Economy of Currency Boards: Case of Bosnia and Herzegovina // South East European Journal of Economics and Business. — 2010. — Vol. 5 (2). — pp. 7–20.

³⁹ Zakon o Agenciji za bankarstvo Federacije Bosne i Hercegovine // Službene novine Federacije BiH, 75/17. — 2017. Atlagić N. Implementacija nadzora kao preduslov stabilnosti bankarskog sektora // Financing. — 2020. — Vol. 11 (1). — pp. 19–35. Drljača Z. Regulacija i kontrola bankarskog sistema Republike Srpske // Godišnjak Fakulteta pravnih nauka. — 2015. — Vol. 5. — pp. 262–274.

Проблема пруденциального надзора приобретает дополнительную важность в связи с тем, что особенностью финансовой системы БиГ является ключевая роль банков в обеспечении стабильности — активы кредитно-финансовых учреждений достигают 90% от общего объема финансовых активов. Риски дефицита ликвидности на внутреннем рынке, устранять которые Центробанк не имеет полномочий, могут быть уменьшены за счет деятельности иностранных банков⁴⁰. Действительно, зарубежные кредитные учреждения выделяются в структуре совокупных активов коммерческих банков (до 85–90% в отдельные годы). По состоянию на 2025 г., в ФБиГ осуществляют деятельность 14 банков, а в РС — 8⁴¹. В обоих образованиях зарегистрировано только три банка — итальянский UniCredit Bank, австрийский Addiko bank и словенский NLB Banka. Заметную рыночную долю на рынке ФБиГ также занимают Raiffeisen Bank и Sparkasse Bank (Австрия), ZiraatBank BH (Турция), Intesa Sanpaolo Banka (Италия), ProCredit Bank (Германия). Особенности организации банковской сферы обусловлены этнополитическими факторами: так, итальянские Intesa Sanpaolo и UniCredit действуют на территории Федерации через свои хорватские дочерние структуры Privredna banka Zagreb и Zagrebačka banka, в РС функционирует сербская государственная Banka Poštanska štedionica, а на обслуживание клиентов-мусульман ориентирован пионер исламского банкинга в регионе — Bosna Bank International, принадлежащий инвесторам из Саудовской Аравии и ОАЭ.

Это доказывает, что банковская система страны развивалась в рамках заложенной Дейтоном «этнической колеи», а в широком смысле — в основных геополитических контурах современной Боснии и Герцеговины.

Экономической фрагментации страны способствует и сложившаяся **налогово-бюджетная система**. В приложении IV Дейтонских соглашений указано, что ФБиГ и РС должны за счет собственных доходов формировать государственный бюджет Боснии и Герцеговины (в соотношении 2:1. При этом наряду с государственным оба образования имеют собственные бюджеты, равно как и их административно-территориальные единицы⁴²). Четырехуровневая бюджетная система характеризуется низкой эффективностью и транспарентностью, способствует усилению социально-экономической фрагментации.

В то же время фискальный суверенитет образований был ограничен Законом о системе косвенного налогообложения в БиГ (2003 г.), когда полномочия

⁴⁰ Silajdzic S. The Currency Board Trap: The Case of Bosnia and Herzegovina // International Journal of Applied Econometrics and Quantitative Studies. — 2005. — Vol. 2 (2). — pp. 47–79.

⁴¹ Banke u BiH. Centralna banka Bosne i Hercegovine. URL: <https://www.cbbh.ba/Content/Read/7?lang=bs>

⁴² Объем бюджета ФБиГ на 2025 г. лишь на треть превышает бюджет РС (8,25 против 6,07 млрд КМ).

по сбору НДС, акцизов и таможенных пошлин были переданы вышестоящим органам власти. В 2005 г. учреждено Управление по косвенному налогообложению, штаб-квартира которого находится в Баня-Луке⁴³, а в 2008 г. — Фискальный совет (организация по координации налогово-бюджетной политики на государственном уровне)⁴⁴. Поступления косвенных налогов (в первую очередь, НДС; также акцизов, таможенных пошлин, дорожных сборов) играют ключевую роль в формировании доходной части как бюджета БиГ, так и консолидированных бюджетов образований⁴⁵. На их долю приходится около 45% доходов государственного бюджета, а на прямые — лишь 5–10% (доля взносов в фонды соцстрахования достигает 35%). В РС, для примера, доля косвенных налогов в структуре доходов бюджета на 2025 г. составляет 44%, тогда как налога на прибыль — 10%, подоходного налога — 7%, неналоговых доходов — 7%. Это ставит бюджетную политику в зависимость от уровня потребительской активности, а также свидетельствует о невозможности повысить собираемость прямых налогов — налога на прибыль и подоходного налога (наследие «теневой экономики»)⁴⁶.

Отметим, что косвенные налоги представляют собой пример регрессивной системы налогообложения — налоговое бремя в этом случае ложится на людей с наиболее низкими доходами.

Важную роль в повышении социально-экономической связности ФБиГ и РС играет **единая транспортная и энергетическая инфраструктура**. Система управления инфраструктурными объектами и организации транспортных услуг включает в себя несколько уровней.

Сфера железнодорожного транспорта давно не занимает ведущих позиций в обеспечении грузо- и пассажироперевозок⁴⁷ и характеризуется сравнительно низкой организационной эффективностью, инвестиционным дефицитом и тех-

⁴³ Практическую деятельность осуществляют четыре региональных центра Управления — в Сараево, Баня-Луке, Мостаре и Тузле.

⁴⁴ Право голоса в Фискальном совете имеют шесть членов: Председатель Совета министров БиГ, министр финансов и казначейства БиГ, премьер-министры и министры финансов РС и ФБиГ.

⁴⁵ Введение НДС вместо налога с продаж в 2006 г. также относится к числу важнейших реформ в фискальной сфере БиГ, поскольку ограничивало возможности уклонения от налогообложения и способствовало выводу экономической деятельности «из тени» (Galic M., et al. Fiscal Policy and Economic Growth: The Case Of The Federation of Bosnia and Herzegovina // Uprava. — 2022. — Vol. 13 (2). — pp. 39–55).

⁴⁶ Структура бюджетных расходов характеризуется социальной направленностью: более 1/3 государственного бюджета идет на социальные выплаты, 1/4 представляет собой взносы на оплату труда госслужащих. В РС в 2025 г. на пенсии приходится почти 38% расходов (для сравнения, в Германии и Австрии — около 25%), а на зарплату работников госсектора — 23%.

⁴⁷ Активное создание железнодорожной сети началось ещё в конце 19 в. Первая на территории нынешней БиГ ж/д ветка Баня-Лука — Добрлин была построена турками ещё в 1872 г.

Рис. 7. Карта железнодорожной сети БиГ и Хорватии

Источник: *Railway map of Croatia and Bosnia and Herzegovina*

(by Maximilian Dörrbecker). https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Railway_map_of_Croatia_and_Bosnia_and_Herzegovina.png

нологической отсталостью⁴⁸. Институциональные приоритеты её развития определяет Министерство связи и транспорта БиГ, однако оно лишено контроля над железнодорожными монополиями двух образований — Željeznice FBiH (Сараево) и Željeznice RSn (Добой). Компании управляют своими участками ж/д сети (608 и 417 км) и осуществляют перевозки пассажиров и грузов (см. рис. 7).

Автодорожное хозяйство страны устроено по схожему принципу: общенациональное Министерство взаимодействует с иностранными инвесторами и разрабатывает стратегические документы, Федеральное министерство транспорта и связи и Министерство транспорта и связи РС ведут документооборот на уровне образований, а функции проектирования, содержания, строительства, реконструкции и ремонта региональных и магистральных автодорог возложены на Ceste Federacije BiH (Сараево, с 2002 г.) и Autoputevi RS (Баня-Лука, с 2006 г.).

С целью формирования сети современных автомагистралей руководством Федерации была учреждена компания Autoceste FBiH (Мостар, с 2011 г.). Ряд бос-

⁴⁸ По расчетам экспертов Всемирного экономического форума, БиГ вместе с Албанией и Северной Македони- нией замыкает список стран Европы, ранжированных по показателям эффективности ж/д услуг.

нийских автодорог общей протяженностью более 1,1 тыс. км включен в сеть Европейских автомобильных маршрутов.

Основным проектом, играющим исключительную роль в развитии транспортной системы страны, является создание мультимодального (автомобильного и железнодорожного) коридора Vc, включенного в перечень Панъевропейских транспортных коридоров (в перспективе — участок Трансъевропейской транспортной сети TEN-T). Коридор Vc будет связывать Будапешт и хорватский порт Плоче; четырехполосная автомагистраль протяженностью 325 км на территории БиГ пройдет через Модричу, Добой, Зеницу, Сараево и Мостар (см. рис. 8 и 9). Отметим, что участок коридора в РС будет небольшим по протяженности (47 км)⁴⁹.

Генеральным подрядчиком строительства выступает Autoceste FBiH. Общая стоимость работ оценивается в 4,5 млрд евро, причем ЕБРР и ЕИБ в 2007–24 гг. выделили кредиты на 2,5 млрд евро, а Евросоюз — через Инвестиционный фонд Западных Балкан (WBIF) — гранты объемом 870 млн евро. РС⁵⁰,

Рис. 8. Карта автомагистралей БиГ

Источник: Map of motorways in Bosnia and Herzegovina.

https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Karta_autoputeva_-_Bosna_i_Herzegovina.png

Рис. 9. Маршрут автотранспортной секции коридора Vc на территории БиГ

Источник: Motorway A1 in Bosnia and Herzegovina.

[https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Autoput_A1_\(BiH\).svg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Autoput_A1_(BiH).svg)

⁴⁹ Участок ж/д ветки, который РС планирует реконструировать в 2026–28 гг. в рамках данного проекта на средства Инвестиционного фонда Западных Балкан (WBIF), тоже значительно короче, чем основная часть полотна на территории Федерации, поэтому экономический эффект от модернизации будет ограниченным.

⁵⁰ Один из самых сложных участков — десятикилометровый туннель Прень между Коньцем и Мостаром, сооружение которого обойдется как минимум ещё в 600 млн евро (Corridor Vc in Bosnia and Herzegovina, the road of Europe. URL: <https://wbif.eu/corridor-vc-bosnia-and-herzegovina-road-europe>. Corridor Vc Motorway in Bosnia and Herzegovina. URL: <https://www.wbif.eu/project-detail/PRJ-BIH-TRA-002>).

в свою очередь, ведет переговоры о выделении международными организациями (в т.ч. ЕБРР) 170 млн евро в форме займов для обеспечения деятельности Autoputevi RS. Взаимоотношения с зарубежными партнерами не всегда развиваются по плану: так, в июле 2025 г. стало известно, что Фонд ОПЕК для международного развития перестал финансировать строительные работы из-за несогласия с оценкой их стоимости⁵¹.

Как показывают вышеприведенные карты, логика строительства автомагистралей в БиГ отражает «энтитетский» характер: автомагистрали соединяют между собой населенные пункты внутри БиГ (Сараево–Зеница, Добой (РС) — Баня-Лука). Интересно, что строительство магистрали, призванной соединить Баня-Луку и Сараево, пока не планируется. В данном случае дело не только в сложности строительства участка через Влашич — платная автомагистраль из Сараева до Зеницы также пролегает через горы — сколько в отсутствии политической воли.

Энергетическая система характеризуется не менее сложной системой организации, однако, что важно в контексте исследования внутриэкономической связности, обеспечивающая энергетическую безопасность инфраструктура остается единой. Оператор высоковольтных линий электропередачи NOS BiH осуществляет обмен энергией между ФБиГ и РС, а также со странами-соседями. Компания, деятельность которой регулируется специальной госкомиссией, находится в собственности обоих образований; в органах управления трудоустроены представители всех трёх этнических групп. Производство, распределение и снабжение электроэнергией конечных потребителей в стране и за рубежом осуществляют Elektroprivreda BiH (Сараево), Elektroprivreda HZ HB (Мостар) и Elektroprivreda RS (Требинье)⁵². В национальной структуре генерации электроэнергии доминируют ТЭС на угле (58%) и ГЭС, в т.ч. малые (39%); в Федерации также построены небольшие ВЭС. Опора на собственную энергетическую базу обеспечивает одни из самых низких цен на электроэнергию в Европе⁵³. Установленная мощность электростанций (4045 МВт) распре-

⁵¹ OFID prekida finansiranje: Šta to znači za izgradnju autoputa u Federaciji BiH. Al Jazeera Balkans, 08.07.2025. URL: <https://balkans.aljazeera.net/video/2025/7/8/ofid-prekida-finansiranje-sta-to-znaci-za-izgradnju-autoputa-u-federaciji-bih>.

⁵² Активы Elektroprivreda RS находятся в собственности РС, а по 90% акционерного капитала Elektroprivreda BiH и Elektroprivreda HZ HB принадлежит правительству Федерации. Сараевская компания в 2009 г. была объединена с семью угледобывающими предприятиями в концерн ЕРБиН.

⁵³ Цены для населения во втором полугодии 2024 гг. (в стандартах покупательной способности за 100 кВт·ч) были в 2 раза ниже, чем в Германии, Италии, Польше, Чехии и Румынии, на 1/3 — чем в Хорватии и Болгарии (Electricity prices for household consumers — bi-annual data (from 2007 onwards). Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/product/page/NRG_PC_204).

деляется между тремя указанными компаниями неравномерно: 44 и 33% приходится на Elektroprivreda BiH и Elektroprivreda RS, соответственно.

Распределение зон покрытия между Elektroprivreda BiH (Сараево) и Elektroprivreda HZ HB (Мостар) повторяет контуры территориального контроля на момент заключения Вашингтонских соглашений.

Единая внешнеторговая и таможенно-тарифная политика является немаловажным фактором социально-экономической интеграции. В Приложении IV Дейтонских соглашений закреплена ответственность институтов БиГ осуществлять внешнюю, внешнеторговую и таможенную политику (Статья III)⁵⁴. Вместе с тем в Законе о внешнеторговой политике БиГ (1998 г.) указано, что отвечать за неё должны «органы власти БиГ в сотрудничестве с компетентными органами образований»⁵⁵. В результате соответствующими функциями обладают учреждения ФБиГ и РС, хотя руководящую роль играет Министерство внешней торговли и экономических отношений БиГ, которое, в частности, отвечает за торговую дипломатию (подготовка и заключение международных соглашений и т.п.)⁵⁶. Полномочия в сфере коммерческой ди-

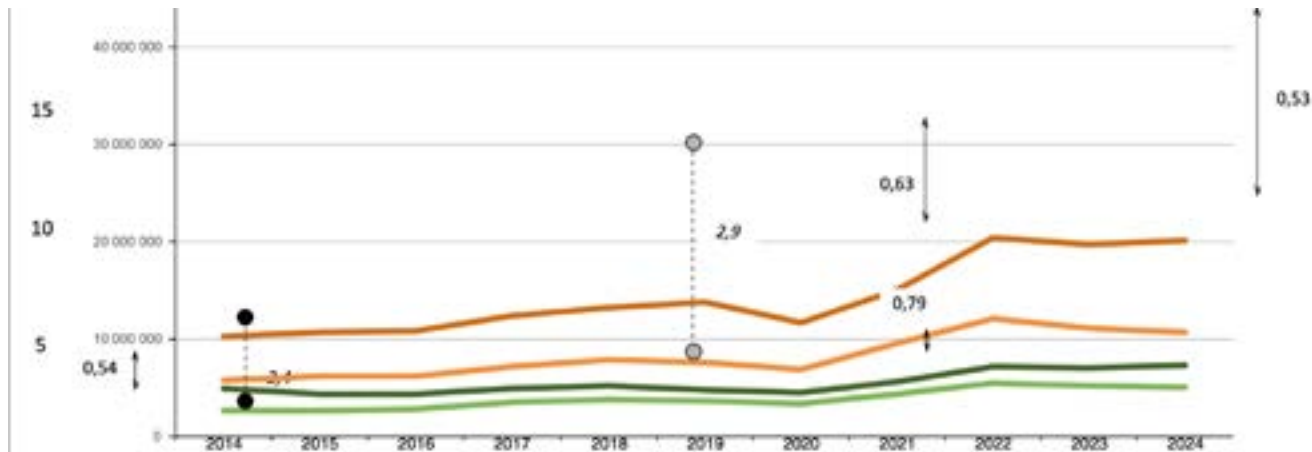

Рис. 10. Динамика экспорта и импорта ФБиГ и РС в 2014–24 гг. (млрд КМ) Источник: М.М. Лобанов, доклад «Постдейтонская экономика Боснии и Герцеговины: вместе или врозь?», Балканский диалог — 2025, г. Требинье, 2–5 июня 2025 г.; составлено по данным Federalni zavod za statistiku Federacije Bosne i Hercegovine (<https://fzs.ba>) и Републички завод за статистику Републике Српске (<https://www.rzs.rs.ba>).

⁵⁴ The General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina. Annex 4. Constitution of Bosnia and Herzegovina. URL: <https://www.ohr.int/dayton-peace-agreement/annex-4>.

⁵⁵ Law of Foreign Trade Policy. “Official Gazette” of Bosnia and Herzegovina, 7/98. https://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Bosnia-Herzegovina/BA_Law_on_Foreign_Trade_Policy.pdf.

⁵⁶ В РС функционирует Министерство европейской интеграции и международного сотрудничества, которое, если судить по официальному перечню его задач, занимается, скорее экономической дипломатией, нежели решением практических вопросов внешней торговли и инвестиционного взаимодействия. В свою очередь, Министерство торговли и туризма РС в большей степени ориентировано на регулирование внутреннего рынка. Напротив, в ФБиГ институциональные условия способствуют проведению внешнеторговой политики: в структуре Федерального министерства торговли выделен Департамент внешней торговли.

пломатии переданы организациям, занимающимся продвижением экспорта и привлечением инвестиций⁵⁷.

Потенциал внешней торговли Федерации заметно выше, чем Республики Сербской, что обусловлено описанными ранее различиями в размерах экономики и более высокой внешнеторговой ориентацией компаний ФБиГ. В первой половине 2020-х гг. объем ВВП образований отличался в 2 раза, а внешнеторгового оборота — в 2,5 раза. В особенности велика дифференциация по импорту — почти в 3 раза (см. рис. 10).

Рост импортозависимости экономики ФБиГ негативно сказывается на внешнеторговой сбалансированности: показатель покрытия импорта экспортом

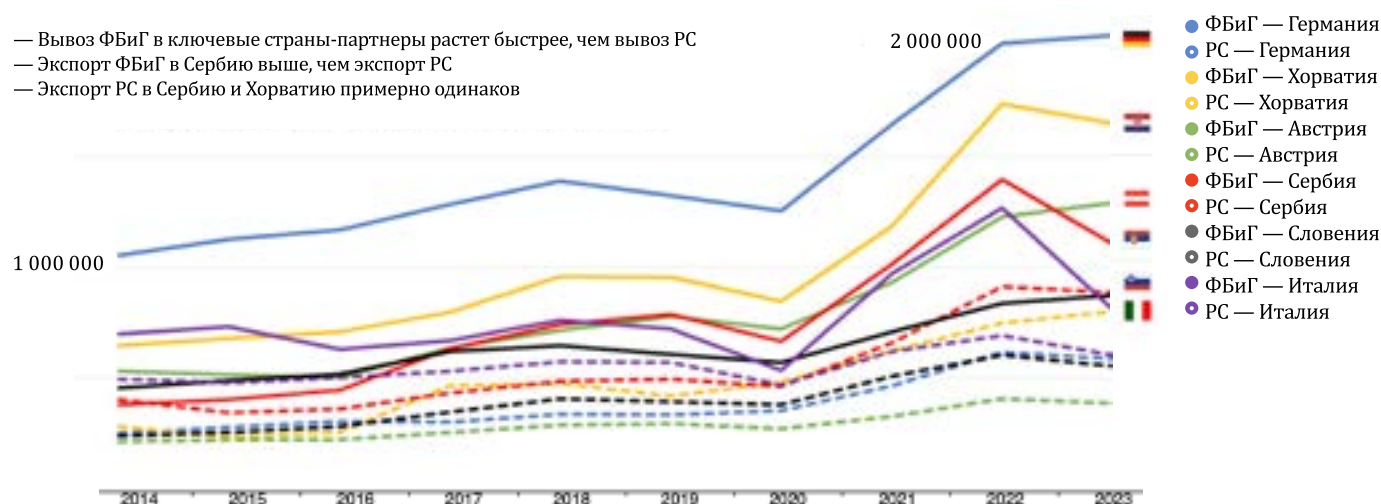

Рис. 11. Динамика экспорта ФБиГ и РС в ключевые страны-партнеры в 2014–23 гг. (млрд КМ)

Источник: М.М. Лобанов, доклад «Постдейтонская экономика Боснии и Герцеговины: вместе или врозь?», Балканский диалог — 2025, г. Требинье, 2–5 июня 2025 г.; составлено по данным Federalni zavod za statistiku Federacije Bosne i Hercegovine (<https://fzs.ba>); Penublički zavod za statistiku Penublike Crneke (<https://www.rzs.rs.ba>); Statistički godišnjak/ljetopis Federacije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2024; Statistički godišnjak/ljetopis Federacije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2022; Статистички годишњак Републике Српске. Бања Лука, 2024.

в 2021–24 гг. снизился с 0,63 до 0,53. Ситуация в РС несколько лучше — уровень покрытия варьировал в пределах 0,7–0,8⁵⁸.

Территориальная структура товарооборота ФБиГ и РС сформировалась под влиянием различных факторов. В целом, можно утверждать о существовании объективных предпосылок ориентации каждого из образований на различные страны-партнеры во внешнеторговой и инвестиционной сферах (культурно-исторических, географических, этноконфессиональных, политических и т.д.). Что касается внешней торговли, в частности, экспорта, то мы можем

⁵⁷ Внешнеторговая палата БиГ (VTK/STK BiH) и торгово-промышленные палаты РС и ФБиГ (Privredna komora RS; Privredna / Gospodarska komora FBiH).

⁵⁸ По показателю отношения экспорта к импорту БиГ традиционно находится на одном из последних мест в Европе

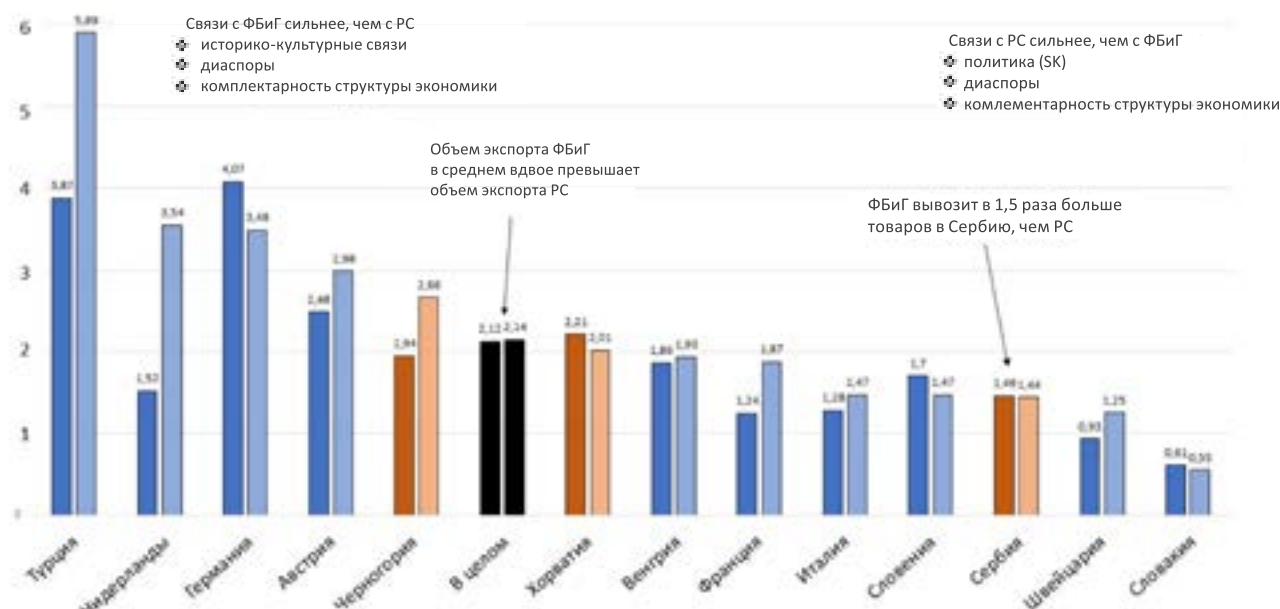

Рис. 12. Отношение объемов экспорта ФБиГ и РС в ключевые страны-партнеры в 2016-19 и 2020-23 гг. (в среднем)

(Примечание: первый столбец — 2016–19 гг., второй — 2020–23 гг.; коричневым цветом выделены страны-соседи БиГ.)

Источник: М.М. Лобанов, доклад «Постдейтонская экономика Боснии и Герцеговины: вместе или врозь?», Балканский диалог — 2025, г. Требиње, 2–5 июня 2025 г.; составлено по данным Federalni zavod za statistiku Federacije Bosne i Hercegovine (<https://fzs.ba>); Републички завод за статистику Републике Српске (<https://www.rzs.rs.ba>); Statistički godišnjak/ljetopis Federacije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2024; Statistički godišnjak/ljetopis Federacije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2022; Статистички годишњак Републике Српске. Бања Лука, 2024.

распределить ключевые страны-импортеры из ФБиГ и РС по условным группам, используя критерий преобладающего фактора для поддержания устойчивого тесного сотрудничества. В одном случае решающее значение имеет «эффект соседства» (Сербия, Хорватия, Словения, Черногория, Венгрия), в другом — «эффект колеи» (Австрия, Турция), в третьем — «эффект масштаба» (Германия, Италия, Франция).

Анализ территориальной структуры экспорта позволяет выявить специфику внешнеэкономической ориентации обоих образований. Вывоз Федерации в ключевые страны-партнеры в 2020-х гг. рос, как правило, более быстрыми темпами, чем Республики Сербской (см. рис. 10). Основной объем экспорта ФБиГ традиционно направляется в Германию, Хорватию, Австрию и Сербию, РС — в Сербию, Хорватию и Италию. Экономико-географические факторы оказываются важнее, чем политические: так, экспорт Федерации в Сербию почти в 1,5 раза больше, чем Республики Сербской, а Хорватия и Сербия занимают в структуре вывоза последней примерно одинаковое место (см. рис. 11 и 12).

Сравнивая объемы экспорта ФБиГ и РС в ключевые страны-партнеры с целевым показателем (соотношением совокупных объемов экспорта двух образований), можно прийти к следующим выводам (см. рис. 10–12). Предприятия Федерации в большей степени, чем компании Республики Сербской, ориентированы на вывоз произведенной продукции в Турцию, Германию, Австрию, а с 2020-х гг. —

в Нидерланды и соседнюю Черногорию. Наличие в списке первых трех стран можно объяснить как экономико-географическими (комплементарность структуры экономики, взаимодополняемость товарообмена), так и этнокультурными (конфессиональная общность, влияние диаспоры и т.д.) факторами. Сближение ФБиГ с Черногорией весьма показательно, учитывая, что в отличие от РС, общей границы у них нет. В свою очередь, Республика Сербская характеризуется более тесными связями со Словакией, Швейцарией, Сербией и, в меньшей степени, со Словенией и Италией (см. рис. 11–12). Можно предположить, что на первый план в данном случае выходят этнокультурные (диаспоры) и политические факторы.

Минимальная зарплата — 1000 марок, но люди зарабатывают больше, ещё учитывая диаспоры — Германия, Австрия, Швейцария. Люди стали там работать: проработают кто-то 3–4 года, кто-то 5. И там накопят много денег, возвращаются сюда. И живут здесь, продолжают жить здесь. То есть, с этими деньгами люди здесь строят какой-то бизнес, инвестиции, даже не знаю что. И живут очень хорошо. <...> И эти деньги, которые там заработали, теперь инвестируют здесь. (Ж22, хорватка)

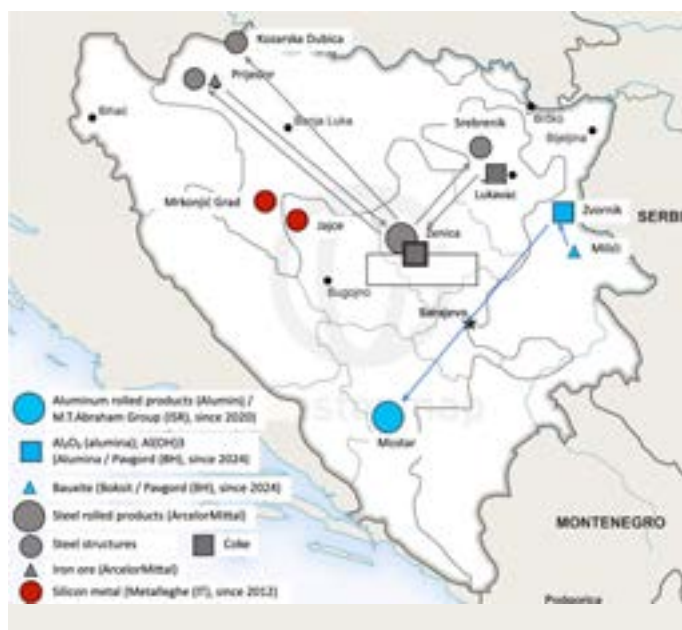

Рис. 13. Металлургия и металлообработка в ФБиГ и РС⁵⁹

Источник: М.М. Лобанов, доклад «Постдейтонская экономика Боснии и Герцеговины: вместе или врозь?», Балканский диалог — 2025, г. Требинье, 2-5 июня 2025 г.

Рис. 14. Обувная промышленность в ФБиГ и РС
Источник: М.М. Лобанов, доклад «Постдейтонская экономика Боснии и Герцеговины: вместе или врозь?», Балканский диалог — 2025, г. Требинье, 2-5 июня 2025 г.

⁵⁹ Подложка для составления авторских карт (рис. 12, 13, 15 и 16) взята с сайта <https://www.onestopmap.com>

Особенности организации экспортоориентированных отраслей лучше всего помогают оценить интеграционный потенциал квазиавтономных экономических систем ФБиГ и РС. В данном случае нас интересует вопрос, какие из них способствуют социально-экономическому сближению двух образований через формирование трансграничных цепочек добавленной стоимости.

Примерами отраслей с высоким интеграционным потенциалом являются металлургия и производство обуви (см. рис. 13 и 14). В частности, в алюминиевой промышленности производственная цепочка объединяет расположенные в Республике Сербской бокситовый рудник и близлежащий глиноземный завод Alumina (Зворник), находящиеся в собственности одной компании, с единственным потребителем оксида алюминия в стране — комбинатом Aluminij (Мостар), в 2020 г. перешедшим под контроль израильской M.T. Abraham Group. Указанные предприятия входят в число ключевых экспортеров страны; глинозем поступает в Словению, Италию и Венгрию, а алюминиевый прокат — в Италию и Хорватию. Связи между образованиями в черной металлургии ещё сложнее. Крупный завод по производству стального проката в Зенице (принадлежит зарегистрированной в Люксембурге корпорации ArcelorMittal) снабжается коксом из Лукаваца (ФБиГ) и железнорудным концентратом из Приедора (РС). Прокат не только экспортируется (в Хорватию, Черногорию, Словению), но и используется как полуфабрикат предприятиями металлообработки как в ФБиГ, так и в РС.

Обувная промышленность является одной из ведущих отраслей международной специализации БиГ (к примеру, вывоз обуви и её заготовок находится на втором месте в структуре совокупного экспорта РС). В связи с этим существующие между предприятиями кооперационные связи играют важную роль в повышении социально-экономической связности образований: фирмы являются прямыми конкурентами на ключевых внешних рынках (в Италии, Германии, Австрии, Хорватии), но при этом связаны цепочками добавленной стоимости. Местные предприятия взаимодействуют с зарубежными ТНК в рамках контрактного производства (ОЕМ и ODM), обмениваясь друг с другом сырьем и материалами.

Продажа электроэнергии за рубеж занимает первое место в товарной структуре экспорта ФБиГ и РС. Электроэнергетика, являющаяся системообразующей отраслью экономики БиГ, играет связующую роль (единый оператор высоковольтных ЛЭП, государственная регуляторная комиссия), хотя производят и реализуют электроэнергию три автономные компании — из Сараево, Мостара и Требинье. Таким образом, ФБиГ и РС являются конкурентами в снабжении ключевых партнеров — Хорватии, Сербии, Черногории и Швейцарии (получает электроэнергию через единую европейскую сеть). Хорватская историческая область Славония обеспечивается за счёт работы

угольных ТЭС «Тузла», «Углевик» и «Станари». В Черногорию и хорватскую Далмацию электроэнергия поступает с каскада ГЭС на р. Неретва, ГАЭС «Чаплина», ГЭС «Требинье» и ТЭС «Гацко», в Сербию — с ГЭС «Вишеград» (см. рис. 15).

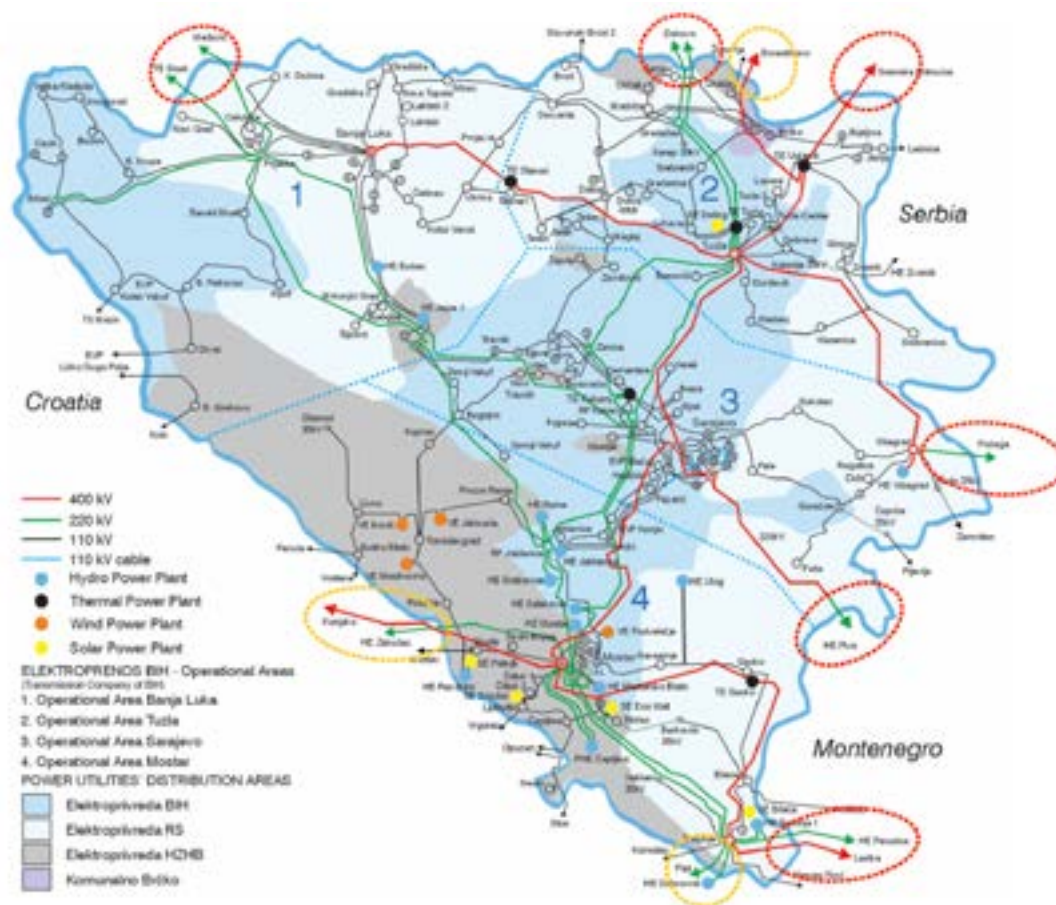

Рис. 15. Электроэнергетика в ФБиГ и РС

Примечание: красной пунктирной линией показаны трансграничные ЛЭП напряжением 220 и 400 кВ на территории РС, оранжевой — ФБиГ.

Источник: авторская модификация карты с сайта Государственной регуляторной комиссии по электроэнергии (<https://www.derk.ba>)

Ряд отраслей, ориентированных на внешние рынки, напротив, характеризуется низким уровнем горизонтальной и вертикальной интеграции. К примеру, в фармацевтической промышленности, развитие которой во многом обусловлено экспортом в Россию (на неё приходится 50–75% вывоза медикаментов), наблюдается острая конкуренция между несколькими производителями из РС и ФБиГ (см. рис. 16). В нефтепереработке монопольное положение занимает российская «Зарубежнефть», владеющая заводами в Броде и Модриче (оба — в РС). Связи компании с ФБиГ ограничены: сырье поступает по нефтепроводу JANAF из Хорватии, а конечная продукция (которая не идет на экспорт в Хорватию, Черногорию и другие страны) реализуется на АЗС Nestro Petrol — свыше 85% заправок сети находится на территории РС.

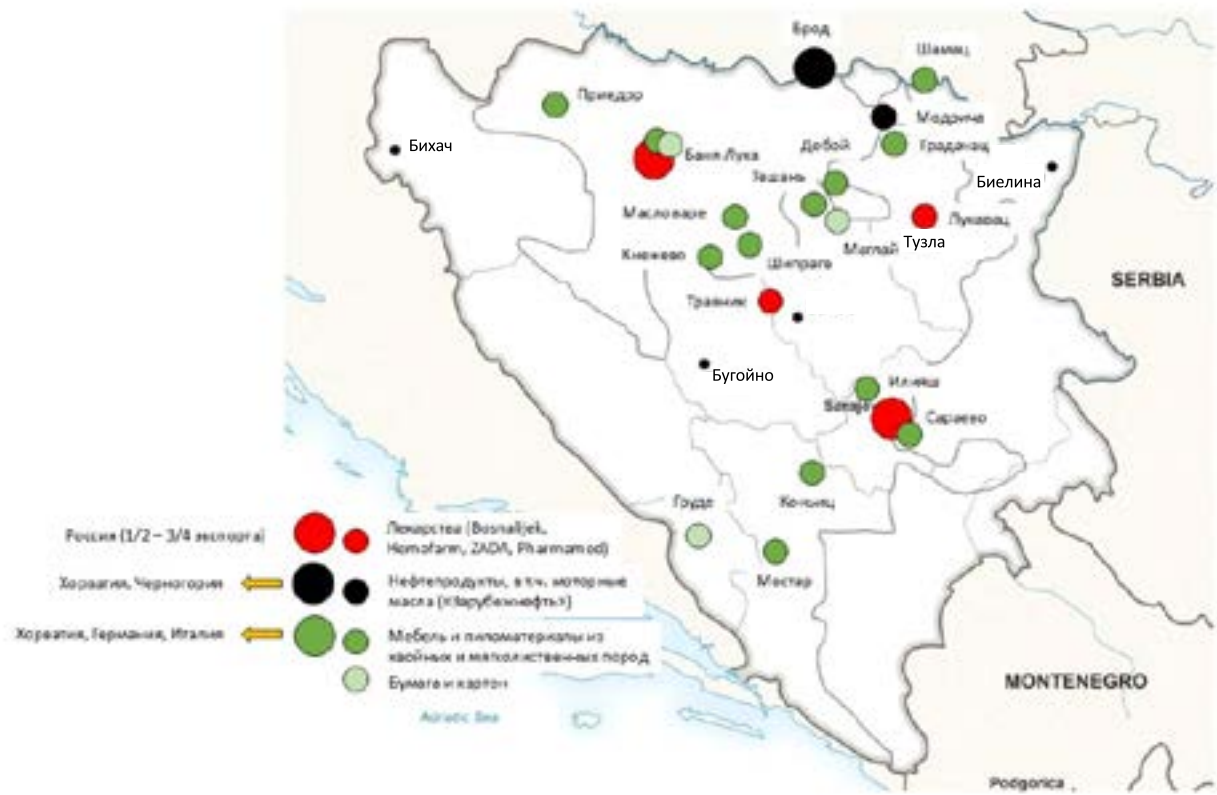

Рис. 16. Фармацевтика, нефтепереработка и лесной комплекс в ФБиГ и РС

Источник: М.М. Лобанов, доклад «Пост-Дейтонская экономика Боснии и Герцеговины: вместе или врозь?», Балканский диалог — 2025, г. Требиње, 2-5 июня 2025 г.

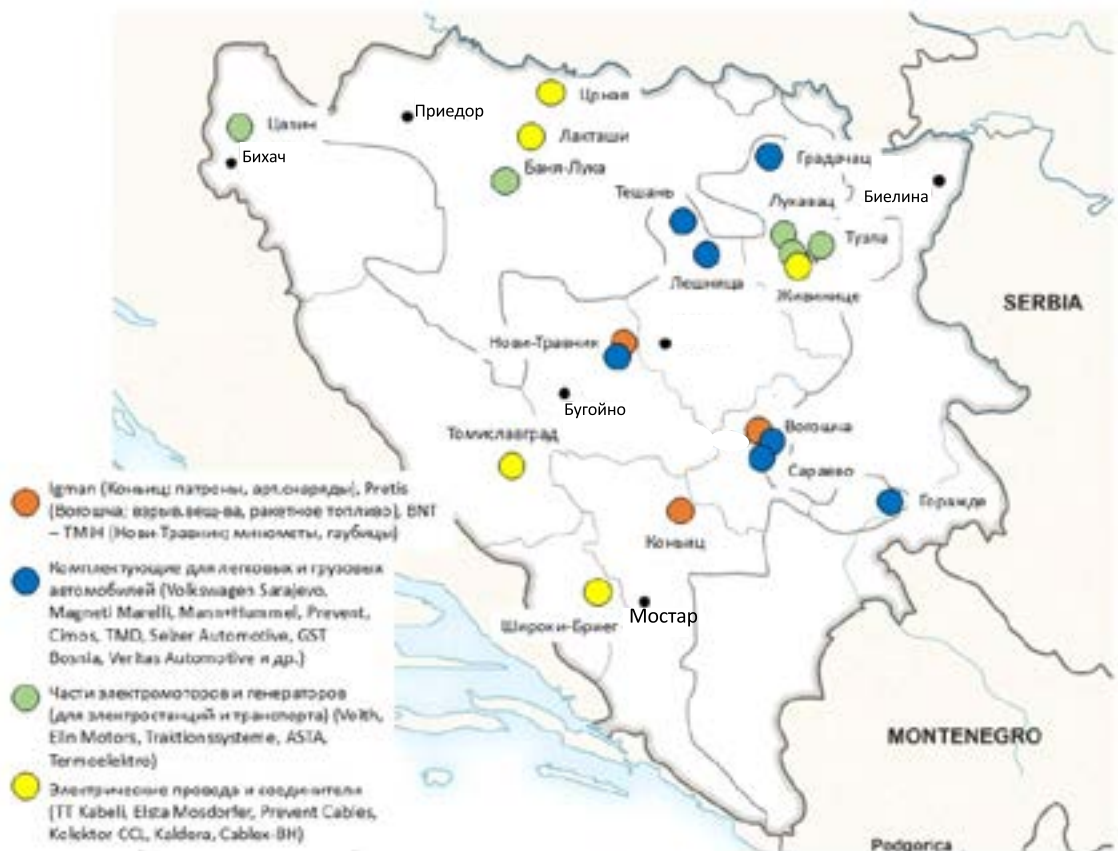

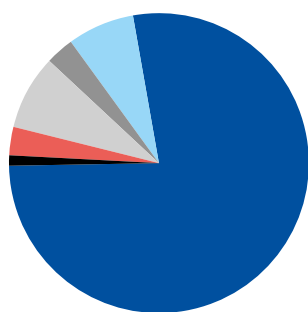
Рис. 17. Машиностроение в ФБиГ и РС

Источник: М.М. Лобанов, доклад «Пост-Дейтонская экономика Боснии и Герцеговины: вместе или врозь?», Балканский диалог — 2025, г. Требиње, 2-5 июня 2025 г.

В целлюлозно-бумажной, деревообрабатывающей и мебельной промышленности уровень конкуренции между предприятиями РС и ФБиГ за внутренний и внешние рынки (хорватский, немецкий и итальянский) традиционно высок. Фактор близости к конечному потребителю обусловил возникновение в северной части РС кластера предприятий лесозаготовки, выпуска пиломатериалов и мебели (см. рис. 17).

Глобальные цепочки добавленной стоимости в машиностроении, как правило, являются одними из самых сложных и длинных. В БиГ размещены, по большей части, промежуточные звенья выпуска машин и оборудования (комплектующие для автомобилей, части электромоторов и генераторов, провода и соединители) (см. рис. 17). Машиностроительные заводы РС и ФБиГ характеризуются низким уровнем локализации и высокой экспортностью производства, а кооперационные связи между ними ограничены. Некоторые важные подотрасли присутствуют только в ФБиГ — они сохранились с периода социалистической индустриализации или были созданы за счет привлечения иностранных инвестиций (например, выпуск вооружения или деталей автомобилей). Таким образом, машиностроительные предприятия в БиГ функционируют в виде экстерриториальных экспортных платформ и не оказывают существенного влияния на социально-экономическую связность Федерации и Республики Сербской.

Готовы ли вы принять участие в потенциально прибыльном совместном бизнес-проекте с представителем другого этноса?

- Я довольно колеблюсь, выгоды привлекательны, но сотрудничество вызывает у меня дискомфорт.
- Я категорически не готов участвовать. (Я бы отказался, даже несмотря на выгоды).
- Не могу сказать/Не знаю.
- Я скорее не готов участвовать. (Скорее всего, я бы отказался, выгоды не играют решающей роли).
- Я скорее готов участвовать, но с некоторым внутренним дискомфортом/настороженностью.
- Я полностью готов участвовать, без каких-либо сомнений. (Этническая принадлежность партнёра не является препятствием).

Ключевая особенность современной экономики Боснии и Герцеговины — это ее укоренившаяся фрагментированность. Это уже не постконфликтная экономика. За тридцать лет сформировались новые внутренние и внешние экономические связи, были реализованы энергетические и инфраструктурные проекты. Однако как направления экономического развития, так и инфраструктурного строительства отражают «этническую колею», в которой развивается БиГ последние 30 лет. Экономическое взаимодействие между энтитетами осуществляется в логике устоявшейся десятилетиями промышленной кооперации; о совместном производстве речи не идет, особенно в свете конкуренции на рынке обуви и медикаментов. Экономические ин-

ституты страны также работают на закрепление сложившейся системы, даже на символическом уровне, как в случае с банкнотами ЦБ БиГ.

Примечательно, что при этом рядовые граждане БиГ на вопрос, готовы ли они принять участие в потенциально прибыльном совместном бизнес-проекте с представителем другого этноса, в подавляющем большинстве отвечают утвердительно.

АППАРАТ ВЫСОКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ: ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ ЧЕРЕЗ УНИФИКАЦИЮ

В мире есть немало образцов внешнего управления территориями в пост-конфликтные периоды: в Камбодже, Западной Новой Гвинее, Восточном Тиморе, на Балканах — в Восточной Славонии, Бараньи и Западном Среме. Однако, во всех этих зонах наднациональные органы не были вписаны в систему внутреннего управления территорией, а выходили за ее рамки, в то время как в Боснии и Герцеговине за прошедшие 30 лет была создана четкая структура международного присутствия, встроенная в государственные институты. История не знает иных примеров, когда признанный член ООН де-факто и **де-юре** имеет в собственной структуре государственной власти ключевые элементы, на формирование которых ни один из жителей страны влиять не может.

Сами Дейтонские соглашения изначально формировали два уровня международного присутствия: (1) *непосредственно внешний* из двух компонентов — гражданского Аппарата Высокого представителя (АВП) и военного, ныне представленного в виде Сил Европейского союза (СЕС), — и (2) *внутренний* с заметной долей иностранцев в своем составе. К последнему относятся такие ключевые структуры, как Конституционный суд Боснии и Герцеговины, аппарат омбудсмана, Центральный Банк, Центральная избирательная комиссия, Палата по правам человека и др. Впоследствии к ним добавился (3) *косвенный уровень* — НКО и НПО, активно сопровождающие внутреннюю и внешнюю политику БиГ, продвигающие «правильные» нарративы о недавнем историческом прошлом, способствующие формированию определенного восприятия, в первую очередь, среди молодежи.

Если первые два — продукт международного договора, то третий — результат взаимодействия первых двух уровней и стран Запада, их контролирующих.

В Боснии и Герцеговине сложилась ситуация, где параллельно существуют две системы управления: неограниченное внешнее и внутреннее, жестко контролируемое извне. Сами же структуры международного присутствия закрепляют и воспроизводят друг друга в логике интересов стран Запада. АВП не является исключением. Несмотря на то, что этот институт задумывался как временный стабилизирующий фактор боснийской политической системы, с течением времени он превратился в инструмент внешнего контроля над процессами, протекающими в стране.

Однако вопрос заключается в направленности и модальности этого контроля. У западных стран была возможность использовать для преодоления конфликта фактически неограниченные полномочия, полученные согласно Дейтонским и Вашингтонским соглашениям. Выбранный коллективным гарантом боснийской суверенности подход привел к противоположному результату, укоренив системный политический кризис в стране и глубокое общественное разделение. На примере анализа решений Аппарата Высокого представителя в судебной и медиасферах, а также в стратегиях работы с исторической памятью, мы показываем, как созданные ООН инструменты были фактически использованы для пересмотра, а впоследствии — для демонтажа изначальной архитектуры Дейтонских соглашений и углубления этнополитического раскола в боснийском обществе.

Аппарат Высокого представителя и «модернизация» Дейтона

В 2000-е гг. в международных отношениях вокруг Боснии и Герцеговины наблюдался период относительного «затишья». Западоцентричные структуры в БиГ пользовались существовавшим консенсусом основных акторов относительно будущего БиГ: евроатлантическая и, прежде всего, европейская интеграция должна была привести к постепенной стабилизации обстановки и примирению. Именно на этот период пришлось наиболее значимые действия первого уровня международного присутствия (АВП), заложившие основу для дальнейшего использования государственного аппарата БиГ в геополитических интересах Запада. Их суть не ограничивалась внутривнутриполитической стабилизацией страны, а сводилась к трансформации политической системы Боснии с целью внедрения институциональных механизмов, обеспечивающих эффективность реализации навязанных извне решений.

В этой связи ключевым становился вопрос реализации конституционной реформы, обсуждение которой было активизировано вступлением страны

в Совет Европы (апрель 2002 г.) и сопровождалось обязательствами по соблюдению требований статьи 3 Устава Совета Европы, а также ряда специальных условий, указанных в Заключении ПАСЕ № 234 (2002)¹. Среди этих обязательств — необходимость укрепления центрального государственного аппарата по отношению к энтитетам и приведение текста Конституции в соответствие с решением Конституционного суда по делу о «конституционных народах» (U-5/98).

По поручению Парламентской ассамблеи Совета Европы в марте 2005 года Венецианская комиссия подготовила консультативное заключение «О конституционной ситуации в Боснии и Герцеговине и полномочиях Высокого представителя»². Ассамблея запросила экспертизу соответствия «Боннских полномочий» ВП принципам Совета Европы, а также оценку соответствия Конституции страны Европейской конвенции по правам человека и Европейской хартии местного самоуправления. Кроме того, комиссия должна была дать общую оценку рациональности и эффективности конституционной системы.

Выводы оказались критическими: комиссия отметила, что «Боннские полномочия», необходимые в первые послевоенные годы, «не соответствуют демократическим принципам, если применяются без надлежащей процедуры и возможности судебного контроля». Венецианская комиссия также обратила внимание на слабость общегосударственных органов власти, которые оказались неспособны «эффективно обеспечивать выполнение обязательств страны перед Советом Европы и международным сообществом». Дополнительно критике подверглись дублирование функций Президиума и Совета министров, роль Палаты народов в законодательном процессе и отсутствие чётких ограничений на использование механизма по защите «жизненных интересов конституционного народа» (вето).

Отдельно комиссия подчеркнула, что Конституция была «разработана и принята без участия граждан БиГ и без процедур, которые могли бы придать ей демократическую легитимность». В заключение было заявлено: «невозможно ожидать реального прогресса в Боснии и Герцеговине при нынешнем конституционном устройстве». Иными словами, Венецианская комиссия напрямую увязывала перспективу отмены международного надзора с необходимостью проведения конституционной реформы, направленной на укрепление внутренних институтов (т. е. централизацию).

В 2005 г. США совместно с 8 партиями БиГ согласовали изменения в Консти-

¹ Заключение № 234 (2002). О заявке Боснии и Герцеговины на вступление в члены Совета Европы. URL: [https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2002\]/\[Jan2002\]/Zak_234.asp](https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2002]/[Jan2002]/Zak_234.asp)

² MIŠLJENJE O USTAVNOJ SITUACIJI U BOSNI I HERCEGOVINI I OVLAŠTENJIMA VISOKOG PREDSTAVNIKA URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2005\)004-bos](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2005)004-bos)

туцию страны, по которым должен был вводиться пост президента и двух вице-президентов, трансформировался круг полномочий парламента и расширялся круг обязанностей Совета министров³. Отказ Парламентской ассамблеи БиГ принять эти поправки в апреле 2006 г. помогли избежать самой масштабной ревизии Дейтонских соглашений⁴. Подобные попытки предпринимались и в 2009 г., когда те же страны организовали переговоры ведущих политических партий БиГ на базе в Бутмире⁵. Целью также была централизация БиГ, расширение функционала исполнительной власти и сокращение полномочий энтитетов: среди предложений обсуждались варианты территориально-политического переустройства страны (три или четыре субъекта) и поправки, касающиеся внешнеполитических полномочий, таких как взаимодействие с международными организациями. Иначе говоря, предложенными поправками предполагалось вывести процесс интеграции БиГ в ЕС и НАТО из-под контроля энтитетов. Также в рамках «Бутмирского пакета» предполагалось закрепление в Конституции БиГ изменений, ранее введенных решениями ВП, что придало бы навязанным извне решениям силу конституционных норм.

Большая часть законотворческой деятельности АВП пришлась именно на нулевые годы (см. Приложение). Так, из 895 рассмотренных решений АВП с 1997 г. 808 (90,28%) было принято до назначения В. Инцко в марте 2009 г. Здесь можно отметить два промежутка. Первый — до прихода П.Эшдауна — 1997–2002 гг. Тогда было принято 309 решений (34,53% от общего числа). Именно тогда зачастую действительно требовалось вмешательство в такие процессы, как возвращение беженцев, общее функционирование госсистемы, экономическая политика и т.д. Даже увольнения чиновников носили в целом этнически сбалансированный характер. Происходила стабилизация жизни в БиГ. В период руководства П.Эшдауна, К.Шварц-Шиллинга и М.Лайчака (2002–2009 гг.) было выпущено 499 решений (55,75%), но именно тогда политика АВП стала приобретать все более политизированный, антисербский и промусульманский характер.

³ Denti D. The European Union and Member State Building in Bosnia and Herzegovina. PhD Thesis, University of Trento. P. 148-152.

⁴ Кандель, П. Е. Босния и Герцеговина, ЕС и НАТО // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1(16). С. 80.

⁵ Пономарева, Е. Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 1(16). С. 72.

В качестве прямой ревизии Дейтона следует отметить такие ключевые меры, как, например, создание Суда БиГ⁶ и Прокуратуры БиГ⁷, проведение реформы спецслужб⁸, реформа армии⁹, создание Управления по косвенному налогообложению¹⁰, попытки осуществления реформы полиции и системы телерадиовещания.

Предполагалось, что весь комплекс реформ должен был стать базисом потенциальных конституционных изменений, представленных «Апрельским пакетом» 2006 г.

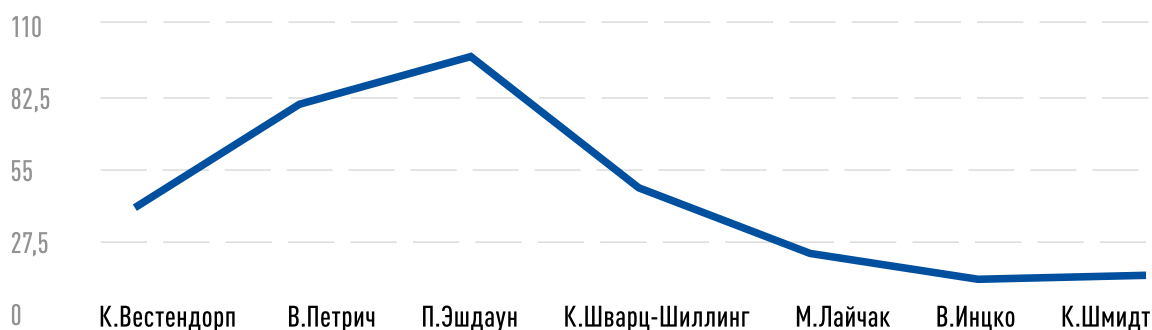

Рис. 18. Количество решений АВП в среднем в год. Источник: составлено авторами.

Фактическое отсутствие оппозиции международному присутствию в стране, наступившее в результате подавления со стороны АВП как сербских, так и хорватских национальных движений, и относительный консенсус среди основных международных акторов (в т.ч. и России) по вопросу проводимой в БиГ политики позволяли тогда АВП регулярно осуществлять прямое вмешательство в политические процессы через «боннские полномочия». Это можно назвать внедрением механизмов «внутреннего контура», то есть правовой и институциональной базы, обеспечивавшей построение «функционального государства», а точнее — унитарной БиГ. В этой связи показательно перераспределение полномочий от энтитетов к общегосударственным органам и формирование судебных механизмов, способных блокировать сербские и хорватские политические инициативы.

В 2010-е гг. прямое вмешательство АВП постепенно становится менее интенсивным, что было связано, во-первых, с утратой консенсуса в составе

⁶ OHR. Decision imposing the Law on the State Court of BiH. 11.12.2000. URL: <https://www.ohr.int/decision-imposing-the-law-on-the-state-court-of-bih-3/>

⁷ OHR. Decision Enacting the Law on the Prosecutor's Office of Bosnia and Herzegovina. 06.08.2002. URL: <https://www.ohr.int/odluku-kojom-se-donosi-zakon-o-tuziteljstvu-bosne-i-hercegovine/>

⁸ Hadžović D., Dizdarević E. Intelligence Governance in Bosnia And Herzegovina. DCAF, 2011. P. 4.

⁹ OHR. Izvještaj Komisije za reformu odbrane 2005. p. 41-87.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 933. ОП. 8. Д. 3. П. 16. Л.154.

Руководящего комитета Совета по выполнению мирного соглашения (т. е. среди государств-гарантов Дейтонских соглашений), а во-вторых — ростом сопротивления локальных национальных элит, использовавших изменение международной ситуации. С 2009 г. по настоящее время АВП было принято 87 решений (9,72%). За 12 лет пребывания на посту В.Инцко (2009-2021 гг.) — 64 решения (7,15%). К. Шмидт за четыре последних года принял уже 23 решения (2,57%). Соответственно, именно к 2010-м гг. внерегиональными акторами был завершён процесс формирования «внутреннего контура» управления БиГ, который так и не решил проблему перманентного политического кризиса в стране. Курс на евроинтеграцию не стабилизировал межнациональные отношения и не мог этого сделать по определению. Это, в свою очередь, привело к «размораживанию» силовых методов решения политических проблем. Последствия их применения мы наблюдаем сегодня.

В то же время, подход заинтересованных акторов претерпел изменения: более активно стали использоваться органы власти БиГ и «гражданский сектор», работа которых только дополняется и контролируется АВП.

Наиболее наглядно эффект деятельности АВП виден в конкретных областях — судах и медиа.

Судебная система

Судебная система в БиГ имеет довольно сложную структуру и является наглядным примером второго уровня международного присутствия. Оба энтитета имеют собственные судебные структуры. Также существуют Конституционный Суд БиГ и Суд БиГ, созданный по решению АВП от 12 ноября 2000 года. В самой системе судов и прокуратуры присутствуют назначаемые АВП международные чиновники. В Конституционном суде из семи членов трое — иностранцы, что даёт им право решающего голоса при отсутствии консенсуса трех народов. Контроль именно над этой сферой со стороны наднациональных структур — одно из важнейших направлений деятельности АВП.

Тематике судов посвящено с 1997 г. 175 решений (19,95%) — второе место после увольнений чиновников (176 решений). Так, у наиболее активного Высокого представителя П.Эшдауна, радикально сменившего этнически сбалансированный курс предыдущих международных чиновников на антисербский, судам отводилось 113 решений из 385 всего (29,35%). Причем реформирование носило как довольно рутинный (вопросы делопроизводства и бюрократического функционирования системы), так и системный характер (работа прокуратуры, адвокатуры, реформирование судов в кантонах и энтитетах).

Стоит отметить, что именно судебная сфера является одним из основных «триггеров» для Бания-Луки в контексте всей системы международного присутствия. Это видно даже по событиям 2025 г.: В ответ на намерение Народной скупщины РС провести референдум о доверии к властям 25 октября 2025 г., вызванного решением Суда БиГ об отстранении М.Додика с поста Президента РС¹¹, 15 сентября 2025 г. Вече народов Конституционного суда РС удовлетворило требование Клуба делегатов-бошняков о рассмотрении по существу нормативно-правовых актов по планируемому референдуму, т.к. они могут затрагивать жизненно важные интересы бошняков¹².

В результате произведенных трансформаций проведение жестких решений на уровне Аппарата Высокого представителя стало необязательным. Необходимые решения принимались общегосударственными институтами при поддержке Запада. Прямые решения остро-политического характера принимаются на уровне АВП только тогда, когда очевидно, что внутреннего консенсуса добиться не удастся. Пример — действия по поправкам в уголовное законодательство июля 2021 г., когда В. Инцко криминализовал «отрицание геноцида».

Конституционный суд БиГ стал ключевым органом по демонтажу Дейтонской архитектуры: такое положение вещей определяется не только полномочиями, но и принципом комплектования КС, который предполагает, что судьям от «международного сообщества» для того, чтобы обеспечить принятие того или иного решения, в принципе нет необходимости добиваться компромисса между представителями конституционных народов БиГ, а достаточно лишь заручиться поддержкой представителей одного из них. Именно по этой причине свою роль в трансформации политической системы БиГ данный орган стал выполнять уже с конца 1990-х гг.

Так, после проведения представителями боснийских элит Круглого стола на тему «Как добиться конституционности бошнякского, хорватского и сербского народов на всей территории БиГ», состоявшегося 5 апреля 1998 г., бошнякский член Президиума БиГ А. Изетбегович обратился в КС БиГ с инициативой проверить соответствие конституций Федерации и Республики Сербской конституции БиГ, признававшей конституционными народами мусульман, сербов и хорватов, тогда как в Конституциях

¹¹ Odluka Suda BiH povodom žalbe Milorada Dodika na odluku CIK-a URL: <https://www.sudbih.gov.ba/Post/Read/ODLUKA%20SUDA%20BIH%20POVODOM%20%C5%BDALBE%20MILORADA%20DODIKA%20NA%20ODLUKU%20CIK-A>

¹² Saopštenje za javnost sa 170. i 171. sjednice Vijeća za zaštitu vitalnog interesa URL: <https://www.ustavnisud.org/Doc.aspx?cat=12&subcat=27&id=892&lang=bos&tekst=2691>

*энтитетов конституционными в Федерации признавались только мусульмане и хорваты, а в РС — сербы*¹³.

Удовлетворявшее требования заявителя решение КС БиГ по делу U 5/98-III, формально ставившим во главу угла права человека, становилось краеугольным камнем для последующего вмешательства АВП в политические процессы энтитетов под предлогом исполнения решения КС БиГ. Так, В. Петрич, воспользовавшись данным решением суда, вкупе с принятыми Временной избирательной комиссией по инициативе ОБСЕ поправками в избирательный закон, смог в значительной степени нивелировать политическое влияние хорватской общины в целом и ХДС БиГ, в частности, что обусловило столкновение с хорватскими политическими силами, заявившими о планах по созданию третьей политической единицы (т. н. «Хорватское самоуправление») и в значительной мере провоцировало перманентный паралич системы управления Дейтонской БиГ.

Серьезными были последствия и для РС: данным решением суда она де-юре переставала быть энтитетом именно сербского народа, что позволяло сторонникам централизации БиГ в условиях вытеснения Сербской демократической партии из политической жизни РС, во-первых, навязывать практику по пересмотру распределения полномочий между общепоснийскими и энтитетскими органами власти, а во-вторых, **ставить вопрос о символике Республики Сербской**. В этой связи весьма показательны, что накануне обсуждения первой комплексной конституционной реформы, член Президиума БиГ С. Тихич направил запрос на оценку соответствия основному закону и Европейской конвенции о правах человека и основных свободах самого названия «Республика Сербская», которое, по мнению бошнякского политика, содержало в себе дискриминацию не-сербского населения¹⁴. Весьма показательны, что требования С. Тихича были частично удовлетворены и, таким образом, КС БиГ не только создавал юридические предпосылки по демонтажу Дейтонской архитектуры политической системы БиГ, но также де-факто подтвердил законотворческие полномочия ВП (формально, сославшись на то, что КС БиГ не компетентен пересматривать полномочия, предоставленные ВП в соответствии с Приложением 10 к Дейтонскому мирному соглашению)¹⁵. Иными словами, деятельность Конституционного суда несла в себе определенный поли-

¹³ Vukoja I., Sitarski M.. Bosna i Hercegovina – Federalizam, Ravnopravnost, Održivost: Studija preustroja BiH u cilju osiguravanja institucionalne jednakopravnosti konstitutivnih naroda. Mostar: Institut za društveno-politička istraživanja (IDPI), 2016. S. 40.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 933. ОП. 10. Д. 5. П. 21. Л.136-137.

¹⁵ Ustavni sud Bosne i Hercegovine. Decision, case No. U 25/00. URL: <https://www.ustavnisud.ba/uploads/odluke/en/U-25-00-12370.pdf>

тический посыл, и именно этот факт предопределил отказ сербской стороны от продолжения работы ее представителей в данном общегосударственном органе власти.

Через Конституционный Суд начался процесс делегитимации РС и Дейтонской архитектуры в целом.

Медиапространство

Формирование единого медиапространства, подчинённого международному контролю, стало одним из приоритетов западных акторов, о чем говорят действия наднациональных структур уже вскоре после подписания Дейтонских соглашений. Необходимо отметить, что эта политика в равной степени была направлена на подавление информационной автономии как Республики Сербской, так и хорватской общины.

АВП, еще до утверждения «боннских полномочий» в сентябре-октябре 1997 г., был скоординирован ряд операций контингента НАТО в БиГ, целью которых являлось установление контроля над медиаинфраструктурой РС под предлогом предотвращения использования эфира «экстремистами»¹⁶. На практике это означало лишение сербского руководства в Пале возможности проводить самостоятельную политику в сфере теле- и радиокommunikаций, и становилось первым серьезным шагом в направлении установления полного контроля над медиасферой со стороны международных структур.

Данная политика получила также институциональное оформление: в июне 1998 г. по инициативе ВП К. Вестендорпа была создана «Независимая медиакомиссия» (Independent Media Commission, IMC), в сферу ответственности которой был включен вопрос определения стандартов вещания СМИ в БиГ, контроль над их соблюдением, а также выдача лицензий. «Независимая медиакомиссия» для реализации своих решений получила право «пользоваться поддержкой всех правоохранительных органов в БиГ и Сил по стабилизации (СПС) или их преемников»¹⁷.

Таким образом, медиапространство РС сначала де-факто, а позднее — де-юре было выведено из-под контроля руководства энтитета: управление

¹⁶ Энгельгардт Г. Н. Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 174–175.

¹⁷ OHR. Decision on the establishment of the Independent Media Commission. 11.06.1998. URL: <https://www.ohr.int/decision-on-the-establishment-of-the-independent-media-commission/>

«Независимой медиакomisсией» осуществлялось Советом и Генеральным директором, назначаемыми ВП. «Независимая медиакomisсия» стала органом управления «внутреннего контура», легитимирующим в БиГ те решения, которые принимались внешними акторами в сфере теле- и радиовещания что было дополнительно закреплено решением АВП. В 1999 г. В. Петрич внес поправки в Закон Республики Сербской «О радио и телевидении», согласно которому «радио и телевидение Республики Сербской не должно осуществлять вещание, за исключением случаев, предусмотренных лицензией или лицензиями, выданными Независимой комиссией по средствам массовой информации или ее правопреемником»¹⁸.

По отношению к подконтрольной хорватским элитам медиа-инфраструктуре АВП действовал аналогичным образом: в конце 1999 г. решением АВП вступил в силу закон Федерации «О радио и телевидении»¹⁹, обеспечивавший функционирование РТВ ФБиГ. При этом хорватская компания «Эротел», осуществлявшая ретрансляцию программ ХРТ (Хорватское радиотелевидение) на территории БиГ, была закрыта решением «Независимой медиакomisсии» после отказа хорватской компании выполнять требование регулятора по ограничению собственного вещания под предлогом отсутствия лицензии. Окончательно работа хорватской медиакomisсии в БиГ была завершена 17 февраля 2000 г., после того как представители «Независимой медиакomisсии» при содействии группы технических экспертов и СПС провели работы по приостановке деятельности передатчика телекомпании «Эротел» в Мостаре в связи с игнорированием компанией решений о прекращении ее работы²⁰.

Изменения в сфере медиа коснулись также RTV БиН (переименована в ВНРТ), которая была подвергнута реструктуризации: подход международных акторов предполагал создание единой системы общественного радио- и телевидения, состоящей из трех главных элементов: общественной системы вещания (PBS), охватывающей всю территорию БиГ, и двух локальных систем в энтитетах — ТВ ФБиГ и ТВ РС²¹. ВНРТ, включенная в единую систему вещания, должна была стать общегосударственным и межэтническим СМИ²².

¹⁸ OHR. Decision amending the Law on Radio-Television of the RS.01.09.1999. URL: <https://www.ohr.int/decision-amending-the-law-on-radio-television-of-the-rs/>

¹⁹ OHR. Decision on the implementation of the Law on Radio-Television of the Federation. 06.12.1999. URL: <https://www.ohr.int/decision-on-the-implementation-of-the-law-on-radio-television-of-the-federation/>

²⁰ OHR. Decision on the implementation of the Law on Radio-Television of the Federation. 06.12.1999. URL: <https://www.ohr.int/decision-on-the-implementation-of-the-law-on-radio-television-of-the-federation/>
АВП РФ. Ф. 933. ОП. 5. Д. 3. П. 9. Л. 91.

²¹ АВП РФ. Ф. 933. ОП. 5. Д. 5. П. 9. Л. 96.

²² Jusić T., Ahmetašević N. Media Reforms through Intervention: International Media Assistance in Bosnia and Herzegovina. ANALITIKA Center for Social Research, Working Paper 3/2013. URL: file:///C:/Users/eremi/Downloads/jusic_and_ahmetasevic_-_rrpp_bih_medassistance_31dec2013_final.pdf

Впоследствии решением В. Петрича «Независимая медиакомиссия» и Агентство по регулированию телекоммуникаций были объединены в единый надзорный орган — «Агентство по регулированию в сфере коммуникации» (Communications Regulatory Agency, АРСК)²³. Таким образом, к середине 2000-х гг. наднациональные структуры завершили подготовку целостной реформы в медиасфере. Наряду с комплексом реформ в сфере государственного управления, финансов и безопасности, она должна была стать одним из элементов, подготавливавших изменение конституционного базиса боснийско-герцеговинской государственности.

С провалом конституционной реформы 2005–2006 гг. усилия по созданию единой медиа-инфраструктуры в БиГ отошли на второй план. Тем не менее, АРСК и сегодня регулярно выписывает штрафы телерадиокомпаниям. Остается и возможность отзыва лицензий. Само же телевизионное пространство разобщено: большинство новостных каналов имеют четкую этническую привязку, в то время как неэтнические либо принадлежат правительству БиГ (как BHRT), либо, как канал Nova²⁴, являются частью системы иностранного влияния.

В то же время незавершенные попытки создания единой медиасферы БиГ отчетливо показали пределы влияния как Аппарата Высокого представителя, так и внутрибоснийских институтов. Централизация, в особенности затрагивающая интересы глобальных акторов, была невозможна без переформатирования всей политической системы БиГ. Это, в свою очередь, требовало политической воли со стороны международного общества. Неготовность форсировать проект конституционных изменений предопределила дальнейшие паттерны взаимодействия между АВП и федеральными институтами БиГ, с одной стороны, РС и боснийскими хорватами — с другой.

Действия АВП и подконтрольных Западу федеральных институтов БиГ вылились в открытый политический конфликт между ними и Баня-Лукой, продолжающийся до сих пор. Этот кризис идет по заданному паттерну: АВП, Конституционный суд или Сараево, поддерживаемые странами Запада, принимают меры, ограничивающие полномочия РС. Республика Сербская в ответ принимает закон, превентивно или же впоследствии блокирующий это решение. Или наоборот — АВП блокирует решение органов РС. Главная цель Запада — демонтаж Республики Сербской.

²³ OHR. Decision Combining the Competencies of the Independent Media Commission and the Telecommunications Regulatory Agency. 02.03.2001. URL: <https://www.ohr.int/decision-combining-the-competencies-of-the-independent-media-commission-and-the-telecommunications-regulatory-agency/>

²⁴ Входит в состав United Media Group, которой также принадлежит канал N1.

Миф о геноциде как инструмент демонтажа РС

22 июля 2021 г. решением Высокого представителя были внесены поправки в уголовное законодательство БиГ, предполагающие ответственность за отрицание факта геноцида. Данное обстоятельство стало отправной точкой нынешнего этапа политического противостояния в БиГ, характеризуемого конфронтацией Сараево (при поддержке западных акторов) с Баня-Лукой. Тот факт, что на такой шаг пошел именно уходящий В.Инцко в последние дни нахождения на посту, говорит о том, что логика этого процесса исключительно внешняя, поскольку он был последним Высоким представителем, легитимность которого на международной арене не оспаривалась. Значимую роль в этой кампании играли спонсируемые Западом неправительственные организации.

Показательно, что уже с 1996 г. одним из ключевых акторов, продвигавших нарратив о «геноцидальном характере» РС, стала организация, формально являвшаяся аналитическим центром, — International Crisis Group. Она аналитически сопровождала деятельность АВП, трактуя в своих докладах РС как «продукт геноцида и этнических чисток», а хорватские политические инициативы — как «угрозу внутривосточной стабильности»²⁵.

Также в качестве характерных примеров необходимо отметить такие структуры, как боснийская «Матери Сребреницы» (2002 г.), британская «Remembering Srebrenica» (2013 г.), продвигавшие спекулятивные исторические нарративы, которые впоследствии становились фундаментальным элементом политической практики АВП, закрепившимся в правовом и институциональном поле БиГ (Мемориалы и их фонды, законодательная практика и т. д.).

Показательно, что в единое медиа-пространство БиГ были с самого начала «вшиты» нарративы начала 1990-х гг., времен Боснийской войны. Изначально они формировались и распространялись, с одной стороны, западными PR-агентствами, ангажированными бошняками и хорватами, прежде всего «Ruder Finn». С другой, совершенно очевидно, что американский философ Сьюзен Зонтаг, будущий лидер Либеральной партии Канады, и ближайший соратник Джорджа Сороса Майкл Игнатъев, французские левые Бернар-Анри Леви и Андре Глюксманн, как и, скажем, шведская актриса Биби Андерссон включились в кампанию под условным названием «сербы — геноцидальный народ, бошняки — новые евреи» не по наводке «Ruder Finn», а по глубокому внутреннему убеждению.

²⁵ Энгельгардт Г. Н. Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. С.32–36.

Первые шаги по созданию Мемориала памяти жертв геноцида в Сребренице в Поточари, открытого в 2003 г., предпринял в 2000 г. ВП В. Петрич, обозначив их как «моральный и гуманный жест, направленный на укрепление стабильности в стране»²⁶. Формирование, финансирование и развитие данного комплекса, ставшее неотъемлемой частью политики АВП, было дополнено работой специальной комиссии в 2004 г.: ее доклад, дискредитирующий сербский энтитет, был принят руководством РС под давлением ВП П. Эшдауна²⁷.

В 2018 г. Скупщина РС отказалась от признания итогов работы Комиссии 2004 г.²⁸, а в 2019 г. власти сербского энтитета иници-

Мемориал в Поточари, в частности, известен организацией молодежных летних школ по «исследованиям геноцида», в реальности представляющих собой мероприятия по навязыванию культа «коллективной ответственности» молодым сербам.

ировали работу независимой международной комиссии, которая впоследствии опубликовала «Окончательный отчет Независимой международной комиссии по расследованию страданий всех народов в районе Сребреницы в период с 1992 по 1995 гг.», представивший альтернативную западному мейн-стриму интерпретацию событий²⁹. Практически сразу вслед за публикацией доклада Комиссии ВП В. Инцко ввел поправки в Уголовный кодекс БиГ, криминализирующие «публичное отрицание, грубое преуменьшение или одобрение геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений, установленных окончательными решениями международных судов»³⁰.

Это решение продемонстрировало, что **борьба с «языком ненависти» приобрела идеологизированный характер: любое несогласие с проектом унификации исторического прошлого и освещения текущей повестки начало восприниматься наднациональными структурами как вызов, в отношении которого необходимо применение механизма борьбы с «разжиганием ненависти»**. В свою очередь, такой механизм становился инструментом цензуры, что приводило не к примирению, а к дальнейшей эскалации и блокирова-

²⁶ OHR. Decision on the location of a cemetery and a monument for the victims of Srebrenica. 25.10.2000. URL: <https://www.ohr.int/decision-on-the-location-of-a-cemetery-and-a-monument-for-the-victims-of-srebrenica/> АВП РФ. Ф.933. ОП. 5. Д. 5. П. 9. Л. 101.

²⁷ Энгельгардт Г. Н. Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. С. 43.

²⁸ Bosnian Serb MPs Annul Report Acknowledging Srebrenica // BalkanInsight. 14.08.2018. URL: <https://balkaninsight.com/2018/08/14/bosnian-serb-mps-annul-report-acknowledging-srebrenica-08-14-2018/>

²⁹ Concluding Report of the Independent International Commission of Inquiry on Suffering of all people in the Srebrenica region between 1992 and 1995 // ICSR. URL: <https://incomfis-srebrenica.org/wp-content/uploads/2021/07/Srebrenica%20Commission%20report%20-%20English%20lan.pdf>

³⁰ OHR. HR's Decision on Enacting the Law on Amendment to the Criminal Code of Bosnia and Herzegovina. 23.07.2021 URL: <https://www.ohr.int/hrs-decision-on-enacting-the-law-on-amendment-to-the-criminal-code-of-bosnia-and-herzegovina/>

нию работы общегосударственных институтов (особенно после утверждения ГА ООН резолюции 78/282 об учреждении «Международного Дня памяти и поминовения Геноцида в Сребренице 1995 г.»)³¹. Неотъемлемой частью этих усилий Запада стал и упомянутый фильм Я. Жбанич «Куда идешь, Аида?».

Однако этим деятельность спонсируемых Западом НКО не ограничивается. Важно подчеркнуть, что структуры, освещающие Сребреницу, — лишь одни из множества спонсируемых США, ЕС и Великобританией в стране. До своего закрытия USAID поддерживала существенное число аналитических центров, НКО и «независимых СМИ» в БиГ. Их всех объединяло одно — они выступали за натоизацию, евроинтеграцию и «гражданскую унификацию» Боснии. Примечательно, что немало таких организаций работали на территории Республики Сербской.

Приведем в качестве примера организацию Pod Lupom, одного из ведущих грантополучателей американской помощи. В своем финальном отчете о нарушениях избирательного процесса в ходе местных выборов 2014 г. первыми двумя нарушителями оказались две партии из РС — Союз независимых социал-демократов и Сербская демократическая партия³². На треть-

ем месте оказалась бошняцкая Партия демократического действия. Аналогично, первое и второе место по медиа-нарушениям заняли сербские Союз независимых социал-демократов и Партия демократического прогресса. **Фактически, материал организации делегитимирует политический процесс в РС, ставя под сомнение репрезентативность политических институтов энтитета.**

Схожую по направленности работу выполняют т.н. «независимые медиа», часть из которых была вынуждена прекратить деятельность после окончания американского финансирования. Одной из значимых фигур в этой сфере является Милица Самарджич и возглавляемая ей Umbrella Association, в которую входят 13 «независимых медиа»³³. Эти медиа имеют подчеркнуто гражданский характер, однако едины в своей четкой позиции, направленной против действующего руководства Республики Сербской.

Несмотря на различный характер деятельности спонсируемых Западом неправительственных организаций, их объединяет общий пул задач.

³¹ United Nations. Resolution adopted by the General Assembly on 23 May 2024. 78/282. International Day of Reflection and Commemoration of the 1995 Genocide in Srebrenica. URL: <https://docs.un.org/en/A/RES/78/282>

³² FINAL REPORT on citizen, non-partisan observation of the 2024 Local Elections in Bosnia and Herzegovina URL: <file:///C:/Users/alexn/Downloads/Pod-lupom-izvjestaj-2024-ENGLESKI.pdf>

³³ Samardžić: Suspenzija pomoći SAD imat će dalekosežne posljedice po medijski sektor u BiH [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bhrt.ba/samard%C5%BEi%C4%87-suspenzija-pomo%C4%87i-sad-imat-%C4%87e-dalekose%C5%BEn-posljedice-po-medijski-sektor-u-bih>

Во-первых, это поддержание легитимности Высокого представителя и сложившейся системы международного управления в Боснии в целом. Во-вторых, создание иллюзии неизбежности евроатлантической интеграции БиГ на уровне дискурса западнцентричных НКО. В-третьих, цементирование единственно допустимого нарратива о событиях 1990-х гг. с четким разделением на палачей и жертв. Наконец, это политическая делегитимация Республики Сербской и ее политических элит в существующем виде с целью пересмотра ее положения в политической системе БиГ.

Заявленная цель Аппарата Высокого представителя — интеграция и демократизация БиГ. На практике результат ее работы оказался противоположным. Несмотря на формирование институтов и юридических рамок их функционирования, вместо преодоления существующих разломов в обществе политика АВП приводила к их усугублению, «консервации» и воспроизводству. Фактически наднациональные структуры, попытавшись осуществить форсированную централизацию и унификацию общества и государства в БиГ в интересах евроатлантической интеграции региона, жертвовали реальным межнациональным примирением и формированием подлинного гражданского общества: жесткое давление как на РС, так и на хорватскую общину БиГ, воспринимались ими как форма маргинализации, подразумевающая отрицание их исторической памяти и национальной идентичности. Это вызвало предсказуемую реакцию: курс на самоизоляцию, рост автономистских настроений и требования создания собственных институтов, включая проект «третьего энтитета» в хорватской среде.

По сути, курс АВП носил парадоксальный характер: риторика интеграции сопровождалась практиками, усиливавшими отчуждение. Унификация через решения, принимаемые наднациональными акторами, подкреплённые военной силой и цензурными механизмами, превращалась в инструмент не объединения, а разделения. По этой причине укрепления политических позиций добились те политические элиты в РС и хорватской общине, чья легитимность строилась именно на сопротивлении централизаторским проектам.

Таким образом, политика унификации, задуманная как инструмент интеграции, обернулась эффектом «дезинтеграции через унификацию»: для населения РС и хорватской общины международное вмешательство стало символом внешних угроз, а не механизмом демократизации, что закрепило линии разделения и сделало процесс консолидации общества БиГ еще более проблематичным. В этих условиях особую актуальность приобретает вопрос необходимости сохранения АВП в текущем виде, ее эффективности и целесообразности дальнейшего функционирования.

СИМВОЛЫ

В основе этого раздела исследования¹ — развитие идеи о том, что коммуникация в социуме строится на символах, что многократно увеличивает их политическую и культурную важность. Одним из наиболее значимых объединяющих символов в любом государстве является флаг. Применительно к Боснии и Герцеговине нас, в первую очередь, интересуют вопросы: идентифицируют ли ее граждане себя с флагом государства как с определяющим их символом? Как граждане идентифицируют себя с государственными символами в государстве, которое часто меняло свою символику в относительно короткий исторический период? Как уйти, в первую очередь, в интересах дальнейшего развития самой Боснии, от межэтнического разделения, многократно усиленного практиками сохранения исторической памяти, которые поддерживаются у одних этнических групп и купируются — у других?

И, наконец, этот, казалось бы, совершенно частный вопрос функционирования постдейтонской Боснии и Герцеговины имеет принципиальное значение для ее многонационального будущего. Решения АВП в отношении государственной символики, символики энтитетов и государствообразующих народов, как показано в данном разделе, не решают вопросы примирения, не направлены на формирование чувства безопасности у различных этнических групп, а также не учитывают многовековые исторические реалии данного пространства. Это отдельное проявление колониальных практик со стороны международного сообщества является довольно четким отражением общей оторванности действий АВП от реальных потребностей народов Боснии и Герцеговины.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СИМВОЛЫ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

Часть 1 статьи 1 Конституции Боснии и Герцеговины 1995 г. (Приложение IV Общего рамочного соглашения о мире в БиГ) провозглашает преемственность государства Боснии и Герцеговины с Республикой БиГ (1992-1995)¹. Однако из ча-

¹ За основу данного текста взят материал Душана Дачича «Символы дейтонской Боснии и Герцеговины», выпущенный в октябре 2015 г. Автором данного раздела является коллектив, указанный в начале книги. Оригинальную и полную авторскую версию можно получить у Душана Дачича по запросу.

сти 6 статьи 1 Конституции ясно, что эта преемственность не работает в части государственных символов, поскольку этот пункт предполагает, что «решение о символах Боснии и Герцеговины принимает Парламентская ассамблея. Президиум подтверждает его»². 11 февраля 1998 г. вступил в силу Закон о флаге Боснии и Герцеговины, а 18 мая 1998 г. — Закон о гербе Боснии и Герцеговины.

Фактически было реализовано единственное относительно нейтральное по отношению к трем государствообразующим

народам, визуально абсолютно чуждое их традициям и тогдашней геральдической практике региона решение. Однако нередкими были слова недовольства и критические замечания против этих символов³. «Несмотря на то, что новый флаг должен выражать единство государствообразующих народов, именно выбор национально нейтральных, общих

символов создал символ, не отсылающий ни к чему характерному»⁴.

Показательно, что с момента введения нынешних герба и флага БиГ в 1998 г. публичные акты вандализма против них являются редкостью. Признавая реальность символики, большинство граждан *признало и реальность существования государства* Боснии и Герцеговины. Собственно, ради этого данные символы и появились, само их существование обусловлено необходимостью поиска функциональных решений для общества.

«Новый герб как символ государства не должен иметь никаких ассоциаций с прошлым. Его универсальные символы должны открыть перспективы для многострадального народа Боснии и Герцеговины и дать ему веру в луч-

¹ Закон о потврђивању Општег оквирног споразума за мир у Босни и Херцеговини (Сл. лист СРЈ — међународни уговори, број 12/2002) http://demo.paragraf.rs/demo/combined/Old/t/t2003_02/t02_0030.htm

² Там же.

³ Filipović, O. Emir (2008): Grb i zastava Bosne i Hercegovine u 20. stoljeću, u Bosna Franciskana — Časopis franjevačke teologije. Godina XVI, broj 28. Sarajevo (стр. 103-127), 123: „Сразу после навязывания К.Вестендорпом флага Боснии и Герцеговины сараевская интеллигенция направила открытое письмо протеста Высокому представителю. По их мнению, это был “последний акт убийства государства”. Они требовали референдума, чтобы граждане сами выбрали свой флаг. Политики тоже не стояли в стороне. На пресс-конференциях большинства партий высказывалось удовлетворение ликвидацией национальных символов, но также и разочарование из-за эстетического вида флага, на котором не было адекватно представлено богатое наследие государства Боснии и Герцеговины. Кто-то также подчеркивал, что комиссия по разработке флага во время работы не придерживалась элементов, которые должны быть на государственной символике, и что комиссия должна обратить на это внимание при разработке нового герба”.

⁴ Там же, 122-123

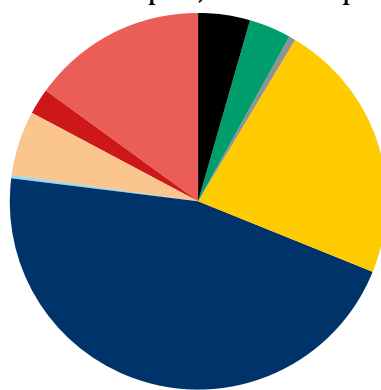
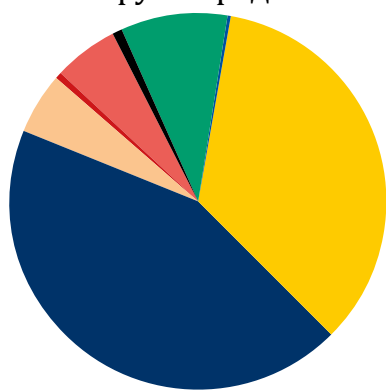
⁵ Borojević, Mirko (1998): Grb stroge neutralnosti — Simboli BiH. Alternativna informativna mreža. <https://aimpress.forumcivique.org/article/80417-011-pubs-sar/>

шее будущее»⁵.

Тем не менее, как показывают результаты онлайн-исследования, спустя почти 30 лет с этой символикой ассоциирует себя подавляющее большинство бошняков и людей с условно гражданской идентификацией — «босниец и герцеговинец», и, при этом, меньшинство хорватов и сербов. Сама по себе символика успешно обходит элементы существующих национальных, религиозных и ранних государственных символов и не затрагивает период войны. Однако как объединяющий на каком-либо уровне символ она провальна и была, фактически, присвоена бошняцким этносом. Это видно из представленных ниже диаграмм, где каждой из групп предложили ответить на вопрос, с каким флагом они ассоциируют себя.

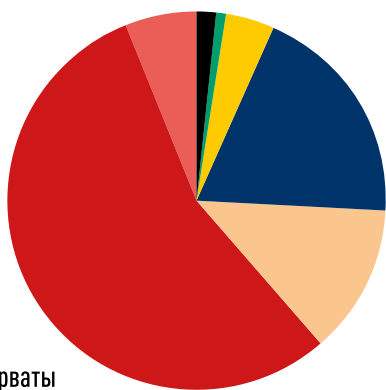
Бошняки

Боснийцы и герцеговинцы

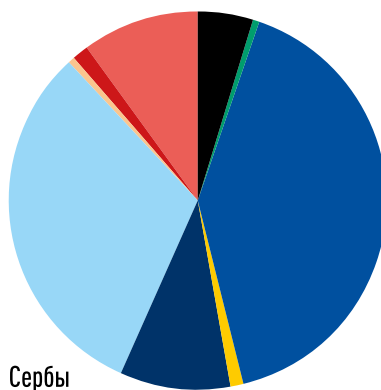

- Ни с одним из предложенных
- Флаг с зеленым полумесяцем
- Сербский флаг с крестом
- Флаг с лилиями на синем щите
- Флаг БиГ
- Флаг РС
- Флаг ФБиГ
- Флаг Хорватского вече ХБ
- Флаг СоцБиГ

Хорваты

Сербь

Символы сербов в Боснии и Герцеговине

Сербская идентичность в Боснии и Герцеговине в значительной степени основывается именно на истории сербов этой части Балкан. Причем историческая память передается по большей части через книги, учебники, устное предание, фольклор, но не через визуальную символику/айдентику. Помимо геральдических символов средневековых правящих домов и аристократических фамилий с

территории сегодняшней Боснии и Герцеговины, у боснийско-герцеговинских сербов нет отдельных, графически отличимых национальных символов. Они исторически используют универсально сербские. К таким символам можно отнести горизонтальный флаг красно-сине-белого цветов, белого орла и крест с огнивами. Следовательно, визуальный аспект символов сербской национальной идентичности в БиГ остался в рамках того, что считается символами сербов в любой части их ареала. Этот факт представляет объективную реальность и, сам по себе, не является негативным или позитивным.

По ряду сугубо исторических причин, на территориях, где большую или значимую часть населения составляли сербы (Австро-Венгрия, Османская империя), в период складывания сербской национальной идентичности в XIX веке отсутствовали силы, способные формировать и продвигать национальные символы. В силу этого графические вариации одних и тех же символов, восходящих к средним векам, Первому сербскому восстанию и Княжеству Сербия, со временем стали оформленной нормой и неотъемлемой частью коллективного сознания на всех территориях проживания сербов (важным исключением является Черногория, где в XIX и XX веках наряду с общесербской сохранилась или возникла новая визуальная символика). Такое отношение можно объяснить и историческим опытом, когда различия национальных символов одного и того же сербского народа использовались как катализатор разделения национальной идентичности и развития в автономных направлениях.

С принятием Конституции Сербской Республики Боснии и Герцеговины 28 февраля 1992 года, Решения об изображении флага Сербской Республики Боснии и Герцеговины от 12 мая 1992 года и Конституционного закона о флаге, гербе и гимне Республики Сербской того же года боснийско-герцеговинские сербы впервые в истории самостоятельно не только выбрали свои символы, но и придали им официальный статус на территории Боснии и Герцеговины. Статья 1 Конституционного закона о флаге, гербе и гимне Республики Сербской гласит: «Флаг Республики Сербской состоит из трех цветов: красного, синего и белого. Цвета расположены горизонтально в вертикальном порядке: красный, синий и белый. Каждый цвет занимает треть флага. Соотношение ширины и длины флага составляет 1:2⁶. Статья 2 этого Закона гласит: «Гербом Республики Сербской является герб династии Неманичей, представляющим собой двуглавого белого орла с короной над головой. На груди орла — красный щит с белыми крестом и четырьмя огнивами между его концами»⁷. Статья 3 Закона

⁶ Уставни закон о застави, грбу и химни Републике Српске (1992). Сл. гласник Републике Српске, Година I — Број 19, петак 18. децембра 1992. Сарајево.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

гласит: «Гимном Республики Сербской является песнь «Боже правде»⁸.

Факт официального закрепления не означал, что упомянутые символы до этого не существовали или не были представлены в качестве национальных символов сербов в Боснии и Герцеговине. Указанные статьи, напротив, подтверждают историческое решение сербского народа в Боснии и Герцеговине, чтобы неотъемлемые или универсально сербские символы стали его символами и здесь. При этом Конституция и Конституционный закон 1992 года в историческом контексте порвали с геральдической и символической идентичностью средневековой Боснии.

Символы Республики Сербской продолжили свое существование в неизменном виде и после подписания Дейтонского мирного соглашения и принятия Поправок I-XXXIII к Конституции Республики Сербской Народной скупщиной Республики Сербской 19 апреля 2002 года⁹.

В 2007 году Конституционный суд Боснии и Герцеговины признал несоответствующими конституции положения предыдущего Конституционного закона «О флаге, гербе и гимне Республики Сербской», согласно которому герб Неманичей и государственный гимн Сербии «Боже правде» были утверждены в качестве гимна энтитета. В п.131 частичного решения Конституционного суда БиГ по существу дела У-4/04 «речь идет об официальных символах территориальной единицы, имеющей статус “энтитета”, которые представляют конституционную категорию и должны представлять всех граждан Республики Сербской», а также «это не местные символы конкретного народа, которые должны сохранять культурное и историческое наследие лишь этого народа. Это официальные символы многонационального энтитета, которые, следовательно, должны отражать такой характер энтитета». Отметим, что аналогичная формулировка была использована КС БиГ в своем решении от 27 января 2007 г., по которому неконституционными были признаны флаг и герб ФБиГ. Примечательно, что с тех пор Федерация БиГ существует без официальных флага и герба.

Однако в результате принятия данного решения символика Республики Сербской стала представлять фактически полную противоположность изначальному конституционному и историческому замыслу, когда косвенным образом сербскому народу попытались навязать новые национальные символы.

Вынужденность предпринятого РС шага хорошо считывается в пункте 76 частичного решения Конституционного суда БиГ по существу дела У-4/04 от 31 марта 2006 г., где в позиции Народной скупщины РС отмечено: «тот, кто

⁹ Устав Републике Српске и амандмани (2004).

<https://skupstinabd.ba/images/dokumenti/sr/ustav-republike-srpske.pdf>

использует герб, не представляющий его идентичность, оказывается в позиции навязанной идентичности»¹⁰.

Помимо замененных герба Республики Сербской и гимна «Боже правде» на эмблему Республики Сербской и гимн «Моя Республика», смещение акцентов идентичности относится и к флагу Республики Сербской. Флаг, в отличие от герба и гимна, в целом «пережил» проверку на соответствие конституции по решению Конституционного суда БиГ по существу дела У-4/04, но получил новую интерпретацию.

Суд «посчитал, что можно принять аргументацию Народной скупщины в том, что флаг Республики Сербской, как он определен в статье 1 Конституционного закона о гербе и гимне Республики Сербской, представляет не только сербский народ в Республике Сербской. В нем речь идет о флаге, представляющем панславянские цвета, характерные для истории славянских народов, к которым относятся и государствообразующие народы Боснии и Герцеговины»¹¹.

Затем в 2008 г. была попытка принять новый вариант герба Республики Сербской через Конституционный закон о поправках к *Конституционному закону о флаге, гербе и гимне Республики Сербской*¹² от 15-17 июля 2008 г. Но это начинание успехом не увенчалось, т.к. Конституционный закон быстро оказался на рассмотрении Конституционного суда РС по запросу Клуба делегатов-бошняков в Вече народов Республики Сербской, поданного актом №03.2-5-55/08 от 29 июля 2008 г. В нем требовалось «инициирование процесса по разрешению вопроса, были ли ущемлены жизненно важные национальные интересы бошняцкого народа Конституционным законом о поправках к Конституционному закону о флаге, гербе и гимне Республики Сербской, принятого Народной Скупщиной Республики Сербской на заседании 15, 16 и 17 июля 2008 г.»¹³ В решении Совета по защите жизненно важных интересов Конституционного суда Республики Сербской по делу УВ-3/08 от 22 декабря 2008 г. сказано, что «статья 1 Конституционного закона о поправках к Конституционному закону о флаге, гербе и гимне Республики Сербской в части, касающейся герба Республики Сербской, принятого Народной скупщиной на заседании от 15, 16 и 17 июля 2008 г., **ущемляет жизненно важные интересы государствообразующего бошняцкого народа**»¹⁴.

В 2007 году была введена эмблема Республики Сербской. Она состоит из зо-

¹⁰ Делимична одлука Уставног суда БиХ о меритуму у предмету број У-4/04 од 31. марта 2006. године (Сл. гласник БиХ, број 47/06)

¹¹ <https://www.ustavnisud.ba/bs/xxxv-plenarna-sjednica>

¹² Уставни закон о допуни Уставног закона о застави, грбу и химни Републике Српске (Сл. гласник Републике Српске, број 125/08)

¹³ <https://www.ustavnisud.org/Odluka.aspx?cat=13&subcat=43&lang=cir&odluka=193&odldet=523>

¹⁴ Там же.

лотой короны из лилий средневекового боснийского короля Твртко I Котромачича. «Инкорпорацию этой короны в эмблему РС Народная скупщина энтитета объясняла утверждением, что она свидетельствует о «корнях Республики Сербской в Боснии и Герцеговине и боснийской истории», а золотая геральдическая корона, присутствующая на эмблеме, является традиционной для РС (и Королевства СХС)»¹⁵.

Законом об эмблеме Республики Сербской от 23 апреля 2007 г.¹⁶ и Указом Правительства Республики Сербской об эмблеме Республики Сербской от 16 июня 2007 г.¹⁷ был установлен по факту и сути новый символ как «дополни-

тельный символ Республики Сербской», который «можно использовать вместо герба Республики Сербской».

Учитывая частичное решение Конституционного суда БиГ по существу дела У-4/04 от 31 марта 2006 г. и сжатые сроки, отведенные на приведение символов энтитета в соответствие решению суда, законодатели в Республики Сербской решили взять эмблему за правовую и графическую основу в качестве функциональной «и переходной опции до момента принятия нового герба».

Эмблема Республики Сербской несомненно является частью «традиции новых символов» в Боснии и Герцеговине, о чем свидетельствует и сделанное в 2022 г. заявление занимавшего во время принятия этого закона пост Председателя Народной скупщины Республики Сербской Игора Радойичича: «Мы должны были решить этот вопрос политически и утвердить что-то совсем новое (...) если бы в ходу был герб, провозглашенный неконституционным, все документы, выданные в РС, за ее пределами были бы недействительны. Поэтому было решено пойти по пути разработки новой символики, как бы трудно это ни было. (...) На практике мы использовали опыт Франции, т.к. у этой страны также очень сложная история национальной символики из-за борьбы республиканской и монархической традиций. Так, опираясь на французский опыт, мы решили найти быстрое решение, которое бы было по максимуму национально приемлемым и которое бы Конституционный суд не мог постоянно оспаривать как дискриминационное»¹⁸.

Эмблема, изначально задуманная как временное решение, оказалась долгосрочным. При этом, с одной стороны, эмблема прижилась. Об этом свиде-

¹⁵ Kulenović, Nedim (2013): Krinovi, krune, šahovska polja od vitalnog nacionalnog interesa. Puls demokratije — zajednica neistomišljenika, Zbornik tekstova, No 2 стр. 13.

¹⁶ Закон о амблему Републике Српске (Сл. гласник Републике Српске, број 49/07)

¹⁷ Уредба о изгледу и начину употребе амблема Републике Српске (Сл. гласник Републике Српске, број 50/07)

тельствует то, что в массе своей сербы считают ее не только официальным символом Республики Сербской, но и символом свободы, частью идентичности. С другой — общесербские универсальные символы и, прежде всего, флаг и сегодня — не менее важный символ идентичности, чем республиканские.

В этом отношении крайне важно, что 5 ноября 2024 г. Скупщина РС приняла решение о дополнении Закона об использовании флага, герба и гимна, который разрешал официальное использование на территории Республики Сербской государственных символов Сербии наравне с символами РС и БиГ. В связи с действиями руководства РС, Прокуратурой БиГ в 2024 г. было начато политически мотивированное уголовное преследование сербских должностных лиц, на что руководство сербского энтитета ответило Законом, запрещающим деятельность таких общегосударственных органов, как Суд БиГ и Прокуратура БиГ на территории РС, что вызвало реакцию представителей других конституционных народов в органах власти БиГ: бошняцкий член Президиума БиГ Д. Бечирович подал иски в КС суд БиГ, оспаривая поправки в Закон о символике РС (дело U-2/25) и принятие закона РС, запрещающего на территории энтитета функционирование «внеконституционных институтов БиГ» (Закон опубликован в Служебном гласнике 19/25. дело U-7/25 КС БиГ), и в обоих случаях суд удовлетворил требования истца. Тем не менее, органы власти РС, действуя в логике непризнания легитимности КС БиГ и АВП, отвергли эти решения.

Таким образом, закон о символике, в условиях продолжающегося (как в политической, так и правовой плоскости) противостояния, остается действующим, однако формально его исполнение может сопровождаться преследованием по законодательству БиГ под предлогом неисполнения решений КС БиГ, которое в соответствии с УК БиГ предполагает лишение свободы на срок от 6 месяцев до пяти лет¹⁹. Проще говоря, **использование сербских флага, герба и гимна становится уголовно наказуемым деянием.**

Запрет для сербов в Республике Сербской и уголовное преследование за использование символики, которая, прежде всего, для них связана с идентичностью, фактически означает возможность постепенного выдавливания сербского народа с исторически занимаемых им территорий. Подобный сценарий де-факто реализуется в Косово и Метохии при молчаливом попустительстве

¹⁹ Симић Кулага, Ведрана (2022): Како су настајали симболи Српске и како су их (с)рушили: Вјечна борба за Дан Републике, име и грб. Глас Српске. <https://www.glassrpske.com/cir/novosti/drustvo/kako-su-nastajali-simboli-srpske-i-kako-su-ih-srusili-vjecna-borba-za-dan-republike-ime-i-grb/392841>

НЕПРЕРЫВНОСТЬ ПРИСУТСТВИЯ, ТРАГЕДИЯ И БОРЬБА КАК СИМВОЛ СЕРБОВ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ

международных структур. Вряд ли что-либо может препятствовать его реализации и в отношении сербов из Республики Сербской.

Война в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг., которую в Республике Сербской называют оборонительно-отечественной, дала народам Боснии и Герцеговины возможность создавать новые символы. Эти символы не всегда были визуальными. Так, сложно отрицать, что главный символ для бошняков, сознательно созданный ими в качестве такого и впоследствии раскрытый с западной помощью, — Сребреница.

Бошняки и хорваты активно использовали и визуальные символы — золотую лилию и шаховницу.

В отличие и от тех, и от других сербы шли в бой под универсальными общесербскими знаменами. Таким образом, стремление Конституционного суда БиГ поставить в один ряд визуальную символику трех этнических групп как равно связанную с событиями войны является неприемлемой. В одном случае речь идет об исторической государственной символике сербов во всех ареалах проживания народа, в другом — о специально разработанных и отчасти даже узурпированных символах.

Данный факт, правда, не отменяет того, что сербы за прошедшие тридцать лет не смогли найти образ, который бы одновременно отражал их длительное историческое присутствие на пространстве современной Боснии и Герцеговины, служил объединению и, вместе с тем, отражал объективную действительность боснийской войны, в которой в не меньшей степени, чем другие, пострадали сами сербы.

¹⁹ Krivični Zakon Bosne i Hercegovine, član 239.

²⁰ Илић, Драгослав и др. (2018): Република Српска у одбрамбено-отаџбинском рату — Историјски преглед. Републички центар за истраживање рата, ратних злочина и тражење несталих лица. Бања Лука.

О том, что разработка удачного символа может существенно способствовать сохранению исторической правды, свидетельствует «Мишень» — символ, возникший во время бомбардировок СР Югославии в 1999 году. Идейным создателем «Мишени» был Мирослав Радич, который «понял, что сербам не хватает простого символа, как, например, «Символ мира», который бы ассоциировался в мире со страданиями невинных и, хоть немного, склонил мнение мировой общественности в пользу «плохих парней». Вклад в создание «Мишени» принадлежит и Душана Колешничу, веб-дизайнеру из Бостона (США), города, в котором символ впервые появился на улицах в ходе протестов против бомбардировок СРЮ²¹.

Появление аналогичного символа применительно к истории сербов в Боснии и Герцеговине, само по себе не связано с решением вопроса об использовании государственной символики в повседневной жизни, но может существенно способствовать преодолению негативного образа сербов в БиГ, сложившейся на фоне раскрутки т.н. «геноцида бошняков» в глазах мировой общественности.

Кроме того, лица, принимающие решения на Западе, анализируют и оценивают РС с учетом наследия последней Войны в БиГ (1992–1995 гг.), что очевидно из большинства решений Аппарата Высокого представителя. Таким образом, создается впечатление, что для многих из них Босния последнего десятилетия XX века — единственный знакомый и изученный период на территории Балкан. Из-за этого коммуникация часто бывает затруднена. Символ сербов Боснии может иметь посредническую функцию в такой коммуникации, вынуждая стороннего наблюдателя совершить экскурс в более длительную историю Боснии и Герцеговины. В принципе, именно так работает «бурбонская лилия» (флёр-де-лис) с герба средневековой династии Котроманичей, которую бошняки узурпировали и сделали своим национальным символом, игнорируя тот факт, что этот герб был введен королём Твртко I, правившим с титулом «Король сербов Боснии, Приморья и Хумской земли» — сербов Боснии, а никак не боснийцев, а тем более не бошняков.

В 2025 году непросто определить, есть ли точка (или точки), имеющие потенциал объединяющего сербов фактора применительно к войне в Боснии и Герцеговине 1992–1995 гг. Но представляется, что такой символ должен

²¹ „Target“: Srpski simbol inata koji je pogodio u metu (2024).
<https://lat.rt.rs/srbija-i-balkan/81890-nato-agresija-simbol-meta-target/>

отражать **преемственность присутствия сербов, их страданий и борьбы за свою свободу в Боснии и Герцеговине**. Ниже мы предлагаем возможное содержательное наполнение такого символа / нарратива / материального объекта.

Символ преемственности присутствия, в первую очередь, необходим для подсвечивания тех фактов, которые являются общеизвестными для сербского народа, но представляют малоизвестную страницу истории для широкой общественности, что зачастую чрезмерно упрощает понимание контекста внутрибалканских противоречий.

Сербская идентичность в Боснии и Герцеговине имеет глубокие исторические корни. Первая современная перепись населения на территории сегодняшней Боснии и Герцеговины это подтверждает²². Ее проводили власти Австро-Венгрии в 1879 г., год спустя после передачи этой территории во временное управление империи по решению европейских великих держав в Берлине 13 июня 1878 г. («Кондоминимум Босния и Герцеговина»). Перепись, игнорируя национальный компонент местного населения, тем не менее, подтвердила, что православное «греко-восточное» население составляет большинство в Боснии и Герцеговине (с относительной долей 42,8%)²³. Австро-Венгерская монархия провела четыре переписи населения в Боснии и Герцеговине (1879, 1885, 1895 и 1910 гг.).

В переписи населения 1879 г. его называли «греко-восточным»²⁴, в 1885 и 1895 гг. «восточно-православным»²⁵, а в последней переписи населения 1910 г. — «сербско-православное»²⁶. Постоянное переименование одного и того же населения видно и на микроплане через изменения названий «городов, торговых городков или деревень». Фактом является то, что в указанных переписях десятки одних и тех же мест в названиях имеют различные, навязанные сверху этнонимические суффиксы, которые показывают отношение всей переписи к названию сербского православного населения в БиГ. Одним из многих примеров такого отношения является село Календаровцы (Kalendarovci) в уезде Дервент (Dervent) с определениями «влашский» (1879), «православный» (1885-1895) и «сербский» (1910). Доля сербско-православного населения в 1910 г. по отношению ко всей численности населения БиГ составляла 43,4%²⁷. **Все переписи на территории нынешней Боснии и Герцеговины с 1879 г. по 1961 г. явно подтверждают статус сербского (православного) населения как составляющего большинство в БиГ²⁸**. За этот

²² Перепись населения по 1879 году: Haupt-Ubersicht der politischen Eintheilung von Bosnien und der Herzegovina — Glavni pregled političkoga razdielenja Bosne i Hercegovine. Summarische Uebersicht — Svatni pregled. 4

²³ Там же

период было проведено девять переписей (1879, 1885, 1895, 1910, 1921, 1931, 1948, 1953 и 1961) в трех государствах.

Первая перепись, по которой сербы потеряли статус самой большой этнической группы в Боснии, проходила в Союзной Республике БиГ в 1971 году. Тогда мусульмане (с относительным большинством в 39,5% от всей численности населения) впервые стали крупнейшей народностью с момента проведения переписей населения на территории нынешней БиГ²⁹. Вдобавок, по Конституции СР БиГ 1974 г. мусульмане, вместе с сербами и хорватами, признавались одним из государствообразующих народов. «Социалистическая Республика Босния и Герцеговина — это социалистическое демократическое государство и социалистическое самоуправляемое демократическое объединение рабочих и граждан, народов Боснии и Герцеговины — мусульман, сербов и хорватов, представителей других народов и народностей, живущих в ней...»³⁰

Статус сербского народа в БиГ был подтвержден и Конституцией Боснии и Герцеговины 1995 года (Преамбула Приложения IV Общего рамочного соглашения о мире в БиГ)³¹.

Таким образом, символ, который несет в себе значение «непрерывности присутствия сербского народа в БиГ», отражен в официальной статистике и конституционных актах.

Второй элемент подобного символа мог бы отражать непрерывность борьбы и страданий сербского народа в БиГ, которые также трудно оспорить. Многовековое иго османской власти и феодалов (бегов-мусульман над крестьянами-сербам), которое было сброшено в результате Герцеговинского восстания 1875 г., было заменено в 1878 г. оккупационной властью Австро-Венгрии. При австрийцах в Боснии и Герцеговине сохранялись феодальные отношения времен

²³ Там же

²⁵ Перепись населения по 1885 году: *Ortschaft und Bevölkerung-Statistik von Bosnien und der Herzegovina nach dem Volkszählungs-Ergebnisse vom 1. Mai 1885*. Статистика мјеста и жительства Босне и Херцеговине по попису народа од 1. маја 1885. Перепись населения по 1895 году: *Hauptresultate der Volkszählung in Bosnien und der Herzegovina vom 22. April 1895*. Главни резултати пописа жительства у Босни и Херцеговини од 22. априла 1895. године — XXVI. 34

²⁶ Перепись населения по 1910 году: *Die Ergebnisse der Volkszählung in Bosnien und der Herzegovina vom 10. Oktober 1910* — Табеле — I. Одсјек — сумарни прегледи — I главни преглед — присутно цивилно житељство.

²⁷ Там же

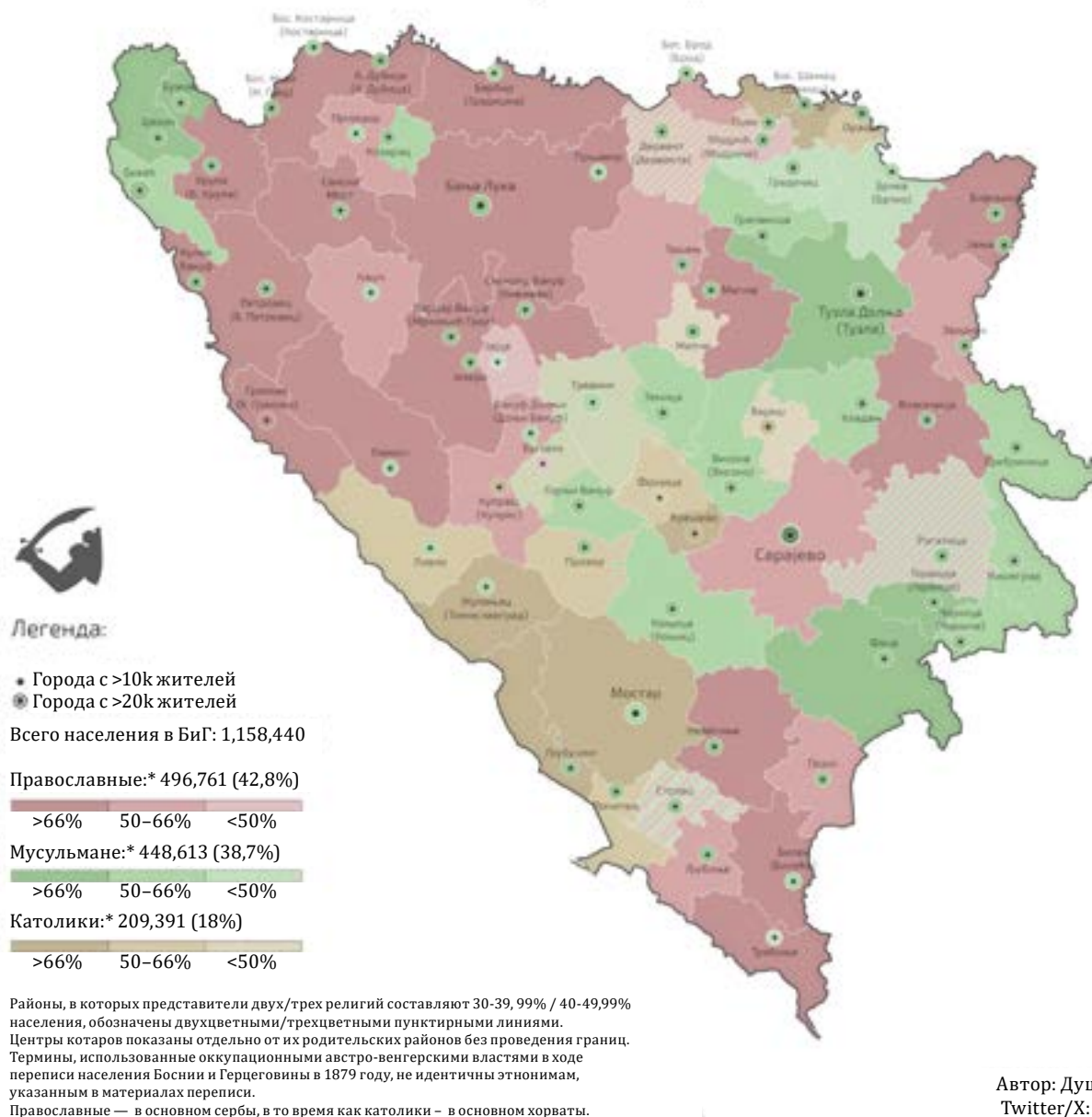
²⁸ По 1921 году: Дефинитивни резултати пописа становништва од 31 јануара 1921 год. — Босна и Херцеговина. 130. По 1931 году: *Definitivni rezultati popisa stanovništva od 31 marta 1931 godine*, Knjiga II — *prisutno stanovništvo po veroispovesti*. VI Pregled 1 a) *Apsolutni brojevi*, VIII-XII). По 1948, 1953, 1961 и 1971 годам: *Popis stanovništva, domaćinstva i stanova u 1971. godini*. Nacionalni sastav stanovništva SFR Jugoslavije. Podaci po opštinama i naseljima. Knjiga II. Stanovništvo prema nacionalnom sastavu 1948, 1953, 1961 i 1971. godine. 11

²⁹ Там же

³⁰ *Ustav Socijalističke Republike Bosne i Hercegovine s Ustavnim amandmanima I-XII i registrom pojmova* (1982). Novinsko-izdavačka organizacija Službeni list SRBiH. Sarajevo. 26.

³¹ Закон о потврђивању Општег оквирног споразума за мир у Босни и Херцеговини (Сл. лист СРЈ — међународни уговори, број 12/2002) http://demo.paragraf.rs/demo/combined/Old/t/t2003_02/t02_0030.htm

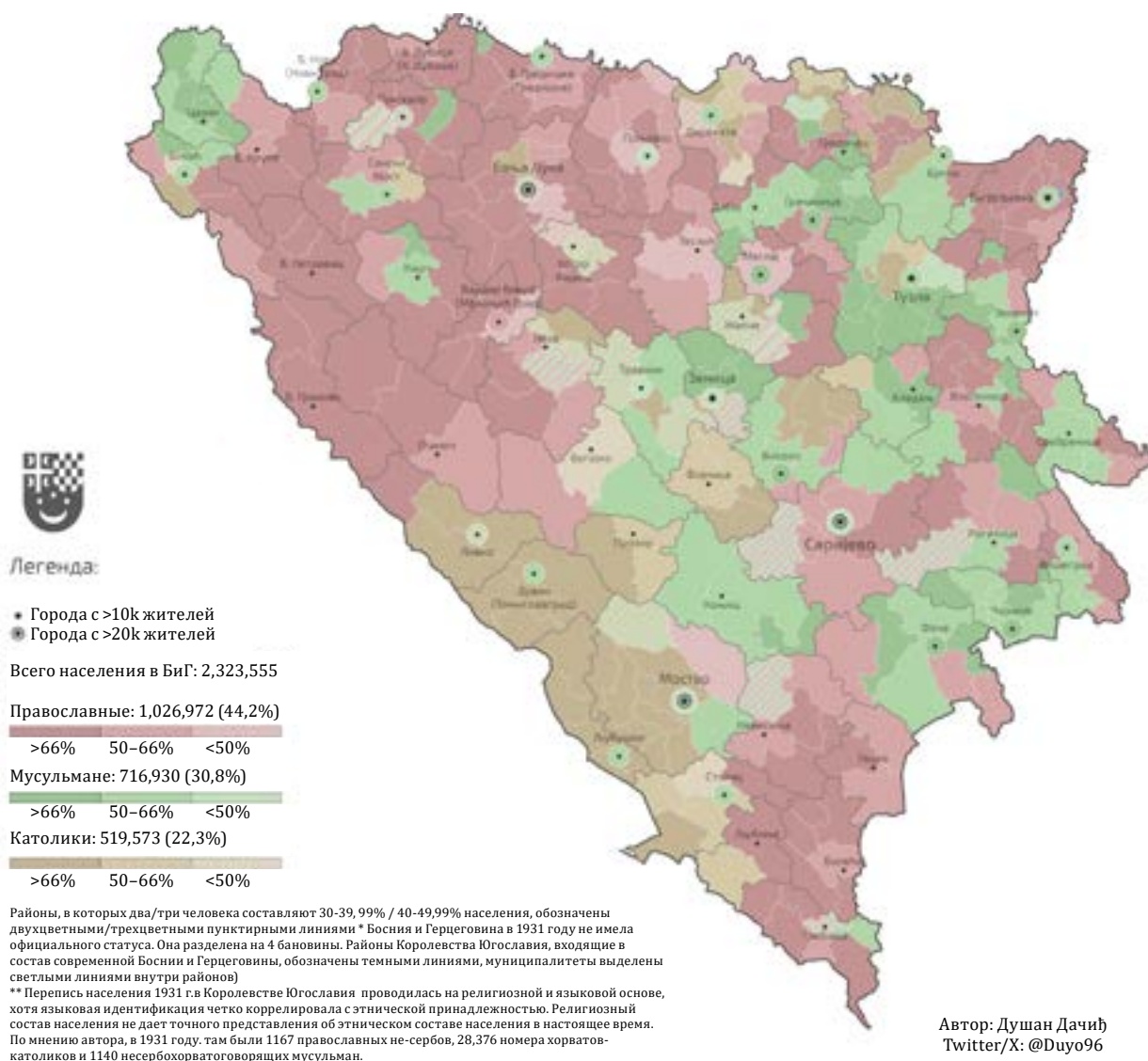
Конфессиональный состав Боснии и Герцеговины согласно
австро-венгерский переписи 1879 г.

Османской империи, постепенно отменяемые после принятия Земельного закона в 1910 г., но на практике до конца так и не исчезнувшие. В разные периоды венской администрации (кондоминимум, затем аннексия) добавлялось разного рода давление на население, от запрета или строгого контроля над политической, культурной и иной общественной деятельностью, конструирования идентичностей до открытых репрессий над гражданским населением после Сараевского убийства (1914 г.) и во время Первой мировой войны (1914-1918 гг.)³². Самая

³² Подробнее см.: Kraljačić, Tomislav (1987): Kalajev režim u Bosni i Hercegovini (1882-1903). „Veselin Masleša“ Sarajevo; Ђоровић, Владимир (2015) Црна књига патње Срба Босне и Херцеговине за време Светског рата 1914-1918. Прометеј. Нови Сад; Sarajevo 1914: Sparking the First World War. By Mark Cornwall. Part III. 13. The inner enemy in wartime: the Habsburg state and the Serb citizens of Bosnia-Herzegovina, 1913-18. By Heiner Grunert

Конфессиональный состав Боснии и Герцеговины согласно переписи королевства Югославия 1931 г.

страшная страница в истории Боснии и Герцеговины — это, безусловно, террор, развязанный хорватскими уставами против иноверцев и инородцев (прежде всего, сербов) в годы существования НДХ (1941-45 гг.). Не случайно Рафаэль Лемкин (Raphael Lemkin; 1900-1959), главный инициатор принятия Конвенции ООН о предупреждении и наказании преступлений геноцида, впервые употребивший слово «геноцид» в своей книге «Правление государств „Оси“ в оккупированной Европе» (Axis Rule in Occupied Europe), без колебаний использовал этот термин для описания уничтожения сербов в НГХ. Свободолюбивая традиция сербского народа нашла свое подтверждение в его массовом участии в движении сопротивления на территории оккупированной Югославии. Характер «сербского восстания» народ-

³³ Axis Rule in Occupied Europe; Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. By Raphael Lemkin. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. 259.

но-освободительная борьба приобрела преимущественно на территории НГХ³³. На территории Боснии и Герцеговины это было особенно заметно в Боснийской Краине. К примеру, на территории довоенного уезда Яйце по переписи населения 1931 г. в границах послевоенных муниципалитетов Дони-Вакуф, Яйце и Шипово (НР/СР БиГ) православные сербы составляли 51,7% населения. За военный 1941 г. все погибшие бойцы партизанского движения с территорий этих послевоенных муниципалитетов были сербами (113 человек).

Период ФНРЮ/СФРЮ в БиГ был временем социально-экономического прогресса, но также и эпохой идеологии «братства и единства» без оглядки на опыт Второй мировой войны. Результатом этого было сокрытие причин и губительных последствий геноцида сербов в НГХ, в составе которого находилась территория нынешней БиГ. Политические отношения народов Боснии и Герцеговины, изменившаяся демографическая картина общества, подавление травмы старой вражды времен Второй мировой войны, экономическая стагнация и накопившиеся в 1980-90-е гг. политические проблемы проложили путь к военному конфликту в БиГ, принесшему новые и широко задокументированные страдания сербского народа³⁴. Важнейшее — исход сербов из Сараево.

Этнический состав
идентифицированных*
югославских жертв
Второй мировой войны
из БиГ

Жертв, всего: 210,074**

Сербов: 156,313 (74,4%)

<50% 50-66% 66-90% >90%
Боснийских мусульман*: 31,899 (15,1%)

<50% 50-66% 66-90%

Евреев: 11,070 (5,2%)

<50% 50-66%

Хорватов: 7,414 (3,5%)

<50% 50-66% 66-90% >90%

* Мусульмане (с большой буквы М) – единственное в своем роде этническое обозначение.

** Список неполон и содержит многочисленные недостатки.

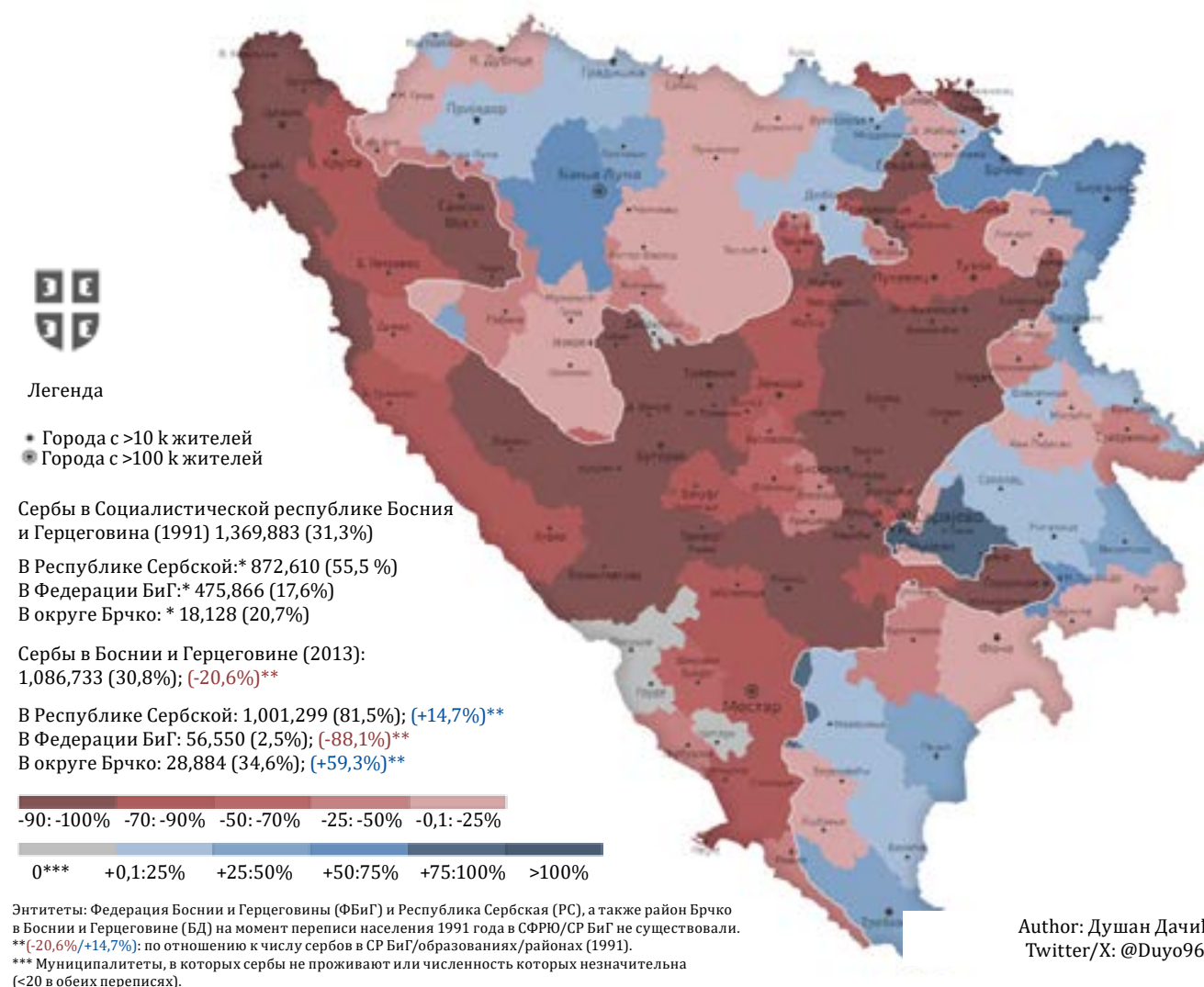
Источник:

Общее число и этническая принадлежность жертв в Боснии и Герцеговине из "табличного обзора, сделанного после неполного пересмотра", несколько отличаются от подробного списка имен и национальностей жертв, использованного в качестве источника для составления карты. Табличный обзор был составлен после полного обзора. В обоих документах перечислены жертвы войны "по месту переписи и по месту жительства (до 6 апреля 1941 года) ***Учитывая существенные недостатки в табличном и, рjht других республик СФРЮ в плане этнической принадлежности жертв, при подготовке карты была проверена случайная выборка из 10 муниципалитетов (Цазин, Бановичи, Власеница, Билеча, Бугойно, Чайниче, Градачац, Теслич, Хаджичи, Ключ), т.е. в выборке 14 588 имен жертв, было обнаружено 202 (1,38%) вероятных несоответствия в этнической.

Автор: Душан Дачић
Twitter/X: @Duyo96

³⁴ Подробнее см: Жртве одбрамбено-отаџбинског рата (2019). Републички центар за истраживање рата, ратних злочина и тражење несталих лица. Бања Лука. <https://www.rcirz.org/?r3d=zrtve-odbrabeno-otabinskog-rata> ; Атлас злочина над Србима током Одбрамбено-отаџбинског рата (2022). Републички Центар за истраживање рата, ратних злочина и тражење несталих лица. Бања Лука. Атлас злочина — Републички центар за истраживање рата, ратних злочина и тражење несталих лица

Процентное изменение числа сербов в БиГ по общинам/энтитетам
в промежутке между переписями 1991 и 2013 гг.

Исход сараевских сербов был многолетним процессом. На территории довоенного Сараево, находящегося сегодня в составе Федерации БиГ, т.е. Кантона Сараево и муниципалитета Пале-Прача Боснийско-подринского кантона Горажде, численность сербов к 2013 г. снизилась на 121 158 человек (с момента переписи населения СФРЮ в 1991 г.)³⁵ В них не учитывались люди, самоопределявшиеся как югославы, многие из которых были сербского или смешанного происхождения, и сербы, бежавшие с охваченных войной территорий СФРЮ в Сараево в 1991 г. — начале 1992 г. На территории довоенного Города Сараево, находящегося сегодня в рамках двух кантонов ФБиГ, по переписи 1991 г. проживало 134 453 серба, а на этих же территориях по переписи 2013 г. — 13 300. Это значит, что их численность снизилась на 90,1%.³⁶ Человеческий и материальный капитал, распространившийся после этого исхода внутри и за пределами Боснии

³⁵ <http://www.statistika.ba/>

³⁶ Ibid.

и Герцеговины и Республики Сербской, оказал долгосрочное влияние не только на облик столицы БиГ, но и на сербский народ, особенно в Республике Сербской.

Процентное изменение числа сербов на пространстве бывшего (довоенного) г. Сараево* между переписями 1991 и 2013 гг.

Легенда

○ Районные центры

Сербы: 50,003 (12,9%);* -97,220 (-51,8%)*

В части ФБиГ:* 13,300 (3,2%);

-121,158 (-90,1%)*

В городе Сараево:** 10,422 (3,7%);

-75,677 (-87,9%)*

В части РС:* 46,703 (94,3%);

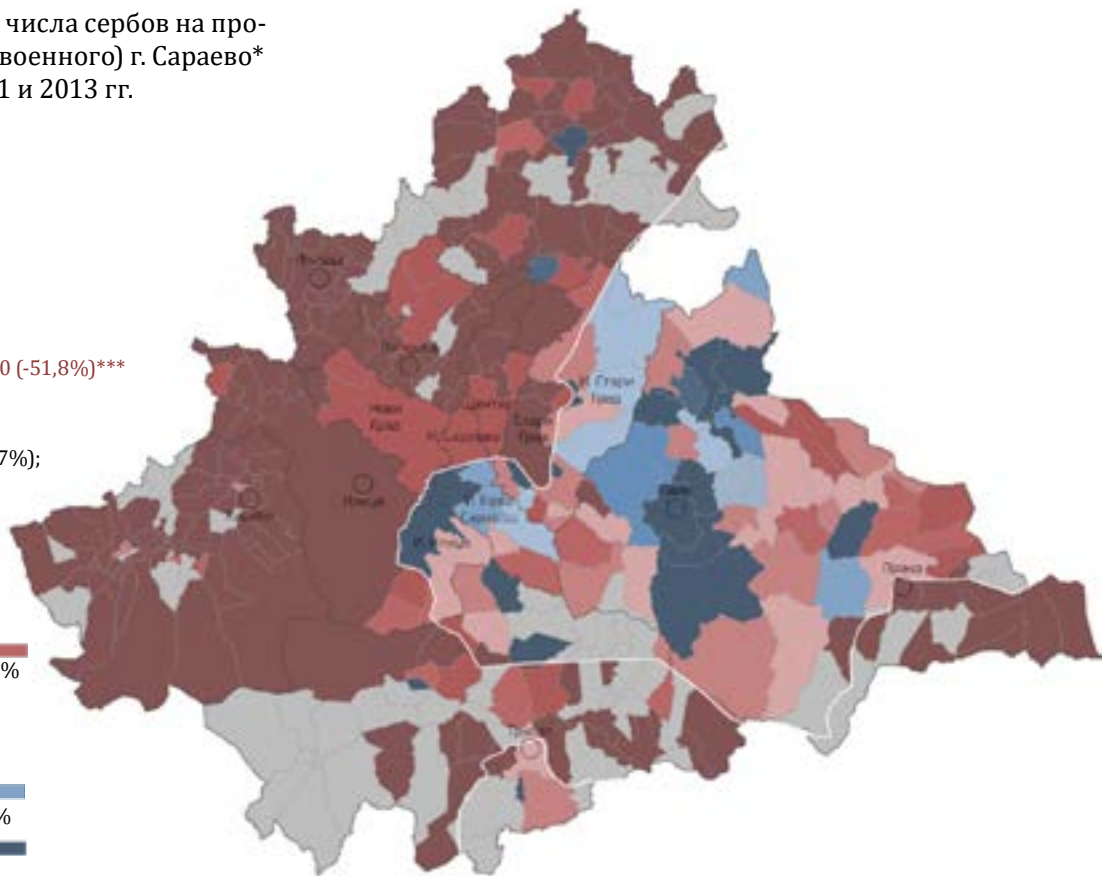
+23,938 (+105,1%)*

-90:-100% -70:-90% -50:-70%

-25:-50% -0,1:-25%

0 +0,1:25% +25:50%

+50:75% +75:100% >100%

* Сегодня довоенный город Сараево (1991) разделен между Республикой Сербской (город Восточное Сараево) и Федерацией Боснии и Герцеговины (кантон Сараево и боснийско-Подриинский кантон Горажде). На карте они выделены белой энтитетской линией.

** Город Сараево, согласно территориальному устройству 1996 года, представляет собой сообщество муниципалитетов:

Нови-Град Сараево, Ново-Сараево-Центр и Стари-Град.

*** (-61,8%/+105,1%); по отношению к численности сербов на той же территории по данным переписи населения 1991 года в СР БиГ (СФРЮ)

Автор: Душан Дачић

Twitter/X: @Duyo96

Тем не менее, нельзя сказать, что исход сербов из Сараево в достаточной мере известен как точка коллективной травмы сербского народа (в БиГ), несмотря на то, что это событие обладает указывающими на этот феномен элементами.

Двигатели взревели, самолет набрал максимально возможную скорость и, пересекая на бреющем полете вражеские позиции, взял курс на север. Капитан обещал оставшимся, что вернется и никого не оставит на аэродроме, но те все равно сломя голову мчались по взлетке вслед за «Кикашем». Рейс, который в обычных обстоятельствах длился тридцать пять минут, они закончили за двенадцать. Это был самый странный полет Боба! Люди, словно селедки, набившиеся в «Боинг», лежали, сидели и торчали на корточках, в то время как некоторые стояли, прислонившись к бортам, а в туалетах разместилось по четыре человека. Это был рейс без воздушного

коридора и номера, без кофе, чая и соков, без объявлений о погоде и времени прибытия. Они высаживали несчастных на военном аэродроме в Батайнице и, не заглушая двигателей, сразу возвращались в Сараево за новой партией обезумевших беженцев. Бобу казалось, что он старается спасти и вывезти из родного города все, что можно погрузить в самолет. Эвакуировав несчастных жителей, они вернутся за зелеными горами, рекой и самыми любимыми сараевскими уголками — может быть, за башней с часами Копельмана или за каким-нибудь из самых дорогих мостов...

... Внизу, в жерле, мерцая серными испарениями, глубоко, громко ревел вновь разбуженный зверь, переваривающий проглоченные сегодня жертвы. Бобу казалось, что он слышит скрежет его черных зубов, и что даже сюда, на небо, проникает его смертоносная, жирная вонь. Ровно в десять вечера Боб вернулся из последнего рейса на Сараево.

Мома Канпор «Последний рейс из Сараево. Сараевская трилогия»

Символ сербов в Боснии и Герцеговине должен бороться против политического отчуждения, замалчивания перечисленных выше фактов и преуменьшения значимости сербов на этих территориях. В истории Боснии и Герцеговины есть примеры того, как на этой территории отменялись именно те аспекты сербской идентичности, которые этот символ должен нести. По примеру нацистской Германии дискриминационные законодательные акты Независимого государства Хорватии (НГХ) во время Второй мировой войны (1941–1945) официально отрицали сербскую идентичность на территории БиГ. Целью такой политики было совершение геноцида (Законодательный акт о переходе из од-

ной веры в другую 1941 г.; Законодательный акт о запрете кириллицы 1941 г.)³⁷ Мы являемся свидетелями ежедневных попыток обесценивания этих фактов. Часто целью этого бывает отмена сербской национальной идентичности, частично или полностью. Названия типа «боснийские православные» (bosanski pravoslavci), «влахи» (Vlasi) или в последнее время «геноцидники» (Genocidaši) нередко встречаются в повседневном инфополе, даже у уважаемых в определенной среде политиков³⁸.

³⁷ <https://x.com/dijalekticar/status/1949092483201114589> и <https://radiosarajevo.ba/metromahala/ja-mislim/dragan-bursac-kako-su-vlasi-prvo-postali-bosanski-pravoslavci-pa-onda-srbi/587854>

³⁸ <https://www.paragraf.ba/propisi/fbih/ustav-federacije-bosne-i-hercegovine.html>

Подобное отношение отражается и в систематических попытках избежать произнесения/ аписания названия энтитета «Республика Сербская». Вместо этого используются исключительные определения типа «меньший энтитет БиГ» или заметные сокращения «РС», которые вновь очень часто далее деформируют до написания со строчной буквы «с» («Рс»), полностью строчными буквами («рс») и бессмысленным произношением аббревиатуры «Эр-эс».

Вместе с тем, в Преамбуле Конституции Боснии и Герцеговины 1995 года бошняки, сербы и хорваты указаны как государствообразующие (конститутивные) народы БиГ. Эта конститутивность не ограничивается границами энтитетов.

Несмотря на то, что сербы составляют лишь 2,5% Федерации БиГ по переписи 2013 г.³⁹, они являются не только народом в Республике Сербской, но и государствообразующим народом ФБиГ по Конституции ФБиГ 1994 г.⁴⁰ Для символа непрерывности присутствия и страданий сербского народа в Боснии и Герцеговине этот факт важен, т.к. он выходит за существующие территориальные рамки (границы энтитетов). Он не связан с границами Республики Сербской, превосходит их. Сербская Республика Боснии и Герцеговины, позднее Республика Сербская как вынужденный акт выражения государственности сербов в Боснии и Герцеговине легитимна и международно признана Дейтонским мирным соглашением 1995 г. в территориальных и конституционных границах Боснии и Герцеговины (статья 1, часть 3 Конституции БиГ, т.е. Приложения IV Общего рамочного соглашения о мире в Боснии и Герцеговине)⁴¹.

Таким образом, нам представляется крайне важным отразить не только визуально непрерывность присутствия, страдания и борьбы сербского народа

³⁹ Закон о potvrđivanju Opšteg okvirnog sporazuma za mir u Bosni i Hercegovini (Сл. лист СРЈ — међународни уговори, број 12/2002) http://demo.paragraf.rs/demo/combined/Old/t/t2003_02/t02_0030.htm

⁴⁰ Žila, Ondřej (2021): The Flight of Serbs from Sarajevo: Not the Dayton Agreement's First Failure, but its First Logical Consequence. Journal: Nationalities Papers / Volume 49 / Issue 5 / September 2021. Published online by Cambridge University Press: 18 August 2020, pp. 967-985

⁴¹ <https://www.klix.ba/vijesti/bih/kulanic-bosanski-srbi-su-sarajevo-napustili-zbog-direktne-naredbe-karadzica-i-krajsnika/230701020> и <https://www.frontal.ba/blogovi/blog/61978/oko-157.000-srba-saraeva-su-veinom-pod-prisilom-proterani-iz-saraeva-od-1992.-godine-do-danas>

как равноправного и исторически укорененного народа Боснии и Герцеговины, но и всеми возможными средствами создать представление об этом в коллективной памяти как сербского народа, так и мировой общественности. Здесь мы не можем не отметить, что бошняцкая пропаганда именно на этом направлении оказалась более, чем успешной, раскрутив события в Сребренице, называемые ими «геноцидом», не только как универсальный, всеми безоговорочно принимаемый символ внутри мусульмано-хорватского энтитета, но и как международный прецедент, признанный Генассамблеей ООН в мае 2024 г. Отметим, что в принятии Генассамблеей резолюции по «геноциду» в Сребренице огромную роль сыграл продюсерский центр «Деблокада» Ясмилы Жбанич.

На наш взгляд, наиболее близким к подобному бошняцкому символу является исход сербов из Сараево до, во время и сразу после Войны в БиГ (1992–1995). Сербь наиболее часто покидали городскую территорию (городской центр) Сараево, находившийся под контролем Армии Республики БиГ (АРБиГ) и Хорватского веча обороны (ХВО) уже в первые (до)военные месяцы 1992 года⁴⁰. Вторая волна массового исхода из города случилась в конце 1995 г. — начале 1996 г. в основном из сельских территорий муниципального образования Город Сараево, находившихся под контролем Вооруженных сил Республики Сербской (ВС РС) и отошедших по Дейтонским соглашениям к Федерации БиГ⁴¹. Речь идет о тех территориях довоенного Сараево, которые чаще всего не были частью городского центра, т.е. о меньших или больших частях муниципалитетов Ново-Сараево, Илиджа, Хаджи-чи, Трново, Вогошча и Илиаш. Следовательно, вопреки укоренившемуся мнению, сербы не покидали город «по приказу»⁴². Они покидали территорию м.о. Город Сараево синхронно с кульминациями (пиками) в двух указанных периодах.

Так Боб остался и без отца, и без родословного древа. Оно сбросило его со своих ветвей. Отцовский дом ограбили, в нем поселились мусульманские беженцы из Восточной Боснии. Он отправил несколько писем по своему прежнему адресу, умоляя новых неизвестных жильцов сохранить родословное древо, а дом и всю обстановку пусть навсегда оставят себе, однако никто ему не ответил. Кто знает, что случилось с огромным ветвистым деревом, нарисованным на стене? Скорее всего, и его пустили на растопку. Деспоты привыкли исчезать в огне. Вот так вот и сгорели их узловатые корни.

Мома Капор «Последний рейс из Сараево. Сараевская трилогия»

⁴² <https://www.klix.ba/vijesti/bih/kulanic-bosanski-srbi-su-sarajevo-napustili-zbog-direktne-naredbe-karadzica-i-krajisnika/230701020> и <https://www.frontal.ba/blogovi/blog/61978/oko-157.000-srba-saraeva-su-veinom-pod-prisilom-proterani-iz-saraeva-od-1992.-godine-do-danas>

Исход и основание нового города из лачуг на поляне вблизи военной казармы в Лукавице являются ничем иным, как символом непрерывности присутствия сербов, их страданий и борьбы. Создание символа, отражающего эту реальность, — единственный объективный путь к формированию нормального межэтнического диалога внутри страны. И именно такая практика должна лечь в основу будущего международного взаимодействия по Боснии и Герцеговине.

30 godina Dejtona: kako ide, Bosno? Naučna monografija

Recenzenti:

Maksim Braterskij, doktor političkih nauka, profesor Nacionalnog istraživačkog univerziteta „Visoka škola ekonomije” (NIU VŠE)

Konstantin Nikiforov, doktor istorijskih nauka, direktor Instituta za slavistiku Ruske akademije nauka (RAN)

Autorski tim:

Jekaterina Entina (NIU VŠE), Nikita Bondarev (Institut za slavistiku RAN), Mihail Lobanov (Institut za ekonomiju RAN), Aleksandar Nadžarov (NIU VŠE), Denis Jerjomin (Institut Evrope RAN), Stefanija Ivetić (NIU VŠE), Sergej Artjomov (Univerzitet MGIMO), Jelizaveta Bikova (Univerzitet MGIMO), Aleksandar Pivovarenko (NIU VŠE), Nemanja Stepanov (NIU VŠE), Nikolaj Derevcov (nezavisni istraživač).

Pod opštim uredništvom doktora političkih nauka, profesorke Nacionalnog istraživačkog univerziteta „Visoka škola ekonomije” Jekaterine Entine

Prevod na službene jezike Bosne i Hercegovine — Sergej Artjomov

Prevod na engleski — Aleksej Maganov

Priprema za štampu — Lika Žilina

Autor etničkih mapa — Dušan Dačić

Naslovnica — Jelizaveta Bikova

ISBN 978-5-907867-95-6

Izdavačka kuća Zebra E

Moskva 2025

SADRŽAJ	4
RUSKA VERZIJA	7
REZIME	128
DRUŠTVO	131
BOSNA I HERCEGOVINA: OČEKIVANJE I STVARNOST	131
BOSANSKOHERCEGOVAČKI FILM: IZMEĐU „PRISILNOG POMIRENJA“ I „IGRANJA ŽRTVE“	157
EKONOMIJA	180
PRIVREDNA FRAGMENTACIJA I FORMIRANJE ETNIČKIH EKONOMIJA U POSTDEJTONSKOJ BOSNI I HERCEGOVINI: ZAJEDNO ILI ODVOJENO?	180
POLITIKA.....	208
KANCELARIJA VISOKOG PREDSTAVNIKA: DEZINTEGRACIJA KROZ UNIFIKACIJU	208
DRŽAVNI SIMBOLI BOSNE I HERCEGOVINE	221
KONTINUITET PRISUSTVA, STRADANJA I BORBE KAO SIMBOL SRBA U BOSNI I HERCEGOVINI	228
ENGLESKA VERZIJA	240
PRILOG: LISTA ODLUKA VISOKOG PREDSTAVNIKA, OBJAVLJENIH NA SAJTU OHR-A OD DECEMBRA 1997. GODINE (NA ENGLESKOM JEZIKU)	362

REZIME

Godine 2025, trideset godina nakon potpisivanja Dejtonskog mirovnog sporazuma, Bosna i Hercegovina je ponovo dospjela na naslovnice širom svijeta. U međunarodnom diskursu je prikazana kao nedovršena, disfunkcionalna zemlja sa brojnim neriješenim etničkim problemima i političkim kontradikcijama, spremna da se preko noći uruši u još jedan krvavi rat. Javnom sviješću kruži bauk jugoslovenskih ratova 1990-ih, a vijesti koje dolaze iz Bosne i Hercegovine se često, čak i intuitivno, doživljaju kroz ovu prizmu. U isto vrijeme, svako ko dođe ovdje, vidjeće balkansku zemlju s vlastitim problemima, jedinstvenim tradicijama i divnom prirodom.

Klasičan opis Bosne i Hercegovine u čitavoj njenoj «cvjetajućoj složenosti» daje nobelovac Ivo Andrić u priči «Pismo iz 1920. godine».

«Ko u Sarajevu provodi noć budan u krevetu, taj može da čuje glasove sarajevske noći. Teško i sigurno izbija sat na katoličkoj katedrali: dva poslije ponoći. Prođe više od jednog minuta (tačno sedamdeset i pet sekundi, brojao sam) i tek tada se javi nešto slabijim ali prodornim zvukom sat sa pravoslavne crkve, i on iskucava svoja dva sata poslije ponoći. Malo za njim iskuca promuklim, dalekim glasom sahat — kula kod Begove džamije, i to iskuca jedanaest sati, avetinjskih turskih sati, po čudnom računanju dalekih, tuđih krajeva svijeta! Jevreji nemaju svoga sata koji iskucava, ali bog jedini zna koliko je sada sati kod njih, koliko po sefardskom, a koliko po eškenaskom računanju. Tako i noću, dok sve spava, u brojanju pustih sati gluvog doba bdi razlika koja dijeli ove pospale ljude koji se budni raduju i žaloste, goste i posprema četiri razna, među sobom zavađena kalendara, i sve svoje želje i molitve šalju jednom nebu na četiri razna crkvena jezika. A ta razlika je, nekad vidljivo i otvoreno, nekad nevidljivo i podmuklo, uvijek slična mržnji, često potpuno istovjetna sa njom».

Malo se toga promijenilo za sto godina. Posljednjih trideset godina, posvećenih društveno-političkom eksperimentu — uspostavljanju potpunog međunarodnog protektorata nad formalno suverenom evropskom državom — dalo je dvosmislene rezultate. U našem istraživanju pokušavamo da izvučemo prelazni rezultat iz ovog eksperimenta, prije svega u društvenoj i ekonomskoj sferi, odnosno iz onoga, što je od ključnog značaja za svakog pojedinca, bez obzira na vjeru, nacionalnost i starost.

U tu svrhu smo proveli veliko sociološko onlajn istraživanje u kojem je učestvovalo više od 2500 ispitanika i niz dubinskih intervju sa pripadnicima konstitutivnih naroda u BiH. Radi analize narativa o sebi i svom identitetu, koji su uobičajeni u društvu, autori su se okrenuli bosanskohercegovačkoj kinematografiji nastaloj u proteklih 30 godina.

U našem istraživanju pokazujemo duboko podijeljenu zemlju čiji narodi nisu naučili da žive jedni sa drugima, nego su izgradili svoje paralelne stvarnosti. Dok Srbi i Hrvati zaista ne osjećaju Bosnu i Hercegovinu svojom zemljom, Bošnjaci su, uz podršku vlastitih intelektualaca i zapadne zajednice tokom posljednjih 30 godina pokušavali da transformišu svoj identitet i kroz film, i kroz politiku historijskog pamćenja. U srži tog novog bošnjačkog identiteta je kompleks žrtve i prividna nemoć. Temelji se na sjećanju na rat i stradanja; nema konstruktivno jezgro; u suprotnosti je historijskoj samopercepciji Bošnjaka. I to je uglavnom razlog zašto šanse za izgradnju Bosne i Hercegovine kao jedinstvene zemlje sa «svjetlom zajedničkom budućnošću» nisu velike: rezultat društvenog eksperimenta je svođenje na minimum konstruktivnog temelja same države.

Međutim, Bosna i Hercegovina se ne može nazvati apsolutno disfunkcionalnom i beznadežnom zemljom. Industrija se tu očuvala i razvija, mada je u vlasništvu uglavnom etničkog ili stranog kapitala. Etnički kapital podržava lance vrijednosti gdje je potrebno, ali zemlji nedostaju snage koje bi podsticale stvaranje jedinstvenog ekonomskog prostora. Djelimično objašnjenje za to je da BiH zbog statusa svoje Centralne banke nema pravi monetarni a time ni ekonomski suverenitet.

Po našem mišljenju, najočiglednija prepreka stvaranju efikasnije države je Kancelarija Visokog predstavnika i sistem upravljanja koji je nastao kao rezultat njene pojave. U našem istraživanju pokazujemo kako taj sistem uopšte izgleda. Njen sastavni dio nije samo Visoki predstavnik i zajedničke polusuverene institucije, već i ogromna mreža nevladinih organizacija koje pružaju analitičku i informacionu podršku njihovim aktivnostima. Upravo je taj vertikalno integrisani sistem doveo do toga što je pokušaj unifikacije bosanskohercegovačkog prostora 30 godina kasnije rezultirao još većom unutrašnjom dezintegracijom.

Najvažnija karakteristika tog sistema je, možda slučajno, kao lanac nesrećnih okolnosti, a možda i potpuno namjerno, postao dosljedan napad na simbole i identitet Srba koji se provodi od 2000-ih godina. U političkom prostoru je uobičajeno da se o tome govori kao o pokušaju demontaže Republike Srpske kao autonomije. Po našem mišljenju, situacija je mnogo ozbiljnija i zahtjeva dublje analize. Na kraju krajeva, politika Zapada koja promovise Republiku Srpsku kao «genocidnu» tvorevinu, zabrana upotrebe univerzalnih simbola srpskog naroda i svođenje historije ovog naroda u Bosni i Hercegovini isključivo na period 1990-ih godina ima za cilj rastvaranje bosanskohercegovačkog srpstva kao takvog, svođenje istog za same Srbe i međunarodnu zajednicu na skup uskih narativa i historijskih mitova «nevažnih» za moderno doba. Takav scenario je već bio uspješan za zapadni svijet na Kosovu i Metohiji. Upravo zato, kao jedan od potrebnih odgovora, naše istraživanje predlaže da se sami Srbi, prije svega, vrate i razmisle o stvaranju simbola kontinuiteta svog prisustva na bosanskohercegovačkom prostoru.

Nakon sprovedenog istraživanja, proučavanja mišljenja preko dvije hiljade građana BiH i razgovora sa desetinama ljudi iz BiH, vidjeli smo ne samo probleme i mane, već i iskrenu želju da se živi na mirnom i prosperitetnom području. Ali i mir, i prosperitet su mogući samo u uslovima ravnopravnog, otvorenog dijaloga među narodima. Teško je to ostvariti kada komunikacijom dominira jedan skup politizovanih narativa koje promovišu spoljni akteri. Nadamo se da naš rad ne samo nudi donekle alternativno gledište o Bosni, već i služi kao poziv na široku i iskrenu diskusiju.

BOSNA I HERCEGOVINA: OČEKIVANJE I STVARNOST

— *I u čemu vidite posebnost Bosne i Hercegovine danas?*

– *U ljepoti života. Ovdje i dalje ljudi znaju da sjednu, da uživaju, da piju, da dobro jedu, da se druže, da uživaju u prirodi, da uživaju u veselju, imaju porodično okupljanje.*

Ne znam da li je to panslovensko ili ne znam šta, ali mi imamo tu osobinu

Tako to je ljepota života.

(Muškarac, 38 godina, Srbin)

Ovdje [u Bosni i Hercegovini — prim.aut.] ima vrlo mnogo «ali» i vrlo mnogo zarezova.

(Žena, 24 godine, Bošnjakinja)

Zapadne fondacije i centri redovno sprovode istraživanja javnog mnjenja među građanima Bosne i Hercegovine. Po pravilu, tiču se stavova građana po pitanju pridruživanja EU-u i korupcije u zemlji. Značajno rjeđe se dotiču teme nacionalnog identiteta, međuetničkih odnosa i stavova prema političkim institucijama. Naše istraživanje pokušava da popuni ovu prazninu. Prilikom sprovođenja sociološkog istraživanja smo htjeli da pronađemo kako konstitutivni narodi BiH vide jedni druge 30 godina poslije potpisivanja Dejtonskog sporazuma, kako gledaju na budućnost svoje zemlje i svoju budućnost u njoj te kako procjenjuju političke i ekonomske perspektive zemlje.

U našem onlajn istraživanju je učestvovalo više od 2500 ljudi, od kojih je u potpunosti odgovorilo na sva pitanja njih 1177. Rezultati anketiranja su obrađeni u skladu sa starosnom piramidom BiH i njenom etničkom strukturom. Ispitanicima je ponuđeno da odgovore na 32 pitanja.

Tokom analize dobijenih podataka je važno da se uzme u obzir unutrašnja dinamika društva Bosne i Hercegovine. Ono se odlikuje visokim stepenom međusobnog nepovjerenja između etničkih grupa što mnoga pitanja čini izuzetno osjetljivim: odgovori na njih mogu da se posmatraju ne samo kao lični stav, već i kao pokazatelj političke ili nacionalne pripadnosti. Postkonfliktni karakter društva samo pojačava ovu osjetljivost: društveno-političke okolnosti još uvijek određuju traume prošlosti, što utiče na spremnost ljudi da otvoreno govore o temama, koje ih uzbuđuju. Polietničnost i fragmentacija zemlje (i prostorna, i institucionalna)

dodatno komplikuje situaciju: ono što se smatra kao «norma» i «zajedničko mjesto» u jednoj lokalnoj zajednici, u susjednoj može da se tumači na dijametralno suprotni način. Postdejtonska arhitektura, izgrađena na principima etničkog pariteta i stalnog kompromisa, stvara atmosferu u kojoj sociološki pregled ne odražava samo javno mnjenje, nego se utkuje u složenu političku slagalicu, što uzrokuje brojne poteškoće za istraživača koji održava neutralnost i akademski integritet. U takvim okolnostima se naučnik ne suočava samo sa problemom prikupljanja pouzdanih podataka, već i s neophodnošću da vodi računa kako razne grupe građana percipiraju metode prikupljanja podataka, korišćene rečenice i eksplanatorne modele.

Organizacija niza dubinskih intervju s građanima Bosne i Hercegovine se pokazala kao još teži posao nego sprovođenje anonimne kvantitativne ankete. Bilo je teško pronaći ispitanike koji bi bili spremni da otvoreno razgovaraju: neki potencijalni učesnici su ignorisali poruke, drugi su pristali ali sa mnogim rezervama, pojašnjenjima i pitanjima o ciljevima istraživanja i daljem korišćenju dobijenih podataka. Čak i oni, koji su na kraju učestvovali, često su pribjegavali mehanizmima samoograničavanja — pažljivo birali riječi, izbjegavali osjetljive teme ili davali prednost društveno prihvatljivim riječima. Za društvenog istraživača je sam ovaj fenomen poučan: odražava ne samo visok nivo socijalnog nepovjerenja, već i ono, koliko je duboko ukorijenjena praksa «politički korektnog» dijaloga o društveno osjetljivim temama.

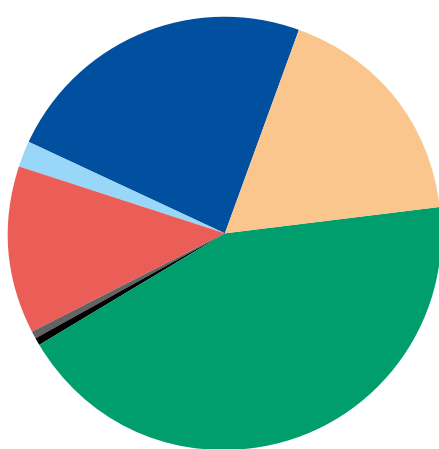
Međuetnički odnosi i pitanje nacionalnog identiteta

Tokom serije dubinskih intervjua je primijećena tendencija da se skoro nijedan ispitanik nije identifikovao građanskom kategorijom «Bosanac». Takva samoidentifikacija je, prema pravilu, bila među kosmopolitski orijentisanim učesnicima, koji su često svjedoci jugoslovenskog projekta i za koje ideja nadetničke zajednice još uvijek ima vrijednost. U drugim slučajevima je kategorija «Bosanac» tumačena kao regionalni identitet povezan sa teritorijalnom pripadnošću, ali ne i s političkom zajednicom.

Prosto taj termin Bosanac ja tumačim na način da je to, u suštini, regionalna pripadnost. (Muškarac, 28 godina, Srbin)

Ja sam građanin Republike, insistiram na to, Republike Bosne i Hercegovine, jer je kao Republika nastala nakon razbijanja Jugoslavije, a Jugoslavija je razbijena. Ja bih sad radije rekao da sam Jugoslaven. Ali pošto je razbijena ta zemlja, ja u suštini svojoj osjećam sve narode Jugoslavije kao svoje zemljake, kako bih rekao. Međutim, sve je to, nažalost, izgubljeno u svemiru, tako da ja onda pokušavam da ostanem u tom centralnom dijelu kao Bosanac. (Muškarac, 74 godine, Bosanac)

Etnička samoidentifikacija ispitanika

- Bosanac i Hercegovac/
Bosanka i Hercegovka
- Bošnjak/Bošnjakinja
- Crnogorac/Crnogorka
- Drugo
- Hrvat/Hrvatica
- Jugosloven/Jugoslovenka
- Srbin/Srpkinja

Treba istaći da su izuzetno zanimljivu sliku pokazali odgovori na «tehničko» pitanje o nacionalnoj samoidentifikaciji u onlajn istraživanju: 17% ispitanika se nazvalo «Bosancima» (Bosanac i Hercegovac). Međutim, ogromna većina tih ljudi živi na teritoriji FBiH (95%). Među pripadnicima «građanskog identiteta» koji su u dugotrajnoj vezi/braku, 81% ima partnera koji je takođe predstavnik civilnog identiteta, 11% ima Bošnjaka/Bošnjakinju, 5,5% — Hrvata/Hrvaticu i samo 2% — Srbina/Srpkinju. Ovo veoma jasno pokazuje kako se takav «građanski identitet» stvarno ukorijenio među dijelom društva, većinom muslimansko-hrvatskim. Navedimo da udio dugotrajnih mješovitih veza/brakova među ispitanicima čini 10%.

Pa sad, znate kako. Naravno, razlike postoje, o tome smo i pričali. One su ne samo identitetske, one su i iz nekih ratnih trauma. Ali, opet mislim da ljudi mogu da sarađuju, nije to baš tako kako se možda u medijima predstavlja. Ljudi zajedno rade na nekim poslovima i ne pričaju o politici na neki način. Ako postoji neki viši interes ili znamo šta nam je prioritet, zašto bismo politiku petljali u to? Tako da mislim da ljudi mogu da sarađuju. (Muškarac, 31 godina, Srbin)

Ali ne možemo mi da budemo sigurni da možemo da vjerujemo drugoj strani u potpunosti, zato što sa svake strane postoje ljudi koji su ekstremni i koji smatraju da bi trebalo da se opet ratuje i ubija i tako dalje. I toga ima sa sve tri strane. Ja ne mogu da vjerujem Bošnjacima ili Hrvatima u potpunosti. Isto tako razumijem da ni oni ne mogu da vjeruju Srbima u potpunosti jer ja znam da takvi postoje i sa srpske strane itekako. (Muškarac, 28 godina, Srbin)

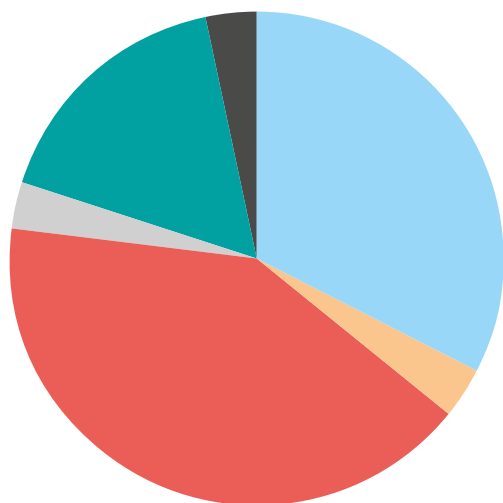
Ja, recimo, učestvujem u kulturno-prosvjetnom društvu, srpskom kulturno-prosvjetnom društvu... U Sarajevu držim i koncerte i vodim neke programe kad me angažuju. Za njihov list sam napisao jednu svoju priču, tako da sam tu vrlo aktivan. Znači i sa jednim i drugima. I nije mi ono što je tebi možda bitno za odgovor, nije mi bitna ta nacionalna odrednica, determinanta za prijateljstvo. (Muškarac, 74 godine, Bosanac)

Meni su osobno bliski, ja smatram Srbe bliskim i kulturološki i identitetski. Ima tu i nekih kulturoloških sličnosti i razlika koji su bitne. Recimo, neka opća društvena atmosfera u Srpskoj je daleko opuštenija. Recimo, mi smo u Federaciji već u situaciji da se moramo bojati iskazivanja svog identiteta, bilo isticanje svojih znakova... I ne samo to, ali vi imate u Federaciji prisustvo različitih ekstremističkih grupa koje vidite na ulici. I sigurno nije ugodno. Tako da, evo, s te neke strane, Republika Srpska je sigurno slobodnija i za Hrvate nego Federacija. Tako da, evo, ako već tako mora, onda, da, Republika Srpska je dosta tu bliža. (Muškarac, 42 godine, Hrvat)

Ja nisam imala tih problema, ja imam prijatelje svih vjeroispovijesti i nacionalnosti i ja nemam problem s tim. Ali vjerujem da u nekim mjestima, u nekim gradovima ima tih problema. (Žena, 28 godina, Bošnjakinja)

Rezultati sociološkog istraživanja pokazuju kako su etničke napetosti u običnim svakodnevnim situacijama na niskom nivou. Na pitanje «Biste li neformalno komunicirali na korporativnoj proslavi sa pripadnicima druge etničke grupe» 41% ispitanika je odgovorilo da ne bi uopšte obraćali pažnju na etničku pripadnost

Koliko ste lično spremni/spremlne za neformalnu komunikaciju sa kolegama iz druge etničke grupe na korporativnom događaju?

osobe prilikom odabira sagovornika, dok je još 16% odgovorilo da bi sami pokrenuli razgovor s predstavnicima druge etničke grupe. 32% je izjavilo da bi bili spremni da komuniciraju o neutralnoj temi, dok je samo 3% ispitanika iskazalo neinteresovanje za ovu vrstu komunikacije.

- Komunicirao/Komunicirala bih isto kao i s kolegama iz svoje grupe, ukoliko je tema neutralna (0 poslu, vremenu, sportu).
- Komunicirao/Komunicirala bih samo ako je to neophodno ili ako oni sami pokažu inicijativu.
- Ne bih obraćao/Ne bih obraćala pažnju na etničku pripadnost pri izboru sagovornika/sagovornice.
- Ne mogu se izjasniti / Ne znam.
- Spreman/spremna bih bio/bila za aktivnu komunikaciju, namjerno inicirajući razgovore ili se pridružujući njihovoj grupi.
- Više volim da ostanem samo u krugu «svoje» etničke grupe.

Zanimljivo je da se odgovori na nivou etničkih grupa razlikuju u okviru margine greške. Međutim, poptuno drugačija situacija se pojavljuje pri analizi starosnih grupa. Dakle, 30% ispitanika starosti od 18 do 25 godina je odgovorilo da bi sami pokrenuli razgovor dok je tek 11% ispitanika starosti od 36 do 45 godina odgovorilo slično.

Komunicirao/Komunicirala bih isto kao i s kolegama iz svoje grupe, ukoliko je tema neutralna (0 poslu, vremenu, sportu).

Komunicirao/Komunicirala bih samo ako je to neophodno ili ako oni sami pokažu inicijativu.

Ne bih obraćao/Ne bih obraćala pažnju na etničku pripadnost pri izboru sagovornika/sagovornice.

Ne mogu se izjasniti / Ne znam.

Spreman/spremna bih bio/bila za aktivnu komunikaciju, namjerno inicirajući razgovore ili se pridružujući njihovoj grupi.

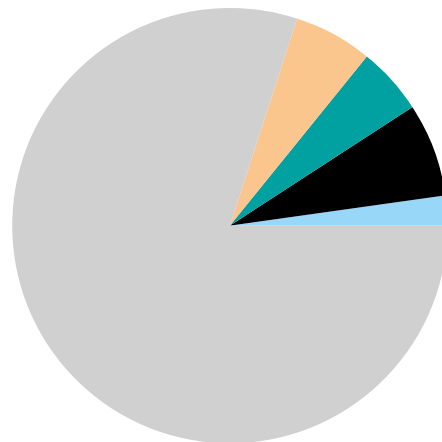
Više volim da ostanem samo u krugu «svoje» etničke grupe.

- 18-25 godina
- 26-35 godina
- 36-45 godina
- 45-60 godina
- stariji od 60 godina

Na isti način su odgovarali na pitanje, jesu li skloni da vjeruju stručnjaku iz druge etničke grupe koji priča o društveno značajnoj temi na televiziji ili Jutjubu. Skoro 80% ispitanika onlajn istraživanja je odgovorilo da etnička pripadnost govornika za njih nema značaja.

Međutim, pitanje povjerenja u procjene stručnjaka izvan sopstvene etničke grupe se više pojavilo tokom analize rezultata niza dubinskih intervjuja. Većina učesnika je iskazala svoje povjerenje u stručnjaka ali, istovremeno, sa rezervom: ovo povjerenje se održava samo u slučajevima kada riječ nije o politici ili o tumačenju događaja iz perioda 1992—1995. godine.

- Etnička pripadnost ne utiče na moje povjerenje. Njegovo/Njeno mišljenje ću ocjenjivati isključivo prema sadržaju i argumentima.
- Poptuno nisam sklon(a) vjerovati.
- Potpuno sam sklon(a) vjerovati.
- Prije nisam sklon(a) vjerovati.
- Prije sam sklon(a) vjerovati.

Nema veze, ako nije tema politička, odnosno ako nije vezana za ratna dešavanja, ako je vezana za određenu uskostručnu djelatnost, naravno da neće nacionalnost stručnjaka uticati. (Muškarac, 31 godina, Srbija)

Ako jedan politikolog raspravlja, recimo, o situaciji na Bliskom istoku ili francuskom pitanju, onda njegova nacionalnost vjerovatno nije bitna. Ali, ako je priča o nekim unutrašnjim procesima, onda će možda neki procenat imati pitanja i sumnje, ali ne mislim da je to 100% rasprostranjena priča. (Žena, 24 godine, Bošnjakinja)

Čak i da govori istinu, imala bih neke sumnje. A drugi bi ih imali još više. (Žena, 22 godine, Hrvatica)

Malo drugačije su ispitanici odgovorili na pitanje, kakav bi imali odnos da se njihov sin/kći vjenčao/la sa pripadnikom/com druge etničke grupe. 32,5% bi to doživjelo negativno, 21,3% pozitivno, a još 24,9% neutralno. 6% je odgovorilo da bi njihov odnos zavisio od nacionalnosti ili vjeroispovijesti partnera njihovog sina/kćeri. Treba navesti da se u starosnim i etničkim grupama odgovori skoro nisu razlikovali, osim ispitanika, koji su iskazali svoj «građanski» identitet: u tom slučaju bi samo 15,5% negativno doživjelo takav brak, dok 40% pozitivno.

Moji roditelji mogu da sarađuju sa osobama koje su druge vjere na poslovnom planu. Sve je to u redu na svakodnevnom nivou. Ali, naravno, moj otac nikad ne bi prihvatio da ja imam partnera koji je druge vjere, jer on ne bi to podnio.
(Žena, 28 godina, Srпкиnja)

Svejedno mi je jer u mojoj obitelji već ima miješanih brakova. Nije me briga. Samo da osoba nije pretjerano religiozna, odnosno religioznost je, mislim, veći problem za ljude od nacionalnosti. (Žena, 22 godine, Hrvatica)

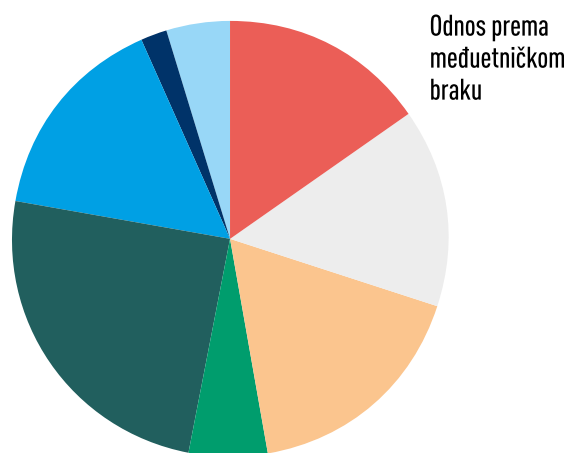
Pa ja bih imao problem da se vjenčaju za Bošnjake-muslimane.
(Muškarac, 42 godine, Hrvat)

Barem su muslimani dovoljno pedantni po tom pitanju jer mnogi odlaze da rade čak u neke obližnje zemlje poput Slovenije... I uprkos tome što mnogi planiraju da tamo ostanu do kraja života, ipak traže sebi za brak čovjeka iz svoje zemlje i, po mogućnosti, iz svoje vjere.

(Žena, 24 godina, Bošnjakinja)

Jedino je, kad bih ja imao protiv toga, da je taj neko radikaln. U smislu da od mog djeteta zahtijeva da promijeni religiju, nešto slično. U tom slučaju otvoreno ne bih podržao. To kaŹem, ta vjera u Hristosa mi je jako bitna.

(Muškarac, 38 godina, Srbin)

- Kategorički sam protiv i pokušao/pokušala bih spriječiti brak.
- Ne mogu se izjasniti / Ne znam kako bih se postavio/postavila.
- Ne odobravam, ali ne bih aktivno sprečavao/sprečavala.
- Odobrio/Odobrila bih taj brak.
- Postavio/Postavila bih se neutralno (to je njegov/njen lični izbor).
- U potpunosti bih podržao/podržala i bio/bila bih srećan/srećna zbog tog braka.
- Zavisi od toga kojoj tačno etničkoj grupi pripada partner/partnerka.
- Zavisi od vjeroispovijesti osobe.

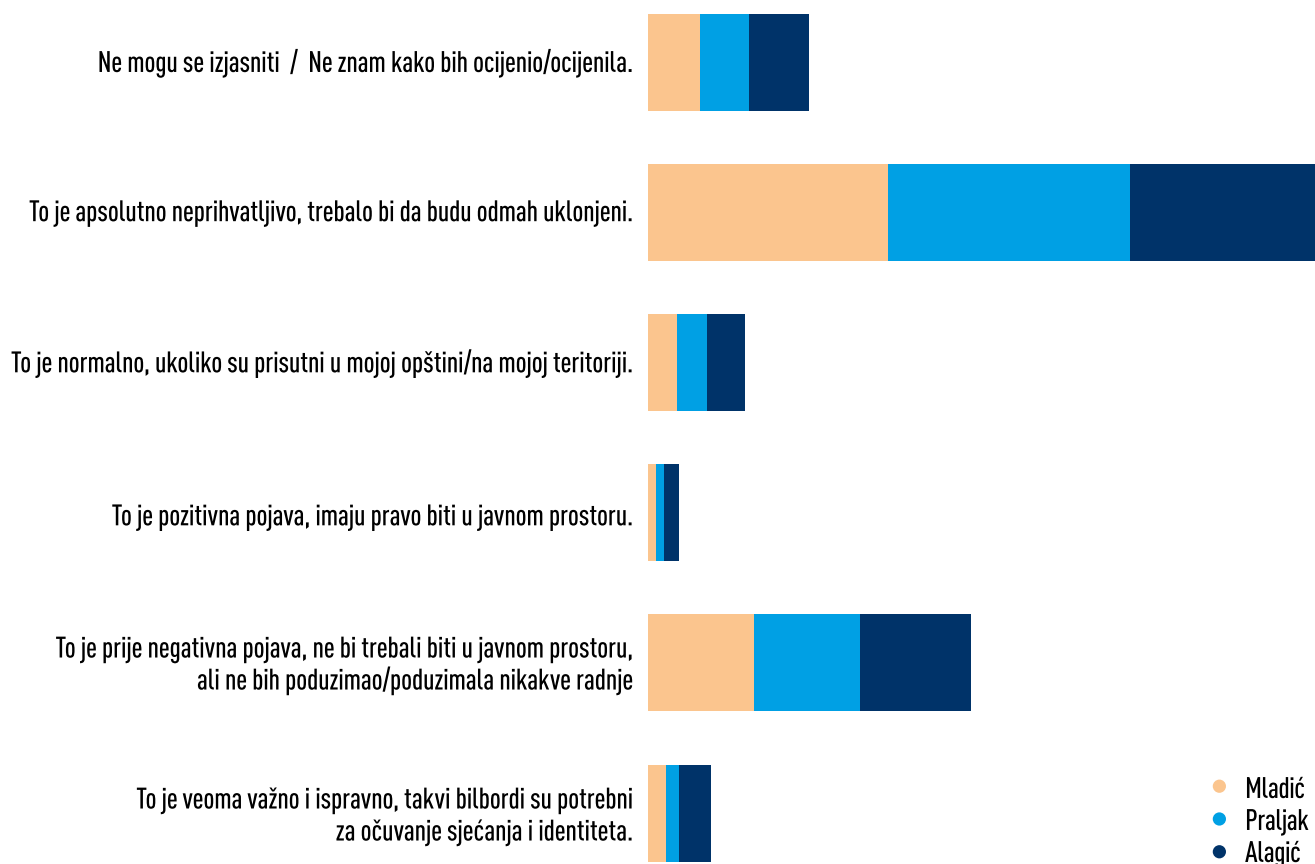
Ipak, rezultati sociološkog istraživanja dovode do dva zaključka u vezi sa stanjem međuetničkih odnosa. Prvo, stepen međuetničkih razmirica nije visok. Naravno, postoje, posebno po osjetljivim pitanjima koja se tiču porodice i privatnog života, kao što pokazuju odgovori na pitanje o braku, mada očigledno ne dominiraju društvom. Trećina ispitanika koja je negativno odgovorila na ovo pitanje i od koje je tek 15% spremno da aktivno spriječava brak očigledno nije pokazatelj netolerantnog društva. Drugo, rezultati pokazuju da tri decenije poslije završetka rata većina ispitanika teŹi da istakne odsustvo etničkih predrasuda što moŹe da ukazuje na efekat samoograničenja i orijentaciju na društveno prihvatljive odgovore.

Istorijsko pamćenje i nacionalni simboli

Veoma su zanimljivi odgovori na pitanja o istorijskom pamćenju. Naime, ispitanicima je predloženo da izraze svoje mišljenje o dopustivosti prisustva triju murala u javnom prostoru: Ratka Mladića, Slobodana Praljka i Mehmeda Alagića. Ilustrativno je da ako su procenti odgovora o Ratku Mladiću i Slobodanu Praljku bili skoro isti, u slučaju Mehmeda Alagića je značajno veći broj ljudi izabrao opciju «pasivnog» osuđivanja. Ovo je u suštini zbog brojčane dominacije Bošnjaka među ispitanicima.

Raspodjela odgovora na pitanje:

Zamislite da idete autoputem u BiH i vidite bilbord. Na njemu su prikazani simboli (zastave, amblemi, slogani, slike) koji direktno ili indirektno upućuju na paravojne formacije druge etničke grupe. Kako biste ocijenili takav bilbord u javnom prostoru?

Štaviše, dok je 30% Srba i 33% Hrvata izabralo pozitivne odgovore u vezi sa «svojim generalima», tek 21% Bošnjaka i 10% Bosanaca je navelo da mural Mehmeda Alagića predstavlja pozitivan element javnog prostora. Sveukupno, treba istaći dovoljno nedvosmislen negativan stav ispitanika prema muralima koji veličaju generale iz doba građanskog rata.

Upravo tako je, osuđujem. Smatram to za cirkus, u 21. smo stoljeću. No, većina društva, rekla bih, nikako ne reagira. Ja reagiram negativno, za mene je to odvratno, fuj, jer je milijun ljudi otišlo nakon rata, stotine tisuća je umrlo. Zašto nam ovo treba? Društvo kao društvo više nikako ne reagira. Nemaju više reakcije. Samo gledaš te ništa. Prođeš autom te ništa. (Žena, 22 godine, Hrvatica)

Ne želim to da vidim, ni sa strane svoje nacionalne pripadnosti, ni sa svoje strane, ni sa tuđe strane. (Žena, 22 godine, Srkinja)

Svakako je negativno, ali to je ono što čini politički život BiH. Neko podgrijevanje nacionalnih tenzija je nešto što odgovara određenim političkim elitama. Svakako je to nešto negativno. Možda se i to malo mistifikuje. Ne u tolikoj mjeri, ali u određenoj mjeri. I kroz sjećanje, kroz politiku sjećanja, kroz obilježavanje nekih važnih datuma. Ali opet kažem, ove godine je 30 godina poslije završetka rata i naprosto je prošlo jako mnogo vremena. Tako da u svakom slučaju neka sjećanja blijede, ali ne možemo reći da je rat potpuno iščezao i da ne utiče na svakodnevni život ljudi. (Muškarac, 31 godina, Srbin)

To je baš bespotrebno. Bespotrebno je sa bilo čije strane. (Žena, 28 godina, Bošnjakinja)

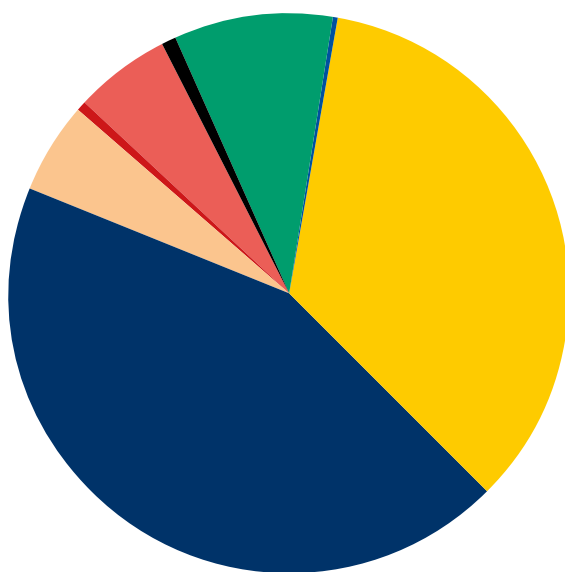
Naravno, ocjenjujem to negativno i mislim da je to onda provokativno i nepotrebno, upravo zato što su već ogromne posljedice po sva tri naroda napravljene zbog tih sukoba, agresije i tih... raznih velikonacionalnih ambicija. Kad ovo govorim, mislim na sva tri naroda koji trenutno su dominantni u BiH. (Muškarac, 74 godine, Bosanac)

Ilustrativni su odgovori na pitanje «Sa kojom zastavom se najviše poistovjećujete?» Na raspolaganju je bilo osam zastava — zastava sa zelenim poljem i polumjesecom/ zvijezdama (koristile su je bošnjačke oružane formacije), zastava sa crveno-plavo-bijelim prugama i srpskim krstom (koristili su je srpske oružane formacije), zastava sa zlatnim ljiljanima na plavom štitu sa bijelom prugom, savremena zastava Bosne i Hercegovine, zastava Republike Srpske, zastava Federacije Bosne i Hercegovine, zastava Hrvatskog vijeća Herceg-Bosne i zastava Socijalističke republike BiH.

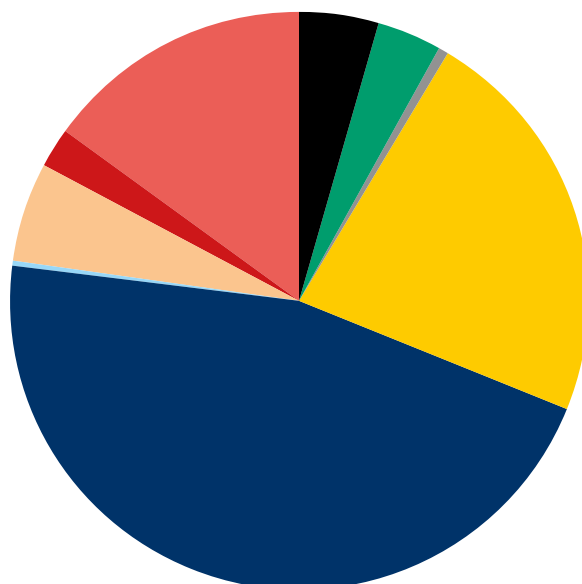
U 4 identitetske grupe odgovori su raspoređeni na sljedeći način:

Bošnjaci

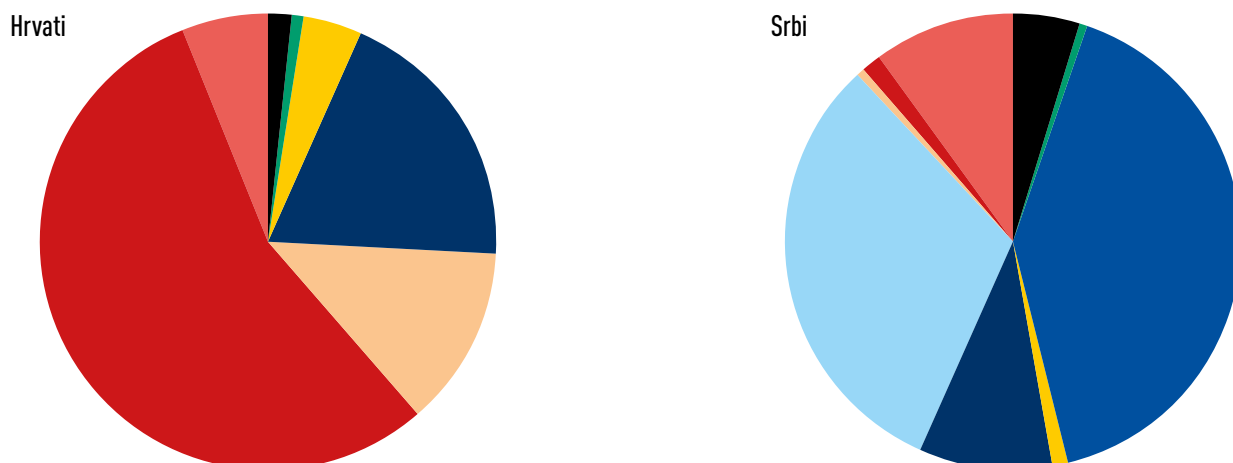
- Nijedna od predloženih
- Zastava sa zelenim polumjesecom
- Srpska zastava sa krstom
- Zastava sa ljiljanima na plavom štitu
- Zastava BiH
- Zastava RS
- Zastava FBiH
- Zastava Hrvatskog vijeća HB
- Zastava SR BiH

Bosanci i Hercegovci

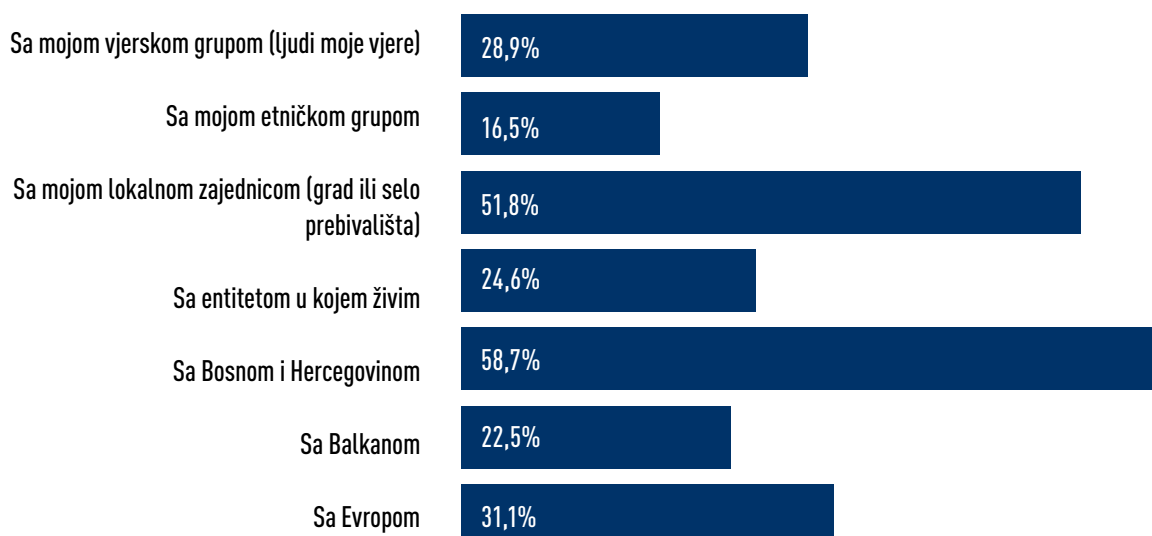
S državnim simbolom se najviše identifikuju pripadnici građanskog identiteta, zatim Bošnjaci, Hrvati pa, na kraju, Srbi.

Svaka od dominantnih grupa se poistovjećuje sa zastavama svojih oružanih formacija iz ratnog doba, mada to se najviše odražava na primjeru Hrvata (55%) prema 44% kod Bošnjaka i 41% kod Srba. Najjaču asocijaciju sa entitetskom zastavom predvidljivo imaju Srbi — 32%. U većoj mjeri se sa zastavom FBiH identifikuju Hrvati (13%).

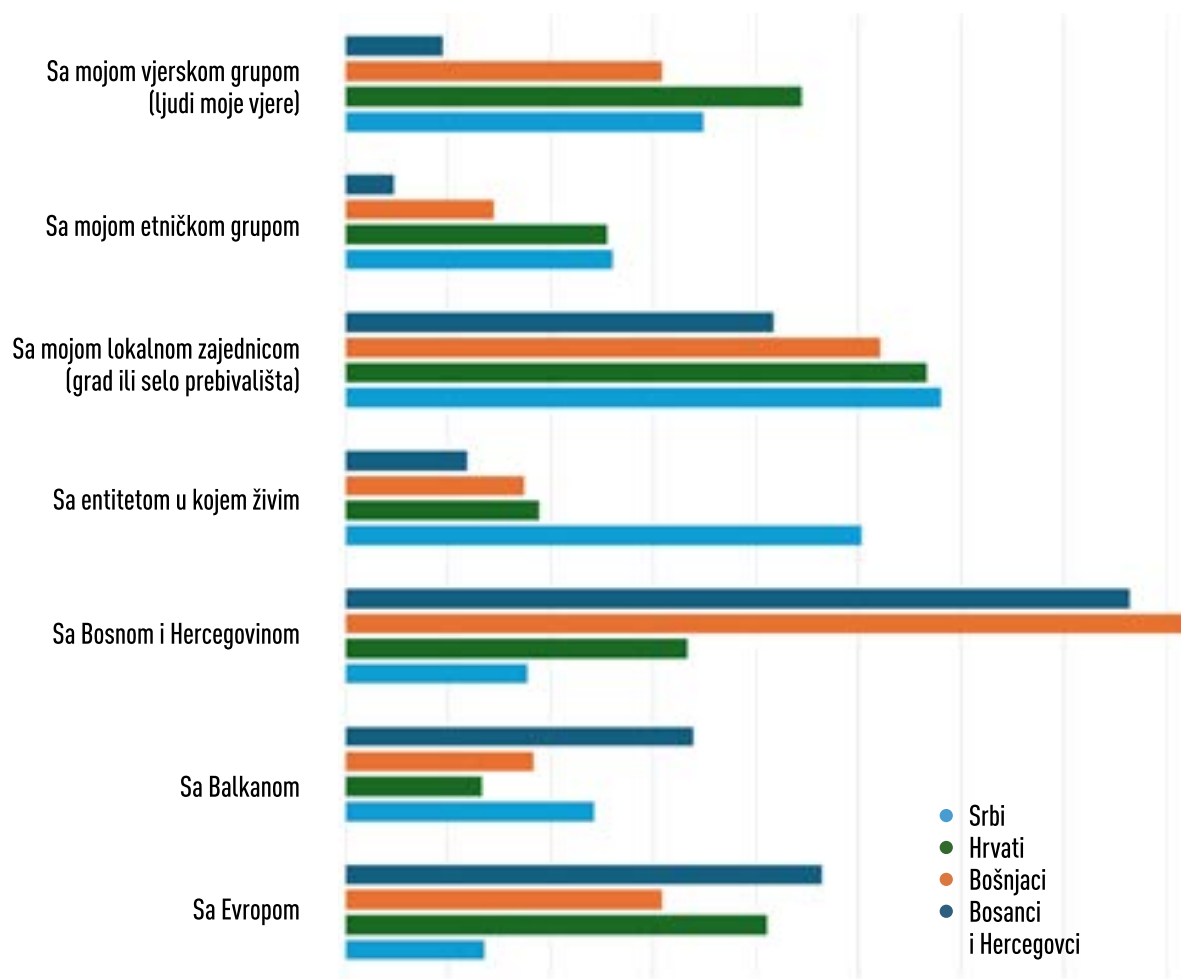
Inače, može se reći da se ovaj simbol nije primio. 15% pripadnika građanskog identiteta imaju asocijaciju sa zastavom socijalističke Bosne i Hercegovine. **Odgovori na ovo pitanje pokazuju da zastavu BiH doživljavaju kao «svoju» isključivo Bošnjaci i predstavnici «građanske Bosne» koji su uglavnom etnički Bošnjaci.**

Na pitanje «Sa čime se najviše identifikujete?» sa mogućnošću višestrukog izbora odgovora su ispitanici odgovorili na sljedeći način:

Podaci pokazuju da je lojalnost ispitanika dovoljno fragmentirana. Oko 59% se poistovjećuje sa samom zemljom. Oko 52% najviše osjeća vlastiti lokalni identitet. Otprilike isti broj ljudi osjeća pripadnost ili Evropi ili svojoj vjeri.

Prema etničkom identitetu odgovori na ovo pitanje izgledaju ovako:

Vidi se da je stabilno «jak» lokalni identitet. Sa bosanskohercegovačkom državom sebe identifikuju Bosanci i Bošnjaci, dok sa sopstvenim entitetom Srbi. Najjasnije se identifikuju sa vjerom Hrvati, dok s Evropom Bosanci i Hrvati.

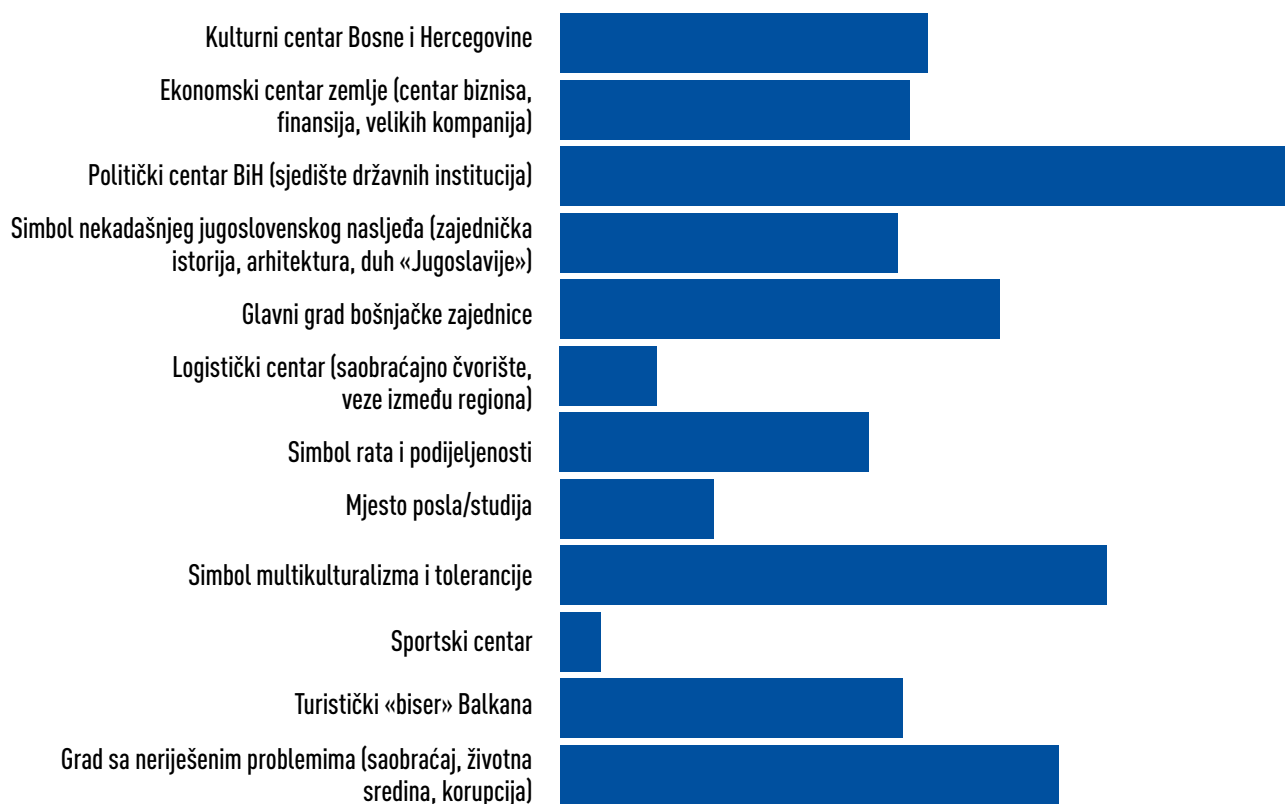
Tako da čak i oni Hrvati koji ne idu u crkvu i nisu katolici, a ima ih, i oni djeluju kroz crkvu. Tako da je to jedna neraskidiva, neraskidiva je ta veza između katoličke crkve i hrvatske populacije. Do te mjere da su Hrvati potpuno, skoro su nemoćni bilo što politički poduzeti, dok to ne dobije barem prišutnu suglasnost katoličke crkve. Istovremeno, katolička crkva je institucija za sebe koja nije politička snaga. (Muškarac, 42 godine, Hrvat)

U isto vrijeme, što se tiče starosti, situacija izgleda još zanimljivija:

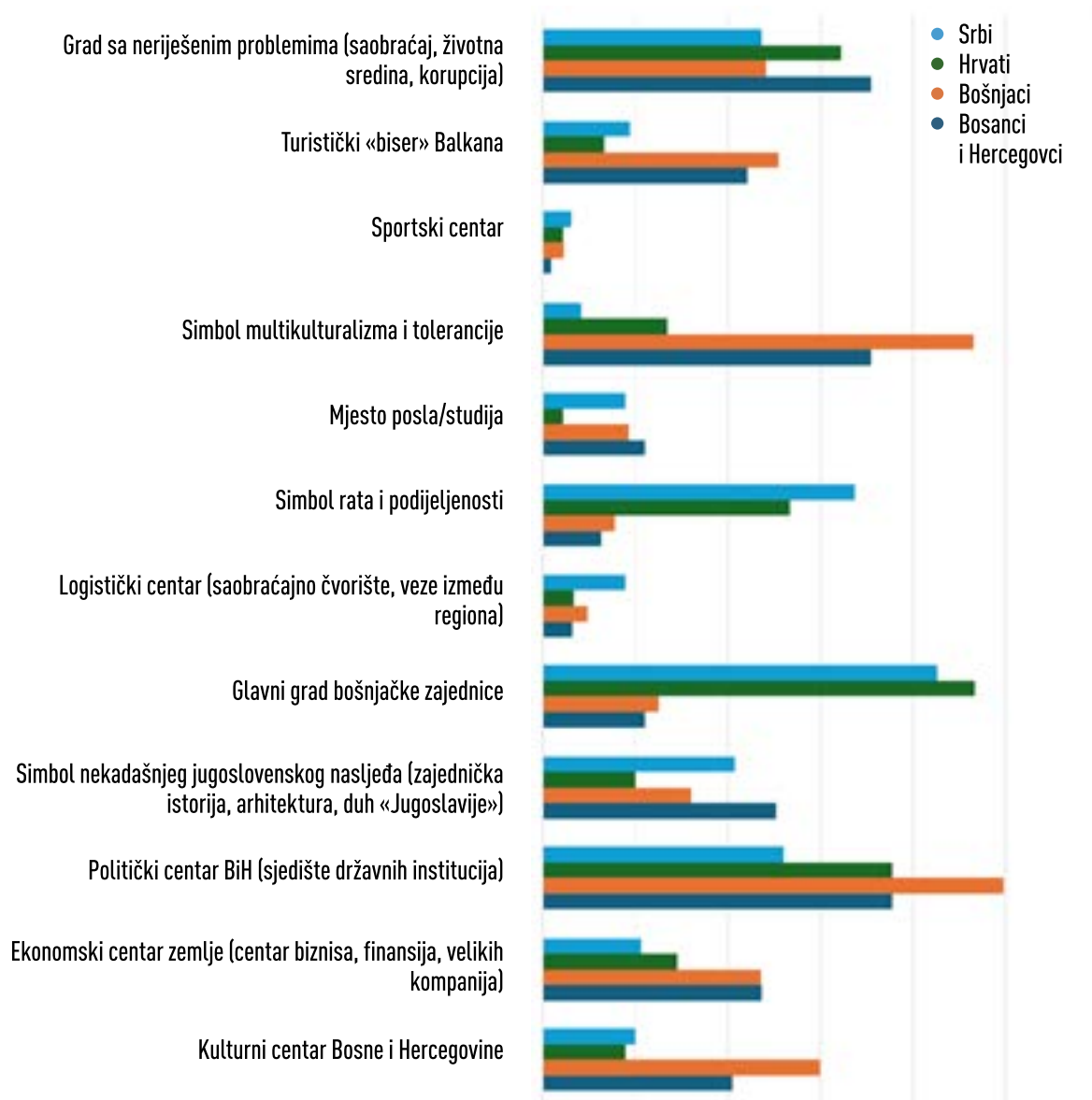
Mladi ljudi (18-25 godina) se najviše identifikuju sa vjeroispoviješću i lokalnom zajednicom, dok se ostale generacije identifikuju najprije sa BiH i lokalnom zajednicom. Najviše se identifikue sa Evrpom kao i sa entitetom starija generacija.

Konačno, u ovom dijelu je ispitanicima postavljeno pitanje: «Šta je za Vas Sarajevo?» Odgovori su bili sljedeći:

Mali gradić, dovoljno je slikovit, ali je istovremeno prilično siromašan. Zimi se zgrade još uvijek griju na ugalj. U gradu je smog, dim. Ljeti je tamo obično malo hladnije nego u drugim rejonima zbog geografskog položaja među planinama. Logistički je odlično, recimo, putovati odatle u druge evropske gradove, zemlje. Što se tiče grada i njegove infrastrukture, za neku razonodu, za mlade, ima dovoljno malo šta, rekla bih, jer su, posebno kad upoređujemo sa Moskvom, naravno, vrlo ograničene prilike za zabavu. Međutim, grad je mnogo kompaktan s prepoznatljivim karakterom. (Žena, 24 godine, Bošnjakinja)

Zanimljivo je da nijedan odgovor nije dobio apsolutnu većinu. Najpopularnije opcije su bile «politički centar BiH», «simbol multikulturalizma i tolerancije» te «grad sa neriješenim problemima». Ozbiljna razlika se vidi kada se razmatraju odgovori po etničkim grupama:

Za Bošnjake je Sarajevo centar BiH i simbol tolerancije. Za pripadnike građanskog identiteta je isto to, ali je takođe i grad sa neriješenim problemima.

Mislim da nema smisla da se tu naglašava nešto konkretno. Kao i svaki glavni grad za svaku zemlju u svijetu, kakvu ulogu igra glavni grad? To je glavni, osnovni finansijski centar, donosilac odluka i sjedište vlasti. (Žena, 24 godine, Bošnjakinja)

Sarajevo je jedna, rekao bih, jedna metropola, jedna oaza multietničkih pripadnosti koji se uzajamno poštuju. Politikanti, političari i ovi koji kažu «političko Sarajevo» i tako, to su izmišljene gluposti. Najbolji dokaz je, što ja govorim sada, stalno povećanje broja turista iz godine u godinu bez ijednog sistematskog turističkog djelovanja. Dakle, nekoliko puta Sarajevo je proglašeno među najvišim ciljevima turističkih destinacija u svijetu. Nekoliko puta. Sad u ovom trenutku nije na prvom mjestu, ali prepuno je turista.

(Muškarac, 74 godine, Bosanac)

Za Srbe je glavni grad Bošnjaka i najčešći simbol rata i podijeljenosti.

Ako je ostao, neki Srbin u Sarajevu i Musliman iz Sarajeva imaju više zajedničkih nekih običaja i tema nego Srbin iz Sarajeva i Srbin iz Vranja naprosto. Ali to je nekad više bilo, sad je toga u tragovima samo... Nisam tamo bio, ali ne znam, svakako je jedan veliki grad, grad koji je, sad znam, ima bogatu istoriju, domaćin Olimpijskih igara i to, to je ono što nekada možemo da govorimo za Sarajevo. A danas je to grad, jedan vjerovatno dosta islamizovan grad, koji je očišćen od Srba, tako da ne mogu da kažem da danas izaziva neku pozitivnu emociju u meni. Neke istorijske, svakako da, ali danas ne, ništa pozitivno. (Muškarac, 31 godina, Srbin)

Što se tiče samog grada meni je lijep. Ja volim lično tu orijentalnu kulturu. Sarajevo inače nazivaju mali Istanbul, a sam imao priliku da budem i u Istanbulu, i meni je taj grad prelijep. I Sarajevo mi je prelijepo kao grad i uvijek vrlo rado odem u Sarajevo. Ali na neki način ja ne doživljavam to kao neki svoj grad, više ga, mislim, i to negdje podsvjesno sad, koliko god možda to bilo, na neki način možda i neobjektivno, ali prosto ja se više osjećam kao kod kuće kad odem u Beograd ili Novi Sad, nego u Sarajevu. Ne mislim ja sad da će, ne znam, neko da mene ubije u Sarajevu. <...> Ali ne mislim ja sad da sam ja nebezbedan u Sarajevu, mislim.

(Muškarac, 28 godina, Srbin)

Za Hrvate je i politički centar BiH, i glavni grad Bošnjaka, i grad sa neriješenim problemima.

Glavni grad, naš ponos, lijep grad ali je postao previše «fejk-islamiziran», prije deset godina nije bilo tako. Grad je krasan, bogat i u razvoju, ali premalo je nečega balkanskoga, slavenskoga... Sarajevo je glavni grad svih nas ali nas više tamo nema. Tamo ima natpisa na arapskom. To je svojevrsna disonanca, javni odjek koji imaju ne samo Hrvati i Srbi, već i Bošnjaci isto. Ne sviđa im se to. (Žena, 22 godine, Hrvatica)

Atmosfera u Sarajevu je izrazno negativna prema svim vrstama različitosti. Dakle, bilo kakva različitost od nekog općeg narativa koji tamo vlada, vas izlaže jednom vrlo neugodnom iskustvu. I postoji ta jedna propaganda, mašinerija koja promovira suprotnu priču kako je Sarajevo otvoren, multietnični, kulturni grad. Međutim, to može vrijediti za turiste koji tu provedu dan, dva. Bilo ko se zadrži u Sarajevu više od dva, tri dana, osjetit će tu negativnu energiju, a posebno ljudi koji tamo žive i to ne čak ne-Bošnjaci, nego i Bošnjaci! Tako da je Sarajevo postalo zaista jedan onaj emiter negativne energije koju osjećaju svi, mislim, skoro bez izuzetka, i to se prelijeva i na osobne stavove ljudi na društvenim mrežama pa i na kraju, naprosto na ulice u Sarajevu. Čitav se društveni život sveo na tu ratnu simboliku, na sjećanje na rat, asocijacije na rat, jedan trend događaja. Više nemate kulturnih događaja, nemate uopće pozitivnih događaja, odnosno ako ste ustupili mjesto negativnim. (Muškarac, 42 godine, Hrvat)

Tako da je Sarajevo postalo jedan zaista uteg razvoju Bosne i Hercegovine i normalnom životu. Evo, mogu reći kao Hrvat da mi se nigdje nije neugodno iskazati kao Hrvat osim u Sarajevu. Dakle, bilo gdje da se dođe, da se iskaže identitet problema ili nema, ili su minimalni, ali samo u Sarajevu su pravi problemi. Tako da je Sarajevo jednostavno sad jedan «entitet» za sebe. (Muškarac, 42 godine, Hrvat)

Ukratko, Sarajevo je simbolična prijestonica u javnoj svijesti. Praktični značaj i uloga grada kao centra imaju sekundarni značaj, ustupajući mjesto njegovoj identitetskoj dimenziji. To omogućuje da se Sarajevo razmatra kao kulturni artefakt, arena za takmičenje različitih simboličkih praksi u procesu tumačenja kolektivnog pamćenja.

Uglavnom, skup pitanja o simbolima i identitetu dovoljno ubjedljivo pokazuje da jedinstveni simboli u savremenoj BiH ne postoje. I njena zastava, i njena prijestonica sa prepoznaju kao takve u većoj mjeri od strane nosilaca «građanskog» identiteta, koji sebe smatraju Bosancima. Za dva druga konstitutivna naroda zemlje lokalna zajednica, entitet, vjera, simboli iz ratnog vremena ostaju prioritet.

Odnos prema političkom sistemu i percepcija budućnosti zemlje

*BiH ja bih voljela da opstane, ali da li će opstati
za 15-20 godina, nemam pojma.
Ali imamo uvijek s kim kafu da popijemo
(Žena, 27 godina, Srпкиnja)*

Ispitanici imaju krajnje negativan odnos prema političkom sistemu u BiH. 80% učesnika smatraju da sistem nije stabilan a 84% da nije efikasan. Iste osjećaje imaju sve etničke i starosne grupe. Najskeptičniji su pripadnici građanskog identiteta, zatim su Srbi, Bošnjaci te Hrvati, ali je razlika između njih na nivou statističke greške.

Država koja nije uspjela, koja je imala potencijal, nekakav potencijal da uspije. Nijedan svoj potencijal nije iskoristila i to je sad propala država, čiji opstanak ovisi o međunarodnoj volji i organima represije koje ta međunarodna zajednica ima. Dakle, sve dok postoji vojska koja osigurava opstanak Bosne i Hercegovine, ona opstaje, no ona nema unutarjni legitimitet svojih građana i to se osjeća na svim poljima. (Muškarac, 42 godine, Hrvat)

Nama je zapravo glavni problem javnog sektora ogromna korupcija. Ne samo u zapošljavanju, što indirektno šteti ili narušava sistem. A drugi problem je ta korupcija u javnim tenderima. Tu su ogromne paralize. (Muškarac, 38 godina, Srbin)

Hoće li oni ikada uspjeti da dođu do nekog 100 posto jednoglasnog zaključka, mišljenja? Kao što pokazuje praksa, ne čini se da imaju međusobnu slogu na 100 posto. Nemam odgovor ko bi trebalo da bude na čelu države da je došlo do toga. Ali danas, naravno, postoje problemi na najosnovnijem nivou poput izuzetno visokog nivoa korupcije, koja dolazi do te mjere kada se ne mogu riješiti pitanja koja treba riješiti prosto zato što nema čovjeka, grubo rečeno, koji bi donosio odluke. (Žena, 24 godine, Bošnjakinja)

Perspektivu odcjepljenja RS ispitanici smatraju kao nisku. Sa tvrdnjom da je «vjerovatnoća izlaska RS iz sastava BiH veoma visoka» se složilo tek 15% učesnika: 22% Srba, 7% Bošnjaka, 10% Bosanaca i 10% Hrvata. Više ljudi se složilo sa tvrdnjom da je «vjerovatnoća raspada BiH kao jedinstvene države veoma visoka»: 14% Bosanaca, 10% Bošnjaka, 19% Hrvata i 28% Srba se uglavnom ili potpuno složilo sa ovim. Zanimljivo je da su upravo Bošnjaci najoptimističniji dok pripadnici građanskog identiteta smatraju situaciju alarmantnijom, što govori o različitim vizijama onoga šta bi Bosna i Hercegovina trebalo da bude.

A sad, ako govorimo o tome, mislim da nije realno očekivati neko odcjepljenje Republike Srpske, ali to je ono što bi možda srpski narod najviše volio. To je nešto što nije moguće u okviru sadašnje Bosne i Hercegovine. Dakle, možda stvaranje nekog trećeg entiteta za hrvatski narod i gdje bismo onda imali tri jasna entiteta sa svojim jasnim nadležnostima, tako da bi Bosna i Hercegovina bila neka vrsta konfederacije, ali gdje su entiteti jasno posloženi, gdje se zna ko ima koja prava i obaveze i na taj način, mislim, da bi Bosna i Hercegovina mogla donekle da funkcioniše. (Muškarac, 31 godina, Srbin)

Nije stvar u tome da će biti rata. Ne mislim da će to iko dopustiti zbog onoga što se dešava u Ukrajini. To bi prosto bilo razorno za Evropu. Pa i dalje se nadam da je sada dobro jer je sve bolje od rata. Ali je trenutno situacija gora nego ikada. Mislim da povjerenja na međunarodnom nivou nema uopšte. Riječ nije o prijateljstvu, biznisu nego o svačemu. I na kolektivnom nivou ne vjerujem ni svom narodu, niti bilo kome drugome. Nikome u BiH. (Muškarac, 31 godina, Srbin)

Vidite, granice na Balkanu su se uvijek mijenjale kao posljedica globalnih promjena sigurnosne arhitekture. Dakle, nikad se ovdje nisu granice mijenjale da se samo ovdje mijenjaju. Uvijek je to značila nekakva reakcija, uvijek je to bila neka reakcija na neke druge veće promjene u svijetu. (Muškarac, 42 godine, Hrvat)

Put prema evropskim integracijama podržava 55% ispitanika, od kojih je 65% Bosanaca, 68% Bošnjaka, 48% Hrvata i 29% Srba. Protiv evropske integracije BiH je 49% Srba i 28% Hrvata. Za Srbe je to pokazatelj otpora «diktatu» EU u BiH, najprije u vezi sa statusom RS. U slučaju Hrvata se visok udio ispitanika koji ne žele da vide BiH u EU objašnjava jednostavnije: strah od rasta cijena roba i usluga, odsustvo želje vidjeti svoje «sunarodnjake» kao građane EU dok većina bosanskohercegovačkih Hrvata ima hrvatske pasoše.

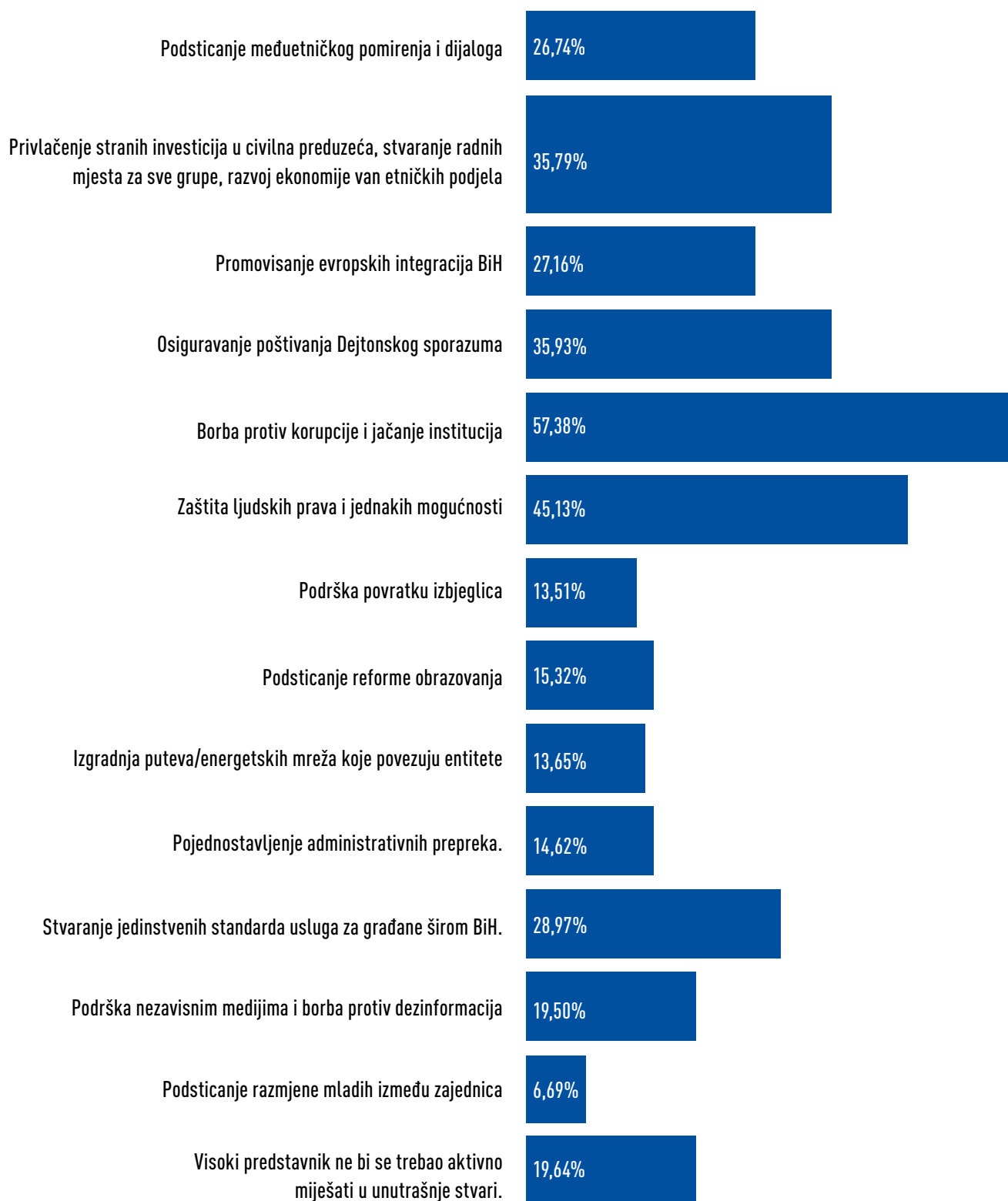
Najviše polarizujuće pitanje je o neophodnosti pozicije Visokog predstavnika. Sa tvrdnjom «Smatram da je Visoki predstavnik u BiH neophodan i danas» se složilo 47%, dok nije — 34% učenika. Sa ovom tezom se slaže 61% «Bosanaca» i 62% Bošnjaka, 41% Hrvata i 12% Srba. Ne slaže se 75% Srba, 39% Hrvata, 19% Bošnjaka i 15% Bosanaca. Zanimljivo je da je javno mnjenje bosanskohercegovačkih Hrvata po ovom pitanju faktički polarizovano. Razmatrajući odgovore na ovo pitanje u starosnim grupama, treba navesti da je **mlađa generacija (18-25 godina) najmanje sklona podržavati Visokog predstavnika (31%)** dok se starije generacije, obrnuto, zalažu za održavanje statusa quo: 51% ljudi od 45 do 60 godina i 58% starijih od 60 godina.

Iskreno, mrzim ih sve, ovog Visokog predstavnika, sve. Jako me iritira: neki tip koji ne zna moj jezik, moju kulturu, moju povijest kaže mi što raditi. On kaže nekome... Čak ako mi se ne sviđa ovaj političar... ne volim Dodika. No, ako mu neki tip, stranac kaže što raditi, to užasno iritira. Čak ako ti se ne dopada taj političar, to se prosto tebe nekako tiče: kao, prijatelju, ne poznaješ me! Ti ne znaš ni mog jezika, ni moje kulturne osobine! Tko si ti?! Ova međunarodna zajednica izaziva jaku iritaciju. «Pa, preporučujemo da...» — tko si ti da nam nešto preporučuješ? (Smije se) Da. Mislim da to iritira. Iritira većinu ljudi. (Žena, 22 godine, Hrvatica)

Pa ne znam, on je neki kao kolonijalni upravnik, ne znam što bih vam rekao. Ne vidim da on ima neku pozitivnu ulogu u usmjerivanju tenzija i u poboljšanju života građana, tako da, apsolutno mislim da je to nešto što treba ukehati. Negativno, mislim, u smislu stvara se jedna majorizacija, odnosno bošnjački narod postaje predominantan, postaje predominantan politički faktor. I to je ono što i Srbi i Hrvati postaju potpuno skrajnuti na neki način, tako da je njegova uloga u tom smislu apsolutno pro-bošnjačka. (Muškarac, 31 godina, Srbin)

Kao institucija — isključivo negativno. Dakle, sama činjenica da postoji je već negativna. A onda ono što oni rade je isto tako negativno. <...> Utječe izrazito negativno, najviše zato što remeti nekakav prirodni tijek političkog života. <...> Jeste, smatram da bi već danas popodne trebalo skloniti faktički i ustavno i pravno i na svaki drugi način. (Muškarac, 42 godine, Hrvat)

Šta bi trebalo da bude prioritet za Visokog predstavnika međunarodne zajednice u Bosni i Hercegovini?

Ne. Mislim da možda... poslije rata tih nekoliko godina je moralo da postoji nešto što će da sačuva mir, jer je još uvijek bilo stanje alarmantno. <...> Tako da je neko morao... na neki način ugasiti tu vatru, metaforično izrazim, ali mislim da 30 godina kasnije apsolutno ne bi trebalo. Ako nismo za 30 godina naučili da funkcionišemo sami u miru, onda ne znam stvarno u čemu je poenta takve države. Tako da mislim da je to u suštini samo neki izgovor da bi postojao neki strani uticaj tu. (Muškarac, 28 godina, Srbin)

Po meni, definitivno ne, odavno je trebao da napusti, fundamentalno. On je destimulans za postizanje kompromisa međunarodno. A mi samo kad bi se jednom pomirili, kad bi malo naučili da se dogovaramo, stvar bi krenula na bolje. Međutim, postoji ta strana koja uvijek zna, ako se mi ne dogovorimo, da će on reagovati. I to je odmah destruktivno za kompromise. A posebno se sjećam da je to uvijek jednostavno. To nikad nije Kinez, to nikad nije, ja ne znam, Rus ili neće Arap iz Arapskih Emirata, nego je to uvijek Njemač ili Britanac ili Amerikanac. Mislim, to nije dobro. Tako u ovom momentu mislim da je bilo bolje da je Amerikanac nego Njemač ili Francuz. Mislim, to dvoje je bilo apsolutno destruktivno. Jedini nezapadnjak u bukvalnom smislu je bio Slovak. I on je jedini koji je zapravo po meni bio iole objektivn. (Muškarac, 38 godina, Srbin)

Ta međunarodna zajednica je jedna velika zabluda i to je jedna nezajednica jer oni su neartikulisani, oni su nedeterminisani, nedovoljno determinisani i oni su licemjeri koji rade samo za neke njihove daleke interese koji nisu u interesu ni u korist građana Bosne i Hercegovine. Mislim na sve građane i na oba entiteta. Ne. Oni su vrlo nepouzđani i njihov utjecaj ... pa nije čak, nije efikasan. Oni utječu preko ovog tzv. Visokog predstavnika, OHR, sad je to ovaj Šmit, koga, recimo, Srbi negiraju jer veto na njegov ispad stavili su... Pa ovaj konkretno Šmit je, kako bih rekao, vrlo nepredvidiv i donosi vrlo nepredvidive i nelogične odluke. Misliće na svoje pravo tamo gdje on smatra da mu treba i, mislim, da taj Visoki predstavnik uopšte ne zastupa zaštitu tog Dejtonskog mirovnog sporazuma.

(Muškarac, 74 godine, Bosanac)

U svakom slučaju, u idealnom svijetu, ako bismo sada stvorili neku vrstu utopije, svi bi bili važni, svi bi bili potrebni. Stoga je princip da, u svakom slučaju, ako imamo suverenu državu, i o njoj se mora voditi računa — to je sigurno. Ali da li to na išta utječe, odnosno da li vrši pritisak na neke druge države? Pa, naravno da ne, jednostavno zato što nema kapaciteta, jer svi znamo ko su vodeće sile na globalnoj sceni upravo sada, i o tome pričamo. (Žena, 24 godine, Bošnjakinja)

Uglavnom sa ključnom tvrdnjom «Vidim budućnost svoje djece u Bosni i Hercegovini» se složilo 40% ispitanika, nije — 32%, nije moglo da se izjasni 28%. Najoptimističniji su opet Bošnjaci: 50% vidi budućnost svoje djece u zemlji. Istog stava je 40% Bosanaca, 31% Hrvata i 27% Srba. Sa druge strane, 41% Srba, 34% Hrvata, 32% Bosanaca i 28% Bošnjaka smatra drugačije. U starosnim grupama su najoptimističnije starije generacije: 45-60 godina i stariji od 60 godina — 41% i 43%, dok je najmanje optimistična generacija 36-45 godina (31%). Istovremeno je 36% mladih ljudi (18-25 godina) odgovorilo na ovu tvrdnju odrično. U ostalim starosnim grupama je istog stava oko trećine ispitanika.

Ono što je jedino sigurno jeste da se ljudi masovno iseljavaju iz Bosne i Hercegovine i sigurno će za 10-15 godina da bude manje naseljena nego što je danas. (Muškarac, 28 godina, Srbin)

Bosna, koja je na Balkanu prosto sama za sebe... Niko uopšte ne zna kakva je to zemlja. Hoće li dobiti zamah u nekoj vanjskoj integraciji? Doduše, ne mislim tako. Ako govorimo o unutrašnjim procesima, ako počnu neke, možda... promjene na jednom fundamentalnom nivou, ne znam, ili bilo kakva, ne daj Bože, ogromna revolucija ili još nešto. Možda će se, naravno, nešto promijeniti, ali iskreno, u takvoj kratkoročnoj perspektivi čini mi se da će sve manje-više ostati isto. Pa, ne znam, BDP porašće. Ne znam, možda će u zemlji više proizvoditi jer sada sve to jako zavisi od uvoza. (Žena, 24 godine, Bošnjakinja)

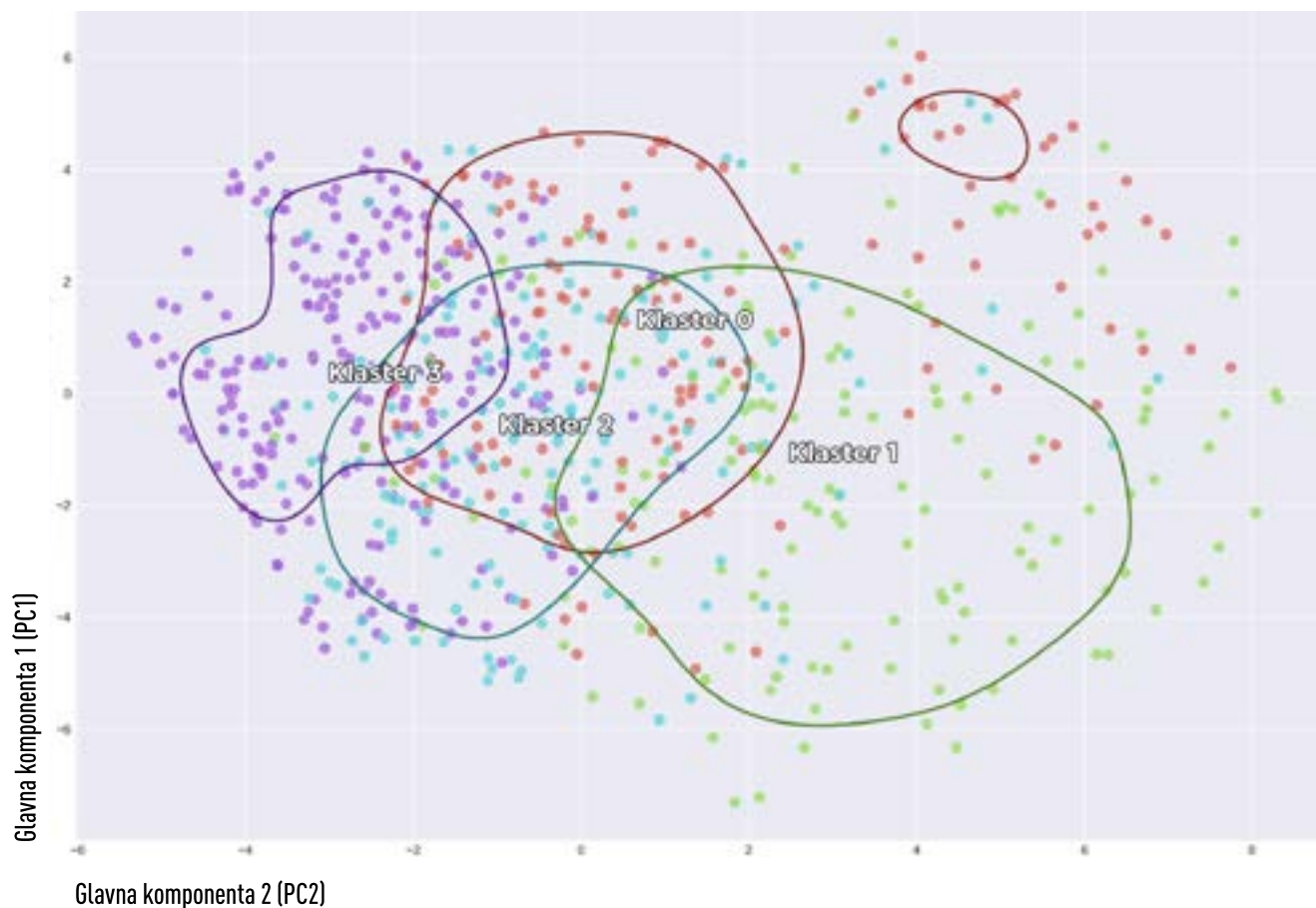
Ja ne vidim nijedan drugi scenarij za BiH, osim da se raspadne ili da ovako kao zombi egzistira još 50 godina. (Muškarac, 42 godine, Hrvat)

Ove brojke govore mnogo toga. Najmanje polovina građana Bosne i Hercegovine ne može da potvrdno odgovori na pitanje, imaju li njihova djeca budućnost. Oko trećine građana vjeruje i sklona je vjerovati da takve budućnosti nemaju. S obzirom na pad nataliteta i nastavak odliva stanovništva u inostranstvo dugo-ročno nasljeđe Dejtonskog sporazuma je depopulacija Bosne i Hercegovine.

Prema podacima Agencije za statistiku BiH u periodu između 2013. i 2023. se broj stanovništva zemlje smanjio za 3%. Broj umrlih je premašio broj rođenih 2024. godine za 11 000.

Rezultati sociološkog istraživanja pokazuju da je savremena BiH izuzetno fragmentirana, razjedinjena zemlja bez jedinstvenih simbola, identiteta i vizije budućnosti. Ipak, linije razdora se ne protežu samo duž etničkih i vjerskih granica. Na osnovu prikupljenih podataka možemo da identifikujemo, koristeći metodu klusterske analize, četiri osnovne socijalne grupe, odnosno klastera, bosanskohercegovačkog društva:

Vizuelizacija klastera (PCA) sa obrisima jezgara

Klaster 0: pragmatični konformisti (21% ispitanika). Ovaj klaster ujedinjuje sve etničke grupe BiH. U njega spadaju Srbi (38,7%), Hrvati (23,2%) i Bošnjaci (20,0%) kao i značajan udio (15,5%) nosilaca građanskog identiteta («Bosanac i Hercegovac»). Tu dominiraju ispitanici srednjeg i starijeg životnog doba (više od 72% su stariji od 36 godina), od kojih je ogromna većina (68,4%) zaposlena u privatnom sektoru. Ti ljudi su tolerantni i otvoreni u svojim stavovima. Njihova ključna osobina je samoidentifikacija sa lokalnom zajednicom i duboko razočaranje politikom.

Klaster 1: srpski i hrvatski nacionalisti (21% ispitanika). Ovaj klaster se sastoji od Srba (65%) i Hrvata (22,5%). To su ljudi koji osjećaju najveću vezu sa svojom vjerom, entitetom (u slučaju Srba), simbolima iz ratnog vremena. Imaju prilično negativan odnos prema miješanim brakovima. Faktički ovaj klaster predstavlja više

etnički orijentisan dio Srba i Hrvata: ne podržavaju evropske integracije, ne smatraju Visokog predstavnika neophodnim i smatraju raspad BiH realističnim.

Klaster 2: bošnjački nacionalisti (23%). Ovo je monoetnički klaster: 86% su Bošnjaci. Kao što je slučaj i sa prethodnim klasterom, to su prilično netolerantni ljudi. Međutim, za razliku od Srba i Hrvata, podržavaju evropske integracije i Visokog predstavnika. Ovaj klaster ima najjaču lojalnost prema simbolima savremene Bosne i Hercegovine. U isto vrijeme, ispitanici u ovom klasteru su najoptimističniji po pitanju budućnosti BiH i ne vjeruju da joj prijeti raspad.

Klaster 3: bosanskohercegovački evrooptimisti (35%). Klaster ima mješovit etnički sastav uz dominaciju Bošnjaka (53,7%). Međutim, ima i visokog udjela (32,4%) onih koji sebe identifikuju kao «Bosanac i Hercegovac». Ovo je najstariji klaster: skoro 78% njegovih predstavnika su stariji od 46 godina. Karakteriše ga najveći udio zaposlenih u javnom sektoru (46,7%). Ovo je klaster sa najvećim stepenom antinacionalizma i proevropskih stavova, koji podržava postojanje Kancelarije Visokog predstavnika.

U savremenom bosanskohercegovačkom društvu mogu se izdvojiti dvije osnovne kategorije identiteta. Prva je jak nacionalni identitet u koji spadaju predstavnici klastera «Srpski i hrvatski nacionalisti» i «Bošnjački nacionalisti». Za predstavnike ovih grupa je važno naglasiti njihovu ekskluzivnost i pripadnost određenoj naciji. Druga kategorija je nadnacionalni identitet zastupljen prije svega od strane «Bosanskih evrooptimista», za koje je važniji osjećaj pripadnosti određenoj zemlji. Pored toga, značajnu ulogu u društvenoj strukturi igraju oni za koje prevlada lokalni identitet, odnosno grad, selo ili opština (ovi ispitanici su ujedinjeni u klasteru «Pragmatični konformisti»). Za takve ljude buduće perspektive zemlje nisu određujuće: oni su, po pravilu, pragmatični i koncentrisani na lokalni nivo. Takva fragmentacija odražava duboke strukturne i političke složenosti u kojim je sada Bosna i Hercegovina.

30 godina poslije sklapanja Dejtonskog sporazuma se ne može reći da su narodi Bosne i Hercegovine spremni da opet uzmu oružje u ruke. Rezultati istraživanja pokazuju da je to daleko od istine: većina ljudi je spremna da živi u miru. Istovremeno, istraživanje pokazuje potpuno odsustvo javnog konsenzusa po ključnim državnim pitanjima — simbolima i identitetu, političkoj budućnosti zemlje. Ovo je direktna posljedica onih odluka u oblasti politike, uključujući politiku pamćenja i kulturnu politiku, koje su bile donesene tokom posljednjih 30 godina.

Bosna nije muslimanska zemlja, nije pravoslavna, nije bilo koja zemlja. <...> To je zemlja svih nas. To je zemlja u srcu Europe, europska zemlja sa svojim razlikama, sa svojom jedinstvenošću. <...> Bosna je zemlja svih nas. <...> Izvini, no ja mislim

da malo ljudi smatra Bosnu našom domovinom. <...> To je vrlo rijedak slučaj kada bi netko govorio o Bosni kao o svojoj domovini. <...> I to je užasno.

(Žena, 22 godine, Hrvatica)

Znamo istoriju BiH, šta je sve tu bilo kroz istoriju: i austrougarska okupacija, i turska okupacija prije toga, a Gavrilo Princip! Zaista država je bogata istorijom, možda i preopterećena istorijom, ali tako je, tu smo gdje smo. Dakle, moramo živjeti zajedno čak ako je nekad i teško, ali jedino da razumijemo jedni druge i to je jedini način da opstane taj narod tamo. BiH je izgubila ogroman broj stanovnika. Nakon rata se ljudi iseljavaju, nisu zadovoljni životom. Dakle, neka, prvo, političke elite pokušaju nešto da urade, da povećaju standard građana, da se nešto pokrene u toj državi. I to je jedini način da ta država opstane. Na kraju ćemo imati Bosnu i Hercegovinu bez jednog naroda. Kako krenemo ovako, kako smo krenuli. Ili će nam doći neki migranti pa onda, kada oni budu većina, onda će biti nebitno ko je Srbin, Bošnjak, Hrvat. Onda će svi zajedno da se skupe i da se bore. (Muškarac, 31 godina, Srbin)

Ne postoje nikakve vrijednosti koje se promoviraju, odnosno postoje partikularne gdje svaka zajednica svoje vrijednosti promovira, ali mladi ukupno nemaju izgrađene, jedinstvenog pogleda na državu i naravno da se onda mladi razvijaju u sukobljene strane jer drugačije ih se odgaja. (Muškarac, 42 godine, Hrvat)

Bosna i Hercegovina je cjelovita, multikonfesionalna, multietnička, ali bi trebalo da dominantno bude bosanstvo jer to bosanstvo podrazumijeva i Hercegovce. (Muškarac, 74 godine, Bosanac)

Nekad razmišljam o tome, ali ne znam baš, nisam ni ja sigurna. Mislim da se neće puno toga promijeniti što se tiče standarda. Nekako tu sam izgubila neku nadu, ali da će biti možda malo, kako da kažem, stabilnije. Jedino to mislim da bi se moglo promijeniti, a kao što rekoh što se tiče standarda, baš je teško da možemo puno odskočiti i da imamo neki «wow» standard. (Žena, 28 godina, Bošnjakinja)

BOSANSKOHERCEGOVAČKI FILM: IZMEĐU «PRISILNOG POMIRENJA» I «IGRANJA ŽRTVE»

Dva entiteta, jedna kinematografija

Bosanskohercegovački film može da otkrije više o mentalitetu njenih stanovnika, o njihovim često skrivenim strahovima i težnjama, nego što bi sami željeli. Za početak, potrebno je navesti da, kada govorimo o filmu Bosne i Hercegovine, mislimo samo na jedan od njenih entiteta, hrvatsko-muslimansku federaciju, gdje je već početkom 2000-ih funkcionisala aktivna filmska industrija. Primjer za to je film «Ničija zemlja» bošnjačkog (muslimanskog) reditelja Danisa Tanovića koji je 2002. dobio nagradu američke Akademije filmskih umjetnosti i nauka. Ovo je jedini «Oskar» ikada koje je dodijeljen reditelju iz bivše Jugoslavije», uključujući i socijalistički period.

Sa druge strane, drugi entitet, Republika Srpska, nije uspjela da razvije sopstvenu filmsku industriju velikih razmjera. Lokalni filmski studiji i državne strukture zadužene za film bavili su se uglavnom pružanjem usluga filmskim ekipama iz Srbije koje rade u Bosni i Hercegovini («Lijepa sela lijepo gore» (1996); «Neprijatelj» (2011) i dr.). Film «Zduhač znači avantura» (2011), omladinska komedija o tinejdžerima koji putuju iz Trebinja u Banju Luku kroz čitavu Republiku Srpsku na rok festival, trebalo je da pokrene kinematografiju Republike Srpske. Ali film je bio neuspješan i prema ocjenama kritičara, i prema mišljenju javnosti, nije uspio da nadoknadi uložena sredstva, a razvoj samostalne filmske industrije u Republici Srpskoj je zaustavljen.

Disproporcija između dva entiteta se objašnjava veoma dubokom integracijom Republike Srpske u svesrpski kulturni i obrazovni prostor. Naše kolege sa Univerziteta u Banjoj Luci su se više puta žalili da većina mladih ljudi koji imaju naučni i kreativni potencijal prvom prilikom odlazi u Srbiju. U principu, ovo važi i za Hrvate u Federaciji BiH. Primjer za to je reditelj Antonio Nuić koji je snimio tragikomediju «Sve džaba» (2006).

Sa svoje strane, bosanskohercegovački film može da se uslovno podijeli u dvije kategorije: filmovi za domaću/regionalnu distribuciju i filmovi za međunarodnu, globalnu publiku. To su suštinski različite vrste filma sa apsolutno različitim modelima finansiranja. Filmovi snimljeni za «balkansku» publiku treba da zarade u distribuciji; barem se snimaju zarad komercijalnog uspjeha.

Savršeni krug, rež. A. Kenović, 1997

Potpuno drugačije izgleda poslovni model bosanskohercegovačkog «festivalskog» filma koji je postao osnovni oblik refleksije o ratu. Većina filmova o ratu, poslijeratnoj traumi spada naime u ovu kategoriju. Ti filmovi nemaju za cilj da zarade: «Quo Vadis, Aida?» nije nadoknadio ni četvrtinu svog budžeta. Skoro svi ovi filmovi su, bez izuzetka, nastali novcem od grantova i donacija. Tako da je gore navedeni film Jasmile Žbanić dobio, između ostalog, grant rumunskog filmskog centra u iznosu od 400 hiljada evra¹.

Takvi projekti služe ličnoj promociji reditelja, i često se snimaju na način koji bi garantovao dobijanje grantova/dobrotvornih sredstava za stvaranje sljedećeg filma. Zato im je glavni cilj da slijede evropski narativ koji se, prema definiciji bosanskohercegovačkog politikologa Jasmina Hasanovića, svodi na «voldemortizaciju Jugoslavije»² (po imenu htonskog zlikovca iz «Harija Potera») koja uključuje i Srbe kao glavne apologete «jugoslovenske ideje».

U bosanskohercegovačkom filmu su najzanimljivije teme međuetničkog pomirenja i konfrontacije kao i one, koje objašnjavaju duhovno jezgro, najprije Bošnjaka. Film je, sa jedne strane, glavno olakšanje za «kolektivno nesvjesno», a sa druge je «veliki utješitelj», glavni iscjelitelj posttraumatskog stresnog poremećaja pojedinih ljudi i cijelih naroda. Štaviše, iscjeljenje kolektivnih trauma može da se odvija po dva scenarija: kroz stvaranje «herojskog» narativa koji liječi društvenu traumu ili, obrnuto, kroz grubo i možda šokantno otvaranje žive rane uz pokretanje javne rasprave po najbolnijim pitanjima.

¹ GRANTS: Romanian CNC Gives Biggest Grant to Minority Coproduction Quo Vadis, Aida! URL: http://www.filmneweurope.com/index.php?option=com_acymailing&ctrl=url&subid=&urlid=10652&mailid=1833

² Hasanović J. Mirroring Europeanization: Balkanization and auto-colonial narrative in Bosnia and Herzegovina // The Unwanted Europeanness. — 2021. — p.89.

Navedimo da je negdje od 2010. godine bosanskohercegovački film krenuo svojim jedinstvenim putem, odbacivši i «heroizaciju», čijih primjera ima u prethodnim decenijama, i «gorku pilulu» istorijske objektivnosti nametnute gledaocima (ovim putem kreće film u Srbiji i Hrvatskoj). Bošnjaci su pod jakim uticajem zapadne kulture filmskih festivala izabrali strategiju «igranja žrtve» (samoviktimizacije) koja prožima čitavu masovnu kulturu BiH, što se najjasnije vidi upravo u filmu.

Narativi međuetničkog pomirenja i konfrontacije u bosanskohercegovačkom filmu krajem 1990-ih

Bosanskohercegovačka kinematografija počinje od filma **«Savršeni krug»** **Abdulaha Sidrana** i reditelja **Ademira Kenovića** snimljenog 1998. godine. «Savršeni krug» je pokušaj da se ispriča o opsadi Sarajeva jezikom ranijih radova Emira Kusturice, čiji su prvi filmovi zasnovani upravo na scenarijima Abdulaha Sidrana. Radnja je o dvojici muslimanskih dječaka koji se u gradu pod opsadom nalaze sa apsolutno tuđim čovjekom (isto Muslimanom), starijim pjesnikom koji mnogo pije i opsjednut je mislima o samoubistvu. U uslovima građanskog rata likovi se ne prepoznaju po izgledu, po ritualima koje obavljaju, već se prepoznaju isključivo po imenima. Otud je i iznenađenje djece kada saznaju da se komšija i prijatelj njihovog spasitelja zove Marko. «Ovo je pak četničko ime!», iznenađuju se djeca. «Zapamtite, djeco, četnici se ne poznaju po imenima nego po ubistvima», odgovara im stari Hamza.

Ideja da nisu svi Srbi četnici, nisu svi Hrvati ustaše i nisu svi Bošnjaci mudžahedini je karakteristična upravo za taj period u bosanskohercegovačkoj istoriji, neposredno poslije potpisivanja Vašingtonskog i Dejtonskog sporazuma. To doba se može nazvati «pomirateljsko»: zarad zajedničkog «boljeg sutra» treba prevazići nacionalnu neslogu, iako pomirenje ne znači zaborav. Da smire etničke napetosti, Kenović i Sidran su takođe spremni da priznaju činjenicu da u opsjednutom Sarajevu nisu bili samo Bošnjaci i Hrvati, već i Srbi koji su isto stradali od snajperskih metaka. Zanimljivo je da nijedan drugi bosanskohercegovački film snimljen do dan danas ne odražava ovu činjenicu. Kada je riječ o opsadi Sarajeva, svi autori se vraćaju na narativ formulisan još 1992. godine: Muslimani i Hrvati su žrtve, dok su Srbi agresori.

Međutim, na kraju filma se Kenović ipak ne odupire iskušenju da personalizuje prijetnju koju predstavljaju Srbi: jednog od dječaka ubijaju ljudi koji nose kacige sa srpskim krstom. Naoružane Muslimane, međutim, u ovom filmu mi ne vidimo. Dakle, ratne žrtve su internacionalne, među njima ima i Srba, ali agresori su samo Srbi. Takođe treba navesti da Kenović i Sidran su uspjeli da povežu srpske nacionaliste sa Rusijom. Kada NATO počinje s bombardovanjem srpskih položaja u planinama oko

Sarajeva, pjesnik Hamza se napije od radosti i počinje da komponuje odu NATO-u. «Što si pak siguran da ih bombarduje NATO?», pita komšija. «A ko drugi? Nisu to Rusi», lukavo se smješka Hamza.

U ovu «pomiriteljsku» tendenciju bosanskohercegovačkog filma spadaju i kratki filmovi učenika Ademira Kenovića (Srđana Vuletića, Pjera Žalice, Alena Drljevića) snimljeni u periodu između 1998. i 2005. i ujedinjeni u zbirci koju je distribuirao list «Dnevni avaz». Tu, najprije, privlači pažnju debitantski film Vuletića, istog onog Srbina koji je nevidljiv za bošnjačke reditelje i koji je tokom cijelog rata bio u Sarajevu. Vuletić priča priču o muslimanskom treneru i njegovoj učenici, sprskoj snajperistkinji, koja se 1993. godine sveti svom bivšem nastavniku zbog uvrede nanesene tokom Olimpijskih igara 1984. i koja ga zastrašuje na sve moguće načine (međutim, ne puca na djecu i žene, mada pucaju drugi Srbi). U posljednjoj sceni se likovi kratkog filma prepoznaju u autobusu 1998. godine i ne znaju šta da rade. Ovdje Vuletić slijedi tezu o apriornoj krivici Srba i moralno besprijekornom položaju Muslimana koji su samo strpljivo podnosili srpska zvjerstva. Istovremeno pokazuje da razlog za međusobno neprijateljstvo Muslimana i Srпкиnje mogu biti lične uvrede iz predratnog perioda koje nisu povezane ni sa nacionalnošću niti sa vjerom.

Najbolji rad u zbirci je snimio prema scenariju Ademira Kenovića njegov prijatelj iz Beograda, reditelj Slobodan Leman. U noveli se radi o čudnom susretu dvojice jednonogih invalida, bivšeg borca Vojske Republike Srpske Boška i bivšeg borca Armije RBiH Elmira. Jedan nema desnu nogu, drugi — lijevu, ali nose obuću istog broja. Elmir živi u centru Sarajeva i ima prilike da kupuje relativno kvalitetnu obuću. Boško živi u šumi na Jahorini (planina i skijalište u blizini Pala) i peče rakiju. Nekoliko puta godišnje se sastaju: Elmir daje Bošku cipelu koja mu više nije potrebna a Boško njemu bocu rakije. Bivši antagonisti se napiju i pokušavaju da plešu narodne igre imajući dvije noge za obojicu (ali u istim cipelama). Ovo je ironična i jaka metafora o neophodnosti pomirenja raznih naroda Bosne i Hercegovine, koje traume (pa čak i fizičke povrede) mogu da ujedinjaju a ne dijele. Srbin i Musliman zajedno čine skoro punopravnog člana društva dok su odvojeno samo dva invalida. Istovremeno se ne radi o zaboravu prošlosti: teško je zaboraviti na nogu koju nemaš, ali koristi od simbioze i jednakost problema očigledno nadmašuju troškove. Takođe navedimo, da Bošnjak nije ovdje proglašen «žrtvom snajperiste» nego borcem koji se borio protiv Srba s oružjem u rukama, odnosno Elmir i Boško su odraz jedan drugog u ogledalu. Sve ove ideje su svakako bliske Ademiru Kenoviću, ali nije rizikovao da sam snimi film po ovom scenariju, davši ga gostu iz Beograda: za slučaj da bosanska (najprije bošnjačka) javnost proglasi film nedovoljno patriotskim.

Bosanskohercegovački film 2000-ih: polarizacija

U periodu 2000-ih godina se politička situacija i kulturni kontekst, očigledno, mijenjaju. Ademir Kenović, kojeg su mnogi smatrali «novim Kusturicom», potpuno napušta režiju i počinje da se bavi produkcijom. Ali se ono što snimaju njegovi štice, Vuletić i Žalica, jako razlikuje od njihovih kratkih filmova. Teško se to može nazvati festivalskim filmom. To je više pokušaj stvaranja filmova isključivo orijentisanih na ljude koji su umorni od ratnih tema. Tako su nastali **«Ljeto u zlatnoj dolini» (2003) i «Teško je biti fin» (2007) Srđana Vuletića, «Gori vatra» (2003) Pjera Žalice.**

Prvi film je posvećen sarajevskim đacima koji sanjaju da postanu banditi i/ili rep zvijezde, drugi je o neuspješnom taksisti koji se, naprotiv, svim snagama trudi da izbjegne umiješanost u kriminal. Zanimljivo je da su u filmovima etničkog Srbina Vuletića svi likovi isključivo Bošnjaci, nema Srba ili Hrvata. Dakle, nema i etničkih sukoba: kakvi mogu biti sukobi u, izgleda, monolitnom i monoetničkom Sarajevu? Ovo je posebno čudno pa čak i zastrašujuće u slučaju filma «Teško je biti fin», koji je snimio Srbin (Vuletić) po scenariju drugog Srbina (Miroslava Mandića) a u kojem je u glavnoj ulozi Srbin Saša Petrović koji glumi bošnjačkog taksistu Fuada Tolju. Uz to, svi likovi su u filmu aposlutno sekularni: u svijetu gdje su ostali samo Bošnjaci, nema neophodnosti da se fokusira na minarete ili pozive na namaz.

Malo drugačije izgleda komedija Pjera Žalice «Gori vatra». Tamo ima Srba i Hrvata ali njihovo postojanje gledaoci vide isključivo zahvaljujući posjeti američkog predsjednika bosanskohercegovačkom gradiću gdje žive samo Bošnjaci. Vuletićeve i Žalićine

Teško je biti fin, rež. S. Vuletić, 2007

komedije su imale uspjeh u Bosni i Hercegovini, prikazane su u susjednim zemljama, mada su distribuirane uglavnom na piratskim nosačima, tako da zvanični podaci o distribuciji nisu tu relevantni. U 2010-im su se i Kenović kao producent, i reditelji iz njegovog «gnijezda» našli na periferiji bosanskohercegovačke kinematografije. Ostali su bez finansiranja zbog Danisa Tanovića, Jasmile Žbanić, Aide Begić.

Danis Tanović i Dino Mustafić su oličavali drugu liniju bosanskohercegovačkog filma iz 1990-ih i početka 2000-ih, krajnje konfrontacionu i orijentisanu prema zapadnoj publici. Njih obojica su bili stalni snimatelji bošnjačkih oružanih formacija u jeku borbenih dejstava. Materijali koje su snimili u to doba uključeni su u dokumentarni film iz **1995. «Čudo u Bosni»**, mada je kao reditelj naveden samo Mustafić. Film se danas doživljava kao baš interesantan artefakt, koji je u potpunoj suprotnosti nepisanim konvencijama po kojim bosanskohercegovački film živi posljednjih godina. Cijeli film je himna agresivnom militarizmu do te mjere da neke od njegovih scena bukvalno reprodukuju propagandni film «Dan slobode: naš Vermaht» iz 1935. u režiji Leni Rifenštal. Musliman sa jurišnom puškom koji se ne samo brani već i napada nije čest lik za savremeni bosanskohercegovački film. Bošnjaci su u njemu, kao što je navedeno, gotovo uvijek pasivne žrtve nesposobne da pruže otpor poput Jevreja tokom Drugog svjetskog rata. Nije slučajno da «Čudo u Bosni» danas skoro nije moguće pronaći: nema ga ni na video platformama, ni na torrent trekerima. Pionir bošnjačkog filma se rijetko pamti; Kenovićev «Savršeni krug» je mnogo pogodniji kao kamen temeljac.

Gori vatra, rež. P. Žalica, 2003

Remake, rež. D. Mustafić, 2003

Godine 2003. je **Dino Mustafić** objavio svoj prvi dugometražni film «**Rimejk**». Kada je riječ o njemu, teško je apstrahovati se od emotivnih epiteta: baš je film pretenciozan i nespretno snimljen. Međutim, Dino Mustafić pokazuje i govori ono što drugi bosanskohercegovački reditelji samo podrazumijevaju. Srbi su u filmu razbojnici, dželati i ubice. Čak se i srpski prijatelj glavnog lika ispostavlja kao malodušna kukavica. «Bošnjaštvo» glavnih likova je izraženo, kao što i u filmovima Ademira Kenovića, samo u njihovim imenima. Niko nije pobožan musliman, nema nikakvih islamskih atributa u kadru. Možda narodne pjesme povlače neku liniju između Bošnjaka i Srba: u koncentracionom logoru Srbi zahtijevaju da muslimanski zarobljenik pjeva nešto «naše» (odnosno četničko, iz vremena Drugog svjetskog rata), dok on počne da pjeva bosanske sevdalinke (tužne pjesme u orijentalnom duhu). Poseban sloj filma je priča o ocu glavnog lika, bošnjačkom socijalisti koji je stradao od strane hrvatskih ustaša tokom Drugog svjetskog rata.

Film prenosi dvije teze: prvo, nisu Bošnjaci započeli taj rat nego su oni pobijedili, i to ne zahvaljujući NATO bombardovanju i «plavim kacigama» (koje su prikazane na izuzetno groteskni način), već vojničkoj odvažnosti običnih bošnjačkih momaka, koji nisu pokorno trpjeli nedaće ratnog vremena nego su se samoorganizovali i postali ništa manje strahovita sila od Vojske Republike Srpske. Druga teza je da je na Balkanu bilo dva genocida i, ako su tokom Drugog svjetskog rata Hrvati istrebljivali Srbe i Jevreje (a djelimično i Muslimane), 1990-ih godina su već Srbi istrebljivali Muslimane i Hrvate. Dakle, i Srbi, i Hrvati su uspjeli da budu organizatori genocida,

dok su se Bošnjaci u obadva slučaja našli u poziciji žrtve. Prva tvrdnja nije se učvrstila u bosanskohercegovačkom filmu 21. vijeka, Muslimani ne nose kamuflažu i ne pucaju na Srbe skoro nikada, dok je druga postala kamen temeljac za čitavu kinematografiju.

Ne upuštajući se duboko u istoriju, napomenućemo samo da je tokom Drugog svjetskog rata od bošnjačkih muslimana formirana SS divizija «Handžar» kao i muslimanska milicija koja je služila ustašama. Odnosno tokom Drugog svjetskog rata bošnjački muslimani ni na koji način nisu bili pasivni posmatrači i žrtve ustaškog genocida. Iskreno rečeno, i među četnicima Draže Mihailovića je bilo mnogo bošnjačkih muslimana posebno nakon što se četnički štab 1944. premjestio iz Srbije u predgrađe bosanske Zenice (Mustafa Mulalić, Ismet Popovac, Fehim Musahadić i dr.). Muslimani četnici su danas najstroža tabu tema, inače bi trebalo da se prizna činjenica da ne samo «nisu svi Srbi četnici», kao što se tvrdi u filmu Ademira Kenovića, već i da «nisu svi četnici Srbi».

Zanimljiva i apsolutno jedinstvena pojava u bosanskohercegovačkoj kinematografiji je film **Ahmeda Imamovića «Go West» (2006)**, koji nije slučajno dobio ime po popularnoj 1990-ih godina pjesmi dua Pet Shop Boys jer je to komedija o gej paru, Bošnjaka i Srbina, koji pokušavaju da 1992. pobjegnu iz Bosne na Zapad. Štaviše, Bošnjak mora da se maskira u ženu, što ne radi bez zadovoljstva. Film, izgleda, poziva na toleranciju i pomirenje ali je istovremeno jako konfrontacioni. Po našem mišljenju, razlog za pojavu takvog filma je želja da se travestira i apsurdizuje priča o stvarnim «sarajevskim Romeu i Juliji», srpskom mladiću Bošku Brkiću i muslimanskoj djevojci Admiri Ismić, koji su upucani dok su pokušavali da pobjegnu iz Sarajeva na Grbavicu koja je bila pod srpskom kontrolom. Autori nenametljivo guraju gledaoca na misao da se pripadnik etničke grupe «Srbi» i pripadnik etničke grupe «Bošnjaci» mogu voljeti samo ako su njih oboje ne samo socijalni, već i seksualni devijanti (u svijesti ogromne većine stanovnika Bosne i Hercegovine koji su u vrijeme objavljivanja filma, recimo, zazirali od istopolnih odnosa). Na kraju filma bošnjački tranvestit Kenan, koji je uspio da se preseli u Francusku, konstatuje da će «Bošnjaci, Srbi i Hrvati možda jednog dana sklopiti mir, ali će uvijek mrzjeti pedere». Tu možemo reći da je 2011. bukvalno o istoj temi, nacionalizam vs homoseksualizam, snimio film srpski reditelj Srđan Dragojević («Parada»). Isto je komedija između kiča i crnog humora, ali je uz to, uprkos svojoj transgresivnosti, istinski humanistička. Dragojević sažaljeva svoje likove, dok ih Imamović jednostavno ismijava.

Posebno treba skrenuti pažnju na to da u istom filmu vidimo najideološkiji prikaz srpskog «četnika» od svih mogućih: ovo je čovjek u dugom kožnom kaputu, sa vojnom kapom na glavi i trakom na ruci na kojoj je srpski krst sa četiri slova

Go West, rež. A. Imamović, 2006

«C», upisan u bijeli krug na crvenoj pozadini što iz daljine podsjeća na kukasti krst. Vojnici Vojske Republike Srpske su direktno i nedvosmisleno, na nivou osnovnih vizuelnih simbola, izjednačeni sa nacistima, i to čak ne Vermahtom, nego više sa SS jedinicama. To bi se moglo shvatiti kao element humora i parodije, da u sljedećem kadru nije prikazan četnik nalik na štandartenfirera SS kako strijelja bošnjačke žene i djecu. Ovo

je potpuno izmišljeni, fantastični protivnik koji nema apsolutno nikakve veze sa stvarnošću; lakše ga je mrzjeti, a zabavnije mu se podsmijevati.

U upečatljivoj suprotnosti ovome je film **Jasmina Durakovića «Nafaka» (2006)**. Ovaj film je jedinstven za bosanskohercegovačku kinematografiju makar samo zato što pokazuje vojnike Armije RBiH koji pucaju na Srbe pa *ih ubijaju*: Srbina je ubio jedan od glavnih likova i to da je pucao na nenaoružanog čovjeka. Armija RBiH je prikazana sa razlikama: ima tamo i ljudi sa idejama, i infantilnih ljudi koji bukvalno «igraju Terminatora». U filmu je živo prikazana siva ekonomija nastala tokom rata, demonstriran je «vojni kaos»: kada predstavnici navodnog «Generalštaba Armije RBiH» pokušavaju da otmu bar od jednog filmskog lika, njegovi prijatelji intervenišu i spasavaju biznis, čime ulaze u sukob sa «Generalštabom». Međutim, oni takođe švercuju naftu kupljenu od hrvatskih formacija pa prodaju je Vojsci Republike Srpske.

Nafaka se razlikuje od drugih bosanskohercegovačkih filmova i po tome što ne prikazuje Srbe i Hrvate kao krvožedne ubice ili prevarene budale. Jeste, i Srbin Nemanja, i Hrvat Matan su obični, praktično orijentisani likovi, za razliku od romantičara Ahmeda, Crvenog Oka i Sado. Ali su pak isti ljudi. Kada se u filmu Nemanja vraća u Sarajevo, za večerom ga komandir bošnjačke jedinice u vrijeme rata direktno pita: «Šta si radio u tim planinama?» (Misleći na planine oko Sarajeva gdje su tokom rata bili položaji srpske vojske — *prim.*

Nafaka, rež. J. Duraković, 2006

aut.). Poslije odgovora Srbina: «Pucao sam, kao i svi ostali, a onaj koji kaže da nije — laže», oni se rukuju. Ne može se ne primijetiti da je «ratni» dio filma značajno jači od «civilnog» gdje se film spušta u tragikomediju prezasićenu posttraumatskim stresnim poremećajem svih glavnih likova.

Međutim, «Nafaka» je, uprkos svemu, izuzetno zanimljiv primjer koji pokazuje šta bi bosanskohercegovački film mogao da bude, ali nije uspio, izabравši put stvaranja «industrije genocida».

Razmatranje bosanskohercegovačkog filma iz 2000-ih godina nije moguće bez stvaralaštva Danisa Tanovića, jedinog reditelja na postjugoslovenskom prostoru koji je dobio Oskara. Iako je počeo sa Dinom Mustafićem, Tanović se razvio u potpuno drugom smjeru. Najprije, Tanović je veoma vješt reditelj koji oštro osjeća duh vremena. Njegov glavni talenat je, možda, sposobnost da izrazi svoj politički stav ne uključujući ga u radnju filma, drugim riječima, odvajati sebe od svojih likova. Ovo izvrsno demonstrira **Tanovićev dugometražni debitantski film «Ničija zemlja» (2001)**, koji se uklapa u tada dominantnu «pomiriteljsku» tendenciju. Siže ovog filma je dobro poznat: Srbin i Bošnjak se nalaze u rovu na «ničijoj zemlji» između položaja zaraćenih strana. Cijeli film se svađaju pokušavajući shvatiti «ko je ovo započeo». Njihovi argumenti podjednako nisu ubjedljivi, istinski razlozi sukoba nisu jasni za gledaoce sa strane, a nema dubokih razlika između protagonista: njih obojica su čak bili u vezi sa istom djevojkom iz Banje Luke. U drugoj polovini filma se fokus pomjera na zapadne novinare i mirotvorce, kojim uopšte nije stalo do Bosne i svih njenih stanovnika: prve zanima samo lijepi kadar, druge samo lijepi ivještaji. Mirotvorci su Francuzi i značajan dio filma je na francuskom jeziku što je doprinijelo uspješnoj distribuciji filma u Evropi. Konkretno je film dobio podršku Bernara Anrija Levija

Ničija zemlja, rež. D. Tanović, 2001

i Andrea Gliksmann, o čijem projektu «Evropa počinje u Sarajevu» će biti riječi dalje.

Filmski siže dovodi do zaključka o apsurdnosti i besmislenosti svakog rata, dok samu radnju prekidaju vijesti na televiziji, koje su odvojene od sižea ali postavljaju istorijski okvir u kojem se sve odvija («bosanski Srbi su uz podršku jugoslovenske armije bijesno uništavali mirne bosanske gradove koje su branili samo slabo naoružani civili» itd.). Tako Tanović integriše pomiriteljsku poruku filma u cjelokupan narativ o bosanskom ratu, gdje svu odgovornost za rat i zločine snose Srbi.

Poslije Oskara je Tanović postao dio svjetske filmske elite i učestvovao je u mnogim visokobudžetnim međunarodnim projektima. Njegov sljedeći film o Bosni je snimljen tek 10 godina kasnije. To je ekranizacija romana hrvatskog i bosanskohercegovačkog pisca Ivice Đikića **«Cirkus Kolumbija» (2010)**. Lokacija filmske radnje je dovoljno tipična za Đikića, ali je apsolutno netipična za bošnjački film: radnja se odvija 1992. godine u hercegovačkom gradiću gdje žive uglavnom Hrvati, manji broj Srba, dok Bošnjaka uopšte nema. «Cirkus Kolumbija» predstavlja paradu stereotipa o Balkanu kao što je u filmovima Emira Kusturice. Ali se iza fasade bezbrižne burleske krije priča o tome kako se za samo nekoliko dana naizgled normalni ljudi naprave nasilnici, maroderi i ubice. Budući da zlo u filmu čine Hrvati, a Srbi su žrtve, Tanović sebi dozvoljava da se uzdigne iznad sukoba i da ne bude solidaran ni sa kime. On čak prikazuje kako hrvatske oružane formacije jurišaju u kasarne jugoslovenske armije i pucaju na vojnike iako im nisu učinili apsolutno ništa loše. Međutim, razlika između Hrvata i Srba je prikazana mnogo jasnije nego između Srba i Bošnjaka u većini filmova snimljenih u BiH. Hrvati su jako indoktrinirani katolicizmom i ustaškim idejama, dok su Srbi uglavnom ravnodušni prema vjeri i projugoslovenski orijentisani.

Cirkus Columbia, rež. D. Tanović, 2010

Ipak, bosanskohercegovački film 2000-ih godina karakteriše težnja da se pronađe nešto zajedničko u odricanju rata, u demonstraciji njegove besmislenosti i tragičnih posljedica. Istovremeno, postoji i niz filmova koji, izgleda, pozivaju na pomirenje i oprostaj (ali ne zaborav), ali su u stvari izuzetno konfrontacioni. U mnogim radovima se, naravno, vidi antisrpski podtekst, dok u slučaju «Cirkusa Kolumbije» i antihrvatski. Te tendencije su dovele do transformacije bosanskohercegovačkog filma sljedeće decenije.

Diskusija o Bosanstvu u bosanskohercegovačkom filmu 2000-ih godina

Od iste važnosti za bosanskohercegovački film je pitanje identiteta bošnjačkog naroda kao i svih građana zemlje. U filmu **«Grbavica» u režiji Jasmile Žbanić (2006)** je prikazana tragedija bošnjačke samohrane majke. Glavni lik, Esma koju izvrsno glumi beogradska glumica Mirjana Karanović priča svojoj kćeri da joj je otac bio «šehid» odnosno je poginuo za Bosnu. Ali u kući nema nijednog portreta tog čovjeka, dakle ne može da da školi dokumente koji bi svjedočili o njegovoj herojskoj smrti. Esma posjećuje grupu podrške za žene samo radi dobijanja evropske novčane pomoći koja se tamo daje. Ne želi da priča o svojim problemima. Na kraju krajeva kćerka prisiljava Esmu da prizna da su je «četnici» silovali tokom rata. Međutim, pažljivom gledaocu se daju sugestije koje ukazuju na to što i ova verzija o djevojčinom porijeklu može biti i društveno prihvatljiva laž, dok je u stvari Esmu mogao da siluje lokalni kriminalni šef i paravojni komandir Čenga.

Esma i svi ljudi oko nje su tipični «ateistički Muslimani». Žbanićeva nam, ipak, pokazuje prekrivenu snijegom džamiju koja izgleda veoma egzotično i koju ne pohađa nijedan od likova. Postavlja se pitanje: pa šta onda razlikuje Esmu koju glumi srpska glumica od slične samohrane majke iz Srbije, Hrvatske ili Crne Gore? Šta je 100 posto atribut njenog bosanstva? Kada na kraju filma Esma mora da se duboko zagleda u sebe i da konačno ispriča o svojim traumama u terapijskoj grupi, u centru svoje ličnosti otkriva «četnika» koji se smješka i mržnja prema kojem definiše cijelo njeno postojanje i čini je Bošnjakinjom. Dakle, ovakvo «samoodređenje kroz odbacivanje» je jedina vrsta samoodređenja dostupna ovoj sekularnoj Bošnjakinji.

Apsolutna antiteza ovog filma je film **«Snijeg» Aide Begić, snimljen 2008. godine.** Begićeva je pobožna muslimanka, čiji svi filmovi su posvećeni prevazilaženju ratne traume kroz dolazak Bogu. U «Snijegu» se priča priča žena koje žive u muslimanskom

Grbavica, rež. J. Žbanić, 2006

selu u blizini Srebrenice, gdje su sve muškarce ubili Srbi tokom rata. Neke od žena su kasnije svjesno prešle na islam i djeluju kao čuvarice pamćenja o stradanjima bošnjačkog naroda, dok druge ostaju «ateističke muslimanke», sanjaju o raskidu sa prošlošću i preseljenju u veliki grad. Za Begićevu je pitanje identiteta riješeno nedvosmisleno: biti Bošnjak znači sačuvati vjeru. Ali islam likova u filmu Begićeve nije odvojiv od sjećanja na rat i apriorne krivice Srba. Jedna od junakinja filma vodi veoma ilustrativan dijalog sa Srbinom Mirom:

- *A šta si radio u ratu?*
- *Ratovao k'o svi.*
- *A što, Bože?*
- *Sada ne bih znao reći. Ni šta bi... ni ko nas zavadi*
- *Ne znam ko nas zavadi al' znam ko mi je ubio djecu...*
- *Nismo svi ubijali!*
- *I NISMO...*

Ovo je tipična diskusija između Bošnjaka i izmišljenog Srbina koji iznosi u sporu upravo one argumente, koji su pogodni Bošnjaku. **«Ne znamo zašto smo ratovali», kaže Srbin iz Srebrenice, pa su to upravo one riječi koje zadovoljavaju Bošnjake, potvrđujući njihovu omiljenu tvrdnju da su «Srbi ubijali samo zato što su mogli».**

U stvarnosti bi upravo stanovnik Srebrenice mogao da ispriča svom bošnjačkom sagovorniku mnogo o razlozima svojih postupaka, prisjećajući se ubistava i pljački koje su militanti Nasera Orića vršili u srpskim naseljima, kao i toga što su, uoči ulaska Vojske Republike Srpske u Srebrenicu, holandski mirovnjaci prevezli Orića u Tuzlu. Ali nećemo nikada čuti ime Nasera Orića niti u jednom bosanskohercegovačkom filmu. Oprezan i neprijateljski odnos glavne junakinje filma prema svim Srbima, može se reći, antipatija prema Srbima kao ideji, na kraju je opravdan i potvrđen: Miro se ispostavlja praktično ista osoba koja je ubila njenog muža. U svakom slučaju, bio je prisutan kada se to desilo.

Snijeg, rež. A. Begić, 2008

Aida Begić se čini nekom vanzemaljskom pojavom za Balkan; njeni filmovi su i vizuelno, i intonaciono bliži iranskoj kinematografiji nego tragikomedijama u stilu Kusturice ili evropskom mejnstrimu. Glavna ideja njenih filmova je u tome što je islam sastavni dio bošnjačkog identiteta; kroz vjeru mogu se prevazići traume prošlosti i nepravda sadašnjosti. U isto vrijeme, novostečeni (za većinu Bošnjaka)

vjerski identitet se može lako izgubiti u velikom gradu: o tome je, uglavnom, njen film «**Djeca**» (2012). Idealan oblik postojanja za Bošnjake su, prema Begićevoj, izolovane vjerske komune poput istih u «Snijegu». Zanimljivo je da je Aida Begić, uprkos vjerkoj komponenti svojih filmova, jedan od predstavnika bosanskohercegovačkog festivalskog filma. Njeni filmovi su posvećeni *normalizaciji evropskog islama*, veoma aktuelnoj temi za Evropu 2010-ih godina, koja je tada tek počela masovni uvoz migranata sa Bliskog istoka, Magreba i Sahela. U tom smislu je film Begićeve u poptunosti snimljen kroz «kolonijalni» objekt u kojem je Balkan dio «Velikog Bliskog istoka» sa njegovom orijentalnom egzotikom i arhaičnom logikom ponašanja koja nije uvijek jasna Evropljanima. Međutim, pred nama je *lijep i nimalo strašan «evroislam»* nimalo nalik na distopije Gilberta Kita Čestertona, koji je početkom 20. vijeka plašio čitaoce

Djeca, rež. A. Begić, 2012

Na putu, rež. J. Žbanić, 2010

«britanskim kalifatom».

Svojevrsni odgovor na film Aide Begić o «dubinskoj Bosni» i «evroislam» je film **Jasmile Žbanić «Na putu» (2010)**. Film počinje kao pokušaj objektivne i nepristrasne priče o islamizaciji BiH, ali se pred kraj pretvara u himnu onome, što je Bernar Anri Levi nazvao «bosanskim kosmopolitizmom» (tj. otvoreno rečeno, ateizmu). Glavni lik je stjuardesa, muž joj je kontrolor leta koji je otpušten s posla

zbog pijanstva, a oboje su sekularni Bošnjaci. U pokušaju da pronađe posao, čest gost kafana i noćnih klubova Amar iznenada se našao među islamskim fundamentalistima koji mu daju novac, posao i smisao života. Njegova žena Luna kategorički odbacuje «arapsku» verziju islama, koja je tuđa za balkansku tradiciju. Kap koja je prelila čašu za nju je brak prijatelja njenog muža, Jusufa, sa trinaestogodišnjom djevojčicom što aktivno promoviše «starija» Jusufova žena, Nađa. Na kraju filma Luna postavlja ultimatum Amaru: ili ja, ili «ovi», ali je izbor supruga ostao van ekrana.

U filmovima Jasmile Žbanić i Aide Begić ima pokušaja da se da odgovor na pitanje o bošnjačkom i bosanskom identitetu koje je najvažnije za BiH barem posljednjih sto godina. Za Begićevu je situacija izuzetno jasna: u uslovima kada je srpski identitet povezan sa pravoslavnom crkvom, a hrvatski sa katoličkom, Bošnjaci treba da pokrenu svoj duhovni preporod. Za Žbanićevu je pak «duhovni preporod» po arapskom uzoru nešto strano, tuđe i nema ništa zajedničko sa Bosnom i Bošnjacima.

Ovi stavovi odražavaju duboki raskol u Bosni i bošnjačkom narodu u cjelini, kada se jedan dio brzo islamizira, dok se drugi dio po načinu života nikako ne razlikuje od svojih susjeda inovjeraca (zato se slika Drugog, neophodna za nacionalno samoodređenje, ne gradi na osnovu religije, već na traumatskom iskustvu rata u BiH).

«Igranje žrtve»: početak

U bosanskohercegovačkom filmu 2010-ih godina je tema međuetničkog pomirenja postepeno počela da ustupa mjesto reaktivaciji traumatskih iskustava, češanju rana koje su počele da zarastaju. Ukoliko nije prvi, u svakom slučaju je najprimetniji od takvih filmova film **«Belvedere» Ahmeda Imamovića (2010)**. Radnja se odvija u istoimenom kampu za bošnjačke izbjeglice u blizini Srebrenice. Njegovi stanovnici

uglavnom provode svoje vrijeme odlazeći na identifikaciju leševa svojih rođaka iz otkrivenih masovnih grobnica, dok u slobodno vrijeme gledaju srpski rijaliti šou «Veliki Brat» u kojem učestvuje ograničen tip iz kampa «Belvedere». Istovremeno je svakodnevica izbjeglica snimljena u crno-bijeloj tehnici, minimalistički i asketski, dok je TV emisija u boji i kičasta. Ovdje su bošnjački likovi, siromašni, bolesni i iznureni, koji izgledaju kao velikomučenici (crno-bijela slika tome doprinosi), suprotstavljeni glupim, vulgarnim učesnicima srpskog rijaliti šoua koji uvijek nešto žvaču ili nečemu se smiju a koji ne samo da nisu mogli zbog uzrasta učestvovati u ratu u BiH, već nisu ni rođeni u BiH. Ne vidimo u filmu Bošnjake koji nisu žrtve, i vidimo Srbe koji ne izgledaju ljudski, već su seksualno opsjednuti idioti iz svijeta «Velikog Brata». Činjenicu da za samog Imamovića ovaj film nije ništa više od igre (igranja žrtve) izdaju scene identifikacije leševa stilizovane kao američke policijske serije kao što je «Mjesto zločina: Njujork», ili scena otvaranja masovne grobnice koja je praćena muzikom u stilu indastrijal metal i izgleda kao spot grupe «Ramštajn». Imamović se očigledno «zaigrao» i, kao rezultat, «Belvedere» je postao *prvi bosanskohercegovački film u 12 godina* koji nije dobio nijednu nagradu na međunarodnim festivalima. Međutim, Bakir Izetbegović je visoko ocijenio taj film i povjerio upravo Imamoviću snimanje biografske serije o svom ocu, Aliji Izetbegoviću («**Alija**», 2016, snimljen je u koprodukciji sa Turskom i sa turskim glumcima u glavnim ulogama).

Strategija reaktivacije traumatskih iskustava je korišćena i u filmu **Jasmile Žbanić «Za one koji ne mogu da govore» (2013)**. Film, mada i snimljen u pseudodokumentarnom formatu, predstavlja političku propagandu usmjerenu na širenje narativa o kolektivnoj krivici Srba za «počinjene zločine» posebno za «logore za silovanje», u tom slučaju u spa hotelu «Vilina Vlas» blizu Višegrada.

Tokom rata u Bosni i Hercegovini su takvi logori zaista postojali, i nisu ih organizovali samo Srbi (logori kojim su upravljali Hrvati: Dretelj, Gabela, Vojno, Heliodrom i dr; Bošnjaci su u iste svrhe koristili logor Čelebići). Po optužbama za masovna silovanja je Haški tribunal osudio otprilike isti broj Srba, Hrvata i Bošnjaka. Konkretno u slučaju Vilina Vlas je Haški tribunal pokazao opreznost i nije ga prepoznao kao «rape camp» (logor za silovanje) zbog nedostatka dokaza.

Glavna junakinja filma je australijska glumica Kim Verko (glumi samu sebe) koja je tokom turističkog putovanja u Višegrad provela nekoliko noći u Vilinoj Vlasi koja je poslije rata ponovo pretvorena u hotel. Saznavši po povratku u Australiju šta se, prema riječima Bošnjaka, dešavalo u ovoj zgradi, Verko je postavila monopredstavu «7 kilometara sjevernoistočno» i čak ga je predstavila u Sarajevu 2009. godine. Pitanje zašto je Jasmila Žbanić odlučila da ispriča upravo o tom incidentu koji Međunarodni tribunal nije priznao, kao i pitanje zašto su prošle tri godine od sarajevske premijere

Za one koji ne mogu da govore, rež. J. Žbanić, 2013

monopredstave Kim Verko do kontakta Žbanićeve sa njom, imaju isti odgovor. Žbanićeva direktno govori u intervjuu engleskom mediju «Skrindejli» (Screendaily): «Sada srpske vlasti koje negiraju genocid ulažu 12 miliona evra u novi «grad umjetnosti», Andrićgrad, Emira Kusturice. Ali je to samo političko sranje, politička odluka radi prikrivanja genocida. Ne biste valjda izgradili bioskop i umjetničku akademiju u Aušvicu, jel' tako?» Prvi građevinski radovi u Andrićgradu Emira Kusturice su započeli 2011. godine, a iste godine je Žbanićeva kontaktirala Verko da snimi film koji bi spriječio Kusturicu da udahne novi život dovoljno depresivnom Višegradu. Analogija Žbanićeve sa Aušvicom nam se ne čini pravednom: «umjetnički grad» Kusturice je posvećen Ivi Andriću i nalazi se u gradu sa pogledom na legendaran most koji je pisac slavio. Izgleda da je prilikom planiranja izgradnje Andrićgrada u Republici Srpskoj Kusturica najmanje razmišljao hoće li se to svidjeti Bošnjacima.

Tu je neophodno objasniti odnos politički aktivnih Bošnjaka prema Emiru Kusturici. Reći da ga mrze znači uveliko potcijeniti činjenice. Kusturica oličava neki «treći put» bošnjačkog identiteta koji nije islamski i nije sekularni, već je put potpunog odricanja «Bošnjaštva» u korist «Srpstva». Kusturica živi u Srbiji, smatra sebe Srbinom, kršten je 2006. godine i dobio ime Nemanja. Prema njegovim riječima, «učinio bi to ranije, ali nije htio da uznemiri svoje roditelje koji su se takođe smatrali Srbima ali su bili komunisti». Isti izbor je 1970-ih godina napravio i glavni bosanskohercegovački pisac druge polovine 20. vijeka Meša Selimović

(«Derviš i smrt», «Tvrđava»), koji sebe smatrao Srbinom a ne «Muslimanom» (otvoreno pismo SANU iz 1976. godine) i preselio se sa porodicom u Beograd. Kusturica, Selimović, muslimani četnici iz Drugog svjetskog rata — sve su to dijelovi istorije o alternativnom samoodređenju Bošnjaka koji su apsolutno neprihvatljivi u okviru aktuelne političke agende.

Dva glavna filma iz 2010-ih su **«Smrt u Sarajevu» u režiji Danisa Tanovića (2016)** i **«Muškarci ne plaču» Alena Drljevića (2017)**. Tanović je režirao filmsku adaptaciju dramskog teksta Bernara Anrija Levija «Hotel Evropa» i to sa velikim brojem glumaca uključujući potomka i imenjaka Gavrila Principa. Uglavnom je to proširena eksplikacija jednog vica popularnog na Balkanu: « — Da je Gavriilo Princip danas u Sarajevu, na koga bi pucao? — Da je Princip danas u Sarajevu i sam bi bio upucan...». Upravo se to dešava potomku i imenjaku Gavrila Principa, koji je pozvan u Sarajevo na snimanje TV emisije na krovu «Hotela Evropa».

Kao i u «Ničijoj zemlji», Srbin raspravlja o razlozima rata sa Bošnjakom, u ovom slučaju je to voditeljka na televiziji. Očekivano je da su oboje emocionalni i nisu baš ubjedljivi. Međutim, autorova ekvidistancija od sagovornika je samo prividna. Nabrajajući muslimanske ratne zločince, Srbin, što je veoma pogodno za svog oponenta, navodi samo one koje su sami Bošnjaci osudili. Kao kontrapunkt sporu između Srbina i Muslimanke Tanović pušta televizijske dnevnik i mišljenja stručnjaka (stvarnih istoričara) koji izražavaju upravo bošnjački stav: razlog sarajevskog atentata iz 1914. i Prvog svjetskog rata je srpski nacionalizam, razlog za raspad Jugoslavije je isti. Navedemo da je jedino po čemu se Srbin i Bošnjakinja slažu apsolutna neefikasnost

Smrt u Sarajevu, rež. D. Tanović, 2016

Muškarci ne plaču, rež. A. Drljević, 2017

Visokog predstavnika, mada tumače «neefikasnost» na različiti način. Voditeljica smatra da nije dovoljno dosljedan u osuđivanju Srba (u vrijeme objavljivanja filma je Visoki predstavnik bio Valentin Incko).

Grad Sarajevo je u filmu po prvi put prikazan na način koji tjera gledaoca da ga posjeti: nema nikakvih ruševina i mračnih stambenih naselja, samo blistavi neboderi, zelene planine i nekoliko sjajnih pogleda na centar grada kao sa razglednice. **Pitanje u čemu je nacionalna specifičnost stanovnika grada (Bošnjaka) koja ih razlikuje od srpskog gosta sa sela Grahova rješava se na vizuelnom nivou: Sarajlije su moderne, obučene po modi, vesternizovane, a gostujući Srbin je simpatično staromodan: nosi sa sobom plastičnu kesu sa jabukama i orasima «sa sela», u kojoj ipak ima i pištolja. U ovom filmu Srbi nisu oličenje zla, nego su više oličenje iskonskog haosa koji povlači za sobom razaranje i degradaciju i koji nikada ne može da postane dio «civilizovanog» svijeta (« — Čime se bavite na Grahovu? — Čitam, pucam...»). Ovo je portret tipičnog Srbina u samo dvije riječi).**

Izuzetno je zanimljiv primjer obnovljenog narativa o međuetničkim odnosima film «**Muškarci ne plaču**» u režiji **Alena Drljevića**. Film priča o grupi veterana rata u Bosni i Hercegovini (po tri od svakog konstitutivnog naroda) koji su okupljeni na kolektivnoj psihoterapiji u praznom hotelu na Jahorini. Metaforičko tumačenje događaja se nameće bukvalno od prvih kadrova: prazan hotel je Bosna i Hercegovina, slovenački psihoterapeut je kolektivno oličenje zapadnih funkcionera angažovanih u BiH, a veterani su upravo veterani. Cilj seanse je da se razumije jesu li spremni ratom osakaćeni ljudi, u ovom slučaju borci triju vojski, da počnu da opraštaju jedni drugima

ili barem da ne zabadaju zube jedni u druge nakon što čuju «rovovsku istinu» od svojih sagovornika. Svi likovi su, sem jednog Hrvata kojeg učesnici seanse istjeruju, spremni da priznaju da «smo i mi pucali, i na nas su pucali». Međutim, kada dolazi do «otvaranja» psiholoških kontejnera sa traumatskim iskustvom, ispostavlja se da su svi muškarci zabrinuti zbog toga što su se ponašali neuzorno: Bošnjak se slomio tokom saslušanja izdavši svoje drugove, Hrvat je poslao mladog regruta na stražu pretpostavljajući da bi mogao biti ubijen umjesto da ode sam. I samo je Srbin saučesnik u masovnom ubistvu civila, mada to nije htio. Iste večeri Hrvat koji je u pijanom stanju razbijao namještaj sa Srbinom, spaljuje Srbinu jedinu vrijednu imovinu — kamion. Na kraju filma, nakon što prisustvuje sahrani majke jednog bošnjačkog učesnika, Srbin pokušava samoubistvo. Hrvat ga spašava sigurne propasti i pljuje po njemu. Još jednom se iza «pomiriteljske fasade» otkrivaju gradacije krivice i odgovornosti: da, svi su ubijali ali je najstrašniji grijeh počinio Srbin.

Još je važnije ono što, čak priznavši svoju krivicu, Srbin nije zaslužio oprostaj; spašen je sigurne propasti ali je i dalje ostao parija. Glavna poruka filma je upravo u ovome: musliman oprašta sekularnom Bošnjaku koji je uvrijedio njegove svetinje, on oprašta svojoj majci koja ga je jednom izdala vojnoj patroli, a samo Srbin ostaje neoprošten, vječni Drugi.

«Igranje žrtve»: prelazni rezultat

Jasmila Žbanić je šest godina skupljala snagu prije no što je 2020. objavila najveći i najskuplji bosanskohercegovački film **«Quo vadis, Aida?»** (Kuda ideš, Aida?), posvećen tragediji u Srebrenici. Događaji iz jula 1995. u bosanskom rudarskom gradu su postali kamen temeljac za savremeni bošnjački identitet: o njima su snimljeni brojni dokumentarni i kratki filmovi. Film je tehnički besprijekoran, ali kao i mnogi drugi prije njega, prenosi zajednički narativ u bosanskohercegovačkoj kinematografiji: «Srbi nisu ubijali kao odgovor na to što su ih Bošnjaci ubijali, već jednostavno zato što su mogli».

Zanimljivo je da je u nazivu filma iskorišćena priča o apostolu Petru koji je, saznajući da će biti pogubljen u Rimu, pokušao da napusti grad ali mu se na putu ukazao Isus Hristos i pitao je Petra: «Quo vadis?» — «Kuda ideš?» Petar se postidio i vratio u Rim gdje je i razapet. Glavna junakinja skoro čitav film se trudi da pobjegne iz Srebrenice sama i, koristeći svoj status prevodioca UN-a, da izvuče svoju porodicu odande. Kao rezultat, dijeli sudbinu mnogih žena u Srebrenici: Srbi je puštaju, dok njenog muža i sinove strijeljaju. Na kraju, deset godina kasnije se Aida vraća u Srebrenicu koja je

Quo Vadis, Aida?, rež. J. Žbanić, 2017

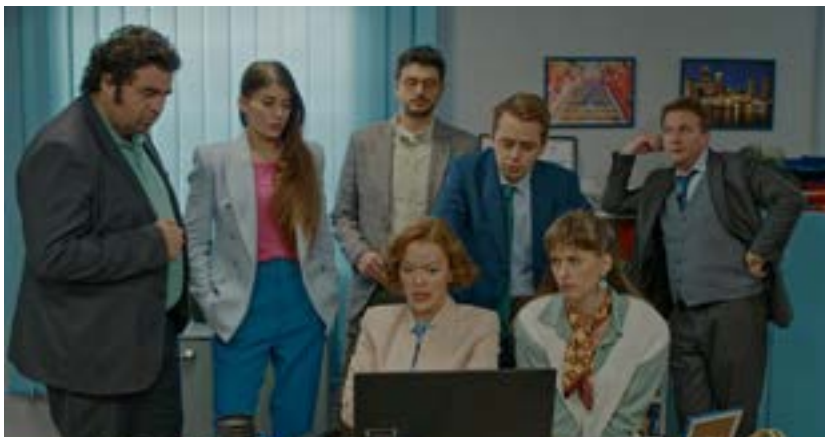
ušla u sastav Republike Srpske i Muslimana tamo gotovo nema, da uči srpsku djecu engleskom jeziku. Vraća se u grad, gdje svaki kamen podsjeća na izgubljenu porodicu. Taj povratak se upodobljava povratku apostola Petra u Rim, dok predavanje srpskoj djeci u školi stradanju na časnom krstu koje je junakinja svjesno prihvatila. Ovo je poptuno

svjesna «sakralizacija» događaja u Srebrenici, postavljanje temelja za nacionalni mit.

Godine 2021. je film Jasmile Žbanić dobio na Berlinskom filmskom festivalu tri nagrade Udruženja evropskih filmskih kritičara kao najbolji evropski film, najbolji evropski reditelj, najbolja evropska glumica. Godine 2024. je Generalna skupština UN, uprkos protestima Srbije, Rusije i Kine, usvojila rezoluciju o «genocidu» u Srebrenici kojom je «nedvosmisleno osudila» svako njegovo negiranje, pozivajući sve države da sprečavaju iskrivljavanje istorije i «sačuvaju utvrđene činjenice».

Jasmila Žbanić je ponosna da je uoči zasjedanja Generalne skupštine njena produkcijska kuća «Deblokada» svim učesnicima poslala linkove za besplatnu verziju filma sa titlovima na osnovnim svjetskim jezicima. U tom smislu, njen film je važan element međunarodne kampanje za demonizaciju Srba i, konkretno, za demontažu Dejtonskog sporazuma i Republike Srpske.

«Quo vadis, Aida» je jedan od najpoznatijih savremenih bosanskohercegovačkih filmova. Međutim, ne može se reći da u samoj zemlji takvi filmovi uživaju jaku popularnost. Malo je onih koji žele da ponovo prožive u bioskopima stravične događaje od prije trideset

Tender, rež. S. Vuletić, 2018

godina. Mnogo su popularnije serije, na primjer, «**Tender**» **Srđana Vuletića (2022-2025)**. «Tender» je politička satira o zajedničkim institucijama BiH paralizovanim etno-stranačkim kontradikcijama, birokratijom i međunarodnim zahtjevima. Tokom dvije sezone gledaoci prate rad komisije za sprovođenje javnih nabavki

koja je sastavljena od Bošnjaka, Srbina i Hrvata. Do kraja serije komisija ne može da sprovede nijedan tender. Tek u posljednjoj epizodi njih trojica uspješno nabavljaju mikrofone, planirajući da ih testiraju tokom korporativne proslave. Međutim, kada se čini da već sve ide dobro, i da su etničke tenzije prevaziđene, u zgdradu upadaju specijalci sarajevskog kantona i hapse pomirenu trojicu pod sumnjom za korupciju. Mjesto onih koji se opuštaju na korporativnom događaju zauzimaju trojica političkih lidera tri konstitutivna naroda BiH.

Zanimljivo je kako su u likovima serije prikazani nacionalni stereotipi. Najmlađi član komisije je Bošnjak. Energičan je, vesternizovan i «lud» za društvenim mrežama. Hrvat je najstariji, retrogradan i pomalo dosadan. Srbin je glasan, nespretn i komično seljački, dok je Bošnjak posebno «gradski». U ovom smislu, poruka je jasna: budućnost je za Bošnjacima, Hrvati su prošlost, a Srbi su arhitip «seljačine».

U zaključku, koji je naravno preliminaran, zapitajmo se: kakvu su sliku Bosne i Hercegovine stvorili bosanskohercegovački reditelji u proteklih 30 godina? Njihovo glavno dostignuće je svakako stvaranje industrije «mini-Holokausta»: stalna komemoracija žrtvama Srebrenice koju prati aktivnost na nivou NVO i međunarodne zajednice. Broj dokumentarnih filmova o Srebrenici se kreće na desetine. Skoro svaki ambiciozni mladi reditelj u BiH počinje svoj put kratkim filmom o ratu, njegovim posljedicama i sa velikom vjerovatnoćom se okreće temi Srebrenice. U nekom trenutku, takva «komemoracija» gubi svoju humanističku poruku i počinje da liči na «ples na grobovima» poginulih, na očitu komercijalizaciju njihovih grobova radi «igranja žrtve».

Po Jasminu Hasanoviću, «Narativ samoviktimizacije («igranja žrtve» je prvobitno bio dio zapadnog kolonijalnog narativa. Prošao je kroz ideološku normalizaciju i lokalizaciju, postavši dio lokalnog identiteta»³.

Po našem mišljenju, takva predstava o Bosni i Hercegovini i Bošnjacima je, na kraju krajeva, nacionalno poniženje. Svesti sveobuhvatan rat na nemoćnu frazu «don't let them kill us» (ne dajte im da nas ubiju) je barem u potpunoj suprotnosti sa istinskim osjećajima Bošnjaka. Dovoljno je posjetiti Sarajevo da bi se shvatilo kako Bošnjaci nisu ništa manje ponosni na svoje borce nego Srbi ili Hrvati. Prihvatanjem «sindroma žrtve» u umjetnosti, Bošnjaci su, na taj način, dobili podršku međunarodne zajednice, ali su donekle izgubili sebe, svoj oslonac na koji bi mogli da budu ponosni i na čijoj osnovi bi mogli da grade svoju stvaralačku budućnost.

³ Hasanović J. *Mirroring Europeanization: Balkanization and auto-colonial narrative in Bosnia and Herzegovina //The Unwanted Europeanness.* — 2021. — p.90.

Kao što znamo, umjetnost treba da povrijedi one koji su mirni i da tješi one koji su povrijeđeni. Gledajući bosanskohercegovačke filmove posljednih 30 godina, možemo li potvrdno odgovoriti na pitanje «Da li je uspjela umjetnost da utješi povrijeđeno društvo»? Najvjerovatnije je da nije. Film ipak nije postao most između naroda u BiH: čak su i epizode pomirenja korišćene za širenje potrebnih političkih narativa. Od 2010-ih godina se situacija, u tom smislu, pogoršala: snimljeni filmovi su postali element napora za reviziju nastalog poslijeratnog poretka. Dakle, bosanskohercegovački film je samo još jedan dio koji doprinosi jačanju podijeljenosti društva koje živi u paralelnim stvarnostima.

PRIVREDNA FRAGMENTACIJA I FORMIRANJE ETNIČKIH EKONOMIJA U POSTDEJTONSKOJ BOSNI I HERCEGOVINI: ZAJEDNO ILI ODVOJENO?

«Organizacije civilnog društva iz cijelog svijeta pokrenuće poseban program humanitarne pomoći i oporavka, koji će uglavnom finansirati naši evropski saveznici i druge zainteresovane strane. Ovi naponi su takođe apsolutno neophodni za očuvanje mira. To će dati građanima Bosne hranu, sklonište, odjeću i lijekove, kojih su mnogi bili toliko dugo lišeni. To će im pomoći sa oporavkom: sa obnavljanjem puteva i škola, elektrana i bolnica, fabrika i prodavnica. To će ponovo ujediniti djecu sa svojim roditeljima, a porodice sa svojim kućama. To će omogućiti Bosancima da slobodno biraju svoje lidere. To će omogućiti čitavom narodu Bosne da bude mnogo zainteresovaniji za mir nego za rat, tako da će mir dobiti vlastit život i logiku».

Iz govora Bila Klintonu 27. novembra 1995.

Dejtonski sporazum iz 1995. godine je trebalo da postane institucionalna osnova za integracioni proces sposoban da «zamagli» granice «etničkih ekonomija», odnosno nasljeđa perioda borbenih dejstava. Ipak, privredna fragmentacija nije nestala zbog široke autonomije stvorenih administrativno teritorijalnih jedinica i složenog sistema upravljanja. Ovaj dio je posvećen ekonomskom stanju u postdejtonskoj BiH, za čiju analizu se okrećemo rezultatima sociološkog istraživanja.

Začeci funkcionalne fragmentacije ekonomije Bosne i Hercegovine po etničkim linijama pojavili su se još tokom osmanske vladavine i u periodu austro-ugarske okupacije. Socijalistička industrijalizacija 1950–70-ih godina, u cjelini, doprinosila je «učvršćivanju» funkcionalnih uloga etnički homogenih rejona Bosne i Hercegovine povezanih međusobno i sa drugim republikama Jugoslavije kooperacionim vezama.

Uz to, jedan od zadataka industrijskog razvoja u to doba je bilo stvaranje faktički zatvorenih (kvazi-autonomnih) proizvodnih sistema sa istim skupom grana teške industrije u svakoj republici FNRJ/SFRJ, što je na prelazu između 1980-ih i 1990-ih godina dalo svoj prilog ubrzavanju procesa ekonomske dezintegracije¹. Prostorna diferencijacija privrede BiH se, iz razumljivih razloga, u najvećoj mjeri pojačala tokom rata 1992–1995. Granice etničkih ekonomija su se oblikovale najprije u prvoj polovini 1990-ih godina i održavale u prvim godinama poslije Dejtonskog sporazuma, postepeno se «zamagljujući» pod uticajem integracionih faktora, o kojim će se raditi dalje.

Zato je zanimljivo, da su tri «glavna preduzeća» bosansko-hercegovačke industrije — željezara u Zenici, aluminijumski kombinat u Mostaru i rafinerija nafte u Brodu — 1990-ih prešla pod kontrolu pripadnika triju osnovnih etničkih grupa, što je predstavljalo vrhunac procesa fragmentacije privrednog prostora BiH².

Posljedice rata po ekonomiju Bosne i Hercegovine

Socijalno-ekonomsko stanje je tokom rata bilo izuzetno teško. Borbena dejstva su pogodila polovinu stanovništva zemlje. Prema podacima NRC (Norwegian Refugee Council), broj izbjeglica je krajem rata činio 1,2 miliona ljudi, dok je broj interno raseljenih lica 1993. iznosio 1 milion ljudi³. Mnoga industrijska preduzeća su bila srušena od strane zaraćenih strana ili su prestala da funkcionišu. Uništeno je više od trećine stambenog fonda i gotovo polovina fizičkog kapitala zemlje (50% električnih

¹ Strateške industrijske grane su predstavljala preduzeća gotovo u svim republikama: na primjer, naftne rafinerije su funkcionisale u Novom Sadu i Pančevu (Srbija), Rijeci i Sisku (Hrvatska), Brodu (BiH), Lendavi (Slovenija) i Skoplju (Makedonija), kombinati crne metalurgije i čeličane — u Smederevu (Srbija), Sisku (Hrvatska), Jesenicama i Ravnama (Slovenija), Zenici (BiH), Nikšiću (Crna Gora) i Skoplju (Makedonija) itd.

² Godine 1892. je u mješovitoj opštini Derventa, u čijoj strukturi stanovništva su većinom bili predstavljeni Hrvati, mađarska kompanija Danica izgradila rafineriju nafte. Pogodan saobraćajni i geografski položaj (rijeka Sava, koja pripada crnomorskom slivu, blizina željezničkih pruga) doprinio je brzom razvoju preduzeća, koje je prije Drugog svjetskog rata bilo u vlasništvu američke kompanije Standard Oil. Kasnije je rafinerija u Brodu (ranije — Bosanski Brod) postala jedno od ključnih preduzeća u privredi BiH. Prema popisu stanovništva iz 1991. je broj Srba i Hrvata u opštini Bosanski Brod bio skoro isti (30 posto). U 1892. godini su Austrijanci izgradili u Zenici željezaru, koja je smještena blizu nalazišta uglja za koksiranje. U strukturi stanovništva Zenice većinu prema tradiciji čine Sloveni-muslimani. Konačno, aluminijumski kombinat u Mostaru je pušten u pogon 1975. Važan značaj za izbor mjesta za njegovo smještanje je imala blizina luke Ploče i kaskade hidroelektrana na Neretvi. Okolina Mostara je kao i niz drugih dijelova Hercegovine bila područje gdje su Hrvati činili većinu u 19. i početkom 20. vijeka (1950-1980-ih godina su po 1/3 stanovništva činili Hrvati i Sloveni-muslimani, oko 1/5 — Srbi).

³ Norwegian Refugee Council / Internal Displacement Monitoring Centre (NRC / IDMC). Global Overview 2014: people internally displaced by conflict and violence — Bosnia and Herzegovina, 14 May 2014. Papić Z. (ed.). International Policies of Support to Southeast Europe — Lessons (not) Learnt in BiH. Sarajevo: Müller, 2001.

mreža i 80% kapaciteta za proizvodnju električne energije, 25-35% autoputeva (2 000 km), 40% mostova (70), aerodrom u Sarajevu itd.)⁴. U drugoj polovini 1990-ih su Svjetska banka i EU pružile 5,1 milijardi dolara za obnavljanje infrastrukture BiH⁵.

U 1990-1994. godinama se BDP Bosne i Hercegovine (u trenutnim cijenama) smanjio za više od šest puta: sa 7,75 na 1,26 milijardi dolara. Pretkrizni nivo BDP-a je premašen tek 2003. godine⁶. Tokom borbenih dejstava je BDP po glavi stanovnika pao sa 1900 na 520 dolara (1990. — 2430 dolara, bez uslužnog sektora)⁷. Ekonomski rast je na teritorijama pod kontrolom Bošnjaka i Hrvata ponovo otpočeo ranije nego u Republici Srpskoj, što je izazvano njihovim primirjem poslije potpisivanja Vašingtonskog sporazuma u martu 1994. godine. On je omogućio da se uklone prepreke za spoljnu trgovinu i obezbijedi stizanje *većih* obima međunarodne pomoći. Srbi u RS su se, obrnuto, suočili sa ekonomskim sankcijama, koje su pokrenule EU i SAD, a uveo Savjet Bezbjednosti UN 1994. godine (Rezolucija br. 942)⁸. Međunarodni programi ekonomskog oporavka nisu odmah postigli svoje ciljeve jer privredni rast (prosječno 40% godišnje u 1996-99.) praktično nije bio praćen stvaranjem radnih mjesta van javnog sektora⁹.

⁴ Bosnia and Herzegovina. Emergency transport reconstruction project. Report No. T-6807-BIH. Technical annex. Washington, D.C.: The World Bank, 13 March 1996. Bosnia and Herzegovina: 1996-1998 Lessons and Accomplishments (PEIR). Washington, D.C.: The World Bank, May 1999. Bosnia and Herzegovina — Post-Conflict Reconstruction (Country Case Study). Washington, D.C.: The World Bank, May 2000.

⁵ Pošto se finansijska pomoć pružila pretežno bespovratno a ne kao krediti, javni dug se krajem 1990-ih održavao na prihvatljivom nivou: oko 55% BDP-a, prema podacima MMF-a.

⁶ Doduš, BDP po PKM (u uporedivim cijenama) se 1990-93. smanjio sa 10,7 na 8,9 milijardi dolara., dok je 1995. prevazišao nivo 1990. (World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org>). Smanjenje BDP-a u Republici Srpskoj, prema podacima MMF-a, nije bilo toliko veliko kao u rejonima pod kontrolom Bošnjaka i Hrvata.

⁷ Ekonometrijske studije svjedoče o manje značajnim efektima sukoba. Dakle, Džon Miler je pokazao da petogodišnji građanski rat dovodi do smanjenja BDP-a po glavi stanovnika za 7-22%, dok je Skot Gejts i dr. pišući o sukobu srednjeg intenziteta — za 15 posto (Müller J. War and Ideas: Selected Essays. New York: Routledge, 2013. Gates S., Hegre H., Nygård H. M., Strand H. Development Consequences of Armed Conflict // World Development. — 2012. — Vol. 40(9). — pp. 1713-1722). Autori drugog rada, u kojem se razmatraju posljedice ratova po 78 regiona bivših jugoslovenskih republika, tvrde da je regionalni BDP po glavi stanovnika prosječno pao za 38 posto (u BiH za 22 posto) (Kešeljević A., Nikolić S., Spruk R. Ethnic Conflicts, Civil War and Economic Growth: Region-Level Evidence from former Yugoslavia // arXiv:2505.02431. — 2025).

⁸ Pugh M. Postwar Political Economy in Bosnia and Herzegovina: The Spoils of Peace // Global Governance. — 2002. — Vol. 8. — pp. 467-482. Tzifakis N., Tsardanidis C. Economic Reconstruction of Bosnia and Herzegovina: The Lost Decade // Ethnopolitics. — 2006. — Vol. 5(1). — pp. 67-84. Cox, M. Protests and Illusions: How Bosnia and Herzegovina Lost a Decade. European Stability Initiative, 2014. Kromják L. Bosnia and Herzegovina's Economic Prospects and Historical Background // Financial and Economic Review. — 2021. — Vol. 20 (2). — pp. 148-169.

⁹ A.F.K.Organski i Jacek Kugler su nazvali ubrzani ekonomski rast i efikasnu restrukturizaciju privrede poslije rata «feniksovim efektom» (Phoenix effect). Do poslijeratnog oporavka, očigledno, dolazi zbog ubrzane stope privrednog rasta (tzv. efekat sustizanja) (Barro R., Sala-i-Martin X. Empirical Analysis of a Cross Section of Countries. In: Economic Growth. New York: McGraw-Hill, 1995). Pol Kolijer, zasnivajući se na modelu, koji opisuje ekonomske posljedice građanskih ratova od 1960, pokazuje da se poslije dugotrajnih sukoba privreda oporavljala brže. Međutim, kada su trajali tek godinu dana, godišnja stopa rasta BDP-a je tokom prvih pet godina mira bila niža od 2,1 posto. Gubitak fizičkog kapitala se nastavlja i poslije kratkih ratova («efekat ratnog nasljeđa»; war overhang effect), što dovodi do trajnog smanjenja aktivnosti u industriji, građevinarstvu, saobraćaju i nizu drugih sektora (Collier P. On the economic consequences of civil war // Oxford economic papers. — 1999. — Vol. 51. — pp. 168-183). Analizirajući sukobi u 41 zemlji u 1960-2003. godinama, Sijen Čen i dr. su otkrili da se dinamika ekonomskog rasta poslije sukoba može predstaviti u obliku obrnutog slova U, kada se maksimalan BDP po glavi stanovnika postiže na četvrtoj i petoj godini nakon primirja. Autori tvrde da se brže stope rasta u poslijeratni period djelimično objašnjavaju povećanom investicionom aktivnošću

Industrijska proizvodnja je tokom borbenih dejstava faktički zaustavljena: u godinama između 1993. i 1995. njen obim se smanjio na 9–11% nivoa iz 1991. Ujedno, na teritoriji, gdje je živjelo većinsko muslimansko stanovništvo, industrijska proizvodnja je 1994. godine bila tek 1% nivoa iz 1991. godine¹⁰.

Prema ocjenama MMF-a, u 1992-93. je zbog nestašice roba došlo do naglog rasta cijena: na teritoriji pod kontrolom Bošnjaka — 1992. godine za 730 puta i 1993. za 440 puta, pod kontrolom Srba — 1992. godine za 73 puta i 1993. 2 kvadriliona puta, Hrvata — 1992. godine za 9 puta i 11 puta u 1993. godini¹¹. Sankcije protiv Republike Srpske su vršile dodatni inflacijski pritisak.

Prema podacima Svjetske banke, stopa nezaposlenosti je porasla sa 17,6 na 21,1 posto u 1991–95, a ovaj trend je preokrenut tek sredinom 2000-ih godina¹². Inače, postoje i manje optimistične procjene stvarne nezaposlenosti u periodu borbenih dejstava — sve do 80-90%. Pretpostavlja se da je i u 2001. godini iznosila 40-50%¹³. Dio građana je bio primoran da obavlja privrednu djelatnost u okviru «sive» odnosno «crne» ekonomije zbog čega međunarodne organizacije procjenjuju kako je zvanična zaposlenost 1994. godine na teritorijama sa većinskim muslimanskim i hrvatskim stanovništvom bila 25 i 20% nivoa iz 1991. godine¹⁴.

Pouzdanih podataka o stopi rizika od siromaštva u drugoj polovini 1990-ih nema. Prema procjenama, ispod praga siromaštva je živjelo od 20 do 60% građana. Uoči Dejtonskog sporazuma oko 80% građana je u potpunosti ili djelimično zavisilo od pomoći u hrani. Pet godina poslije primirja nivo siromaštva u FBiH je postigao 46, dok u RS — 75%. Takav raskorak je uglavnom povezan sa činjenicom da programi pomoći najugroženijim građanima u Republici Srpskoj nisu funkcionisali¹⁵.

Dakle, borbena dejstva su imala destruktivne posljedice po privredu područja, koja su bila pod kontrolom Bošnjaka, Srba i Hrvata. Povratak na pozitivan ekonomski rast nije značio rješenje strukturnih problema koji su se nagomilali prije oštne faze sukoba.

(Chen S., Loayza V. N., Reynal-Querol M. The Aftermath of Civil War // The World Bank Economic Review. — 2008. — Vol. 22(1). — pp. 63-85).

¹⁰ Bosnia and Herzegovina: Recent Economic Developments. IMF Staff Country Reports, Vol. 1996 (104). Washington, D.C.: IMF, October 1996.

¹¹ Ibid. Stabilizacija cijena na teritoriji pod kontrolom Bošnjaka počela je poslije denominacije dinara BiH krajem 1994. godine i zaoštavanja kreditne i fiskalne politike. U Republici Srpskoj je lokalni dinar izgubio likvidnost i povučen iz opticaja početkom 1994; zamijenio ga je novi jugoslovenski dinar izdat u Beogradu. Hrvati u BiH su koristili kunu koju je izdavala Narodna banka Hrvatske u Zagrebu.

¹² World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org>

¹³ Donais T. The Political Economy of Peacebuilding in Post-Dayton Bosnia. London and New York: Routledge, 2005. Pugh M. Postwar Political Economy in Bosnia and Herzegovina: The Spoils of Peace // Global Governance. — 2002. — Vol. 8. — pp. 467–482.

¹⁴ Bosnia and Herzegovina: Recent Economic Developments. IMF Staff Country Reports, Vol. 1996 (104). Washington, D.C.: IMF, October 1996.

¹⁵ Bosnia and Herzegovina: From Recovery to Sustainable Growth. A World Bank Country Study. Washington, D.C.: The World Bank, May 1997.

Etničke ekonomije, razgraničene borbenom linijom, funkcionisale su na osnovu ilegalnih i sivih privrednih operacija, dok su nastale etno-klijentelističke hijerarhije služile preraspodjeli prihoda¹⁶. Dejtonski sporazum je trebalo da uspostavi čvrst mir i stvori uslove za zamjenu neformalnih institucija društvenog i ekonomskog razvoja formalnim. Razmotrićemo u kojoj mjeri je postdejtonska društveno-politička organizacija uticala na proces fragmentacije ekonomskog prostora Bosne i Hercegovine.

Razvoj etničkih ekonomija u uslovima postdejtonskih institucionalnih transformacija

Opšti okvirni sporazum za mir u Bosni i Hercegovini, koji je potpisan u decembru 1995, odredio je dalji društveno-politički i ekonomski razvoj ovih teritorija.

Ekonomski zadaci ugovora su ujedinjeni u Aneksu 9 sporazuma («Sporazum o osnivanju javnih korporacija Bosne i Hercegovine»): strane se obavezuju da osnuju ujedinjenu korporaciju za saobraćaj, a dalje, oslanjajući se na iskustvo njenog funkcionisanja — zajedničke kompanije u sferi snabdijevanja energijom, komunalnih i poštanskih usluga¹⁷. Ovaj plan ipak nije ispunjen: strane su osnovale samo dva nadnacionalna preduzeća za upravljanje željezničkom i automobilskom infrastrukturom.

U Aneksu 4 je navedeno da «entiteti neće ometati punu slobodu kretanja lica, roba, usluga i kapitala kroz Bosnu i Hercegovinu». Osim toga, planirano je da se uspostavi Centralna banka BiH, čiji jedan od zadataka bi bila emisija jedinstvene valute kao i sprovođenje jedinstvene monetarne, spoljnotrgovinske i budžetske politike¹⁸.

Većina stručnjaka se slaže da Dejtonski sporazum nije postigao svoje osnovne ciljeve društveno-političke i ekonomske integracije, koji su direktno ili indirektno u njemu proglašeni. Dokument «gotovo nije stvorio integracione elemente (na primjer, zajedničke institucije) i nije predvidio bilo koje izborne ili političke podsticaje za saradnju»¹⁹.

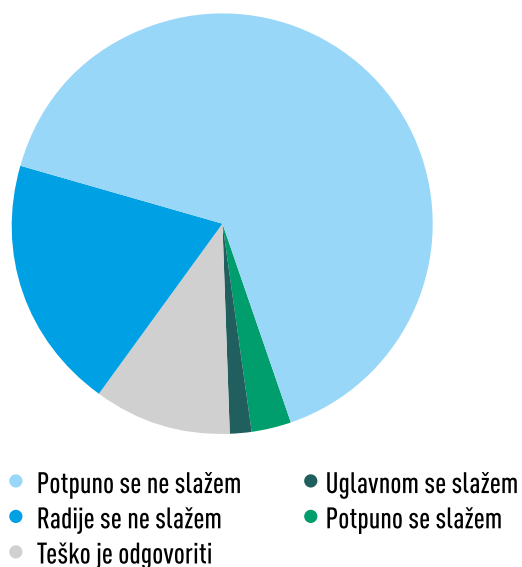
¹⁶ Schierup C.-U. Prelude to the Inferno: Economic Disintegration and Political Fragmentation of Socialist Yugoslavia // Migration. — 1993. — Vol. 5. — pp. 5–56. Pugh M., Cooper N., Goodhand J. War Economies in a Regional Context: Challenges of Transformation. London: Lynne Rienner Publishers, 2004. Andreas P. The Clandestine Political Economy of War and Peace in Bosnia // International Studies Quarterly. — 2004. — Vol. 48(1). — pp. 29–51.

¹⁷ The General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina. Annex 9: Agreement on Establishment of Bosnia and Herzegovina Public Corporations. URL: <https://www.ohr.int/dayton-peace-agreement/annex-9>.

¹⁸ The General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina. Annex 4: Constitution of Bosnia and Herzegovina. URL: <https://www.ohr.int/dayton-peace-agreement/annex-4>.

¹⁹ Tzifakis N. Bosnia's Slow Europeanisation // Perspectives on European Politics and Society. — 2012. — Vol. 13 (2). — pp. 131–148.

Prvi problem u vezi sa «nasljeđem Dejtona» je odsustvo radne sposobnosti zvaničnih institucija, koje je, između ostalog, prouzrokovano visokim stepenom autonomnosti administrativno teritorijalnih jedinica. Upravljanje zemljom se obavlja na tri nivoa, što je zahtijevalo stvaranje i finansiranje glomaznog birokratskog aparata. Strukture vlasti BiH, entiteta (FBiH, RS), deset kantona u sastavu FBiH bi mogli da donesu i često donose odluke, koje se teško mogu nazvati koordinisanim, uključujući sferu ekonomske politike. Administrativno teritorijalna podjela je otežana postojanjem 143 opština: 79 u FBiH, 64 u RS i distrikt Brčko²⁰. Prije rata ih je bilo 109, tj. broj nižih administrativnih jedinica je poslije potpisivanja Dejtonskog sporazuma porastao uprkos značajnom smanjenju broja stanovništva zemlje²¹. Dodatnu zabunu u sistem upravljanja unosi institut Visokog predstavnika za Bosnu i Hercegovinu, koji je stvorila međunarodna zajednica 1995. Niz stručnjaka navodi da ima paralelnih funkcija i nema koordinacije između četiri «polunezavisna» sudska sistema (BiH, FBiH, RS, Brčko), što čini borbu protiv korupcije neefikasnom²². Zanimljivo je da je većina ispitanika našeg sociološkog istraživanja na pitanje «Da li zajednički državni politički sistem funkcioniše efikasno» odgovorila odrično.

Slika br. 1. Raspodjela odgovora na pitanje «Zajednički državni politički sistem radi efikasno»

Etno-teritorijalna podjela vlasti je ostavila za zajedničke državne institucije relativno malo manevarskog prostora za izradu i realizaciju ekonomske politike. Organi vlasti BiH sprovode jedinstvenu monetarnu i carinsku politiku, kao što i naplaćuju indirektno poreze (udio PDV-a, na primjer, dostiže 40% u strukturi poreskih prihoda). Privredna ovlaštenja entiteta i kantona u sastavu FBiH su značajno šira. Pored toga, RS i FBiH upravljaju velikim brojem monopola: od energetske do saobraćajnih. Dakle, Dejtonski sporazum je stvorio uslove za nastanak i jačanje etničkih partija. Njihovi predstavnici su počeli da rukovode preraspodjelom privrednih dobara, čiji veliki dio se formirao unutar granica administrativnih jedinica na osnovu principa nacionalne pripadnosti.

²⁰ Za potrebe prostornog planiranja i prikupljanja statističkih informacija su 64 opštine RS ujedinjene u šest nodalno-funkcionalnih regija, koje nisu administrativne jedinice («Prostorni plan RS do 2025. godine» iz 2015.)

²¹ Štaviše, u mješovitim kantonima i opštinama FBiH bi mogle da nastanu paralelne strukture vlasti (na primjer, redarstveni organi) (Tanaka S. The political economy of power-sharing: patronage politics and ethnic party dominance in post-Dayton Bosnia // Democratization. — 2025. — Vol. 32 (6). — pp. 1450-1473).

²² Belloni R., Strazzari F. Corruption in Post-Conflict Bosnia-Herzegovina and Kosovo: A Deal among Friends // Third World Quarterly. — 2014. — Vol. 35 (5). — pp. 855-871. Donais T. The Political Economy of Peacebuilding in Post-Dayton Bosnia. London and New York: Routledge, 2005. Tanaka S. The political economy of power-sharing: patronage politics and ethnic party dominance in post-Dayton Bosnia // Democratization. — 2025. — Vol. 32 (6). — pp. 1450-1473.

Jedan od činilaca nastanka etničkih ekonomija je bila raspodjela imovine na osnovu etničke pripadnosti, tj. «etnička privatizacija». Kao što je navedeno gore, značajan dio materijalnih fondova je bio izgubljen ili pogođen tokom sukoba, što je izuzetno negativno uticalo na oporavak privredne djelatnosti u republici. Neka preduzeća su obnovila operacije, ali su bila primorana da ih obustave jer se suočila sa odsustvom unutrašnje i spoljne potražnje za svojim proizvodima. Nestabilnost u proizvodnom sektoru se odražavala na razvoju budžetske i poreske sfere i spoljnotrgovinskom bilansu kao i pogoršavala je situaciju na tržištu rada. Prirodni monopoli, koji su autonomno funkcionisali u RS i FBiH, radili su sa promjenjivim uspjehom i tražili redovna sredstva za nadoknadu gubitaka što je povećavalo finansijsko opterećenje. Jedini značajni izvor kapitala, neophodnog za ekonomski oporavak, bili su finansijski tokovi međunarodne pomoći. Novčane doznake iz dijaspeore takođe su igrale važnu ulogu.

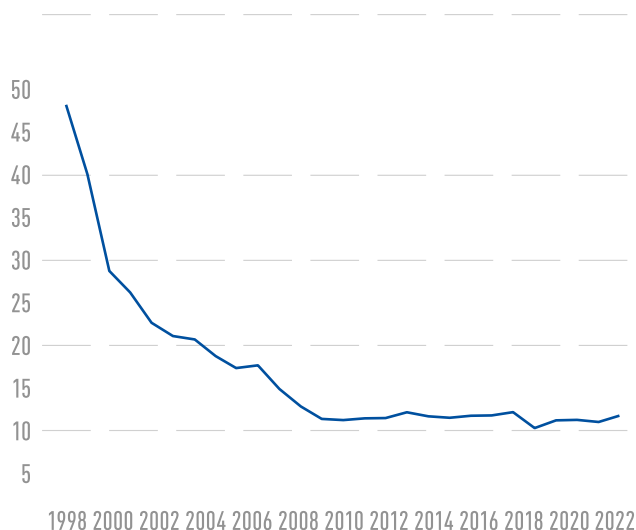
Privatizacija je, prema popularnom mišljenju u to doba, imala za cilj da poveća konkurentnost preduzeća. Pored toga, jedan od ključnih zadataka privatizacije u BiH je bilo povlačenje aktive iz sive ekonomije. Riješen je samo djelimično: legalna, «siva» i ilegalna («crna») ekonomija su se uzajamno poklapale, jer su privredni subjekti često poslovali u okviru sve tri vrste odnosa²³. Proces privatizacije koji je pokrenut u drugoj polovini 1990-ih odvijao se sporo. Udio privatnog sektora je u privrednoj strukturi zemlje desetljeće nakon njegovog pokretanja iznosio oko 50 posto. Mnogi javni tenderi koji su organizovani za strateška preduzeća su propali.²⁴ Model masovne privatizacije, izabran za većinu malih javnih kompanija (približno četvrtina ukupne imovine), takođe nije dao željene rezultate: poslije prijenosa vlasništva na stanovništvo putem sertifikata (FBiH) i vaučera (RS) je restrukturiranje preduzeća otežano nedostatkom kapitala i iskustva.

Važno je spomenuti da agencije za privatizaciju nisu osnovane samo na entitetskom nivou, već i u svakom od deset kantona FBiH. Jedinostveni pravni akt u okviru BiH ipak nije donesen. Entitetske i kantonalne vlasti su nastojale da prodaju državne kompanije pripadnicima svoje nacionalnosti, zbog čega je struktura upravljanja i zaposlenosti u njima imala etnički karakter²⁵. Satoši Tanaka naziva način, na koji etničke partije zadržavaju kontrolu nad imovinom

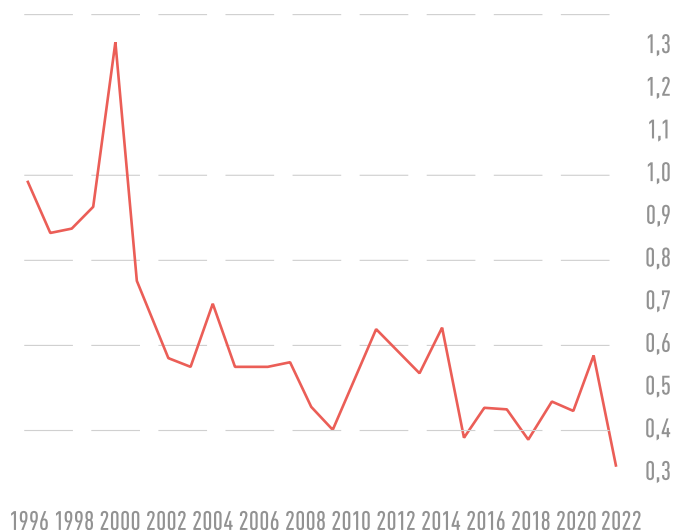
²³ Mikrokreditni programi Svjetske banke usmjereni na podršku malom biznisu su bili izloženi kritici jer bi učešće u njima moglo biti profitabilno samo u slučaju poslovanja preduzeća u operacijama na «crnom» tržištu (Pugh M. *Postwar Political Economy in Bosnia and Herzegovina: The Spoils of Peace // Global Governance*. — 2002. — Vol. 8. — pp. 467-482).

²⁴ U 2000. godini su međunarodne organizacije formirale spisak od 140 strateških javnih kompanija (87 iz FBiH i 53 iz RS), koje bi trebalo da se privatizuju (Santrucek S. *Failed Privatisation is to Blame for Bosnians' Exodus // BalkanInsight*. — May 16, 2019).

²⁵ Omanovic S. *Accepting Responsibility: Moving Beyond Political and Economic Dependence in Post Conflict Bosnia and Herzegovina*. Washington, D.C.: CIPE, 9 February 2005. Salimović E. *Privatisation in Bosnia and Herzegovina // SEER — South-East Europe Review for Labour and Social Affairs*. — 1999. — Vol. 3. — pp. 163-179. Vučetić S. *Peacebuilding and political corruption: the Bosnia case // South-East Europe Review*. — 2002. — Vol. 3. — pp. 65-80.

Slika br. 2 Udio ličnih novčanih doznaka migranata u BDP-u BiH. Izvor: Svjetska banka.

Slika br. 3 Neto zvanična razvojna pomoć (u milijardama američkih dolara). Izvor: Svjetska banka.

poslije privatizacije, «raspodjelom akcija među partijskim aktivistima»²⁶. Često se dešavalo da je upravljački tim kompanija ostajao isti prije i poslije privatizacije (tzv. odbori u sjenci, shadow boards). Namjerno razorivši javna preduzeća, «odbori u sjenci» su dobijali tokom privatizacije imovinu po sniženim cijenama.

Teritorijalna i organizaciona struktura javnog sektora BiH dokazuje postojanje etničkih ekonomija. Dominantan položaj po obimu imovine i stopi zaposlenosti zauzimaju državne kompanije pod entitetskom kontrolom — RS i FBiH. Centralni državni organi, a kamoli kantoni i opštine upravljaju manje značajnim preduzećima²⁷. Skoro polovina prihoda i više od trećine zaposlenosti u državnim kompanijama BiH dolazi iz elektroprivrede i javnih komunalnih preduzeća (Elektroprivreda BiH u Sarajevu, Elektroprivreda HZHB u Mostaru, Elektroprivreda RS u Trebinju). Pored toga, velika preduzeća funkcionišu u saobraćaju (Željeznice FBiH u Sarajevu, Željeznice RS u Doboju, Ceste Federacije BiH u Sarajevu, Autoputevi RS u Banjoj Luci), telekomunikacijama (BH Telecom u Sarajevu), kao i u šumarstvu RS (Šume RS), rudarstvu uglja (RMU Banovići, RU Kreka) i namjenskoj industriji FBiH (Igman, Pretis, BNT — TMiH). Teritorije, na koje se prostiru ovlašćenja većine navedenih državnih monopola, definisane su etničkim granicama. Djeluju kao elementi, koji formiraju strukturu etničkih ekonomija BiH, u velikoj mjeri određujući (polu) autonomni način funkcionisanja ključnih grana.

²⁶ Tanaka S. The political economy of power-sharing: patronage politics and ethnic party dominance in post-Dayton Bosnia // Democratization. — 2025. — Vol. 32 (6). — pp. 1450-1473.

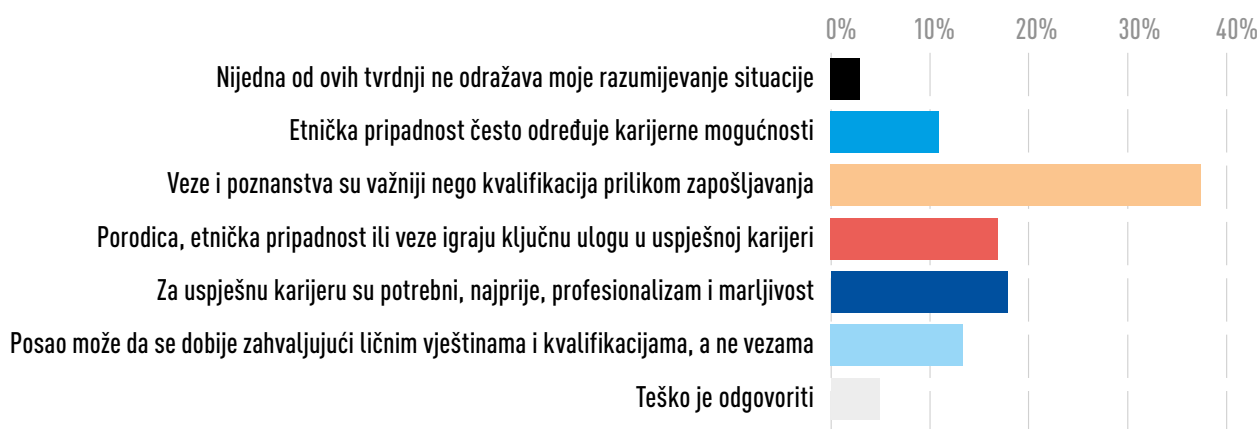
²⁷ Centralni organi vlasti i vlade RS i FBiH su krajem 2010-ih godina posjedovali kompanije, koje su obezbjeđivale 85% prihoda i koncentrisale isti udio aktive javnog sektora.

U drugoj polovini 2010-ih je svaki deseti zaposleni u ekonomiji zemlje bio zaposlen u državnim preduzećima. BiH je bila jedina država u regiji gdje je zaposlenost u javnom sektoru i dalje stabilno rasla (80 hiljada ljudi u 550 preduzeća)²⁸. Istovremeno je efikasnost njihove djelatnosti u ovom periodu bila izuzetno niska: prema proračunima MMF-a, prosječan prinos na sopstveni kapital (ROE) u javnim kompanijama karakterisali su stalni negativni brojevi²⁹. Javna preduzeća su sakupila ogromne dugove, dok problemi sa likvidnošću primoravaju vlasti na različitim nivoima da im pružaju finansijsku podršku, bilo otvoreno ili tajno³⁰.

«Život u entitetima zavisi od toga, što izabereš. Ako izabereš radit u državnoj firmi, budi se spreman učlaniti u stranku.»

(Žena, 22 godina, Hrvatica)

Slika br. 4 Distribucija odgovora na pitanje "koje izjave najtačnije odražavaju vaša razmišljanja o traženju posla i karijeri u BiH?"

Prema mišljenju samih građana BiH, etnička pripadnost, veze i poznanstva i dalje igraju značajnu ulogu prilikom zapošljavanja.

²⁸ Osobina tržišta rada su i veće zarade zaposlenih u državnim kompanijama. Prema podacima MMF-a, u 2017. godini su zaradili za 40% više nego zaposleni u privatnom sektoru, mada je rentabilnost i produktivnost rada u državnim preduzećima bila niža (Cegar B., Parodi F. J. State-Owned Enterprises in Bosnia and Herzegovina: Assessing Performance and Oversight. IMF Working Papers WP/19/201. IMF European Department, 2019).

²⁹ Ibid.

³⁰ U manjoj mjeri se navedeni problemi odnose na javne kompanije u namjenskoj industriji, telekomunikacijama i energetici.

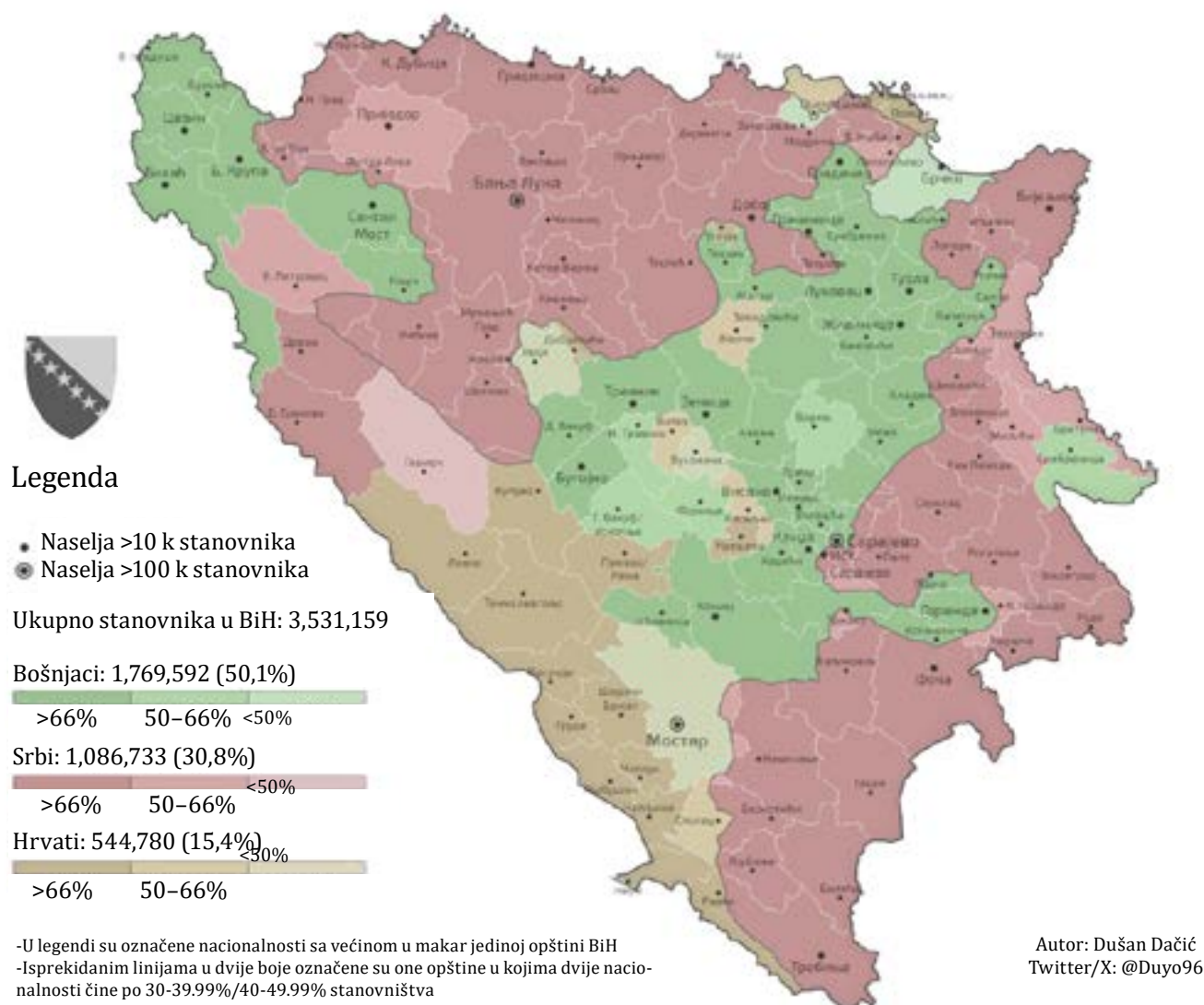
Osobine fragmentacije ekonomskog prostora savremene BiH

Postdejtonski principi podjele vlasti, kao što je navedeno u prethodnom dijelu, značajno komplikuju formiranje jedinstvenog društvenog i ekonomskog sistema u BiH. Industrijska, odbrambena, radna, kulturna, penzijska, obrazovna i naučna i tehnička politika je ostala prerogativa organa vlasti na terenu. Razlike u institucionalnim i pravnim sistemima neposredno utiču na ekonomsku djelatnost unutar i van države. Postojanje više institucionalnih nivoa se odražava na efikasnosti implementacije zakona: zakonodavne norme, koje važe u određenom kantonu, mogu biti u suprotnosti sa pravnim aktima u susjednom kantonu, Federaciji ili cijeloj državi. Pravila za registraciju kompanija i oporezivanje njihovih prihoda, licenciranje i akreditaciju, računovodstvo i reviziju, zapošljavanje, izdavanje građevinskih dozvola — sve to i mnogo drugo ima svoje specifičnosti u RS i FBiH. Institucionalni okviri za privlačenje stranih ulaganja i pružanje stranim kompanijama preferencijalnih režima isto se razlikuju. Ovlašćenja za regulisanje pojedinih privrednih grana su razgraničena među administrativnim jedinicama različitih nivoa.

Iako se postojanje etničkih, odnosno kvazietničkih ekonomija, koje su nastale tokom borbenih dejstava i evolucionirali u uslovima tranzicije ka tržišnoj privredi, može osporiti, same odredbe mirovnog sporazuma su obuslovile binarnost ekonomskog sistema — sa centrima upravljanja u Sarajevu i Banjoj Luci.

Uz određeni stepen uslovnosti, privredni sistem RS može da se smatra kao kvazietnička ekonomija: prema popisu iz 2013, udio Srba u strukturi stanovništva dostiže 83%, dok Bošnjaka — 12,7, a Hrvata — 2,3%. U isto vrijeme, više od polovine Bošnjaka živi samo u 4 opštine od 64 (Prijedor, Zvornik, Doboj i Bijeljina), što svjedoči o veoma visokom nivou koncentracije. Sa svoje strane, u FBiH oko 70,4 posto stanovništva čine Bošnjaci, 22,4 — Hrvati i 2,6 posto — Srbi. Hrvati su koncentrisani u Hercegovini i Posavini: u 4 kantona od 10 brojčano nadmašuju Bošnjake, dok više od polovine hrvatskoga stanovništva Federacije živi u 10 opština od 79 (Mostar, Livno, Tomislavgrad i dr.).

Nacionalna struktura Bosne i Hercegovine (BiH) prema
popisu stanovništva iz 2013. godine

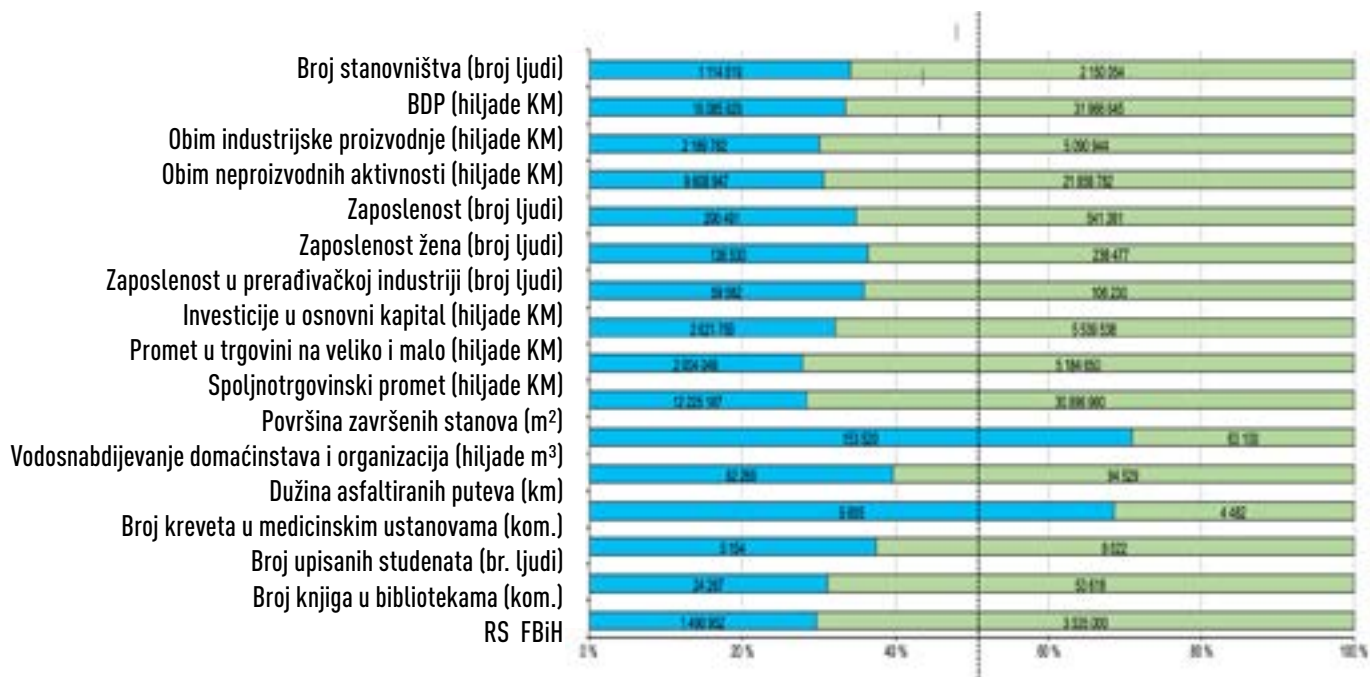
Slika br. 5. Etnička struktura BiH (popis stanovništva iz 2013.)

Doprinos RS i FBiH društvenom i ekonomskom razvoju zemlje se razlikuje, što je najprije obuslovljeno udjelom entiteta u ukupnom stanovništvu³¹. Odnos 2:1 u korist Federacije je bio nepromijenjen tokom cijelog 21. vijeka (vidi sl. 6). Istu proporciju bilježimo u odnosu na doprinos BDP-u 2023. godine (u 2000. godini je udio RS bio manji — 31 prema 34%). Podaci statističkih zavoda indirektno svjedoče o nižoj produktivnosti rada u RS u poređenju sa FBiH: udio Republike Srpske je u ukupnoj zaposlenosti (35-36%) i zaposlenosti u prerađivačkoj industriji obično veći (36-41%), nego njen udio u BDP-u, obimu industrijske proizvodnje i obimu neproizvodnih aktivnosti (oko 30% 2023. godine). Ipak, postoji tendencija ka izjednačavanju nivoa produktivnosti: npr. u industriji je raskorak između udjelom RS u zaposlenosti i obimu

³¹ Polazeći od rješenja datog istraživačkog zadatka, ne uzimamo u obzir podatke za distrikt Brčko.

proizvodnje početkom 2000-ih mogao da postiže 15 procentnih poena, dok je 2023. bio manji od 6 procentnih poena. Specifičnost nacionalnog tržišta rada je i *veće učešće* žena u radnim odnosima u RS, nego u FBiH (vidi sl. 6).

Ostaje neravnoteža u djelatnosti trgovinskih preduzeća: udio Republike Srpske u veleprodajnoj i maloprodajnoj trgovini i spoljnotrgovinskom prometu je 2023. godine činio samo 28%, dok je udio stanovništva — 34%. Slična situacija se vidi i u investicijama u osnovni kapital. Radi ilustracije rezultata politika, usmjerenih ka poboljšanju životnog standarda građana, izabrali smo niz indikatora, čije podatke su u 21. vijeku dosljedno objavljivali statistički zavodi oba entiteta. Ispostavilo se da se **dužina asfaltiranih autoputeva** brže povećava u RS nego u FBiH (58 i 67% novih puteva u BiH je u 2004. i 2023. godini izgrađeno u RS). Što se tiče **obezbjedivanja građana savremenim stanovima**, tu isto prednjači RS (53 i 71% novih stambenih prostora u stambenim zgradama u 2007. i 2023. godini). Na RS dolazi oko 40% obima **vodosnabdijevanja domaćinstava i organizacija** — opet je više nego udio ovog entiteta u broju stanovništva. Izabranom ključnom indikatoru (udio u broju stanovništva), uglavnom, odgovaraju indikatori **razvoja visokih škola i zdravstva**: početkom 2020-ih je oko 30% bosansko-hercegovačkih abiturijenata upisivalo

Slika 6. Neki indikatori društvenog i privrednog razvoja BiH početkom 2000-ih godina i 2023. godine: doprinos FBiH i RS
Napomena: isprekidane linije pokazuju proporcije između FBiH i RS za pojedinačne indikatore početkom 2000-ih.

Isprekidana sekanta je nacrtana zarad ilustracije odnosa između entiteta po broju stanovnika 2023. godine. Pošto nema podataka za 2000. godinu za oba entiteta, za određene indikatore koristila se statistika za 2001. godinu (zaposlenost žena, zaposlenost u prerađivačkoj industriji, spoljnotrgovinski promet, broj knjiga u javnim bibliotekama), 2003. (vodosnabdijevanje domaćinstava i organizacija), 2004. (investicije u osnovni kapital, dužina asfaltiranih puteva) i 2007. (završeni stanovi u stambenim zgradama).

Izvor: sastavili su autori na osnovu podataka Statističkog godišnjaka/ljetopisa Federacije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2024; Statističkog godišnjaka/ljetopisa Federacije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2006; Statističkog godišnjaka Republike Srpske. Banja Luka, 2024; Statističkog godišnjaka Republike Srpske. Banja Luka, 2009.

	FBiH	RS		FBiH	RS
Rudarenje mrkog uglja (hiljade t)	4118	2105	Proizvodnja koksa od uglja (hiljade t)	769	0
Iskopavanje lignita (hiljade t)	1310	5259	motornog goriva i ulja (hiljade t)	0	16
Rudarenje gvožđa (hiljade t)	...	1239	aluminijum hidroksida (hiljade t)	0	551
Rudarenje boksita (hiljade t)	...	351	Proizvodnja cementa (hiljade t)	1336	...
Proizvodnja lijekova (t)	2372	2041	betona (hiljade t)	...	1024
Proizvodnja mesa (hiljade t)	34	40	Proizvodnja valjanog čelika (hiljade t)	582	0
mlijeka (hiljade t)	109	33	glinice (hiljade t)	0	138
brašna (hiljade t)	134	59	valjanog aluminijuma (hiljade t)	64	0
voćnih sokova (hl)	479	29	metalnih konstrukcija (hiljade t)	124	54
piva (hl)	298	339	Proizvodnja računara (hiljade kom.)	...	8
krmnih smjesa (hiljade t)	32	243	električnih žica i konektora (hiljade kom.)	58	...
Proizvodnja rezane građe od mekog drveta (hiljade m ³)	191	333	Proizvodnja papira, kartona i proizvoda od njih (hiljade kom.)	127	60
rezane građe od tvrdog drveta (hiljade m ³)	...	249	Proizvodnja odjeće (miliona kom.)	23	6
vrata i prozora (hiljade kom.)	61	47	kožne obuće (hiljade parova)	2390	1307
parketa (hiljade m ³)	6	385	obuće od drugih materijala (hiljade parova)	448	16395
namještaja (hiljade kom.)	3394	1103	Proizvodnja električne energije u termoelektranama (hiljade MWh)	4142	5313
			električne energije u hidroelektranama (hiljade MWh)	3559	3148

Tabela 1. Proizvodnja nekih vrsta industrijskih proizvoda u FBiH i RS u 2023. godini.

Izvor: sastavili su autori na osnovu podataka Statističkog godišnjaka/ljetopisa Federacije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2024; Statističkog godišnjaka Republike Srpske. Banja Luka, 2024.

visokoškolske ustanove u RS, dok se broj kreveta u medicinskim ustanovama ovog entiteta stabilizovao na 37% od ukupnog broja u zemlji.

Kada se bavimo problemom teritorijalne i funkcionalne industrijske organizacije, gdje je zaposlena otprilike četvrtina radnika u ekonomiji zemlje (23% u FBiH, 25% u RS), očekivano vidimo visoki stepen unutarindustrijske specijalizacije. U tabeli 1 je prikazan obim proizvodnje nekih vrsta industrijskih proizvoda u oba entiteta, čija analiza dovodi do zaključka kako mnoge grane, formirane u 20. vijeku, još uvijek igraju sistemski važnu ulogu u industrijskom razvoju zemlje. U nekim sferama između FBiH i RS ostaje paritet (npr. proizvodnja električne energije, rudarstvo uglja ili farmaceutska proizvodnja) ali se većinom evolucija industrije kreće ka unutarindustrijskoj specijalizaciji. Ponekad to može biti obuslovljeno objektivnim fizičko-geografskim činiocima (nalazišta gvozdene i aluminijumske rude na području RS), ali je u većini slučajeva takva situacija povezana sa «putanjom zavisnosti», odnosno je posljedica rješenja, koja su donosile vlasti Austrougarske na prelomu 19. i 20. vijeka i socijalističke Jugoslavije sredinom 20. vijeka. Na primjer, na takvu vrstu unutarindustrijske specijalizacije dolazi proizvodnja valjanog čelika i aluminijuma, koksa, namještaja, oružja te određenih elektronskih proizvoda u FBiH, rezane građe, glinice i aluminijum hidroksida u RS. Konačno, u prehrambenoj i lakoj industriji, koje karakteriše najniži stepen strukturne inercionosti, specijalizacija FBiH i RS

u proizvodnji određenih vrsta robe je počela da se oblikuje krajem 20. i početkom 21. vijeka (npr. mlijeka, voćnih sokova, brašna i živinskog mesa u FBiH, krmnih smjesa u RS; različitih vrsta obuće po ugovoru o proizvodnji za strane brendove).

Da li specijalizacija ostavlja mjesto za razvoj kooperacionih veza između preduzeća FBiH i RS? Kako se formiraju lanci vrijednosti, koje uključuju privredne subjekte iz oba entiteta? Koji činioci ekonomske prirode utiču na povećanje društveno-ekonomske koherentnosti, slabeći barijerske funkcije etničkih granica? Razmotrićemo ova pitanja u sljedećem dijelu.

Činioci koji utiču na društveno-ekonomsku povezanost FBiH i RS

Najvažniju integracionu ulogu igra **jedinstvena monetarna politika i funkcionisanje Centralne banke BiH, koju su osnovali međunarodni akteri.** U periodu sukoba na razdvajanje etničkih ekonomija je uticalo stvaranje Narodne banke Bosne i Hercegovine, Narodne banke Republike Srpske i hrvatskog Zavoda za platni promet. U opticaju su bile različite lokalne valute kao i novčanice susjednih država, a posebno njemačka marka. Centralna banka BiH je počela sa radom u avgustu 1997. u Sarajevu kao rezultat sprovođenja odredbi Aneksa 4 Dejtonskog sporazuma³². Prvi guverner Centralne banke (1997–2004) je radio na osnovu mandata MMF-a. Treba napomenuti da se tekst Zakona o Centralnoj banci BiH malo razlikuje od prvobitne verzije koju je predložio MMF kako bi u većoj mjeri poštovao interese etničkih grupa³³.

Centralna banka BiH ima ekskluzivno pravo da izdaje nacionalnu valutu (konvertibilnu marku) koju distribuiraju njenje podružnice. Dizajn novčanica (osim 200 KM) se razlikuje u RS i FBiH mada je njihov izgled trebao da postane «vizuelni simbol ujedinjene zemlje»³⁴.

³² Glavne jedinice Centralne banke rade u Sarajevu, Banjoj Luci i Mostaru.

³³ Kontrola Centralne banke nad monetarnim sistemom je na prelazu između 1990-ih i 2000-ih godina bila oslabljena zbog postojanja tri «etnička» zavoda za platni promet, koji su vršili bezgotovinsko plaćanje u zemlji. Tokom borbenih dejstava je Zavod za platni promet RS bio «sastavni dio jugoslovenskog platnog sistema» (Coats W. L. The Central Bank of Bosnia and Herzegovina. In: Blejer M. I., Skreb M. Central Banking, Monetary Policies, and the Implications for Transition Economies. New York: Springer, 1999. Coats W. L. One Currency for Bosnia: Creating the Central Bank of Bosnia and Herzegovina. Ottawa: Jameson Books, Inc., 2007).

³⁴ Coats W. L. The Central Bank of Bosnia and Herzegovina. In: Blejer M. I., Skreb M. Central Banking, Monetary Policies, and the Implications for Transition Economies. New York: Springer, 1999.

Osnovna osobina monetarne politike zemlje je korišćenje režima valutnog odbora: nacionalna valuta se mijenja za stranu («sidro») po fiksnom kursu utvrđenom posebnim zakonskim aktom. Pret-

postavljalo se da bi valutni odbor trebalo da djeluje prvih šest godina nakon osnivanja Centralne banke (do kraja 2004.) ali se faktički ovaj režim koristi već skoro tri decenije³⁵. Osnovni zadatak Centralne banke BiH u uslovima valutnog odbora je održavanje fiksnog valutnog kursa, što indirektno doprinosi stabilnosti cijena i niskim kamatnim stopama u privredi.

Sa druge strane, poslujući u skladu sa strogim regulatornim normama, Centralna banka BiH nema nikakva diskreciona ovlašćenja. U uslovima valutnog odbora je lišena mogućnosti da izdaje neobezbjedene konvertibilne marke, nema pravo da sprovodi aktivnu politiku na međunarodnom finansijskom tržištu, ne može da pruži kreditna sredstva izvršnoj vlasti, komercijalnim bankama ili preduzećima³⁶, kao i da finansira budžetski deficit.³⁷

Centralna banka BiH je lišena ovlašćenja da utiče na devizni kurs (npr. valutnim intervencijama) zarad stimulisanja izvoza i poboljšanja platnog bilansa u cjelini. Odsustvo mehanizma devalvacije čini ekonomiju BiH osjetljivom na spoljne šokove. Niz ekonomista upozorava da se zemlja našla u «zamci valutnog odbora», jer se o promjeni režima monetarne politike ozbiljno ne raspravlja³⁸.

Institut valutnog odbora su zapadne zemlje prvobitno koristile u svojim kolonijama, na primjer Britanija u Britanskoj Zapadnoj i Istočnoj Africi, na Mauricijusu, u Britanskoj Malaji (Tjesnačka naselja).

Na kraju krajeva, privremeni mehanizam valutnog odbora lišava Bosnu i Hercegovinu jednog od ključnih atributa suvereniteta — nezavisne monetarne politike.

³⁵ Valutni odbor skoro nije uobičajen: prema istraživanju MMF-a, takav režim monetarne politike je 2022. godine koristilo samo 12 zemalja i teritorija. Tu spadaju, između ostalih, male ostrvske države, koje su članice Organizacije istočnokaripskih država, Hongkong specijalna administrativna oblast i Džibuti (vezane za američki dolar) (Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions 2022. Washington, D.C.: IMF, 2023). Od januara 2026. se očekuje pristupanje Bugarske evrozoni, Bosna i Hercegovina bi ostala jedina zemlja u Evropi koja koristi valutni odbor.

³⁶ U okviru režima valutnog odbora Centralna banka ne može da obavlja važnu funkciju zajmodavca u posljednjoj instanci, odnosno da obezbjeđuje likvidnost bankarskog sistema tokom kriza. U teoriji je pružanje kredita vladi i komercijalnim bankama moguće pod uslovom da postoje devizne rezerve, koje nadmaše obim neophodne pokrivenosti monetarne baze (Silajdzic S. The Currency Board Trap: The Case of Bosnia and Herzegovina // International Journal of Applied Econometrics and Quantitative Studies. — 2005. — Vol. 2 (2). — pp. 47-79).

³⁷ S tim u vezi, država je prinuđena da podržava fiskalnu disciplinu: da kontroliše budžetske troškove i povećava naplatu poreza.

³⁸ Ibid. Vidi također: Mastilo Z., Božović N., Mastilo D. Central Bank in the Function of Development of National Economy of Bosnia and Herzegovina // International Letters of Social and Humanistic Sciences. — 2021. — Vol. 90. — pp. 26-36. Gedeon S. J. The Political Economy of Currency Boards: Case of Bosnia and Herzegovina // South East European Journal of Economics and Business. — 2010. — Vol. 5 (2). — pp. 7-20.

Principi regulisanja poslovanja banaka takođe su rezultat postdejtonske podjele vlasti. Centralna banka BiH nema ovlašćenja regulatora i nadzornog organa finansijskih tržišta. Umjesto Centralne banke kontrolu nad poslovanjem komercijalnih banaka, mikrokreditnih, lizing i drugih finansijskih organizacija vrše nezavisna Agencija za bankarstvo RS (od 1998.) i Agencija za bankarstvo FBiH (od 1996.), čiji rad CB BiH može da koordiniše u slučaju neophodnosti. Tokom reforme bankarskog sektora 2017, koja se srpovodila u okviru harmonizacije zakonodavstva BiH i EU, ovlašćenja agencija su bila značajno proširena (mogućnost intervencija radi uklanjanja prekršaja, restrukturiranje kreditnih ustanova, kontrola nad primjenom posebnih zahtjeva za sistemski važne banke itd.)³⁹.

Dakle, najvažnija funkcija konvencionalne CB se u BiH sprovodi na entitetskom nivou.

Problem prudencijalnog nadzora dobije dodatnu važnost jer je osobina finansijskog sistema BiH ključna uloga banaka u obezbjeđivanju stabilnosti — aktiva kreditnih i finansijskih institucija dostiže 90% ukupnog obima finansijske aktive. Rizici likvidnosti na domaćem tržištu, koje Centralna banka nema ovlašćenja da eliminiše, mogu da se smanje aktivnostima stranih banaka⁴⁰. Zaista, strane kreditne institucije se ističu u strukturi ukupne aktive komercijalnih banaka (do 85-90% u nekim godinama). Prema stanju za 2025. godinu, u FBiH posluje 14 banaka, dok u RS — 8⁴¹. U oba entiteta su registrovane samo tri banke — italijanska UniCredit Bank, austrijska Addiko bank i slovenačka NLB Banka. Značajno mjesto na tržištu FBiH isto zauzimaju Raiffeisen Bank i Sparkasse Bank (Austrija), ZiraatBank BH (Turska), Intesa Sanpaolo Banka (Italija), ProCredit Bank (Njemačka). Osobine organizacije bankarske sfere su obuslovljene i etnopolitičkim činiocima: italijanske Intesa Sanpaolo i UniCredit posluju na području Federacije preko svojih hrvatskih podružnica Privredna banka Zagreb i Zagrebačka banka, u RS funkcioniše srpska državna Banka Poštanska štedionica, dok je na pružanje usluga muslimanskim klijentima fokusiran pionir islamskog bankarstva u regiji — Bosna Bank International u vlasništvu investitora iz Saudijske Arabije i UAE.

Ovo potvrđuje da se bankarski sistem zemlje razvijao u okviru «etničke putanje», koju je formirao Dejton, a u širem smislu — u okviru glavnih geopolitičkih kontura savremene Bosne i Hercegovine.

³⁹ Zakon o Agenciji za bankarstvo Federacije Bosne i Hercegovine // Službene novine Federacije BiH, 75/17. — 2017. Atlagić N. Implementacija nadzora kao preduslov stabilnosti bankarskog sektora // Financing. — 2020. — Vol. 11 (1). — pp. 19–35. Drljača Z. Regulacija i kontrola bankarskog sistema Republike Srpske // Godišnjak Fakulteta pravnih nauka. — 2015. — Vol. 5. — pp. 262–274.

⁴⁰ Silajdzic S. The Currency Board Trap: The Case of Bosnia and Herzegovina // International Journal of Applied Econometrics and Quantitative Studies. — 2005. — Vol. 2 (2). — pp. 47–79.

⁴¹ Banke u BiH. Centralna banka Bosne i Hercegovine. URL: <https://www.cbbh.ba/Content/Read/7?lang=bs>

Ekonomskoj fragmentaciji zemlje doprinosi i postojeći **poreski i budžetski sistem**. U Aneksu 4 Dejtonskog sporazuma je navedeno da bi FBiH i RS trebalo da od vlastitih prihoda formiraju državni budžet Bosne i Hercegovine (u odnosu 2:1). Istovremeno, poput državnih oba entiteta imaju vlastite budžete kao i njihove administrativne jedinice⁴²

Četvorostepeni budžetski sistem se odlikuje niskom efikasnošću i transparentnošću i doprinosi jačanju društveno-privredne fragmentacije.

U isto vrijeme je fiskalni suverenitet entiteta ograničen Zakonom o sistemu indirektnog oporezivanja u BiH (2003), kada su ovlašćenja za naplatu PDV-a, akciza i carina prenijeta na više organe vlasti. Godine 2005. je osnovana Uprava za indirektno oporezivanje sa sjedištem u Banjoj Luci⁴³, a 2008. — Fiskalni savjet (organizacija za koordinaciju poreske i budžetske politike na državnom nivou)⁴⁴. Prihodi od indirektnih poreza (najprije PDV-a; takođe akciza, carina, putarina) igraju ključnu ulogu u formiranju budžeta BiH, kao i konsolidovanih budžeta entiteta⁴⁵. Čine oko 45% prihoda javnog budžeta, dok direktni — samo 5-10% (udio doprinosa fondovima socijalnog osiguranja dostiže 35%). U RS, na primjer, udio indirektnih poreza u strukturi budžeta za 2025. godinu čini 44%, dok porez na dobit — 10%, porez na dohodak građanin — 7%, a neporeski prihodi — 7%. Ovo čini budžetsku politiku zavisnom od nivoa potrošačke aktivnosti i svjedoči o nemogućnosti povećanja naplate direktnih poreza — poreza na dobit i dohodak građana (nasljeđe «sive ekonomije»)⁴⁶.

Treba navesti da su indirektni porezi primjer regresivnog poreskog sistema — poreski teret u ovom slučaju snose ljudi sa najnižim prihodima.

Važnu ulogu u unapređenju društveno-ekonomske povezanosti FBiH i RS igra **jedinstvena saobraćajna i energetska infrastruktura**. Sistem upravljanja infrastrukturnim objektima i organizacije saobraćajnih usluga uključuje nekoliko nivoa.

Sfera željezničkog transporta već dugo ne zauzima vodeće pozicije u pružanju teretnog i putničkog prevoza⁴⁷ pa se karakteriše relativno niskom organizacionom

⁴² Budžet FBiH u 2025. godini je samo za trećinu veći od budžeta RS (8,25 naspram 6,07 milijardi KM).

⁴³ Praktičnu djelatnost obavljaju četiri regionalna centra — u Sarajevu, Banjoj Luci, Mostaru i Tuzli.

⁴⁴ Pravo glasa u Fiskalnom savjetu ima šest članova: predsjedavajući Savjeta ministara BiH, ministar finansija i trezora BiH, premijeri i ministri finansija RS i FBiH.

⁴⁵ Uvođenje PDV-a umjesto poreza na promet 2006. je isto jedna od najvažnijih reformi u fiskalnoj sferi BiH jer je ograničila mogućnosti utaje poreza i doprinijela izvlačenju ekonomske djelatnosti «iz sjenke» (Galic M., et al. Fiscal Policy and Economic Growth: The Case Of The Federation of Bosnia and Herzegovina // Uprava. – 2022. – Vol. 13 (2). – pp. 39-55).

⁴⁶ Strukturu budžetskih rashoda karakteriše socijalni fokus: više od trećine javnog budžeta ide na socijalna davanja, četvrtina su plate državnih službenika. U RS 2025. penzije čine skoro 38% rashoda (poređenja radi, u Njemačkoj i Austriji — oko 25 posto), dok plate u javnom sektoru — 23 posto.

⁴⁷ Aktivna izgradnja željezničke mreže je počela još krajem 19. vijeka. Prva željeznička linija na teritoriji sadašnje BiH Banja Luka - Dobrljin izgrađena je od strane Turaka još 1872.

Slika 7. Mapa željezničke mreže BiH i Hrvatske

Izvor: Railway map of Croatia and Bosnia and Herzegovina (by Maximilian Dörrbecker). https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Railway_map_of_Croatia_and_Bosnia_and_Herzegovina.png

efikasnošću, investicijskim deficitom i tehnološkom zaostalošću⁴⁸. Institucionalne prioritete njenog razvoja određuje Ministarstvo komunikacija i prometa BiH, mada je lišeno kontrole nad željezničkim monopolima dva entiteta — Željeznice FBiH (Sarajevo) i Željeznice RS (Doboj). Kompanije upravljaju svojim dijelovima željezničke mreže (608 i 417 km) i obavljaju prevoz putnika i tereta (vidi sl. 7).

Putna infrastruktura zemlje funkcioniše na sličan način: nacionalno Ministarstvo sarađuje sa stranim investitorima i razrađuje strateške dokumente, Federalno ministarstvo prometa i komunikacija i Ministarstvo saobraćaja i veza RS upravljaju protokom dokumenata na entitetskom nivou, dok funkcije projektovanja, održavanja, izgradnje, rekonstrukcije i popravke regionalnih i glavnih autoputeva su povjerene Cestama Federacije BiH (Sarajevo, od 2002.) i Autoputevima RS (Banja Luka, od 2006.). Zarad formiranja mreže savremenih

⁴⁸ Prema proračunima stručnjaka Svjetskog ekonomskog foruma, BiH, zajedno s Albanijom i Sjevernom Makedonijom, zauzima posljednja mjesta na listi evropskih zemalja rangiranih po efikasnosti željezničkih usluga.

Slika 8. Mapa autoputeva BiH

Izvor: Map of motorways in Bosnia and Herzegovina.

https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Karta_autoputeva_-_Bosna_i_Hercegovina.png

Slika 9. Ruta autotransportne dionice koridora Vc na području BiH

Izvor: Motorway A1 in Bosnia and Herzegovina. [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Autoput_A1_\(BiH\).svg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Autoput_A1_(BiH).svg)

autoputeva je rukovodstvo Federacije osnovalo kompaniju Autoceste FBiH (Mostar, od 2011.). Niz bosanskohercegovačkih autoputeva ukupne dužine preko 1 100 km je uključen u Evropsku mrežu međunarodnih puteva.

Osnovni projekat koji igra izuzetnu ulogu u razvoju saobraćajnog sistema zemlje, je stvaranje multimodalnog (drumskog i željezničkog) koridora Vc, koji je uključen u listu Transevropskih transportnih koridora (kao perspektiva — dionica Transevropske transportne mreže TEN-T). Koridor Vc bi povezivao Budimpeštu i hrvatsku luku Ploče; četvorotračni autoput dužine od 325 km na teritoriji BiH proći će kroz Modriču, Doboj, Zenicu, Sarajevo i Mostar (vidi sl. 8 i 9). Ipak, dionica koridora u RS neće biti duga (47 km)⁴⁹.

Generalni izvođač izgradnje su Autoceste FBiH. Ukupna vrijednost radova se procjenjuje na 4,5 milijardi evra, pri čemu su EBRD i EIB 2007–24. pružile 2,5 milijardi evra kredita, dok Evropska unija — preko Investicionog okvira za Zapadni Balkan (WBIF) — 870 miliona evra grantova. RS, sa svoje strane, pregovara sa međunarodnim organizacijama, uključujući EBRD o dodjeli 170 miliona evra kredita radi obezbjeđenja djelatnosti Autoputeva RS⁵⁰. Saradnja sa stranim partnerima ne ide

⁴⁹ Dio željezničke pruge, koju RS planira da obnovi u 2026–28. godinama u okviru ovog projekta, koji finansira Investicioni okvir za Zapadni Balkan, takođe je značajno kraći nego osnovni dio pruge na teritoriji Federacije, zato je efekat modernizacije ograničen.

⁵⁰ Jedna od najsloženijih dionica je desetokilometarski tunel Prenj između Konjica i Mostara, čija će izgradnja koštati još najmanje 600 miliona evra (Corridor Vc in Bosnia and Herzegovina, the road of Europe).

uvijek po planu: tako se u julu 2025. saznalo da je OPEK-ov razvojni fond obustavio finansiranje građevinskih radova zbog neslaganja sa procjenom troškova⁵¹.

Kao što prikazuju gore navedene mape, logika izgradnje autoputeva u BiH odražava «entitetski» karakter: autoputevi međusobno povezuju naselja unutar BiH (Sarajevo-Zenica, Doboj (RS) - Banja Luka). Zanimljivo je da izgradnja autoputa, koji bi trebalo da poveže Banju Luku i Sarajevo, zasad nije planirana. U ovom slučaju suština stvari nije samo u složenosti izgradnje dionice kroz Vlašić — put od Sarajeva do Zenice isto ide kroz planine — nego u odsustvu političke volje.

Energetski sistem se odlikuje podjednako složenim sistemom organizacije, mada, što je bitno u kontekstu istraživanja privredne povezanosti, infrastruktura, koja obezbjeđuje energetska bezbjednost, ostaje jedinstvena. Operator visokonaponskih dalekovoda NOS BiH obavlja razmjenu struje između FBiH i RS kao i sa susjednim zemljama. Kompanija, čiju djelatnost reguliše specijalna javna komisija, nalazi se u vlasništvu oba entiteta, a u organima upravljanja su zaposleni pripadnici sve tri etničke grupe. Proizvodnju, distribuciju i snabdijevanje električnom strujom krajnjih potrošača u zemlji i inostranstvu obavljaju Elektroprivreda BiH (Sarajevo), Elektroprivreda HZ HB (Mostar) i Elektroprivreda RS (Trebinje)⁵². U nacionalnoj strukturi proizvodnje električne energije dominiraju termoelektrane na ugalj (58%) i hidroelektrane, uključujući male (39%), u Federaciji su takođe izgrađene male vjetroelektrane. Oslanjanje na vlastitu energetska bazu obezbjeđuje jedne od najnižih cijena struje u Evropi⁵³. Instalirani kapacitet elektrana (4045 MW) se ne distribuira među tri navedene kompanije ravnomjerno: 44% i 33% odlazi na Elektroprivredu BiH i Elektroprivredu RS.

Raspodjela područja pokrivanja između Elektroprivrede BiH (Sarajevo) i Elektroprivrede HZ HB (Mostar) prati konture teritorijalne kontrole u vrijeme sklapanja Vašingtonskog sporazuma.

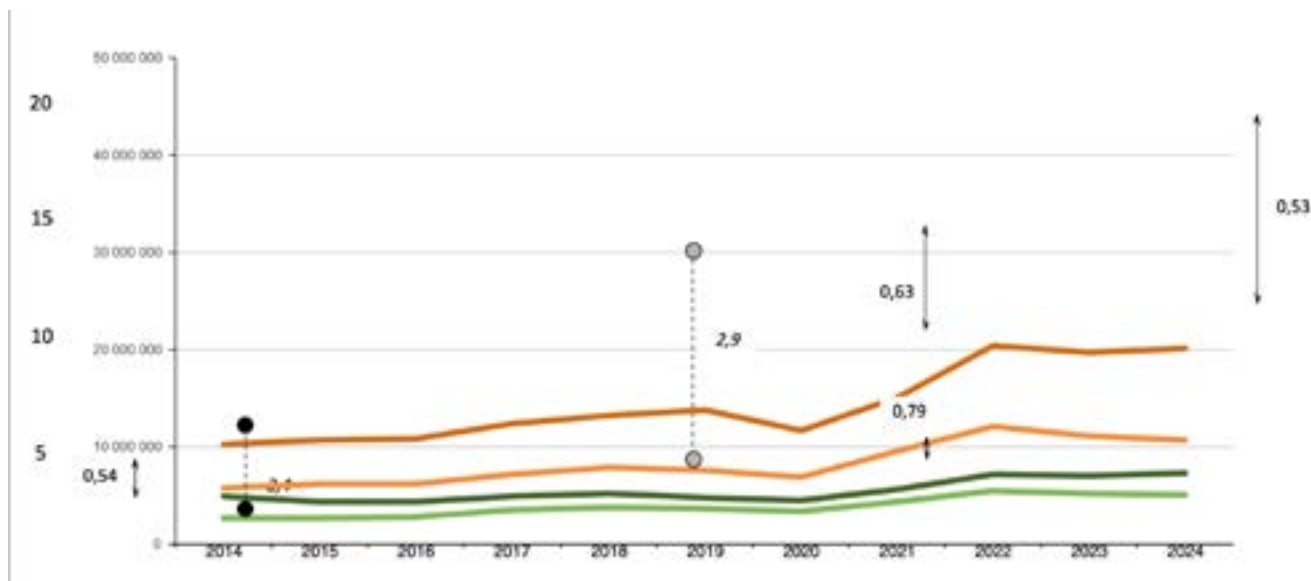
URL: <https://wbif.eu/corridor-vc-bosnia-and-herzegovina-road-europe>. Corridor Vc Motorway in Bosnia and Herzegovina. URL: <https://www.wbif.eu/project-detail/PRJ-BIH-TRA-002>.

⁵¹ OFID prekida finansiranje: Šta to znači za izgradnju autoputa u Federaciji BiH. Al Jazeera Balkans, 08.07.2025. URL: <https://balkans.aljazeera.net/video/2025/7/8/ofid-prekida-finansiranje-sta-to-znaci-za-izgradnju-autoputa-u-federaciji-bih>.

⁵² Aktiva Elektroprivrede RS je u vlasništvu RS, dok po 90% dioničkog kapitala Elektroprivrede BiH i Elektroprivrede HZ HB posjeduje vlada Federacije. Sarajevska kompanija je 2009. spojena sa sedam preduzeća za iskopavanje uglja u koncern EPBiH.

⁵³ Cijene za građane u drugoj polovini 2024. (u standardima kupovne moći na 100 kWh) bile su dvaput niže nego u Njemačkoj, Italiji, Poljskoj, Češkoj i Rumuniji i za trećinu nego u Hrvatskoj i Bugarskoj (Electricity prices for household consumers – bi-annual data (from 2007 onwards). Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/product/page/NRG_PC_204).

Jedinstvena spoljnotrgovinska i carinska politika je važan činilac društveno-ekonomske integracije. Aneksom 4 Dejtonskog sporazuma je utvrđena nadležnost institucija BiH za sprovođenje spoljne, spoljnotrgovinske i carinske politike (Čl. 3)⁵⁴ Ujedno, u Zakonu o spoljnotrgovinskoj politici BiH (1998) je navedeno da za nju treba da odgovoraju «organi BiH u saradnji sa nadležnim organima entiteta»⁵⁵.

Slika 10. Dinamika izvoza i uvoza FBiH i RS u 2014-24 god. (u milijardama KM)

Izvor: Mihail Lobanov, izvještaj «Postdejtonska ekonomija Bosne i Hercegovine: zajedno ili odvojeno?», *Balkanski dijalog* — 2025, Trebinje, 2-5. jun 2025; sastavljeno je po podacima Federalnog zavoda za statistiku Federacije Bosne i Hercegovine (<https://fzs.ba>) i Republičkog zavoda za statistiku Republike Srpske (<https://www.rzs.rs.ba>).

Kao rezultat, odgovarajuće funkcije imaju organi FBiH i RS, iako vodeću ulogu igra Ministarstvo spoljne trgovine i ekonomskih odnosa BiH, koje je odgovorno i za trgovinsku diplomatiju (priprema i sklapanje međunarodnih sporazuma i sl.)⁵⁶ Funkcije u sferi komercijalne diplomatije su predate organizacijama koje se bave promovisanjem izvoza i privlačenjem investicija⁵⁷.

Potencijal spoljne trgovine Federacije je značajno viši od Republike Srpske, što je rezultat gore navedenih razlika u obimu privrede i veće spoljnotrgovinske orijentacije

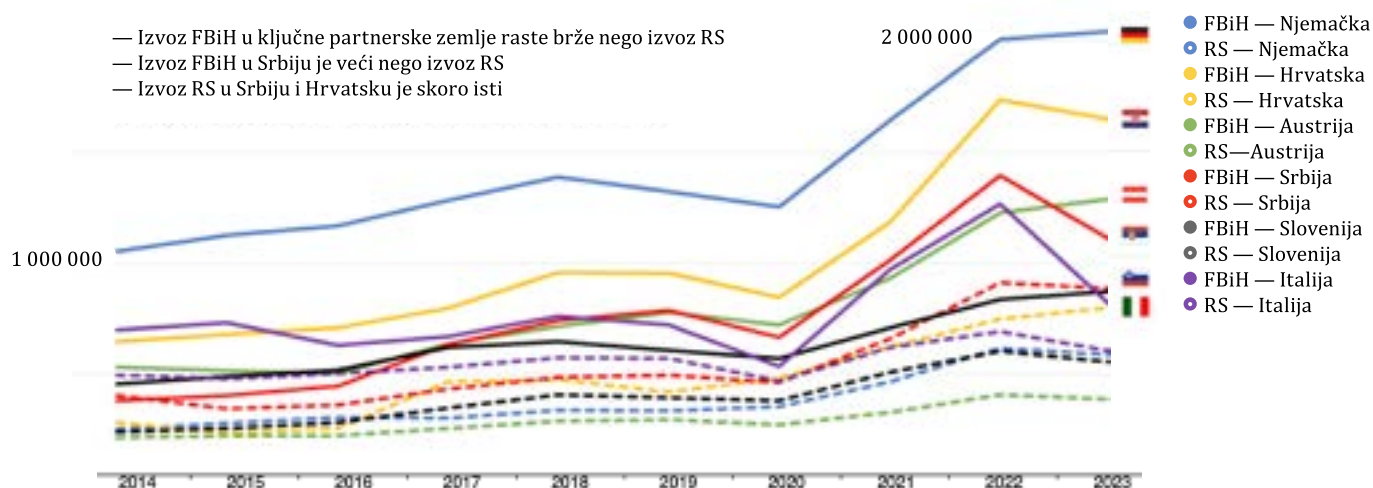
⁵⁴ The General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina. Annex 4. Constitution of Bosnia and Herzegovina. URL: <https://www.ohr.int/dayton-peace-agreement/annex-4>.

⁵⁵ Law of Foreign Trade Policy. "Official Gazette" of Bosnia and Herzegovina, 7/98. https://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Bosnia-Herzegovina/BA_Law_on_Foreign_Trade_Policy.pdf.

⁵⁶ U RS funkcioniše Ministarstvo za evropske integracije i međunarodnu saradnju koje se, sudeći po zvaničnom spisku njegovih zadataka, bavi više ekonomskom diplomatijom nego rješavanjem praktičnih pitanja spoljne trgovine i investicijske saradnje. Sa svoje strane je Ministarstvo trgovine i turizma u većoj mjeri orijentisano na regulisanje domaćeg tržišta. Obrnuto, u FBiH institucionalni okviri doprinose sprovođenju spoljnotrgovinske politike: u strukturi Federalnog ministarstva trgovine postoji Sektor za vanjsku trgovinu.

⁵⁷ Vanjskotrgovinska/spoljnotrgovinska komora BiH (VTK/STK BiH) i Privredna komora RS i Privredna/Gospodarska komora FBiH.

kompanija FBiH. U prvoj polovini 2020-ih se BDP entiteta razlikovao za 2 puta, dok spoljnotrgovinskog prometa — za 2,5 puta. Posebno je velika diferencijacija u uvozu — skoro za 3 puta (vidi sl. 10). Veća zavisnost privrede FBiH od uvoza se negativno odražava na spoljnotrgovinskom bilansu: stopa pokrivenosti uvoza izvozom je 2021–24. godine pala sa 0,63 na 0,53. U RS je situacija malo bolja: stopa pokrivenosti je varirala između 0,7 i 0,8⁵⁸.

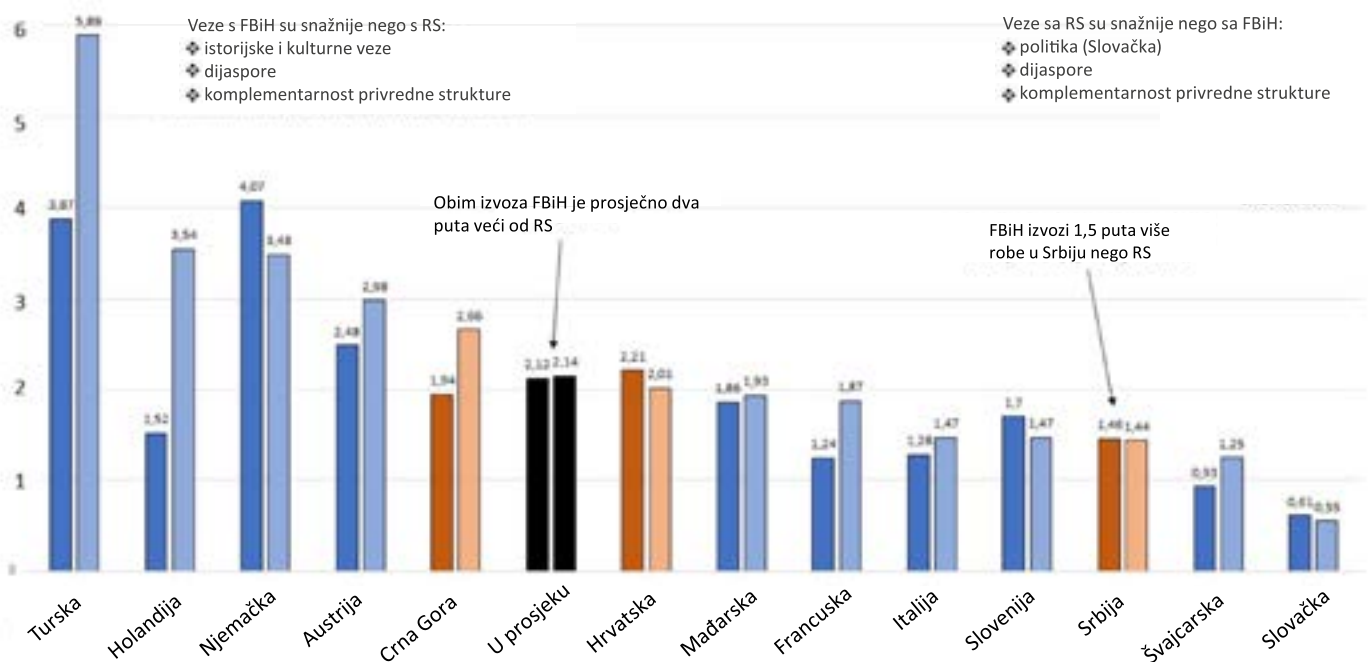

Slika 11. Dinamika izvoza FBiH i RS u ključne partnerske zemlje u 2014–23. (u milijardama KM)

Izvor: Mihail Lobanov, izvještaj «Postdejtonska ekonomija Bosne i Hercegovine: zajedno ili odvojeno?», *Balkanski dijalog* — 2025, Trebinje, 2–5. jun 2025; sastavljeno je po podacima Federalnog zavoda za statistiku Federacije Bosne i Hercegovine (<https://fzs.ba>); Republičkog zavoda za statistiku Republike Srpske (<https://www.rzs.rs.ba>); Statističkog godišnjaka/ljetopisa Federacije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2024; Statističkog godišnjaka/ljetopisa Federacije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2022; Statističkog godišnjaka Republike Srpske. Banja Luka, 2024.

Teritorijalna struktura robnog prometa FBiH i RS je formirana pod uticajem različitih činilaca. Ukupno se može reći da postoje [objektivni] preduslovi orijentacije svakog od entiteta na različite partnerske zemlje u spoljnotrgovinskoj i investicijskoj sferi (kulturni i istorijski, geografski, etnokonfesionalni, politički itd.). Što se spoljne trgovine tiče, posebno izvoza, možemo svrstati ključne zemlje uvoznice iz FBiH i RS u uslovne grupe, koristeći kriterijum dominantnog faktora za održivu blisku saradnju. U jednom slučaju je «efekat susjedstva» presudan (Srbija, Hrvatska, Slovenija, Crna Gora, Mađarska), u drugome — «putanja zavisnosti» (Austrija, Turska), u trećem — «ekonomija obima» (Njemačka, Italija, Francuska).

⁵⁸ Po odnosu izvoza i uvoza, BiH se tradicionalno nalazi među posljednim u Evropi.

Slika 12. Odnos izvoza FBiH i RS u ključne partnerske zemlje u 2016-19. i 2020-23. (u prosjeku)

Napomena: prvi stubić — 2016-19, drugi — 2020-23; susjedne zemlje BiH su označene smeđom bojom.

Izvor: Mihail Lobanov, izvještaj «Postdejtonska ekonomija Bosne i Hercegovine: zajedno ili odvojeno?», *Balkanski dijalog* — 2025, Trebinje, 2-5. jun 2025; sastavljeno je po podacima Federalnog zavoda za statistiku Federacije Bosne i Hercegovine (<https://fzs.ba>); Republičkog zavoda za statistiku Republike Srpske (<https://www.rzs.rs.ba>); Statističkog godišnjaka/ljetopisa Federacije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2024; Statističkog godišnjaka/ljetopisa Federacije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2022; Statističkog godišnjaka Republike Srpske. Banja Luka, 2024.

Analiza teritorijalne strukture izvoza omogućuje nam da pronađemo specifičnosti spoljnotrgovinske orijentacije oba entiteta. Izvoz Federacije u ključne partnerske zemlje je 2020-ih rastao, prema pravilu, brže od Republike Srpske (vidi sl. 10). Osnovni obim izvoza FBiH tradicionalno ide u Njemačku, Hrvatsku, Austriju i Srbiju, dok RS — u Srbiju, Hrvatsku i Italiju. Ekonomsko-geografski činioci su važniji od političkih: tako je izvoz Federacije u Srbiju skoro 1,5 puta veći od Republike Srpske, dok Hrvatska i Srbija zauzimaju skoro isto mjesto u strukturi izvoza RS (vidi sl. 10–12).

Upoređujući izvoz FBiH i RS u ključne partnerske zemlje sa ciljnim indikatorom (odnos ukupnog izvoza dva entiteta), može se zaključiti sljedeće: (vidi sl. 11–12). Preduzeća Federacije su u većoj mjeri nego kompanije Republike Srpske orijentisana na izvoz proizvoda u Tursku, Njemačku, Austriju, a od 2020-ih — u Holandiju i susjednu Crnu Goru. Prisustvo prve tri zemlje na listi može se objasniti ekonomsko-geografskim (komplementarnost ekonomskih struktura, komplementarnost robne razmjene) kao i etnokulturnim (vjersko jedinstvo, uticaj dijaspore itd.) činiocima. Zbližavanje FBiH i Crne Gore je veoma značajno, s obzirom na to da, za razliku od RS, nemaju zajedničku granicu. Sa druge strane, Republika Srpska ima bliže veze sa Slovačkom, Švajcarskom, Srbijom i, u manjoj mjeri, sa Slovenijom i Italijom (vidi sl. 11–12). Može se pretpostaviti da su osnovni razlozi za to etnokulturni (dijaspore) i politički.

Minimalna plaća je 1000 maraka, no ljudi zarađuju više, s obzirom još na dijasporu u Njemačkoj, Austriji, Švicarskoj. Ljudi su počeli raditi tamo: radi netko isto 3-4 godine, netko 5. I tamo uštede mnogo novca, vrate se ovamo. I žive tu, i dalje žive tu. Odnosno, s tim novcem ljudi tu grade nekakav biznis, ulaganja, ne znam ni ja što. I žive baš fino. <...> Ljudi su se počeli vraćati ovdje. Govorim o mojem susjedstvu. Ili se vraćaju s ušteđevinom. Ovdje pokreću biznis. I taj novac, koji su tamo zaradili, sada ulažu ovdje (Žena, 22 godine, Hrvatica).

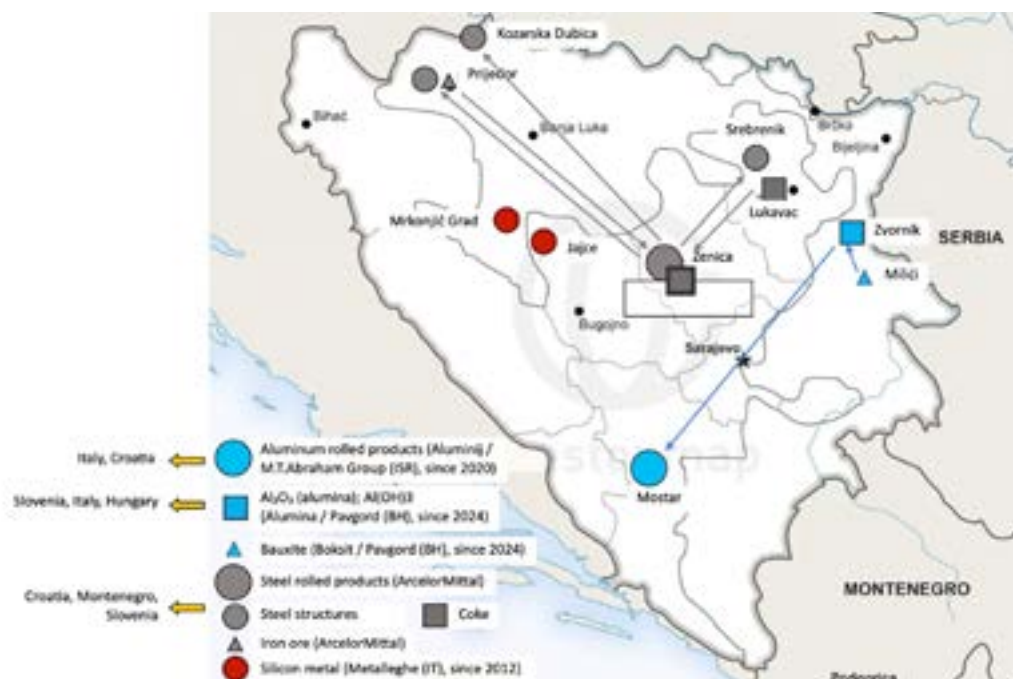
Osobine organizacije izvozno orijentisanih grana na najbolji način pomažu procijeniti integracioni potencijal kvazi-autonomnih privrednih sistema FBiH i RS. U ovom slučaju nas zanima pitanje, koje od njih doprinose društveno-ekonomskom zbližavanju dvaju entiteta kroz formiranje prekograničnih lanaca vrijednosti.

Primjeri grana sa visokim integracionim potencijalom su metalurgija i proizvodnja obuće (vidi sl. 13 i 14). Dakle, u aluminijumskoj industriji lanac snabdijevanja ujedinjuje rudnik boksita i najbližu fabriku glinice Alumina (Zvornik), koji se nalaze u Republici Srpskoj i u vlasništvu su iste kompanije, sa jednim potrošačem aluminijum oksida u zemlji — kombinatom Aluminij (Mostar), koji je 2020. prešao pod kontrolu izraelske M.T.Abraham Group. Navedena preduzeća spadaju u niz ključnih izvoznika zemlje: glinica stiže u Sloveniju, Italiju i Mađarsku, dok valjani aluminijum u Italiju i Hrvatsku. Međuentitetske veze su u crnoj metalurgiji još komplikovanije. Velika željezara u Zenici (u vlasništvu korporacije ArcelorMittal registrovane u Luksemburgu) snabdijeva se koksom iz Lukavca (FBiH) i koncentratom rude gvožđa iz Prijedora (RS). Proizvodi ne samo se izvoze (u Hrvatsku, Crnu Goru, Sloveniju), već se i koriste kao poluproizvod od strane preduzeća za obradu metala u FBiH, kao i u RS.

Obućarska industrija je jedna od vodećih grana međunarodne specijalizacije BiH (npr. izvoz obuće i njenih komponenti se nalazi na drugom mjestu u ukupnom izvozu RS). Zato postojeće kooperacione veze između preduzeća igraju važnu ulogu u jačanju društveno-ekonomske povezanosti entiteta: firme su direktni konkurenti na ključnim spoljnim tržištima (u Italiji, Njemačkoj, Austriji, Hrvatskoj), ali su istovremeno povezane lancima vrijednosti. Lokalna preduzeća sarađuju sa stranim transnacionalnim korporacijama u okviru ugovorne proizvodnje (OEM i ODM), međusobno razmjenjujući sirovine i materijale.

Prodaja električne energije u inostranstvu zauzima prvo mjesto u strukturi robnog izvoza FBiH i RS. Elektroprivreda, koja je sistemotvorna grana ekonomije BiH, igra povezujuću ulogu (jedinствени operator visokonaponskih dalekovoda, državna regulatorna komisija), iako proizvode i prodaju energiju tri autonomne kompanije iz Sarajeva, Mostara i Trebinja. Dakle, FBiH i RS su konkurenti u snabdijevanju ključnih partnera — Hrvatske, Srbije, Crne Gore i Švajcarske

(dobija struju preko jedinstvene evropske mreže). Hrvatska istorijska oblast Slavonija se snabdijeva iz termoelektrana na uglj Tuzla, Ugljevik i Stanari.

Slika 13. Metalurgija i obrada metala u FBiH i RS⁵⁹

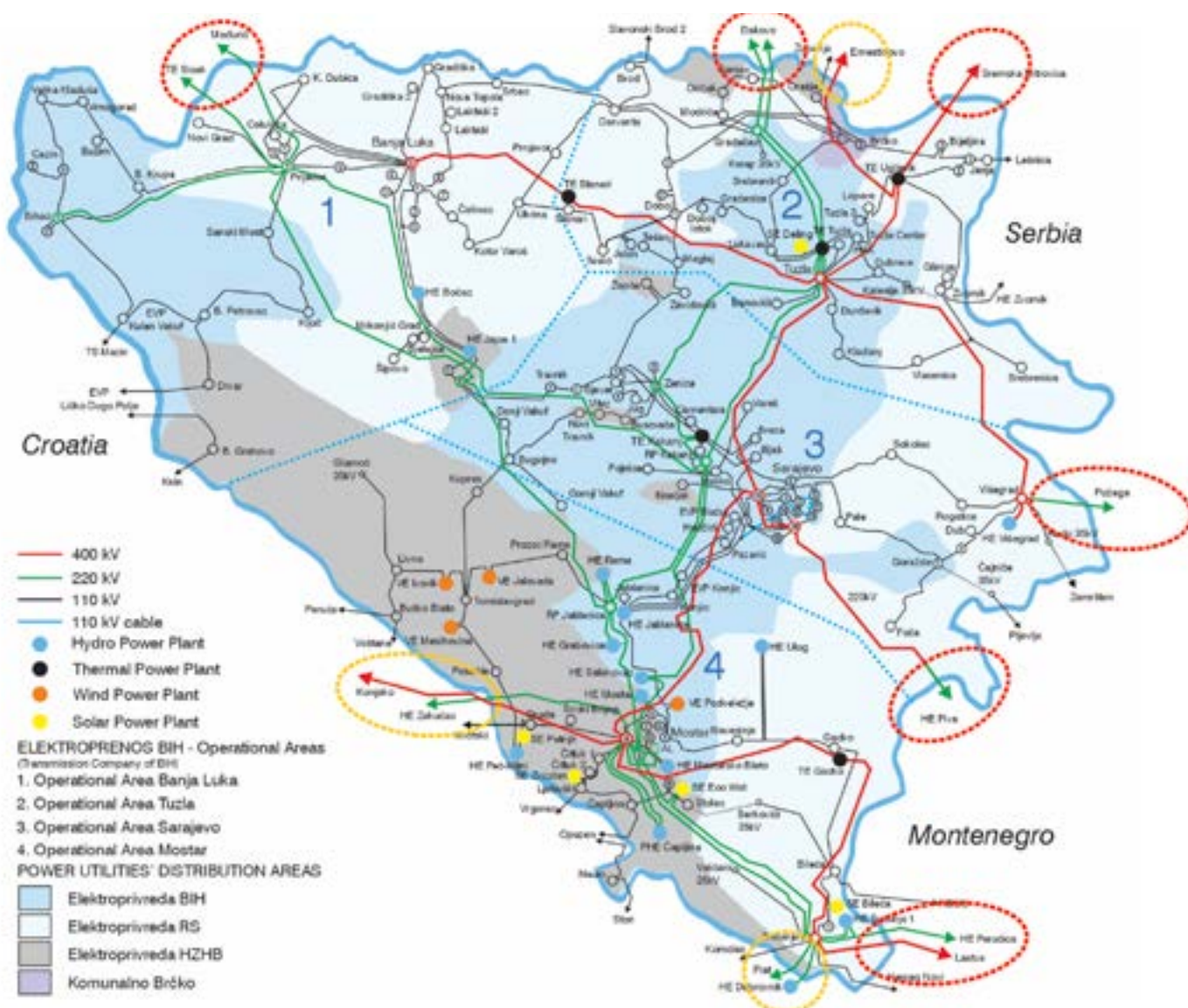
Izvor: Mihail Lobanov, izvještaj «Postdejtonska ekonomija Bosne i Hercegovine: zajedno ili odvojeno?», Balkanski dijalog — 2025, Trebinje, 2-5. jun 2025.

Slika 14. Obučarska industrija u FBiH i RS

Izvor: Mihail Lobanov, izvještaj «Postdejtonska ekonomija Bosne i Hercegovine: zajedno ili odvojeno?», Balkanski dijalog — 2025, Trebinje, 2-5. jun 2025.

⁵⁹ Pozadina za sastavljanje autorskih mapa (sl. 8, 9, 11 i 12) preuzeta je sa sajta <https://www.onestopmap.com>

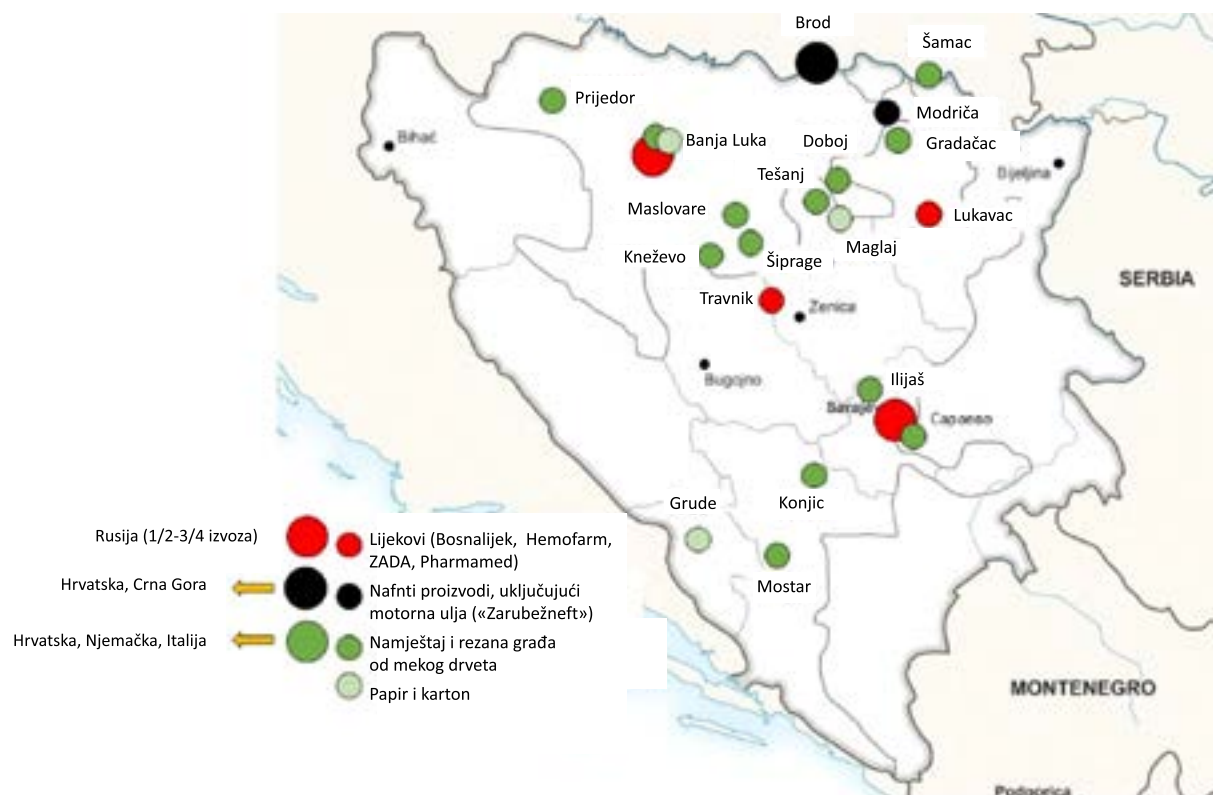
Slika 15. Elektroprivreda u FBiH i RS

Napomena: crvena isprekidana linija prikazuje prekogranične dalekovode napona od 220 i 400 kV na teritoriji RS, dok narandžasta — FBiH.

Izvor: autorska modifikacija mape sa sajta Državne regulatorne komisije za električnu energiju BiH (<https://www.der.k.ba>)

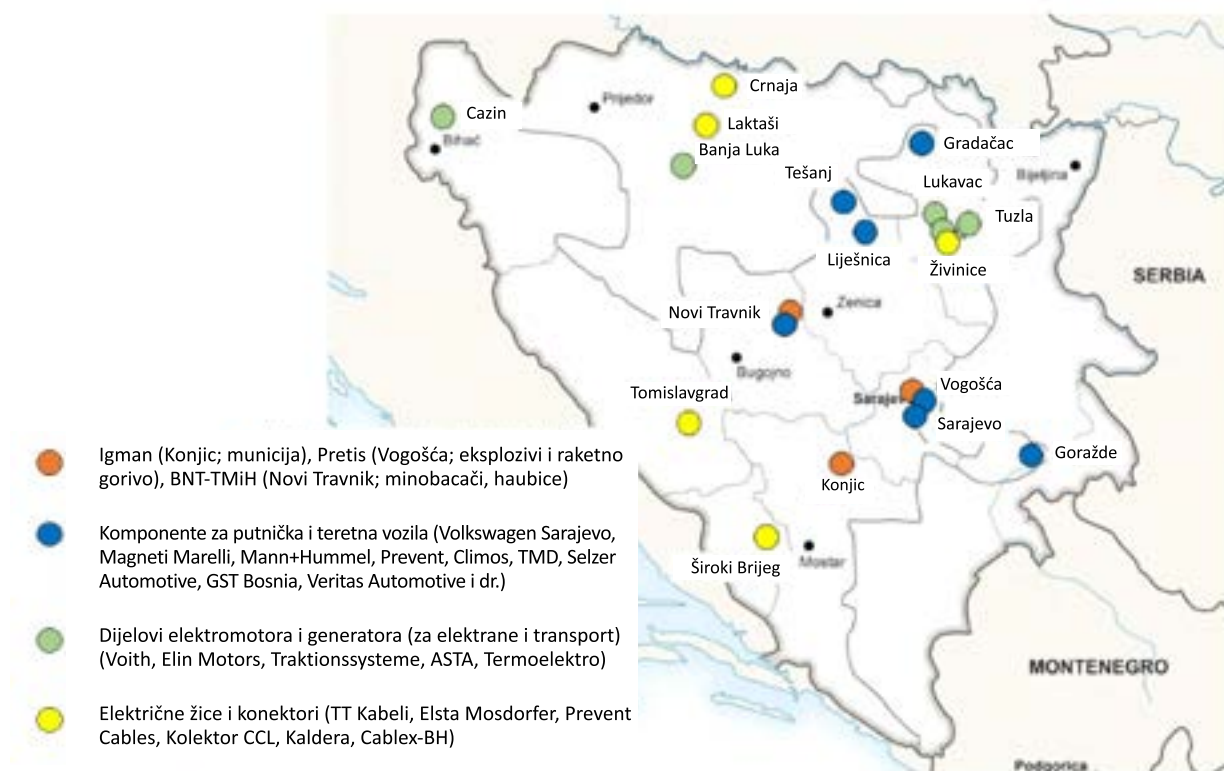
Crna Gora i hrvatska Dalmacija dobijaju struju iz kaskade hidroelektrana na Neretvi, crpne hidroelektrane Čapljina, hidroelektrane Trebinje i termoelektrane Gacko, Srbija — iz hidroelektrane Višegrad (vidi sl. 15).

Grane koje su orijentisane na spoljna tržišta, obrnuto, karakteriše nizak nivo horizontalne i vertikalne integracije. Na primjer, u farmaceutskoj industriji, čiji razvoj je uglavnom obuslovljen izvozom u Rusiju (na nju dolazi 50-75% izvoza lijekova), vidi se oštra konkurencija između nekoliko proizvođača iz RS i FBiH (vidi sl. 16). U preradi nafte monopolski položaj drži ruski «Zarubežneft», koji posjeduje rafinerije u Brodu i Modriči (obje u RS). Veze kompanije sa FBiH su ograničene: sirovine stižu preko naftovoda JANAF iz Hrvatske, dok se konačni proizvodi (koji se

Slika 16. Farmaceutska industrija, prerada nafte i šumarstvo u FBiH i RS

Izvor: Mihail Lobanov, izvještaj «Postdejtonska ekonomija Bosne i Hercegovine: zajedno ili odvojeno?», Balkanski dijalog — 2025, Trebinje, 2-5. jun 2025.

Slika 17. Mašinstvo u FBiH i RS

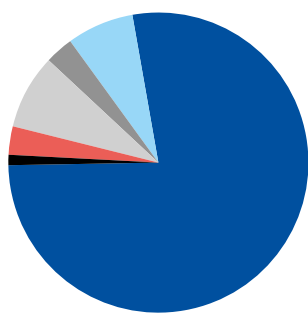
Izvor: Mihail Lobanov, izvještaj «Postdejtonska ekonomija Bosne i Hercegovine: zajedno ili odvojeno?», Balkanski dijalog — 2025, Trebinje, 2-5. jun 2025.

ne izvoze u Hrvatsku, Crnu Goru i druge zemlje) prodaju na benzinskim stanicama Nestro Petrol: više od 85% stanica su na teritoriji RS. U industriji celuloze i papira, namještaja i drvenoj industriji je konkurencija između preduzeća RS i FBiH za domaće i međunarodno tržište (hrvatsko, njemačko i italijansko) tradicionalno visoka. Blizina krajnjeg potrošača je dovela do pojave klastera preduzeća za sječu šume, proizvodnju rezane građe i namještaja u sjevernom dijelu RS (vidi sl. 17).

Globalni lanci vrijednosti su u mašinstvu, po pravilu, jedni od najsloženijih i najdužih. U BiH se nalaze većinom spojne karike u proizvodnji mašina i opreme (komponente za automobile, dijelovi elektromotora i generatora, žice i konektori) (vidi sl. 17). Fabrike mašina RS i FBiH imaju nizak nivo lokalizacije i visoku izvoznost proizvodnje, dok su kooperacione veze među njima ograničene. Neke važne podgrane postoje samo u FBiH: opstale su iz perioda socijalističke industrijalizacije ili su nastale privlačenjem stranih investicija (npr. proizvodnja naoružanja ili rezervnih auto dijelova). Dakle, fabrike mašina u BiH funkcionišu u obliku eksteritorijalnih izvoznih platformi i ne vrše značajan uticaj na društveno-ekonomsku povezanost Federacije i Republike Srpske.

Ključna osobina savremene privrede Bosne i Hercegovine je njena duboko ukorijenjena fragmentacija. Ovo više nije postkonfliktna ekonomija. Tokom proteklih

Da li ste spremni za učešće u profitabilnom komercijalnom projektu sa poslovnim partnerom koji pripada drugoj etničkoj grupi?

- Dosta se dvoumim, korist privlači, ali saradnja mi stvara nelagodu.
- Kategorički nisam spreman/spremna da učestvujem. (Odbio/Odbila bih, čak i uprkos koristi).
- Ne mogu se izjasniti / Ne znam.
- Prije nisam spreman/spremna da učestvujem. (Najvjerovatnije bih odbio/odbila, korist nije presudna).
- Prije sam spreman/spremna da učestvujem, ali s određenom unutrašnjom nelagodnom/ oprežnošću.
- U potpunosti sam spreman/spremna da učestvujem bez ikakvih sumnji. (Etnička pripadnost partnera/partnerke nije prepreka).

trideset godina su formirane nove unutrašnje i spoljne ekonomske veze, realizovani energetske i infrastrukturni projekti. Međutim, smjerovi privrednog razvoja kao i izgradnje infrastrukture odražavaju «etnički kolosijek», u kojem se BiH razvija posljednjih 30 godina. Ekonomska interakcija između entiteta se odvija u okviru logike industrijske kooperacije, koja je decenijama uspostavljena, a ne radi se o zajedničkoj proizvodnji, posebno u kontekstu konkurencije na tržištu obuće i lijekova. Ekonomske institucije zemlje takođe rade na učvršćivanju nastalog sistema čak i na simboličkom nivou, kao što je u slučaju novčanica Centralne banke BiH.

Zanimljivo je da je ogromna većina običnih građana BiH, upitanih da li su spremni da učestvuju u potencijalno profitabilnom poslovnim projektu zajedno sa pripadnikom druge etničke grupe, odgovorila potvrdno.

KANCELARIJA VISOKOG PREDSTAVNIKA: DEZINTEGRACIJA KROZ UNIFIKACIJU

U svijetu ima puno primjera spoljnog upravljanja teritorijama u postkonfliktnom periodu: Kambodža, Zapadna Nova Gvineja, Istočni Timor; na Balkanu su to Istočna Slavonija, Baranja i Zapadni Srem. Međutim, u svim tim zonama nadnacionalna tijela nisu bila uključena u sistem unutrašnjeg upravljanja teritorijom, već su prelazila njegove granice, dok je u Bosni i Hercegovini u posljednjih 30 godina stvorena jasna struktura međunarodnog prisustva, integrisana u državne institucije. U istoriji nema drugih primjera, kada međunarodno priznata članica UN de facto i de jure ima u strukturi sopstvene državne vlasti ključne elemente, na čije formiranje nijedan građanin te zemlje ne može da utiče.

Sam Dejtonski mirovni sporazum je prvobitno stvorio dva nivoa međunarodnog prisustva: (1) *direktno spoljni* koji se sastoji od dvije komponente: civilne Kancelarije Visokog predstavnika (OHR) i vojne, koju sada čine Snage Evropske unije (EUFOR); i (2) *unutrašnji* sa značajnim udjelom stranaca u svom sastavu. U posljednji spadaju ključne strukture poput Ustavnog suda Bosne i Hercegovine, Institucije ombudsmena, Centralne Banke, Centralne izborne komisije i dr. Naknadno im je dodat (3) *indirektni nivo*: NVO-ovi koji aktivno prate unutrašnju i spoljnu politiku BiH, promovišu «ispravne» narative o bliskoj istorijskoj prošlosti i doprinose formiranju određene percepcije, prije svega među mladima.

Ako su prva dva nivoa posljedica međunarodnog ugovora, treći je rezultat interakcije prva dva nivoa i zemalja Zapada koje ih kontrolišu.

U Bosni i Hercegovini je nastala situacija u kojoj paralelno postoje dva sistema upravljanja državom: neograničeni spoljašnji i unutrašnji, strogo kontrolisan spolja. Strukture međunarodnog prisustva same po sebi pojačavaju i reprodukuju jedna drugu u logici interesa zapadnih zemalja. OHR nije izuzetak. Iako je ova institucija zamišljena kao privremeni stabilizacioni faktor bosanskohercegovačkog političkog sistema, vremenom se pretvorila u alat spoljne kontrole nad procesima koji se odvijaju u zemlji.

Međutim, pitanje je u smjeru i modalitetu te kontrole. Zapadne države su imale priliku da zarad rješavanja sukoba iskoriste faktički neograničena ovlašćenja, koja su dobile Dejtonskim i Vašingtonskim sporazumom. Pristup koji je izabrao kolektivni

garant bosanskohercegovačkog suvereniteta doveo je do suprotnog rezultata, ukorijenivši sistemsku političku krizu i dublju društvenu podijeljenost u zemlji. Analiza odluka Kancelarije Visokog predstavnika u pravosudnoj i medijskoj sferi, kao i u strategijama rada sa istorijskim pamćenjem, pokazuje kako su instrumenti koji je stvorio UN faktički korišćeni za reviziju pa potom i za demontažu izvorne arhitekture Dejtonskog sporazuma i produbljivanje etnopolitičkog raskola u bosanskohercegovačkom društvu.

OHR i «modernizacija» Dejtona

U međunarodnim odnosima oko Bosne i Hercegovine je 2000-ih godina bio period relativnog «zatišja». Zapadnocentrične strukture u BiH su koristile postojeći konsenzus među osnovnim akterima u vezi sa budućnošću BiH: evroatlantske i, najprije evropske integracije bi trebalo da dovedu do postepene stabilizacije situacije i pomirenju. Upravo u tom periodu su se odigrale najznačajnije akcije prvog nivoa međunarodnog prisustva (OHR), koje su postavile temelje za dalje korišćenje državnog aparata BiH u geopolitičke interese Zapada. Njihova suština nije se ograničavala samo na stabilizaciju unutrašnje politike zemlje, već se svodila na transformaciju bosanskohercegovačkog političkog sistema u cilju da se uvedu institucionalni mehanizmi koji bi obezbijedili efikasnu realizaciju spolja nametnutih odluka.

U tom smislu, ključno pitanje je bilo sprovođenje ustavne reforme, čija je rasprava intenzivirana prilikom pristupanja zemlje Savjetu Evrope (u aprilu 2002.) i praćena je obavezama poštovanja zahtjeva iz člana 3 Statuta Savjeta Evrope, kao i nizom specijalnih uslova navedenih u Mišljenju PSSE br. 234 (2002)¹. Među tim obavezama je i potreba za jačanjem centralnog državnog aparata u odnosu na entitete i usklađivanje teksta Ustava sa djelimičnom odlukom Ustavnog suda u predmetu U-5/98 o «konstitutivnim narodima».

Po nalogu Parlamentarne skupštine Savjeta Evrope je u martu 2005. godine Venecijanska komisija objavila Mišljenje o ustavnoj situaciji u Bosni i Hercegovini i ovlaštenjima Visokog predstavnika². PSSE je zatražio od Komisije da izradi sveobuhvatnu ocjenu usklađenosti «bonskih ovlaštenja» Visokog predstavnika sa principima Savjeta Evrope, kao i usklađenosti Ustava BiH sa Evropskom konvencijom o ljudskim pravima i Evropskom poveljom o lokalnoj samoupravi. Pored toga, komisija je trebalo da da opštu ocjenu racionalnosti i efikasnosti ustavnog sistema.

¹ Mišljenje 234 (2002). O zahtjevu Bosne i Hercegovine za članstvo u Savjetu Evrope. URL: [https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2002\]/\[Jan2002\]/Zak_234.asp](https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2002]/[Jan2002]/Zak_234.asp)

² MIŠLJENJE O USTAVNOJ SITUACIJI U BOSNI I HERCEGOVINI I OVLAŠTENJIMA VISOKOG PREDSTAVNIKA URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2005\)004-bos](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2005)004-bos)

Zaključci su bili kritični: komisije je navela da «bonska ovlašćenja, neophodna u prvim poslijeratnim godinama, «ne odgovaraju demokratskim principima, kada se koriste bez zakonskog postupka i mogućnosti pravosudne kontrole». Venecijanska komisija je takođe obratila pažnju na slabost zajedničkih institucija koje su pokazale da «nisu u stanju da djelotvorno obezbijeduju poštovanje obaveza zemlje u odnosu na Savjet Evrope i međunarodnu zajednicu». Dodatno je kritici izloženo dupliciranje djelokruga rada Predsjedništva i Savjeta ministara, uloga Doma naroda u zakonodavnom procesu i odsustvo jasnih ograničenja u korišćenju mehanizma zaštite «vitalnih interesa konstitutivnog naroda» (veto).

Posebno je komisija naglasila da je Ustav «izrađen i usvojen bez učešća građana BiH i bez primjene procedura koje bi dale demokratski legitimitet». Na kraju se navodi: «Nezamislivo je da bi BiH mogla sa sadašnjim ustavnim aranžmanima ostvariti stvarni napredak». Drugim riječima, Venecijanska komisija je direktno povezala perspektivu ukidanja međunarodnog nadzora sa neophodnošću sprovođenja ustavne reforme usmjerene na jačanje domaćih institucija (tj. centralizaciju).

Godine 2005. su SAD zajedno sa 8 bosanskohercegovačkih stranaka dogovorile amandmane na Ustav zemlje, kojima bi se uvela pozicija predsjednika i dva potpredsjednika, transformisala ovlašćenja parlamenta i proširile odgovornosti Savjeta ministara³. Činjenica da je Parlamentarna skupština BiH odbila da usvoji te amandmane u aprilu 2006. godine pomogla je da se izbjegne najopsežnija revizija Dejtonskog sporazuma⁴. Sličan pokušaj je učinjen i 2009. godine kada su iste zemlje održale pregovore vodećih političkih stranaka u BiH u bazi Butmir⁵. Imali su za cilj takođe i centralizaciju BiH, proširenje djelokruga rada izvršne vlasti i smanjenje funkcija entiteta: među prijedlozima o kojim se raspravljalo bile su varijante teritorijalno-političke reorganizacije zemlje (tri ili četiri entiteta) i amandmani koji se tiču spoljnopolitičkih ovlašćenja kao što je interakcija sa međunarodnim organizacijama. Drugim riječima, predloženi amandmani bi trebalo da uklone entitetsku kontrolu nad procesom integracije BiH u EU i NATO. «Butmirski paket» je takođe predviđao uvođenje amandmana na Ustav BiH koji su ranije bili uvedene odlukama OHR, što bi dalo spolja nametnutim odlukama status ustavnih normi.

Većina zakonodavnih aktivnosti OHR se dogodila upravo 2000-ih godina (vidi u Prilogu). Od 895 razmotrenih odluka, donijetih od 1997. godine, njih 808 (90,28%) je usvojeno prije imenovanja Valentina Incka u martu 2009. godine. Tu se mogu primijetiti dva razdoblja. Prvo je od 1997. do 2002. godine, tj. prije Pedija

³ Denti D. The European Union and Member State Building in Bosnia and Herzegovina. PhD Thesis, University of Trento. P. 148-152.

⁴ Кандель, П. Е. Босния и Герцеговина, ЕС и НАТО // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 1(16). С. 80.

⁵ Пономарева, Е. Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 1(16). С. 72.

Ešdauna. Tada je doneseno 309 odluka (34,53% od ukupnog broja). Upravo tada je bila zaista potrebna intervencija u procese poput povratka izbjeglica, opšteg funkcionisanja državnog sistema, ekonomske politike itd. Čak su i otpuštanja dužnosnika uglavnom bila etnički uravnotežena. Život u BiH se stabilizovao.

Za vrijeme rukovodstva Pedija Ešdauna, Kristijana Švarc-Šilinga i Miroslava Lajčaka (2002-2009) objavljeno je 499 odluka (55,75%). Upravo tada je politika OHR počela da dobija sve više politizirani, antisrpski i promuslimanski karakter.

Kao direktnu reviziju Dejtona treba istaći ključne mjere poput, na primjer, stvaranja Suda BiH⁶ i Tužilaštva BiH⁷, reforme tajnih službi⁸, vojske⁹, stvaranja Uprave za indirektno oporezivanje¹⁰, pokušaja reformisanja policije i sistema radiotelevizije. Pretpostavljalo se da bi čitav kompleks reformi trebalo da bude osnova za potencijalne ustavne promjene predstavljene u «Aprilskom paketu» iz 2006. godine.

Faktičko odsustvo opozicije međunarodnom prisustvu u zemlji, koje je nastalo kao rezultat gušenja i srpskih, i hrvatskih nacionalnih pokreta, i relativni konsenzus među osnovnim međunarodnim akterima, uključujući i Rusiju, po pitanju sprovođenja politike u BiH omogućavali su OHR-u da redovno direktno interveniše u političke procese putem tzv. «bonskih ovlašćenja». To se može nazvati uvođenjem mehanizama «unutrašnje konture», odnosno pravnog i institucionalnog okvira koji je obezbijedio izgradnju «funkcionalne države», tačnije unitarne BiH. U tom smislu, indikativna je preraspodjela funkcija sa entiteta na državne organe i formisanje sudskih mehanizama sposobnih blokirati srpske i hrvatske političke inicijative.

Direktno miješanje OHR-a 2010-ih godina postepeno postaje manje intenzivno, što je povezano, prvo, sa nestankom konsenzusa unutar Upravnog odbora Savjeta za provođenje mira (tj. među garantima Dejtonskog sporazuma), a drugo, sa povećanim otporom lokalnih nacionalnih elita koje su koristile promjene u međunarodnoj situaciji. OHR je od 2009. godine do danas donio 87 odluka (9,72%). Tokom 12 godina mandata Valentina Incka (2009-2021), doneseno je 64 odluke (7,15%). Kristijan Šmit je već donio 23 odluke (2,57%) u posljednje četiri godine. Dakle, do 2010-ih godina su vanregionalni akteri završili proces formiranja «unutrašnje konture» upravljanja u BiH, koja nije uspjela da riješi problem permanentne političke krize u zemlji. Kurs ka evropskim integracijama nije stabilizovao međuetničke odnose i, po definiciji, nije

⁶ OHR. Decision imposing the Law on the State Court of BiH. 11.12.2000. URL: <https://www.ohr.int/decision-imposing-the-law-on-the-state-court-of-bih-3/>

⁷ OHR. Decision Enacting the Law on the Prosecutor's Office of Bosnia and Herzegovina. 06.08.2002. URL: <https://www.ohr.int/odluku-kojom-se-donosi-zakon-o-tuziteljstvu-bosne-i-hercegovine/>

⁸ Hadžović D., Dizdarević E. Intelligence Governance in Bosnia And Herzegovina. DCAF, 2011. P. 4.

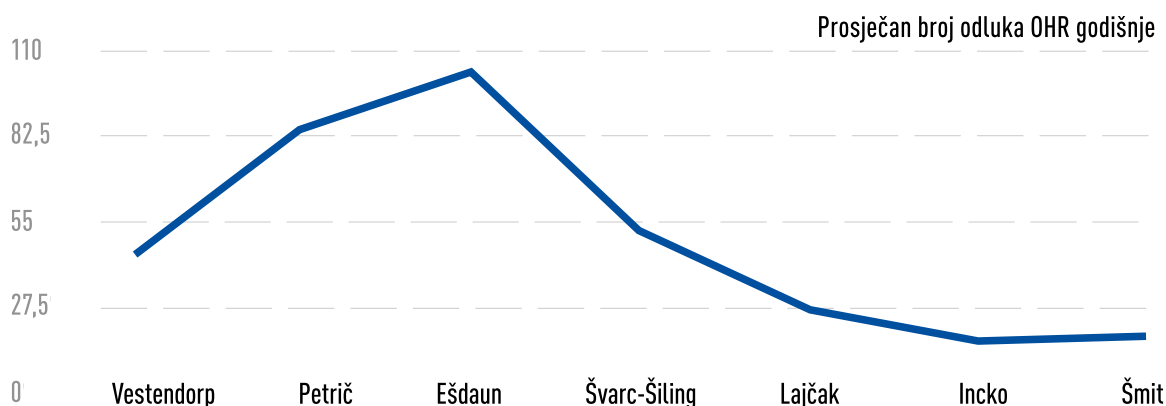
⁹ OHR. Izvještaj Komisije za reformu odbrane 2005. p. 41-87.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 933. ОП. 8. Д. 3. II. 16. Л.154.

ni mogao da to učini. To je, sa svoje strane, dovelo do «odmrzavanja» nasilnih metoda za rješavanje političkih problema. Danas smo svjedoci posljedica toga.

U isto vrijeme, pristup zainteresovanih strana se promijenio: aktivnije se koriste vlasti BiH i «civilni sektor», čiji rad OHR samo dopunjuje i kontroliše.

Na najočigledniji način se uticaj aktivnosti OHR-a vidi u konkretnim sferama: sudovima i medijima.

Izvor: sastavili su autori

Pravosudni sistem

Pravosudni sistem u BiH ima dovoljno komplikovanu strukturu i predstavlja ilustrativan primjer drugog nivoa međunarodnog pristustva. Oba entiteta imaju vlastite pravosudne strukture. Takođe postoji Ustavni sud BiH i Sud BiH, stvoreni odlukom OHR od 12. novembra 2000. godine. Sam sistem sudova i tužilaštava ima međunarodne dužnosnike koje imenuje Visoki predstavnik. Od sedmero članova Ustavnog suda su troje stranci, što im daje odlučujuće glasove prilikom odsustva konsenzusa triju naroda. Kontrola upravo nad ovom sferom od strane nadnacionalnih struktura jeste jedan od najvažnijih smjerova aktivnosti OHR.

Pravosudnom sistemu je od 1997. godine posvećeno 175 odluka (19,95%), što je drugo mjesto nakon otpuštanja dužnosnika (176 odluka). Tako da je tokom mandata najaktivnijeg Visokog predstavnika Pedija Ešdauna koji je radikalno promijenio etnički uravnoteženi kurs svojih prethodnika u antisrpski doneseno 113 odluka o sudovima od njih 385 (29,35%). Štaviše, reforme su bile i prilično rutinske (pitanja kancelarijskog i birokratskog funkcionisanja sistema), i sistemske prirode (rad tužilaštava, advokature, reforme kantonalnih i entitetskih sudova).

Vrijedi napomenuti da je upravo pravosudna sfera jedan od glavnih «okidača» za Banju Luku u kontekstu čitavog sistema međunarodnog prisustva. To se vidi čak iz događaja 2025. godine. Kao odgovor na namjeru Narodne skupštine RS da 25. oktobra 2025. godine održi referendum o povjerenju vlastima, izazvanu odlukom

Suda BiH o razrješenju Milorada Dodika dužnosti Predsjednika RS¹¹, Vijeće naroda Ustavnog suda RS je 15. septembra 2025. godine utvrdilo da je zahtjev Kluba bošnjačkih delegata o meritornom odlučivanju o pravnim aktima u vezi sa planiranim referendumom prihvatljiv jer bi moglo doći do povrede vitalnog nacionalnog interesa konstitutivnog bošnjačkog naroda¹².

Zbog provedenih transformacija donošenje teških odluka na nivou Kancelarije Visokog predstavnika više nije potrebno. Neophodne odluke su donosile bosanskohercegovačke institucije uz zapadnu pomoć. Direktno odluke izrazito političke prirode se donose na nivou OHR-a samo kada je očito da do unutrašnjeg konsenzusa neće doći. Na primjer, Valentin Incko je u julu 2021. godine nametnuo dopune Krivičnog zakona čime je kriminalizovao «negiranje genocida».

Ustavni sud BiH je postao ključna institucija u demontaži Dejtonske arhitekture. Takvo stanje nije određeno samo funkcijom, već i principom popunjavanja mjesta u Ustavnom sudu, koji pretpostavlja da međunarodne sudije, u principu, ne treba da traže kompromis između predstavnika konstitutivnih naroda BiH kako bi obezbijedili usvajanje neke odluke, nego naprosto treba da obezbijede podršku predstavnika samo jednog naroda. Upravo iz ovog razloga je svoju ulogu u transformaciji političkog sistema BiH ovaj organ počeo da igra već krajem 1990-ih godina.

Inače, poslije okruglog stola sa temom «Kako postići konstitutivnost bošnjačkog, hrvatskog i srpskog naroda na cijelom prostoru države Bosne i Hercegovine» održanog od strane bosanskohercegovačkih elita 7. aprila 1998. godine, bošnjački član Predsjedništva BiH Alija Izetbegović je pokrenuo postupak pred Ustavnim sudom BiH radi ocjene saglasnosti ustava Federacije i Republike Srpske sa Ustavom BiH, koji je priznao Bošnjake, Srbe i Hrvate konstitutivnim narodima, dok u entitetskim ustavima su u Federaciji kao konstitutivni bili priznati samo Bošnjaci i Hrvati, a u RS — Srbi¹³.

Djelimična odluka u predmetu U-5/98-III kojom su prihvaćeni zahtjevi podnosioca i formalno stavljena ljudska prava u prvi plan, postala je kamen temeljac za kasniju intervenciju OHR u političke procese entiteta pod izgovorom implementacije odluka Ustavnog suda BiH. Tako je Volfgang Petrič, koristeći ovu sudsku odluku i izmjene

¹¹ Odluka Suda BiH povodom žalbe Milorada Dodika na odluku CIK-a URL: <https://www.sudbih.gov.ba/Post/Read/ODLUKA%20SUDA%20BIH%20POVODOM%20C5%BDALBE%20MILORADA%20DODIKA%20NA%20ODLUKU%20CIK-A>

¹² Saopštenje za javnost sa 170. i 171. sjednice Vijeća za zaštitu vitalnog interesa URL: <https://www.ustavisud.org/Doc.aspx?cat=12&subcat=27&id=892&lang=bos&tekst=2691>

¹³ Vukoja I., Sitarski M., Bosna i Hercegovina – Federalizam, Ravnopravnost, Održivost: Studija preustroja BiH u cilju osiguravanja institucionalne jednakopravnosti konstitutivnih naroda. Mostar: Institut za društveno-politička istraživanja (IDPI), 2016. S. 40.

u izbornom zakonu, usvojene od strane Privremene izborne komisije na inicijativu OEBS-a, uspio da značajno neutrališe politički uticaj hrvatske zajednice u cjelini, a posebno HDZ-a BiH, što je dovelo do sukoba sa hrvatskim političkim snagama, koje su bile najavile planove za stvaranje trećeg političkog entiteta (tzv. «Hrvatska samouprava»), i, u značajnoj mjeri, izazvalo trajnu paralizu dejtonskog sistema upravljanja u BiH.

Bilo je i ozbiljnih posljedica po RS. Ovom sudskom odlukom je de jure prestala da bude entitet samo srpskog naroda, što je u uslovima isključivanja Srpske demokratske stranke iz političkog života RS omogućilo pristalicama centralizacije BiH da, prvo, nametnu praksu revizije raspodjele ovlašćenja između bosanskohercegovačkih i entitetskih institucija, pa, drugo, **da postave pitanje o simbolima Republike Srpske**. Stim u vezi je veoma ilustrativno da je, uoči raspravljanja o prvoj sveobuhvatnoj ustavnoj reformi, član Predsjedništva BiH Sulejman Tihić podnio zahtjev za ocjenu saglasnosti naziva «Republika Srpska» sa osnovnim zakonom i Evropskom konvencijom o ljudskim pravima. Prema mišljenju bošnjačkog političara, naziv je u sebi nosio diskriminaciju nesrpskog stanovništva¹⁴. Veoma je zanimljivo da su Tihićeve zahtjeve djelimično prihvaćeni i, na taj način, Ustavni sud BiH nije samo stvarao pravne preduslove za demontažu dejtonske arhitekture političkog sistema BiH, već je i de facto potvrdio zakonodavna ovlašćenja Visokog predstavnika, formalno se pozivajući na činjenicu da Ustavni sud BiH nema nadležnosti da ocjenjuje ovlašćenja Visokog predstavnika koje proističu iz Aneksa 10 Dejtonskog mirovnog sporazuma, kao ni primjenu tih ovlašćenja¹⁵. Drugim riječima, aktivnosti Ustavnog suda su nosile u sebi određenu političku poruku, i upravo ta činjenica je predodredila odbijanje srpske strane da nastavi rad svojih predstavnika u ovomu bosanskohercegovačkom tijelu.

Dakle, preko Ustavnog suda je pokrenut proces delegitimizacije RS i dejtonske arhitekture u cjelini.

Medijski sistem

Formiranje jedinstvenog medijskog prostora podložnog međunarodnoj kontroli, postalo je jedan od prioriteta zapadnih aktera, o čemu svjedoče aktivnosti nadnacionalnih struktura ubrzo poslije potpisivanja Dejtonskog mirovnog sporazuma. **Treba navesti da je ta politika podjednako bila usmjerena na suzbijanje medijske autonomije Republike Srpske kao i hrvatske zajednice.**

¹⁴ АБП РФ. Ф. 933. ОП. 10. Д. 5. П. 21. Л.136-137.

¹⁵ Ustavni sud Bosne i Hercegovine. Decision, case No. U 25/00. URL: https://www.ustavisud.ba/uploads/odluke/_en/U-25-00-12370.pdf

Još prije usvajanja «bonskih ovlašćenja» u septembru i oktobru 1997. godine, OHR je koordinisao niz operacija kontingenta NATO u BiH, čiji je cilj bio da se uspostavi kontrola nad medijskom infrastrukturu RS pod izgovorom sprečavanja korišćenja etra od strane «ekstremista»¹⁶. U praksi je to značilo lišavanje srpskog rukovodstva na Palama mogućnosti da sprovodi samostalnu politiku u sferi tele- i radiokomunikacija, i bilo je prvi korak ka uspostavljanju potpune kontrole nad medijskom sferom od strane međunarodnih struktura.

Takva politika je dobila i institucionalne okvire. U junu 1998. godine je, na inicijativu Visokog predstavnika Karlosa Vestendorpa, stvorena «Nezavisna komisija za medije» (Independent Media Commission, IMC) u čiji djelokrug rada je bilo uključeno pitanje određivanja standarda emitovanja medija u BiH, praćenje njihovog poštovanja kao i izdavanje licenci. «Nezavisna komisija za medije» je za realizaciju svojih odluka dobila pravo da «uživa podršku svih agencija za sprovođenje zakona u BiH kao i Stabilizacionih snaga (SFOR) ili njihovih nasljednika»¹⁷.

Dakle, medijski prostor RS je prvobitno de fakto, a kasnije i de jure izuzet iz kontrole entitetskog rukovodstva. Upravljanje «Nezavisnom komisijom za medije» su obavljali Savjet i Generalni direktor koje je imenovao Visoki predstavnik. Drugim riječima, «Nezavisna komisija za medije» je postala organ upravljanja «unutrašnje konture», koji u BiH legitimise odluke donesene od strane spoljnih aktera u sferi radio-televizije, što je dodatno potvrđeno odlukom OHR: Wolfgang Petrič je 1999. godine dopunio Zakon o Radio-Televiziji Republike Srpske, prema kojem «radio-televizija Republike Srpske ne treba da emituje u slučajevima, koji nisu predviđeni licencom ili licencama izdatim od strane Nezavisne komisije za medije ili njenim nasljednikom»¹⁸.

OHR je slično postupio i u slučaju medijske infrastrukture koju su kontrolisale hrvatske elite: krajem 1999. godine je odlukom OHR stupio na snagu Zakon o radio-televiziji FBiH¹⁹, kojim je obezbijedeno funkcionisanje RTFBiH. U isto vrijeme, hrvatska kompanija «EroTel», koja je reemitovala emisije HRT (Hrvatska radiotelevizija) na području BiH, zatvorena je odlukom «Nezavisne komisije za medije» nakon što je hrvatska kompanija odbila da postupi po zahtjevu regulatora da ograniči sopstveno emitovanje pod izgovorom odsustva licence. Djelovanje hrvatske medijske kompanije u BiH je konačno prekinuto 17. februara 2000. godine nakon što su predstavnici «Nezavisne komisije za medije» uz pomoć grupe tehničkih stručnjaka i SFOR-a

¹⁶ Энгельгардт Г. Н. Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 174–175.

¹⁷ OHR. Decision on the establishment of the Independent Media Commission. 11.06.1998. URL: <https://www.ohr.int/decision-on-the-establishment-of-the-independent-media-commission/>

¹⁸ OHR. Decision amending the Law on Radio-Television of the RS. 01.09.1999. URL: <https://www.ohr.int/decision-amending-the-law-on-radio-television-of-the-rs/>

¹⁹ OHR. Decision on the implementation of the Law on Radio-Television of the Federation. 06.12.1999. URL: <https://www.ohr.int/decision-on-the-implementation-of-the-law-on-radio-television-of-the-federation/>

proveli radove na obustavi funkcionisanja odašiljača televizijske kompanije «Erotel» u Mostaru zbog nepoštovanja odluka o obustavi njenog rada²⁰.

Promjene u medijskoj sferi su se dotakle i RTVBiH (preimenovan u BHRT), koji je restrukturiran. Pristup međunarodnih aktera je predviđao stvaranje jedinstvenog sistema javne radio-televizije, koji se sastoji od tri glavna elementa: javnog RTV sistema (PBS), koji pokriva cijelu teritoriju BiH, i dva lokalna entitetska sistema — TV FBiH i TV RS²¹. BHRT, uključeni u jedinstveni RTV sistem, trebalo je da postane državni i međuetnički medij²².

Naknadno, odlukom Volfganga Petriča su «Nezavisna komisija za medije» i Regulatorna agencija za telekomunikacije spojene u jedno nadzorno tijelo — «Regulatornu agenciju za Komunikaciju» (Communications Regulatory Agency, RAK)²³. Dakle, sredinom 2000-ih godina su nadnacionalne strukture završile pripreme za sveobuhvatnu reformu u medijskoj sferi. Uz niz reformi u oblasti državnog upravljanja, finansija i bezbjednosti, trebalo je da ona postane jedan od elemenata koji pripremaju promjene ustavnog temelja bosanskohercegovačke državnosti.

Poslije neuspjeha ustavne reforme iz 2005-2006. godine, naponi za stvaranje jedinstvene medijske infrastrukture u BiH su stavljeni u drugi plan. Ipak, RAK i danas redovno izriče kazne medijskim kompanijama. Ostaje i mogućnost oduzimanja licence. Sam televizijski prostor je fragmentiran: većina informativnih kanala ima jasnu etničku pripadnost, dok su oni neetnički bilo u vlasništvu vlade BiH (npr. BHRT), bilo, kao što je kanal Nova24, dio sistema stranog uticaja.

U isto vrijeme, nedovršeni pokušaji stvaranja jedinstvene medijske sfere u BiH su jasno pokazali granice uticaja Kancelarije Visokog predstavnika kao i bosanskohercegovačkih institucija. Centralizacija, posebno ona koja utiče na interese globalnih aktera, nije bila moguća bez preoblikovanja čitavog političkog sistema BiH. Sa svoje strane, to je zahtijevalo političku volju međunarodne zajednice. Nespremnost da se forsira projekat ustavnih amandmana predodredila je paterne interakcije OHR-a i zajedničkih institucija BiH s jedne strane, pa RS i bosanskohercegovačkih Hrvata sa druge strane.

²⁰ OHR. Decision on the implementation of the Law on Radio-Television of the Federation. 06.12.1999. URL: <https://www.ohr.int/decision-on-the-implementation-of-the-law-on-radio-television-of-the-federation/> ABП PΦ. Φ. 933. ОП. 5. Д. 3. П. 9. Л. 91.

²¹ ABП PΦ. Φ. 933. ОП. 5. Д. 5. П. 9. Л. 96.

²² Jusić T., Ahmetašević N. Media Reforms through Intervention: International Media Assistance in Bosnia and Herzegovina. ANALITIKA Center for Social Research, Working Paper 3/2013. URL: file:///C:/Users/eremi/Downloads/jusic_and_ahmetasevic_-_rrpp_bih_medassistance_31dec2013_final.pdf

²³ OHR. Decision Combining the Competencies of the Independent Media Commission and the Telecommunications Regulatory Agency. 02.03.2001. URL: <https://www.ohr.int/decision-combining-the-competencies-of-the-independent-media-commission-and-the-telecommunications-regulatory-agency/>

²⁴ Dio je United Media Group, koji je takode vlasnik kanala N1.

Djelovanje OHR-a i institucija BiH pod kontrolom Zapada je rezultiralo otvorenim političkim sukobom između njih i Banje Luke, koji traje i dan danas. Ova kriza ide po zadatom obrascu: OHR, Ustavni sud ili Sarajevo, koje podržavaju zapadne zemlje, preduzimaju mjere za ograničavanje ovlašćenja RS. Republika Srpska odgovara donošenjem zakona koji preventivno ili naknadno blokira tu odluku. Ili, obrnuto, OHR blokira odluke vlasti RS. Glavni cilj jeste demontaža Republike Srpske.

Mit o genocidu kao instrument za demontažu RS

Odlukom Visokog predstavnika od 22. jula 2021. godine su usvojene dopune krivičnog zakona BiH, koje predviđaju odgovornost za negiranje genocida. Ta okolnost je postala polazna tačka aktuelne faze političkog suprotstavljanja u BiH, koje karakteriše politička konfrontacija Sarajeva (uz podršku zapadnih aktera) i Banje Luke. Činjenica da je taj korak preduzeo upravo odlazeći Valentin Incko u posljednjim danima svog mandata svjedoči o tome što je logika tog procesa isključivo međunarodnopolitička, budući da je bio posljednji Visoki predstavnik, čiji legitimitet nije osporavan na međunarodnoj sceni. Značajnu ulogu u toj kampanji su igrale nevladine organizacije koje sponzoriše Zapad.

Ilustrativno je da je već od 1996. godine jedan od ključnih aktera koji je promovisao narativ o «genocidnoj prirodi» RS bila organizacija koja je formalo bila analitički centar — International Crisis Group. Analitički je pratila djelatnost OHR-a, tumačeći u svojim izvještajima RS kao «proizvod genocida i etničkog čišćenja», a hrvatske političke inicijative kao «prijetnju domaćoj političkoj stabilnosti»²⁵.

Takođe, kao karakteristične primjere, treba navesti strukture poput bosanskohercegovačke NVO «Majke Srebrenice» (2002), britanske «Remembering Srebrenica» (2013), koje su promovisale spekulativne istorijske narative, a koji su potom postali temeljni elemenat političke prakse OHR-a, ukorijenjen u pravnom i institucionalnom polju BiH (Memorijalni centri i njihovi fondovi, zakonodavna praksa itd.).

Zanimljivo je da su od samog početka u jedinstveni medijski prostor BiH «ugrađeni» narativi iz ranih 1990-ih godina, iz vremena rata u BiH. Sa jedne strane, prvobitno su ih formirale i distribuirale zapadne pi-ar agencije, pristrasne prema Bošnjacima i Hrvatima, prije svega «Ruder Finn». Sa druge strane, sasvim je očigledno da su se američka filozofkinja Suzan Sontag, budući lider Liberalne partije Kanade i najbliži drug Džordža Soroša Majkl Ignjatijev, francuski ljevičari

²⁵ Энгельгардт Г. Н. Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 32–36.

Bernar Anri Levi i Andre Gliksmann, kao i, recimo, švedska glumica Bibi Anderson pridružili kampanji pod uslovnim nazivom «Srbi su genocidni narod, a Bošnjaci su novi Jevreji» ne po savjetu «Ruder Finn-a», već iz sopstvenog dubokog uvjerenja.

Prve korake ka stvaranju Memorijalnog centra Srebrenica — Potočari, otvorenog 2003. godine poduzeo je 2000. godine Visoki predstavnik Wolfgang Petrič, opisavši ih kao «moralni i humani gest usmjeren ka jačanju stabilnosti u zemlji»²⁶. Stvaranje, finansiranje i razvoj ovog centra, što je postalo sastavni dio politike OHR, dopunjeno je radom posebne komisije 2004. godine: njen izvještaj, u kojem se diskreditira srpski entitet, prihvatilo je i rukovodstvo RS pod pritiskom Visokog predstavnika Pedija Ešdauna²⁷.

Godine 2018. je Narodna skupština RS odbila da prizna rezultate rada Komisije iz 2004. godine²⁸, dok su 2019. godine vlasti srpskog entiteta

Memorijalni centar Potočari je posebno poznat zbog ljetnih škola «Studij genocida» za mlade ljude, što su u stvarnosti događaji za ukorjenjivanje kulta «kolektivne odgovornosti» kod mladih Srba.

pokrenule rad nezavisne međunarodne komisije, koja je potom objavila «Zaključni izvještaj Nezavisne međunarodne komisije za istraživanje stradanja svih naroda u srebreničkoj regiji u periodu od 1992. do 1995. godine», a kojim je predstavljeno alternativno tumačenje događaja u odnosu na zapadni mejnstrim²⁹. Skoro odmah nakon objavljivanja izvještaja Komisije Visoki predstavnik Valentin Incko je usvojio dopune Krivičnog zakona BiH, kriminalizujući «javno odobrenje, grubo umanjivanje ili odobravanje genocida, zločina protiv čovječnosti i ratnih zločina, utvrđenih pravosnažnom presudom međunarodnih sudova»³⁰.

Ta odluka je pokazala da je **borba protiv «govora mržnje» dobila ideološki karakter: svako neslaganje sa projektom unifikacije istorijske prošlosti i tumačenja aktuelne agende počelo je da se od strane nadnacionalnih struktura doživljava kao izazov, u odnosu na koji je potrebna primjena mehanizma za borbu protiv «podsticanja mržnje»**. Zauzvrat, takav mehanizam je postao sredstvo cenzure, što nije dovelo do pomirenja, već do dalje eskalacije i blokiranja rada

²⁶ OHR. Decision on the location of a cemetery and a monument for the victims of Srebrenica. 25.10.2000. URL: <https://www.ohr.int/decision-on-the-location-of-a-cemetery-and-a-monument-for-the-victims-of-srebrenica/> АВП РФ. Ф.933. ОП. 5. Д. 5. П. 9. Л. 101.

²⁷ Энгельгардт Г. Н. Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. С. 43.

²⁸ Bosnian Serb MPs Annual Report Acknowledging Srebrenica // BalkanInsight. 14.08.2018. URL: <https://balkaninsight.com/2018/08/14/bosnian-serb-mps-annual-report-acknowledging-srebrenica-08-14-2018/>

²⁹ Concluding Report of the Independent International Commission of Inquiry on Suffering of all people in the Srebrenica region between 1992 and 1995 // ICSR. URL: <https://incomfis-srebrenica.org/wp-content/uploads/2021/07/Srebrenica%20Commission%20report%20-%20English%20lan.pdf>

³⁰ OHR. HR's Decision on Enacting the Law on Amendment to the Criminal Code of Bosnia and Herzegovina. 23.07.2021 URL: <https://www.ohr.int/hrs-decision-on-enacting-the-law-on-amendment-to-the-criminal-code-of-bosnia-and-herzegovina/>

bosanskohercegovačkih institucija (posebno nakon donošenja Rezolucije Generalne skupštine UN 78/282, kojom je ustanovljen «Međunarodni dan promišljanja i sjećanja na genocid u Srebrenici iz 1995. godine»)³¹. Neotuđivi dio tih zapadnih napora je postao već spomenuti film Jasmile Žbanić «Quo Vadis, Aida?».

Međutim, djelatnost NVO, koje sponzorije Zapad, ne svodi se samo na ovo. Važno je naglasiti, da su strukture koje se bave Srebrenicom samo jedan elemenat od mnoštva NVO koje finansiraju SAD, EU i Velika Britanija u zemlji. Prije zatvaranja, USAID je podržavao značajan broj analitičkih centara, NVO i «nezavisnih medija» u BiH. Svi su imali jednu zajedničku stvar: zalagali su se natoizaciju, evropske integracije i «građansku unifikaciju» Bosne i Hercegovine. Zanimljivo je da je puno takvih organizacija radilo na teritoriji Republike Srpske.

Uzmimo za primjer organizaciju «Pod Lupom», jednog od vodećih primalaca američkih grantova. U svom konačnom izvještaju o nepravilnostima tokom lokalnih izbora 2014. godine, prva dva prekršilaca su bile dvije stranke iz RS: Savez nezavisnih socijaldemokrata i Srpska demokratska stranka.³² Na trećem mjestu se našla bošnjačka Stranka demokratske akcije. Slično tome, prvo

i drugo mjesto po broju kršenja medijskih propisa su zauzeli Savez nezavisnih socijaldemokrata i Partija demokratskog progresa. **U stvari, izvještaj organizacije delegitimiše politički proces u RS, dovodeći u pitanje reprezentativnost entitetskih političkih institucija.**

Sličan posao obavljaju tzv. «nezavisni mediji», od kojih su neki primorani da obustave rad nakon prestanka američkog finansiranja. Jedna od značajnih osoba u toj sferi je Milica Samardžić, koja vodi Udruženje «Umbrella» koje se sastoji od 13 «nezavisnih medija»³³. Ti mediji imaju izrazito građanski karakter, mada su ujedinjeni u svom jasnom stavu usmjerenom protiv aktuelnog rukovodstva Republike Srpske.

Uprkos raznovrsnoj prirodi aktivnosti nevladinih organizacija koje sponzorije Zapad, one dijele zajednički skup zadataka.

Prvo, održavanje legitimiteta Visokog predstavnika i uspostavljenog sistema međunarodnog upravljanja u Bosni i Hercegovini u cjelini. Drugo, stvaranje iluzije

³¹ United Nations. Resolution adopted by the General Assembly on 23 May 2024. 78/282. International Day of Reflection and Commemoration of the 1995 Genocide in Srebrenica. URL: <https://docs.un.org/en/A/RES/78/282>

³² FINAL REPORT on citizen, non-partisan observation of the 2024 Local Elections in Bosnia and Herzegovina URL: <file:///C:/Users/alexn/Downloads/Pod-lupom-izvjestaj-2024-ENGLESKI.pdf>

³³ Samardžić: Suspenzija pomoći SAD imat će dalekosežne posljedice po medijski sektor u BiH. URL: <https://www.bhrt.ba/samard%C5%BEi%C4%87-suspenzija-pomo%C4%87i-sad-imat-%C4%87e-dalekose%C5%BEn-posljedice-po-medijski-sektor-u-bih>

o neizbježnosti euroatlantskih integracija BiH na nivou diskursa zapadnocičričnih NVO. Treće, cementiranje jedinog prihvatljivog narativa o događajima 1990-ih godina sa jasnom podjelom na dželate i žrtve. Konačno, radi se o političkoj delegitimizaciji Republike Srpske i njenih političkih elita u njihovom sadašnjem obliku u cilju revizije njenog položaja u političkom sistemu BiH.

Izvorni cilj Kancelarije Visokog predstavnika je integracija i demokratizacija BiH. U praksi, rezultat njenog rada se pokazao suprotnim. Uprkos stvaranju institucija i pravnih okvira njihovog funkcionisanja, umjesto prevazilaženja postojećih pukotina u društvu, politika OHR-a je dovela do njihovog pogoršanja, «konzerviranja» i reprodukcije. U stvari, nadnacionalne strukture, pokušavši da sprovedu prisilnu centralizaciju i unifikaciju društva i države u BiH u interesu evroatlantskih integracija regiona, žrtvovala su stvarno međuetničko pomirenje i formiranje istinskog civilnog društva. Jak pritisak na RS kao i na hrvatsku zajednicu u BiH doživljavali su kao oblik marginalizacije, što podrazumijeva negiranje njihovog istorijskog pamćenja i nacionalnog identiteta. To je izazvalo predvidljivu reakciju: kurs ka samoizolaciji, porast autonomističkih osjećaja i zahtjeva za stvaranjem vlastitih institucija, uključujući i projekat «trećeg entiteta» u hrvatskoj zajednici.

U suštini, kurs OHR je bio paradoksalan: retoriku integracija su pratile prakse koje su povećavale otuđenje. Unifikacija kroz odluke, koje donose nadnacionalni akteri, uz podršku vojne sile i mehanizama cenzure, nije postala instrument ujedinjenja, već podjele. Iz istog razloga su jačanje svojih političkih pozicija ostvarile one političke elite u RS i hrvatskoj zajednici, čiji je legitimitet bio izgrađen upravo na otporu projektima centralizacije.

Dakle, politika unifikacije, zamišljena kao sredstvo integracije, pretvorila se u efekat «dezintegracije kroz unifikaciju»: za građane RS i hrvatske zajednice je međunarodna intervencija postala simbol spoljnih prijetnji, a ne mehanizam demokratizacije, što je učvrstilo linije razdora i učinilo proces konsolidacije bosanskohercegovačkog društva još problematičnijim. U ovim uslovima pitanje neophodnosti održavanja OHR-a u sadašnjem obliku, njegove efikasnosti i svrsishodnosti njegovog daljeg funkcionisanja postaje posebno aktuelno.

SIMBOLI

Ovaj dio istraživanja se zasniva¹ na razvoju ideje da se društvena komunikacija temelji na simbolima, što umnogome povećava njihovu političku i kulturnu važnost. Jedan od najznačajnijih ujedinjujućih simbola je u svakoj državi zastava. Što se tiče Bosne i Hercegovine, zanimaju nas sljedeća pitanja: da li se identifikuju njeni građani sa državnim zastavom kao simbolom koji ih određuje? Kako se građani identifikuju s državnim simbolima u zemlji koja je često mijenjala svoje simbole u relativno kratkom istorijskom periodu? Kako da se odmaknemo, najprije u interesu daljeg razvoja BiH, od međuetničke podjele, koja se značajno pojačava praksama očuvanja istorijskog pamćenja koje jedne etničke grupe podržavaju, dok druge potiskuju?

Pa je, konačno, ovo, izgleda, potpuno konkretno pitanje načina funkcionisanja postdejtonske Bosne i Hercegovine od principijelnog značaja za njenu multinacionalnu budućnost. Odluke OHR (Kancelarije Visokog predstavnika) u vezi sa državnim i entitetskim simbolima, simbolima konstitutivnih naroda, kao što je prikazano u ovom dijelu, ne rješavaju probleme pomirenja, nisu usmjerene na formisanje osjećaja bezbjednosti kod različitih etničkih grupa kao i ne uzimaju u obzir vjekovne istorijske okolnosti ovog prostora. Takva posebna manifestacija kolonijalnih praksi od strane međunarodne zajednice je dovoljno jasan odraz opšte udaljenosti dejstava OHR od stvarnih potreba naroda Bosne i Hercegovine.

DRŽAVNI SIMBOLI BOSNE I HERCEGOVINE

Članom 1 stav 1 Ustava Bosne i Hercegovine iz 1995. godine (Aneks 4 Opšteg okvirnog sporazuma za mir u BiH) proklamuje se kontinuitet države Bosne i Hercegovine sa Republikom BiH (1992-1995)². Međutim, iz člana 1 stav 6 Ustava bilo je jasno da će

¹ Ovaj tekst je generalno zasnovan na skraćenom i revidiranom djelu "Simboli dejtonske Bosne i Hercegovine" autora Dušana Dačića, objavljenom u oktobru 2025. godine. Originalna i puna verzija djela značajno se razlikuje od priloženog teksta, kako po materijalu, tako i po zaključcima, a autor djela nije autor ovog teksta.

² Zakon o potvrđivanju Opšteg okvirnog sporazuma za mir u Bosni i Hercegovini (Sl. list SRJ — međunarodni ugovori, broj 12/2022) http://demo.paragraf.rs/demo/combined/Old/t/t2003_02/t02_0030.htm

taj kontinuitet teško biti održiv u vidu državnih simbola, budući da se ovim stavom predviđa da «o simbolima Bosne i Hercegovine odlučuje Parlamentarna skupština, a potvrđuje ih Predsjedništvo»³. Zakon o zastavi Bosne i Hercegovine je stupio na snagu 11. februara 1998. godine, dok Zakon o grbu Bosne i Hercegovine — 18. maja 1998. godine.

Vizuelno sasvim strano dotadašnjoj veksikološkoj i heraldičkoj tradiciji ovog područja ali i tradiciji sva tri konstitutivna naroda, ostvareno je jedino rješenje u relativno ravnodušnom odnosu prema njima. Međutim, izrazi nezadovoljstva i kritički stavovi prema ovim simbolima nisu bili rijetkost⁴. «Iako nova zastava treba izražavati jedinstvo konstitutivnih naroda, izborom nacionalno neutralnih, općih simbola, zapravo je dobiveno obilježje koje ne upućuje ni na šta karakteristično»⁵.

Rječito je i da su se od uvođenja u upotrebu sadašnje zastave i grba BiH 1998. godine akti vandalizma upereni prema njima u javnom prostoru pokazali kao rijetkost. Prihvatajući njihovu realnost, većina građana prihvatila je i *realnost postojanja države* Bosne i Hercegovine. Tome je zaslužna i svrha (namjera) prema kojoj su oni nastali. Njihovo postojanje je obuslovljeno potrebom pronalaženja funkcionalnih rješenja u društvu. «Novi grb, kao simbol nove države, ne budi nikakve asocijacije na prošlost, nego svojom univerzalnom simbolikom otvara perspektivu napaćenom narodu Bosne i Hercegovine i vjeru u bolju budućnost»⁶.

Ipak, kao što prikazuju rezultati onlajn istraživanja, nakon skoro 30 godina se sa ovim simbolima povezuje ogromna većina Bošnjaka i ljudi sa uslovno građanskim identitetom («Bosanac i Hercegovac»), dok to istovremeno čini manjina kod Hrvata i Srba. Kao takvi, simboli uspijevaju u zaobilaženju elemenata postojećih nacionalnih, vjerskih i prethodnih državnih simbola kao i vremenskog okvira ratnih dešavanja. Međutim, kao ujedinjujući simboli na bilo kom nivou, neuspješni su i prisvojio ih je bošnjački narod. To se vidi iz dolje navedenih dijagrama, gdje je svaka grupa upitana, sa kojom se zastavom povezuje.

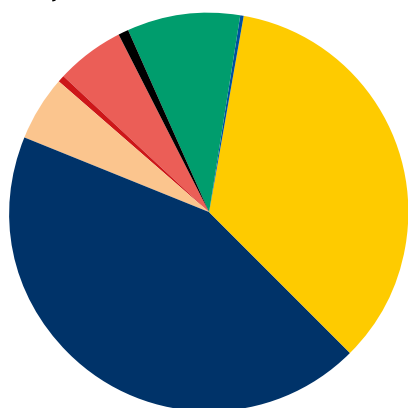
³ Isto.

⁴ Filipović, O. Emir (2008): Grb i zastava Bosne i Hercegovine u 20. stoljeću, u Bosna Franciskana — Časopis franjevačke teologije. Godina XVI, broj 28. Sarajevo (crp. 103-127), 123: «Odmah nakon što je Vestendorp nametnuo zastavu Bosni i Hercegovini, sarajevski intelektualci su poslali otvoreno pismo protesta Visokom predstavniku. Po njima to je bio „posljednji čin ubijanja države“, pa su tražili i referendum da građani sami izaberu svoju zastavu. Ni političari nisu mirovali pa je na pres konferencijama većine stranaka izraženo zadovoljstvo eliminacijom nacionalnih obilježja, ali također i razočarenje estetskim izgledom zastave na kojoj nije adekvatno predstavljena bogata baština države Bosne i Hercegovine. Neki su također isticali da se komisija zadužena za konstruiranje zastave nije prilikom svoga rada držala osnovnih elemenata koji moraju odražavati obilježja države, te da bi se morali na to obazirati prilikom sastavljanja novog grba.

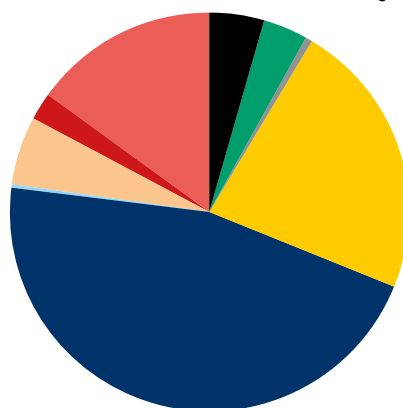
⁵ Isto, 122-123.

⁶ Borojević, Mirko (1998): Grb stroge neutralnosti — Simboli BiH. Alternativna informativna mreža. <https://aimpress.forumcivique.org/article/80417-011-pubs-sar/>

Bošnjaci

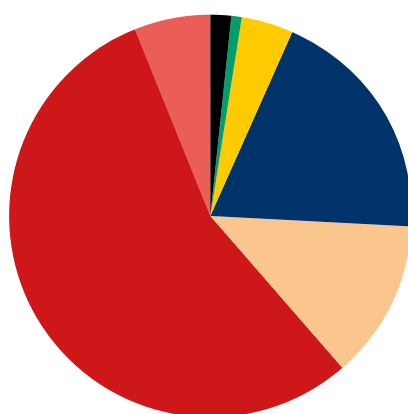

Bosanci i Hercegovci

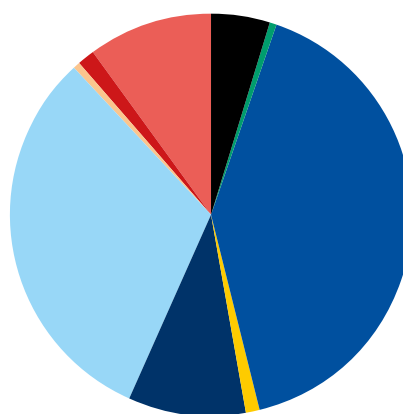

- Nijedna od predloženih
- Zastava sa zelenim polumjesecom
- Srpska zastava sa krstom
- Zastava sa ljiljanima na plavom štitu
- Zastava BiH
- Zastava RS
- Zastava FBiH
- Zastava Hrvatskog vijeća HB
- Zastava SR BiH

Hrvati

Srbi

Simboli Srba u Bosni i Hercegovini

Srpski identitet je u Bosni i Hercegovini neupitno duboko ukorijenjen u istorijskom nasljeđu ovog dijela Balkana. Štaviše, istorijsko pamćenje se prenosi uglavnom kroz knjige, udžbenike, usmenu tradiciju, folklor ali ne i kroz vizuelne simbole. Osim heraldičkih obilježja srednjovjekovnih vladarskih i velikaških porodica sa područja današnje Bosne i Hercegovine, bosanskohercegovački Srbi nisu imali zasebna, grafički distinktivna nacionalna obilježja pored onih koja inače važe za *integralno* ili *univerzalno srpska*. To je objektivna stvarnost i, samo po sebi, nije nužno nešto negativno ili pozitivno.

U skladu sa istorijski razumljivim okolnostima, na teritoriji koju su većinski ili značajno naseljavali Srbi (Austroougarska, Osmansko carstvo) u periodu izgradnje savremenog srpskog nacionalnog identiteta kroz 19. vijek nije postojao politički centar koji bi diktirao i promovisao uniformnost izgleda nacionalnih simbola. Zbog toga su različite nijanse i grafičke predstave identičnih simbola koji datiraju iz srednjeg vijeka, Pvog srpskog ustanka i Kneževine Srbije vremenom postale formalizovana norma i sastavni dio kolektivne svijesti stanovništva u svim područjima gdje žive Srbi (važan

izuzetak je Crna Gora, u kojoj su kroz 19. i 20. vijek, pored opšte srpskih opstala druga ili su iznjedrena nova vizuelna identitetska obilježja). Ovakav odnos se može objasniti i istorijskim iskustvom kada su varijacije nacionalnih simbola istog, srpskog naroda, korišćene kao katalizator razdvajanja i razvijanja dijelova ovog nacionalnog identiteta u autonomnim pravcima.

Ustavom Srpske Republike Bosne i Hercegovine od 28. februara 1992. godine, Odlukom o obliku i izgledu zastave Srpske Republike Bosne i Hercegovine od 12. maja 1992. godine i Ustavnim zakonom o zastavi, grbu i himni Republike Srpske iz iste godine su bosanskohercegovački Srbi prvi put u istoriji samostalno izabrali svoje zvanične simbole ali i svoje simbole za zvanične na području Bosne i Hercegovine. Član 1 Ustavnog zakona o zastavi, grbu i himni Republike Srpske utvrđuje: «Zastava Republike Srpske sastoji se od tri boje: crvene, plave i bijele. Boje su položene vodoravno, sa redoslijedom odozgo: crvena, plava i bijela. Svaka boja zauzima jednu trećinu zastave. Odnos širine i dužine zastave je 1:2»⁷. Član 2 istog zakona utvrđuje: «Grb Republike Srpske je grb Nemanjića predstavljen dvoglavim bijelim orlom sa krunom iznad glave. Na prsima orla je crveni štit sa krstom i četiri ocila između krakova krsta bijele boje»⁸. Član 3 istog zakona utvrđuje: «Himna Republike Srpske je pjesma «Bože pravde»⁹.

Ovo ne znači da pomenuta obilježja (simboli) prethodno nisu postojala ili da nisu bila prisutna kao narodna obilježja Srba u Bosni i Hercegovini. Iz navedenih članova se potvrđuje istorijsko određenje političke volje srpskog naroda u Bosni i Hercegovini da *njegovi* simboli budu oni koji su prethodno opisani kao *integralni* ili *univerzalno srpski*. Međutim, Ustav i Ustavni zakon iz 1992. godine su doprinijeli da se, u istorijskom smislu, raskrsti sa heraldičkim i simboličkim identitetom srednjovjekovne Bosne.

Navedena obilježja Republike Srpske su nastavila da postoje u neizmijenjenom obliku nakon potpisivanja Dejtonskog mirovnog sporazuma i usvajanja Amandmana I-XXXIII na Ustav Republike Srpske od strane Narodne Skupštine Republike Srpske 19. aprila 2002. godine¹⁰.

Godine 2007. je Ustavni sud Bosne i Hercegovine proglasio neustavnim odredbe prethodnog Ustavnog zakona o zastavi, hrpu i himni Republike Srpske, prema kojem su grb Nemanjića i državna himna Srbije «Bože pravde» utvrđeni kao simboli entiteta.

U tački 131 djelimične odluke Ustavnog suda BiH o meritumu u predmetu U-4/04 se «radi o zvaničnim simbolima jedne teritorijalne jedinice koja ima status «entiteta», koji predstavljaju ustavnu kategoriju i, kao takvi, moraju predstavljati i sve građane Republike Srpske», te da «to nisu lokalni simboli jednog naroda koji treba da održavaju

⁷ Ustavni zakon o zastavi, grbu i himni Republike Srpske (1992). Sl. glasnik Republike Srpske, Godina I — Broj 19, petak 18. decembra 1992. Sarajevo.

⁷ Isto.

⁹ Isto.

¹⁰ Ustav Republike Srpske i amandmani (2004). <https://skupstinabd.ba/images/dokumenti/sr/ustav-republike-srpske.pdf>

kulturno i historijsko nasljeđe samo tog naroda, već se radi o zvaničnim simbolima multinacionalnog entiteta koji, stoga, moraju i odražavati takav karaket entiteta». Napominjemo da je sličnu formulaciju koristio Ustavni sud BiH u svojoj odluci od 27. januara 2007. godine kojom je zastavu i grb FBiH proglasio neustavnima. Zanimljivo je da od tada Federacija BiH postoji bez zvanične zastave i grba.

Međutim, kao rezultat donošenja takve odluke simboli Republike Srpske predstavljaju suprotnost svoje prvobitne ustavne i istorijske zamisli, kada su time posredno i gotovo farsično u narod *uvedena* nova nacionalna obilježja, po svojoj prirodi iznuđena nakon odluke Ustavnog suda BiH.

Iznuđena priroda koraka, koji je preduzela RS, dobro se vidi u tački 76 djelimične odluke Ustavnog suda BiH o meritumu u predmetu U-4/04 od 31. marta 2006. godine, gdje se u stavu Narodne skupštine RS navodi da «onaj koji koristi grb koji ne predstavlja njegov identitet dolazi u poziciju nametnutog identiteta»¹¹.

Osim zamjena za grb Republike Srpske i himnu «Bože pravde» u vidu amblema Republike Srpske i himne «Moja Republika», pomak identitetskog fokusa se odnosi i na zastavu Republike Srpske, koja za razliku od grba i himne jeste grafički «preživjela» provjeru ustavnosti djelimičnom odlukom Ustavnog suda BiH o meritumu u predmetu U-4/04 ali pritom dobivši novi karakter.

Sud je «smatrao da se može prihvatiti argumentacija Narodne skupštine da se zastava Republike Srpske, na način na koji je definisana članom 1 Ustavnog zakona o grbu i himni Republike Srpske, ne predstavlja samo srpski narod u Republici Srpskoj, jer se radi o zastavi u kojoj su zastupljene panslavske boje koje su karakteristične za istoriju slavenskih naroda, među kojima su i konstitutivni narodi u Bosni i Hercegovini»¹².

Uslijedio je 2008. godine pokušaj uvođenja u upotrebu novog grafičkog (vizuelnog) rješenja grba Republike Srpske kroz *Ustavni zakon o dopuni Ustavnog zakona o zastavi, grbu i himni Republike Srpske*¹³ od 15-17. jula 2008. godine. Ovaj pokušaj pokazao se neuspješnim, budući da se Ustavni zakon ubrzo našao pred Ustavnim sudom RS kroz zahtjev iz akta 03.2-5-55/08 od 29. jula 2008. godine, podnijetog od strane Kluba delegata bošnjačkog naroda u Vijeću Naroda Republike Srpske, kojim se «traži pokretanje postupka za utvrđivanje da li je Ustavnim zakonom o dopuni Ustavnog zakona o zastavi, grbu i himni Republike Srpske, koji je Narodna skupština Republike Srpske izglasala na sjednici održanoj 15, 16. i 17. jula 2008. godine, povrijeđen vitalni interes konstitutivnog bošnjačkog naroda»¹⁴. Odlukom Vijeća za zaštitu vitalnog interesa Ustavnog suda Republike Srpske u predmetu UV-3/08 od 22. decembra 2008. godine utvrđeno je «da je

¹¹ Djelimična odluka Ustavnog suda BiH o meritumu u predmetu broj U-4/04 od 31. marta 2006. godine (Sl. glasnik BiH, broj 47/06).

¹² <https://www.ustavnisud.ba/bs/xxxv-plenarna-sjednica>

¹³ Ustavni zakon o dopuni Ustavnog zakona o zastavi, grbu i himni Republike Srpske (Sl. glasnik Republike Srpske, broj 125/08)

¹⁴ <https://www.ustavnisud.org/Odluke.aspx?cat=13&subcat=43&lang=cir&odluka=193&odldet=523>

članom 1 Ustavnog zakona o dopuni Ustavnog zakona o zastavi, grbu i himni Republike Srpske, u dijelu koji se odnosi na grb Republike Srpske, a koji je Narodna skupština izglasala na sjednici održanoj 15, 16 i 17. **jula 2008. godine, povrijeđen vitalni interes konstitutivnog bošnjačkog naroda»¹⁵.**

Godine 2007. je uveden amblem Republike Srpske, koji u sebi sadrži zlatnu krinovu krunu srednjovjekovnog bosanskog kralja Tvrtka I Kotromanića. «Inkorporaciju iste krune u amblem RS Narodna skupština tog entiteta pravdala je tvrdnjom da ona svjedoči o «korjenima Republike Srpske u Bosni i Hercegovini i bosanskoj historiji», dok zlatna heraldička kruna, također zastupljena u amblemu, predstavlja tradiciju RS (i Kraljevine SHS)»¹⁶.

Zakonom o amblemu Republike Srpske od 23. aprila 2007. godine¹⁷ i Uredbom Vlade Republike Srpske o izgledu i načinu upotrebe amblema Republike Srpske od 16. juna 2007. godine¹⁸ uveden je u upotrebu ovaj, faktički i suštinski novi simbol kao «dopunski simbol Republike Srpske» i kao takav «može se koristiti umjesto grba Republike Srpske».

Uslovljen djelimičnom odlukom Ustavnog suda BiH o meritumu u predmetu U-4/04 od 31. marta 2006. godine, kao i nezavidnim vremenskim okvirom za usaglašavanje

entitetskih simbola sa odlukom suda, Zakonodavac u Republici Srpskoj odlučio se za zakonsko i grafičko rješenje u vidu amblema kao funkcionalno «i prelazno rješenje sve do usvajanja novog grba».

Kao takav, amblem Republike Srpske svakako jeste dio «tradicije novih simbola» u Bosni i Hercegovini, čemu svjedoči i izjava iz 2022. godine Predsjednika Narodne skupštine Republike Srpske u vrijeme uvođenja amblema u upotrebu, Igora Radojičića: «Trebalo se politički izboriti sa tim i donijeti nešto sasvim novo (...) ako bi se koristilo nešto što je proglašeno neustavnim, sva dokumenta bi izvan RS bila neupotrebljiva. Odluka je, zato, bila da se ide u izradu novih simbola, ma koliko je to bilo teško. (...) Praktično smo tada iskoristili jedno rješenje iz Francuske jer i sama ima veoma komplikovanu historiju nacionalnih simbola, zbog odnosa republikanske i monarhističke tradicije. I tako smo se koristeći francusko iskustvo odlučili da nađemo brzo rješenje i maksimalno ga iskoristimo da bude nacionalno prihvatljivo, a da ne bude ono što je Ustavni sud stalno osporavao kao uvredljivo»¹⁹.

¹⁵ Isto.

¹⁶ Kulenović, Nedim (2013): Krinovi, krune, šahovska polja od vitalnog nacionalnog interesa. Puls demokratije — zajednica neistomišljenika, Zbornik tekstova, br. 2 str. 13.

¹⁷ Zakon o amblemu Republike Srpske (Sl. glasnik Republike Srpske, broj 49/07).

¹⁸ Uredba o izgledu i načinu upotrebe amblema Republike Srpske (Sl. glasnik Republike Srpske, broj 50/07).

¹⁹ Simić Kulaga, Vedrana (2022): Kako su nastajali simboli Srpske i kako su ih (s)rušili: Vječna borba za Dan Republike, ime i grb. Glas Srpske. <https://www.glassrpske.com/cir/novosti/drustvo/kako-su-nastajali-simboli-srpske->

Amblem, iako zamišljen kao „prelazno rješenje”, pokazao se dugotrajni(ji)m. S jedne strane, amblem se učvrstio. O tome svjedoči činjenica da ga većina Srba smatra ne samo zvaničnim simbolom Republike Srpske, već i simbolom slobode, dijelom identiteta. Sa druge strane, opšte srpski univerzalni simboli i, najprije, zastava su i danas ništa manje važan simbol identiteta od republičkih.

U tom smislu je od ključnog značaja ono što je 5. novembra 2024. godine Narodna skupština RS donijela odluku o dopuni Zakona o zastavi, grbu i himni, kojom je dozvoljena zvanična upotreba državnih simbola Srbije ravnopravno sa simbolima RS i BiH na teritoriji Republike Srpske. U vezi sa postupcima rukovodstva RS, Tužilaštvo BiH je 2024. godine pokrenulo politički motivisani krivični postupak protiv srpskih zvaničnika. Rukovodstvo srpskog entiteta je na to odgovorilo Zakonom, kojim se zabranjuje djelovanje institucija BiH poput Suda BiH i Tužilaštva BiH na teritoriji RS, što je izazvalo reakciju predstavnika drugih konstitutivnih naroda u institucijama BiH. Bošnjački član Predsjedništva BiH Denis Bećirović je podnio tužbu Ustavnom sudu BiH, osporavajući izmjene Zakona o simbolima RS (predmet U-2/25) i donošenje zakona RS kojim se zabranjuje djelovanje «vanustavnih institucija BiH» na teritoriji entiteta (Zakon je objavljen u Službenom glasniku RS br. 19/25, predmet U-7/25 Ustavnog suda BiH). U oba slučaja je sud potvrdio tužbene zahtjeve tužioca. Ipak, vlasti RS, postupajući po logici nepriznavanja legitimiteta Ustavnog suda BiH i OHR, odbacile su te odluke.

Dakle, zakon o simbolima, u uslovima aktuelne (političke i pravne) konfrontacije, i dalje važi, mada formalno njegova primjena može da se prati krivičnim gonjenjem, prema zakonodavstvu BiH, pod izgovorom nepoštovanja odluka Ustavnog suda BiH, koje, u skladu sa KZ BiH, predviđa kaznu zatvora od 6 mjeseci do 5 godina²⁰. Jednostavno rečeno, **upotreba srpske zastave, grba i himne postaje krivično djelo.**

Zabrana upotrebe simbola koje su prvenstveno povezani sa identitetom i krivično gonjenje zbog toga za Srbe u Republici Srpskoj u stvari znači mogućnost postepenog protjerivanja srpskog naroda sa njegovih istorijskih teritorija. Sličan scenario se de fakto ostvaruje na Kosovu i Metohiji uz prećutno odobravanje od strane međunarodnih institucija. Jedva da bi išta moglo da srpiječi reliazaciju takvog scenarija protiv Srba u Republici Srpskoj.

i-kako-su-ih-srusili-vjecna-borba-za-dan-republike-ime-i-grb/392841

²⁰ Krivični Zakon Bosne i Hercegovine, član 239.

KONTINUITET PRISUSTVA, STRADANJA I BORBE KAO SIMBOL SRBA U BOSNI I HERCEGOVINI

Rat u Bosni i Hercegovini (1992-1995), koje se u Republici Srpskoj naziva i «Odbrambeno-otadžbinski rat»²¹, dao je priliku narodima u Bosni i Hercegovini za stvaranje novih simbola. Ti simboli nisu nužno bili vizuelni. Recimo, teško je odricati da je Srebrenica glavni simbol Bošnjaka koji su svjesno stvorili kao takav i potom promovisali uz zapadnu pomoć.

Bošnjaci i Hrvati su aktivno koristili i vizuelne simbole kao što su zlatni ljiljan i šahovnica.

Zarazliku od jednih i drugih su Srbi iz Republike Srpske krenuli u borbu sa univerzalnim srpskim simbolima. Dakle, pokušaj Ustavnog suda BiH da izjednači vizuelnu simboliku triju etničkih grupa kao jednako povezanu sa ratnim događajima nije prihvatljiv. U jednom slučaju se radi o istorijskim državnim simbolima Srba na područjima njihovog nastanka, dok u drugom o simbolima koji su namjerno razvijeni i čak djelimično uzurpirani.

To ipak nije u suprotnosti sa činjenicom da Srbi u proteklih 30 godina nisu uspjeli da pronađu simbol koji bi istovremeno odražavao njihovo dugotrajno istorijsko prisustvo na području savremene Bosne i Hercegovine, doprinio ujedinjenju i, uz to, odražavao objektivnu stvarnost rata u BiH u kojem su sami Srbi stradali ništa manje od drugih.

Činjenicu da razvoj uspješnog simbola može da značajno doprinese očuvanju istorijske pravde potvrđuje «Meta» («Target»). To je simbol, nastali tokom bombardovanja SR Jugoslavije 1999. godine. Idejni tvorac „Mete” je Miroslav Radić koji navodi «da je shvatio da Srbima nedostaje jednostavan simbol — poput znaka «Mira» — koji će asocirati svijet na stradanje nedužnih i, makar malo, približiti svjetsko mnjenje u korist «zlih momaka». Doprinos nastanku „Mete” pripada i Dušanu Kolješniću, veb-dizajneru iz Bostona (SAD), grada u kome se „Meta” prvi put pojavila na ulicama tokom protesta protiv bombardovanja SRJ²².

Nastanak sličnog simbola u vezi sa istorijom Srba u Bosni i Hercegovini, kao takav

²¹ Ilić, Dragoslav i dr. (2018): Republika Srpska u odbrambeno-otadžbinskom ratu — Istorijski pregled. Republički centar za istraživanje rata, ratnih zločina i traženje nestalih lica. Banja Luka.

²² „Target”: Srpski simbol inata koji je pogodio u metu (2024). <https://lat.rt.rs/srbija-i-balkan/81890-nato-agresija-simbol-meta-target/>

nije povezan sa rješanjem pitanja o upotrebi državnih simbola u svakodnevnom životu, ali bi moglo da značajno doprinese prevazilaženju negativne predstave o Srbima u BiH, koja se razvila zbog promocije tzv. «genocida nad Bošnjacima») u očima svjetske zajednice.

Štaviše, zapadni donosioci odluka posmatraju pozicije Republike Srpske naspram tereta nasljeđa Rata u BiH (1992-1995), što se vidi iz većine odluka Kancelarije Visokog predstavnika. Inače, izgledno je da je mnogima od njih posljednja decenija 20. vijeka jedini poznati vremenski okvir balkanskog područja. Time, komunikacija zaista biva otežanom. Simbol srpskog naroda u Bosni i Hercegovini bi mogao posredovati u ovoj komunikaciji upućujući strane posmatrače u širu sliku istorije Bosne i Hercegovine. U principu, upravo na takav način funkcioniše «burbonski ljiljan» (Fleur-de-Lis) na grbu srednjovjekovne dinastije Kotromanića koji su Bošnjaci uzurpirali i učinili svojim nacionalnim simbolom zanemarujući činjenicu da je ovaj grb uveo kralj Tvrtko I, koji je vladao sa titulom «Kralj Srba Bosne, Primorja i Humske zemlje»: *Srba Bosne*, nikako ne *Bosanaca a kamoli Bošnjaka*.

Činjenica je da u 2025. godini nije jednostavno odrediti da li postoji mjesto (ili mjesta) koje bi imalo potencijal kohezivnog faktora srpskog naroda tokom Rata u Bosni i Hercegovini (1992-1995). Međutim, ovakav simbol bi trebalo da iskaže **kontinuitet prisustva i stradanja srpskog naroda u Bosni i Hercegovini kao i njegove borbe za svoju slobodu**. U sljedećim redovima predlažemo značenja i vrijednosti koje bi ovakav simbol/narativ/materijalni objekat trebalo da sadrži.

Simbol *kontinuiteta prisustva* je, najprije, neophodan kako bi se istakle one činjenice koje su opštepoznate među srpskim narodom ali su malo poznata stranica iz istorije za širu zapadnu javnost, što često previše pojednostavljuje razumijevanje konteksta kontradikcija na Balkanu.

Srpski identitet u Bosni i Hercegovini je duboko ukorijenjen. Prvi savremeni popis stanovništva na području današnje Bosne i Hercegovine to potvrđuje²³. Sproveden je od strane okupacionih vlasti Austrougarske monarhije 1879. godine, samo godinu dana nakon što je monarhiji ova teritorija predata na upravu na osnovu odluka velikih evropskih sila u Berlinu 13. juna 1878. godine («Kondominijum Bosna i Hercegovina»). Popis je, ignorišući nacionalnu komponentu lokalnog stanovništva, ipak potvrdio pravoslavno „grko-iztočno” stanovništvo kao većinsko u Bosni i Hercegovini, sa relativno većinskim udjelom od 42,8%²⁴. Austrougarska monarhija je sprovela ukupno četiri popisa stanovništva u Bosni i Hercegovini (1879, 1885, 1895. i 1910. godine).

²³ Za popis stanovništva iz 1879. godine vidjeti u: Haupt-Ubersicht der politischen Eintheilung von Bosnien und der Herzegovina — Glavni pregled političkoga razdijeljenja Bosne i Hercegovine. Summarische Uebersicht — Svojni pregled. 4

²⁴ Isto.

Na popisu stanovništva iz 1879. godine je ono označeno kao „grko-iztočno”²⁵, na popisima stanovništva iz 1885. i 1895. godine kao «istočno-pravoslavno»²⁶ a na posljednjem popisu iz 1910. godine kao «srpsko-pravoslavno»²⁷. Odnos kontinuiranog preimenovanja jednog te istog stanovništva uočljiv je i na mikro planu kroz promjene naziva «gradova, trgovišta ili sela». Tako, kroz navedene popise stanovništva pravilnost je da desetine istih mjesta u nazivu nose različite, administrativno nametnute etnonimske sufikse (odrednice) koje prate *odnos cjeline popisa* prema nazivu srpskog pravoslavnog stanovništva u BiH. Jedan od mnogobrojnih primjera takvog odnosa jeste mjesto Kalendarovci u kotaru (srezu) Derventi (Dervent), sa sufiksima «vlaški» (1879), «pravoslavni» (1885-1895) i «srpski» (1910). Udio srpsko-pravoslavnog stanovništva 1910. godine, u odnosu na ukupan broj stanovnika BiH iznosio je 43,4%²⁸. **Svi popisi stanovništva na području današnje Bosne i Hercegovine od 1879. godine do 1961. godine jasno potvrđuju status srpskog (pravoslavnog) stanovništva kao većinskog u BiH**²⁹. U tom periodu je sprovedeno njih devet (1879, 1885, 1895, 1910, 1921, 1931, 1948, 1953. i 1961. godine) u tri države.

Prvi popis u BiH na kome Srbi gube status većinskog naroda u BiH jeste popis u SFRJ (SR BiH) iz 1971. godine, kada Muslimani prvi put postaju većinska narodnost otkako se na području današnje BiH sprovode moderni popisi stanovništva, tada čineći relativno većinski udio od 39,5% od ukupnog broja stanovnika³⁰. Dodatno, Ustavom SR BiH iz 1974. godine, Muslimani su, uz Srbe i Hrvate, prepoznati kao jedan od konstitutivnih naroda. «Socijalistička Republika Bosna i Hercegovina je socijalistička demokratska država i socijalistička samoupravna demokratska zajednica radnih ljudi i građana, naroda Bosne i Hercegovine — Muslimana, Srba

²⁵ Isto.

²⁶ Za popis stanovništva iz 1885. godine vidjeti u: Ortschaft und Bevöckerungs-Statistik von Bosnien und der Herzegovina nach dem Volkszählungs-Ergebnisse vom I. Mai 1885. Statistika mjesta i žiteljstva Bosne i Hercegovine po popisu naroda od 1. maja 1885. Za popis stanovništva iz 1895. godine vidjeti u: Hauptresultate der Volkszählung in Bosnien und der Herzegovina vom 22. April 1895. Glavni rezultati popisa žiteljstva u Bosni i Hercegovini od 22. aprila 1895. godine — XXVI. 34

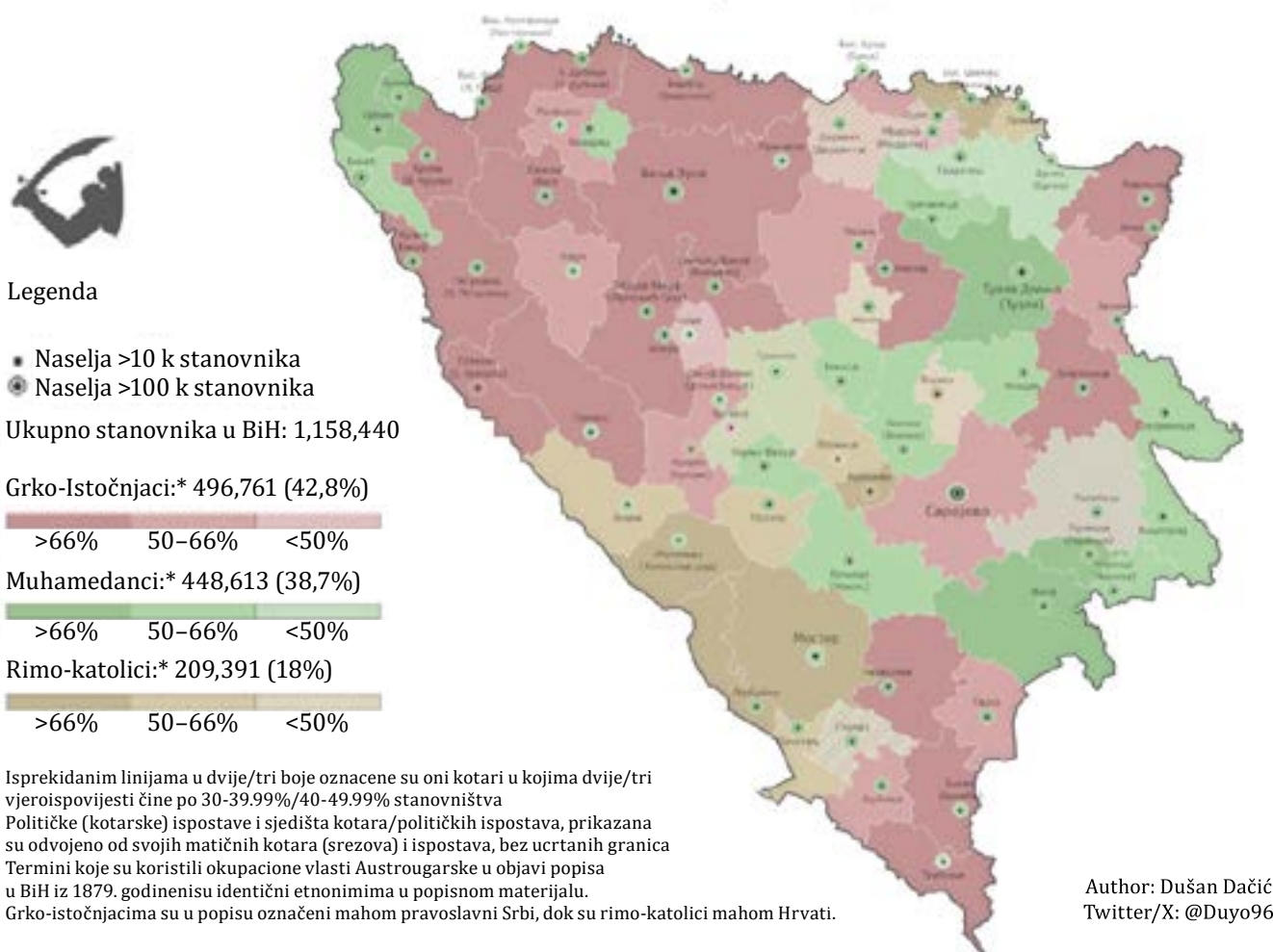
²⁷ Za popis stanovništva iz 1910. godine vidjeti u: Die Ergebnisse der Volkszählung in Bosnien und der Herzegovina vom 10. Oktober 1910 — Tabele — I. Odsjek — sumarni pregledi — I glavni pregled — prisutno civilno žiteljstvo.

²⁸ Isto.

²⁹ Za 1921. godinu vidjeti u: Definitivni rezultati popisa stanovništva od 31 januara 1921 god. — Bosna i Hercegovina. 130. Za 1931. godinu vidjeti u: Definitivni rezultati popisa stanovništva od 31 marta 1931 godine, Knjiga II — prisutno stanovništvo po veroispovesti. VI Pregled 1 a) Apsolutni brojevi, VIII-XII). Za 1948, 1953, 1961 i 1971. godinu vidjeti u: Popis stanovništva, domaćinstva i stanova u 1971. godini. Nacionalni sastav stanovništva SFR Jugoslavije. Podaci po opštinama i naseljima. Knjiga II. Stanovništvo prema nacionalnom sastavu 1948, 1953, 1961 i 1971. godine. 11.

³⁰ Isto.

Vjerska slika BiH prema austrougarskom popisu iz 1879. godine

i Hrvata, pripadnika drugih naroda i narodnosti, koji u njoj žive...»³¹

Status srpskog naroda kao konstitutivnog naroda u BiH potvrđen je Ustavom Bosne i Hercegovine iz 1995. godine (Preambula Aneksa IV Opšteg okvirnog sporazuma za mir u BiH)³².

Dakle, simbol koji bi u sebi nosio značenje «kontinuiteta prisustva srpskog naroda u BiH» ima uporište u zvaničnoj statistici i ustavnim aktima.

Drugi elemenat ovakvog simbola bi mogao da odražava kontinuitet borbe i stradanja srpskog naroda u BiH, što je teško osporivo. Viševjekovni osmanski i begovski jaram (muslimanskih begova nad srpskim kmetovima), koji je zbačen u Hercegovačkom ustanku 1875. godine, zamijenjen je 1878. godine okupacionom vlašću Austrougarske monarhije, tokom čije uprave u Bosni i Hercegovini opstaju feudalni odnosi naslijeđeni iz vremena Osmanskog carstva, postepeno ukidani od donošenja Zemljišnog zakona iz 1910. godine ali u praksi nikada

³¹ Ustav Socijalističke Republike Bosne i Hercegovine s Ustavnim amandmanima I-XII i registrom pojmova (1982). Novinsko-izdavačka organizacija Službeni list SRBiH. Sarajevo. 26.

³² Закон о потврђивању Општег оквирног споразума за мир у Босни и Херцеговини (Сл. лист СРЈ — међународни уговори, број 12/2002) http://demo.paragraf.rs/demo/combined/Old/t/t2003_02/t02_0030.htm

ukinuti u potpunosti. Tome se pridodaju pritisci koji su se u različitim periodima austrougarske uprave (kondominijum te aneksija) ispoljavali na različite načine, od zabrane ili stroge kontrole političkog, kulturnog i drugog javnog djelovanja, identitetskog inženjeringa pa sve do otvorene represije nad civilnim stanovništvom nakon Sarajevskog atentata (1914) i tokom Prvog svjetskog rata (1914-1918)³³. Najstrašnija stranica u historiji Bosne i Hercegovine je, bez sumnje, teror koji su hrvatske ustaše sprovodile nad inovjercima i pripadnicima drugih naroda (prije svega Srbima) tokom postojanja NDH (1941-1945).

Nije slučajno da je Rafael Lemkin (Raphael Lemkin; 1900-1959), najznačajniji inicijator usvajanja Konvencije UN o sprečavanju i kažnjavanju zločina genocida, tvorac riječi «genocid» koju je skovao u svojoj knjizi «Vladavina Sila osovine u okupiranoj Evropi» («Axis Rule in Occupied Europe»), koristio ovu riječ da bi opisao uništenje Srba u NDH³⁴.

Slobodarska tradicija srpskog naroda potvrđena je njegovim masovnim učešćem u pokretima otpora na području okupirane Jugoslavije a posebno preovlađujućim

Legenda

- Naselja >10 k stanovnika
- Naselja >100 k stanovnika

Ukupno stanovnika u BiH: 2,323,555

Pravoslavci: 1,026,972 (44,2%)

>66% 50-66% <50%

Muslimani: 716,930 (30,8%)

>66% 50-66% <50%

Rimokatolici: 519,573 (22,3%)

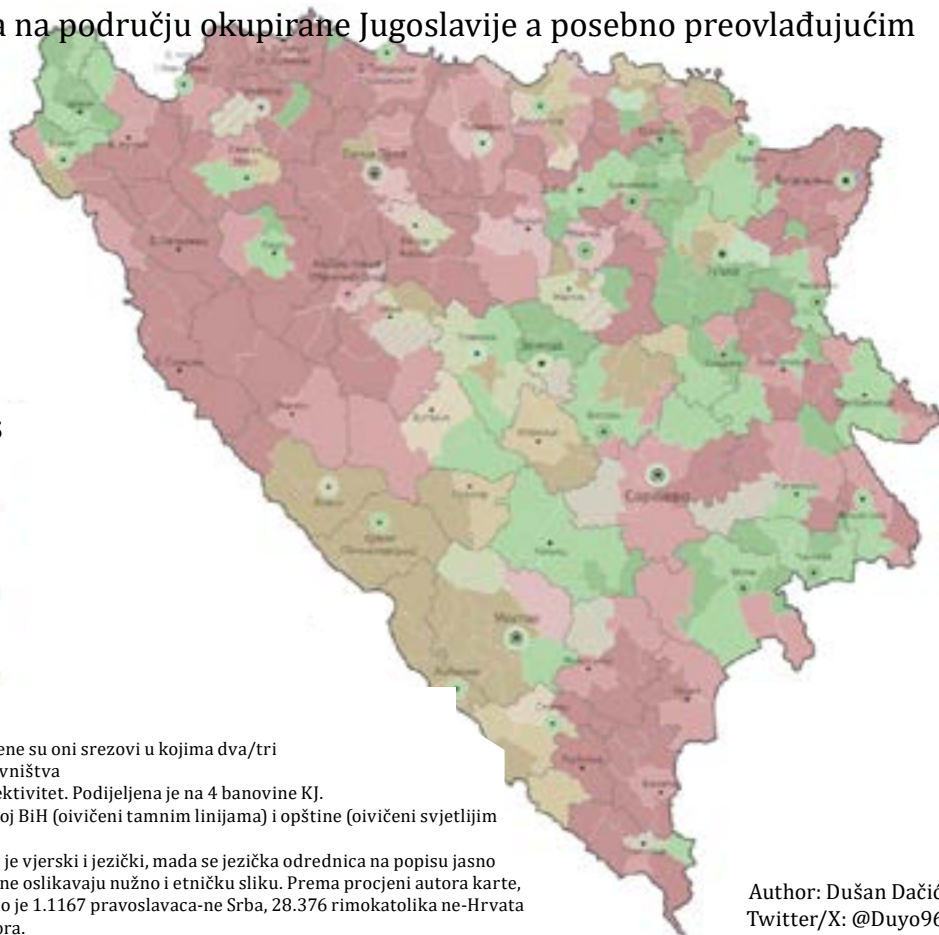
>66% 50-66% <50%

Isprekidanim linijama u dvije/tri boje označene su oni srezovi u kojima dva/tri naroda čine po 30-39.99%/40-49.99% stanovništva

*BiH 1931.godine ne posjeduje nikakav subjektivitet. Podijeljena je na 4 banovine KJ.

Na karti su srezovi KJ sa sjedištem u današnjoj BiH (oivičeni tamnim linijama) i opštine (oivičeni svjetlijim linijama unutar srezova)

**Popis stanovništva u KJ iz 1931. godine bio je vjerski i jezički, mada se jezička odrednica na popisu jasno poistovjećivala sa etnosom. Vjeroispovijesti ne oslikavaju nužno i etničku sliku. Prema procjeni autora karte, na prostoru današnje BiH 1931. godine živjelo je 1.1167 pravoslavaca-ne Srba, 28.376 rimokatolika ne-Hrvata i 1.140 muslimana ne-srpsko-hrvatskog govora.

Author: Dušan Dačić
Twitter/X: @Duyo96

³³ Više o ovome vidjeti u: Kraljačić, Tomislav (1987): Kalajev režim u Bosni i Hercegovini (1882-1903). „Veselin Masleša“ Sarajevo; Ćorović, Vladimir (2015) Crna knjiga patnje Srba Bosne i Hercegovine za vreme Svetskog rata 1914-1918. Prometej. Novi Sad; Sarajevo 1914: Sparking the First World War. By Mark Cornwall. Part III. 13. The inner enemy in wartime: the Habsburg state and the Serb citizens of Bosnia-Herzegovina, 1913-18. By Heiner Grunert

³⁴ Axis Rule in Occupied Europe; Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress. By Raphael Lemkin. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. 259.

Nacionalni sastav identifikovanih jugoslovenskih žrtava iz Drugog svjetskog rata (1941-1945) sa prostora SR BiH

Legenda

Žrtava, ukupno: 210,074**

Srba: 156,313 (74,4%)

<50% 50-66% 66-90% >90%

Musliman:* 31,899 (15,1%)

<50% 50-66% 66-90%

Jevreja: 11,070 (5,2%)

<50% 50-66%

Hrvata: 7,414 (3,5%)

<50% 50-66% 66-90% >90%

* Muslimani (sa velikim M) – FNRJ sui generis narodnosna odrednica.

** Spisak nije potpun a sadrži i brojne manjkavosti

Izvor: Ukupan broj i narodnost žrtava za BiH iz "Tabelarnog pregleda sačinjenog poslije nepotpune revizije" neznatno se razlikuju od detaljnog spiska imena i narodnosti žrtava korišćenog kao izvor za kartu. Tabelarni pregled sačinjen poslije nepotpune revizije. Oba dokumenta popisuju žrtve rata "prema mjestu popisa i prema mjestu boravka (...) prije 6. aprila 1941.

***S obzirom na značajne manjkavosti tabelarnih pregleda drugih republika SFRJ u vidu oznaka narodnosti žrtava, pri izradi karte provjerom na nasumičnom uzorku od 10 opština (Cazin, Banovići, Vlasenica, Bileća, Bugojno, Čajniče, Gradačac, Teslić, Hadžići, Ključ) tj., na uzorku od 14.588 imena žrtava utvrđene su vjerovatne nepravilnosti pri oznaci narodnosti žrtava kod njih 202 (1,38%)

Note: prema izvoru, Srbi čine >99% žrtava iz Drugog svjetskog rata u opštinama Drvar i Šipovo. Urađeno prema administrativnoj podjeli SR BiH (SFRJ) na opštine 1971.

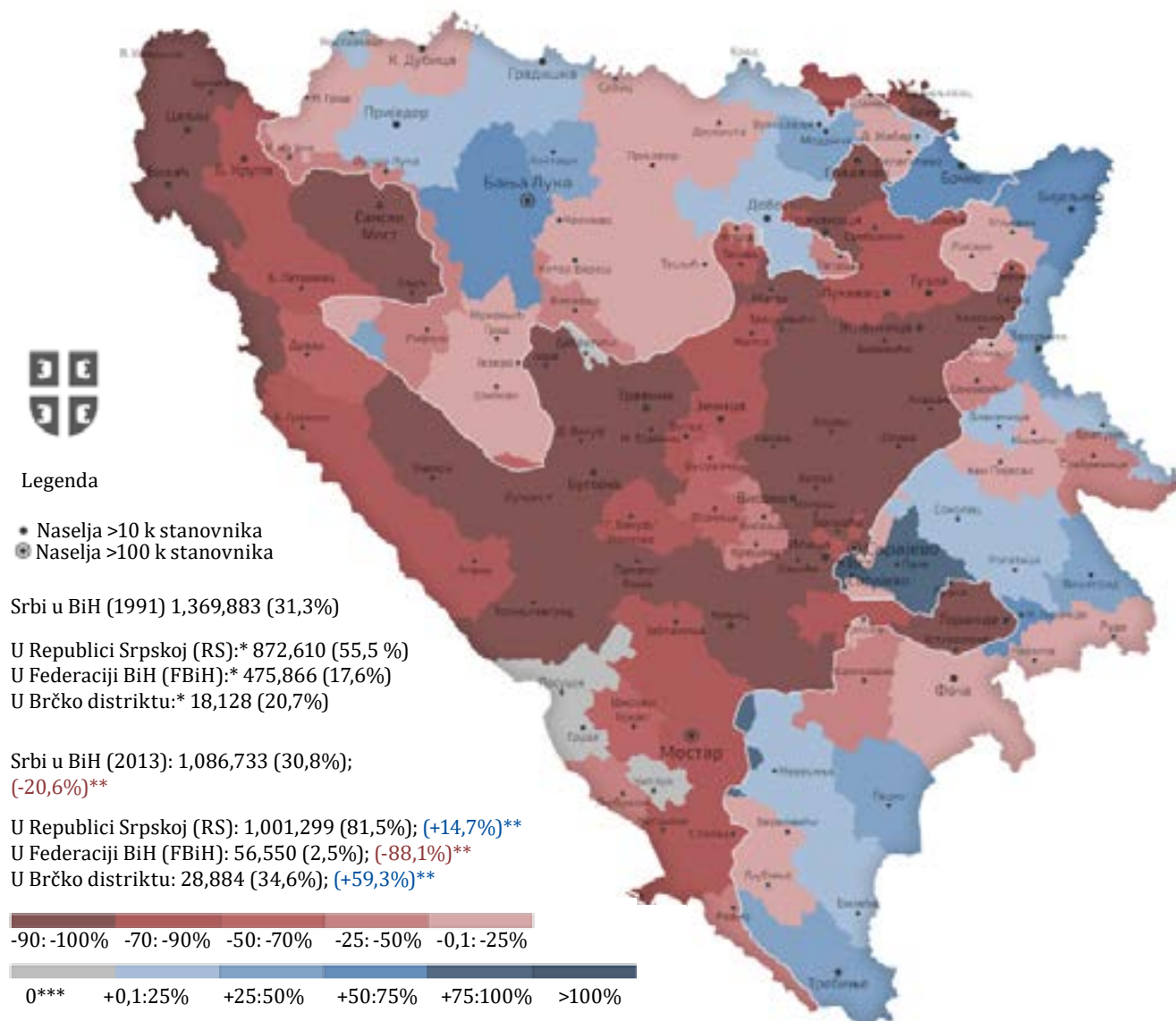

Author: Dušan Dačić
Twitter/X: @Duyo96

karakterom narodnooslobodilačke borbe (NOB) kao „srpskog ustanka” na području NDH. Na području Bosne i Hercegovine ovakav karakter ustanka naročito je bio upadljiv u Bosanskoj Krajini. Primjera radi, na području predratnog jajačkog sreza na popisu stanovništva iz 1931. godine a u granicama poslijeratnih opština Donji Vakuf, Jajce i Šipovo (NR/SR BiH), pravoslavni Srbi su činili 51,7% od ukupnog broja stanovnika, dok su tokom ratne 1941. godine svi poginuli borci partizanskog pokreta sa područja ovih poslijeratnih opština dolazili iz redova srpskog naroda, njih 113.

Period FNRJ/SFRJ u BiH (1945-1992), iako vrijeme ekonomskog i socijalnog napretka, bio je period ideologije „bratstva i jedinstva” bez obzira na nasljeđe Drugog svjetskog rata. Rezultat toga bio je prikrivanje uzroka i pogubnih posljedica genocida nad Srbima u NDH u čijem sastavu se prostor današnje BiH nalazio. Politički odnosi naroda Bosne i Hercegovine, izmijenjena demografska slika društva, potiskivane traume starih neprijateljstava iz vremena Drugog svjetskog rata ali i ekonomska stagnacija i nagomilani politički problemi tokom osamdesetih i početkom devedesetih godina 20. vijeka, doprinijeli su otvaranju vrata ratnom sukobu u BiH, koji je donio nova i opsežno

Procentualna promjena broja Srba u BiH po opštinama/entitetima
između popisa iz 1991. i 2013. godine

*Entiteti: Federacija BiH (FBiH) i Republika Srpska (RS), kao i kondominijum Brčko distrikt BiH (BD), nisu postojala u trenutku popisa u SFRJ/SR BiH iz 1991. godine

** (-20,6%/+14,7%) u odnosu na broj Srba u SR BiH/entitetima/distriktu (1991).

*** Opštine bez prisustva Srba ili za njihovim zanemarljivim brojem <20 na oba popisa.

Author: Dušan Dačić
Twitter/X: @Duyo96

dokumentovana stradanja srpskog naroda³⁵. Najvažniji je egzodus Srba iz Sarajeva.

Egzodus sarajevskih Srba je dugogodišnji proces. Na području predratnog Grada Sarajeva koji se danas nalazi u sastavu Federacije BiH, tj. Kantona Sarajevo i opštine Pale-Prača Bosansko-podrinjskog kantona Goražde, između popisa stanovništva u SFRJ iz 1991. godine i popisa stanovništva u BiH iz 2013. godine

³⁵ Više o ovome vidjeti u: *Žrtve odbrambeno-otadžbinskog rata* (2019). Republički centar za istraživanje rata, ratnih zločina i traženje nestalih lica. Banja Luka. <https://www.rcirz.org/?r3d=zrtve-odbrabeno-otabinskog-rata> ; *Atlas zločina nad Srbima tokom Odbrambeno-otadžbinskog rata* (2022). Republički Centar za istraživanje rata, ratnih zločina i traženje nestalih lica. Banja Luka. *Atlas zločina* — Republički centar za istraživanje rata, ratnih zločina i traženje nestalih lica.

broj Srba manji je za 121.158³⁶. Ovo ne računajući nacionalne Jugoslovene, od kojih su mnogi bili srpskog etničkog ili mješovitog porijekla, kao ni Srbe koji su iz drugih ratom zahvaćenih područja SFRJ izbjegli na područje predratnog Grada Sarajeva tokom 1991. i početkom 1992. godine. Budući da je na području predratnog Grada Sarajeva koji se danas nalazi u okviru ova dva kantona FBiH prema popisu u SFRJ (SR BiH) iz 1991. godine živjelo 134.453 Srba a da je na istom području prema popisu stanovništva u BiH iz 2013. godine živjelo 13.300 Srba, to označava

Procentualna promjena broja Srba na prostoru bivšeg (predratnog) Grada Sarajeva* između popisa u (SR) BiH iz 1991. i 2013. godine posljedice je

vo u Republici Srpskoj.

Legenda

○ Sjedišta opština

Srbi: 50,003 (12,9%);* -97,220 (-51,8%)*

IU FBiH dijelu* 13,300 (3,2%);

-121,158 (-90,1%)*

U Gradu Sarajevu** 10,422 (3,7%);

-75,677 (-87,9%)*

U RS dijelu* 46,703 (94,3%);

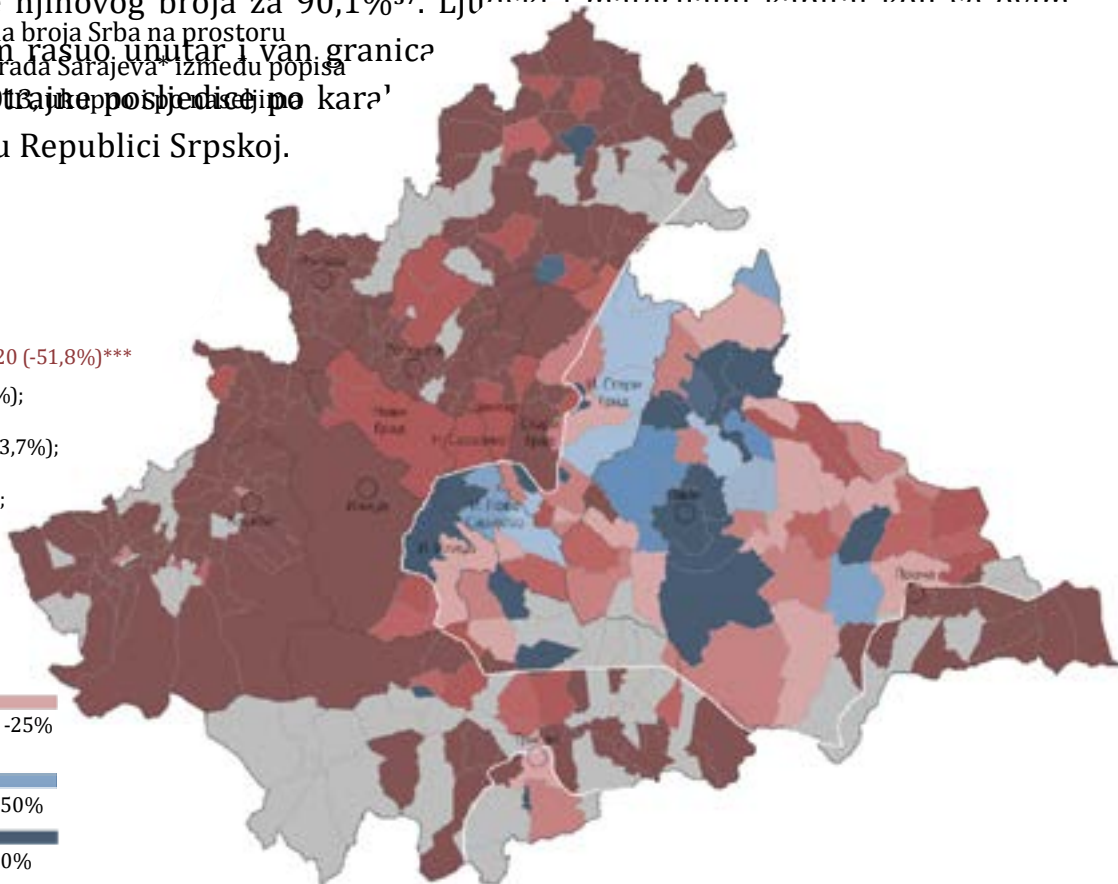
+23,938 (+105,1%)*

-90:-100% -70:-90%

-50:-70% -25:-50% -0,1:-25%

0 +0,1:25% +25:50%

+50:75% +75:100% >100%

* Predratni Grad Sarajevo (1991) danas je podijeljen između Republike Srpske (Grad Istočno Sarajevo) i Federacije BiH (Kanton Sarajevo i Bosansko-podrinjski kanton Goražde). Na karti su omećani (entitetskom) bijelom linijom

** Grad Sarajevo po teritorijalnoj organizaciji iz 1996. kao zajednica opština: Novi Grad Sarajevo, Novo Sarajevo, Centar i Stari Grad

*** (-61,8%/+105,1%): u odnosu na broj Srba na istoj teritoriji prema popisu u SR BiH (SFRJ) iz 1991.

Author: Dušan Dačić
Twitter/X: @Duyo96

Međutim, ne može se reći da je egzodus sarajevskih Srba u dovoljnoj mjeri prepoznat kao mjesto kolektivne traume srpskog naroda (u BiH) iako nesumnjivo posjeduje elemente koji bi ukazivali na to.

³⁶ <http://www.statistika.ba/>

³⁷ Isto.

Startovali su motore i uzletjeli sa najvećom mogućom brzinom, pa u niskom brišućem letu iznad neprijateljskih položaja poletjeli ka sjeveru. Kapetan je obećao onima što su ostali na aerodromu i što su suludo trčali preko piste za Kikašom da će se vratiti i da nikog neće ostaviti. Let koji bi u normalnim okolnostima trajao trideset i pet preletjeli su za samo dvanaest minuta. Bio je to najčudniji Bobov let! Ljudi nakrcani jedni preko drugih u Boingu ležali su, ili čučali na patosu dok su drugi stajali prilijepljeni uz zidove, a po četvoro njih nalazilo se u toaletama. Ovo je bio let bez šifre i broja, bez kafe, čajeva i sokova, bez ikakvih obavještenja o vremenskim prilikama i dužini putovanja. Naravno, niko nije bio vezan. Iskricali bi ove nesrećnike na vojnom aerodromu u Batajnici i ne gaseći motore odmah se vraćali za Sarajevo po novi transport užasa. Bobu se činilo da otima i odnosi iz svog rodnog grada sve što može strpati u avion. Kada odveze unesrećene žitelje, vratiće se po zelena brda, rijeku i najdraže sarajevske uglove možda onaj kod Kopelmanovog sata, ili neki od posebno dragih mostova...

...Dolje u grotlu, svjetlucajući sumporastim isparenjima, duboko i šumno, režala je nanovo razbuđena zvijer i varila žrtve koje je progutala toga dana. Bobu se činilo kako čuje škrgut njenih crnih zuba i kao da do njega, čak gore na nebo, dopire njen smrtonosni lojav i zadah. Tačno u deset uveče Bob se vratio sa posljednjeg leta za Sarajevo.

Momo Kapor «Posljednji let za Sarajevo. Sarajevska trilogija»

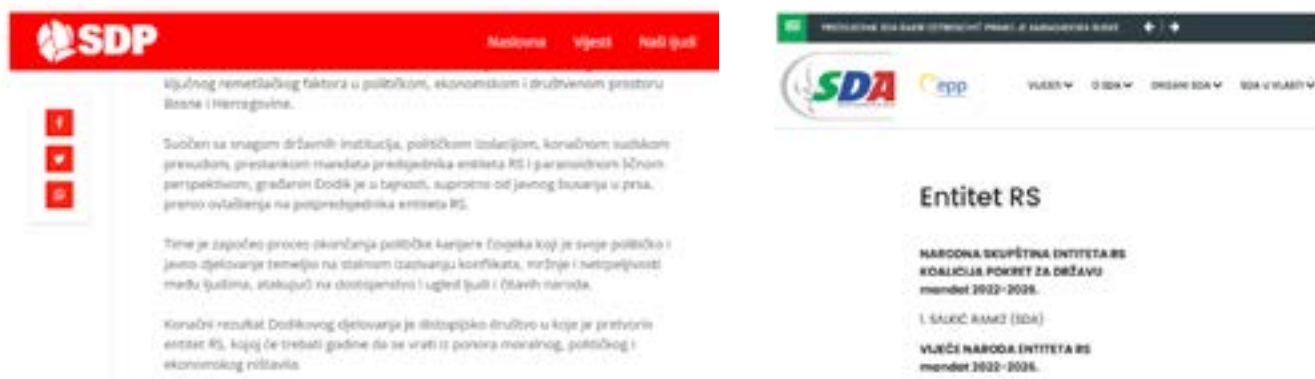
Simbol Srba u BiH mora da se bori protiv političkog negiranja gore navedenih činjenica i namjernog umanjivanja značaja Srba na ovom području. Kroz istoriju Bosne i Hercegovine, Srbima na ovom području negirali su se upravo aspekti identiteta koje bi ovakav simbol trebalo da nosi u sebi. Negiranje identiteta srpskog naroda na području BiH ozvaničeno je, po uzoru na nacističku Njemačku, diskriminacionim propisima Nezavisne Države Hrvatske (NDH) u Drugom svjetskom ratu (1941-1945) koji su za rezultat imali sprovođenje genocida (Zakonska odredba o prelazu s jedne vjere na drugu, 1941; Zakonska odredba o zabrani ćirilice, 1941)³⁸. Svjedoci smo svakodnevnih pokušaja da se ove činjenice relativizuju, često s ciljem negiranja srpskog nacionalnog identiteta, djelimično ili u cjelini.

Nazivi poput «bosanski pravoslavci», «Vlasi» ili skorije «Genocidaši», opšte su

³⁸ Jedan od izvora u kojem su predstavljeni ovi propisi je: Mataić, A. (ur.) (1941): Nezavisna država Hrvatska. Zakoni, zakonske odredbe i t.d. proglašene od 11. travnja do 26. svibnja 1941. Knjiga I (svezak 1-10). St. Kugli. Zagreb.

prisutni u svakodnevnoj komunikaciji, pa i među onim javnim djelatnicima koji ponegdje važe za cijenjene³⁹.

Ovakav stav često se vidi i u sistematičnom izbjegavanju izgovaranja/pisanja naziva entiteta «Republika Srpska» i umjesto njega isključivim korišćenjem odrednice «manji (BiH) entitet» ili upadljive skraćenice «RS», koja se opet i sama

vrlo često dalje deformiše pisanjem skraćenice sa malim slovom «s» («Rs»), malim slovima («rs») i obesmišljavanjem naziva izgovaranjem skraćenice kao «Er-es».

U Preambuli Ustava Bosne i Hercegovine iz 1995. godine Bošnjaci, Srbi i Hrvati se navode kao konstitutivni narodi u BiH. *Ova konstitutivnost nije ograničena entitetskim granicama.* Iako čine tek 2,5% stanovništva Federacije BiH prema popisu stanovništva u BiH iz 2013. godine⁴⁰, Srbi su konstitutivan narod u FBiH prema Ustavu FBiH iz 1994. godine⁴¹. Za simbol kontinuiteta prisustva i stradanja srpskog naroda u Bosni i Hercegovini ovo je važno jer kao takav, on potpuno zaobilazi postojeće teritorijalne (entitetske) odrednice. Ne vezuje se nužno za okvire Republike Srpske, već ih nadilazi. Srpska Republika Bosna i Hercegovina, kasnije Republika Srpska, kao iznuđeni izraz državnosti srpskog naroda u Bosni i Hercegovini, legitimizovan je i međunarodno potvrđen Dejtonskim mirovnim sporazumom iz 1995. godine u teritorijalnom i ustavnopravnom okviru Bosne i Hercegovine (član 1 stav 3 Ustava BiH tj. Aneksa IV Opšteg okvirnog sporazuma za mir u BiH)⁴².

Dakle, čini nam se izuzetno važnim da ne samo vizuelno odrazimo kontinuitet prisustva, stradanja i borbe srpskog naroda kao ravnopravnog i istorijski ukorijenjenog naroda Bosne i Hercegovine, već i da svim mogućim sredstvima stvorimo predstavu o tome u kolektivnom sjećanju srpskog naroda kao i svjetske javnosti. Tu treba naglasiti da se upravo u ovom konkretnom smjeru bošnjačka propaganda pokazala više nego uspješnom, promovišući događaje u Srebrenici, koje nazivaju «genocidom», ne samo

³⁹ <https://x.com/dijalekticar/status/1949092483201114589> i <https://radiosarajevo.ba/metromahala/ja-mislim/dragan-bursac-kako-su-vlasi-prvo-postali-bosanski-pravoslavci-pa-onda-srbi/587854>

⁴⁰ <http://www.statistika.ba/>

⁴¹ <https://www.paragraf.ba/propisi/fbih/ustav-federacije-bosne-i-hercegovine.html>

⁴² Zakon o potvrđivanju Opšteg okvirnog sporazuma za mir u Bosni i Hercegovini (Sl. list SRJ — međunarodni ugovori, broj 12/2002) http://demo.paragraf.rs/demo/combined/Old/t/t2003_02/t02_0030.htm

kao univerzalni, bezuslovno prihvaćeni simbol unutar hrvatsko-muslimanskog entiteta, već i kao međunarodni presedan, koji je Generalna skupština UN priznala kao takav u maju 2024. godine. Navedimo da je prilikom donošenja rezolucije o «genocidu» u Srebrenici od strane Generalne skupštine UN ogromnu ulogu igrala produkcijska kuća «Deblokada» Jasmile Žbanić.

Po našem mišljenju, nešto najbliže takvom bošnjačkom simbolu se nalazi u *egzodusu sarajevskih Srba* prije, tokom i neposredno nakon Rata u BiH (1992-1995). Srbi u najvećem broju napuštaju urbano gradsko područje (gradsko jezgro) Sarajeva pod kontrolom Armije Republike BiH (ARBiH) i Hrvatskog Vijeća Odbrane (HVO) već u prvim (pred)ratnim mjesecima 1992. godine⁴³. Drugi talas masovnog napuštanja grada dešava se krajem 1995. i početkom 1996. godine, ovoga puta iz okolnih (mahom ruralnih) područja predratnog Grada Sarajeva pod kontrolom Vojske Republike Srpske (VRS) a koja su Dejtonskim mirovnim sporazumom pripala Federaciji BiH⁴⁴. Radi se o područjima predratnog Grada Sarajeva, koja najčešće nisu bila dio gradskog jezgra, tj. manjim ili većim dijelovima opština: Novo Sarajevo, Ilidža, Hadžići, Trnovo, Vogošća i Ilijaš. **Dakle, nasuprot uvriježenom mišljenju, Srbi grad nisu napustili „po naređenju”**⁴⁵ već je područje predratnog Grada Sarajeva napuštano u kontinuitetu s kulminacijama (pikovima) u dva navedena vremenska perioda.

Bob je tako ostao bez oca i bez porodičnog stabla. Ono ga se otreslo. Očeva kuća je opljačkana i u nju su se uselile muslimanske izbjeglice iz istočne Bosne. Poslao je nekoliko pisama na svoju staru adresu moleći nepoznate nove stanare da mu sačuvaju porodično stablo, a kuću i pokućstvo neka slobodno zadrže, ali ostao je bez ikakvog odgovora. Ko zna šta se dogodilo sa velikim granatim drvetom na zidu?

Najvjerovatnije je njime potpaljena vatra. Despoti su navikli da nestaju u ognju.

Tako je izgorelo čvornovato despotsko korijenje.

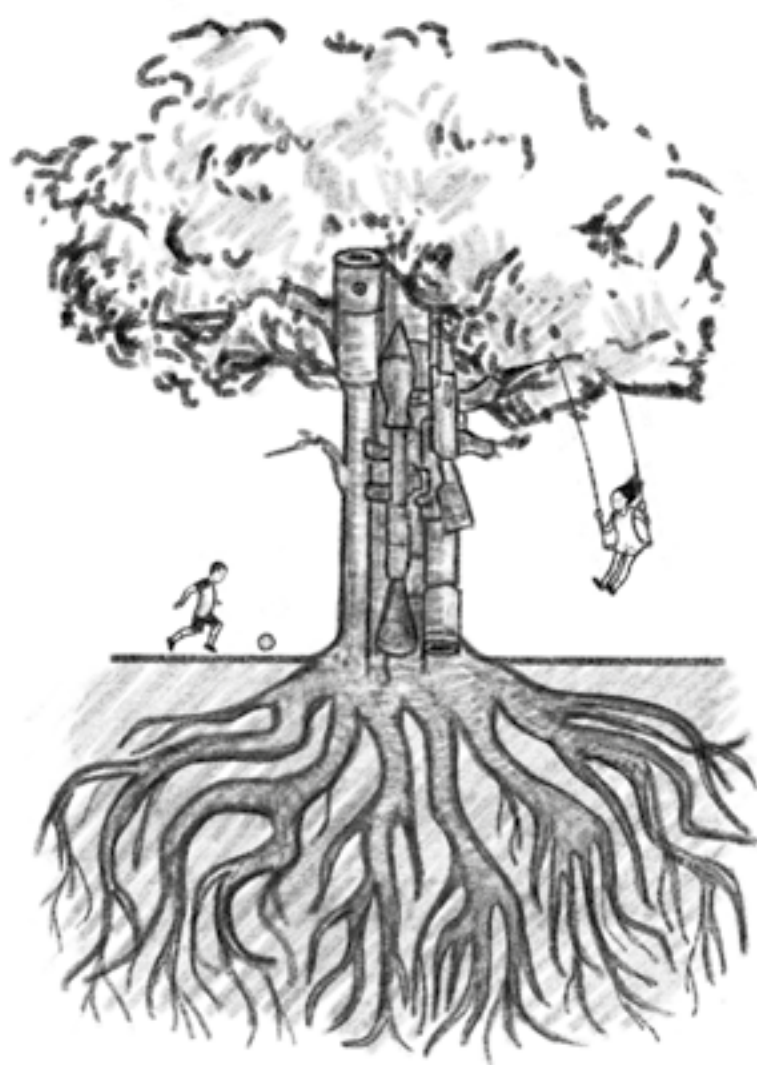
Momo Kapor «Posljednji let za Sarajevo. Sarajevska trilogija»

Egzodus i nicanje novog grada od udžerica na poljani pored vojne kasarne u Lukavici, nisu ništa drugo od simbola kontinuiteta stradanja, prisustva i borbe Srba. Stvaranje simbola koji odražava stvarnost je jedini put da se formira normalni međuetnički dijalog u zemlji. Upravo takva praksa bi trebalo da bude osnov za buduću

⁴³ Brock, Peter (2005): Media cleansing : dirty reporting : journalism and tragedy in Yugoslavia. GM Books. Los Angeles. P. 286.

⁴⁴ Žila, Ondřej (2021): The Flight of Serbs from Sarajevo: Not the Dayton Agreement's First Failure, but its First Logical Consequence. Journal: Nationalities Papers / Volume 49 / Issue 5 / September 2021. Published online by Cambridge University Press: 18 August 2020, pp. 967-985

⁴⁵ <https://www.klix.ba/vijesti/bih/kulanic-bosanski-srbi-su-sarajevo-napustili-zbog-direktne-naredbe-karadzica-i-krajisnika/230701020> i <https://www.frontal.ba/blogovi/blog/61978/oko-157.000-srba-saraeva-su-veinom-pod-prisilom-proterani-iz-saraeva-od-1992.-godine-do-danas>

30 Years of Dayton: How are you, Bosnia? Scientific monograph

Reviewers:

Dr. Maxim Bratersky, Professor at the Higher School of Economics (HSE University)

Dr. Konstantin Nikiforov, Director of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (RAS)

The team of authors:

Ekaterina Entina (HSE University), Nikita Bondarev (RAS Institute of Slavic Studies), Mikhail Lobanov (RAS, Institute of Economics), Alexander Nadzharov (HSE University), Denis Eremin (RAS Institute of Europe), Stefania Ivetić (HSE University), Sergei Artemov (MGIMO University), Elizaveta Bykova (MGIMO University), Alexander Pivovarenko (HSE University), Nemanja Stepanov (HSE University), Nikolai Derevtsov (independent researcher).

Edited by Dr. Ekaterina Entina, Professor at the Higher School of Economics (HSE University)

Translation into the official languages of Bosnia and Herzegovina by Sergei Artemov
English translation by Alexei Maganov

Layout by Zhilina Lika

Ethnic maps by Dušan Dačić

Cover by Bykova Elizaveta

ISBN 978-5-907867-95-6

Publishing House Zebra E
Moscow 2025

CONTENTS

RUSSIAN VERSION	4
OFFICIAL LANGUAGES OF BOSNIA AND HERZEGOVINA VERSION	126
SUMMARY	242
SOCIETY	245
BOSNIA AND HERZEGOVINA: EXPECTATIONS AND REALITY	245
CINEMA OF BOSNIA AND HERZEGOVINA: BETWEEN “FORCED RECONCILIATION” AND “PLAYING THE VICTIM”	272
ECONOMICS	295
ECONOMIC FRAGMENTATION AND THE NAISSANCE OF ETHNIC ECONOMIES IN POST-DAYTON BOSNIA AND HERZEGOVINA: TOGETHER OR APART?	295
POLITICS	326
OFFICE OF THE HIGH REPRESENTATIVE: DISINTEGRATION THROUGH UNIFICATION	326
STATE SYMBOLS OF BOSNIA AND HERZEGOVINA	340
CONTINUITY, TRAGEDY, AND STRUGGLE AS SYMBOLS OF BIH SERBS.....	348
ANNEX: The List of High Representatives’ Decisions Published on the OHR Website Since December, 1997	362

SUMMARY

In 2025, thirty years after the signing of the Dayton Peace Agreement, Bosnia and Herzegovina once again began to feature prominently in the international press. Within the discourse of the global community, it is portrayed as an unfinished, dysfunctional state, burdened with unresolved ethnic tensions and political conflicts, seemingly on the verge of sliding back into another butchery. The ghost of the Yugoslav wars of the 1990s continues to haunt public consciousness, and news from Bosnia is often perceived, almost instinctively, through this prism. At the same time, anyone visiting the country will encounter a Balkan state with its own problems, but also with a unique cultural character and striking natural beauty.

A classic depiction of Bosnia in all its “blossoming complexity” was offered by Nobel laureate Ivo Andrić in his short story *Letter from 1920*.

«Whoever spends a sleepless night in Sarajevo may hear the voices of the city at night. Heavy and steady, the bells of the Catholic cathedral strike: two past midnight. Just over a minute later, the bells of the Orthodox church respond with a slightly weaker but piercing tone, marking their own two hours. A little later, from the tower of the Bey's Mosque, the bells toll in a hoarse, distant voice — eleven hours, ghostly Turkish hours, counted according to the strange reckoning of faraway, foreign lands! The Jews have no bells of their own to mark the time; only God knows what hour it is for them. In the darkness, while everyone sleeps, the distinctions that divide these drowsy people remain awake in the counting of the empty night hours - people who, when awake, rejoice and grieve, feast and fast according to four different, quarrelsome calendars, and send all their wishes and prayers to the same sky in four different liturgical languages. These differences, sometimes visible and open, sometimes hidden and treacherous, always resemble hatred, and often are entirely identical to it».

In a hundred years, little has changed. The last thirty, dedicated to a socio-political experiment seeking to the establish of a full-scale international protectorate over a formally sovereign European state, have yielded ambiguous results. In our study, we attempt to draw an interim assessment of this experiment, primarily in the social and economic spheres, that is, in the areas of greatest significance to every individual, regardless of faith, nationality, or age.

To this end, we conducted a large-scale sociological study online, involving more than 2,500 respondents, along with a series of in-depth interviews with representatives of the main ethnic groups in Bosnia and Herzegovina. To analyze the narratives prevalent in society regarding self-perception and identity, the authors also turned to Bosnian-Herzegovinian cinema produced over the past thirty years.

Our study reveals a deeply divided country, whose peoples have not learned to live together, instead constructing parallel realities. While Serbs and Croats do not truly feel Bosnia and Herzegovina is their country, for thirty years the Bosniaks, under the influence of their own intelligentsia and the Western community, have attempted to transform their identity both through cinema and through politics of historical memory. This new Bosniak identity rests on a complex of victimhood and ostensible powerlessness. It is built on the memory of war and suffering, devoid of any creative or constructive element, and stands in tension with the historical self-perception of the Bosniaks. It is largely for this reason that the chances of building Bosnia as a unified country with a “bright common future” remain slim; the social experiment has, in effect, minimized the very foundations necessary for a constructive state.

At the same time, it would be inaccurate to describe Bosnia and Herzegovina as an entirely dysfunctional and hopeless country. The country still maintains and develops its industrial sector, which, however, is largely controlled by either ethnic or foreign capital. Ethnic capital sustains value chains where necessary, but there are no forces capable of driving the creation of a unified economic space. It could be partially explained by the fact that, due to the status of its Central Bank, Bosnia and Herzegovina lacks true monetary and, consequently, economic sovereignty.

In our view, the most obvious obstacle to creating a more effective state is the Office of the High Representative and the system of governance that emerged as a result of its establishment. In our study, we demonstrate how this system functions as a whole. Its integral components include not only the High Representative himself and the semi-sovereign institutions, but also an extensive network of non-governmental organizations that provide analytical and informational support for their activities. It is precisely this vertically integrated system that has caused efforts to unify the Bosnian space, thirty years on, to result in even greater internal disintegration.

One of the most notable aspects of this system stems partly from a chain of unfortunate circumstances and partly from deliberate design. Since the 2000s, it has manifested in a systematic campaign targeting the symbols and identity of Serbs in Bosnia. In the political discourse, this is usually described merely as an effort to dismantle Republika Srpska as an autonomous entity. In our view, the situation is far more serious and requires deeper analysis. Ultimately, Western policies that label Republika Srpska as a “genocidal” entity, ban the use of universal symbols of the Serbian people, and reduce Serb history in Bosnia exclusively to the 1990s, are designed to erode “Bosnian Serbhood” itself. For both the Serbs and the international community, this effectively compresses their identity into a narrow set of prescribed narratives and so-called “irrelevant” historical myths. A similar scenario has already largely succeeded for the Western world in Kosovo and Metohija. For this reason, as one of the necessary responses, our study proposes that Serbs themselves should

reflect on and create a symbol representing the continuous presence of the Serbian people in the space of Bosnia and Herzegovina.

We have conducted our study, surveyed the opinions of over two thousand citizens of Bosnia and Herzegovina, and spoken with dozens of Bosnians. We observed not only problems and shortcomings, but also a genuine desire among people to live in a peaceful and prosperous society. Yet lasting peace and prosperity can only be achieved through equal and open dialogue among the country's peoples. This becomes exceedingly difficult when the public discourse is dominated by a single set of politicized narratives, often promoted by external actors. We hope that our work offers not merely an alternative perspective on Bosnia, but also serves as an invitation to a wider, candid, and constructive discussion.

BOSNIA AND HERZEGOVINA: EXPECTATIONS AND REALITY

— *In your opinion, what makes modern Bosnia and Herzegovina unique?*

— *The beauty of life. People here still know how to sit down, enjoy the moment, have a drink, eat well, talk, connect with nature, feel joy, spend time with family. I don't know if it's Pan-Slavism or something else, but we have such a feature. That's the charm of life.*

(Male, age 38, Serb)

There are too many "buts" and too many commas here (in Bosnia and Herzegovina).

(Female, age 24, Bosniak)

Western foundations and research centers regularly conduct public opinion polls among the citizens of Bosnia and Herzegovina. These surveys typically focus on public attitudes toward EU membership and corruption in the country. Much less frequently do they explore issues of national identity, interethnic relations, or trust in political institutions. Our study seeks to fill that gap. In conducting our sociological survey, we aimed to understand how the titular peoples of Bosnia and Herzegovina view one another thirty years after the signing of the Dayton Agreement, namely how they see the future of their country, their own place in it, and how they assess Bosnia's political and economic prospects.

Our study, conducted in an online format, involved over 2,500 participants, of whom 1,177 completed the questionnaire in full. The survey results were normalized to reflect the gender and age distribution, as well as the ethnic composition, of Bosnia and Herzegovina. Respondents were asked to answer 32 questions.

When analyzing the data collected, it is crucial to take into account the internal dynamics of Bosnian society. Bosnia and Herzegovina is marked by a high level of mutual distrust among ethnic groups, which makes many topics extremely sensitive: responses are often perceived not merely as personal opinions, but as indicators of political or national affiliation. The post-conflict nature of the society only heightens this sensitivity. The traumas of the past continue to shape the socio-political landscape and affect people's willingness to speak openly about issues that concern them. The country's multiethnic composition and fragmentation, both in terms of space and

institutions, further complicate matters. What is considered “normal” or “common sense” in one local community may be interpreted in a completely opposite way in a neighboring one. The post-Dayton political architecture, built on the principles of ethnic parity and ongoing compromise, creates an environment in which sociological surveys not only reflect public opinion but also become embedded in a complex political puzzle. This presents specific challenges for researchers who aim to remain neutral and uphold academic integrity. In such a context, scholars face not only the difficulty of collecting reliable data, but also the need to consider how their research methods, the wording of questions, and explanatory models may be perceived differently across various segments of the population.

Organizing a series of in-depth interviews with residents of Bosnia and Herzegovina proved to be an even more demanding process than conducting the anonymized quantitative survey. Finding respondents willing to engage in an open and honest conversation was challenging: some potential participants ignored our requests altogether, while others agreed only with numerous reservations, clarifications, and questions about the purpose of the research and how the data would be used. Even those who eventually took part often acted with self-restraint: carefully choosing their words, avoiding sensitive topics, or opting for socially acceptable formulations. For a social researcher, this phenomenon is itself revealing: it reflects not only the high level of social distrust, but also the extent to which a “politically correct” mode of discussing sensitive social issues has become deeply ingrained in public discourse.

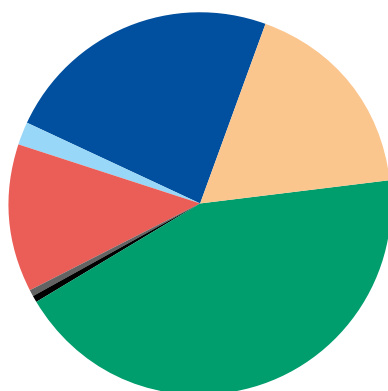
Interethnic Relations and the Question of National Identity

A revealing trend emerged in the series of in-depth interviews: almost none of the respondents identified with the civic category "Bosnian". This form of self-identification was typically found only among cosmopolitan-oriented participants, often those who had lived through the Yugoslav period and for whom the idea of a supra-ethnic community still holds value. In other cases, the term "Bosnian" was interpreted primarily as a regional identity, tied to territorial belonging, but not to a shared political community.

To put that simply, I understand the term "Bosnian" as a regional identity. (Male, age 28, Serb)

I am a citizen of the Republic, specifically, the Republic of Bosnia and Herzegovina—and I stand firm on that. After all, it was as a republic that it emerged following the breakup of Yugoslavia. And Yugoslavia itself was dismantled. Nowadays, I might be more inclined to call myself a Yugoslav. But since that country no longer exists, deep down I still consider all the peoples of the former Yugoslavia as my fellow countrymen, if you will. Unfortunately, that sense of unity has been lost, vanished into space, disappeared somewhere in the universe. So, I try to hold onto this central identity, as a Bosnian. (Male, age 74, Bosnian)

Ethnic self-determination of respondents

- Bosnians and Herzegovinians
- Bosniaks
- Montenegrins
- Other
- Croats
- Yugoslovenes
- Serbs

It's worth noting that the responses to the more "technical" question about national self-identification in the online survey revealed a very interesting picture: 17% of respondents identified themselves as Bosnians (Bosanci i Hercegovci). However, the vast majority of these people (95%) live in the Federation of Bosnia and Herzegovina (FBiH). Among those who identify with a "civic identity" and are in long-term relationships or marriage, 81% have partners who also share this civic identity, 11% have Bosniak partners, 5.5% have Croat partners, and only 2% have Serb partners. This clearly shows that the "civic identity" has indeed taken root within part of the population, but primarily among the Muslim-Croat community. It's also worth mentioning that mixed long-term relationships or marriages made up 10% of the respondents.

Well, you know, how should I put it... Of course, differences exist, we've already talked about that. They're connected not only to questions of identity but also to the traumas of war. Still, I believe people are capable of working together. It's not quite like how it's sometimes portrayed in the media. People collaborate on certain tasks and, so to speak, steer clear of politics. If there's a higher purpose or if we understand what really matters to us, why drag politics into it? That's why I think people can definitely cooperate. (Male, age 31, Serb)

But we can't be sure we can fully trust each other, because on all sides there are extremists who believe there should be more war, more killing, and so on. This exists on all three sides. I can't fully trust either the Bosniaks or the Croats. I also understand that they can't fully trust the Serbs, because I know that here, on the Serbian side, there are definitely some people with radical views. (Male, age 28, Serb)

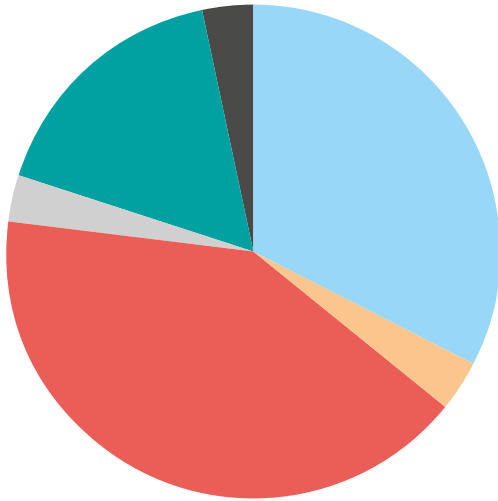
For example, I'm a member of a cultural and educational society, a Serbian cultural and educational society, involved in educational activities... In Sarajevo, I organize concerts and run some programs whenever I'm invited. I even wrote a story for their newspaper, so I'm quite active there. In other words, I interact with both sides. And for me, unlike what might be important for your answer, national identity isn't the defining or deciding factor when it comes to friendship. (Male, age 74, Bosniak)

They are close to me personally. I consider Serbs close to me both culturally and in terms of identity. There are also some cultural similarities and differences that matter. For example, the overall atmosphere in Republika Srpska feels much more comfortable. Here in the Federation, we often find ourselves in a situation where we have to be afraid to express our identity, even on street signs... Moreover, there are various extremist groups in the Federation that you can see out on the streets. And that's definitely unpleasant. So, from that perspective, Republika Srpska is unquestionably freer for Croats than the Federation. So, to be honest, yes, Republika Srpska feels much closer to me. (Male, age 42, Croat)

I have never had such problems: I have friends of all faiths and nationalities, and for me, that is not an issue. But I believe that in some places, in some cities, such problems do exist. (Female, age 28, Bosniak)

Data from the sociological survey show that ethnic tension in everyday situations is at a low level. In response to the question, "Would you informally communicate at a corporate event with members of another ethnic group," 41% of respondents said

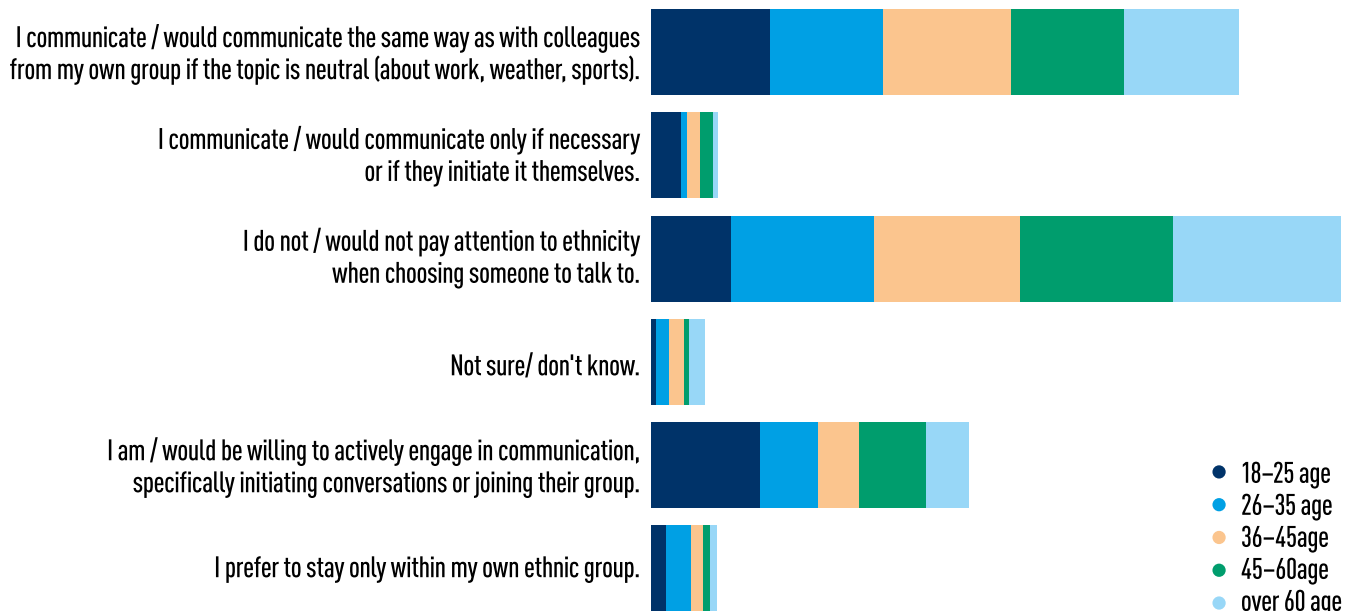
Are you personally prepared to informally communicate with the colleagues from another ethnic group at a company event?

- I communicate / would communicate the same way as with colleagues from my own group if the topic is neutral (about work, weather, sports).
- I communicate / would communicate only if necessary or if they initiate it themselves.
- I do not / would not pay attention to ethnicity when choosing someone to talk to.
- Not sure/ don't know.
- I am / would be willing to actively engage in communication, specifically initiating conversations or joining their group.
- I prefer to stay only within my own ethnic group.

they would not pay attention to a person's ethnicity when choosing a conversation partner, and another 16% noted that they themselves would initiate a conversation with representatives of another ethnic group. 32% stated that they would be willing to communicate on a neutral topic, and only 3% of respondents expressed disinterest in such communication.

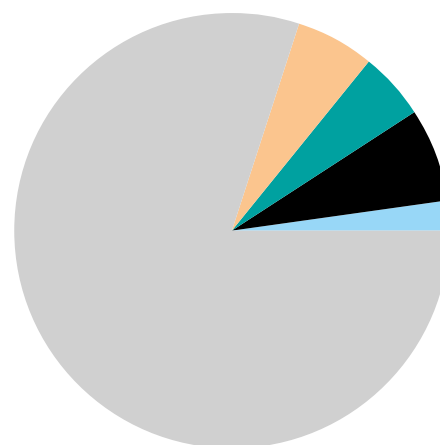
Notably, the responses among ethnic groups differ only within the margin of statistical error. However, a completely different picture emerges when considering age groups. For example, 30% of respondents aged 18 to 25 said they would initiate a conversation themselves, while only 11% of respondents in the 36 to 45 age group gave a similar response.

- 18-25 age
- 26-35 age
- 36-45 age
- 45-60 age
- over 60 age

Similarly, respondents answered the question of whether they are inclined to trust an expert from another ethnic group who speaks on a socially significant topic on television or YouTube. Almost 80% of respondents in the online survey noted that the ethnicity of the speaker does not matter to them.

However, while analyzing the data from the in-depth interviews, it became clearer that people had trouble trusting experts who were not from their own ethnic group. Most participants expressed trust in the expert but immediately added a caveat: this trust remains only in cases where the topic is not politics or the interpretation of events from 1992–1995.

- Ethnicity does not affect my level of trust. I would evaluate their opinion based solely on its content and arguments.
- I am totally not likely to trust
- I fully trust
- Rather unlikely to trust
- Rather likely to trust

I don't mind if assessments are given on non-political issues, in other words, if the topic is not related to war events, but rather concerns some specialized field. Of course, in that case, nationality does not matter to me. (Male, age 31, Serb)

If there is a conversation and, say, a political scientist is discussing the situation in the Middle East or the French question, then probably their nationality doesn't matter. But if the discussion is about some internal processes, then perhaps a certain percentage of people might have questions and doubts. However, I don't think this is a 100% widespread issue. (Female, age 24, Bosniak)

Even if they are telling the truth, I would have some doubts. And others even more so. (Female, age 22, Croat)

Respondents answered somewhat differently to the question of how they would feel if their son or daughter married someone from another ethnic group. 32.5% would perceive it negatively, 21.3% positively, and another 24.9% neutrally. 6% of people noted that their attitude would depend on the nationality or religion of their son's or daughter's partner. It is worth noting that responses across age categories and ethnic groups were almost the same, except for the group of respondents who identified as "civic": in their case, only 15.5% would react negatively to such a marriage, while 40% would respond positively.

My parents can work with people of different faiths professionally. Everyday communication is fine too. But my dad would never accept the idea that my partner might have a different faith. He just wouldn't be able to handle it.

(Female, age 28, Serb)

I don't mind, because there are already mixed marriages in my family. It doesn't matter to me. The only thing is that the person shouldn't be too religious. I think being very religious is a bigger issue for people than nationality. (Female, age 22, Croat)

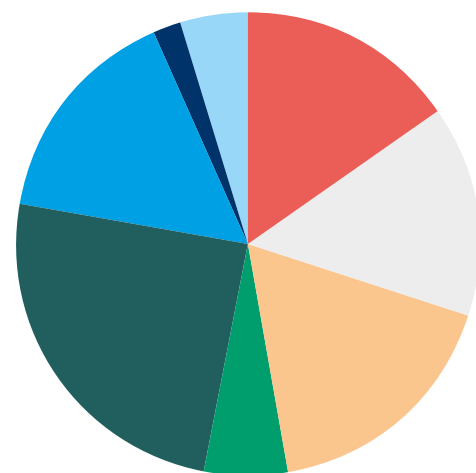
Well, I would have a problem if they married Bosnian Muslims. (Male, age 42, Croat)

At least Muslims take this quite seriously, because many of them go abroad to work, even to nearby countries like Slovenia... And even though many plan to stay there for life, they still look for a spouse from their own country, preferably from their own faith. (Female, age 24, Bosniak)

The only thing I would object to is if that person were a radical, meaning if they demanded my child to change their religion or something like that. In that case, I wouldn't openly support it. That's exactly what I mean: faith in Christ is very important to me.

(Male, age 38, Serb)

Attitude towards inter-ethnic marriage

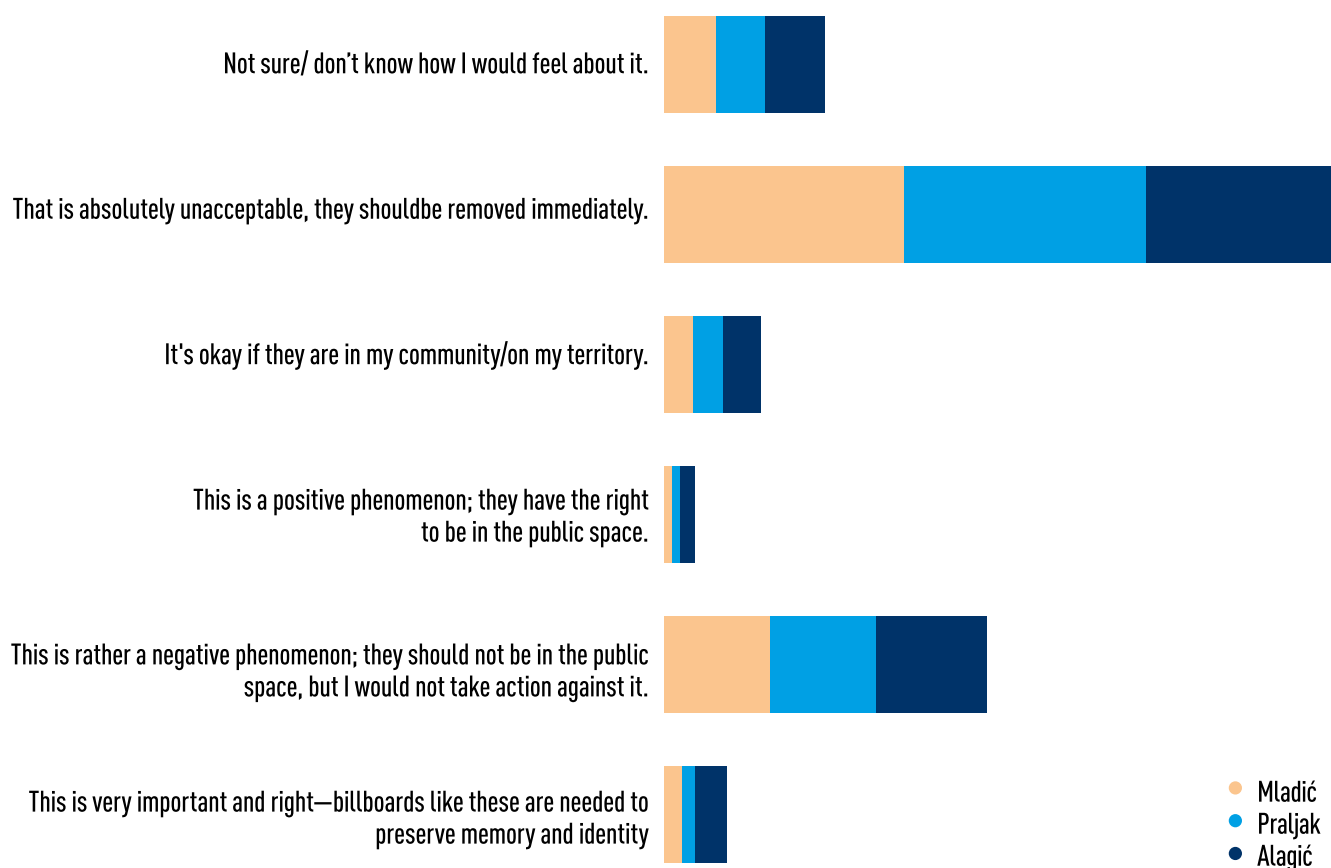
- Strongly opposed and would try to prevent the marriage.
- Not sure/don't know how I would feel about it
- Do not approve but I wouldn't actively oppose it.
- I would approve this marriage
- I would be neutral (it's his/her personal choice)
- I would support it and will be happy about this marriage
- Depends on what ethnic group the partner belongs to.
- Depends on person's faith

Overall, the sociological data suggest two main conclusions about the state of interethnic relations. First, the level of interethnic hostility is relatively low. It certainly exists, especially on sensitive issues related to family and personal life, as seen in responses about marriage, but it clearly does not dominate society. One-third of respondents gave negative answers to this question, and only 15% of them are willing to actively oppose such relationships, which hardly indicates a broadly intolerant society. Second, the survey results show that, more than three decades after the war ended, most respondents are eager to emphasize the absence of ethnic prejudice. This may point to a self-censorship effect and a tendency to give socially desirable answers.

Historical Memory and National Symbols

The responses to questions about historical memory prove to be quite interesting. Specifically, respondents were asked to share their opinions on the acceptability of displaying three murals in public spaces: those of Ratko Mladić, Slobodan Praljak, and Mehmed Alagić. Notably, while the percentage of responses regarding Mladić and Praljak were almost identical, a significantly larger number of people expressed a “passive” condemnation in the case of Alagić. This difference is essentially linked to the fact that Bosniaks made up the majority of the survey participants.

Imagine you're driving through Bosnia and Herzegovina and you see a billboard. It displays symbols (flags, emblems, slogans, images) that directly or indirectly make reference to armed groups from another ethnic community. How would you feel about such a billboard being displayed in a public space?

While 30% of Serbs and 33% of Croats had a positive view of murals featuring “their generals,” only 21% of Bosniaks and just 10% of Bosnians saw the mural of M. Alagić as a positive part of the public space. Overall, respondents showed a clearly negative attitude toward murals that glorify generals from the civil war.

Exactly, I disapprove. I think it's a circus, we're in the 21st century. But most people, I'd say, don't react at all. I react negatively. To me, it's gross, disgusting, because a million people left after the war, and hundreds of thousands died. Why do we need this? As a society, we just don't react anymore. There's no reaction left. You just look and feel nothing. You drive by in a car — nothing. (Female, age 22, Croat)

I don't want to see this, not from my own ethnic group, not from myself, and not from others. (Female, age 27, Serb)

Of course, it's a negative phenomenon, but it's exactly this that shapes the political life of Bosnia and Herzegovina. Stirring up ethnic tensions benefits certain political elites. Obviously, that's a bad thing. Maybe the whole situation is even somewhat mystified, not excessively, but to a certain degree. You can see it in how memory is handled, in politics of memory, in how certain important dates are marked. But, as I said, this year marks 30 years since the war ended, and that's a long time. So, in any case, memories are slowly fading. Still, you can't say the war has completely disappeared from everyday life or that it no longer affects people's daily realities. (Male, age 31, Serb)

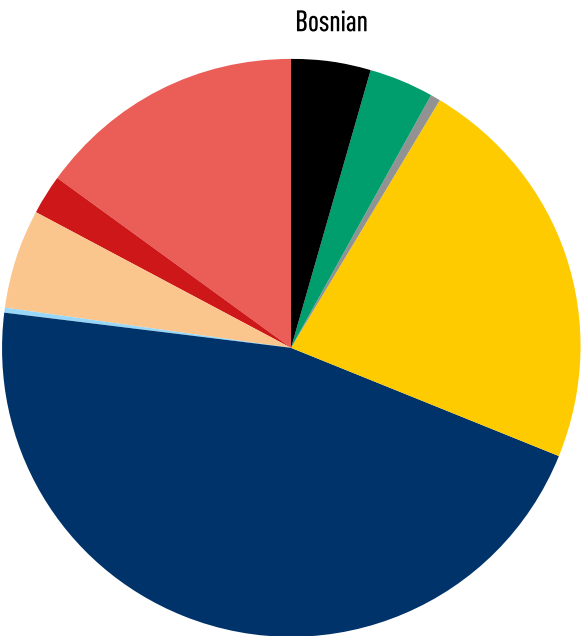
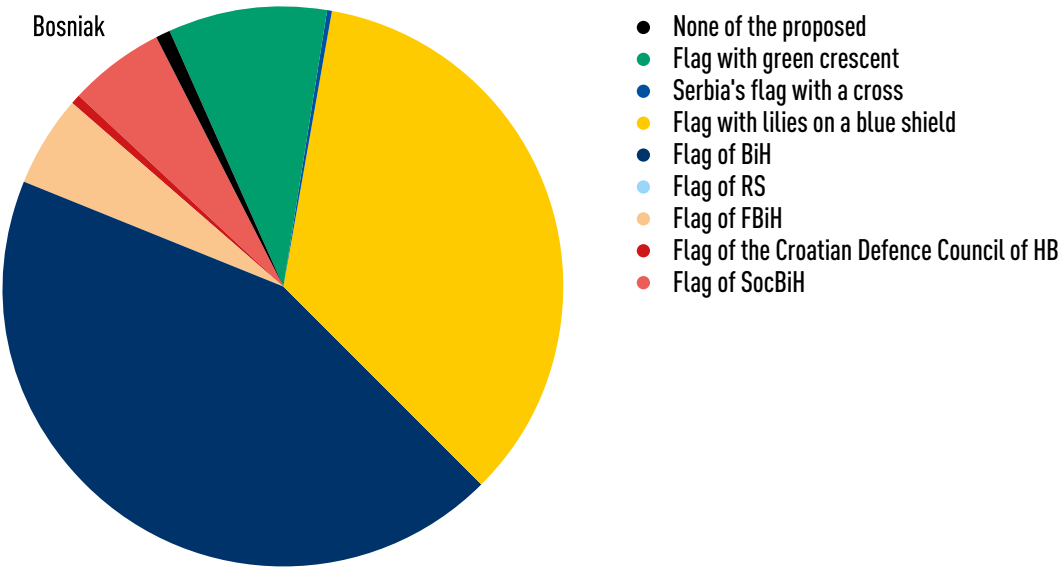
It is not necessary. No one needs it. (Female, age 28, Bosniak)

Of course, I view this negatively and see it as provocative and unnecessary, precisely because these conflicts, the aggression, and the grand national ambitions have already had huge consequences for all three peoples. When I say that, I mean all three groups that now dominate in Bosnia and Herzegovina. (Male, age 74, Bosniak)

The responses to the question 'Which flag do you most identify with?' were particularly telling. Respondents were given a choice of eight flags: the green flag with a crescent and stars (used by Bosniak militias), the red-blue-white tricolor with the Serbian cross (used by Serb militias), the flag with golden lilies on a blue shield and a white stripe, the current national flag of Bosnia and Herzegovina, the flag of Republika Srpska, the flag of the Federation of Bosnia and Herzegovina, the flag of the Croatian Republic of Herzeg-Bosnia, and the flag of the Socialist Republic of BiH.

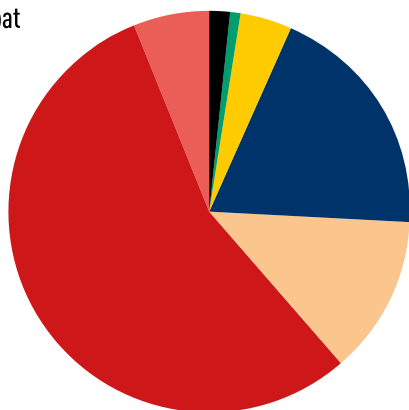
The responses broke down as follows across the four main identity groups:

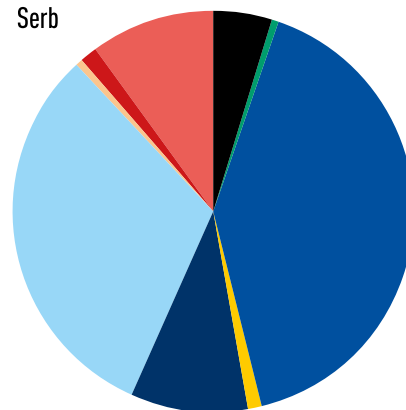
The state symbol is most strongly identified with by those who hold a civic identity, followed by Bosniaks, Croats, and lastly Serbs.

Each of the main ethnic groups associates themselves with the flags of their armed forces from the war period, with this association being most pronounced among Croats (55%), compared to 44% of Bosniaks and 41% of Serbs. Predictably, Serbs show the strongest identification with the entity flag, at 32%.

Croat

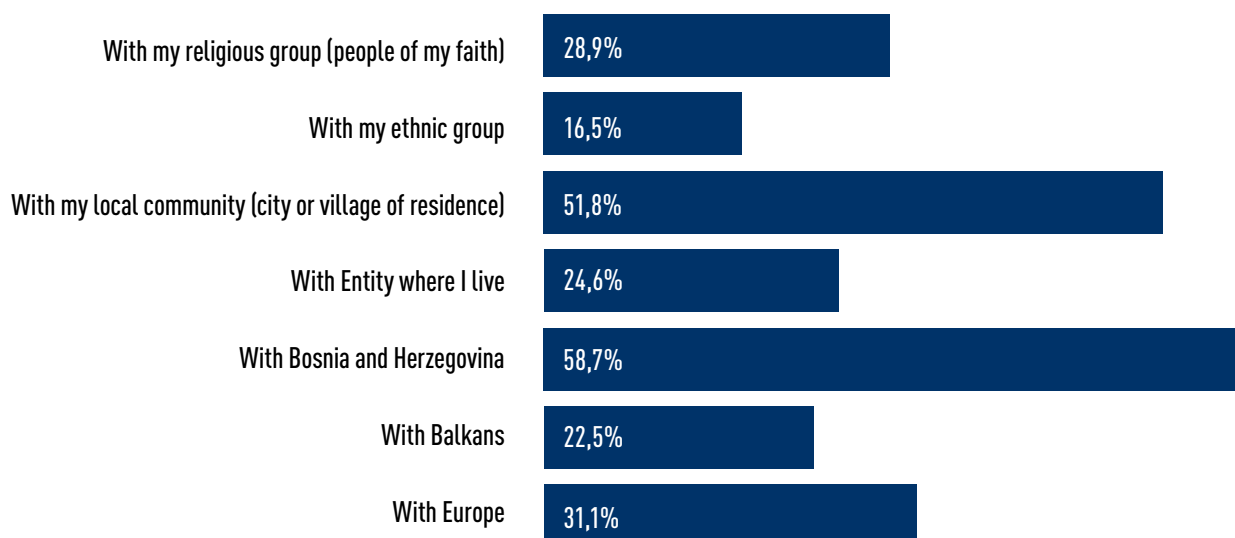

Serb

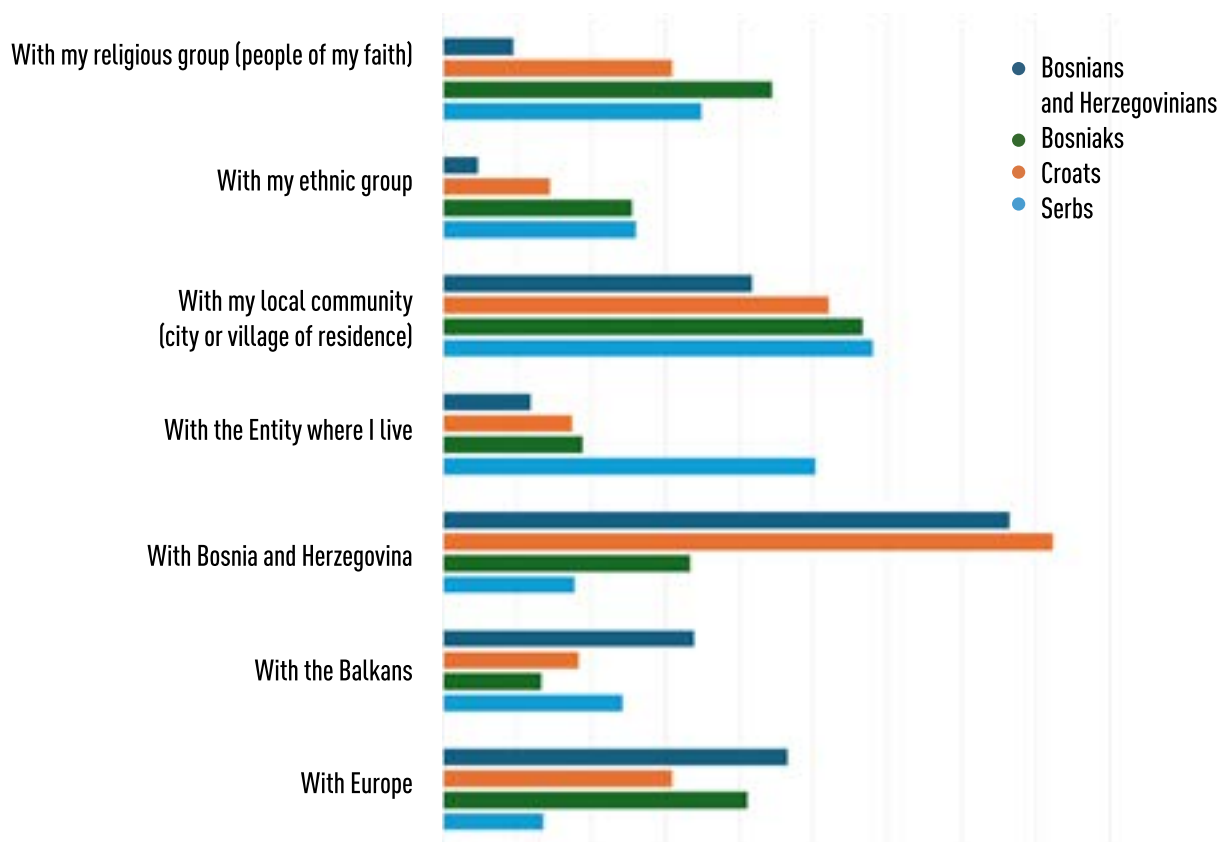

Croats are more likely to identify with the flag of the Federation of Bosnia and Herzegovina (13%), although overall this symbol has not really taken hold. Fifteen percent of those with a civic identity feel an association with the flag of socialist Bosnia. These responses indicate that the Bosnia and Herzegovina flag is seen as “their own” primarily by Bosniaks and those identifying as “civic Bosnia,” the majority of whom are ethnically Bosniak.

When asked 'What do you most identify with?' allowing multiple answers, respondents replied as follows:

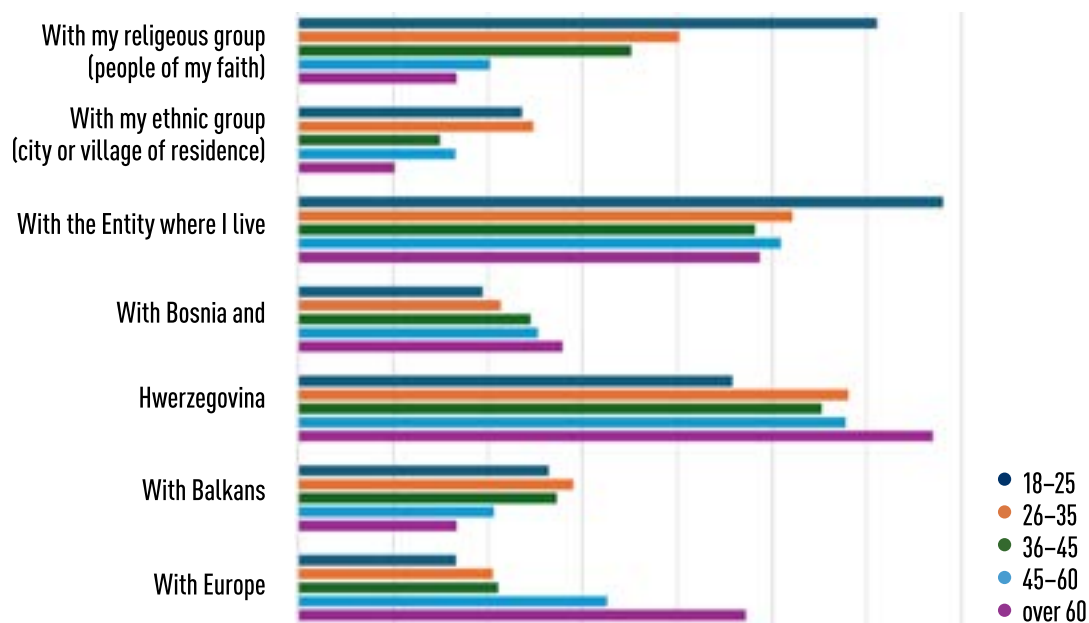
The data show that respondents' loyalties are quite fragmented. About 59% identify primarily with the country itself, while roughly 52% feel their strongest connection to their local community. Nearly equal numbers of people identify either with Europe or with their faith. When broken down by ethnic identity, the responses to this question look as follows:

It's clear that local identity remains consistently strong. The Bosnians and Bosniaks identify with the Bosnian state, while Serbs identify with their own entity. Croats most clearly identify with their religious community, and both Bosnians and Croats show the strongest identification with Europe.

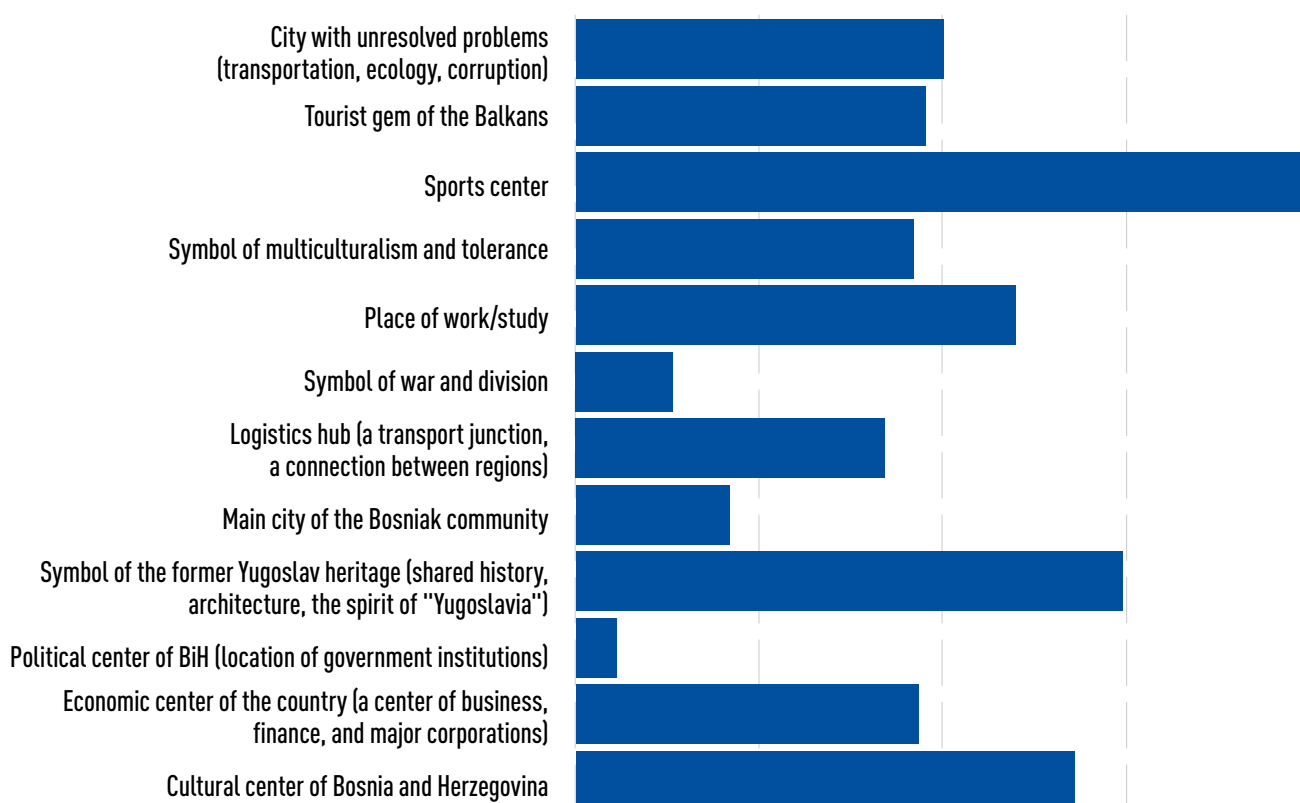
Even those Croats who don't attend church and aren't Catholic, and there are such people, still act through the church. So there's an inseparable, unbreakable link between the Catholic Church and the Croatian population. As a result, Croats are practically powerless to take political action without at least the silent approval of the Catholic Church. At the same time, the Catholic Church itself is an institution, not a political force. (Male, age 42, Croat)

At the same time, the situation looks even more interesting when viewed by age group:

Young people (age 18–25) most strongly identify with their faith and local community, while older generations primarily identify with Bosnia and Herzegovina as a country and their local community. The oldest generation shows the strongest identification with both Europe and their entity.

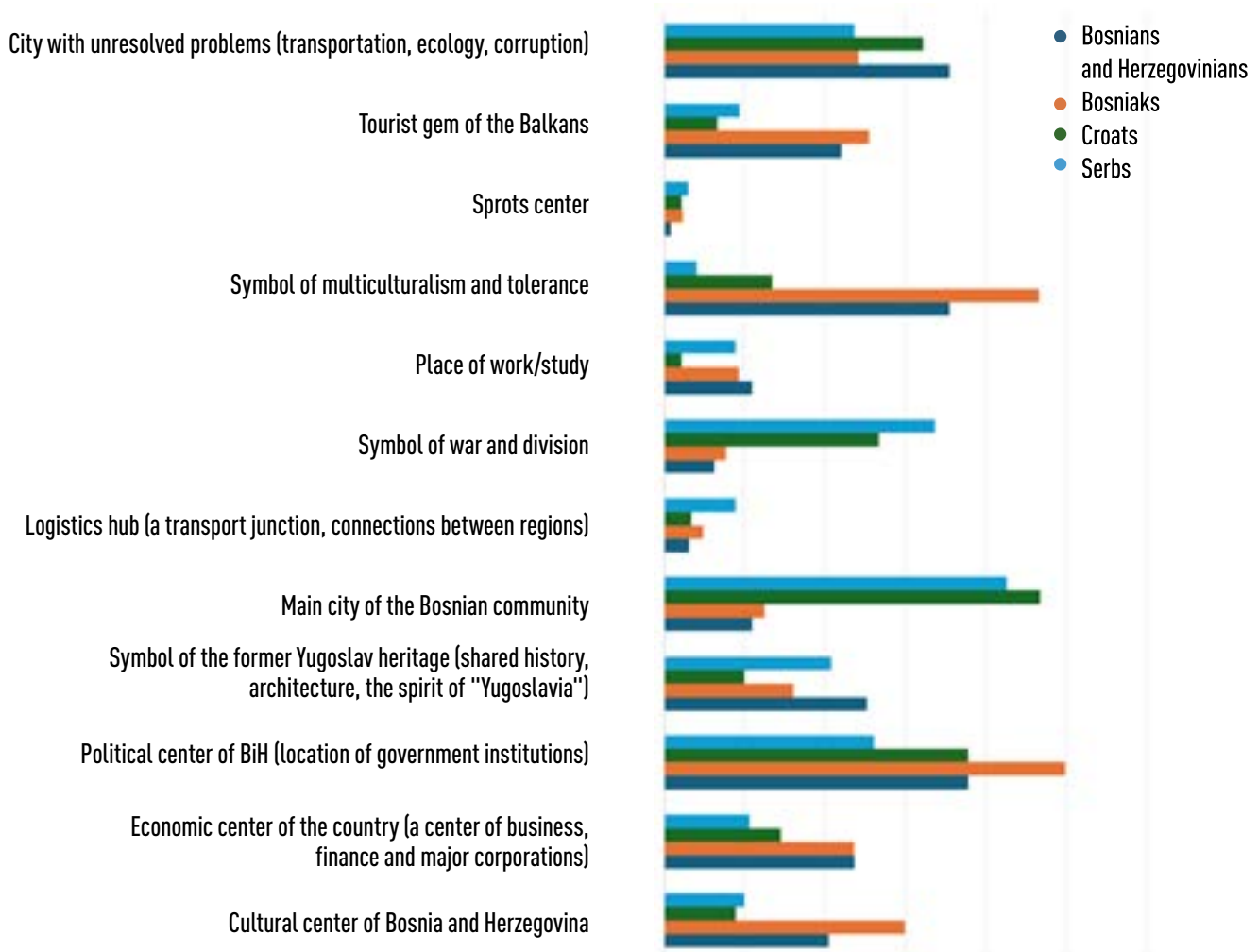
Finally, in this section, respondents were asked, “What does Sarajevo mean to you?” The answers were distributed as follows:

It's a small town, quite colorful, but also pretty poor. In winter, buildings are still heated the old-fashioned way, with coal. The town often has smog and smoke. In summer, it's usually a bit cooler than other regions because of its location in the mountains. From a logistics standpoint, it's great for traveling to other European cities and countries. But when it comes to the town itself and its infrastructure, especially for young people's leisure, it's rather... sad, I'd say. Compared to a city like Moscow, there are very limited options for entertainment. Still, it's a compact town with a unique character. (Female, age 24, Bosniak)

Notably, none of the answers received an absolute majority. The most popular responses were “the political center of Bosnia and Herzegovina,” “a symbol of multiculturalism and tolerance,” and “a city with unresolved problems.” Significant differences become apparent when looking at the answers by ethnic group:

For Bosniaks, Sarajevo is seen as the center of Bosnia and Herzegovina and a symbol of tolerance. For those with a civic identity, it's the same, but they also view it as a city with unresolved problems.

I don't think anything specific needs to be singled out here. Like any capital city in the world, what role does a capital play? It's the main financial center, where decisions are made and power sits. (Female, age 24, Bosniak)

Sarajevo is, I would say, a metropolis, an oasis of multiethnic communities that respect each other. Politicians, politics, and those who talk about political Sarajevo and so on. That's nonsense, it's fiction. The best confirmation of what I'm saying now is the constant growth in the number of tourists year after year, despite the lack of any systematic policy in this area. Sarajevo has been recognized several times as one of the most attractive destinations in the world. Several times. Right now, at this moment, it's not in first place, but the city is full of tourists. (Male, age 74, Bosnian)

For Serbs, it is the main city of the Bosniaks and, most often, a symbol of war and division.

If any Serbs remain in Sarajevo, they share more common traditions and topics with a Muslim from Sarajevo than a Serb from Vranje does with a Serb from Sarajevo. But that mostly belongs to the past. Now there are only some traces left... I haven't been there, but it's definitely a big city, a city with a rich history, the host of the Olympic Games - that's something we can say about Sarajevo at certain moments. But today, it is a very Islamized city, a city cleansed of Serbs, so I can't say it evokes any positive emotions in me now. Some historical ones, certainly, but today, no, nothing positive. (Male, age 31, Serb)

Well, regarding the city itself, I personally love that Eastern culture. Sarajevo is also called a little Istanbul, and I had the opportunity to visit Istanbul, and I really like that city. And I also really like Sarajevo as a city, and I always enjoy going there. But in a certain sense, I don't perceive it as my city. I think, and this is already on a subconscious level, however subjective that may be, I just feel at home in Belgrade or Novi Sad, but not in Sarajevo. I mean, I don't think that, I don't know, someone would kill me in Sarajevo. <...> But still, I don't think I feel safe in Sarajevo, probably. (Male, age 28, Serb)

For Croats, it is both the political center of Bosnia and Herzegovina, the main city of the Bosniaks, and a city with unresolved issues.

The capital, a source of pride, a beautiful city. But it has become too “fake-Islamized”; it wasn’t like that ten years ago. The city is beautiful, wealthy, developing, but there’s too little of the Balkan, Slavic spirit... Sarajevo is the capital of all of us, but we are no longer there. There are signs in Arabic. It’s a kind of dissonance, a social dissonance that not only Croats and Serbs feel, but Bosnian Muslims too. They don’t like it either. (Female, age 22, Croat)

The atmosphere in Sarajevo is noticeably negative toward all forms of difference. That is, any deviation from the dominant narrative there puts you in a very uncomfortable position. There is propaganda, a machinery that promotes the exact opposite image, of Sarajevo as an open, multiethnic, cultural city. That may be true, but only for tourists who come for a day or two. Anyone who stays in Sarajevo for more than two or three days will inevitably feel that negative energy, especially those who live there. And it’s not just non-Bosniaks, even Bosniaks themselves feel it! Sarajevo has become a producer of negative energy that is felt by everyone, I think almost without exception. And this carries over into people’s personal attitudes on social media, and sometimes even onto the streets of Sarajevo. All public life is reduced to military symbolism, memories of the war, associations with the war. That’s the trend. There are no cultural events, no genuinely positive events, because the negative ones have taken over. (Male, age 42, Croat)

Thus, Sarajevo has become a real obstacle to the development of Bosnia and Herzegovina and to normal life. I can say this as a Croat: nowhere have I felt uncomfortable expressing my Croatian identity, except in Sarajevo. Everywhere else I go, there are no problems expressing my identity, or the issues are minimal, but only in Sarajevo do real difficulties arise. So now Sarajevo has effectively become a separate “entity” of its own. (Male, age 42, Croat)

It can be summarized that, in the public consciousness, Sarajevo is a symbolic capital. The city’s practical significance and its role as an administrative center play a secondary role, giving way to an identity-based dimension. This allows Sarajevo to be viewed as a cultural artifact, it is a stage for the rivalry of various symbolic practices in the process of interpreting collective memory.

Overall, the set of questions related to symbolism and identity convincingly demonstrates that there are no unified symbols in contemporary Bosnia and Herzegovina. Both its flag and its capital are recognized as such primarily by those who identify with a “civic” identity and consider themselves Bosnians. For the country’s two other titular peoples, local communities, Entities, religion, and the symbolism of the wartime years remain more important.

В целом блок вопросов о символике и идентичности достаточно убедительно показывает, что единых символов в современной БиГ не существует. И ее флаг, и ее столица признаются таковыми в большей степени носителями «гражданской» идентичности, считающими себя боснийцами. Для других титульных народов страны в приоритете остаются локальное сообщество, этнитет, вера, символика военных лет.

Attitude toward the political system and perceptions of the country's future

*I'd like Bosnia and Herzegovina to survive,
but whether it will in 15 or 20 years, I have no idea.
Still, there's always someone around
to share a cup of coffee with.
(Female, age 27, Serb)*

Respondents have an extremely negative attitude towards the existing political system in Bosnia and Herzegovina. 80% of those surveyed believe the system is unstable, and 84% consider it ineffective. These feelings are shared across all ethnic and age groups. The most skeptical are those with a civic identity, followed by Serbs, Bosniaks, and Croats; however, the differences between them fall within the margin of statistical error.

A state that never materialized. One that had potential, at least some chance of success, but failed to use any of that potential, and now it is a failed country whose existence depends on international will and the repressive bodies that the international community controls. As long as there is an army that ensures the existence of Bosnia and Herzegovina, the country exists, but it lacks internal legitimacy among its own citizens, and this is felt on all fronts. (Male, age 42, Croat)

*For us, the biggest problem is the massive corruption in the public sector. Not only in employment, which indirectly affects the entire system. Another dimension is corruption in public procurement tenders. This seriously paralyzes the work.
(Male, age 38, Serb)*

Will they ever be able to come to one single conclusion or opinion 100%? Experience shows that it's not like they fully agree on anything. If you ask me who should be the leader of a unified group, I don't have an answer. But as of today, there are definitely problems at the most basic level, ranging from very high levels of corruption to the fact that things that should be resolved simply don't get resolved, just because there isn't, so to speak, a person who would make decisions. (Female, age 24, Bosniak)

Respondents assess the prospect of Republika Srpska (RS) seceding as low. Only 15% of those surveyed agreed with the statement, "The likelihood of RS leaving Bosnia and Herzegovina is quite high": 22% of Serbs, 7% of Bosniaks, 10% of Bosnians, and 10% of Croats agreed. More respondents agreed with the statement, "The likelihood of Bosnia and Herzegovina collapsing as a state is quite high": 14% of Bosnians, 10% of Bosniaks, 19% of Croats, and 28% of Serbs somewhat or fully agreed. Interestingly, Bosniaks are the most optimistic, while those with a civic identity are slightly more alarmist, reflecting different visions of what Bosnia and Herzegovina should be.

Speaking about this, I think it's unrealistic to expect Republika Srpska to secede, even if that might be what the Serbian people want. It's something that's impossible in the context of today's Bosnia and Herzegovina. Therefore, creating a third Entity for the Croat people could be an option, where we would have three clear entities with defined powers. So that Bosnia and Herzegovina would be a kind of confederation, where the entities have clear powers and an understanding of rights and responsibilities. In that form, I think Bosnia and Herzegovina could somehow function. (Male, age 31, Serb)

It's not that there will be a war, I don't think anyone will allow it because of what's happening in Ukraine. That would simply be devastating for Europe. Well, I still hope that's a good thing, because anything is better than war. But right now, the situation couldn't be worse. I believe there is no trust at the international level at all. It's not about friendship or business, but about everything. And on a collective level, I don't trust my own people or anyone else. No one in Bosnia and Herzegovina. (Male, age 31, Serb)

You see, the borders in the Balkans have always changed as a result of major shifts in the security architecture. So, the borders here have never changed just like that. It has always meant some kind of reaction, always a response to other serious changes in the world. (Male, age 42, Croat)

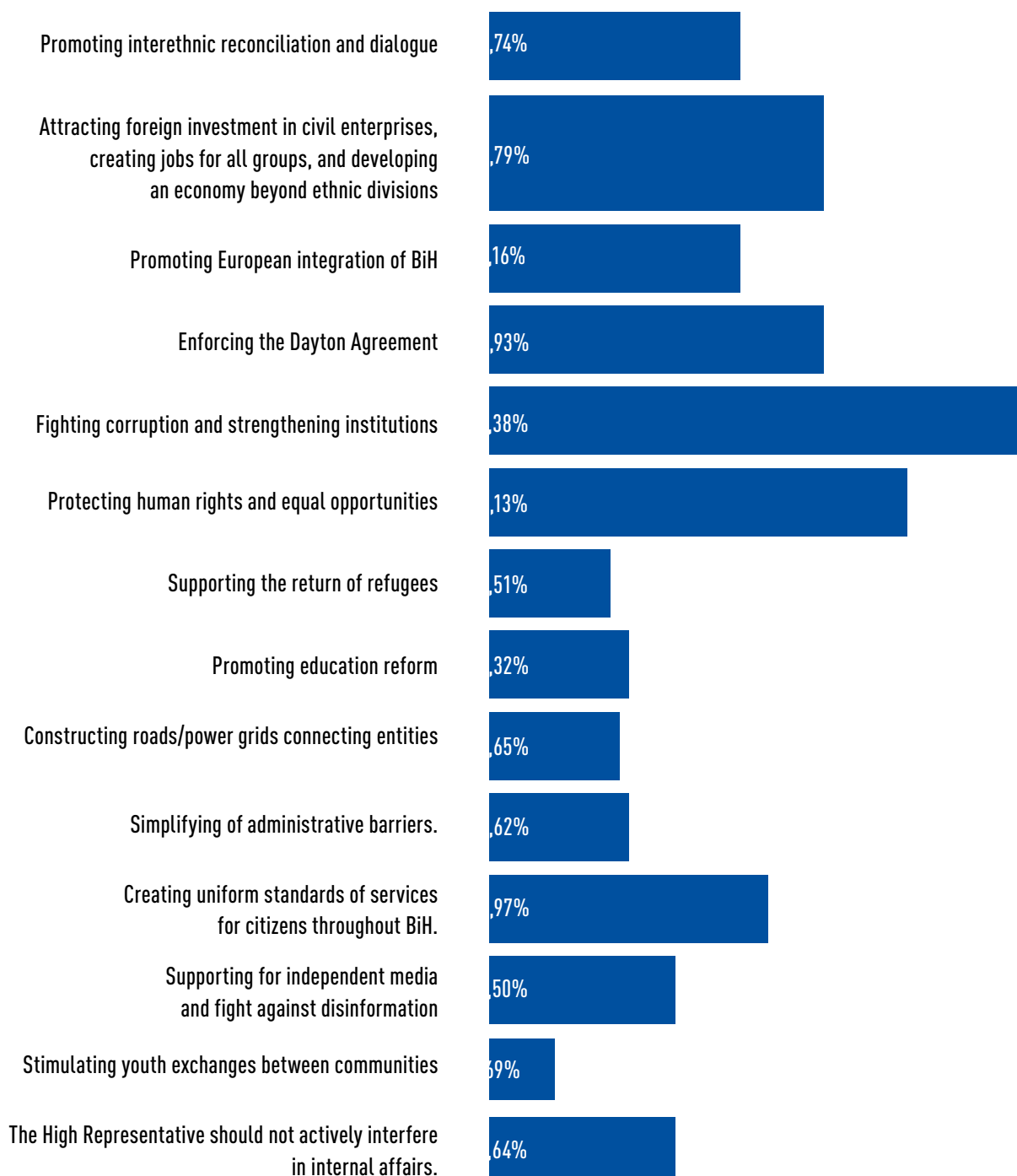
55% of respondents support Bosnia and Herzegovina's (BiH) course toward European integration, including 65% of Bosnians, 68% of Bosniaks, 48% of Croats, and 29% of Serbs. Meanwhile, 49% of Serbs and 28% of Croats oppose Bosnia and Herzegovina's European integration. For Serbs, this opposition is a marker of resistance to the EU's "dictate" in Bosnia and Herzegovina, primarily regarding the status of Republika Srpska (RS). For Croats, the high share of respondents against Bosnia and Herzegovina joining the EU is explained more pragmatically: fear of rising prices for goods and services, and reluctance to see "compatriots" become EU citizens, while most Bosnian Croats hold Croatian passports.

The most polarizing issue was the necessity of the position of the High Representative. 47% agreed with the statement, "I believe the High Representative is still necessary for Bosnia and Herzegovina," while 34% disagreed. Supporters include 61% of Bosnians and 62% of Bosniaks, 41% of Croats, and 12% of Serbs. Those opposed are 75% of Serbs, 39% of Croats, 19% of Bosniaks, and 15% of Bosnians. Interestingly, public opinion among Bosnian Croats on this issue is essentially polarized. Looking at the responses by age, it is worth noting that the **younger generation (18-25) is the least likely to support the High Representative (31%)**, while older generations are more in favor of maintaining the status quo: 51% of people aged 45-60 and 58% of those over 60.

Honestly, I hate them all, the High Representative, everyone. He just annoys me terribly: some guy who doesn't know my language, my culture, my history, telling me what to do. He tells some... Even though I don't like politicians... I don't like Dodik. But when some foreigner tells him what to do, it's incredibly irritating. Even if you don't like the politician, it just triggers something like, "Hey, man, you don't know me! You don't even know my language, my cultural identity! Who are you?!" This international community really irritates me. "Here, we recommend that you do this..."—who are you to be recommending anything to us? (laughs) Yeah. I think it pisses people off. Most people, actually. (Female, age 22, Croat)

I don't know, he's like a colonial governor, I don't know what else to say. I don't see any positive role for him in reducing conflicts or improving citizens' lives, so yes, I'm absolutely convinced that his position should be abolished. His role is negative in the sense that there is "majorization," where the Bosniak people start to dominate excessively and become the dominant political factor. In this sense, both Serbs and Croats are pushed to the sidelines, so his role is absolutely pro-Bosniak in that regard.
(Male, age 31, Serb)

What should be the priority for the High Representative of the International Community in Bosnia and Herzegovina?

As an institution, it is exclusively negative. The very fact of its existence is negative. And then, what they do is equally negative. <...> Its influence is entirely negative, primarily because it disrupts the natural course of political life. <...> Yes, I think it should be abolished immediately, physically, constitutionally, legally, and by all other means. (Male, age 42, Croat)

No. I think maybe... for a few years after the war, there should have been something that preserved peace since the situation was still very unstable <...> So someone had to... somehow put out that fire, figuratively speaking. But I think after 30 years, there absolutely shouldn't be anything like that. If after 30 years we haven't learned to live peacefully on our own, then I don't understand the point of such states. So I believe that, essentially, it's just a pretext for some foreign influence here. (Male, age 28, Serb)

In my opinion, definitely not. It should have been done away with a long time ago, basically. It hinders reaching compromises at the international level. And if we could just decide once, calm down a bit, and learn to negotiate a little, everything would be better. However, there is a side that always knows that if we don't reach an agreement, the High Representative will step in. And that immediately destroys compromises. I especially remember that it was always simple. It was never a Chinese, never, I don't know, Russian, or even an Arab from the United Arab Emirates, but always a German, British, or American. So, that's not good. That's why now I think it would be better if it were an American rather than a German or Frenchman. Those two were absolutely destructive. The only non-Western person, literally, was a Slovak. And he is the only one who, in my opinion, was truly objective. (Male, age 38, Serb)

The international community is a big misconception, and it's not really a community because they are vague, indecisive, insufficiently resolute, and hypocritical. They act only in their own distant interests, which do not align with the interests or benefit of the citizens of Bosnia and Herzegovina. I mean all citizens and both entities. No. They are very unreliable, and their influence... well, it's uneven and ineffective. They exert influence through the so-called High Representative, the UN High Commissioner for Human Rights, that is, through this Schmidt, whom the Serbs reject because they disturb him... Well, this particular Schmidt, I would say, is very unpredictable and makes very unpredictable and illogical decisions. He will defend his rights where he thinks they are needed, and I think the High Representative does not represent a protection of the Dayton Peace Agreement at all. (Male, age 74, Bosnian)

In any case, in an ideal world, if we're now talking some kind of wishful thinking, then everyone is important, everyone is needed. So, based on the principle that if we have a sovereign state, that must be taken into account, that's definite. But does it influence anything, meaning does it put pressure on other states? Of course not, simply because it lacks the capacity, because we all know which are the leading powers in the world arena right now, so there's really no question.
(Female, age 24, Bosniak)

Overall, 40% of respondents agreed with the key statement, "I see my children's future in Bosnia and Herzegovina," 32% disagreed, and 28% were unsure. Once again, Bosniaks were the most optimistic as 50% of them see their descendants' future in the country. The same view is held by 40% of "Bosnians," 31% of Croats, and 27% of Serbs. Meanwhile, 41% of Serbs, 34% of Croats, 32% of Bosnians, and 28% of Bosniaks disagreed.

By age group, the older generations (45–60 and over 60) were the most optimistic, with 41% and 43% respectively. The least optimistic were the 36–45 age group, with 31%. Among youth (18–25), 36% responded negatively to this statement. In other age groups, about one-third of respondents share this negative view.

The only thing that can be said for sure is that people will leave Bosnia and Herzegovina, and in 10–15 years, the country's population will almost certainly be smaller than it is today. *(Male, age 28, Serb)*

Bosnia, which is just... on the Balkans by itself... Nobody really knows what kind of country it is. Will it gain momentum in some external integration? Honestly, I don't think so. Speaking about internal processes, if some kind of fundamental changes start, maybe... I don't know, or some huge revolution, God forbid, or something else. Maybe something will change, but honestly, in the near term, I think things will more or less stay the same. Well, I don't know, GDP might rise. Maybe the country will be able to produce more internally because right now everything depends heavily on imports. *(Female, age 24, Bosniak)*

I don't see any other scenario for Bosnia and Herzegovina except its collapse or existing as a zombie state for another 50 years. *(Male, age 42, Croat)*

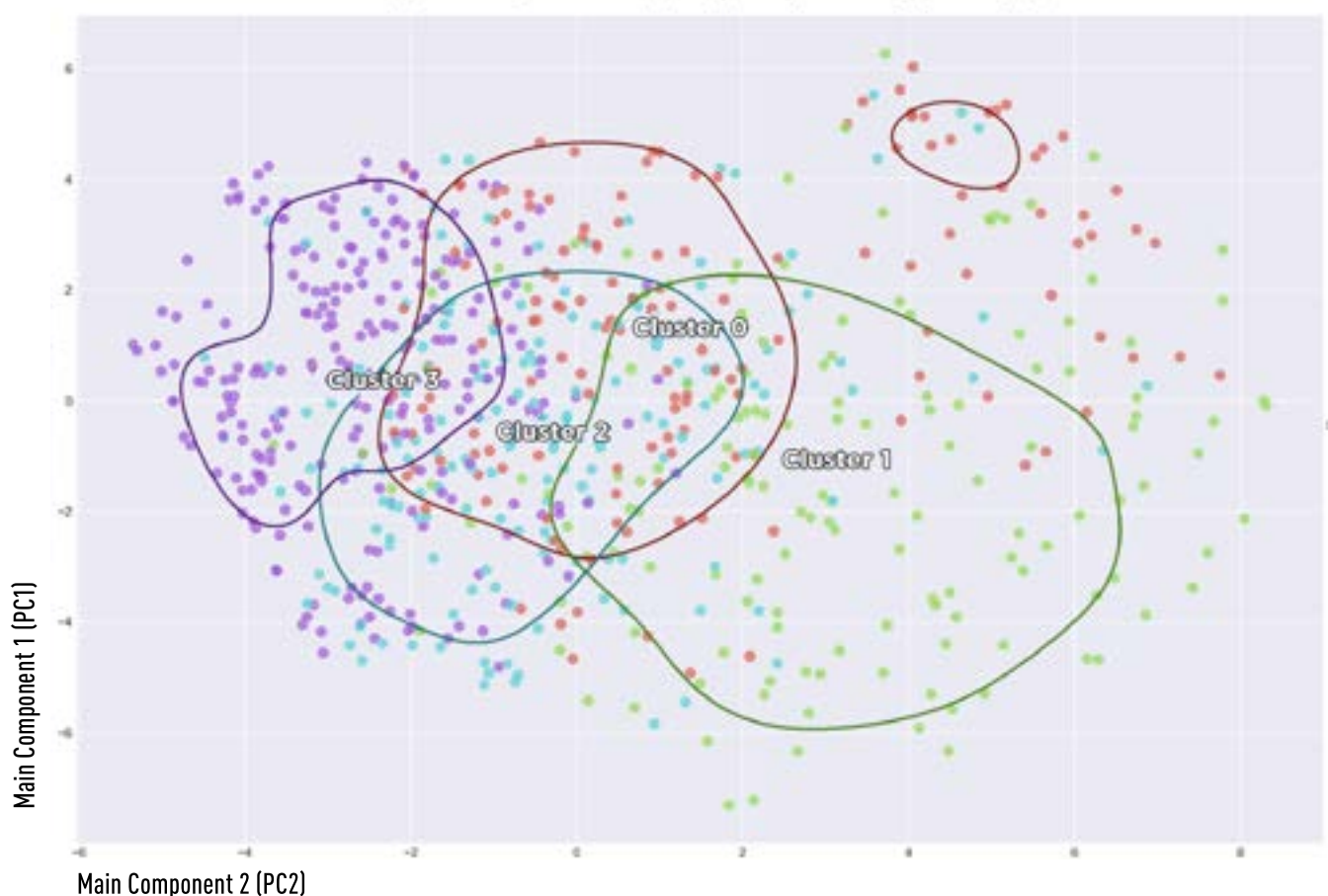
These figures say a lot, at the very least, that more than half of the citizens of Bosnia and Herzegovina cannot confidently answer whether their children have a future. About a third of citizens believe or tend to believe that such a future does not exist.

Considering the declining birth rate and the ongoing population outflow abroad, the long-term legacy of the Dayton Agreement is becoming depopulation, the depopulating of Bosnia and Herzegovina.

According to the Statistical Agency of Bosnia and Herzegovina, between 2013 and 2023, the country's population decreased by 3%. In 2024, the number of deaths exceeded the number of births by 11,000.

Data from the sociological survey show that contemporary Bosnia and Herzegovina is an extremely fragmented and divided country, without unified symbols, identity, or vision for the future. Nevertheless, the fault lines run not only along ethno-confessional boundaries. Based on the collected dataset, we can identify, using cluster analysis, four main social group clusters within Bosnian society:

Visualization of clusters (RSA) with an outline of the cores

Cluster 0: Pragmatic Conformists (21% of the sample). This cluster includes all ethnic groups of Bosnia and Herzegovina: Serbs (38.7%), Croats (23.2%), and Bosniaks (20.0%), as well as a significant share (15.5%) of those identifying with a civic identity ("Bosnian and Herzegovinian"). It is dominated by respondents of

middle and older age (over 72% are older than 36), the vast majority of whom (68.4%) work in the private sector. These people are tolerant and open-minded. Their key characteristic is self-identification with their local community and deep disappointment in politics.

Cluster 1: Serbian and Croatian Nationalists (21% of the sample). This cluster consists of Serbs (65%) and Croats (22.5%). These are people who feel the strongest connection to their faith, their entity (in the case of Serbs), and the symbolism of the war years. They tend to have a negative attitude towards mixed marriages. Essentially, this cluster represents the more ethno-oriented segment of Serbs and Croats: they do not support European integration, do not see the need for the High Representative, and view the breakup of Bosnia and Herzegovina as a realistic possibility.

Cluster 2: Bosniak Nationalists (23%). This is a mono-ethnic cluster, composed of 86% Bosniaks. Similar to the previous cluster, these people tend to be quite intolerant. However, unlike the Serbs and Croats, they support European integration and the High Representative. This cluster shows the strongest loyalty to the symbols of modern Bosnia and Herzegovina. Respondents in this cluster are also the most optimistic about Bosnia and Herzegovina's future and do not believe in the threat of its breakup.

Cluster 3: Bosnian Euro-Optimists (35%). This cluster has a mixed ethnic composition, with Bosniaks predominating (53.7%). However, it also includes a high proportion (32.4%) of those who identify as "Bosnian and Herzegovinian." It is the oldest cluster, with nearly 78% of its members over 46 years old. It has the highest share of people employed in the public sector (46.7%). This is the most anti-nationalist and pro-European cluster, supporting the continued existence of the Office of the High Representative.

In contemporary Bosnian and Herzegovinian society, two main categories of identities can be distinguished. The first is a strong national identity, represented by members of the Serbian and Croatian Nationalists and Bosniak Nationalists clusters. For these groups, it is important to emphasize their exclusivity and belonging to a specific nation. The second category is a supranational identity, primarily represented by the Bosnian Euro-Optimists, for whom the sense of belonging to a common country is more important. Alongside this, a significant role in the social landscape is played by those for whom local identity, city, village, or community, is dominant (these respondents are grouped in the Pragmatic Conformists cluster). For such people, the country's future prospects do not seem decisive: they are generally pragmatic and focused on the local level. This fragmentation reflects the deep structural and political complexities Bosnia and Herzegovina faces today.

For such people, the future prospects of the country do not seem decisive: they are generally pragmatic and focused on the local level. This fragmentation reflects the deep structural and political complexities that Bosnia and Herzegovina faces today.

Thirty years after the signing of the Dayton Agreement, it cannot be said that the peoples of Bosnia and Herzegovina are ready to take up arms again. The survey results show that this is far from the case: the majority of people are willing to live in peace. However, the survey also demonstrates a complete lack of public consensus on key state-wide issues such as symbols and identity, and the political future of the country. This is a direct consequence of the political decisions, including those related to memory politics and cultural policy, made over the past 30 years.

Bosnia is not a Muslim country, it's not Orthodox, it's not just any country. <...> It's the country of all of us. It's a country in the heart of Europe, a European country, with its own distinctions, with its uniqueness. <...> Bosnia is the country of all of us <...> Sorry, but I think very few people consider Bosnia their homeland <...> It would be a very rare case for someone to say Bosnia is their homeland <...> And that's painful. (Female, age 22, Croat)

We know the history of Bosnia and Herzegovina, everything that happened in it: Austro-Hungarian occupation, before that - Ottoman rule, and Gavrilo Princip! Truly a country with a rich history, perhaps trapped by history, but we are where we are. So, we must live together, even if it's sometimes difficult, but trying to understand each other. That's the only way to survive at all. Bosnia and Herzegovina has lost a huge part of its population. After the war, people left, unhappy with life. So let the political elites try to do something, raise the standard of living, create something in this country. And that's the only way to preserve the country. In the end, we will get a Bosnia without any people if we continue as we do now. Or some migrants will come to us, and when they become the majority, then it won't matter who you are: Serb, Bosniak, or Croat. Then everyone will unite in the struggle. (Male, age 31, Serb)

There are no values being promoted, or rather, there are certain values that each community promotes, but overall, the youth do not have a developed, unified view of the state. And, of course, young people become conflicting parties because they are raised differently. (Male, age 42, Croat)

Bosnia and Herzegovina is a unified, multi-confessional, multi-ethnic country, but Bosnianness should be dominant because this Bosnianness equally includes the people of Herzegovina. (Male, age 74, Bosnian)

Sometimes I think about it, but I'm not sure. I don't believe much will change in terms of the standard of living. To some extent, I've lost hope, but maybe things will become a bit more, how should I say, stable. I think that's the only thing that could change, and as for the standard of living, as I already said, it's very difficult to significantly improve it or reach some kind of "wow" level. (Female, age 28, Bosniak)

CINEMA OF BOSNIA AND HERZEGOVINA: BETWEEN “FORCED RECONCILIATION” AND “PLAYING THE VICTIM”

Two Entities, one Cinema

The cinema of Bosnia and Herzegovina can reveal much about the mentality of its people, about their hidden fears and aspirations, perhaps more than Bosnians themselves would willingly admit. To begin with, it must be stated that when we speak about the cinema of Bosnia and Herzegovina, we are in fact referring to only one of its entities, the Muslim-Croat Federation, where by the early 2000s a functioning film industry had already taken shape. A notable example is the film *No Man's Land* by the Bosniak (Muslim) director Danis Tanović, which in 2002 received the Academy Award. This remains the only Oscar ever awarded to a filmmaker from the former Yugoslavia, including the entire socialist period.

On the other hand, in the second entity, Republika Srpska, a large-scale, independent film industry never truly materialized. Local film studios and state institutions connected with cinema were engaged mainly in providing services to film crews from Serbia working in Bosnia (*Pretty Village*, *Pretty Flame* (1996); *The Enemy* (2011), among others). The film that was expected to launch the cinematography of Republika Srpska was *Zduhač Means Adventure* (2011), a youth comedy about teenagers traveling from Trebinje to Banja Luka for a rock festival, crossing the entire territory of Republika Srpska. However, the film turned out to be a failure both critically and commercially, failing to return its investment, and that marked the end of an independent film industry development in Republika Srpska.

The imbalance between the two entities can be explained by Republika Srpska's deep integration into the wider Serbian cultural and educational sphere. Scholars from the University of Banja Luka often note that most young people with academic or creative potential leave for Serbia as soon as they get a chance. A similar pattern can be noticed among Croats in the Federation of Bosnia and Herzegovina, for example, director Antonio Nuić, who made the tragicomedy *All for Free* (2006).

Bosnian cinema, in turn, can roughly be divided into two categories: films made for domestic or regional audiences, and films aimed for international release. These

are two fundamentally different types of cinema, with entirely different models of financing. Movies produced for a “Balkan” audience are expected to earn their money back at the box office, or at the very least, they are made with commercial returns in mind.

The business model of Bosnian “festival” cinema looks completely different, and it has become the main way of reflecting on the war. Most films about the war and post-war trauma fall into this category. These films are not expected to make money at the box office: *Quo Vadis, Aida?* didn’t even recoup a quarter of its budget. Almost all of these films are funded through grants and donations. For example, the above mentioned film by Jasmila Žbanić received, among others, a grant of 400,000 euros from the Romanian Film Center¹.

Such projects often serve to advance the careers of directors and are frequently made in ways that ensure they can secure grants or charitable funding for their next film. Their main goal is to follow the European narrative, which, according to Bosnian political scientist Jasmin Hasanović, involves the “Voldemortization of Yugoslavia²” (named after the chthonic villain from *Harry Potter*), under which Serbs are cast as the main defenders of the “Yugoslav idea.”

In Bosnian cinema, the most compelling themes are those of interethnic reconciliation and confrontation, as well as explorations of the spiritual core of the people, primarily the Bosniaks. Cinema, on one hand, serves as a major outlet for the “collective unconscious,” and on the other, as a “great comforter,” a healer of post-traumatic syndrome for both individuals and entire nations. Healing collective trauma can follow two paths: through the creation of a “heroic” narrative that heals societal wounds, or, conversely, through a rough and sometimes shocking exposure of the wound, by sparking public discussion of the most painful issues.

It should be noted that, since around 2010, Bosnian cinema has taken a unique path, moving away both from the “heroic” narratives that were common in the previous decade and from presenting audiences with the “bitter pill” of historical objectivity (a path followed by cinema in Serbia and Croatia). Influenced strongly by Western film festival culture, Bosniaks have adopted a strategy of “playing the victim” (self-victimization), which permeates much of Bosnia and Herzegovina’s popular culture, but is most clearly expressed in cinema.

¹ GRANTS: Romanian CNC Gives Biggest Grant to Minority Coproduction *Quo Vadis, Aida!* URL: http://www.filmneweurope.com/index.php?option=com_acymailing&ctrl=url&subid=&urlid=10652&mailid=1833

² Hasanović J. *Mirroring Europeanization: Balkanization and auto-colonial narrative in Bosnia and Herzegovina // The Unwanted Europeanness.* — 2021. — p.89.

Narratives of Interethnic Reconciliation and Confrontation in Bosnian Cinema of the late 1990s

Bosnian cinema started with the 1998 film *The Perfect Circle*, written by Abdulah Sidran and directed by Ademir Kenović. *The Perfect Circle* attempts to depict the siege of Sarajevo in the style of early Emir Kusturica, whose first works were based on Sidran's scripts. The film tells the story of two Muslim boys who, in the besieged city, attach themselves to a man who is absolutely alien to them, although a Muslim too. It is an older, heavy-drinking poet obsessed with thoughts of suicide. In the context of civil war, the characters recognize each other not by appearance or religious practice, but solely by their names. That's why the boys are so surprised to learn that the name of their neighbor and the friend of the old man was Marko. "But that's a Chetnik name!" the children exclaim. "Remember, children," the old Hamza replies, "Chetniks aren't recognized by their names, but by their killings."

The Perfect Circle (Savršeni krug), directed by A. Kenović, 1997

The idea that not all Serbs are Chetniks, not all Croats are Ustaše, and not all Bosniaks are mujahideen is a marking feature of this particular period in Bosnian history, immediately after the signing of the Washington and Dayton agreements. This period can be described as "reconciliatory": for the sake of a shared "bright future," one must overcome national animosities. But reconciliation does not mean forgetting. To ease ethnic tensions, Kenović and Sidran were even willing to acknowledge that during the siege of Sarajevo there were not only Bosniaks and Croats, but also Serbs who were also killed by sniper fire. Notably, no other Bosnian film made since then notes this fact. When

filmmakers address the siege of Sarajevo, they almost always revert to the narrative formulated back in 1992: Bosniaks and Croats as victims, Serbs as aggressors.

However, in the film's finale, Kenović still cannot resist personalizing the threat coming from the Serbs: one of the boys is killed by men wearing helmets marked with the Serbian cross, while armed Bosniaks are never shown. In other words, the war's victims are international, with Serbs among them, but the aggressors are portrayed exclusively as Serbs. It is also worth noting that Kenović and Sidran manage to link Serbian nationalists with Russia. When NATO begins bombing Serbian positions in the mountains above Sarajevo, the poet Hamza celebrates it by getting drunk and starts composing an ode in praise of NATO. "Why are you so sure it's NATO bombing them?" a neighbor asks. "Who else could it be, surely not the Russians?" Hamza replies with a sly grin.

This same "reconciliatory" tendency in Bosnian cinema is reflected in the short films of A. Kenović's students (Srđan Vuletić, Pjer Žalica, Alen Drljević), made between 1998 and 2005 and collected in a compilation distributed with the newspaper *Dnevni Avaz*. Let's specially note the debut film Vuletić, the Serb, who was never portrayed by Bosniak directors and the one who remained in Sarajevo throughout the war. Vuletić tells the story of a Muslim coach and his student, a Serb sniper, who in 1993 takes revenge on him for an offense dating back to the 1984 Olympic Games, terrorizing him in every way (she does not shoot at children or women, although other Serbs do). In the final scene, the characters recognize each other on a bus in 1998 and are not sure how to act. Vuletić follows the narrative that Serbs are guilty by default, while Muslims are morally impeccable, enduring Serbian atrocities. At the same time, he shows that mutual resentment between a Muslim and a Serb woman may stem from personal grievances from the pre-war period, unrelated to nationality or religion.

The strongest work in the collection was based on a script by A. Kenović and directed by his Belgrade friend, Slobodan Leman. The short film tells the story of the unusual bond between two one-legged war veterans: Boško, a former soldier of the Army of Republika Srpska, and Elmir, a former soldier of the Army of Bosnia and Herzegovina. One has lost his right leg, the other his left, but they wear the same shoe size. Elmir lives in central Sarajevo and can afford reasonably good shoes, while Boško lives in the forest on Jahorina (a mountain and ski resort near Pale) and distills rakija. A couple of times a year, they meet: Elmir gives Boško a shoe he no longer needs, and Boško gives Elmir a bottle of rakija. The former adversaries get drunk together and try to dance folk dances, sharing two legs between the two of them (though at least in matching shoes). This is an ironic and powerful metaphor for the necessity of reconciliation among the peoples of Bosnia, whose traumas (and even physical injuries) can unite rather than divide them. Separately, the Serb and the Muslim are just two disabled men; together, they almost form a fully functional member of society. The past is not forgotten, as it

is hard to forget a missing leg, but the benefits of their symbiosis and the similarity of their problems clearly outweigh the difficulties. It is also notable that the Bosniak here is not portrayed as a “sniper’s victim,” but as a fighter who took up arms against Serbs; Elmir and Boško are mirror images of each other. These ideas clearly resonate with Ademir Kenović, though he did not dare direct the film himself, handing it instead to his guest from Belgrade, just in case the Bosnian (primarily Bosniak) public might find it insufficiently patriotic.

Bosnian Cinema of the 2000s: Polarization

In the 2000s, the political situation and cultural context clearly began to change. Ademir Kenović, once seen by many as the “new Kusturica,” withdrew completely from directing to focus on producing. However, the movies of his epistles Vuletić and Žalica in the new century differed sharply from their earlier short films. It is difficult to call this festival cinema, it was more an attempt to create films aimed at appeasing audiences, catering to people tired of war-themed stories. This gave rise to films such as **Summer in the Golden Valley (2003)** and **It’s Hard to Be Nice (2007)** by **Srđan Vuletić**, and **The Fuse (2003)** by **Pjer Žalica**.

The first film focuses on Sarajevo schoolboys dreaming of becoming gangsters and/or rap stars, while the second features an unlucky taxi driver who, on the contrary, is trying hard not to get involved in crime. Notably, Vuletić, an ethnic Serb himself, portrays solely Bosniak Muslims, there are no Serbs or Croats. Consequently, there are no ethnic conflicts, what conflicts could exist in a seemingly monolithic, monoethnic Sarajevo? This is particularly striking, even scary, in *It’s Hard to Be Nice*, directed by the Serb Vuletić from a script by another Serb, Miroslav Mandić, with Serb actor Saša Petrović in the lead role, playing a Bosniak taxi driver named Fuad Tolja. At the same time, all the characters are completely secular: in a world populated only by Bosniak Muslims, there is no need to emphasize minarets or calls to prayer.

It's Hard to be Nice (Teško je biti fin), directed by S. Vuletić, 2007.

Pjer Žalica's comedy *Fuse* takes a slightly different approach. Serbs and Croats are present, but the audience only sees them because the American president visits the Bosniak Muslim town where the story takes place. Vuletić's and Žalica's comedies were popular in Bosnia and were also watched in neighboring countries, though mainly via pirated copies, so official box-office figures are not relevant. By the 2010s, both Kenović as a producer and the directors associated with him had been pushed to the sidelines of Bosnian cinema, when most of the funding went to Danis Tanović, Jasmila Žbanić, and Aida Begić.

Fuse (Gori vatra), directed by P. Žalica, 2003.

Danis Tanović and **Dino Mustafić** represented a different variety of Bosnian cinema in the late 1990s and early 2000s, highly confrontational and aimed at Western audiences. During the height of the fighting, both were official cameramen by Bosniak armed formations. Footage they shot during this period was incorporated into the 1995 documentary **Miracle in Bosnia**, credited solely to Mustafić. Today, the film is seen as a fascinating artifact that entirely contradicts the unwritten conventions by which Bosnian cinema has operated in recent years. The entire work is a hymn to aggressive militarism, with some scenes directly echoing Leni Riefenstahl's 1935 propaganda film *Tag der Freiheit: Unsere Wehrmacht* (Day of Freedom, Our Armed Forces). A Muslim with a rifle, who not only defends but also attacks, is an uncommon character in contemporary Bosnian cinema. As noted, Bosniaks are almost always portrayed as passive victims, unable to resist, like Jews in World War II. It is no coincidence that *Miracle in Bosnia* is now virtually impossible to find: it is absent from both video-hosting platforms and torrent trackers. The early product of Bosniak cinema is rarely remembered, as Kenović's *The Perfect Circle* serves much better as the cornerstone for the common narrative.

In 2003, Dino Mustafić released his first feature film, **Remake**. It is difficult not to overreact while discussing this film, as it so pretentious and clumsy. Yet Mustafić explicitly voices and depicts what other Bosnian directors only imply. Serbs are portrayed as robbers, executioners, and murderers; even the Serbian friend of the main character turns out to be a coward. The “Bosniak identity” of the protagonists, as with Ademir Kenović’s films, is expressed solely through their names, none of them are practicing Muslims, and no Islamic symbols appear on screen. Only folk songs create a kind of cultural divide: in a concentration camp scene, Serbs demand that a Muslim prisoner sing something “ours” (that is, Chetnik songs from World War II), but he instead sings Bosnian sevdalinka - melancholy songs in an Oriental style. Another layer of the film tells the story of the protagonist’s father, a Bosniak socialist who suffered at the hands of Croatian Ustaše during World War II.

Remake, directed by D. Mustafić, 2003.

The film conveys two main theses. First, the war was not started by the Bosniaks, but they won it and not thanks to NATO bombings or “blue helmets” (which are portrayed in an extremely grotesque manner), but through the martial valor of ordinary Bosniak men, who did not passively endure the hardships of wartime, but self-organized into a force as strong as the Army of Republika Srpska. The second thesis is that there were two genocides in the Balkans: during World War II, Croats exterminated Serbs and Jews (and partially Muslims), while in the 1990s, Serbs exterminated Muslims and Croats. Thus, both Serbs and Croats have been

perpetrators of genocide, while Bosniak Muslims were victims in both cases. The first thesis has not persisted in 21st-century Bosnian cinema. Muslims almost never wear camouflage or shoot at Serbs, while the second thesis has become the cornerstone of the entire cinematic tradition.

Without delving deeply into history, it is worth noting that during World War II, Bosniak Muslims were organized into the SS Handschar Division, as well as a Muslim militia serving the Ustaše. In other words, Bosniak Muslims were by no means passive observers or mere victims of Ustaše-initiated genocide. For the sake of accuracy, it should also be noted that many Bosniak Muslims joined Draža Mihailović's Chetniks, especially after the Chetnik headquarters moved from Serbia to the vicinity of Zenica in 1944 (Mustafa Mulalić, Ismet Popovac, Fehim Musakaidć, and others). Today, Muslim Chetniks remain one of the most taboo topics in the Muslim-Croat Federation of Bosnia and Herzegovina, because acknowledging them would mean recognizing not only that "not all Serbs are Chetniks," as Ademir Kenović's film puts it, but also that "not all Chetniks are Serbs."

An interesting and truly unique phenomenon in Bosnian cinema is **Ahmed Imamović's film *Go West* (2006)**, whose title deliberately references the popular 1990s song by the Pet Shop Boys. The film is a comedy about a gay couple, a Bosniak and a Serb, trying to escape from Bosnia to the West in 1992. The Bosniak must pretend to be a woman, which he does with some enjoyment. While the film allegedly promotes tolerance and reconciliation, it is highly confrontational. In our view, the reason for this film's creation was the desire to travesty and absurdify the story of the real "Sarajevo Romeo and Juliet": the Serb youth Boško Brkić and the Muslim girl Admira Ismić, who were shot while attempting to flee from Sarajevo to the Serb-controlled neighborhood of Grbavica. The filmmakers subtly push the viewer to the idea that a Serb and a Bosniak can only love each other if both are not only socially but also sexually deviant (a notion that most citizens of Bosnia and Herzegovina at the time viewed with suspicion). At the end of the film, the Bosniak travesti Kenan, who has made it to France, remarks that "Bosniaks, Serbs, and Croats might someday reconcile, but they will always hate f*ots."

It is worth noting that in 2011, Serbian director Srđan Dragojević raised a very similar theme of nationalism vs. homosexuality in his comedy *Parada*. Like *Go West*, it blends kitsch and black humor, but despite its transgressive nature, it is genuinely humanistic. Dragojević shows compassion for his characters, whereas Imamović merely mocks them.

It is also worth noting that in the same film we see the most ideologically charged depiction of a Serbian "Chetnik" imaginable: a man in a long leather coat, a peaked cap, and an armband featuring the Serbian cross with four "S" letters inside a white circle

Go West, directed by A. Imamović, 2006.

on a red background, resembling a swastika from a distance. Soldiers of the Army of Republika Srpska are directly and unmistakably likened to Nazis, not the Wehrmacht, but more akin to the SS. This image might be interpreted as humor or parody, if the Chetnik, resembling an SS Standartenführer, had not, in the next scene, shot Bosniak women and children. He is a completely fictional, fantastical enemy, with no connection to reality, making

him both easier to hate and funnier to mock.

In striking contrast to this film is **Jasmin Duraković's *Nafaka* (2006)**. The film is unique in Bosnian cinema in that it shows soldiers of the Army of Bosnia and Herzegovina actively shooting at and killing Serbs: one Serb is shot by one of the main characters, even though he is unarmed. The Army of Bosnia and Herzegovina is portrayed as heterogeneous, with some members motivated by ideology and others infantilized, literally "playing Terminator." The film also effectively depicts the shadow economy that emerged during the war, highlighting instances of "military lawlessness": when representatives of the so-called General Staff of the Army of Bosnia and Herzegovina try to seize a bar from one of the characters, his friends intervene to save the business, thereby entering into conflict with the General Staff. Yet these same friends are also involved in smuggling: buying oil from Croatian forces and selling it to the Army of Republika Srpska.

Nafaka also differs from other Bosnian films in that Serbs and Croats are not depicted as bloodthirsty killers or gullible fools. Both the Serb Nemanja and the Croat Matan are more grounded and pragmatic, unlike the romantics Ahmed, Red Eye, and Sado. But they are still human. When Nemanja returns to Sarajevo, the commander of a Bosniak unit from the war directly asks him at dinner what he was doing in the mountains (referring to the areas around Sarajevo where Serb army positions were located). Nemanja replies, "I was shooting, like everyone else, and anyone who says they didn't shoot is lying," and the commander shakes his hand. It is worth noting that the "military" part of the film is much stronger than the "civilian" part, where the story slips into a tragic farce, overloaded with post-traumatic stress among all the main characters.

Nafaka, directed by J. Duraković, 2006.

Nevertheless, Nafaka remains an extremely interesting example, showing what Bosnian cinema could have been, but never became, having instead followed the path of creating a “genocide industry.”

It is not possible to analyze Bosnian cinema in the 2000s without reference to Danis Tanović, the only Oscar-winning director from the entire post-Yugoslav space. Although he began working alongside Dino Mustafić, Tanović evolved in a completely different direction. Above all, he is a highly skilled director with a keen sense of the spirit of the times. His main talent lies, perhaps, in his ability to signal his political position without making it part of the film’s plot. In other words, he separates himself from his characters. This is perfectly demonstrated in **Tanović’s feature debut, No Man’s Land (2001)**, which fits within the prevailing “reconciliatory” trend of the time.

The plot is well known: a Serb and a Bosniak Muslim find themselves trapped in a trench on “no man’s land,” between the positions of warring sides. They spend the film bickering about “who started it first.” Their arguments are equally unconvincing, the true causes of the conflict remain unclear to the external viewer, and there are no fundamental differences between the protagonists. They even had a romantic relationship with the same girl from Banja Luka. In the second half of the film, the focus shifts to Western journalists and peacekeepers, who could not care less about Bosnia or its people: the journalists are interested only in beautiful images, the peacekeepers only in impressive reports. The peacekeepers are French, and a significant part of the film is in French, which helped its successful European release. Specifically, it secured the support of Bernard-Henri Lévy and André Glucksmann, whose project *Europe Begins in Sarajevo* is discussed below.

From the film's narrative, one can conclude the absurdity and futility of all wars. At the same time, the story is periodically interrupted by news broadcasts, separate from the plot but establishing the historical framework in which the action takes place ("Bosnian Serbs, supported by the Yugoslav army, fiercely destroyed peaceful Bosnian towns defended only by poorly armed civilians," etc.). In this way, Tanović integrates the film's reconciliatory message into the broader narrative of the Bosnian War, where full responsibility for the war and its crimes is placed squarely on the Serbs.

No Man's Land (Ničija zemlja), directed by D. Tanović, 2001.

After winning the Oscar, Tanović became part of the global film elite, participating in many high-budget international projects. His next film about Bosnia came ten years later: an adaptation of the novel **Circus Columbia (2010)** by the Bosnian-Croat writer Ivica Ćikić. The setting of the film is typical for Ćikić but completely atypical for Bosniak cinema. The action takes place in 1992 in a small Herzegovinian town inhabited mainly by Croats, with a small number of Serbs, and no Bosniak Muslims at all. *Circus Columbia* is a Kusturica-like parade of Balkan stereotypes. Yet behind the lighthearted burlesque façade lies a story of how, in just a few days, seemingly ordinary people can turn into rapists, looters, and killers.

Because the perpetrators in the film are Croats and the victims are Serbs, Tanović allows himself to rise above the conflict, refusing to take sides. He even shows armed Croatian units storming Yugoslav army barracks and shooting soldiers who have done them no harm. At the same time, the differences between Croats and Serbs are depicted far more clearly than the usual portrayals of Serbs versus Bosniaks in most films made in Bosnia and Herzegovina. The Croats are strongly indoctrinated with Catholicism and Ustaše ideas, while the Serbs are mostly indifferent to religion and maintain a pro-Yugoslav stance.

Cirkus Columbia, directed by D. Tanović, 2010.

*Still, Bosnian cinema of the 2000s was seeking to find common ground in rejecting the war by showing its futility and tragic consequences. At the same time, a whole series of films emerged that seemed to call for reconciliation and forgiveness (though not forgetting), but were in fact deeply confrontational. Many of them clearly carried an anti-Serb subtext, and in the case of *Cirkus Columbia*, an anti-Croat one. These tendencies set the stage for a transformation of Bosnian filmmaking in the following decade.*

The Debate on Bosnian Identity in the Cinema of Bosnia and Herzegovina in the 2000s.

No less important for the cinema of Bosnia and Herzegovina was the question of identity, both of the Bosniak people and of the country's citizens as a whole. In **Jasmila Žbanić's *Grbavica* (2006)**, the tragedy of a Bosniak single mother is portrayed. The protagonist, Esma, brilliantly brought to life by Belgrade actress Mirjana Karanović, tells her daughter that her father was a *šehid*, a martyr who died for Bosnia. Yet there is no portrait of him in the house, nor can she provide the school with documents proving his heroic death. Esma attends a support group for women, but only for the European aid distributed there; she has no wish to share her problems. Eventually, her daughter forces her to confess that she had been raped during the war by "Chetniks." However, careful viewers are given hints that even this story of the girl's origin may be a socially acceptable lie. And that, in fact, Esma may have been assaulted by the local crime boss and paramilitary commander, Čenga.

Esma and everyone around her are typical “Muslim atheists.” Žbanić does show us an exotically picturesque snow-covered mosque, but none of the characters ever steps inside. This raises the question: what, then, distinguishes Esma, played by a Serbian actress, from a single mother in Serbia, Croatia, or Montenegro? What is the unmistakable marker of her Bosnian-ness? At the end of the film, when Esma is forced to look inward and finally share her trauma in the therapy group, she discovers at the very core of her identity the image of a sneering Chetnik. Her hatred of him defines her entire existence and makes her Bosnian. In this way, hers is a form of “self-definition through rejection” as the only kind of self-identification available to this secular Bosniak.

Grbavica, directed by J. Žbanić, 2006.

The absolute antithesis of this film is **Aida Begić's Snow**, released in **2008**. Begić, a practicing Muslim, has dedicated all of her films to overcoming the trauma of war through turning to God. *Snow* tells the story of the women in a Muslim village near Srebrenica, where all the men were killed by Serbs during the war. Some of the women later consciously embraced Islam, becoming the guardians of the memory of the Bosniak people's suffering. Others remain “Muslim atheists,” dreaming of breaking with the past and moving to the city. For Begić, the question of identity has a clear answer: to be Bosniak means to keep the faith. Yet in her films, Islam cannot be separated from the memory of the war and the presumed guilt of the Serbs. One of the characters has a telling dialogue with a Serb, Miro:

- Did you fight in the war?
- Like everyone else.
- And why did you fight?
- I don't know. Someone turned us against each other.
- I don't know who that "someone" was, but I know who killed my children...
- But not everyone was killing!
- That's right. We weren't the ones killing...

This is a typical exchange between a Bosniak and an imagined Serb, one who voices precisely the arguments that suit the Bosniak side. **"We don't know why we fought," says the Serb from Srebrenica, and these are exactly the words the Bosniaks find convenient, confirming their favorite thesis that "the Serbs killed simply because they could."**

In reality, a resident of Srebrenica could have told the Bosniak interlocutor a great deal about the reasons for his actions, recalling the killings and looting carried out by Naser Orić's fighters in Serbian villages, as well as the fact that, just before the entry of the Army of Republika Srpska into Srebrenica, Orić was evacuated to Tuzla by Dutch peacekeepers by a helicopter. Yet we will never hear Naser Orić's name in a single Bosnian film. The main character's wary and hostile attitude toward all Serbs, as one could even say her rejection of Serbs is an ideology, ultimately finds justification and confirmation: Miro turns out to be almost precisely the man who killed her husband. In any case, he was present on site at the time.

Aida Begić appears, in some ways, as an outlier for the Balkans. Visually and tonally her films are closer to Iranian cinema than to the tragicomic farces of Kusturica or the European mainstream. The central idea of her work is that Islam is an inseparable

Snow (Snijeg), directed by A. Begić, 2008.

part of Bosniak identity; through faith, one can overcome both the traumas of the past and the injustices of the present. At the same time, this newly acquired religious identity (for most Bosniaks) can be easily lost in the big city. This point is illustrated, in broad strokes, by her film **Children of Sarajevo (2012)**. According to Begić, Muslim Bosniaks should ideally live in isolated religious communes, as in

Children of Sarajevo (Djeca), directed by A. Begić, 2012.

a “colonial” lens, in which the Balkans are imagined as part of the “Greater Middle East,” with its oriental exoticism and behavioral logic often opaque to Europeans. At the same time, we are presented with a beautiful and non-threatening “Euro-Islam,” entirely unlike the dystopias of G. K. Chesterton, which, in the early twentieth century, frightened readers with visions of a “British Caliphate.”

A kind of response to Aida Begić’s depiction of “deep Bosnia” and “Euro-Islam” came in **Jasmila Žbanić’s *On the Path* (2010)**. The film begins as an attempt at an objective, detached account of the Islamization of Bosnia and Herzegovina, but toward the end it turns into a hymn to what Bernard-Henri Lévy called “Bosnian cosmopolitanism”, that is, bluntly speaking, atheism.

The protagonist is a flight attendant, and her husband is an air traffic controller who is fired because of drinking problems; both are secular Bosniaks. In his attempts to find work, Amar, a regular at bars and nightclubs, unexpectedly finds himself drawn into the circle of Islamic fundamentalists, who provide him with money, employment, and a sense of purpose. His wife, Luna, categorically rejects the “Arab” version of Islam, which she sees as alien to Balkan tradition. The final straw for her is the marriage of her husband’s friend, Jusuf, to a thirteen-year-old girl, a marriage actively encouraged by Jusuf’s “senior” wife, Nadja. At the end of the film, Luna gives Amar an ultimatum:

either me or “them”, but the husband’s choice is left off-screen.

The films of Jasmila Žbanić and Aida Begić attempted to address one of the most important questions for Bosnia and Herzegovina over at least the past century: the nature of Bosniak and Bosnian identities. For Begić, the situation is perfectly clear: in a context where Serbian identity is tied to the Orthodox Church and Croatian identity

On the Path (Na putu), directed by J. Žbanić, 2010.

to Catholicism, Bosniaks must start their spiritual revival. For Žbanić, however, a “spiritual revival” done in an Arab manner is foreign, alien, and has nothing in common with Bosnia or the Bosniaks.

These positions reflect a deep division within Bosnia and the Bosniak ethnic group as a whole: one part is rapidly becoming Islamized, while the other lives in a way that is no different from their non-Muslim neighbors. As a result, the image of the Other, necessary for national self-definition, proceeds not from religion, but rather from the traumatic experiences of the Bosnian War.

Playing the Victim: The Beginning

In Bosnian cinema of the 2010s, the topic of interethnic reconciliation gradually started giving way to return of traumatic experiences, a picking at wounds that seemed to have started to heal. If not the first, then certainly the most notable of such films was **Belvedere** by **Ahmed Imamović (2010)**. The action takes place in a refugee camp for Bosniaks, also called Belvedere, near Srebrenica. The camp’s residents spend most of their time identifying the bodies of their relatives from exhumed mass graves, and in their free time, they watch the Serbian reality show *Big Brotherka*, featuring a dim-witted young man from the Belvedere camp. The daily life of the refugees is filmed in black and white, in a minimalist and ascetic way, while the reality show is colorful and kitschy. Here, the Bosniak characters, poor, sick, and exhausted, looking like martyrs (the black-and-white cinematography reinforces this) are contrasted with the stupid, vulgar, constantly chewing or joking participants of the Serbian reality show, who not only were too young to have fought in the Bosnian War but are not even natives of Bosnia and Herzegovina. In the film, we do not see Bosniaks who are anything other than victims, nor Serbs who appear human, rather than as sexually obsessed idiots from the world of *Big Brotherka*.

For Imamović, the film amounts to little more than a game like “playing the victim.” This is evident in the body-identification scenes, staged like an American police procedural such as *CSI: Crime Scene Investigation*, and in the mass-grave exhumation sequence, set to industrial music and filmed as though it were a Rammstein video. Imamović had clearly “played around” too much; as a result, *Belvedere* became the first Bosnian film in twelve years not to win a single prize at international festivals. On the other hand, the film was appreciated by Bakir Izetbegović, who entrusted Imamović with directing a biographical series about his father, Alija Izetbegović (**Alija, 2016**, a co-production with Turkey featuring Turkish actors in the main roles).

The strategy of reactivating traumatic experience is also employed in **Jasmila Žbanić's *For Those Who Can Tell No Tales* (2013)**. Although filmed in a pseudo-documentary style, the work functions as a political agitprop, aimed at promoting a narrative of collective Serbian guilt for the "atrocities committed," in particular the "rape camps", in this case, the spa hotel Vilina Vlas near Višegrad.

During the Bosnian War, such camps did indeed exist, and they were organized not only by Serbs. Camps run by Croats included Dretelj, Gabela, Vojno, Heliodrom, and others, while Bosniaks used the Čelebići camp for similar purposes. According to a report on mass rapes, the Hague Tribunal convicted roughly equal numbers of Serbs, Croats, and Bosniaks. In the specific case of Vilina Vlas, the Tribunal exercised caution and did not recognize it as a "rape camp" due to a lack of evidence.

The film's protagonist is Australian actress Kim Vercoe (playing herself), who, during a tourist trip to Višegrad, spent several nights in Vilina Vlas, which had been converted back into a hotel after the war. Upon returning to Australia and learning what, according to Bosniaks, had happened within those walls, Vercoe created a one-woman show, *Seven Kilometers Northeast*, which she even performed in Sarajevo in 2009.

The questions of why Jasmila Žbanić chose to make a film about this particular incident, which was not recognized by the International Tribunal, and why three years passed between Vercoe's Sarajevo premiere and Žbanić contacting her, have a single answer. Žbanić explains it directly in an interview with the English publication *Screendaily*:

"Serbian authorities, denying the genocide of Muslims, are planning to invest 12 million euros in the so-called "Art City" of Emir Kusturica - Andrićgrad in Višegrad. There's no art here, it's pure political bullshit; it's just a way to distract attention from the genocide. It's like building an art cluster in Auschwitz, you understand?" The first construction work on Kusturica's Andrićgrad began in 2011. That same year, Žbanić reached out to Vercoe to make a film aimed at preventing Kusturica from breathing new life into the already quite depressing town of Višegrad. Žbanić's analogy to Auschwitz seems disingenuous as the "Art City" is dedicated to Ivo Andrić and is located in the town the writer immortalized, overlooking the legendary bridge. It seems clear that when planning Andrićgrad in Republika Srpska, Kusturica was hardly concerned with whether it would please Bosniaks.

For Those Who Can Tell No Tales (Za one koji ne mogu da govore), directed by J. Žbanić, 2013.

It is necessary to explain the attitude of politically active Bosniaks toward Emir Kusturica. Saying that they “hate” him greatly understates the situation. Kusturica embodies a “third path” of Bosniak identity, being neither Islamic nor secular, but a path of complete renunciation of “Bosnianness” in favor of “Serbianness.” Kusturica lives in Serbia, considers himself Serbian, and in 2006 was baptized, taking the name Nemanja. In his own words, “I would have done it earlier, but I didn’t want to upset my parents, who also considered themselves Serbs, though they were communists.” This same choice was made in the 1970s by the most prominent Bosnian writer of the second half of the twentieth century, Meša Selimović (Death and the Dervish, The Fortress), who considered himself Serbian rather than “Muslim” (see his open letter to SANU, 1976) and moved with his family to Belgrade. Kusturica, Selimović, and the Muslim Chetniks of World War II all are part of a history of alternative Bosniak self-identification, entirely unacceptable within the framework of the current political agenda.

The two main films of the 2010s were **Death in Sarajevo by Danis Tanović (2016)** and **Men Don’t Cry by Alen Drljević (2017)**. Tanović adapted Bernard-Henri Lévy’s monodrama Hotel Europe for the screen, expanding it to include multiple characters, among them a descendant and full namesake of Gavrilo Princip. Essentially, the film is an extended dramatization of a popular Balkan joke:

— If Gavrilo Princip found himself in today’s Sarajevo, whom would he shoot?
— If Princip found himself in today’s Sarajevo, he’d be the one shot...”

This is precisely what happens to Princip’s descendant and namesake, who is summoned to Sarajevo to film a television program on the roof of the Hotel Europe.

As in *No Man’s Land*, a Serb engages in a debate about the causes of the war with a Bosniak, in this case, a television host. Predictably, both are highly emotional and not particularly persuasive. However, the author’s supposed impartiality toward them both

is only seeming. When listing Muslim war criminals, the Serb conveniently names only those already condemned by the Bosniaks themselves, making his argument comfortable for his opponent. Tanović provides a counterpoint to the Serb-Bosniak debate through news segments and expert commentary (from real historians), which articulate precisely the Bosniak position: Serbian nationalism caused the assassination in Sarajevo in 1914 and the First World War, and it was also responsible for the breakup of Yugoslavia. The only point on which the Serb and the Bosniak host agree is the complete ineffectiveness of the High Representative, though they interpret his “ineffectiveness” differently. The host believes he is insufficiently consistent in condemning the Serbs (at the time of the film’s release, the High Representative was Valentin Inzko)

For the first time in the film, the city of Sarajevo is shown in a way that makes one want to visit it: no ruins, no grim housing blocks, only gleaming skyscrapers, green mountains, and a few glossy, postcard-perfect views of the city center. **The question of what marks the national specificity of the city’s residents (Bosniaks), setting them apart from the Serbian visitor from the village of Grahovo, is answered visually: Sarajevans are modern, stylish, and Westernized, while the outsider is charmingly archaic: carrying a plastic bag of apples and nuts “from the village,” along with, incidentally, a pistol. In this film, Serbs are not portrayed as embodiments of evil; rather, they symbolize a kind of primal chaos that brings destruction and decay and can never fully belong to the “civilized” world. As one exchange tellingly puts it:**

“— What do you do back in Grahovo? — I read, I shoot...” — a portrait of the typical Serb in just two words.

Death in Sarajevo (Smrt u Sarajevu), directed by D. Tanović, 2016.

Men Don't Cry (Muškarci ne plaču), directed by A. Drljević, 2017.

An especially interesting example of the renewed narrative on interethnic relations is **Alen Drljević's *Men Don't Cry***. The film follows a group of Bosnian War veterans, three from each of the titular ethnic groups, gathered for group psychotherapy in an empty hotel on Jahorina. A metaphorical reading of the story becomes apparent from the opening frames: the vacant hotel represents Bosnia and Herzegovina, the Slovenian psychotherapist embodies the Western officials engaged in Bosnia, and the veterans are exactly what they are - war veterans. The goal of the session is to determine whether these war-traumatized men, fighters from three armies, are ready to forgive each other or at least refrain from tearing each other's throats out when confronted with the "trench truths" of their counterparts.

All the characters, except for one Croat, whom the group expels, are willing to admit, "we shot, and we were shot at." Yet when it comes to "opening" the psychological containers of traumatic experience, it becomes clear that all the men are troubled by having acted disgracefully: the Bosniak broke under interrogation and betrayed his comrades, the Croat sent a young recruit on guard duty, knowing he might be killed instead of going himself. Only the Serb emerges as a participant in the mass killing of civilians, albeit involuntarily. That same evening, the Croat, who had previously got drunk and smashed furniture alongside the Serb, burns the Serb's only valuable possession: a truck. At the film's end, after attending the funeral of another Bosniak participant's mother, the Serb attempts suicide. He is saved by the Croat, who then spits on him. Once again, a ranking of guilt and responsibility emerge behind the "reconciliation facade": yes, everyone killed, but the gravest sin was committed by the Serb.

Even more significant is that, even after admitting his guilt, the Serb does not earn forgiveness. He is saved from suicide, yet remains a pariah. This is the film's central message: the Muslim forgives the secular Bosniak who offended his sacred values; the latter forgives his mother, who once turned him over to a military patrol; and only the Serb remains unforgiven, the eternal Other.

«Playing the Victim: interim finale

Jasmila Žbanić spent six years preparing before releasing in 2020 the most ambitious and expensive film in Bosnian cinema, *Quo Vadis, Aida?*, dedicated to the tragedy in Srebrenica. The events of July 1995 in this Bosnian mining town became a cornerstone of modern Bosniak identity and have been the subject of numerous documentaries and short films. The film is technically flawless; however, like many of its predecessors, it conveys the common narrative in Bosnian cinema: “The Serbs did not kill in response to Bosniaks killing them, but simply because they could.”

Interestingly, the film's title alludes to the story of the Apostle Peter, who, upon learning that he was to be executed in Rome, attempted to flee the city. On the road, however, he encountered Jesus Christ, who asked him “*Quo vadis?*”—“*Where are you going?*” Peter was ashamed and returned to Rome, where he was crucified. For most of the film, the protagonist tries to escape Srebrenica herself and, using her status as a UN translator, to smuggle her family out. Ultimately, she shares the fate of many Srebrenica women: the Serbs let her go, while executed her husband and sons. In the final scenes, more than ten years later, Aida returns to Srebrenica, which has become part of Republika Srpska and where almost no Muslims remain, to teach English to Serbian schoolchildren. She returns to a city where every stone reminds her of her lost family. This return parallels Peter's return to Rome, and teaching Serbian children is akin to

Quo Vadis, Aida?, directed by J. Žbanić, 2017.

the crucifixion she consciously undertakes. The film thus presents a deliberate “sacralization” of the Srebrenica events, laying the foundation for a national myth.

In 2021, Jasmila Žbanić's film received three awards from the European Film Critics Association at the Berlin International Film Festival: Best European

Film, Best European Director, and Best European Actress. In 2024, despite protests from Serbia, as well as Russia and China, the UN General Assembly passed a resolution on the “genocide” in Srebrenica, “unequivocally condemning” any denial of it and urging all states to prevent the distortion of history and to “preserve established facts.”

Jasmila Žbanić takes pride in the fact that, on the eve of the UN General Assembly session, her production company Deblokada distributed links to a free version of the film, subtitled in the world’s major languages, to all participants. In this regard, her film serves as an important element of an international campaign to demonize Serbs and, specifically, to undermine the Dayton Accords and Republika Srpska.

Quo Vadis, Aida? is one of the best-known contemporary Bosnian films. However, it cannot be said that such films are particularly popular within the country itself. Few people are eager to live again through the terrifying events of thirty years ago in cinemas. Significantly more popular are television series, such as **Tender by Srdjan Vuletić (2022–2025)**. Tender is a political satire of Bosnia and Herzegovina’s federal institutions, paralyzed by ethno-party conflicts, bureaucracy, and international demands. Over two seasons, the viewer follows a state tender commission composed of a Bosniak, a Serb, and a Croat. Until the final episode, the commission is unable to complete a single tender. Only in the last episode do the three successfully purchase microphones, planning to test them during a corporate party. However, just when it seems that everything is going well and ethnic tensions have been set aside, the Sarajevo

Tender, directed by S. Vuletić, 2018.

Canton riot police burst in and arrest the reconciled trio on suspicion of corruption. Their place at the corporate party is taken by the three political leaders of Bosnia and Herzegovina’s titular nations.

Notably, the series portrays national stereotypes very explicitly through its characters. The youngest member of the commission is

a Bosniak: energetic, Westernized, and obsessed with social media. The Croat is the oldest, retrograde, and slightly pedantic. The Serb is loud, clumsy, and overall comically rustic, while the Bosniak is distinctly “urban.” In this respect, the message is clear: the future belongs to the Bosniaks, Croats represent the past century, and Serbs embody the archetype of the rural, unsophisticated villager.

In conclusion, albeit a provisional one, it is worth asking: what image of Bosnia have Bosnian filmmakers created over the past thirty years? Their main achievement, undoubtedly, is the creation of a “mini-Holocaust” industry: the continuous commemoration of Srebrenica’s victims, running in parallel with NGO activity and international advocacy. The number of documentaries about Srebrenica runs into the dozens. Almost every young, aspiring filmmaker in Bosnia begins their career with a short film about the war and its aftermath, most likely addressing the Srebrenica theme. At some point, this kind of “commemoration” loses its humanitarian purpose and begins to resemble dancing on the graves of the dead, a blatant profiteering from their deaths to sustain the “playing the victim” narrative.

According to Jasmin Hasanović, “The narrative of self-victimization (“playing the victim”) was originally part of the Western colonial narrative; it underwent ideological normalization and localization, eventually becoming part of the local identity”³.

In our view, this depiction of Bosnia and the Bosniaks ultimately amounts to a national humiliation. Reducing a full-scale war to the impotent phrase “don’t let them kill us” runs entirely counter to the true sentiments of Bosniaks. It is enough to visit Sarajevo to see that Muslims take pride in their veterans just as much as Serbs or Croats do. By embracing the “victim syndrome” in the realm of art, Bosniaks have gained the support of the international community, but in doing so, they have in some measure lost themselves. They have lost the core they could have been proud of and on which they might have built a constructive future

As is well known, art should wound the complacent and comfort the wounded. Looking at Bosnian cinema over the past thirty years, can we answer affirmatively the question: “Has art succeeded in comforting a wounded society?” Most likely, no. Cinema has never become a bridge between the peoples of Bosnia and Herzegovina; even depictions of reconciliation have been used to advance specific political narratives. Since the 2010s, the situation has only worsened: the films produced have become part of efforts to revise the established postwar order. In this respect, Bosnian cinema has become yet another element reinforcing a division in the society, that is living in parallel realities.

³ Hasanović J. Mirroring Europeanization: Balkanization and auto-colonial narrative in Bosnia and Herzegovina // The Unwanted Europeanness. — 2021. — p.90.

ECONOMIC FRAGMENTATION AND THE NAISSANCE OF ETHNIC ECONOMIES IN POST-DAYTON BOSNIA AND HERZEGOVINA: TOGETHER OR APART?

«Civilian agencies from around the world will begin a separate program of humanitarian relief and reconstruction, principally paid for by our European allies and other interested countries. This effort is also absolutely essential to making the peace endure. It will bring the people of Bosnia the food, shelter, clothing, and medicine so many have been denied for so long. It will help them to rebuild—to rebuild their roads and schools, their power plants and hospitals, their factories and shops. It will reunite children with their parents and families with their homes. It will allow the Bosnians freely to choose their own leaders. It will give all the people of Bosnia a much greater stake in peace than war, so that peace takes on a life and a logic of its own»

From President Bill Clinton's, November 27, 1995

The Dayton Accords of 1995 were intended to become the institutional foundation for an integration process capable of blurring the boundaries of "ethnic economies"—a legacy of the war. However, economic fragmentation persisted due to the extensive autonomy of the newly created administrative-territorial units and the multi-level system of governance. This section examines the economic situation in post-Dayton BiH, using sociological data obtained during the study.

The roots of functional fragmentation of Bosnia and Herzegovina's economy along ethnic lines can be traced back to the period of Ottoman rule and the Austro-Hungarian occupation. The socialist industrialization from the 1950s to the 1970s largely reinforced the economic roles of ethnically homogeneous regions in Bosnia and Herzegovina, linking them more closely with each other and with other Yugoslav republics through cooperative economic networks. At the same time, industrial development during that period was seeking, among other goals, to create effectively self-contained (quasi-autonomous) production systems, each with a similar set of heavy industry sectors in every republic of the FPRY/SFRY. By the late 1980s and early 1990s, this helped to accelerate the process of economic disintegration¹. The spatial differentiation of Bosnia and Herzegovina's economy, for obvious reasons, intensified most significantly during the 1992–1995 war. The boundaries of ethnic economies were established precisely in the first half of the 1990s and persisted in the early years following the Dayton Accords, gradually becoming "blurred" under the influence of integrative factors, which will be discussed further below.

In this regard, it is especially notable that the three captains of Bosnian industry — the steelworks in Zenica, the aluminum plant in Mostar, and the oil refinery in Brod — came under the control of representatives of the three main ethnic groups during the 1990s, thus culminating the fragmentation of Bosnia and Herzegovina's economic space².

Consequences of War for BiH's economy

The socio-economic situation during the war was extremely difficult. Half of the country's population was directly affected by the hostilities: according to data from the NRC (Norwegian Refugee Council), the number of refugees had reached 1.2 million by the end of the war, while the number of internally displaced persons in 1993 stood at 1

¹ Strategically important industrial sectors were represented by enterprises in almost all republics. For example, oil refineries operated in Novi Sad and Pančevo (Serbia), Rijeka and Sisak (Croatia), Brod (BiH), Lendava (Slovenia), and Skopje (Macedonia). Steelworks and metallurgical plants were located in Smederevo (Serbia), Sisak (Croatia), Jesenice and Ravne (Slovenia), Zenica (BiH), Nikšić (Montenegro), and Skopje (Macedonia), among others.

² In 1892, in the mixed-population municipality of Derventa, where Croats predominated, the Hungarian company Danica built an oil refinery. Its favorable transport and geographic location (on the Sava River, belonging to the Black Sea basin, and proximity to railway lines) contributed to the rapid development of the enterprise, which before World War II was owned by the American company Standard Oil. Later, the refinery in Brod (formerly Bosanski Brod) became one of the key enterprises of Bosnia and Herzegovina's economy. According to the 1991 census, the number of Serbs and Croats in the Bosanski Brod municipality was approximately equal (around 30% each). In 1892, the Austrians built a steel mill in Zenica, located close to deposits of coking coal. The population of Zenica has traditionally been predominantly Slavic Muslims. Finally, the aluminum plant in Mostar was commissioned in 1975. The proximity to the port of Ploče and the cascade of hydroelectric power plants on the Neretva River played an important role in the choice of its location. The surroundings of Mostar, like several other parts of Herzegovina, was a region densely settled by Croats in the 19th and early 20th centuries. In the 1950s to 1980s, Croats and Slavic Muslims each made up about 1/3 of the population, with Serbs accounting for around one-fifth.

million³. Many industrial enterprises were destroyed by the warring parties or ceased to operate. More than one-third of the housing stock and nearly half of the country's physical capital were destroyed (50% of power grids and 80% of energy generation capacity, 25–35% of highways (around 2,000 km), 40% of bridges or 70 in total, the Sarajevo airport, etc.)⁴. In the second half of the 1990s, the World Bank and the EU allocated \$5.1 billion for the reconstruction of Bosnia and Herzegovina's infrastructure⁵.

Between 1990 and 1994, Bosnia and Herzegovina's GDP (at current prices) declined more than sixfold from \$7.75 billion to \$1.26 billion. The pre-crisis GDP level was only surpassed in 2003⁶. Between 1990 and 1994, Bosnia and Herzegovina's GDP (at current prices) declined more than sixfold from \$7.75 billion to \$1.26 billion. The pre-crisis GDP level was only surpassed in 2003⁷. Economic growth in the territories controlled by Bosniaks and Croats resumed earlier than in the Republika Srpska, due to the ceasefire between them following the signing of the Washington Agreement in March 1994. This agreement helped to lift barriers to foreign trade and ensured the inflow of *substantial* international aid. In contrast, the Serbs in Republika Srpska faced economic sanctions initiated by the EU and the US, and enforced by the UN Security Council in 1994 (Resolution No. 942)⁸. International economic recovery programs didn't immediately meet their goals, as economic growth (averaging around 40% annually between 1996 and 1999) was barely accompanied by the creating new jobs outside the public sector⁹.

³ Norwegian Refugee Council / Internal Displacement Monitoring Centre (NRC / IDMC). Global Overview 2014: people internally displaced by conflict and violence — Bosnia and Herzegovina, 14 May 2014. Papić Z. (ed.). International Policies of Support to Southeast Europe — Lessons (not) Learnt in BiH. Sarajevo: Müller, 2001.

⁴ Bosnia and Herzegovina. Emergency transport reconstruction project. Report No. T-6807-BIH. Technical annex. Washington, D.C.: The World Bank, 13 March 1996. Bosnia and Herzegovina: 1996–1998 Lessons and Accomplishments (PEIR). Washington, D.C.: The World Bank, May 1999. Bosnia and Herzegovina — Post-Conflict Reconstruction (Country Case Study). Washington, D.C.: The World Bank, May 2000.

⁵ Since financial aid was provided mainly as grants rather than loans, the national debt remained at a manageable level, around 55% of GDP, by the late 1990s, according to the IMF.

⁶ To be fair, GDP based on PPP (in constant prices) fell from \$10.7 billion to \$8.9 billion between 1990 and 1993, but by 1995 it had surpassed the 1990 level (World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org>). According to the IMF, the GDP decline in Republika Srpska was somewhat less severe than in the areas controlled by Bosniaks and Croats.

⁷ Econometric studies suggest that the effects of conflicts may be less severe. For example, J. Mueller found that a five-year civil war leads to a 7–22% decrease in GDP per capita, while S. Gates and others estimate that a conflict of medium intensity results in a 15% decline. (Müller J. War and Ideas: Selected Essays. New York: Routledge, 2013. Gates S., Hegre H., Nygård H. M., Strand H. Development Consequences of Armed Conflict // World Development. — 2012. — Vol. 40(9). — pp. 1713–1722). Another study, which examines the consequences of wars for 78 regions in the former Yugoslav republics, argue that GDP per capita fell on average by 38% (by 22% in Bosnia and Herzegovina) (Kešeljević A., Nikolić S., Spruk R. Ethnic Conflicts, Civil War and Economic Growth: Region-Level Evidence from former Yugoslavia // arXiv:2505.02431. — 2025).

⁸ Pugh M. Postwar Political Economy in Bosnia and Herzegovina: The Spoils of Peace // Global Governance. — 2002. — Vol. 8. — pp. 467–482. Tzifakis N., Tsardanidis C. Economic Reconstruction of Bosnia and Herzegovina: The Lost Decade // Ethnopolitics. — 2006. — Vol. 5(1). — pp. 67–84. Cox, M. Protests and Illusions: How Bosnia and Herzegovina Lost a Decade. European Stability Initiative, 2014. Kromjác L. Bosnia and Herzegovina's Economic Prospects and Historical Background // Financial and Economic Review. — 2021. — Vol. 20 (2). — pp. 148–169.

⁹ The acceleration of economic growth and effective restructuring of the economy after wars has been termed the

Industrial production virtually came to a halt during the conflict: between 1993 and 1995, its volume decreased to 9–11% of the 1991 level. In territories predominantly inhabited by the Muslim population, industrial output in 1994 amounted to just 1% of the 1991 level¹⁰.

According to IMF estimates, during 1992–93, a sharp rise in prices occurred due to shortages of goods: prices increased 730 times in 1992 and 440 times in 1993 in Bosniak-controlled areas; 73 times in 1992 and an astonishing 2 quadrillion times in 1993 in Serb-controlled areas; and by 9 times in 1992 and 11 times in 1993 in Croat-controlled areas¹¹. Additional inflationary pressure was caused by sanctions against Republika Srpska.

According to the World Bank, the unemployment rate rose from 17.6% in 1991 to 21.1% in 1995, and this trend was only reversed in the mid-2000s¹². However, there are less optimistic estimates of the actual unemployment rate during the conflict period, reaching as high as 80-90%; it is also believed that in 2001 it was still around 40-50%¹³. A certain share of the population was dragged into gray or black economic activities, which is why international organizations estimate official employment in 1994 on territories with predominantly Muslim and Croat populations at only 25% and 20% of the 1991 levels, respectively¹⁴.

Reliable data on poverty levels in the late 1990s are lacking; estimates suggest that between 20% and 60% of the population lived below the poverty line. On the eve of the Dayton Agreement, about 80% of residents were fully or partially dependent on food aid.

“Phoenix effect” by A.F.K. Organski and J. Kugler. Post-war recovery evidently occurs through rapid catch-up growth (so-called “catch-up growth”) (Barro R., Sala-i-Martin X. *Empirical Analysis of a Cross Section of Countries*. In: *Economic Growth*. New York: McGraw-Hill, 1995). Based on a model describing the economic consequences of civil wars since 1960, P. Collier shows that economies recover faster after prolonged conflicts. However, if a conflict lasted only one year, annual GDP growth rates during the first five years of peace were 2.1% lower. The loss of physical capital continues even after short-term wars⁶ a phenomenon known as the “war overhang effect”⁶ leading to a prolonged decline in activity across industries such as manufacturing, construction, transportation, and others (Collier P. *On the economic consequences of civil war* // *Oxford Economic Papers*. 1999. Vol. 51. pp. 168-183).

Analyzing conflicts in 41 countries from 1960 to 2003, S. Chen and colleagues found that the trajectory of economic growth rates after conflicts follows an inverted U-shape, with GDP per capita peaking in the fourth and fifth years after a ceasefire. The authors argue that the accelerated growth during the post-war period is partly explained by increased investment activity (Chen S., Loayza V. N., Reynal-Querol M. *The Aftermath of Civil War* // *The World Bank Economic Review*. 2008. Vol. 22(1). pp. 63-85).

¹⁰ Bosnia and Herzegovina: Recent Economic Developments. IMF Staff Country Reports, Vol. 1996 (104). Washington, D.C.: IMF, October 1996.

¹¹ Ibid. The stabilization of prices in the Bosniak-controlled territory began after the denomination of the BiH dinar in late 1994 and the tightening of credit and fiscal policies. In Republika Srpska, the local dinar lost its solvency and was withdrawn from circulation in early 1994; it was replaced by the new Yugoslav dinar, issued in Belgrade. Bosnian Croats used the kuna, which was issued by the Central Bank of Croatia in Zagreb.

¹² World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org>

¹³ Donais T. *The Political Economy of Peacebuilding in Post-Dayton Bosnia*. London and New York: Routledge, 2005. Pugh M. *Postwar Political Economy in Bosnia and Herzegovina: The Spoils of Peace* // *Global Governance*. — 2002. — Vol. 8. — pp. 467–482.

¹⁴ Bosnia and Herzegovina: Recent Economic Developments. IMF Staff Country Reports, Vol. 1996 (104). Washington, D.C.: IMF, October 1996.

Five years after the ceasefire, the poverty rate reached 46% in the Federation of Bosnia and Herzegovina (Federation of Bosnia and Herzegovina) and 75% in Republika Srpska (RS). This significant disparity was largely due to the absence of assistance programs for the most vulnerable groups in Republika Srpska¹⁵.

Thus, the armed conflict had devastating effects on the economies of territories controlled by Bosniaks, Serbs, and Croats. The return to positive economic growth rates did not resolve the structural problems accumulated before the peak of the conflict. Ethnic economies divided by front lines operated largely through illicit and shadow economic activities, while established ethno-clientelist hierarchies served to redistribute income¹⁶. The Dayton Agreement aimed to establish lasting peace and create conditions for replacing informal societal and economic institutions with formal ones. Let us now consider the extent to which the post-Dayton socio-political organization has influenced the fragmentation of Bosnia and Herzegovina's economic space.

Development of Ethnic Economies Amid Post-Dayton Institutional Transformation

The General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina, signed in December 1995, set the course for the subsequent socio-political and economic development of the territories that we consider.

The economic objectives of the agreement were consolidated in Annex IX (Agreement on the Establishment of Public Corporations of Bosnia and Herzegovina): the signatories committed to establishing a unified transportation corporation and, based on its operational experience, to creating joint ventures in the fields of energy, utilities, and postal services¹⁷. This plan was never fully implemented: the parties established only two supranational companies to manage railway and road infrastructure.

Annex IV states that "Bosnia and Herzegovina and the Entities shall not impede full freedom of movement of persons, goods, services, and capital throughout Bosnia and

¹⁵ Bosnia and Herzegovina: From Recovery to Sustainable Growth. A World Bank Country Study. Washington, D.C.: The World Bank, May 1997.

¹⁶ Schierup C.-U. Prelude to the Inferno: Economic Disintegration and Political Fragmentation of Socialist Yugoslavia // Migration. – 1993. – Vol. 5. – pp. 5-56. Pugh M., Cooper N., Goodhand J. War Economies in a Regional Context: Challenges of Transformation. London: Lynne Rienner Publishers, 2004. Andreas P. The Clandestine Political Economy of War and Peace in Bosnia // International Studies Quarterly. – 2004. – Vol. 48(1). – pp. 29-51.

¹⁷ The General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina. Annex 9: Agreement on Establishment of Bosnia and Herzegovina Public Corporations. URL: <https://www.ohr.int/dayton-peace-agreement/annex-9>.

Herzegovina.” Additionally, it envisaged the establishment of a Central Bank of Bosnia and Herzegovina, tasked with issuing a single currency and conducting unified monetary, foreign trade, and fiscal policies¹⁸.

Most experts agree that the Dayton Agreement failed to achieve its main goals of socio-political and economic integration, which were either explicitly or implicitly proclaimed. It “virtually did not create integrative elements (such as joint institutions) nor did it provide any electoral or political incentives for cooperation.”¹⁹.

The first problem associated with the “Dayton legacy” is the ineffectiveness of official institutions, partly due to the high degree of *autonomy granted to administrative-territorial units*. The country is governed on three levels, which requires setting up and funding of a cumbersome bureaucratic apparatus. Government structures of Bosnia and Herzegovina, its territorial units (the Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska), and the ten cantons within the Federation often make decisions that can hardly be called coordinated, especially regarding economic policy. The administrative-territorial division is further complicated by the existence of 143 municipalities: 79 in the Federation, 64 in Republika Srpska, and the Brčko District²⁰. Before the war, there were 109 such units; thus, the number of local administrative units increased after the signing of the Dayton Agreement, despite a significant decrease in the country’s population.²¹ More confusion in the governance system is caused by the Office of the High Representative (OHR) in Bosnia and Herzegovina, established by the international community in 1995. Several experts point to overlapping functions and a lack of coordination among the four semi-independent judicial systems (Bosnia and Herzegovina, Federation of Bosnia and Herzegovina, Republika Srpska, and Brčko), which hampers effective efforts to combat corruption.²² Meanwhile, an overwhelming majority of respondents in a social survey conducted by the team answered “no” to the question, “Does the state-level political system function effectively?”

¹⁸ The General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina. Annex 4: Constitution of Bosnia and Herzegovina. URL: <https://www.ohr.int/dayton-peace-agreement/annex-4>.

¹⁹ Tzifakis N. Bosnia's Slow Europeanisation // Perspectives on European Politics and Society. — 2012. — Vol. 13 (2). — pp. 131–148.

²⁰ For the purposes of spatial planning and statistical data collection, the 64 municipalities of Republika Srpska were grouped into six nodal-functional regions, which are not administrative-territorial units (according to the Spatial Plan of Republika Srpska for the period up to 2025, adopted in 2015).

²¹ Moreover, in cantons and municipalities of the Federation of Bosnia and Herzegovina with mixed populations, parallel power structures could emerge, for example, separate law enforcement bodies. (Tanaka S. The political economy of power-sharing: patronage politics and ethnic party dominance in post-Dayton Bosnia // Democratization. — 2025. — Vol. 32 (6). — pp. 1450–1473).

²² Belloni R., Strazzari F. Corruption in Post-Conflict Bosnia-Herzegovina and Kosovo: A Deal among Friends // Third World Quarterly. — 2014. — Vol. 35 (5). — pp. 855–871. Donais T. The Political Economy of Peacebuilding in Post-Dayton Bosnia. London and New York: Routledge, 2005. Tanaka S. The political economy of power-sharing: patronage politics and ethnic party dominance in post-Dayton Bosnia // Democratization. — 2025. — Vol. 32 (6). — pp. 1450–1473.

The ethno-territorial division of power has left state-level institutions with limited room to design and implement economic policy. The institutions of Bosnia and Herzegovina handle unified monetary and customs policy, as well as the collection of

indirect taxes (for example, VAT accounts for up to 40% of total tax revenue). However, the Entities and cantons within the Federation of Bosnia and Herzegovina hold significantly broader powers in the economic sphere. Additionally, both Republika Srpska and the Federation control a large number of monopolies, ranging from energy to transport. As a result, the Dayton Agreement created conditions that enabled the rise and consolidation of ethnic political parties. Their representatives took control of economic resources, most of which were generated and distributed within administrative units defined by ethnic lines.

One of the factors in the formation of ethnic economies was the distribution of assets based on nationality — ethnic privatization.. As previously noted, a significant portion of physical capital

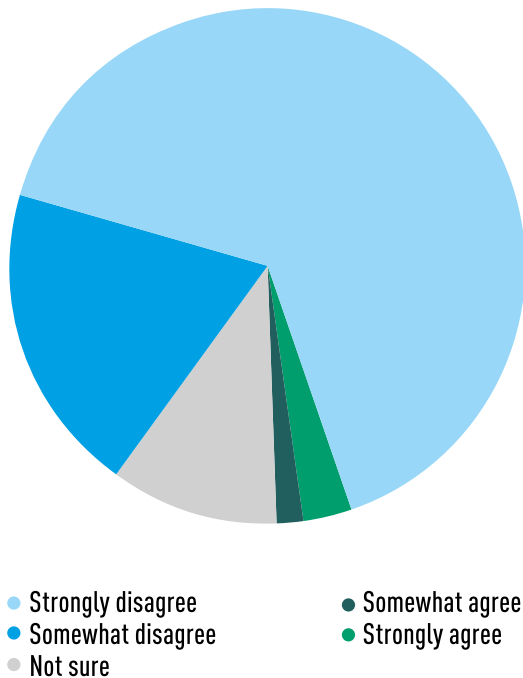

Fig. 1. Distribution of responses to the question: "Does the state-level political system function effectively?"

was either destroyed or severely damaged during the conflict, which had a profoundly negative impact on the recovery of economic activity across the country. While some enterprises resumed operations, many were soon forced to shut down due to a lack of both domestic and international demand for their products. The instability of the production sector hindered the development of fiscal and tax systems, disrupted external trade balances, and further worsened conditions in the labor market. Natural monopolies, operating independently in Republika Srpska and the Federation of Bosnia and Herzegovina, functioned with mixed results and required regular subsidies to cover their losses, thus further straining the public finances. The only significant source of capital for economic recovery was international aid, while remittances from the diaspora also played an important supporting role.

Privatization, as widely believed at the time, was intended to improve the competitiveness of enterprises. In addition, one of its key objectives in Bosnia and Herzegovina was to bring assets out of the shadow economy. However, this goal was only partially achieved: the legal, grey, and illicit ("black") economies often overlapped, as many businesses operated simultaneously within all three spheres.²³ The privatization

²³ The World Bank's microcredit programs aimed at supporting small businesses were criticized for being potentially profitable only if the participating enterprises were involved in black market activities. (Pugh M. Postwar Political

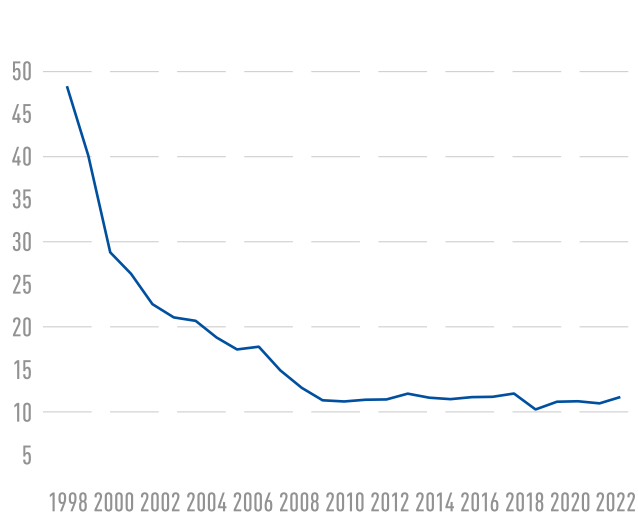

Fig. 2. Remittance inflows to GDP (%) Source: World Bank

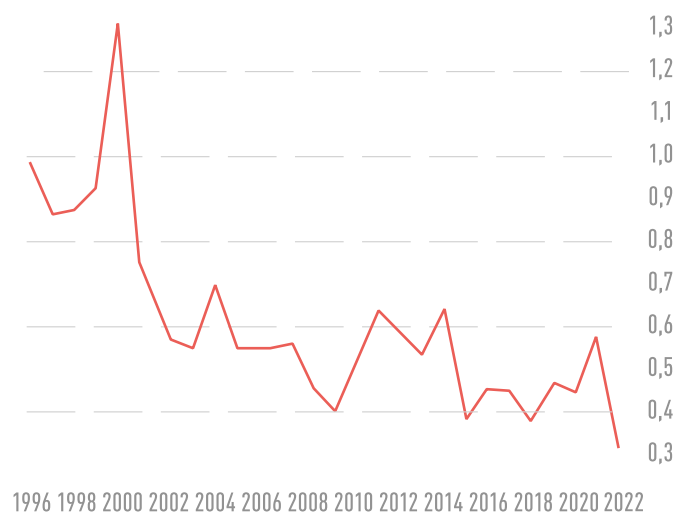

Fig. 3. Net official development assistance received (USD bln)». Source: World Bank.

process, launched in the second half of the 1990s, moved slowly. A decade after it began, the private sector accounted for only about 50% of the country's economy. Many privatization tenders for strategically important enterprises ended in failure²⁴. The model of mass privatization chosen for most small state-owned companies (about a quarter of all assets) also did not bring the desired results: after the transfer of ownership to the public through certificates (in FBiH) and vouchers (in RS), the restructuring of firms was problematic due to a shortage of capital and know-how.

It is important to note that privatization agencies were established not only at the Entity level, but also in each of the ten cantons of the Federation of Bosnia and Herzegovina. A unified national legal framework for privatization was never adopted. The authorities at both the Entity and canton levels sought to sell state-owned companies to members of their own ethnic group, resulting in ethnically structured management and employment within those enterprises²⁵. S. Tanaka refers to the method used by ethnic parties to retain control over assets even after privatization as "the distribution of shares among party loyalists"²⁶. It was common for company leadership to remain the same before and after privatization, so-called "shadow boards." By deliberately bankrupting state-owned enterprises, these shadow boards were able to acquire assets at undervalued prices during privatization.

Economy in Bosnia and Herzegovina: The Spoils of Peace // Global Governance. — 2002. — Vol. 8. — pp. 467-482).

²⁴ In 2000, international organizations compiled a list of 140 strategic state-owned companies, 87 from the Federation of Bosnia and Herzegovina and 53 from the Republika Srpska, planned for privatization (Santrucek S. Failed Privatisation is to Blame for Bosnians' Exodus // BalkanInsight. — May 16, 2019).

²⁵ Omanovic S. Accepting Responsibility: Moving Beyond Political and Economic Dependence in Post Conflict Bosnia and Herzegovina. Washington, D.C.: CIPE, 9 February 2005. Salimović E. Privatisation in Bosnia and Herzegovina // SEER — South-East Europe Review for Labour and Social Affairs. — 1999. — Vol. 3. — pp. 163-179. Vučetić S. Peacebuilding and political corruption: the Bosnia case // South-East Europe Review. — 2002. — Vol. 3. — pp. 65-80.

²⁶ Tanaka S. The political economy of power-sharing: patronage politics and ethnic party dominance in post-Dayton Bosnia // Democratization. — 2025. — Vol. 32 (6). — pp. 1450-1473.

The territorial and organizational structure of the public sector in Bosnia and Herzegovina clearly proves the existence of ethnic economies. State-owned enterprises controlled by the Entities — Republika Srpska and the Federation of Bosnia and Herzegovina — dominate in terms of asset volume and employment levels, while central government bodies, and even more so the cantons and municipalities, manage less significant enterprises.²⁷ Nearly half of the revenues and over a third of the employees in Bosnia and Herzegovina's state-owned companies come from enterprises in the electricity and utilities sectors (Elektroprivreda BiH in Sarajevo, Elektroprivreda HZHB in Mostar, Elektroprivreda RS in Trebinje). In addition, major companies operate in transportation (Željeznice Federation of Bosnia and Herzegovina in Sarajevo, Željeznice RS in Dobo, Ceste Federacije BiH in Sarajevo, Autoputevi RS in Banja Luka), telecommunications (BH Telecom in Sarajevo), as well as in Republika Srpska's forestry sector (Šume RS), coal mining (RMU Banovići, RU Kreka), and the Federation of Bosnia and Herzegovina's military-industrial complex (Igman, Pretis, BNT — TMiH). The territories covered by most of these state monopolies largely follow ethnic boundaries. These enterprises serve as the structural backbone of Bosnia and Herzegovina's ethnic economies and largely determine the (semi)autonomous operation of key industries.

In the second half of the 2010s, one in ten workers in the country was employed by state-owned enterprises. Bosnia and Herzegovina was the only country in the region where public sector employment continued to grow steadily, with around 80,000 people working across 550 companies²⁸. At the same time, their efficiency during this period was extremely low: according to IMF estimates, the average return on equity (ROE) in state-owned companies remained consistently negative²⁹. State-owned enterprises have accumulated significant debts, and liquidity problems force authorities at various levels to provide them with financial support, whether overtly or behind the scenes³⁰.

"Life inside the Entities depends on what you choose. If you decide to work for a state-owned company, be ready to join a party." (Female, 22, Croat)

²⁷ By the late 2010s, central authorities and the governments of the Republika Srpska and the Federation of Bosnia and Herzegovina controlled companies that generated 85% of state sector revenues and held an equivalent share of its assets.

²⁸ Another feature of the labor market is the higher salaries of employees in state-owned companies. According to IMF data, in 2017, they earned 40% more than those employed in the private sector, despite lower profitability and labor productivity in state-owned enterprises (Cegar B., Parodi F. J. State-Owned Enterprises in Bosnia and Herzegovina: Assessing Performance and Oversight. IMF Working Papers WP/19/201. IMF European Department, 2019).

²⁹ Ibid.

³⁰ These problems apply to a lesser degree to state-owned enterprises in the defense, telecommunications, and energy sectors.

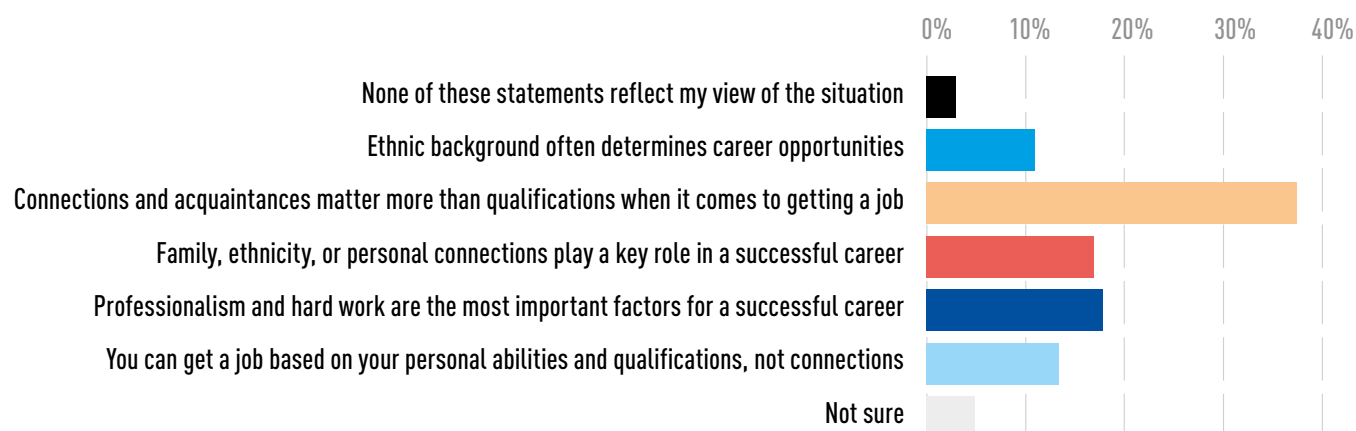

Fig. 4. Distribution of responses to the question: "Which statements most accurately reflect your thoughts on finding a job and on career in BiH?"

According to the people of Bosnia and Herzegovina, ethnicity, connections, and personal networks still play a significant role in getting a job.

Features of fragmentation of the economic space of modern BiH

The post-Dayton principles of power-sharing, as discussed earlier, significantly complicate the setting up of a unified socio-economic system in Bosnia and Herzegovina. Industrial, defense, labor, cultural, pension, educational, and scientific-technical policies remain under the jurisdiction of local authorities. Differences in institutional and legal frameworks directly impact both domestic and international economic activities.

This multilayered institutional setup affects the effectiveness of law enforcement: legislative norms valid in one canton may contradict those in a neighboring canton, the Federation, or the country as a whole. Rules around company registration, income taxation, licensing and accreditation, accounting and auditing controls, employment, and building permits, all have their own peculiarities in the Republika Srpska and the Federation of Bosnia and Herzegovina.

Institutional frameworks for attracting foreign investment and the preferential regimens offered to foreign companies also vary. Regulatory powers over specific economic sectors are divided among administrative-territorial units at different levels.

While the existence of ethnic, or more accurately, quasi-ethnic, economies that emerged during the war and evolved through the market transition can be debated, the peace agreement firmly entrenched a binary economic system, centered around the power hubs of Sarajevo and Banja Luka.

Ethnic makeup of Bosnia and Herzegovina (BiH)
according to the 2013 census.

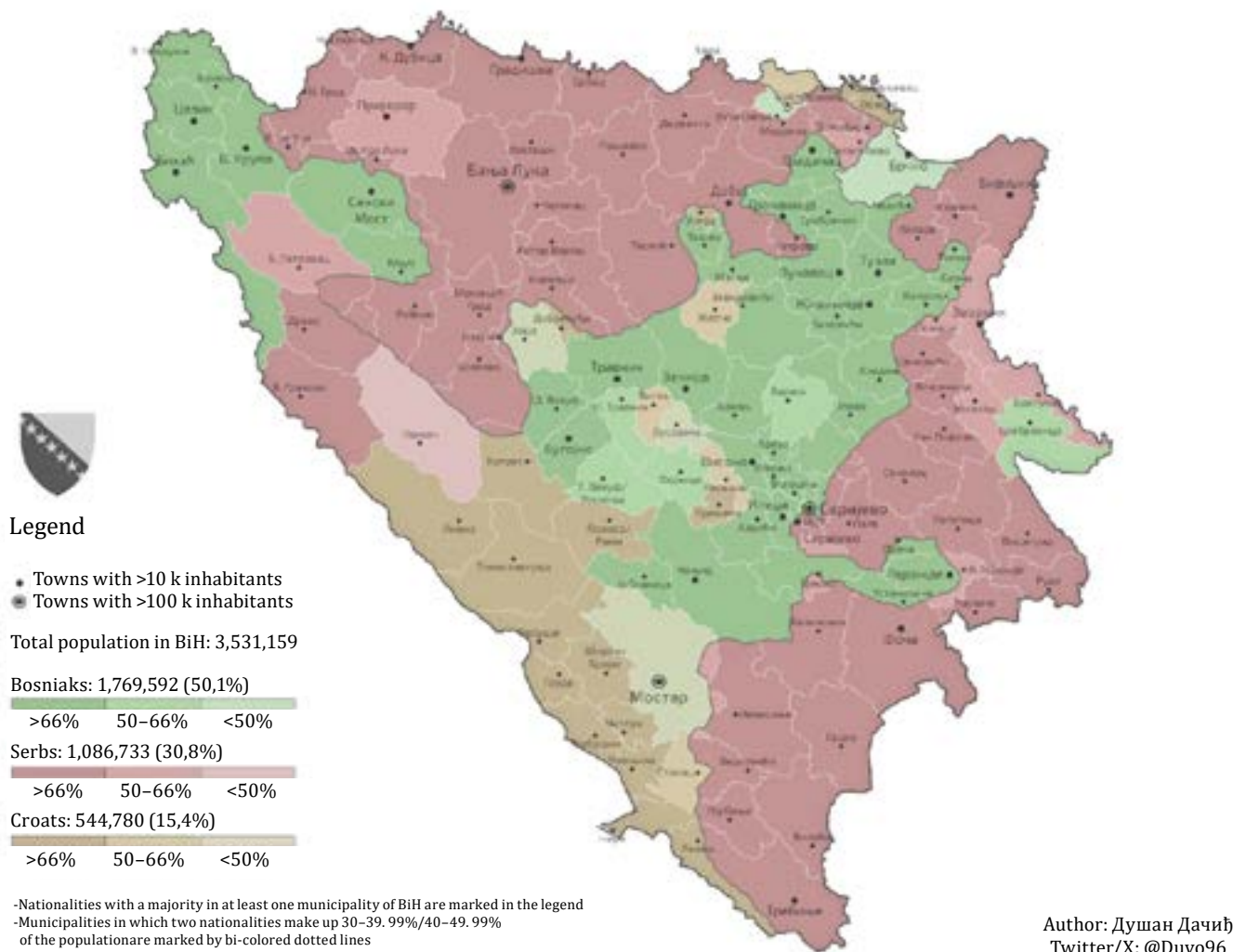

Fig. 5. Ethnic make-up of BiH (2013 census).

With some reservation, the economy of the Republika Srpska (RS) can be seen as a quasi-ethnic economy: according to the 2013 census, Serbs make up 83% of the population, while Bosniaks account for 12.7% and Croats 2.3%. More than half of the Bosniak population is concentrated in just four municipalities out of 64 (Prijedor, Zvornik, Doboј, and Bijeljina), indicating a high level of spatial concentration. In the Federation of Bosnia and Herzegovina, about 70.4% of the population are Bosniaks, 22.4% Croats, and 2.6% Serbs. Croats are mainly concentrated in Herzegovina and Posavina: in 4 out of 10 cantons, they outnumber Bosniaks, and over half of the Croat population in the Federation lives in just 10 of the 79 municipalities (including Mostar, Livno, Tomislavgrad, and others). The contributions of Republika Srpska and the Federation of Bosnia and Herzegovina to the country's socio-economic development differ, primarily due to their respective

shares of the total population.³¹ The 2:1 population ratio in favor of the Federation has remained stable throughout the 21st century (see Fig. 1). This same ratio is reflected in their contributions to GDP in 2023 (in 2000, Republika Srpska's share was slightly lower at 31% compared to 34%).

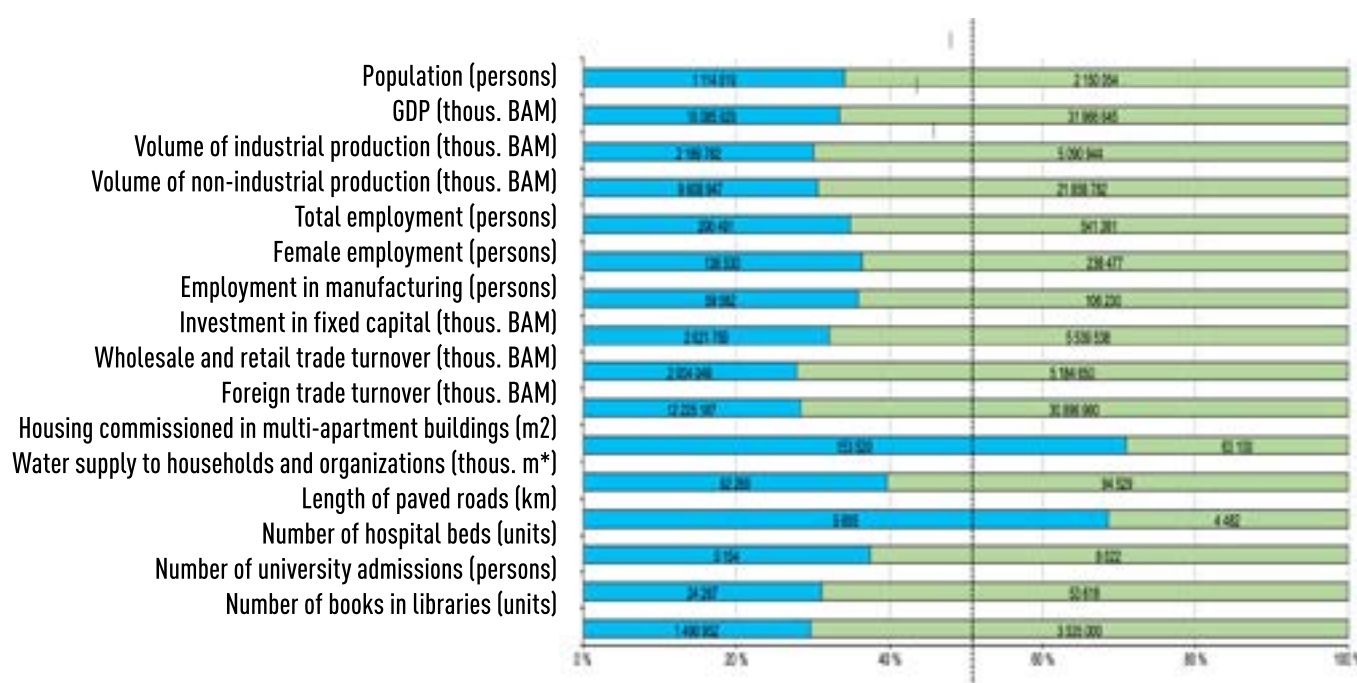

Fig. 6. Some Socio-Economic Development Indicators of Bosnia and Herzegovina in the Early 2000s and 2023: Contributions of the Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska

Note: Dashed lines indicate the proportions between the Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska for individual indicators in the early 2000s. The horizontal dashed line represents the population ratio between the two Entities in 2023. Where data for both Entities was not available for the year 2000, statistics from the following years were used instead: 2001 (female employment, employment in manufacturing, foreign trade turnover, number of books in public libraries), 2003 (water supply to households and organizations), 2004 (fixed capital investment, length of paved roads), and 2007 (new housing in multi-family buildings).

Source: compiled by the author based on official data from Statistički godišnjak/ljetopis Federacije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2024; Statistički godišnjak/ljetopis Federacije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2006; Статистички годишњак Републике Српске. Бања Лука, 2024; Статистички годишњак Републике Српске. Бања Лука, 2009.

Statistics indirectly suggest that labor productivity in Republika Srpska is lower than in the Federation of Bosnia and Herzegovina: Republika Srpska accounts for a larger share of total employment (35-36%) and manufacturing employment (36-41%) than its share of GDP, industrial output, and non-productive activities (around 30% in 2023). However, there is a clear trend toward narrowing the productivity gap. For example, in manufacturing, the difference between Republika Srpska's share of employment and its share of output was as high as 15 percentage points in the early 2000s, but had declined

³¹ Given the focus of the research objective, data for the Brčko District are not included in the analysis

to less than 6 points by 2023. Another notable feature of the national labor market is the higher female labor force participation in Republika Srpska compared to Federation of Bosnia and Herzegovina (see Fig.6)

The imbalance in the performance of trading enterprises persists: in 2023, Republika Srpska accounted for only 28% of wholesale and retail trade volume and foreign trade turnover, despite having 34% of the country's population. A similar pattern is observed with investments in fixed capital. To illustrate the results of policies aimed at improving living standards, we selected several indicators consistently published by the statistical agencies of both Entities throughout the 21st century. It turned out that **the length of paved roads** has been growing faster in Republika Srpska than in the Federation: 58% and 67% of all new road surfaces built in Bosnia and Herzegovina in 2004 and 2023, respectively, were constructed in Republika Srpska. When it comes to **providing modern housing**, Republika Srpska also takes the lead: in 2007 and 2023, 53% and 71% of all new multi-family residential space was built there. Republika Srpska is responsible for about 40% of **household and organizational water supply**, again, exceeding its share of the population. In general, **indicators for higher education and healthcare development** roughly correspond to population shares: in the early 2020s, around 30% of Bosnian university entrants enrolled in Republika Srpska institutions, and the number of hospital beds in Republika Srpska stabilized at approximately 37% of the country's total.

	FBiH	RS		FBiH	RS
Brown coal production (thous. t)	4118	2105	Production of coke (thous. t)	769	0
Lignite production (thous. t)	1310	5259	motor fuels and lubricants (thous. t)	0	16
Iron ore production (thous. t)	...	1239	aluminum hydroxide (thous. t)	0	551
Bauxite production (thous. t)	...	351	Production of cement (thous. t)	1336	...
Production of pharmaceutical products (t)	2372	2041	concrete (thous. t)	...	1024
Production of meat (thous. t)	34	40	Production of steel rolled products (thous. t)	582	0
milk (thous. t)	109	33	alumina (thous. t)	0	138
flour (thous. t)	134	59	aluminum rolled products (thous. t)	64	0
fruit juice (hl)	479	29	metal structures (thous. t)	124	54
beer (hl)	298	339	Production of computers (thous. units)	...	8
fodder (thous. t)	32	243	electric wires and connectors (thous. t)	58	...
Production of coniferous sawn timber (thous. m ³)	191	333	Production of paper, paperboard, and products thereof (thous. t)	127	60
non-coniferous sawn timber (thous. m ³)	...	249	Production of wearing apparel (million units)	23	6
doors and windows (thous. units)	61	47	leather footwear (thous. pairs)	2390	1307
parquet (thous. m ³)	6	385	footwear from other materials (thous. pairs)	448	16395
furniture (thous. units)	3394	1103	Electricity generation at thermal power plants (thous. MWh)	4142	5313
			at hydroelectric power plants (thous. MWh)	3559	3148

Table 1. Production of some industrial products in the Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska in 2023
Source: compiled by the author based on official data from Statistički godišnjak/ljetopis Federacije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2024; Статистички годишњак Републике Српске. Бања Лука, 2024.

The territorial and functional organization of industry, that employs approximately a quarter of the country's workforce (23% in the Federation of Bosnia and Herzegovina, 25% in Republika Srpska), reveals a significant degree of intra-sectoral specialization. Table 1 shows production volumes for selected industrial goods in both Entities, illustrating that many sectors established during the 20th century continue to play a foundational role in Bosnia and Herzegovina's industrial development.

In certain areas, output remains relatively balanced between the Federation and Republika Srpska (such as electricity generation, coal mining, and pharmaceutical production). However, most sectors display a clear trend toward internal specialization. In some instances, this reflects geographic advantages, for example, iron and bauxite reserves concentrated in Republika Srpska, but more often, current patterns result from the so-called track effect, shaped by industrial policy decisions made during the Austro-Hungarian era and later entrenched under socialist Yugoslavia.

This specialization is reflected in the Federation's focus on producing steel and aluminum rolled products, coke, furniture, weapons, and select electronic components, while Republika Srpska specializes in sawn timber, alumina, and aluminum hydroxide. In the food and textile industries, sectors with relatively low structural inertia, product-level specialization has emerged more recently, particularly from the late 20th century into the early 21st century. The Federation, for example, has prioritized dairy, fruit juice, flour, and poultry production, whereas Republika Srpska has specialized in animal feed and contract manufacturing of footwear for international brands.

Does specialization leave room for developing cooperative links between enterprises in the Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska? How are value chains that include economic actors from both Entities formed?

What economic factors contribute to strengthening socio-economic cohesion by easing the barrier effects of ethnic boundaries? These questions will be discussed in the next section.

The Modern Economy of Bosnia and Herzegovina. Factors of Centralization and Fragmentation

The unified monetary policy and the operation of the Central Bank of Bosnia and Herzegovina, established by international actors, play a crucial role in economic integration. During the conflict, the fragmentation of ethnic economies was reinforced by the creation of separate financial institutions: the National Bank of Bosnia and Herzegovina, the National Bank of the Republika Srpska, and the Croatian payment bureau. Different local currencies circulated alongside foreign currencies, especially the German mark.

The Central Bank of Bosnia and Herzegovina began its operations in August 1997 in Sarajevo within the mandates of Annex IV of the Dayton Agreement.³² The first governor of the Central Bank (1997–2004) operated under an IMF mandate. It's worth noting that the text of the Law on the Central Bank of Bosnia and Herzegovina was somewhat modified from the original IMF draft to better accommodate the interests of the ethnic groups.³³

The Central Bank of Bosnia and Herzegovina holds the exclusive right to issue the national currency, the convertible mark, which is distributed through its regional branches. The design of the banknotes (except for the 200 KM note) differs between Republika Srpska and Federation of Bosnia and Herzegovina, even though their appearance was intended to serve as a “visible symbol of a united country.”³⁴

The defining feature of the country's monetary policy is the use of a currency board regime, under which the national currency is exchanged for a foreign anchor currency at a fixed rate established by law. Although the currency board was originally intended to operate for just six years following the founding of the Central Bank (i.e., until the end of 2004), the system has in practice remained in place for nearly three decades.³⁵ The primary task of the Central Bank of Bosnia and Herzegovina under the currency board regime is to maintain a fixed exchange rate. This, in turn, indirectly supports price stability and helps keep interest rates low across the economy.

The currency board system was originally used by Western powers in their colonies, most notably by Britain in British West and East Africa, Mauritius, and British Malaya (Straits Settlements).

On the other hand, operating under strict regulatory constraints, the Central Bank

³² There are branches of the Central Bank in Sarajevo, Banja Luka, and Mostar.

³³ At the turn of the 1990s and 2000s, the Central Bank's control over the monetary system was weakened by the existence of three separate “ethnic” payment bureaus, which handled non-cash transactions within the country. During the war, the payment bureau of Republika Srpska operated as an “integral part of the Yugoslav payment system.” (Coats W. L. The Central Bank of Bosnia and Herzegovina. In: Blejer M. I., Skreb M. Central Banking, Monetary Policies, and the Implications for Transition Economies. New York: Springer, 1999. Coats W. L. One Currency for Bosnia: Creating the Central Bank of Bosnia and Herzegovina. Ottawa: Jameson Books, Inc., 2007).

³⁴ Coats W. L. The Central Bank of Bosnia and Herzegovina. In: Blejer M. I., Skreb M. Central Banking, Monetary Policies, and the Implications for Transition Economies. New York: Springer, 1999.

³⁵ The currency board arrangement is extremely rare worldwide. According to an IMF review, as of 2022, only 12 countries and territories were using this type of monetary policy regime. These include, for example, small island nations that are members of the Organization of Eastern Caribbean States, the Hong Kong SAR, and Djibouti — all of which peg their currencies to the US dollar. (Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions 2022. Washington, D.C.: IMF, 2023). Starting in January 2026, with Bulgaria expected to join the eurozone, Bosnia and Herzegovina will become the only country in Europe still operating under a currency board arrangement.

of Bosnia and Herzegovina holds no discretionary powers. Within the framework of the currency board, it cannot issue convertible marks without full foreign exchange backing, nor can it conduct active operations on international financial markets, extend credit to executive authorities, commercial banks, or enterprises³⁶, or finance fiscal deficits.³⁷ The Central Bank is also not authorized to influence the exchange rate (e.g., through interventions) to boost exports or improve the country's balance of payments.

This lack of a devaluation mechanism makes the Bosnian economy particularly vulnerable to external shocks. A number of economists warn that Bosnia and Herzegovina is caught in a *currency board trap*, as there is little serious debate about shifting to a different monetary policy regime.³⁸

Ultimately, the temporary nature of the currency board mechanism, deprives the country of one of the fundamental attributes of economic sovereignty: an independent monetary policy.

Banking regulation in Bosnia and Herzegovina reflects the country's post-Dayton political setup. The Central Bank of Bosnia and Herzegovina doesn't have the authority to regulate or supervise financial markets. Instead, this responsibility lies with two separate agencies: the Banking Agency of Republika Srpska (set up in 1998) and the Banking Agency of the Federation of Bosnia and Herzegovina (established in 1996). The Central Bank can step in to coordinate if needed but doesn't act as the main regulator. In 2017, a banking reform aimed at bringing Bosnia and Herzegovina's laws closer to EU standards gave these agencies more power. Now, they can step in to fix irregularities, reorganize banks, and oversee special requirements for too-big-to-fail banks that are crucial to the system.³⁹

Thus, the core functions of a conventional central bank in Bosnia and Herzegovina

³⁶ Under the currency board regime, the Central Bank of Bosnia and Herzegovina is unable to perform one of the key roles of a traditional central bank, as a lender of last resort. This means it cannot provide emergency liquidity support to the banking system during times of crisis. In theory, lending to the government or commercial banks could be possible, but only if the Bank's foreign currency reserves exceed the amount required to fully back the monetary base. (Silajdzic S. The Currency Board Trap: The Case of Bosnia and Herzegovina // International Journal of Applied Econometrics and Quantitative Studies. — 2005. — Vol. 2 (2). — pp. 47-79).

³⁷ As a result, the state is forced to maintain strict fiscal discipline by keeping budget spending in check and improving tax collection.

³⁸ Ibid. Mastilo Z., Božović N., Mastilo D. Central Bank in the Function of Development of National Economy of Bosnia and Herzegovina // International Letters of Social and Humanistic Sciences. — 2021. — Vol. 90. — pp. 26-36. Gedeon S. J. The Political Economy of Currency Boards: Case of Bosnia and Herzegovina // South East European Journal of Economics and Business. — 2010. — Vol. 5 (2). — pp. 7-20.

³⁹ Zakon o Agenciji za bankarstvo Federacije Bosne i Hercegovine // Službene novine Federacije BiH, 75/17. — 2017. Atlagić N. Implementacija nadzora kao preduslov stabilnosti bankarskog sektora // Finacing. — 2020. — Vol. 11 (1). — pp. 19-35. Drljača Z. Regulacija i kontrola bankarskog sistema Republike Srpske // Godišnjak Fakulteta pravnih nauka. — 2015. — Vol. 5. — pp. 262-274.

are carried out at the Entity level.

Prudential oversight acquires more significance in Bosnia and Herzegovina, where the financial system heavily relies on banks: credit institutions hold about 90% of all financial assets. Because the Central Bank lacks the authority to intervene in domestic liquidity shortages, foreign banks play a crucial role in cushioning potential risks and maintaining market stability.⁴⁰ Indeed, foreign-owned banks dominate the asset structure of Bosnia and Herzegovina's commercial banking sector, reaching as much as 85–90% of total assets in certain years. As of 2025, there are 14 banks operating in the Federation of Bosnia and Herzegovina and 8 in Republika Srpska.⁴¹ Only three banks are registered in both Entities of Bosnia and Herzegovina: Italy's UniCredit Bank, Austria's Addiko Bank, and Slovenia's NLB Banka. In the Federation of Bosnia and Herzegovina, other major players include Austria's Raiffeisen Bank and Sparkasse Bank, Turkey's ZiraatBank BH, Italy's Intesa Sanpaolo Banka, and Germany's ProCredit Bank.

The structure of the banking sector also reflects ethno-political divisions. For example, Italy's Intesa Sanpaolo and UniCredit operate in the Federation through their Croatian subsidiaries — Privredna banka Zagreb and Zagrebačka banka. In Republika Srpska, Serbia's state-owned Banka Poštanska štedionica is operational. Meanwhile, Bosna Bank International, backed by investors from Saudi Arabia and the UAE, focuses on serving Muslim clients and is considered a pioneer of Islamic banking in the region.

This shows that the country's banking system has developed along the "ethnic tracks" laid out by the Dayton Agreement, and, more broadly, within the main geopolitical contours that continue to shape modern Bosnia and Herzegovina.

The country's fragmented tax and budget system also contributes to its overall economic disunity. Annex IV of the Dayton Agreement stipulates that the Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska must fund the state-level budget in a 2:1 ratio using their own revenues. In addition to the state budget, both Entities operate their own separate budgets, as do their respective administrative units.⁴² The country's four-tier budget system is widely seen as inefficient and lacking in transparency, further deepening socio-economic fragmentation.

At the same time, the fiscal autonomy of the Entities was curtailed by the 2003 Law on

⁴⁰ Silajdzic S. The Currency Board Trap: The Case of Bosnia and Herzegovina // International Journal of Applied Econometrics and Quantitative Studies. — 2005. — Vol. 2 (2). — pp. 47–79.

⁴¹ Banke u BiH. Centralna banka Bosne i Hercegovine. URL: <https://www.cbbh.ba/Content/Read/7?lang=bs>

⁴² The Federation of Bosnia and Herzegovina's 2025 budget exceeds that of Republika Srpska by only about one-third—8.25 billion BAM compared to 6.07 billion BAM

the Indirect Taxation System in Bosnia and Herzegovina, which transferred the authority to collect VAT, excise duties, and customs tariffs to state-level institutions. In 2005, Bosnia and Herzegovina established the Indirect Taxation Authority, headquartered in Banja Luka.⁴³ In 2008, the Fiscal Council was created to help coordinate tax and budget policy at the state level.⁴⁴ Revenue from indirect taxes, primarily VAT, but also excise duties, customs tariffs, and road fees, plays a central role in funding both the state budget and the consolidated budgets of the Entities.⁴⁵ Indirect taxes account for about 45% of Bosnia and Herzegovina's state budget revenue, while direct taxes make up only 5–10%. Social security contributions add another 35%. For example, in Republika Srpska's 2025 budget, indirect taxes represent 44% of total revenue. In contrast, corporate income tax contributes just 10%, personal income tax 7%, and non-tax revenues another 7%.

This heavy reliance on indirect taxation makes fiscal policy highly sensitive to consumer activity. It also reflects the persistent inability to improve the collection of direct taxes, particularly corporate and personal income taxes, largely due to the country's entrenched shadow economy⁴⁶.

Notably, indirect taxes are an example of a regressive tax system, meaning the tax burden falls more heavily on people with lower incomes.

A unified transport and energy infrastructure plays a crucial role in strengthening the socio-economic ties between the Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska. Infrastructure management and transport service delivery are structured across multiple administrative levels.

Rail transport has long ceased to play a leading role in freight and passenger traffic⁴⁷ and is characterized by relatively low organizational efficiency, a lack of investment, and outdated technology.⁴⁸ The Ministry of Communications and Transport of Bosnia and Herzegovina sets the institutional priorities for its development but lacks control over the railway monopolies of the two Entities — Željeznice Federation of BiH

⁴³ Four regional centers of the Administration carry out practical operations—in Sarajevo, Banja Luka, Mostar, and Tuzla.

⁴⁴ The Fiscal Council has six voting members: the Chairman of the Council of Ministers of BiH, the Minister of Finance and Treasury of BiH, and the Prime Ministers and Finance Ministers of Republika Srpska and the Federation of Bosnia and Herzegovina.

⁴⁵ The introduction of VAT to replace the sales tax in 2006 was one of the most important fiscal reforms in BiH, as it limited tax evasion and helped bring economic activity out of the shadow economy. (Galic M., et al. Fiscal Policy and Economic Growth: The Case Of The Federation of Bosnia and Herzegovina // Uprava. — 2022. — Vol. 13 (2). — pp. 39-55).

⁴⁶ The budget spending structure is socially focused: over one-third of the state budget goes to social benefits, and one-quarter is allocated to public sector wages. In Republika Srpska, pensions account for nearly 38% of expenditures in 2025 (compared to around 25% in Germany and Austria), while public sector salaries make up 23%.

⁴⁷ The development of the railway network really took off in the late 19th century. The very first railway line in what is now Bosnia and Herzegovina—the Banja Luka to Dobrljin route—was constructed by the Ottomans in 1872.

⁴⁸ According to experts from the World Economic Forum, Bosnia and Herzegovina, along with Albania and North Macedonia, ranks at the very bottom of European countries in terms of railway service efficiency.

(based in Sarajevo) and Željeznice RS (based in Doboj). These companies manage their respective railway networks (608 km and 417 km) and handle passenger and freight transportation (see Fig. 7).

The country's road system is organized similarly: the national Ministry engages

Fig 7. Railway map of Croatia and Bosnia and Herzegovina

Source: Railway map of Croatia and Bosnia and Herzegovina (by Maximilian Dörrbecker). https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Railway_map_of_Croatia_and_Bosnia_and_Herzegovina.png

with foreign investors and develops strategic plans, while the Federal Ministry of Transport and Communications and the Ministry of Transport and Communications of Republika Srpska handle administrative tasks at the Entity level. The responsibilities for designing, maintaining, building, reconstructing, and repairing regional and main roads fall to Ceste Federacije BiH (Sarajevo, established in 2002) and Autoputevi RS (Banja Luka, established in 2006). To develop a modern highway network, the Federation government created Autoceste Federation of Bosnia and Herzegovina

Fig 8. Map of motorways in Bosnia and Herzegovina

Source: Map of motorways in Bosnia and Herzegovina. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Karta_autoputeva_-_Bosna_i_Hercegovina.png

File:Karta_autoputeva_-_Bosna_i_Hercegovina.png

Fig. 9 Motorway section of Vc corridor in Bosnia and Herzegovina

Source: Motorway A1 in Bosnia and Herzegovina. [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Autoput_A1_\(BiH\).svg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Autoput_A1_(BiH).svg)

(Mostar, since 2011). Several Bosnian roads, totaling over 1,100 km, are part of the European road network.

The main project driving the development of the country's transport system is building the multimodal (road and rail) Corridor Vc. As part of the Pan-European transport corridors, it is also expected to become a section of the Trans-European Transport Network (TEN-T) in the future. Corridor Vc will connect Budapest with the Croatian port of Ploče. A four-lane highway stretching 325 km across Bosnia and Herzegovina will pass through Modriča, Doboj, Zenica, Sarajevo, and Mostar (see maps 8 and 9). It is worth noting that the section of the corridor within Republika Srpska will be relatively short, covering only 47 km.⁴⁹

The general contractor for the construction is Autoceste Federation of Bosnia and Herzegovina. The total cost of the project is estimated at €4.5 billion. Between 2007 and 2024, the EBRD and the EIB have provided loans totaling €2.5 billion, while the European Union, through the Western Balkans Investment Framework (WBIF), has granted €870 million in funding. Meanwhile, Republika Srpska is negotiating with international organizations, including the EBRD, for loans amounting to €170 million to support the operations of Autoputevi RS.⁵⁰ Relations with foreign partners don't always go as planned: in July 2025, it was reported that the OPEC Fund for International Development stopped financing construction work due to disagreements over cost estimates⁵¹.

As the maps above show, the logic behind highway construction in Bosnia and Herzegovina reflects its Entity-based nature: highways mainly connect towns within each Entity (Sarajevo-Zenica, Doboj (Republika Srpska) — Banja Luka). Interestingly, a highway intended to link Banja Luka and Sarajevo is not on the agenda yet. This is due not only to the difficulty of routing through the Vlašić mountains, since the toll highway from Sarajevo to Zenica also crosses mountainous terrain, but largely to a lack of political will.

⁴⁹ The railway section that Republika Srpska plans to renovate between 2026 and 2028 using funds from the Western Balkans Investment Framework (WBIF) is also much shorter than the main stretch in the Federation. As a result, the economic impact of this modernization will be limited.

⁵⁰ One of the most challenging sections is the ten-kilometer Prenj tunnel between Konjic and Mostar, with construction costs expected to exceed 600 million euro. (Corridor Vc in Bosnia and Herzegovina, the road of Europe. URL: <https://wbif.eu/corridor-vc-bosnia-and-herzegovina-road-europe>. Corridor Vc Motorway in Bosnia and Herzegovina. URL: <https://www.wbif.eu/project-detail/PRJ-BIH-TRA-002>).

⁵¹ OFID prekida finansiranje: Šta to znači za izgradnju autoputa u Federaciji BiH. Al Jazeera Balkans, 08.07.2025. URL: <https://balkans.aljazeera.net/video/2025/7/8/ofid-prekida-finansiranje-sta-to-znaci-za-izgradnju-autoputa-u-federaciji-bih>.

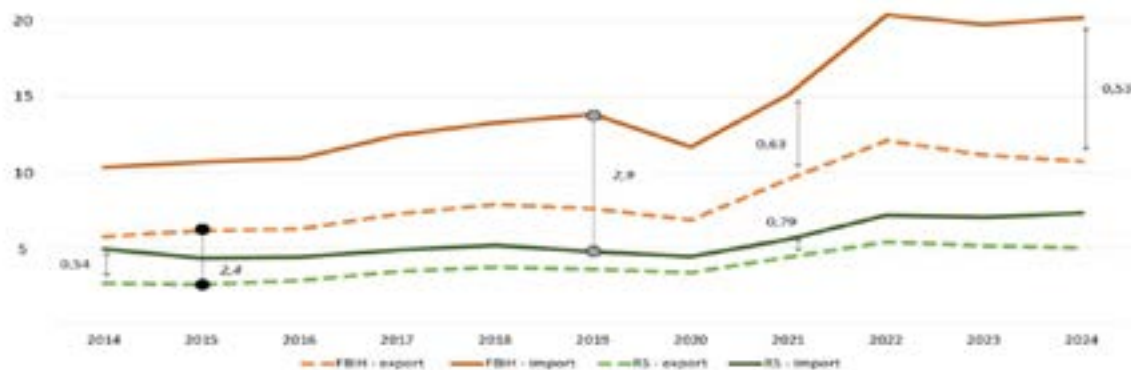

Fig. 10. Export and import dynamics in the Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska, 2014–2024 (billion BAM).

Source: M.M. Lobanov, report “Post-Dayton Economy of Bosnia and Herzegovina: Together or Apart?”, *Balkan Dialogue* — 2025, Trebinje, June 2-5, 2025; compiled based on data from Federalni zavod za statistiku Federacije Bosne i Hercegovine (<https://fzs.ba>) and Републички завод за статистику Републике Српске (<https://www.rzs.rs.ba>).

The energy system features an equally complex organizational structure; however, crucially for the study of internal economic connectivity, the infrastructure ensuring energy security remains unified. The high-voltage transmission operator, NOS BiH, facilitates energy exchange between the Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska, as well as with neighboring countries. This company, regulated by a special government commission, is jointly owned by both Entities, with representatives of all three ethnic groups employed in its management bodies. The production, distribution, and supply of electricity to end consumers domestically and abroad are handled by Elektroprivreda BiH (Sarajevo), Elektroprivreda HZ HB (Mostar), and Elektroprivreda RS (Trebinje).⁵² Coal-fired thermal power plants dominate the national electricity generation mix, accounting for 58%, followed by hydroelectric power plants, including small-scale ones, making up 39%. The Federation also has several small wind farms. Relying on its own energy resources allows the country to maintain some of the lowest electricity prices in Europe⁵³. The total installed capacity of power plants (4,045 MW) is unevenly distributed among the three companies: Elektroprivreda BiH accounts for 44%, while Elektroprivreda RS holds 33%.

The coverage areas of Elektroprivreda BiH (Sarajevo) and Elektroprivreda HZ HB (Mostar) mirror the territorial divisions that existed at the time of the Washington Agreement.

⁵² The assets of Elektroprivreda RS are owned by the government of Republika Srpska, while 90% of the shares in Elektroprivreda BiH and Elektroprivreda HZ HB are held by the Federation's government. In 2009, the Sarajevo-based company was merged with seven coal mining enterprises to form the EPBiH energy conglomerate.

⁵³ In the second half of 2024, the prices for household consumers (measured in purchasing power standards per 100 kWh) were twice as low as in Germany, Italy, Poland, the Czech Republic, and Romania, and about one-third lower than in Croatia and Bulgaria. (Electricity prices for household consumers — bi-annual data (from 2007 onwards). Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/product/page/NRG_PC_204).

A single foreign trade and customs-tariff policy is an important factor contributing to socio-economic integration. Annex IV of the Dayton Agreement assigns responsibility for conducting foreign, foreign trade, and customs policy to the institutions of Bosnia and Herzegovina (Article III).⁵⁴ At the same time, the Law on Foreign Trade Policy of Bosnia and Herzegovina (1998) states that responsibility for trade policy lies with the “institutions of Bosnia and Herzegovina in cooperation with the competent authorities of the Entities.”⁵⁵

As a result, institutions of both the Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska exercise responsibilities in this area, although the leading role belongs to the Ministry of Foreign Trade and Economic Relations of Bosnia and Herzegovina. This ministry is particularly in charge of trade diplomacy, including the negotiation and conclusion of international agreements.⁵⁶ Powers in the field of commercial diplomacy have been delegated to agencies responsible for export promotion and raising investment⁵⁷.

The Federation’s foreign trade potential is significantly higher than that of Republika Srpska, due to the previously mentioned differences in economic size and the greater export orientation of companies in the Federation. In the early 2020s, the GDP of the two Entities differed by a factor of two, while their foreign trade turnover differed 2.5 times. The gap is especially large in imports, almost threefold (see Fig. 10). The increasing import dependence of the Federation’s economy has negatively impacted its trade balance, with the export-to-import coverage ratio dropping from 0.63 to 0.53 between 2021 and 2024. The situation in Republika Srpska is somewhat better, with coverage levels ranging between 0.7 and 0.8⁵⁸.

⁵⁴ The General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina. Annex 4. Constitution of Bosnia and Herzegovina. URL: <https://www.ohr.int/dayton-peace-agreement/annex-4>.

⁵⁵ Law of Foreign Trade Policy. “Official Gazette” of Bosnia and Herzegovina, 7/98. https://www.vertic.org/media/National%20Legislation/Bosnia-Herzegovina/BA_Law_on_Foreign_Trade_Policy.pdf.

⁵⁶ Republika Srpska has a Ministry of European Integration and International Cooperation which, based on its official mandate, appears to focus more on economic diplomacy than on the practical aspects of foreign trade and investment. Meanwhile, the RS Ministry of Trade and Tourism is primarily concerned with domestic market regulation. In contrast, the institutional framework in the Federation of Bosnia and Herzegovina is more supportive of foreign trade policy: the Federal Ministry of Trade includes a dedicated Department of Foreign Trade.

⁵⁷ The Foreign Trade Chamber of Bosnia and Herzegovina (VTK/STK BiH) and the Chambers of Commerce and Industry of Republika Srpska and the Federation of Bosnia and Herzegovina (Privredna komora RS; Privredna / Gospodarska komora FBiH).

⁵⁸ Bosnia and Herzegovina traditionally ranks near the bottom in Europe when it comes to the export-to-import ratio.

- Exports of FBG to key partner countries are growing faster than exports of PC
- FBiG exports to Serbia are higher than RS exports
- RS exports to Serbia and Croatia are about the same

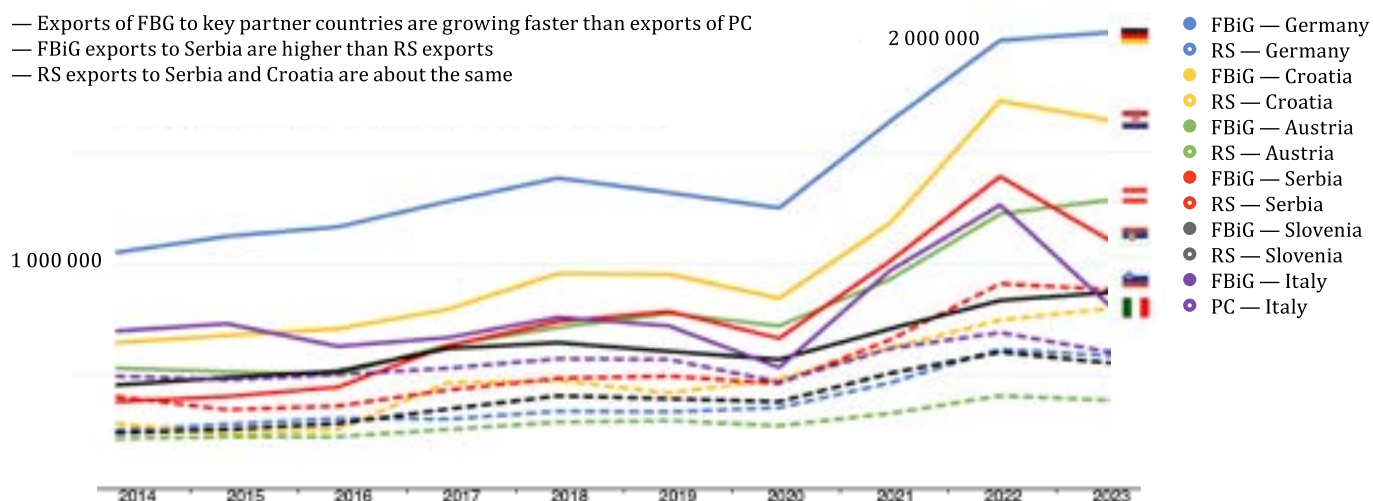

Fig. 11. Export trends of the Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska to key partner countries, 2014–23 (billion BAM)

Source: M.M. Lobanov, report "Post-Dayton Economy of Bosnia and Herzegovina: Together or Apart?", Balkan Dialogue — 2025, Trebinje, June 2-5, 2025; compiled based on data from Federalni zavod za statistiku Federacije Bosne i Hercegovine (<https://fzs.ba>); Републички завод за статистику Републике Српске (<https://www.rzs.rs.ba>); Statistički godišnjak/ljetopis Federacije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2024; Statistički godišnjak/ljetopis Federacije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2022; Статистички годишњак Републике Српске. Бања Лука, 2024.

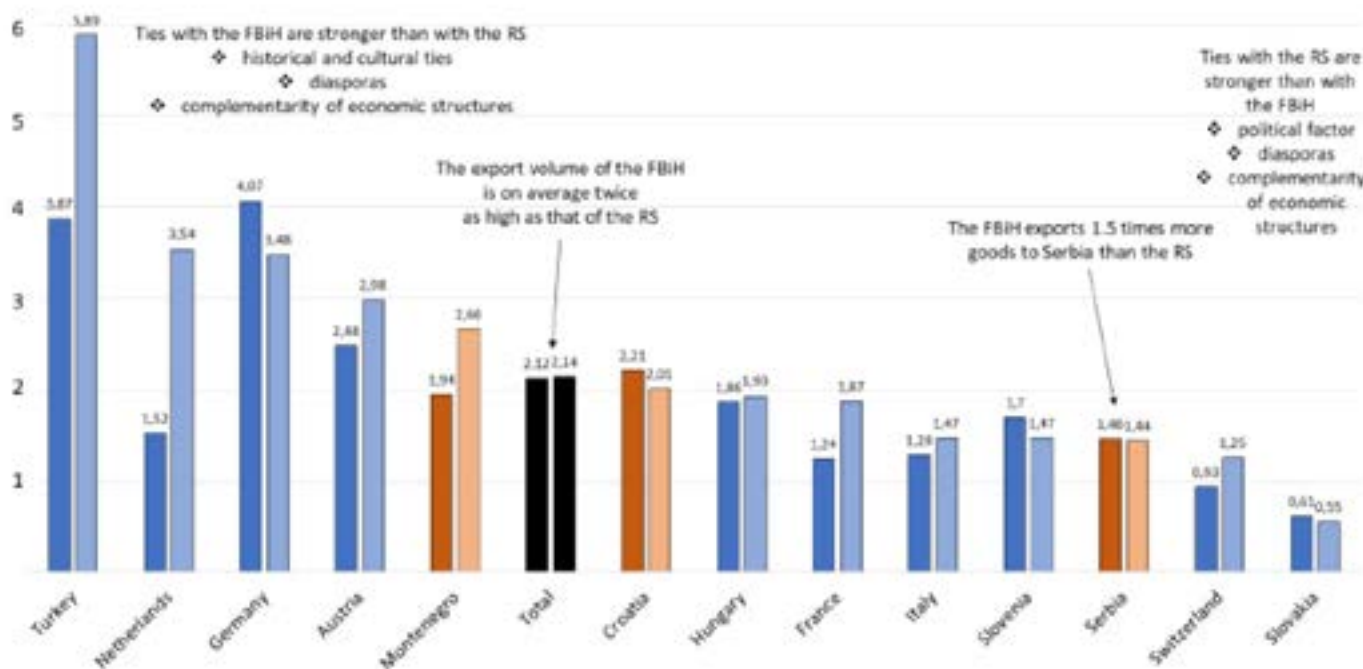

Fig. 12. Ratio of Export Volumes from Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska to Key Trade Partners in 2016–19 and 2020–23 (Average)

Note: The first column represents the average for 2016–19, the second for 2020–23. Neighboring countries of Bosnia and Herzegovina are highlighted in brown.

Source: M.M. Lobanov, report "Post-Dayton Economy of Bosnia and Herzegovina: Together or Apart?", Balkan Dialogue — 2025, Trebinje, June 2-5, 2025; compiled based on data from Federalni zavod za statistiku Federacije Bosne i Hercegovine (<https://fzs.ba>); Републички завод за статистику Републике Српске (<https://www.rzs.rs.ba>); Statistički godišnjak/ljetopis Federacije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2024; Statistički godišnjak/ljetopis Federacije Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 2022; Статистички годишњак Републике Српске. Бања Лука, 2024.

The territorial structure of trade for the Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska has been shaped by various factors. Overall, it can be said that each entity naturally leans toward different partner countries in both foreign trade and investment, influenced by cultural-historical ties, geography, ethnic-religious composition, politics, and more. Regarding foreign trade, especially exports, we can group the key import countries for the Federation and Republika Srpska based on the dominant factor driving strong, sustainable cooperation. In some cases, the decisive factor is the *neighbor effect* (Serbia, Croatia, Slovenia, Montenegro, Hungary). In others, it's the *track effect* (Austria, Turkey). And in a third group, it's the *scale effect* (Germany, Italy, France).

Territorial structure of exports reveals the distinct external economic orientations of the two Entities. Throughout the 2020s, the Federation's exports to its key trade partners generally grew at a faster pace than those of Republika Srpska (see Fig. 10).

The bulk of the Federation's exports traditionally go to Germany, Croatia, Austria, and Serbia, while Republika Srpska mainly exports to Serbia, Croatia, and Italy. Economic geography appears to play a more decisive role than politics: for example, the Federation exports nearly 50% more to Serbia than Republika Srpska does. Meanwhile, Croatia and Serbia hold roughly equal positions in Republika Srpska's export structure (see Fig. 11 and 12).

A comparison of export volumes from the Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska to key partner countries, measured against the target ratio of total exports from both Entities, leads to several observations (see Fig. 10–12). Businesses based in the Federation are more export-oriented than those in Republika Srpska when it comes to trade with Turkey, Germany, and Austria, and since the 2020s, with the Netherlands and neighboring Montenegro. The prominence of the first three countries can be attributed to both economic-geographic factors (such as complementary economic structures and mutually beneficial trade flows) and ethno-cultural factors (including shared religious backgrounds, diaspora influence, etc.). The increasing alignment between Federation of Bosnia and Herzegovina and Montenegro is particularly notable, considering that, unlike Republika Srpska, Federation of Bosnia and Herzegovina shares no direct border with Montenegro.

Republika Srpska, by contrast, shows stronger export ties with Slovakia, Switzerland, and Serbia, and to a lesser extent with Slovenia and Italy (see Figure 11–12). In this case, ethno-cultural (diaspora-related) and political factors appear to play a more prominent role.

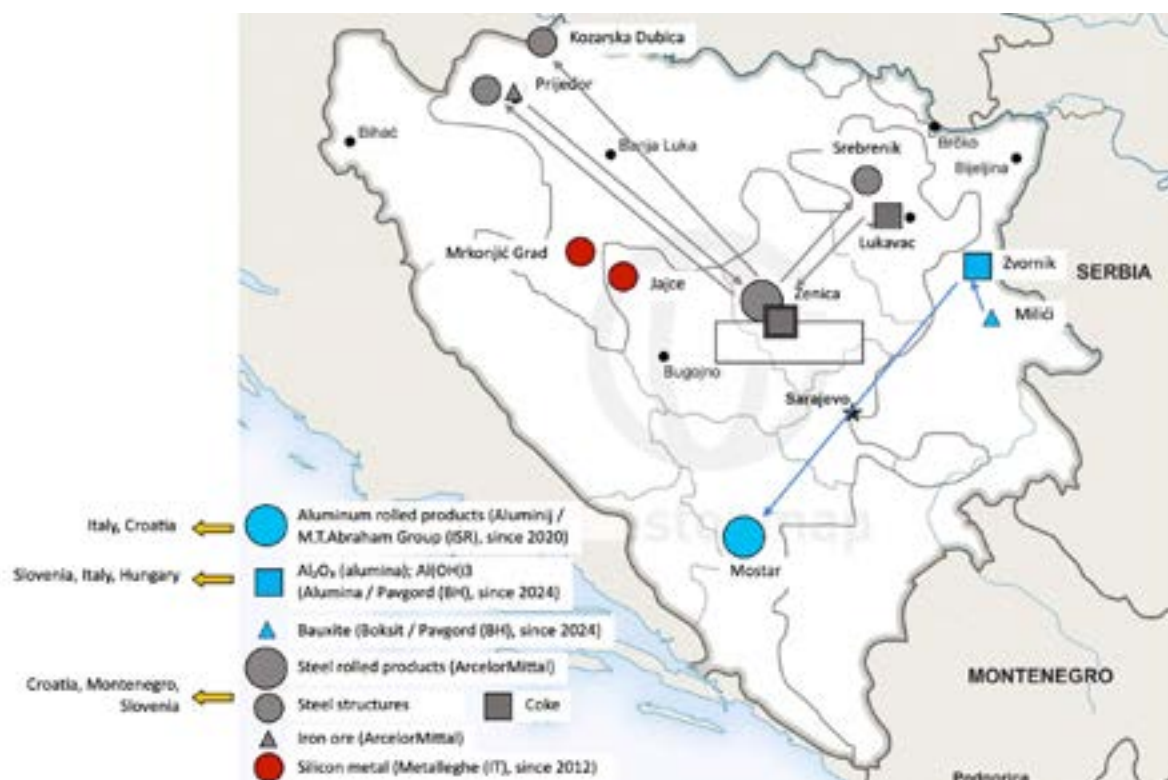

Fig. 13. Metallurgy and Metal Processing in Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska⁵⁹
 Source: M.M. Lobanov, report "Post-Dayton Economy of Bosnia and Herzegovina: Together or Apart?",
 Balkan Dialogue — 2025, Trebinje, June 2-5, 2025.

Fig. 14. Footwear Industry in Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska
 Source: M.M. Lobanov, report "Post-Dayton Economy of Bosnia and Herzegovina: Together or Apart?",
 Balkan Dialogue — 2025, Trebinje, June 2-5, 2025.

⁵⁹ The base map used for creating the original maps (Figures 8, 9, 11, and 12) was sourced from <https://www.onestopmap.com>

The minimum wage is 1,000 marks, but people earn more than that, especially considering the diaspora in Germany, Austria, and Switzerland. People have started working there: some stay 3–4 years, others 5. They manage to save a lot of money and then come back. They settle down again and continue living here. With that money, they start businesses or invest, I'm not even sure in what exactly. But they live really well. People have started coming back. I'm talking about my own neighborhood. Or they come back with savings. They open up businesses here. And the money they earned abroad, they're now investing it here. (Female, Croat, age 22)

The structure of export-oriented industries offers the clearest insight into the integration potential of the quasi-autonomous economic systems of Federation of Bosnia and Herzegovina and RS. The key question here is which of these industries contribute to the socio-economic convergence of the two Entities by forming cross-entity value chains.

Industries with strong integration potential include metallurgy and footwear manufacturing (see Figures 13–14). Specifically, in the aluminum sector, the production chain links a bauxite mine and the nearby Alumina refinery in Zvornik, both located in Republika Srpska and owned by the same company, with the country's only consumer of aluminum oxide, Aluminij in Mostar. In 2020, Aluminij came under the control of the Israeli M.T. Abraham Group. These enterprises are among the country's key exporters: alumina is shipped to Slovenia, Italy, and Hungary, while rolled aluminum products are exported to Italy and Croatia.

The connections between the Entities in the ferrous metallurgy sector are even more complex. A large steel rolling mill in Zenica (owned by ArcelorMittal, registered in Luxembourg) is supplied with coke from Lukavac (Federation of Bosnia and Herzegovina) and iron ore concentrate from Prijedor (Republika Srpska). The rolled steel is not only exported to Croatia, Montenegro, and Slovenia, but also used as a semi-finished product by metalworking companies in both Federation of Bosnia and Herzegovina and RS.

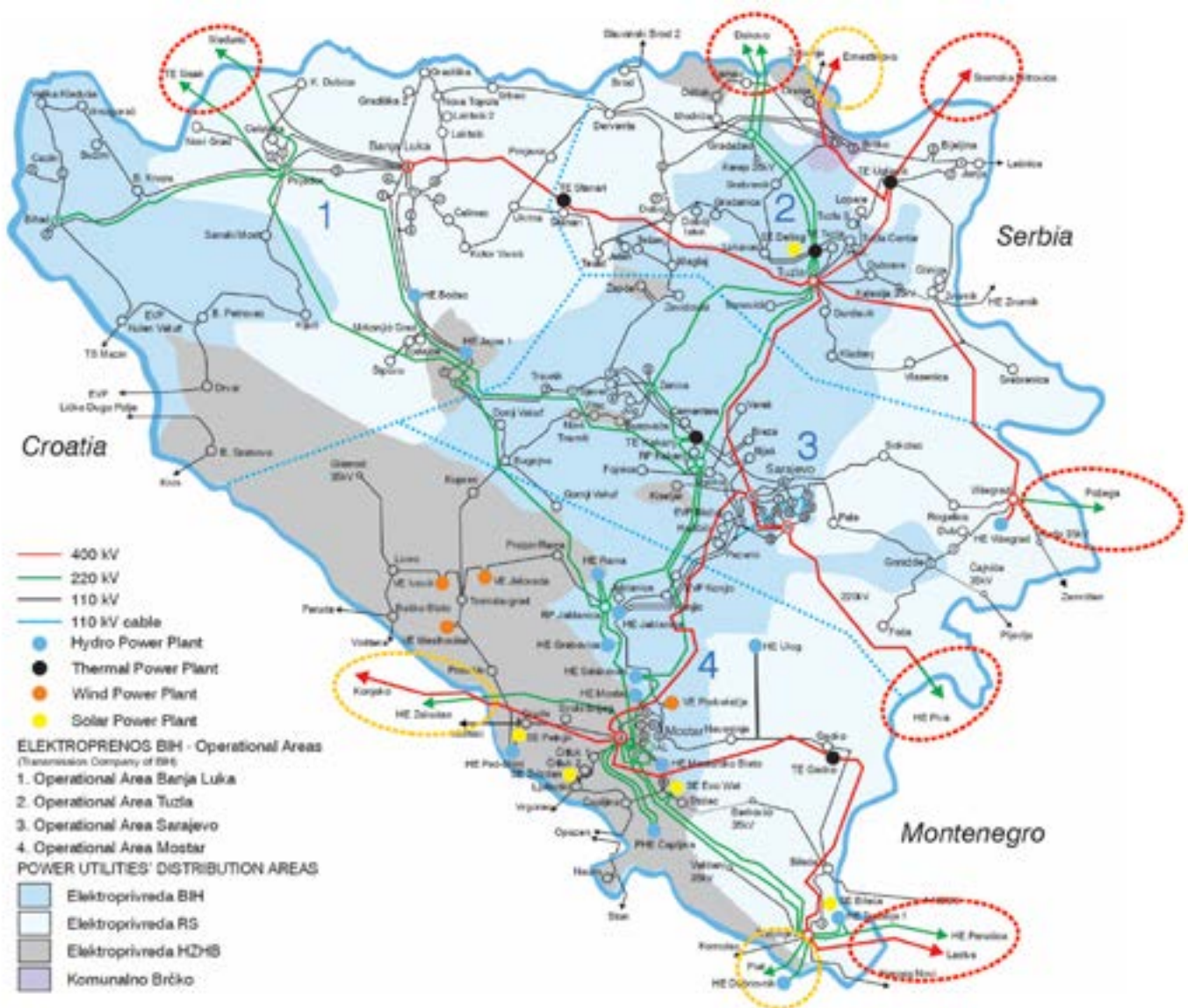

Fig. 15. Electric power industry in the Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska
 Note: The red dashed line shows cross-border power transmission lines (220 and 400 kV) in the territory of Republika Srpska, and the orange line shows those in Federation of Bosnia and Herzegovina.
 Source: author's modification of a map from the website of the State Electricity Regulatory Commission (<https://www.derk.ba>)

Global value chains in mechanical engineering are typically among the most complex and extensive. In Bosnia and Herzegovina, the sector is mostly limited to intermediate stages of machinery and equipment production, such as automotive components, parts for electric motors and generators, wires, and connectors (see Fig. 17). Mechanical engineering plants in both Republika Srpska and Federation of Bosnia and Herzegovina are characterized by low levels of localization and high export orientation, with limited cooperation between them. Some key subsectors exist only in Federation of Bosnia and Herzegovina, either as a legacy of socialist-era industrialization or as a result of foreign investment (e.g. the production of arms or automotive parts). As a result, mechanical engineering companies in Bosnia and Herzegovina operate more as extraterritorial export platforms and have little impact on strengthening the socio-economic ties between the Federation and Republika Srpska.

The footwear industry is one of Bosnia and Herzegovina's leading sectors in terms of international specialization. For example, the export of shoes and shoe components ranks second in Republika Srpska's total export structure. Because of this, the cooperative ties between companies play an important role in strengthening the socio-economic connectivity between the two Entities. Firms operate as direct competitors in key foreign markets (Italy, Germany, Austria, Croatia), yet remain interconnected through value chains. Local enterprises collaborate with foreign multinational corporations within the framework of contract manufacturing (OEM and ODM), exchanging raw materials and components with one another.

Electricity exports are the leading item in the export structure of both Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska. The power sector is a key part of Bosnia and Herzegovina's economy and serves as a unifying force, with a shared high-voltage transmission system operator and a national regulatory commission. However, electricity production and sales are handled by three separate companies based in Sarajevo, Mostar, and Trebinje.

As a result, Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska compete to supply major partners: Croatia, Serbia, Montenegro, and Switzerland (which receives electricity via the European grid). Croatia's region of Slavonia is mainly powered by coal-fired plants in Tuzla, Ugljevik, and Stanari. Electricity is delivered to Montenegro and Croatia's Dalmatian coast from the hydroelectric plants on the Neretva River, the Čapljina pumped-storage plant, the Trebinje hydro plant, and the Gacko thermal plant. Serbia is supplied by the Višegrad hydroelectric plant (see Fig. 15).

A number of export-oriented industries, by contrast, show low levels of both horizontal and vertical integration. For example, the pharmaceutical industry, largely driven by exports to Russia (which accounts for 50–75% of all medication exports), is marked by intense competition between several producers from both Republika Srpska and Federation of Bosnia and Herzegovina (see Fig. 16). In oil refining, the Russian company Zarubezhneft holds a monopoly, owning refineries in Brod and Modriča (both located in Republika Srpska). Its links to Federation of Bosnia and Herzegovina are limited: crude oil is delivered via the JANAf pipeline from Croatia, while the end products, those not exported to Croatia, Montenegro, or other countries, are sold through Nestro Petrol gas stations. Over 85% of this network's stations are located in Republika Srpska. In the pulp and paper, wood processing, and furniture industries, there is traditionally strong competition between Republika Srpska and Federation of Bosnia and Herzegovina enterprises for both domestic and foreign markets, particularly in Croatia, Germany, and Italy. Proximity to end consumers has led to the development of a forestry-based industrial cluster in northern Republika Srpska, comprising logging operations, sawmills, and furniture manufacturers (see Fig. 17).

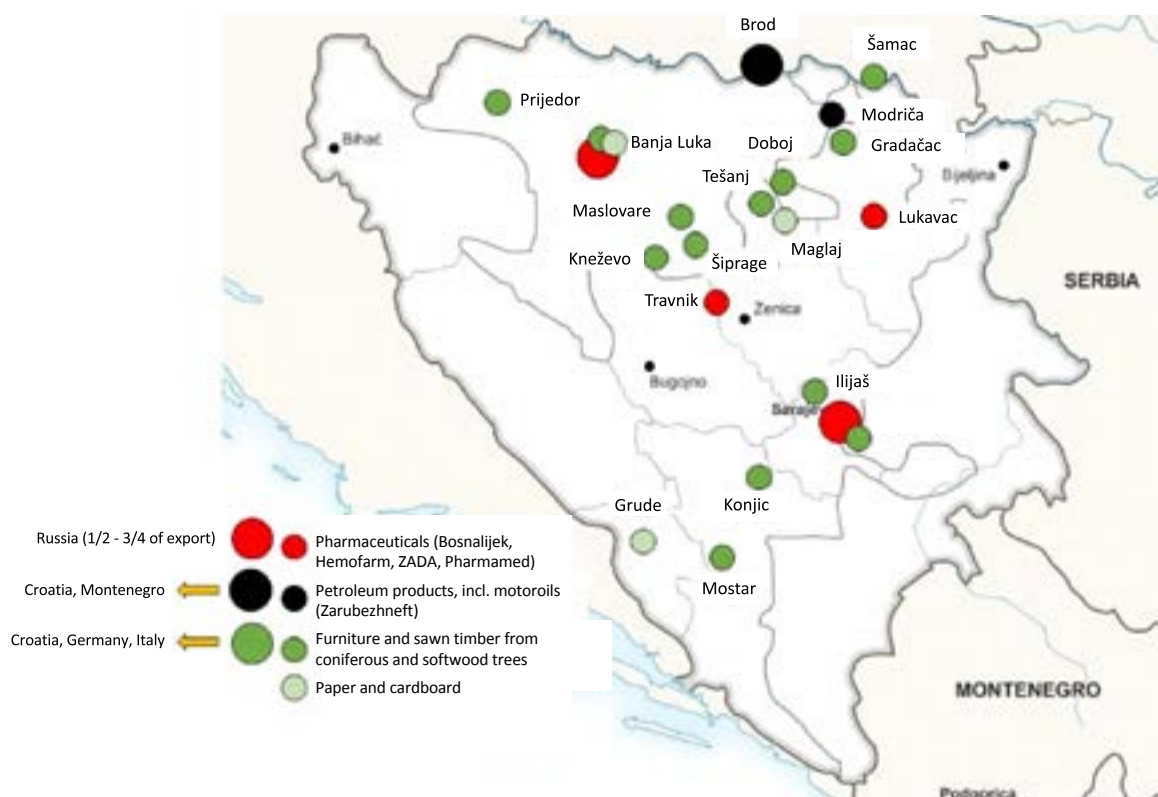

Fig. 16. Pharmaceuticals, Oil Refining, and the Forestry Sector in Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska. Source: M.M. Lobanov, report "Post-Dayton Economy of Bosnia and Herzegovina: Together or Apart?", Balkan Dialogue — 2025, Trebinje, June 2-5, 2025.

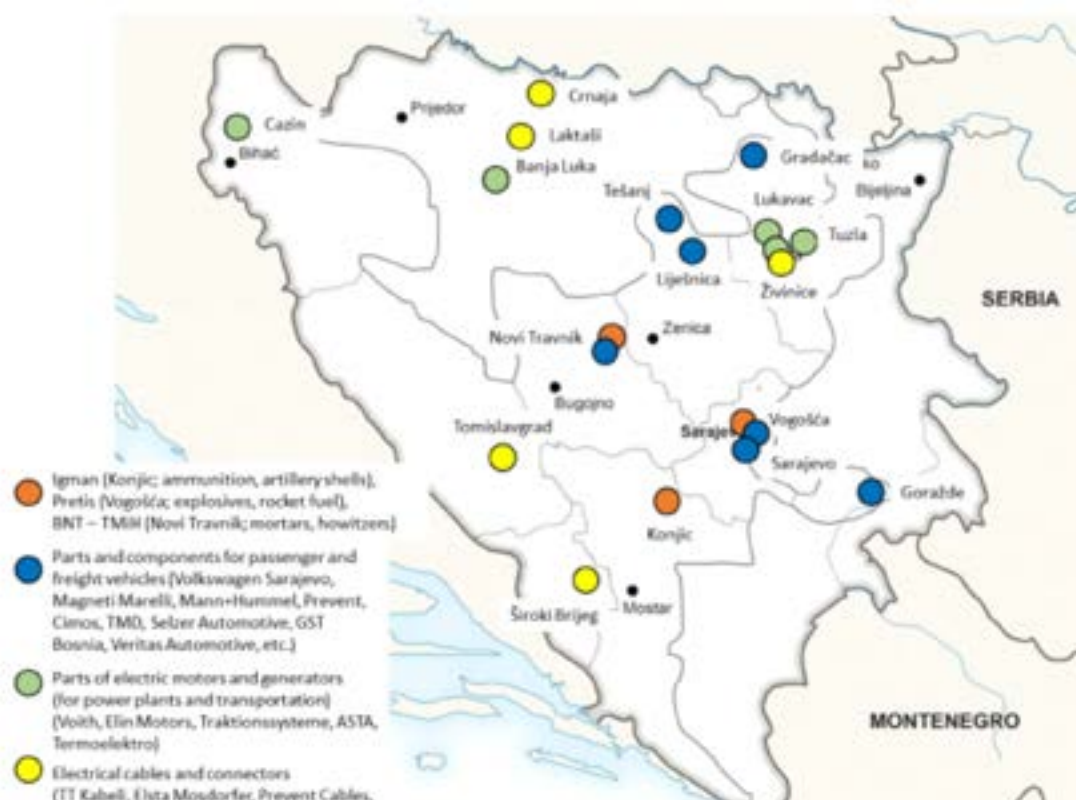
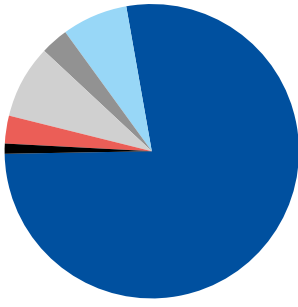

Fig. 17. Mechanical Engineering in Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska. Source: M.M. Lobanov, report "Post-Dayton Economy of Bosnia and Herzegovina: Together or Apart?", Balkan Dialogue — 2025, Trebinje, June 2-5, 2025.

- I hesitate a lot: the benefits are tempting, but working together makes me uneasy.
- I wouldn't participate. (I'll refuse, even if there's a benefit.)
- Not sure/do not know.
- I'm more likely not to participate. (I'll probably decline, the benefit doesn't outweigh the concerns.)
- I'm more likely to participate, but I do feel some unease and anxiety
- I'm completely ready to participate without any hesitation. (The partners' ethnicity is not an issue).

A defining feature of Bosnia and Herzegovina's modern economy is its entrenched fragmentation. This is no longer a post-conflict economy. Over the past thirty years, new internal and external economic linkages have formed, and a number of energy and infrastructure projects have been implemented. However, both economic development and infrastructure construction continue to follow an ethnic track model that has defined Bosnia and Herzegovina over the past three decades. Economic interaction between the Entities largely follows the patterns of industrial cooperation established decades ago. There is little to no joint production, especially in sectors

where direct competition exists, such as footwear and pharmaceuticals. Economic institutions in the country further entrench the current system, including at the symbolic level, for instance, through the design of banknotes issued by the Central Bank of Bosnia and Herzegovina

Notably, when asked whether they would be willing to take part in a potentially profitable joint business venture with someone from another ethnic group, the vast majority of ordinary citizens in Bosnia and Herzegovina responded positively.

OFFICE OF THE HIGH REPRESENTATIVE: DISINTEGRATION THROUGH UNIFICATION

There are quite a few examples of external administration of territories in post-conflict periods: in Cambodia, Western New Guinea, East Timor, and in the Balkans, for instance in Eastern Slavonia, Baranja, and Western Srem. However, in all of these cases the supranational bodies operated outside the system of internal governance rather than being integrated into it. By contrast, in Bosnia and Herzegovina over the past 30 years a distinct structure of international presence has been established, embedded directly within the country's state institutions. There is no other example in history of a recognized UN member state whose key government functions, both *de facto* and **de jure**, are controlled by structures entirely beyond the influence of its citizens.

The Dayton Accords originally established two levels of international presence: (1) *an external level*, consisting of two components: the civilian Office of the High Representative (OHR) and the military contingent, now represented by the European Union Force (EUFOR); and (2) *an internal level*, with a notable share of foreign officials in its composition. The latter includes such key institutions as the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina, the Ombudsman's Office, the Central Bank, the Central Election Commission, the Human Rights Chamber, and others. Later, a third, indirect level emerged: NGOs and non-profit organizations that actively shape both domestic and foreign policy in Bosnia and Herzegovina, promote "approved" narratives about the recent past, and influence public perception, especially among young people.

Whereas the first two levels stem directly from an international treaty, the third is the result of interaction between those two levels and the Western countries that oversee them.

In Bosnia and Herzegovina, two systems of governance emerged side by side: an unrestricted external one and an internal one kept under strict external control. The structures of international presence sustain and reproduce one another in line with Western interests. The OHR is no exception. Although originally intended as a temporary stabilizing factor for Bosnia's political system, over time it has evolved into a tool of external control over the country's internal affairs.

The key question lies in the direction and modality of this control. Western countries were granted virtually unlimited powers under the Dayton and Washington agreements, which they could have used to overcome the conflict. Instead, the approach chosen by the collective guarantors of Bosnia's sovereignty produced the opposite effect: it entrenched a systemic political crisis and deepened societal divisions. An examination of the High Representative's decisions in the judicial and media spheres, as well as in strategies for shaping historical memory, demonstrates how instruments created under UN auspices were in practice used to revise, and later dismantle, the original architecture of the Dayton Accords, thereby intensifying the ethnopolitical divide within Bosnian society.

The OHR and the “Modernization” of Dayton

In the 2000s, international relations concerning Bosnia and Herzegovina experienced a period of relative “calm.” Western-centric structures in Bosnia and Herzegovina operated within an existing consensus among the main actors regarding the country's future: Euro-Atlantic, and above all European, integration was expected to gradually stabilize the situation and foster reconciliation. During this period, the most consequential steps of the initial phase of international engagement, most notably the establishment of the OHR, were taken, setting the stage for the subsequent use of Bosnia and Herzegovina's state apparatus to serve Western geopolitical interests. Their purpose went beyond merely stabilizing the domestic political situation; it aimed at transforming Bosnia's political system to introduce institutional mechanisms that would ensure the effective implementation of externally imposed decisions.

Against this backdrop, the focus shifted to constitutional reform, a debate that accelerated after the country joined the Council of Europe in April 2002. This process was accompanied by obligations to comply with Article 3 of the Council of Europe Statute, as well as a number of specific conditions outlined in PACE Recommendation No. 234 (2002)¹. Among these obligations were the need to strengthen the central state apparatus relative to the Entities and to bring the text of the Constitution into

¹ Resolution No. 234 (2002). On Bosnia and Herzegovina's application for membership in the Council of Europe. URL: [https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2002\]/\[Jan2002\]/Zak_234.asp](https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2002]/[Jan2002]/Zak_234.asp)

conformity with the Constitutional Court's decision on the "Constituent Peoples" case (U-5/98).

At the request of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe, in March 2005 the Venice Commission prepared an advisory opinion titled "On the Constitutional Situation in Bosnia and Herzegovina and the Powers of the High Representative."² The Assembly requested an expert assessment of whether the High Representative's "Bonn Powers" aligned with the principles of the Council of Europe, as well as an evaluation of the Constitution's compliance with the European Convention on Human Rights and the European Charter of Local Self-Government. In addition, the Commission was asked to provide an overall assessment of the rationality and effectiveness of the constitutional system.

The Commission's conclusions were sharply critical. It noted that the "Bonn Powers," while necessary in the immediate post-war period, "are incompatible with democratic principles if applied without proper procedures and judicial oversight." The Venice Commission also emphasized the weakness of state-level authorities, which proved unable to "effectively ensure the country's fulfillment of its obligations to the Council of Europe and the international community." Further criticism focused on the duplication of functions between the Presidency and the Council of Ministers, the role of the House of Peoples in the legislative process, and the lack of clear limits on the use of the mechanism for protecting the "vital interests of a constituent people" (veto).

The Commission also stressed that the Constitution had been "drafted and adopted without the participation of the citizens of Bosnia and Herzegovina and without procedures that could confer democratic legitimacy." It concluded that "real progress in Bosnia and Herzegovina cannot be expected under the current constitutional framework." In other words, the Venice Commission directly linked the prospect of ending international supervision to the need for constitutional reform aimed at strengthening domestic institutions, that is, centralizing authority.

In 2005, the United States, together with eight political parties in Bosnia and Herzegovina, agreed on constitutional amendments that would introduce the Office of President and two Vice Presidents, transform the scope of parliamentary powers, and expand the responsibilities of the Council of Ministers³. The Parliamentary Assembly of Bosnia and Herzegovina's refusal to adopt these amendments in April 2006 helped avert the most extensive revision of the Dayton Accords⁴. Similar attempts were made in

² MIŠLJENJE O USTAVNOJ SITUACIJI U BOSNI I HERCEGOVINI I OVLAŠTENJIMA VISOKOG PREDSTAVNIKA
URL: [https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2005\)004-bos](https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2005)004-bos)

³ Denti D. The European Union and Member State Building in Bosnia and Herzegovina. PhD Thesis, University of Trento. P. 148-152.

⁴ Kandel, P. E. Bosnia and Herzegovina, the EU, and NATO. Vestnik MGIMO-University, 2011, No. 1(16), p. 80.

2009, when the same countries organized negotiations among Bosnia and Herzegovina's leading political parties at the Butmir facility⁵. The goal was also to centralize Bosnia and Herzegovina, expand the powers of the executive branch, and reduce the authority of the Entities. Among the proposals were options for territorial and political restructuring of the country (into three or four entities) and amendments concerning foreign-policy powers, such as interaction with international organizations. In other words, the proposed amendments aimed to place the process of Bosnia and Herzegovina's integration into the EU and NATO beyond the control of the entities. Furthermore, the Butmir Package envisaged incorporating into the Constitution of Bosnia and Herzegovina changes previously introduced by the High Representative's decisions, thereby conferring the authority of constitutional law on externally imposed measures.

The majority of the OHR's legislative activity took place during the 2000s. Of the 895 decisions considered by the OHR since 1997, 808 (90.28%) were issued before Valentin Inzko's appointment in March 2009 (See Annex I) two distinct periods can be noted. The first, before Paddy Ashdown's arrival, from 1997 to 2002, saw 309 decisions (34.53% of the total). During this time, intervention was often genuinely necessary in areas such as refugee return, the general functioning of state institutions, economic policy, and so on. Even dismissals of officials were generally ethnically balanced. This period corresponded to a stabilization of life in Bosnia and Herzegovina.

During the tenure of P. Ashdown, K. Schwarz-Schilling, and M. Lajčák (2002–2009), 499 decisions were issued (55.75%). It was during this period, however, that the OHR's policies increasingly took on a political character, appearing anti-Serb and pro-Muslim.

As a direct revision of the Dayton Accords, key measures included the creation of the Court of Bosnia and Herzegovina⁶ and the Prosecutor's Office of Bosnia and Herzegovina⁷, reforms of the intelligence services⁸, and the army⁹, the establishment of the Indirect Taxation Authority¹⁰, and attempts to reform the police and the public broadcasting system.

⁵ Ponomareva, E. G. Bosnia and Herzegovina: A State Without Statehood. Vestnik MGIMO-University, 2011, No. 1(16), p. 72.

⁶ OHR. Decision imposing the Law on the State Court of BiH. 11.12.2000. URL: <https://www.ohr.int/decision-imposing-the-law-on-the-state-court-of-bih-3/>

⁷ OHR. Decision Enacting the Law on the Prosecutor's Office of Bosnia and Herzegovina. 06.08.2002. URL: <https://www.ohr.int/odluku-kojom-se-donosi-zakon-o-tuziteljstvu-bosne-i-hercegovine/>

⁸ Hadžović D., Dizdarević E. Intelligence Governance in Bosnia And Herzegovina. DCAF, 2011. P. 4.

⁹ OHR. Izvještaj Komisije za reformu odbrane 2005. p. 41-87.

¹⁰ АВП РФ. Ф. 933. ОП. 8. Д. 3. П. 16. Л.154.

It was intended that this entire set of reforms would form the basis for potential constitutional changes presented in the April Package of 2006.

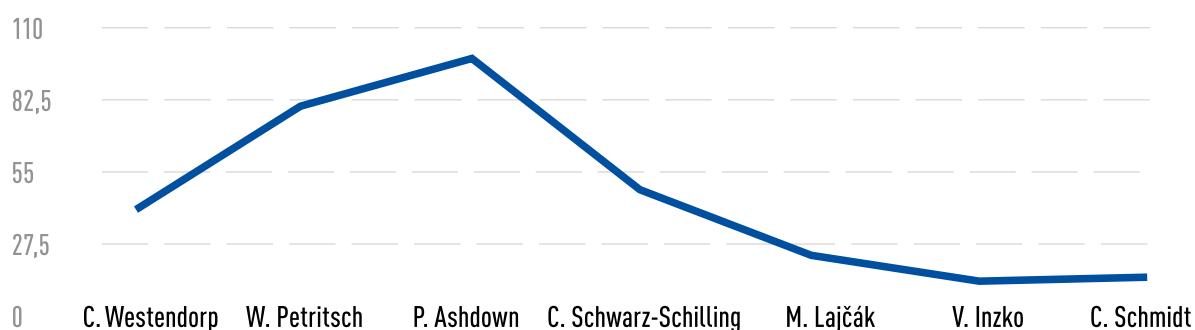

Fig. 18. Number of OHR's decisions on average per year. Source: compiled by authors.

The effective absence of opposition to the international presence in the country, resulting from the OHR's suppression of both Serbian and Croatian national movements, and the relative consensus among key international actors (including Russia) regarding the policies being implemented in Bosnia and Herzegovina, allowed the OHR to regularly intervene directly in political processes through its so-called Bonn Powers. This can be described as the introduction of "internal circuit" mechanisms, that is, the legal and institutional framework enabling the construction of a functional state, or more precisely, a unitary Bosnia and Herzegovina. In this context, a special significance is attached to the transfer of powers from the entities to state-level institutions and the creation of judicial mechanisms able to obstruct Serbian and Croatian political initiatives.

In the 2010s, direct intervention by the OHR gradually became less intensive. This was due, first, to the loss of consensus within the Steering Board of the Peace Implementation Council (i.e., among the states guaranteeing the Dayton Accords) and, second, to growing resistance from local national elites, who leveraged changes in the international environment. From 2009 to the present, the OHR has issued 87 decisions (9.72%). During Valentin Inzko's 12-year tenure (2009–2021), 64 decisions were issued (7.15%), while Christian Schmidt has adopted 23 decisions (2.57%) in the past four years. By the 2010s, therefore, non-regional actors had effectively completed the formation of Bosnia and Herzegovina's internal circuit of governance, a system that still failed to resolve the country's ongoing political crisis. The path toward European integration did not stabilize interethnic relations, and by its very nature, could not have done so. This, in turn, led to the unleashing of coercive methods for addressing political problems, whose consequences last until today.

At the same time, the approach of the interested actors shifted: Bosnia and Herzegovina's state institutions and the civil sector began to be used more actively, with the OHR merely supplementing and overseeing their work. The impact of the OHR's activities is most evident in specific areas, notably the judiciary and the media.

Judiciary

The judicial system in Bosnia and Herzegovina has a rather complex structure and serves as a clear example of the second level of international presence. Both Entities maintain their own judicial structures. In addition, there is the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina and the Court of Bosnia and Herzegovina, established by the OHR's decision on November 12, 2000. International officials appointed by the OHR are present throughout the court and prosecutor system. In the Constitutional Court, three of the seven members are foreigners, giving them a decisive vote in the absence of consensus among the three constituent peoples. Supervision of this sphere by supranational structures remains one of the most important areas of OHR activity.

Since 1997, 175 OHR decisions (19.95%) have been devoted to the judiciary, the second-highest number after the dismissal of officials (176 decisions). Under the most active High Representative, P. Ashdown, who radically replaced the ethnically balanced approach of previous international officials with an anti-Serb policy, 113 of his 385 decisions (29.35%) concerned the courts. These reforms were both routine, addressing case management and the bureaucratic functioning of the system, and systemic, involving the work of the Prosecutor's Office, the bar, and the restructuring of courts in the cantons and entities.

It is worth noting that the judiciary is one of the main triggers for Banja Luka within the broader system of international presence. This is evident even from the events of 2025. In response to the intention of the RS Assembly to hold a referendum on confidence in the authorities on October 25, 2025, prompted by the decision of the BiH Court to remove M. Dodik from the post of President of the RS, on September 15, 2025¹¹, the Council of the Peoples of the Constitutional Court of the RS granted the request of the Club of Bosniak Delegates to consider the substance of the normative legal acts on the planned referendum as they may affect the vital interests of Bosniaks¹².

As a result of these transformations, the implementation of hardline decisions at the level of the Office of the High Representative became unnecessary. Required decisions were made by state institutions with Western support. Direct, politically sensitive decisions at the OHR level are now taken only when it is clear that internal consensus cannot be reached. An example is the amendments to criminal legislation in July 2021, when V. Inzko criminalized the "denial of genocide."

The Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina became a key body in dismantling the Dayton architecture. This situation is determined not only by its

¹¹ Odluka Suda BiH povodom žalbe Milorada Dodika na odluku CIK-a URL: <https://www.sudbih.gov.ba/Post/Read/ODLUKA%20SUDA%20BIH%20POVODOM%20%C5%BDALBE%20MILORADA%20DODIKA%20NA%20ODLUKU%20CIK-A>

¹² Saopštenje za javnost sa 170. i 171. sjednice Vijeća za zaštitu vitalnog interesa URL: <https://www.ustavnisud.org/Doc.aspx?cat=12&subcat=27&id=892&lang=bos&tekst=2691>

powers but also by the principle governing the Court's composition, which allows judges from the international community to make decisions without needing to reach a compromise among representatives of Bosnia and Herzegovina's constituent peoples. They need only secure the support of representatives of one group. For this reason, the Court began playing a transformative role in Bosnia and Herzegovina's political system as early as the late 1990s.

For example, following a Round Table organized by Bosniak elites on April 5, 1998, on "How to achieve constitutional recognition of the Bosniak, Croat, and Serb peoples across Bosnia and Herzegovina," Bosniak member of the Bosnia and Herzegovina Presidency A. Izetbegović submitted an initiative to the Constitutional Court to review the compliance of the Federation and Republika Srpska constitutions with the Bosnia and Herzegovina Constitution. The Bosnia and Herzegovina Constitution recognized Muslims, Serbs, and Croats as constituent peoples, whereas the Entity constitutions recognized only Muslims and Croats in the Federation and only Serbs in Republika Srpska¹³.

The Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina's decision in case. U 5/98-III, which formally prioritized human rights, became a cornerstone for subsequent OHR intervention in the political processes of the entities under the pretext of enforcing the Court's ruling. For example, V. Petritsch, using this court decision together with amendments to the electoral law adopted by the Temporary Election Commission at the initiative of the OSCE, was able to significantly diminish the political influence of the Croat community in general, and the Croatian Democratic Union of Bosnia and Herzegovina in particular. This provoked a confrontation with Croat political forces, who announced plans to create a third political unit (the so-called "Croat self-government"), and largely contributed to the ongoing paralysis of the Dayton Bosnia and Herzegovina governance system.

The consequences for Republika Srpska were also significant: this court decision meant that, *de jure*, it ceased to be an entity representing exclusively the Serb people. This enabled supporters of Bosnia and Herzegovina centralization, in the context of the Serb Democratic Party being marginalized in Republika Srpska political life, to both impose practices for revising the distribution of powers between state-level and entity-level authorities and raise questions about the symbols of Republika Srpska. In this context, it is noteworthy that on the eve of discussions on the first comprehensive constitutional reform, Bosnia and Herzegovina Presidency member S. Tihić submitted a request to

¹³ Vukoja I., Sitarski M.. Bosna i Hercegovina – Federalizam, Ravnopravnost, Održivost: Studija preustroja BiH u cilju osiguravanja institucionalne jednakopravnosti konstitutivnih naroda. Mostar: Institut za društveno-politička istraživanja (IDPI), 2016. S. 40.

assess whether the very name “Republika Srpska” complied with the Constitution and the European Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms, arguing that, in his view, it contained elements of discrimination against non-Serb populations¹⁴. It is particularly illustrative that S. Tihić’s demands were partially satisfied. Thus, the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina not only created the legal preconditions for dismantling the Dayton architecture of Bosnia and Herzegovina’s political system but also, de facto, confirmed the legislative powers of the High Representative, formally justifying this by stating that the Court is not competent to review the powers granted to the OHR under Annex 10 of the Dayton Peace Agreement)¹⁵. In other words, the activities of the Constitutional Court carried a clear political message, and this fact ultimately led the Serb side to withdraw its representatives from this state-level institution.

Thus, the Constitutional Court became the starting point for the delegitimization of Republika Srpska and the Dayton architecture as a whole.

Media

The creation of a unified media space under international control became one of the priorities of Western actors, as evidenced by the actions of supranational structures soon after the signing of the Dayton Accords.

It is important to note that this policy was equally aimed at suppressing the informational autonomy of both Republika Srpska and the Croat community.

Even before the Bonn Powers were formally established in September-October 1997, the OHR coordinated a series of NATO operations in Bosnia and Herzegovina, aimed at gaining control over Republika Srpska’s media infrastructure under the pretext of preventing the airwaves from being used by “extremists”¹⁶. In practice, this meant that the Serb leadership in Pale was deprived of the ability to pursue an independent policy in the field of television and radio communications, marking the first significant step toward establishing full control over the media sphere by international structures.

¹⁴ ABП РФ. Ф. 933. ОП. 10. Д. 5. П. 21. Л.136-137.

¹⁵ Ustavni sud Bosne i Hercegovine. Decision, case No. U 25/00. URL: <https://www.ustavnisud.ba/uploads/odluke/en/U-25-00-12370.pdf>

¹⁶ Engelhart G.N. Republika Srpska u Bosni i Hercegovini. Nastanak i evolucija (1990-2006): doktorska disertacija. Moskva, 2015. Str. 174-175.

This policy was also institutionalized: in June 1998, at the initiative of OHR High Representative Carlos Westendorp, the Independent Media Commission (IMC) was established. Its responsibilities included setting broadcasting standards for the media in Bosnia and Herzegovina, monitoring compliance, and issuing licenses. To implement its decisions, the IMC was granted the authority to “receive support from all law enforcement agencies in Bosnia and Herzegovina and from the Stabilization Forces (SFOR) or their successors”¹⁷.

Thus, the media space of Republika Srpska was initially removed *de facto*, and later *de jure*, from the control of the entity’s leadership: the Independent Media Commission was managed by a Council and a Director General, both appointed by the OHR. The IMC became a governing body of the “internal circuit,” legitimizing in Bosnia and Herzegovina the decisions made by external actors in the field of television and radio broadcasting. This was further reinforced by an OHR decision: in 1999, V. Petritsch introduced amendments to the Republika Srpska Law on Radio and Television, stipulating that “radio and television of Republika Srpska shall not broadcast except in cases provided for by a license or licenses issued by the Independent Media Commission or its successor”¹⁸.

The OHR acted in a similar manner toward the media infrastructure controlled by Croat elites: at the end of 1999, the OHR enacted the Federation Law on Radio and Television¹⁹, which ensured the functioning of RTV FBiH. At the same time, the Croat company “EroTel,” which retransmitted HRT (Croatian Radio-Television) programs within Bosnia and Herzegovina, was shut down by a decision of the Independent Media Commission after the company refused to comply with the regulator’s demand to limit its own broadcasting on the grounds of lacking a license. The Croat media company’s operations in Bosnia and Herzegovina were finally terminated on February 17, 2000, after representatives of the Independent Media Commission, with the assistance of a team of technical experts and SFOR, carried out work to suspend the EroTel transmitter in Mostar due to the company’s continued disregard of the orders to cease its activities²⁰.

Changes in the media sector also affected RTV BiH, which was renamed BHRT and subjected to restructuring. The approach of international actors aimed to create a unified public broadcasting system consisting of three main components: a Public

¹⁷ OHR. Decision on the establishment of the Independent Media Commission. 11.06.1998. URL: <https://www.ohr.int/decision-on-the-establishment-of-the-independent-media-commission/>

¹⁸ OHR. Decision amending the Law on Radio-Television of the RS. 01.09.1999. URL: <https://www.ohr.int/decision-amending-the-law-on-radio-television-of-the-rs/>

¹⁹ OHR. Decision on the implementation of the Law on Radio-Television of the Federation. 06.12.1999. URL: <https://www.ohr.int/decision-on-the-implementation-of-the-law-on-radio-television-of-the-federation/>

²⁰ OHR. Decision on the implementation of the Law on Radio-Television of the Federation. 06.12.1999. URL: <https://www.ohr.int/decision-on-the-implementation-of-the-law-on-radio-television-of-the-federation/>
АВН ПФ. Ф. 933. ОП. 5. Д. 3. П. 9. Л. 91.

Broadcasting System (PBS) covering the entire territory of Bosnia and Herzegovina, and two local systems within the entities: TV FBiH and TV RS²¹. BHRT, integrated into the unified broadcasting system, was intended to become a state-level and multiethnic media outlet ²².

Subsequently, by a decision of Wolfgang Petritsch, the Independent Media Commission and the Telecommunications Regulatory Agency were merged into a single supervisory body - the Communications Regulatory Agency (CRA)²³. By the mid-2000s, supranational structures had completed the groundwork for a comprehensive media reform. Alongside reforms in public administration, finance, and security, it was intended to serve as one of the elements preparing the constitutional transformation of Bosnia and Herzegovina statehood.

After the 2005–2006 constitutional reform failed, initiatives to create a unified media infrastructure in Bosnia and Herzegovina lost momentum. Nevertheless, the Communications Regulatory Agency (CRA) continues to issue fines to broadcasting companies. The possibility of license revocation also remains. The television landscape itself remains fragmented: most news channels have a clear ethnic affiliation, while non-ethnic channels either belong to the Bosnia and Herzegovina government (such as BHRT) or, like Nova²⁴ are part of the system of foreign influence.

At the same time, the unfinished attempts to create a unified media space in Bosnia and Herzegovina clearly demonstrated the limits of influence of both the Office of the High Representative and Bosnia and Herzegovina's domestic institutions. Centralization, particularly when it affected the interests of global actors, was not possible without a complete reconfiguration of the Bosnia and Herzegovina political system. This, in turn, required political will on the part of the international community. The reluctance to push forward the constitutional reform project shaped subsequent patterns of interaction between the OHR and Bosnia and Herzegovina's state institutions on the one hand, and Republika Srpska and the Bosnian Croats on the other.

The actions of the OHR and Bosnia and Herzegovina's federal institutions, which

²¹ ABП РФ, Ф. 933. ОП. 5. Д. 5. П. 9. Л. 96.

²² Jusić T., Ahmetašević N. Media Reforms through Intervention: International Media Assistance in Bosnia and Herzegovina. ANALITIKA Center for Social Research, Working Paper 3/2013. URL: file:///C:/Users/eremi/Downloads/jusic_and_ahmetasevic_-_rrpp_bih_medassistance_31dec2013_final.pdf

²³ OHR. Decision Combining the Competencies of the Independent Media Commission and the Telecommunications Regulatory Agency. 02.03.2001. URL: <https://www.ohr.int/decision-combining-the-competencies-of-the-independent-media-commission-and-the-telecommunications-regulatory-agency/>

²⁴ Dio je United Media Group, koji je takođe vlasnik kanala N1.

are under Western influence, have resulted in an open political conflict with Banja Luka that continues to this day. This crisis follows a predictable pattern: the OHR, the Constitutional Court, or Sarajevo, supported by Western countries, take measures that limit the powers of Republika Srpska. In response, Republika Srpska enacts a law either preemptively or retroactively to block that decision, or, conversely, the OHR intervenes to block a decision made by Republika Srpska authorities. Thus, the main goal of the West is dismantling Republika Srpska.

The Myth of Genocide as a Tool for Dismantling Republika Srpska

On July 22, 2021, the High Representative amended Bosnia and Herzegovina's criminal legislation to impose penalties for denying the fact of genocide. This marked the starting point of the current phase of political confrontation in Bosnia and Herzegovina, characterized by a clash between Sarajevo (backed by Western actors) and Banja Luka. The fact that this step was taken by the outgoing Valentin Inzko in his final days in office indicates that the logic of this process is entirely external, as he was the last High Representative whose legitimacy on the international stage was uncontested. Western-sponsored non-governmental organizations also played a significant role in this campaign.

Remarkably, as early as 1996, the International Crisis Group, formally set up as an analytical center, emerged as a key proponent of the narrative portraying Republika Srpska as having a "genocidal character". It provided analytical support for the OHR's activities, portraying Republika Srpska in its reports as a "product of genocide and ethnic cleansing," while framing Croat political initiatives as a "threat to internal political stability."²⁵ Other notable examples include organizations such as Bosnia's "Mothers of Srebrenica" (2002) and the UK-based "Remembering Srebrenica" (2013), which promoted speculative historical narratives. These narratives subsequently became a foundational element of the OHR's political practice, embedding themselves within Bosnia and Herzegovina's legal and institutional framework, through memorials and their foundations, legislative practices, and so on.

Notably, from the very beginning, the unified media space in Bosnia and Herzegovina incorporated narratives originating in the early 1990s, during the Bosnian War. Initially, these narratives were shaped and disseminated, on the one hand, by Western PR agencies engaged by Bosniaks and Croats, most prominently

²⁵ Engelhart G.N. Republika Srpska u Bosni i Hercegovini. Nastanak i evolucija (1990-2006): doktorska disertacija. Moskva, 2015. Str. 32-36.

Ruder Finn. On the other hand, it is quite evident that figures such as the American philosopher Susan Sontag, the future leader of the Liberal Party of Canada, and George Soros's close associate Michael Ignatieff, as well as French leftists Bernard-Henri Lévy and André Glucksmann, and even the Swedish actress Bibi Andersson, joined the campaign, provisionally titled "Serbs—the genocidal people, Bosniaks—the new Jews", not at Ruder Finn's prompting, but out of deep personal conviction.

The first steps toward creating the Srebrenica Genocide Memorial in Potočari, which opened in 2003, were taken in 2000 by OHR High Representative Wolfgang Petritsch, who described them as a "moral and humanitarian gesture aimed at strengthening stability in the country²⁶". The establishment, funding, and development of this complex, which became an integral part of the OHR's policy, were supplemented by the work of a special commission in 2004: its report, which discredited the Serb entity, was adopted by the RS leadership under pressure from OHR High Representative Paddy Ashdown.²⁷

In 2018, the Republika Srpska National Assembly refused to recognize the findings of the 2004 Commission²⁸, and in 2019, the authorities of the Serb entity initiated the work of an

The Potočari Memorial, in particular, is known for organizing youth summer schools on "genocide studies," which in practice serve as programs for instilling a cult of "collective responsibility" in young Serbs.

independent international commission. This commission later published the Final Report of the Independent International Commission on the Investigation of the Suffering of All Peoples in the Srebrenica Area from 1992 to 1995, which offered an interpretation of events alternative to the Western mainstream²⁹. Almost immediately after the publication of the Commission's report, OHR High Representative Valentin Inzko introduced amendments to the Bosnia and Herzegovina's Criminal Code, criminalizing "the public denial, gross trivialization, or approval of genocide, crimes against humanity, and war crimes established by final decisions of international courts."³⁰

²⁶ OHR. Decision on the location of a cemetery and a monument for the victims of Srebrenica. 25.10.2000. URL: <https://www.ohr.int/decision-on-the-location-of-a-cemetery-and-a-monument-for-the-victims-of-srebrenica/> ABП PФ. Ф.933. ОП. 5. Д. 5. П. 9. Л. 101.

²⁷ Engelhardt, G. N. The Republika Srpska in Bosnia and Herzegovina: Emergence and Evolution (1990–2006). PhD diss., Moscow, 2015, p. 43.

²⁸ Bosnian Serb MPs Annul Report Acknowledging Srebrenica // BalkanInsight. 14.08.2018. URL: <https://balkaninsight.com/2018/08/14/bosnian-serb-mps-annul-report-acknowledging-srebrenica-08-14-2018/>

²⁹ Concluding Report of the Independent International Commission of Inquiry on Suffering of all people in the Srebrenica region between 1992 and 1995 // ICSR. URL: <https://incomfis-srebrenica.org/wp-content/uploads/2021/07/Srebrenica%20Commission%20report%20-%20English%20lan.pdf>

³⁰ OHR. HR's Decision on Enacting the Law on Amendment to the Criminal Code of Bosnia and Herzegovina. 23.07.2021 URL: <https://www.ohr.int/hrs-decision-on-enacting-the-law-on-amendment-to-the-criminal-code-of-bosnia-and-herzegovina/>

This decision demonstrated that **the fight against “hate speech” had taken on an ideological character: any disagreement with the project to unify the historical narrative and frame the current agenda began to be perceived by supranational structures as a challenge, requiring the use of mechanisms to combat “incitement of hatred.”** In turn, this mechanism became a tool of censorship, leading not to reconciliation but to further escalation and the blocking of state-level institutions—especially following the adoption of UN General Assembly Resolution 78/282 establishing the “International Day of Remembrance and Commemoration of the 1995 Srebrenica Genocide³¹. An integral part of these Western efforts was the “Quo Vadis, Aida” film by Jasmila Žbanić, analyzed in the Cinema section of the book.

However, the activities of Western-sponsored NGOs are not limited to this. It is important to emphasize that the structures covering Srebrenica are just one among many organizations funded by the U.S., the EU, and the UK in the country. Until its closure, USAID supported a significant number of think tanks, NGOs, and “independent media” in Bosnia and Herzegovina. They all shared a common agenda, as they promoted NATO integration, European integration, and the “civil unification” of Bosnia. Notably, many of these organizations operated within Republika Srpska.

As an example, consider the organization Pod Lupom, one of the leading recipients of U.S. aid. In its final report on electoral violations during the 2014 local elections, the first two alleged violators identified were two parties from Republika Srpska: the Alliance of Independent Social Democrats and the Serbian Democratic Party.³² The third position was held by the Bosniak Party of Democratic Action.

Similarly, the first and second places for media-related violations were occupied by the Serb Alliance of Independent Social Democrats and the Party of Democratic Progress. **In effect, the organization’s report delegitimizes the political process in Republika Srpska, calling into question the representativeness of the entity’s political institutions.**

Similar work is carried out by so-called “independent media,” some of which were forced to cease operations after U.S. funding ended. One significant figure in this sphere is Milica Samardžić, who heads the Umbrella Association, which includes 13 “independent media” outlets³³. These media outlets have a distinctly civic character, yet they are united by a clearly defined position directed against the current leadership of Republika Srpska.

³¹ United Nations. Resolution adopted by the General Assembly on 23 May 2024. 78/282. International Day of Reflection and Commemoration of the 1995 Genocide in Srebrenica. URL: <https://docs.un.org/en/A/RES/78/282>

³² FINAL REPORT on citizen, non-partisan observation of the 2024 Local Elections in Bosnia and Herzegovina URL: <file:///C:/Users/alexn/Downloads/Pod-lupom-izvjestaj-2024-ENGLESKI.pdf>

³³ Samardžić: Suspenzija pomoći SAD imat će dalekosežne posljedice po medijski sektor u BiH [Електронный ресурс]. URL: <https://www.bhrt.ba/samard%C5%BEi%C4%87-suspenzija-pomo%C4%87i-sad-imat-%C4%87e-dalekose%C5%BEneposljedice-po-medijski-sektor-u-bih>

Despite the different nature of their activities, Western-sponsored NGOs share a common set of objectives. First, they aim to uphold the legitimacy of the High Representative and the established system of international governance in Bosnia as a whole. Second, they seek to create the illusion of the inevitability of Bosnia and Herzegovina's Euro-Atlantic integration within the discourse of Western-centric NGOs. Third, they work to cement a single permissible narrative of the events of the 1990s, with a clear division between perpetrators and victims. Finally, they pursue the political delegitimization of Republika Srpska and its political elites in their current form, with the goal of revising its position within Bosnia and Herzegovina's political system.

The stated goal of the Office of the High Representative (OHR) was the integration and democratization of Bosnia and Herzegovina. In practice, however, its work produced the opposite effect. Despite establishing institutions and legal frameworks for their operation, OHR policies exacerbated societal divisions rather than bridging them, effectively "freezing" and reproducing them.

In attempting to enforce rapid centralization and societal unification in Bosnia and Herzegovina in the name of Euro-Atlantic integration, supranational structures sacrificed genuine interethnic reconciliation and the development of a true civil society. Heavy-handed pressure on both Republika Srpska and the Bosnian Croat community was perceived as marginalization, implying the denial of their historical memory and national identity. This predictably provoked a reaction: a turn toward self-isolation, rising autonomist sentiments, and demands for independent institutions, including the proposal for a third entity among the Croats.

In essence, the OHR's approach was paradoxical: rhetoric about integration was accompanied by practices that deepened alienation. Unification through decisions made by supranational actors, backed by military force and censorship mechanisms, became a tool not for bringing people together, but for dividing them. For this reason, the political elites in Republika Srpska and the Bosnian Croat community, whose legitimacy was built on resisting centralization projects, were the ones whose positions were strengthened.

Thus, the policy of unification, intended as a means of integration, produced an effect that can be described as "disintegration through unification." For the populations of Republika Srpska and the Croat community, international intervention came to symbolize external threats rather than serve as a mechanism for democratization, reinforcing societal divisions and making the consolidation of Bosnia and Herzegovina's society even more difficult. In this context, it becomes especially important to ask whether the OHR needs to continue in its current form, how effective it is, and whether it should keep operating.

SYMBOLS

This section builds on the idea that communication within society rests on symbols, which greatly magnifies their political and cultural weight¹. Among the most important unifying symbols of any state is the flag. For Bosnia and Herzegovina, the key questions are: do its citizens see the national flag as a defining symbol of their identity? How do they relate to state symbols in a country that has repeatedly changed them over a relatively short span of history? And finally, how can Bosnia, in the interest of its own future development, move beyond interethnic divisions, divisions that are constantly reinforced by practices of preserving historical memory, encouraged within some ethnic groups while being suppressed in others?

Finally, this seemingly narrow issue of how post-Dayton Bosnia and Herzegovina functions is in fact crucial for the country's multinational future. The decisions of the OHR regarding state symbols, the symbols of the Entities, and those of the constituent peoples, as shown in this section, neither advance reconciliation nor foster a sense of security among different ethnic groups, nor do they take into account the centuries-old historical realities of this region. This particular manifestation of the international community's colonial-style practices clearly reflects how far the OHR's actions are out of touch with the real needs of the peoples of Bosnia and Herzegovina.

STATE SYMBOLS OF BOSNIA AND HERZEGOVINA

Article 1, Section 1 of the 1995 Constitution of Bosnia and Herzegovina (Annex IV of the General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina) declares that the state of Bosnia and Herzegovina is a successor of the Republic of BiH (1992–1995)². However, Article 1, Section 6 of the Constitution makes clear that this continuity does not extend to state symbols, since it states that “the decision on the symbols of Bosnia and Herzegovina shall be made by the Parliamentary Assembly, and confirmed

¹ This text is generally based on an abridged and revised work "symbols of Dayton Bosnia and Herzegovina" by Dušan Dačić, published in October 2025. year. The original and full version of the work differs significantly from the attached text, both in material and conclusions, and the author of the work is not the author of this text.

² Закон о потврђивању Општег оквирног споразума за мир у Босни и Херцеговини (Сл. лист СРЈ — међународни уговори, број 12/2002) http://demo.paragraf.rs/demo/combined/Old/t/t2003_02/t02_0030.htm

by the Presidency.”³

On February 11, 1998, the Law on the Flag of Bosnia and Herzegovina entered into force, followed on May 18, 1998, by the Law on the Coat of Arms of Bosnia and Herzegovina.

In practice, the only solution implemented was one that was relatively neutral toward the three constituent peoples, yet visually entirely disconnected from their traditions and the region’s heraldic practices at the

time. Nevertheless, expressions of dissatisfaction and criticism of these symbols were common⁴. Although the new flag was meant to represent the unity of the constituent peoples, the choice of nationally neutral, general symbols resulted in a flag that does not evoke anything distinctive⁵.

It is telling that since the introduction of Bosnia and Herzegovina’s current coat of arms and flag in 1998, public acts of vandalism against them have been rare. By acknowledging the reality of these symbols, most citizens have also *recognized the reality of the state* itself. In fact, that was the very purpose of these symbols: their existence is driven by the need to find functional solutions for society. “

The new coat of arms, as a symbol of the state, should have no associations with the past. Its universal symbols should open up prospects for the long-suffering people of Bosnia and Herzegovina and give them hope for a better future.”⁶

Nevertheless, as the results of an online survey show, nearly 30 years later the overwhelming majority of Bosniaks and people who more broadly identify themselves as “Bosnian and Herzegovinian” associate themselves with these symbols, while only a minority of Croats and Serbs do. The symbols effectively successfully avoid elements of existing national, religious, or early state symbols and do not reference the wartime period. However, they have failed as unifying symbols on any meaningful level and

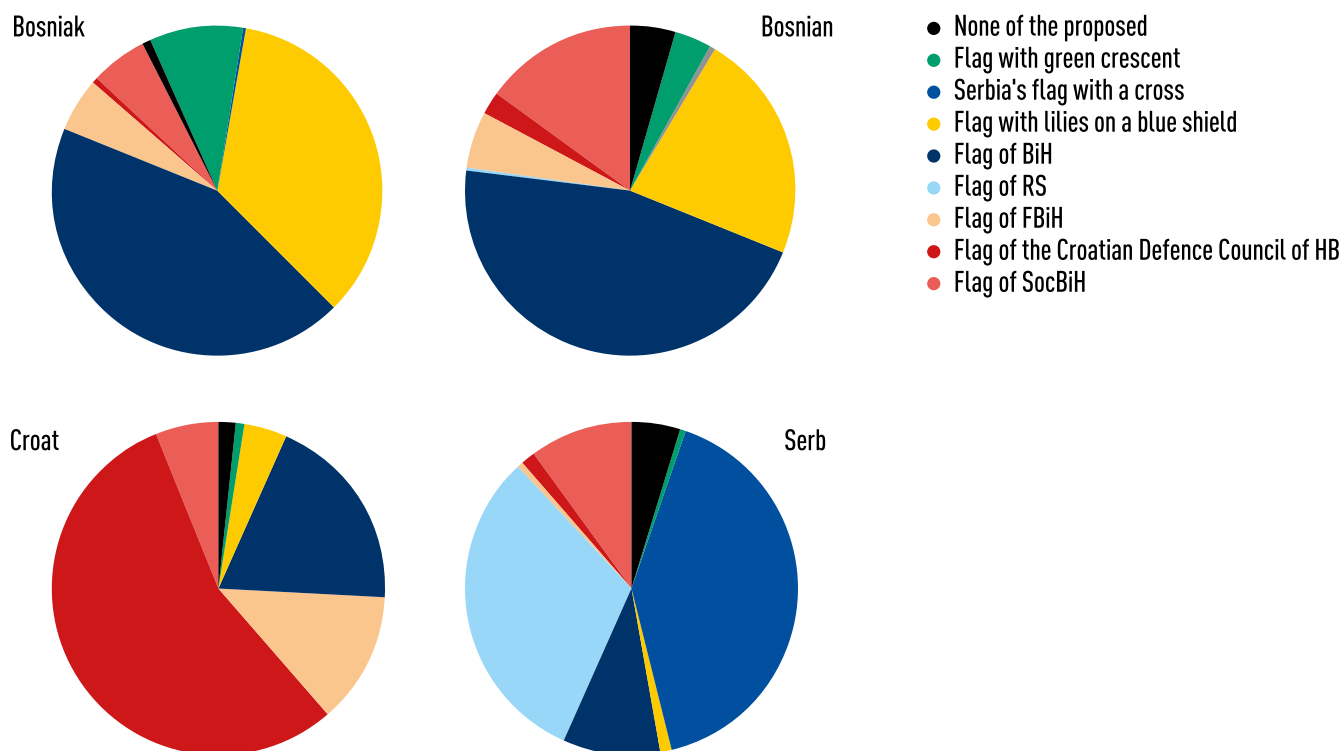
³ Ibid.

⁴ Filipović, O. Emir (2008): Grb i zastava Bosne i Hercegovine u 20. stoljeću, u Bosna Franciskana — Časopis franjevačke teologije. Godina XVI, broj 28. Sarajevo (стр. 103-127), 123: “Immediately after the flag of Bosnia and Herzegovina was imposed by C. Westendorp, the Sarajevo intelligentsia sent an open letter of protest to the High Representative. In their view, this was “the final act of killing the state.” They called for a referendum so that citizens could choose their own flag. Politicians were also vocal. At press conferences, most parties expressed satisfaction at the removal of national symbols, but also disappointment with the flag’s aesthetic, which they felt failed to adequately reflect the rich heritage of Bosnia and Herzegovina. Some additionally pointed out that the flag-design commission had not adhered to the elements that should appear on state symbols and argued that the commission should consider this when designing a new coat of arms”.

⁴ Ibid, p.p. 122-123

⁶ Borojević, Mirko (1998): Grb stroge neutralnosti — Simboli BiH. Alternativna informativna mreža. <https://aimpress.forumcivique.org/article/80417-011-pubs-sar/>

have effectively been claimed by the Bosniak ethnic group. This is evident in the charts below, where each group was asked which flag they identify with.

Symbols of the Serbs in Bosnia and Herzegovina

Serb identity in Bosnia and Herzegovina is largely rooted in the *history of the Serbs* in this part of the Balkans. Historical memory is transmitted primarily through books, textbooks, oral tradition, and folklore, rather than through visual symbols or identity markers. Apart from the heraldic symbols of medieval ruling houses and aristocratic families from the territory of present-day Bosnia and Herzegovina, Bosnian-Herzegovinian Serbs have not developed separate, visually distinct national symbols and have historically relied on *universally Serbian* ones. These include the horizontal red-blue-white flag, the white eagle, and the cross with fire steels.

Consequently, the visual aspect of symbols of Serb national identity in Bosnia and Herzegovina has remained within the framework of what is considered Serbian symbols throughout their broader historical and geographic range. This fact represents an objective reality and, in itself, is neither positive nor negative.

For a number of purely historical reasons, in territories where Serbs constituted a large or significant part of the population (Austria-Hungary, the Ottoman Empire), there were no forces capable of creating and promoting national symbols during the formation of Serbian national identity in the 19th century. As a result, graphic variations

of the same symbols, dating back to the Middle Ages, the First Serbian Uprising, and the Principality of Serbia, gradually became established norms and an integral part of the collective consciousness across all Serb-inhabited territories. An important exception is Montenegro, where in the 19th and 20th centuries, alongside pan-Serb symbols, new or distinct visual symbols also emerged. This approach can also be explained by historical experience: differences in national symbols of the same Serbian people were sometimes used as a catalyst for dividing national identity and fostering development along autonomous lines.

The Constitution of the Serbian Republic of Bosnia and Herzegovina on February 28, 1992, the Decision on the Depiction of the Flag of the Serbian Republic of Bosnia and Herzegovina on May 12, 1992, and the Constitutional Law on the Flag, Coat of Arms, and Anthem of the Serbian Republic of Bosnia and Herzegovina adopted later that year enabled Bosnian-Herzegovinian Serbs not only to choose their own symbols for the first time in history but also to grant them official status within the territory of Bosnia and Herzegovina. Article 1 of the Constitutional Law on the Flag, Coat of Arms, and Anthem of the Republika Srpska states: "The flag of the Republika Srpska consists of three colors: red, blue, and white. The colors are arranged horizontally in the following order from top to bottom: red, blue, and white. Each color occupies one third of the flag. The ratio of the flag's width to its length is 1:2."⁷ Article 2 of this Law states: "The coat of arms of the Republika Srpska is the emblem of the Nemanjić dynasty, depicting a white double-headed eagle with a crown above its heads. On the eagle's chest is a red shield bearing a white cross with four fire steels (*ocila*) in the corners."⁸ Article 3 states: "The anthem of the Republika Srpska is the song 'Bože pravde' ('God of Justice')"⁹.

The fact that these symbols were officially enshrined does not mean they did not previously exist or were not already recognized as national symbols of the Serbs in Bosnia and Herzegovina. On the contrary, these articles confirm the historical decision of the Serb people in Bosnia and Herzegovina to adopt symbols that had long been regarded as *unalienable or universally Serbian as their own* here. At the same time, the 1992 Constitution and Constitutional Law, in their historical context, broke with the heraldic and symbolic identity of medieval Bosnia.

The symbols of the Republika Srpska continued to exist unchanged even after the signing of the Dayton Peace Agreement and the adoption of Amendments I–XXXIII to the Constitution of the Republika Srpska by the National Assembly of the Republika Srpska on April 19, 2002¹⁰. In 2007, the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina ruled

⁷ Уставни закон о застави, грбу и химни Републике Српске (1992). Сл. гласник Републике Српске, Година I — Број 19, петак 18. децембра 1992. Сарајево.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Устав Републике Српске и амандмани (2004). <https://skupstinabd.ba/images/dokumenti/sr/ustav-republike-srpske.pdf>

that the provisions of the previous Constitutional Law “On the Flag, Coat of Arms, and Anthem of the Republika Srpska,” which had adopted the Nemanjić coat of arms and Serbia’s national anthem “Bože pravde” as the Entity’s anthem, were unconstitutional. In paragraph 131 of its partial decision in Case U-4/04, the Court stated:

“These are official symbols of a territorial unit with the status of an Entity, which represent a constitutional category and must represent all citizens of the Republika Srpska,” and further, “These are not local symbols of a particular people meant only to preserve that people’s cultural and historical heritage. They are the official symbols of a multiethnic entity and, accordingly, must reflect the Entity’s multiethnic character.”

It is worth noting that the Constitutional Court used a similar formulation in its January 27, 2007 decision, which declared the flag and coat of arms of the Federation of Bosnia and Herzegovina unconstitutional. Notably, the Federation of BiH has existed without official symbols ever since.

However, as a result of this decision, the symbols of the Republika Srpska came to represent almost the complete opposite of their original constitutional and historical purpose, with the people being indirectly and absurdly *assigned* new national symbols, a measure forced by the ruling of the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina.

The compulsory nature of the Republika Srpska’s action is clearly reflected in paragraph 76 of the partial decision of the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina in Case U-4/04 of March 31, 2006, where the position of the National Assembly of the Republika Srpska is noted: “Anyone who uses a coat of arms that does not represent their identity finds themselves in a position of imposed identity.”¹¹

In addition to the replacement of the coat of arms of the Republika Srpska and the anthem “Bože pravde” with the emblem of the Republika Srpska and the anthem “My Republic,” the shift in identity emphasis also applies to the flag of the Republika Srpska. Unlike the coat of arms and anthem, the flag largely “survived” the constitutional review in Case U-4/04 before the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina, but it was given a new interpretation.

The Court “considered it acceptable to adopt the reasoning of the National Assembly that the flag of the Republika Srpska, as defined in Article 1 of the Constitutional Law on the Coat of Arms and Anthem of the Republika Srpska, does not represent only the Serb people in the Republika Srpska. Rather, it is a flag featuring Pan-Slavic colors, characteristic of the history of Slavic peoples, which includes the constituent peoples of Bosnia and Herzegovina.”¹²

In 2008, there was an attempt to adopt a new version of the coat of arms of the Republika Srpska through the *Constitutional Law on Amendments to the Constitutional*

¹¹ Делимична одлука Уставног суда БиХ о меритуму у предмету број У-4/04 од 31. марта 2006. године (Сл. гласник БиХ, број 47/06)

¹² <https://www.ustavisud.ba/bs/xxxv-plenarna-sjednica>

*Law on the Flag, Coat of Arms, and Anthem of the Republika Srpska*¹³, dated July 15–17, 2008. However, this initiative was unsuccessful, as the Constitutional Law was quickly brought before the Constitutional Court of the Republika Srpska at the request of the Club of Bosniak Delegates in the House of Peoples of the Republika Srpska, submitted under Act No. 03.2-5-55/08 on July 29, 2008. The request called for “initiating a process to resolve the question of whether the vital national interests of the Bosniak people were violated by the Constitutional Law on Amendments to the Constitutional Law on the Flag, Coat of Arms, and Anthem of the Republika Srpska, adopted by the National Assembly of the Republika Srpska at its sessions on July 15, 16, and 17, 2008.”¹⁴ In its decision on Case UV-3/08 of December 22, 2008, the Council for the Protection of Vital National Interests of the Constitutional Court of the Republika Srpska stated that “Article 1 of the Constitutional Law on Amendments to the Constitutional Law on the Flag, Coat of Arms, and Anthem of the Republika Srpska, insofar as it concerns the coat of arms adopted by the National Assembly at its sessions on July 15, 16, and 17, 2008, **violates the vital national interests of the constituent Bosniak people.**”¹⁵

In 2007, the Emblem of the Republika Srpska was introduced. It features a gold fleur-de-lis crown of the medieval Bosnian king Tvrtko I Kotromanić. The National Assembly of the entity explained the incorporation of this crown into the Republika Srpska’s Emblem by stating that it “attests to the roots of the Republika Srpska in Bosnia and Herzegovina and Bosnian history,” while the gold heraldic crown, also present on the Emblem, is traditional for the Republika Srpska (and the Kingdom of Serbs, Croats, and Slovenes).¹⁶

The Law on the Emblem of the Republika Srpska, dated April 23, 2007¹⁷, and the Government Decree on the Emblem of the Republika Srpska, dated June 16, 2007¹⁸, effectively established a *new* symbol as an “additional symbol of the Republika Srpska,” which “may be used in place of the coat of arms of the Republika Srpska.”

In light of the partial decision of the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina in Case U-4/04 of March 31, 2006, and the tight deadlines for bringing the entity’s symbols into compliance with the Court’s ruling, lawmakers in the

¹³ Уставни закон о допуни Уставног закона о застави, грбу и химни Републике Српске (Сл. гласник Републике Српске, број 125/08)

¹⁴ <https://www.ustavisud.org/Odluke.aspx?cat=13&subcat=43&lang=cir&odluka=193&odldet=523>

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Kulenović, Nedim (2013): Krinovi, krune, šahovska polja od vitalnog nacionalnog interesa. Puls demokratije — zajednica neistomišljenika, Zbornik tekstova, No 2 page 13.

¹⁷ Закон о амблему Републике Српске (Сл. гласник Републике Српске, број 49/07)

¹⁸ Уредба о изгледу и начину употребе амблема Републике Српске (Сл. гласник Републике Српске, број 50/07)

Republika Srpska decided to use the emblem as the legal and graphical basis, serving as a functional “interim option until a new coat of arms could be adopted.”

The Emblem of the Republika Srpska is undoubtedly part of the “tradition of new symbols” in Bosnia and Herzegovina. This is confirmed by a 2022 statement by Igor Radojičić, who was Speaker of the National Assembly of the Republika Srpska at the time the law was adopted: “We had to resolve this issue politically and approve something entirely new (...) if the coat of arms declared unconstitutional had been in use, all documents issued by the Republika Srpska abroad would have been invalid. Therefore, it was decided to develop new symbols, however difficult that was. (...) In practice, we drew on the experience of France, which also has a very complex history of national symbols due to the tension between republican and monarchical traditions. Relying on the French example, we sought a quick solution that would be as nationally acceptable as possible and that the Constitutional Court could not continually challenge as discriminatory.”¹⁹

The emblem, originally intended as a temporary solution, has become a long-term one. On the one hand, it has taken hold: most Serbs regard it not only as the official symbol of the Republika Srpska but also as a symbol of freedom and a part of their identity. On the other hand, pan-Serb universal symbols, above all the flag, remain just as important as symbols of identity as the Republic’s own emblem.

In this regard, it is particularly significant that on November 5, 2024, the National Assembly of the Republika Srpska adopted an amendment to the Law on the Use of the Flag, Coat of Arms, and Anthem, allowing official use of Serbia’s state symbols within the territory of Republika Srpska alongside the symbols of the Republika Srpska and Bosnia and Herzegovina. Following actions by the Republika Srpska leadership, the Prosecutor’s Office of BiH launched politically motivated criminal proceedings against Serbian officials in 2024. In response, the Republika Srpska authorities passed a law prohibiting state-level bodies, such as the Court of Bosnia and Herzegovina and the Prosecutor’s Office of Bosnia and Herzegovina, from operating within Republika Srpska territory. This prompted reactions from representatives of other constitutional peoples in Bosnia and Herzegovina’s institutions: the Bosniak member of the Bosnia and Herzegovina Presidency, D. Bećirović, filed lawsuits with the Bosnia and Herzegovina’s Constitutional Court, challenging

both the amendments to the Republika Srpska Law on Symbols (Case U-2/25) and the Republika Srpska law banning the operation of “unconstitutional Bosnia and

¹⁹ Симић Кулага, Ведрана (2022): Како су настајали симболи Српске и како су их (с)рушили: Вјечна борба за Дан Републике, име и грб. Глас Српске. <https://www.glassrpske.com/cir/novosti/drustvo/kako-su-nastajali-simboli-srpske-i-kako-su-ih-srusili-vjerna-borba-za-dan-republike-ime-i-grb/392841>

Herzegovina institutions” in the entity (published in the Official Gazette 19/25, Case U-7/25 of the Bosnia and Herzegovina’s Constitutional Court). In both cases, the court ruled in favor of the plaintiff. Nevertheless, the Republika Srpska authorities, acting under a policy of non-recognition of the legitimacy of the Bosnia and Herzegovina’s Constitutional Court and the State Prosecutor’s Office, rejected these rulings.

Thus, the law on symbols remains in force amid the ongoing political and legal standoff. In practice, however, its enforcement could lead to prosecution under Bosnia and Herzegovina law on the grounds of failing to comply with the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina’s decisions, which carries a prison sentence of six months to five years under the Bosnia and Herzegovina’s Criminal Code²⁰. **In other words, the use of the Serbian flag, coat of arms, and anthem becomes a criminal offense.**

The ban on Serbs in the Republika Srpska and the threat of prosecution for using symbols that are primarily tied to their identity effectively opens the door to the gradual displacement of the Serbian population from their historically inhabited territories. A similar scenario has, in fact, unfolded in Kosovo and Metohija with the tacit acquiescence of international bodies. It is unlikely that anything could prevent the same outcome from being realized for Serbs in the Republika Srpska.

²⁰ Krivični Zakon Bosne i Hercegovine, član 239.

CONTINUITY, TRAGEDY, AND STRUGGLE AS SYMBOLS OF BIH SERBS

The war in Bosnia and Herzegovina (1992–1995), known in Republika Srpska as the "Defensive Patriotic War,"²¹ gave the peoples of Bosnia and Herzegovina a chance to create new symbols. These symbols weren't always visual. It's hard to deny that for the Bosniaks, the main symbol, deliberately chosen and later promoted with help from the West, is Srebrenica. Bosniaks and Croats also made active use of visual symbols, like the golden lily and the checkerboard.

Unlike the other two groups, Serbs from Republika Srpska went into battle under broadly recognized, pan-Serbian symbols. That's why the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina's attempt to equate the visual symbols of all three ethnic groups, as if they all equally reflect the war experience, is dubious. In the Serbian case, these are historic state symbols used by Serbs across all regions where they live. In the other cases, the symbols were specifically designed for the war period and, to some extent, even usurped.

That said, this fact doesn't change the reality that, over the past thirty years, the Serbs have not succeeded in finding a symbol that simultaneously reflects their long-standing historical presence in what is now Bosnia and Herzegovina, fosters a sense of unity, and acknowledges the harsh realities of the Bosnian War, during which Serbs, no less than others, also suffered greatly.

The example of the "Target" symbol, created during the 1999 NATO bombing of the Federal Republic of Yugoslavia, shows just how powerful a well-designed symbol can be in preserving historical truth. The concept was the brainchild of Miroslav Radić, who realized that Serbs lacked a simple, instantly recognizable image, something like the peace symbol, that could convey the suffering of innocent people and perhaps shift global public opinion, even slightly, in favor of the so-called "bad guys." Credit also goes to Dušan Kolečnić, a web designer from Boston (USA), the city where the "Target" symbol first appeared on the streets during protests against the NATO bombings²².

The emergence of a similar symbol related to the history of Serbs in Bosnia and Herzegovina doesn't, by itself, resolve the question of using official state symbols in

²¹ Илић, Драгослав и др. (2018): Република Српска у одбрамбено-отаџбинском рату — Историјски преглед. Републички центар за истраживање рата, ратних злочина и тражење несталих лица. Бања Лука.

²² „Target“: Srpski simbol inata koji je pogodio u metu (2024). <https://lat.rt.rs/srbija-i-balkan/81890-nato-agresija-simbol-meta-target/>

everyday life. However, it can play a significant role in overcoming the negative image of Serbs in Bosnia and Herzegovina, which has been shaped by the widespread portrayal of the so-called “Bosniak genocide” in the eyes of the international community.

Moreover, Western decision-makers tend to analyze and evaluate Republika Srpska primarily through the lens of the legacy of the last war in Bosnia and Herzegovina (1992–1995), as is evident from most rulings by the Office of the High Representative. It often seems that, for many of them, Bosnia’s history during the final decade of the 20th century is the only familiar and studied period in the Balkans. This frequently complicates communication.

A Serbian symbol from Bosnia could serve as a bridge in this dialogue, prompting outside observers to take a broader historical view of Bosnia and Herzegovina. In fact, this is exactly how the “Bourbon lily” (fleur-de-lis) from the medieval coat of arms of the Kotromanić dynasty functions. The Bosniaks have appropriated it as a national symbol, overlooking the fact that this emblem was introduced by King Tvrtko I, who ruled under the title “King of the Serbs of Bosnia, the Littoral, and the Hum Land”—meaning the *Serbs of Bosnia, not the Bosnians* or, even less so, the *Bosniaks*.

In 2025, it is not easy to determine whether there is a point (or points) that have the potential to serve as a unifying factor for Serbs in relation to the war in Bosnia and Herzegovina from 1992 to 1995. However, it seems that such a symbol should reflect the **continuity of the Serbs' presence, their suffering, and their struggle for freedom in Bosnia and Herzegovina**. Below, we propose a possible substantive content for such a symbol/narrative/material object

A symbol of the *continuity of presence* is primarily needed to highlight those facts that are well known to the Serbian people but represent a little-known chapter of history for the broader public, which often leads to an oversimplified understanding of the context of intra-Balkan conflicts.

Serbian identity in Bosnia and Herzegovina has deep historical roots. The first modern population census in the territory of today’s Bosnia and Herzegovina confirms this²³. It was conducted by the Austro-Hungarian authorities in 1879, a year after the territory was placed under temporary administration of the empire following the decision of the European great powers at the Berlin Congress on June 13, 1878 (“The Condominium of Bosnia and Herzegovina”). Although the census ignored the national component of the local population, it nevertheless confirmed that the Orthodox “Greco-Eastern” population constituted the majority in Bosnia and Herzegovina (with a relative share of 42.8%)²⁴. The Austro-Hungarian monarchy conducted four population censuses in Bosnia and Herzegovina (in 1879, 1885, 1895, and 1910).

²³ The Census of 1879: Haupt-Ubersicht der politischen Eintheilung von Bosnien und der Herzegovina — Glavni pregled političkoga razdielenja Bosne i Hercegovine. Summarische Uebersicht — Svojni pregled. 4

²⁴ Ibid.

In the 1879 census, this population was called “Greco-Eastern,²⁵” in the 1885 and 1895 censuses — “Eastern Orthodox,²⁶” and in the last census of 1910 — “Serbian Orthodox.²⁷” The constant renaming of the same population is also visible on a micro level through changes in the names of “towns, market towns, or villages.” It is a fact that in the mentioned censuses, dozens of the same places have different ethnonymic suffixes imposed from above, which reflect the *census authorities’ attitude* toward the naming of the Serbian Orthodox population in Bosnia and Herzegovina. One of many examples of this attitude is the village of Kalendarovci in the Dervent district, with designations such as “Vlach” (1879), “Orthodox” (1885–1895), and “Serbian” (1910). The share of the Serbian Orthodox population in 1910 relative to the total population of Bosnia and Herzegovina was 43.4%²⁸. **All censuses conducted in the territory of present-day Bosnia and Herzegovina from 1879 to 1961 clearly confirm the status of the Serbian (Orthodox) population as constituting the majority in Bosnia and Herzegovina²⁹.** During this period, nine censuses were conducted (in 1879, 1885, 1895, 1910, 1921, 1931, 1948, 1953, and 1961) across three different states.

²⁵ Ibid.

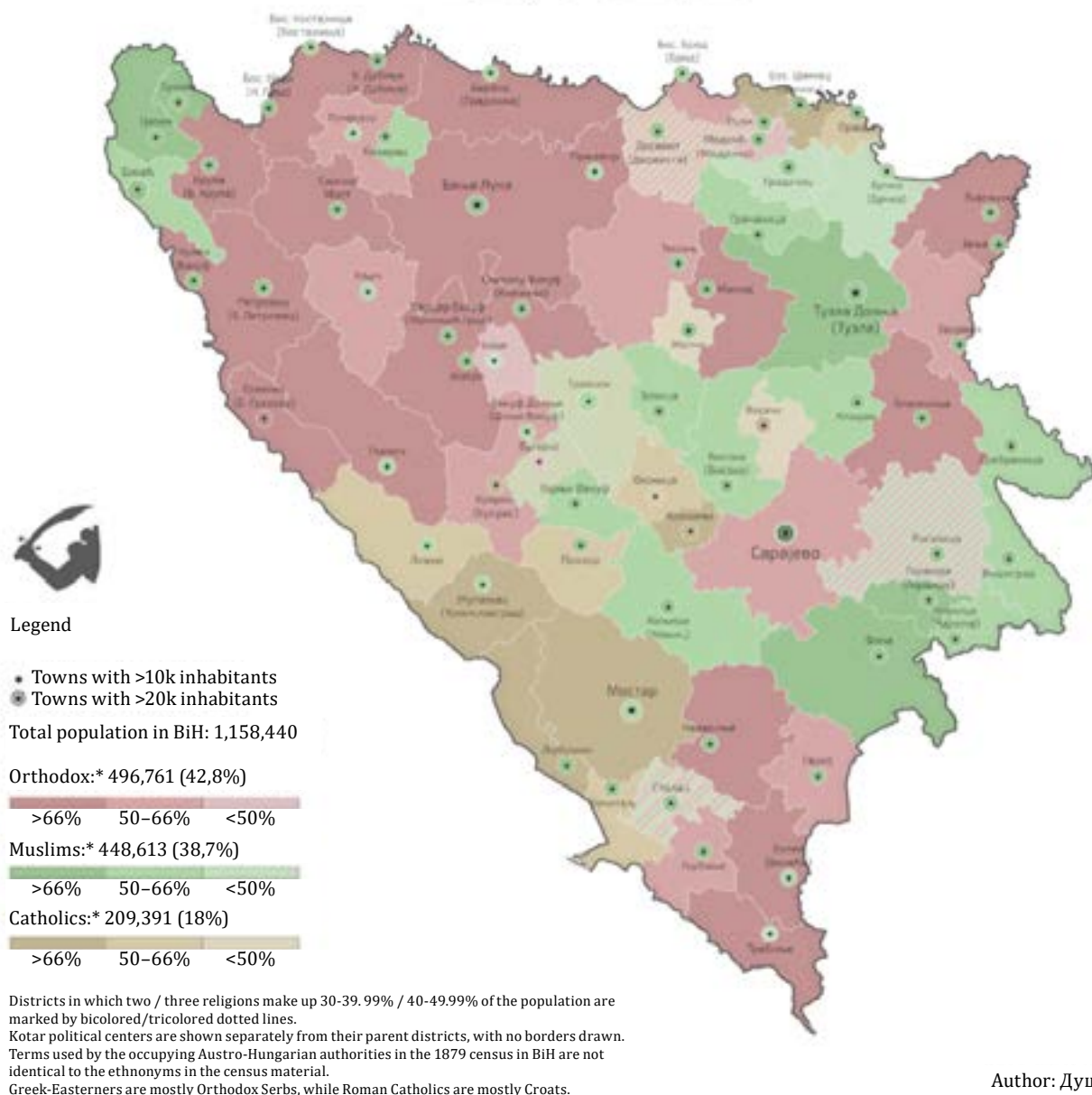
²⁶ The Census of 1885: Ortschaft und Bevöckerungs-Statistik von Bosnien und der Herzegovina nach dem Volkszählungs-Ergebnisse vom I. Mai 1885. Статистика мјеста и житељства Босне и Херцеговине по попису народа од 1. маја 1885. Перепись населения по 1895 году: Hauptresultate der Volkszählung in Bosnien und der Hercegovina vom 22. April 1895. Главни резултати пописа житељства у Босни и Херцеговини од 22. априла 1895. године — XXVI. 34

²⁷ The Census of 1910: Die Ergebnisse der Volkszählung in Bosnien und der Herzegovina vom 10. Oktober 1910 — Табеле — I. Одсјек — сумарни прегледи — I главни преглед — присутно цивилно житељство.

²⁸ Ibid.

²⁹ The Census of 1921: Дефинитивни резултати пописа становништва од 31 јануара 1921 год. — Босна и Херцеговина. 130. По 1931 году: Definitivni rezultati popisa stanovništva od 31 marta 1931 godine, Knjiga II — prisutno stanovništvo po veroispovesti. VI Pregled 1 a) Apsolutni brojevi, VIII-XII). По 1948, 1953, 1961 и 1971 година: Popis stanovništva, domaćinstva i stanova u 1971. godini. Nacionalni sastav stanovništva SFR Jugoslavije. Podaci po opštinama i naseljima. Knjiga II. Stanovništvo prema nacionalnom sastavu 1948, 1953, 1961 i 1971. godine. 11

Religious make-up of Bosnia and Herzegovina according
to the Austro-Hungarian 1879 census

Author: Душан Дачић
Twitter/X: @Duyo96

The first census in which the Serbs lost their status as the largest ethnic group in Bosnia was conducted in the Socialist Republic of Bosnia and Herzegovina in 1971. At that time, the Muslims (with a relative majority of 39.5% of the total population) became the largest ethnic group for the first time since the population censuses began in the territory of present-day Bosnia and Herzegovina³⁰. Additionally, according to the 1974 Constitution of the Socialist Republic of Bosnia and Herzegovina, Muslims, along with Serbs and Croats, were recognized as one of the constituent peoples. “The Socialist Republic of Bosnia and Herzegovina is a socialist democratic state and a socialist self-managing democratic association of workers and citizens, the peoples

³⁰ Ibid.

of Bosnia and Herzegovina — Muslims, Serbs, and Croats, as well as representatives of other peoples and nationalities living in it...”³¹ The status of the Serbian people in Bosnia and Herzegovina was also confirmed by the 1995 Constitution of Bosnia and Herzegovina (Preamble of Annex IV to the General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina)³².

Thus, a symbol embodying the “continuity of the Serbian people’s presence in Bosnia and Herzegovina” is reflected in official statistics and constitutional acts.

A second element of such a symbol could reflect the continuity of the Serbian people’s struggle and suffering in Bosnia and Herzegovina, which is also difficult to dispute. Centuries of Ottoman rule and feudal oppression (Muslim beys over Serbian peasants), which were overthrown as a result of the Herzegovina Uprising of 1875, were replaced in 1878 by Austro-Hungarian occupation. Under the Austrians, feudal relations from the Ottoman era persisted in Bosnia and Herzegovina, gradually being abolished after the adoption of the Land Law in 1910, but in practice never fully disappearing. During various periods of Viennese administration (the condominium, then annexation), different forms of pressure were applied to the population, from bans or strict control over political, cultural, and other public activities, identity construction, to open repression of civilians after the Sarajevo assassination (1914) and during World War I (1914–1918)³³. The darkest chapter in the history of Bosnia and Herzegovina is undoubtedly the terror unleashed by the Croatian Ustaše against non-believers and ethnic others (primarily Serbs) during the existence of the Independent State of Croatia (NDH) from 1941 to 1945. It is no coincidence that Raphael Lemkin (1900–1959), the main initiator of the adoption of the UN Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, who first coined the term “genocide” in his book *Axis Rule in Occupied Europe*, did not hesitate to use this term to describe the extermination of Serbs in the NDH³⁴. The freedom-loving tradition of the Serbian people found its confirmation in their mass participation in the resistance movement within occupied Yugoslavia. The nature of the Serbian Uprising was predominantly a national liberation struggle on the territory of the NDH. In Bosnia and Herzegovina, this was especially noticeable in the Bosnian Krajina region. For example, in the pre-war district of Jajce, according

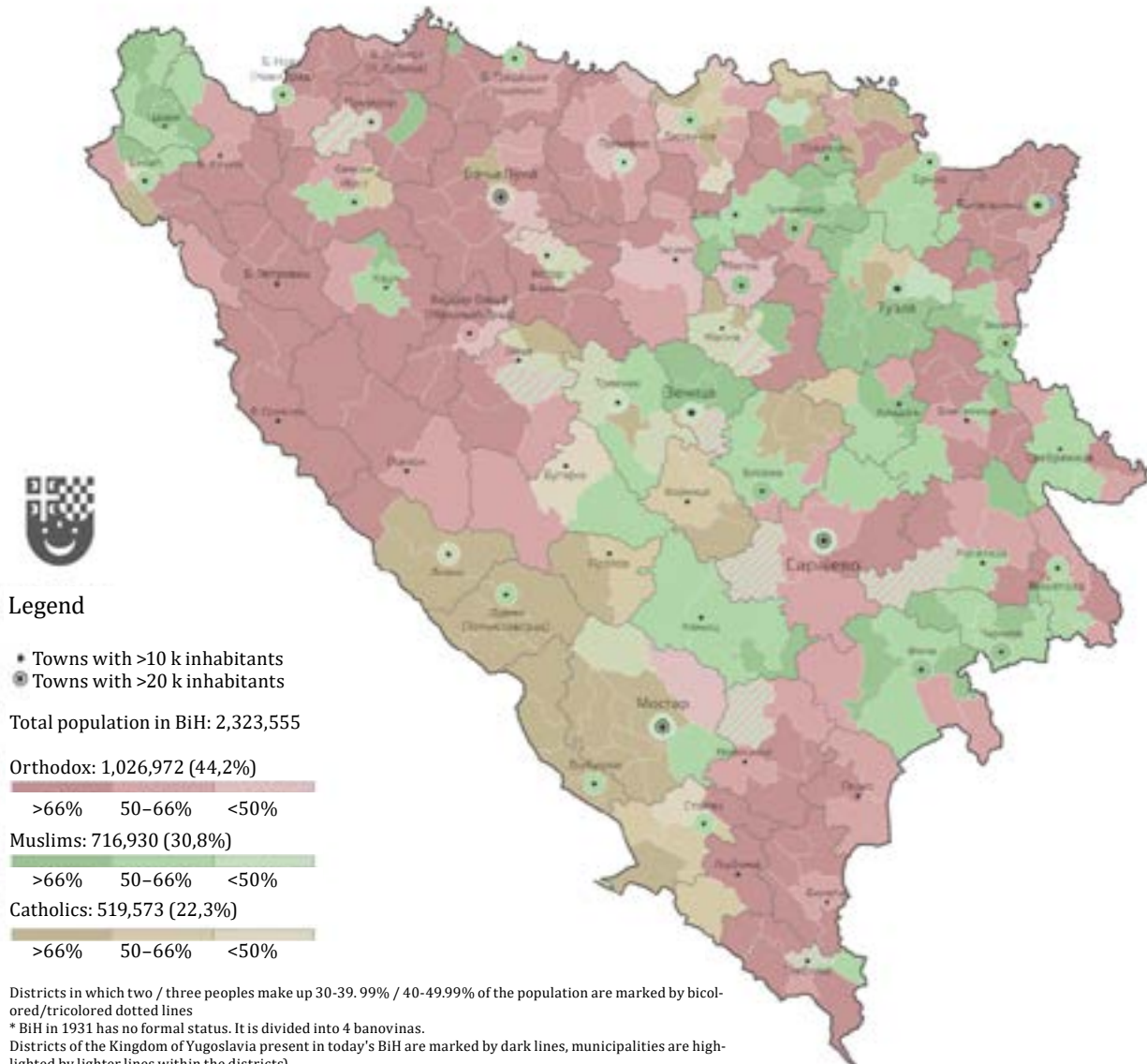
³¹ Ustav Socijalističke Republike Bosne i Hercegovine s Ustavnim amandmanima I-XII i registrom pojmova (1982). Novinsko-izdavačka organizacija Službeni list SRBiH. Sarajevo. 26.

³² Закон о потврђивању Општег оквирног споразума за мир у Босни и Херцеговини (Сл. лист СРЈ — међународни уговори, број 12/2002) http://demo.paragraf.rs/demo/combined/Old/t/t2003_02/t02_0030.htm

³³ For more details see: Kraljačić, Tomislav (1987): *Kalajev režim u Bosni i Hercegovini (1882-1903)*. „Veselin Masleša“ Sarajevo; Ђоровић, Владимир (2015) *Црна књига патње Срба Босне и Херцеговине за време Светског рата 1914-1918*. Прометеј. Нови Сад; Sarajevo 1914: *Sparking the First World War*. By Mark Cornwall. Part III. 13. The inner enemy in wartime: the Habsburg state and the Serb citizens of Bosnia-Herzegovina, 1913-18. By Heiner Grunert

³⁴ *Axis Rule in Occupied Europe; Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress*. By Raphael Lemkin. Washington: Carnegie Endowment for International Peace. 259.

Religious make-up of Bosnia and Herzegovina according
to the Kingdom of Yugoslavia 1931 census

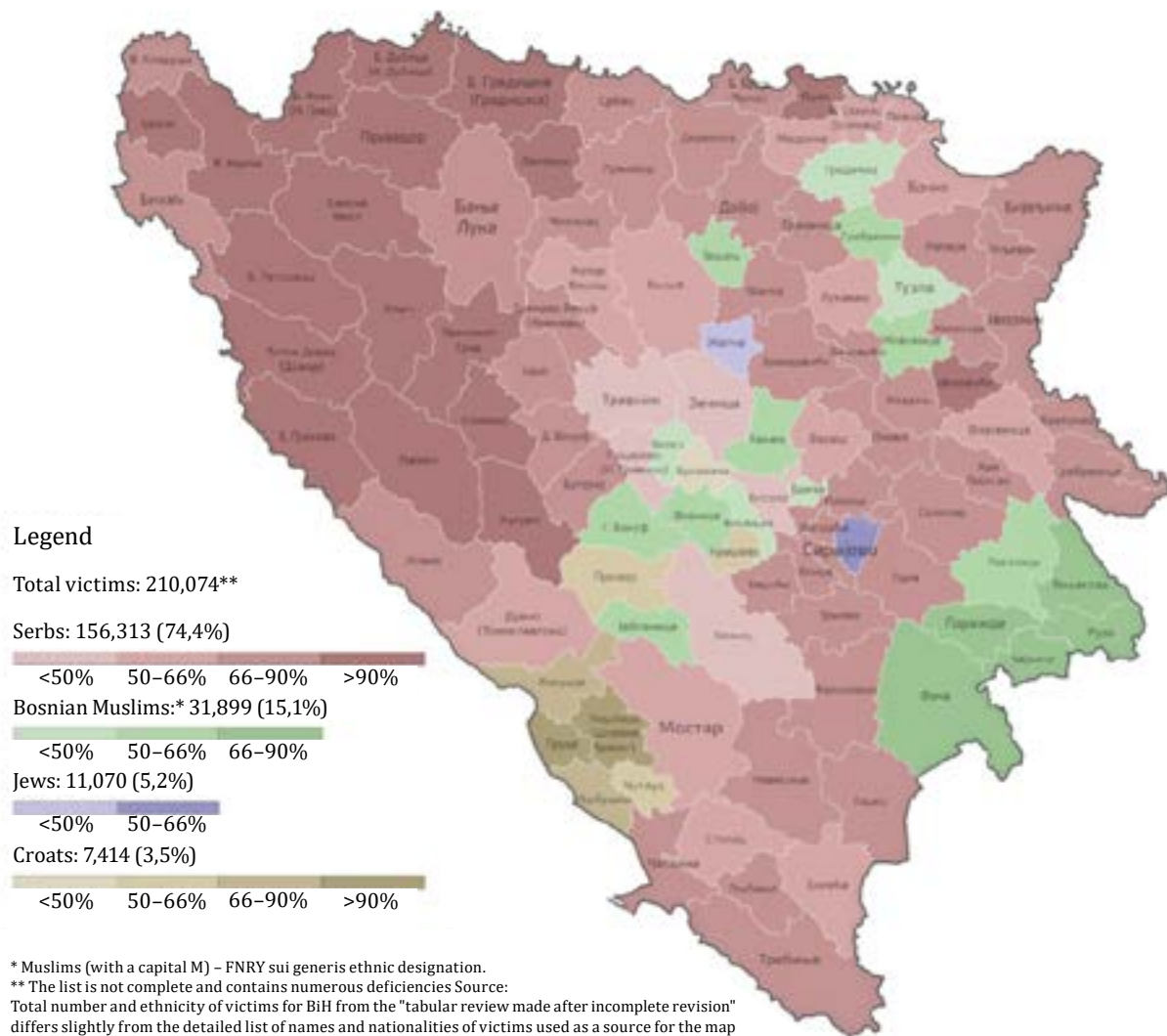

Author: Душан Дачић
Twitter/X: @Duyo96

to the 1931 census, within the boundaries of the post-war municipalities of Donji Vakuf, Jajce, and Šipovo (in the People's Republic/Socialist Republic of Bosnia and Herzegovina), Orthodox Serbs made up 51.7% of the population. During the war year of 1941, all the fallen fighters of the partisan movement from these post-war municipalities were Serbs (113 people).

The period of the Federal People's Republic of Yugoslavia (FNRJ) and the Socialist Federal Republic of Yugoslavia (SFRJ) in Bosnia and Herzegovina was a time of socio-economic progress, but also an era of the ideology of "brotherhood and unity" that disregarded the experience of World War II. As a result, the causes and devastating consequences of the genocide against Serbs in the NDH, which included

Ethnic make-up of identified* Yugoslav WW2
victims from BiH

* Muslims (with a capital M) – FNRY sui generis ethnic designation.

** The list is not complete and contains numerous deficiencies Source:

Total number and ethnicity of victims for BiH from the "tabular review made after incomplete revision" differs slightly from the detailed list of names and nationalities of victims used as a source for the map. Tabular review was compiled after the full review.

Both documents list the victims of war "by census place and by place of residence (pre) before 6 April 1941

***Given the significant deficiencies in Tabular review of other republics of the SFRY in the form of victim ethnicity, when preparing the map a random sample of 10 municipalities was checked (Cazin, Banovići, Vlasenica, Bileća, Bugojno, Čajniče, Gradačac, Teslić, Hadžići, Ključ), i.e. in a sample of 14,588 victims names, 202 (1.38%) probable irregularities in victim ethnicity were found. Note: according to the source, Serbs account for >99% of World War II victims in the municipalities of Drvar and Sipovo

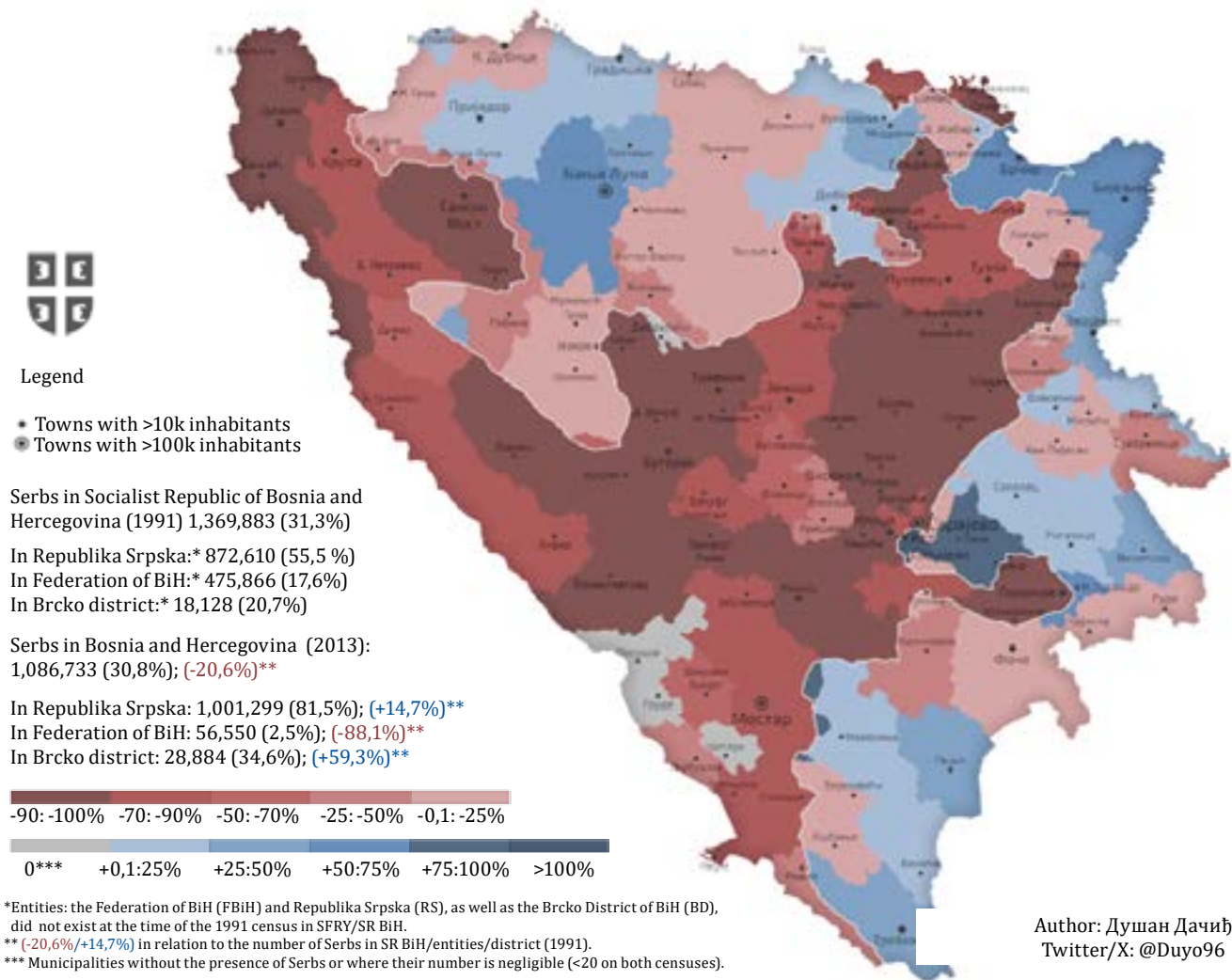
Created according to the administrative division of SR BiH (SFRY) in municipalities 1971

Author: Душан Дачић
Twitter/X: @Duyo96

the territory of present-day Bosnia and Herzegovina, were concealed. The political relations between the peoples of Bosnia and Herzegovina, the changed demographic landscape of society, the suppression of the trauma of old enmities from the World War II era, economic stagnation, and the political problems accumulated in the 1980s and 1990s paved the way for the armed conflict in Bosnia and Herzegovina, which brought new and widely documented suffering to the Serbian people³⁵. The most important event in this regard is the Serbian exodus from Sarajevo.

³⁵ For more details see: Жртве одбрамбено-отаџбинског рата (2019). Републички центар за истраживање рата, ратних злочина и тражење несталих лица. Бања Лука. <https://www.rcirz.org/?r3d=zrtve-odbrabeno-otabinskog-rata> ; Атлас злочина над Србима током Одбрамбено-отаџбинског рата (2022). Републички Центар за истраживање рата, ратних злочина и тражење несталих лица. Бања Лука. Атлас злочина — Републички центар за истраживање рата, ратних злочина и тражење несталих лица

Percentage change in the number of Serbs in BiH by municipalities / entities between the 1991 and 2013 censuses

The exodus of Sarajevo Serbs was a multi-year process. In the territory of pre-war Sarajevo, which today is part of the Federation of Bosnia and Herzegovina, namely, the Sarajevo Canton and the municipality of Pale-Prača in the Bosnian-Podrinje Canton of Goražde, the number of Serbs had decreased by 121,158 people by 2013 (since the 1991 census of the SFRY)³⁶. They did not include people who identified themselves as Yugoslavs, many of whom were of Serbian or mixed origin, nor Serbs who fled to Sarajevo from war-affected areas of the SFRY in 1991–early 1992. In the territory of pre-war City of Sarajevo, which today lies within two cantons of the Federation of BiH, according to the 1991 census, there were 134,453 Serbs living there, while in the same territories, according to the 2013 census, there were 13,300. This means their number decreased by 90.1%³⁷. The human and material capital dispersed after this exodus, both within and beyond Bosnia and Herzegovina and the Republika Srpska, has had a long-term impact not only on the appearance

³⁶ <http://www.statistika.ba/>

³⁷ Ibid.

of the Bosnia and Herzegovina's capital but also on the Serbian people, especially in Republika Srpska.

Percentage change in the number of Serbs on the territory of former (pre-war) City of Sarajevo* between the 1991 and 2013 censuses.

Legend

○ Municipal centers

Serbs: 50,003 (12,9%);* -97,220 (-51,8%)*

In FBiH part:* 13,300 (3,2%);

-121,158 (-90,1%)*

In City of Sarajevo:** 10,422 (3,7%);

-75,677 (-87,9%)*

In RS part:* 46,703 (94,3%);

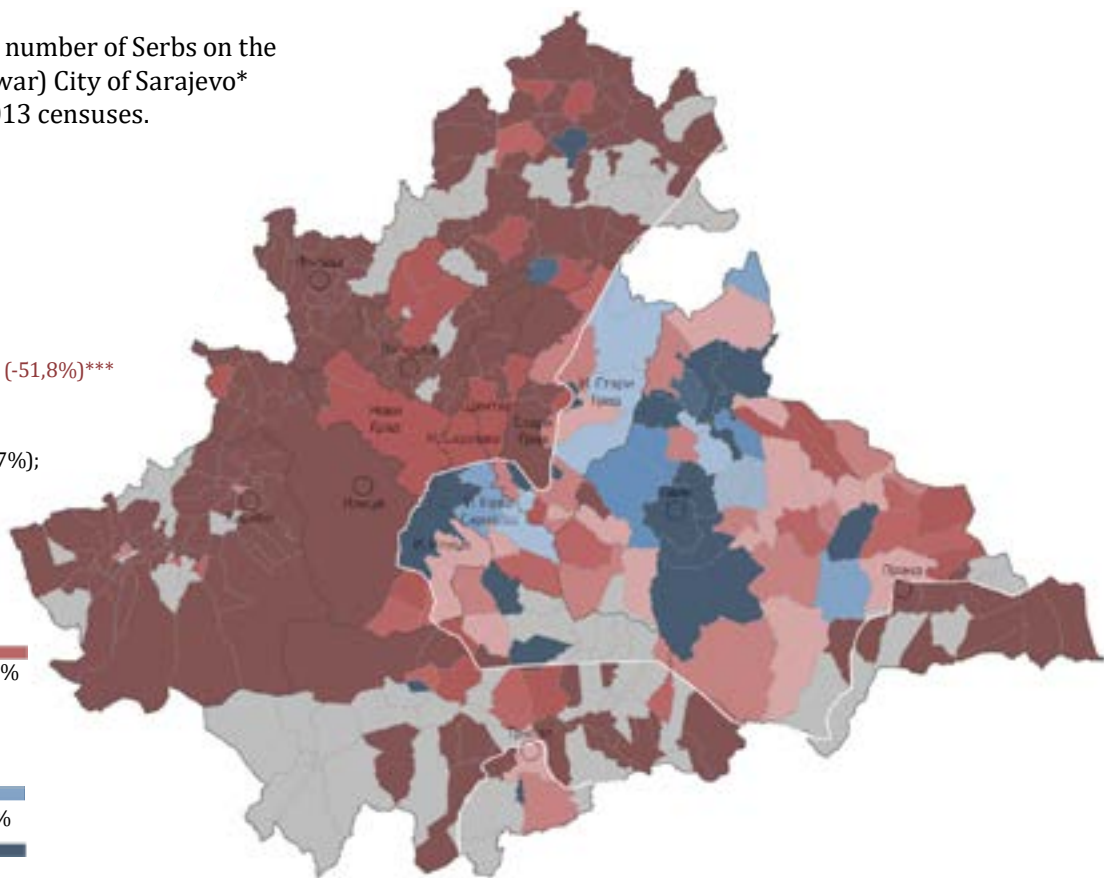
+23,938 (+105,1%)*

-90:-100% -70:-90% -50:-70%

-25:-50% -0,1:-25%

0 +0,1:25% +25:50%

+50:75% +75:100% >100%

* Today the pre-war city of Sarajevo (1991) is divided between Republika Srpska (the city of East Sarajevo) and the Federation of BiH (Sarajevo Canton and the Bosnian-Podrinje canton of Gorazde). On the map they are marked with a white entity line.

** City of Sarajevo according to the territorial organization of 1996 is a community of municipalities: Novi Grad Sarajevo, Novo Sarajevo, Centar and Stari Grad.

*** (-61,8%/+105,1%): in relation to the number of Serbs in the same territory according to the 1991 census in SR BiH (SFRY)

Author: Душан Дачић
Twitter/X: @Duyoy96

Nevertheless, it cannot be said that the exodus of Serbs from Sarajevo is sufficiently recognized as a point of collective trauma for the Serbian people (in BiH), despite the fact that this event contains elements indicative of this phenomenon.

The engines roared to life, the plane accelerated to its maximum speed, and, flying low over enemy positions, took a course north. The captain promised those remaining that he would return and leave no one behind at the airfield, but they still scrambled after the "Kikaš" down the runway. A flight that normally lasted thirty-five minutes was completed in twelve. It was Bob's strangest flight! People, packed like herrings in the Boeing, lay down, sat, and crouched, while some stood leaning against the sides, and four people crowded into the toilets. This was a flight without an air corridor or flight number, without coffee, tea, or juice, without announcements about the weather or arrival time. They dropped off the unfortunate

at the military airfield in Batajnica and, without shutting down the engines, immediately returned to Sarajevo for another batch of frantic refugees. Bob felt like he was trying to save and evacuate from his hometown everything that could fit into the plane. After evacuating the unfortunate residents, they would return for the green hills, the river, and the most beloved corners of Sarajevo—maybe the Kopelman's clock tower or one of the most cherished bridges...

...Below, in the crater, flickering with sulfur fumes, a newly awakened beast roared loudly and deeply, digesting today's swallowed victims. Bob thought he heard the grinding of its black teeth and that even up here, in the sky, its deadly, greasy stench penetrated. At exactly ten in the evening, Bob returned from his last flight to Sarajevo.

Moma Kapor, Last Flight to Sarajevo: The Sarajevo Trilogy

The symbol of Serbs in BiH should stand against political marginalization, the understatement of aforementioned facts, and the belittlement of Serbian role on these territory. In the history of Bosnia and Herzegovina, there are examples of how precisely those aspects of Serbian identity that this symbol should carry were abolished in this territory. Following the example of Nazi Germany, the discriminatory legislative acts of the Independent State of Croatia (NDH) during World War II (1941–1945) officially denied Serbian identity in the territory of Bosnia and Herzegovina. The aim of this policy was to carry out genocide (Legislative Act on Conversion from One Faith to Another, 1941; Legislative Act on the Prohibition of Cyrillic, 1941)³⁸. We are witnesses to daily attempts to devalue these facts. Often, the goal is to abolish Serbian national identity, either partially or entirely. Terms like “Bosnian Orthodox” (bosanski pravoslavci), “Vlachs” (Vlasi), or more recently “genocide deniers” (Genocidaši) frequently appear in everyday information spaces, even among politicians respected within certain circles³⁹.

Such attitudes are also reflected in systematic attempts to avoid pronouncing or writing the name of the entity “Republika Srpska.” Instead, exclusive terms like “the smaller entity of BiH” or

³⁸ Један од извора у којем су представљени ови прописи је: Mataić, A. (ur.) (1941): Nezavisna država Hrvatska. Zakoni, zakonske odredbe i t.d. proglašene od 11. travnja do 26. svibnja 1941. Knjiga I (svezak 1-10). St. Kugli. Zagreb.

³⁹ <https://x.com/dijalekticar/status/1949092483201114589> и <https://radiosarajevo.ba/metromahala/ja-mislilim/dragan-bursac-kako-su-vlasi-prvo-postali-bosanski-pravoslavci-pa-onda-srbi/587854>

noticeable abbreviations like “RS” are used, which are then very often distorted further into lowercase “pc” (“Pc”), all lowercase letters (“pc”), and meaningless pronunciations of the abbreviation as “Er-es.”

At the same time, in the Preamble to the 1995 Constitution of Bosnia and Herzegovina, Bosniaks, Serbs, and Croats are recognized as the constituent peoples of Bosnia and Herzegovina. This *constitutive status is not limited to the boundaries of the entities*. Despite the fact that Serbs make up only 2.5% of the Federation of Bosnia and Herzegovina according to the 2013 census⁴⁰, they are not only a people in the Republika Srpska but also a constituent people of the Federation of Bosnia and Herzegovina according to the 1994 Constitution of the Federation of Bosnia and Herzegovina⁴¹. For the symbol of the continuity of the presence and suffering of the Serbian people in Bosnia and Herzegovina, this fact is important because it goes beyond the existing territorial boundaries (entity borders). It is not tied to the borders of Republika Srpska; it transcends them. The Serbian Republic of Bosnia and Herzegovina, later Republika Srpska, as a necessary act of expressing the statehood of the Serbs in Bosnia and Herzegovina, is legitimate and internationally recognized by the Dayton Peace Agreement of 1995 within the territorial and constitutional boundaries of Bosnia and Herzegovina (Article 1, part 3 of the Constitution of Bosnia and Herzegovina, i.e., Annex IV of the General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina)⁴².

Thus, it seems extremely important to us not only to visually reflect the continuity of the presence, suffering, and struggle of the Serbian people as an equal and historically rooted people of Bosnia and Herzegovina, but also by all possible means to create an understanding of this in the collective memory of both the Serbian

⁴⁰ <http://www.statistika.ba/>

⁴¹ <https://www.paragraf.ba/propisi/fbih/ustav-federacije-bosne-i-hercegovine.html>

⁴² Закон о потврђивању Општег оквирног споразума за мир у Босни и Херцеговини (Сл. лист СРЈ — међународни уговори, број 12/2002) http://demo.paragraf.rs/demo/combined/Old/t/t2003_02/t02_0030.htm

people and the global community. Here, we should note that Bosniak propaganda has been more than successful in this regard, promoting the events in Srebrenica, which they call “genocide,” not only as a universal symbol unquestioningly accepted within the Muslim-Croat entity but also as an international precedent recognized by the UN General Assembly in May 2024. It should be noted that the production center “Deblokada” of Jasmila Žbanić played a significant role in the adoption of the General Assembly resolution on the “genocide” in Srebrenica.

In our view, the event most closely resembling such a Bosniak symbol is the *exodus of Serbs* from Sarajevo before, during, and immediately after the War in Bosnia and Herzegovina (1992–1995). Serbs most frequently left the urban area (city center) of Sarajevo, which was under the control of the Army of the Republic of Bosnia and Herzegovina (ARBiH) and the Croatian Defence Council (HVO), already in the early (pre-)war months of 1992⁴³. The second wave of the mass exodus from the city occurred in late 1995 to early 1996, mainly from the rural areas of the Sarajevo municipal unit, which were under the control of the Army of the Republika Srpska (VRS) and, according to the Dayton Agreement, were transferred to the Federation of Bosnia and Herzegovina. This refers to those territories of pre-war Sarajevo that were most often not part of the city center, that is, smaller or larger parts of the municipalities of Novo Sarajevo, Ilidža, Hadžići, Trnovo, Vogošća, and Ilijaš. Therefore, contrary to the common belief, the Serbs did not leave the city “by order.”⁴⁴. They left the territory of the Sarajevo municipality synchronously with the peaks (culminations) in the two aforementioned periods.

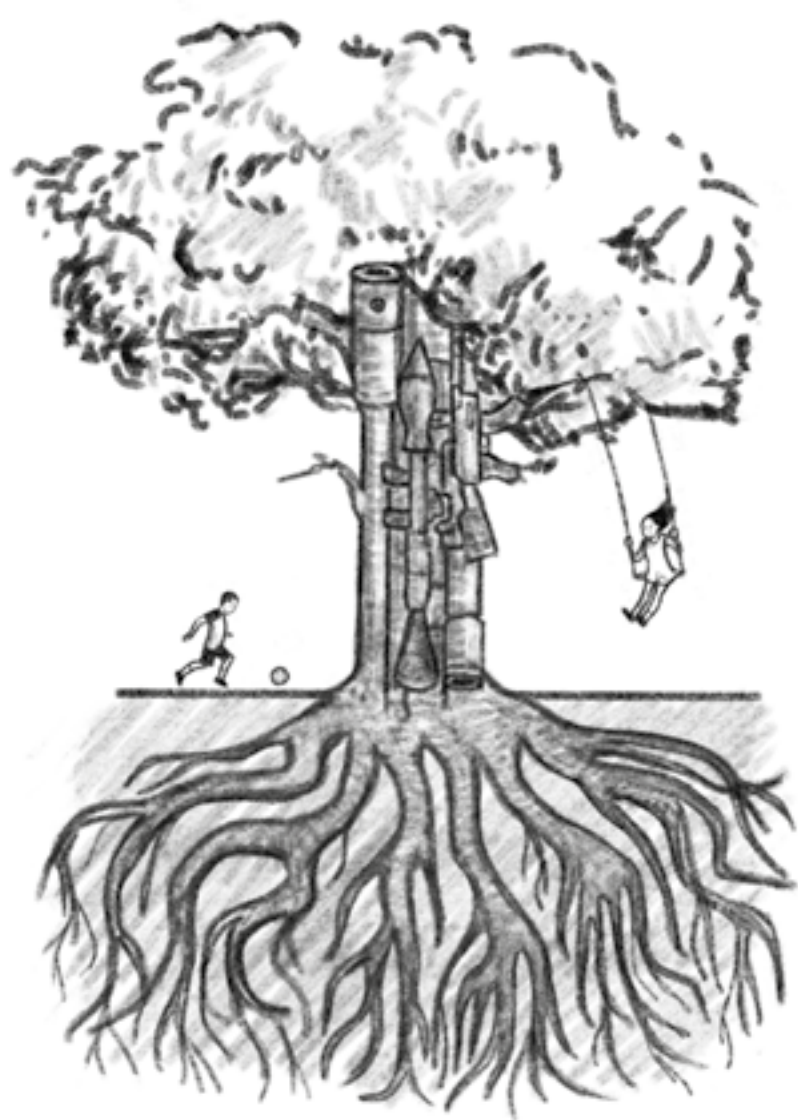
So Bob was left without both a father and a family tree. It had cast him off its branches. The ancestral home was looted, and Muslim refugees from Eastern Bosnia settled there. He sent several letters to his former address, pleading with the new unknown residents to preserve the family tree, while letting them keep the house and all its furnishings forever; however, no one replied. Who knows what happened to the huge branched tree painted on the wall? Most likely, it was also used for firewood. Despots are accustomed to disappearing in flames. And so their gnarled roots burned away.

Moma Kapor, Last Flight to Sarajevo: The Sarajevo Trilogy

⁴³ Brock, Peter (2005): Media cleansing : dirty reporting : journalism and tragedy in Yugoslavia. GM Books. Los Angeles. P. 286.

⁴⁴ <https://www.klix.ba/vijesti/bih/kulanic-bosanski-srbi-su-sarajevo-napustili-zbog-direktne-naredbe-karadzica-i-krajisnika/230701020> и <https://www.frontal.ba/blogovi/blog/61978/oko-157.000-srba-saraeva-su-veinom-pod-prisilom-proterani-iz-saraeva-od-1992.-godine-do-danas>

The exodus and the founding of a new town made up of huts on a clearing near the military barracks in Lukavica are nothing less than a symbol of the continuous presence of Serbs, their suffering, and their struggle. Creating a symbol that reflects this reality is the only objective way towards establishing a normal interethnic dialogue within the country. And it is precisely this practice that should underlie the future international engagement regarding Bosnia and Herzegovina.

Annex: The List of High Representatives' Decisions Published on the OHR Website Since December, 1997

Date	High Representative	HR's decision
Security		
19.02.1999	Carlos Westendorp	Decision on the interpretation of Article V.5a of Annex 4 of the GFAP in respect of civilian command over armed forces (vested in BiH)
10.03.1999	Carlos Westendorp	Decision on Minority Police Recruitment and IPTF Selection Procedures
23.05.2005	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Amendments to the Law on Police Officials of Bosnia and Herzegovina
23.12.2004	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Amendments to the Law on the State Investigation and Protection Agency
11.05.2004	Paddy Ashdown	Decision Amending the High Representative Decision Extending The Mandate Of the Defense Reform Commission (as in Official Gazette of Bosnia and Herzegovina No. 4/04
09.09.2005	Paddy Ashdown	Decision On Appointment of the Assistant Director for the Criminal Investigative Department of the State Investigation and Protection Agency
22.06.2004	Paddy Ashdown	Decision Appointing (Kalman Kocsis) a Supervisor for Intelligence Reform
09.09.2005	Paddy Ashdown	Decision On Appointment of the Assistant Director for the Internal Control Department of the State Investigation and Protection Agency
09.09.2005	Paddy Ashdown	Decision On Appointment of the Assistant Director for the Criminal Investigative Department of the State Investigation and Protection Agency
08.06.2005	Paddy Ashdown	Decision on Appointment of (Sredoje Nović) the Director of the State Investigation and Protection Agency
04.05.2004	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Amendments to the Law on Police Officials of Bosnia and Herzegovina
17.12.2004	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Amendments to the Law on Police Officials of Bosnia and Herzegovina
17.12.2003	Paddy Ashdown	Decision proposing the Law on the Intelligence and Security Agency of Bosnia and Herzegovina to the Parliamentary Assembly of Bosnia and Herzegovina
04.02.2004	Paddy Ashdown	Decision Extending the Mandate of the Defense Reform Commission
31.12.2004	Paddy Ashdown	Decision Extending the Mandate of the Defense Reform Commission
17.12.2004	Paddy Ashdown	Decision Extending the Mandate of the Observer for Intelligence Reform in Bosnia and Herzegovina
04.07.2005	Paddy Ashdown	Decision Extending the Mandate of the Observer for Intelligence Reform in Bosnia and Herzegovina
02.04.2003	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Amendments to the Law on the Army of the Republika Srpska
02.04.2003	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Amendments to the Law on the Army of the Republika Srpska
02.04.2003	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Amendments to the Law on Defense of the Federation of Bosnia and Herzegovina
02.04.2003	Paddy Ashdown	Decision Enacting Amendments to the Constitution of the Federation of Bosnia and Herzegovina (Defense)
09.05.2003	Paddy Ashdown	Decision on the Establishment of the Defense Reform Commission
05.07.2004	Paddy Ashdown	Decision Establishing the Police Restructuring Commission
30.05.2003	Paddy Ashdown	Decision Establishing the Expert Commission on Intelligence Reform
Meddling in the work of public institutions of state/Entity		
15.04.1999	Carlos Westendorp	Decision Ordering a Session of the Presidency of Bosnia and Herzegovina after a Long Break
30.07.1999	Carlos Westendorp	Decision on Non-Implementation of Annex 7 of the Dayton Agreement by the Authorities of Bosnia and Herzegovina, the Federation of Bosnia and Herzegovina, and Republika Srpska

23.03.2007	Christian Schwarz-Schilling	Decision Nullifying and Voiding the Decision of the House of Representatives of the Parliament of the Federation of Bosnia and Herzegovina on Confirmation of the Decision on Appointment of the Prime Minister/President, the Deputy Prime Ministers and the Ministers in the Government of the Federation of Bosnia and Herzegovina
29.05.2007	Christian Schwarz-Schilling	Decision Suspending all Disbursement of Budgetary Itemisations for Party Funding to the HDZ BiH, the SDA, the HDZ 1990 – HZ and the SBiH from the Budget of Bosnia and Herzegovina, the Budget of the Federation of Bosnia and Herzegovina, and the Budget of the Herzegovina-Neretva Canton, and Reducing Party Funding to the HDZ BiH, the SDA, the HDZ 1990 – HZ and the SBiH from the Budget of the Herzegovina-Neretva Canton
07.06.2007	Christian Schwarz-Schilling	Decision Suspending all Disbursement of Budgetary Itemisations for Party Funding to the HDZ BiH, the SDA, the HDZ 1990 – HZ and the SBiH from the Budget of Bosnia and Herzegovina, the Budget of the Federation of Bosnia and Herzegovina, and the Budget of the Herzegovina-Neretva Canton
30.10.2009	Valentin Inzko	Decision Repealing the Conclusion of the City Council of the City of Mostar No. 01-02-10/09 of 29 January 2009 and Ordering Election of the City Mayor of the City of Mostar to be Held
02.09.2010	Valentin Inzko	Decision Nullifying and Voiding the Decision of the Assembly of the Western-Herzegovina Canton No. 01-02-10/10 of 27 August 2010 and Ordering the Election of the Government of the Western-Herzegovina Canton to be Held
27.04.2023	Christian Schmidt	Decision on Unblocking the Appointment of the Government of the Federation of Bosnia and Herzegovina
Restrictive measures against Republika Srpska		
01.10.1999	Wolfgang Petritsch	Decision Annuling Five RS Laws Concerning State-Level Competencies, Which Were Passed in Violation of the BiH Constitution
16.11.1999	Wolfgang Petritsch	Decision on the annulment of the conclusion of the National Assembly of the Republika Srpska on the ban of evictions from apartments during the winter period, which contradicted the package of decisions of the High Representative's Administration dated 27 October 1999
12.01.2000	Wolfgang Petritsch	Decision establishing clear authority for implementation of CRPC Decisions within the RS Ministry for Refugees and Displaced Persons
30.08.2000	Wolfgang Petritsch	Decision annulling the RS Law on Return of Confiscated Property and Compensation
30.08.2000	Wolfgang Petritsch	Decision annulling the RS Law on Return of Confiscated Property and Compensation
30.08.2000	Wolfgang Petritsch	Decision Annuling the RS Law on the Return of Expropriated Lands
28.03.2002	Wolfgang Petritsch	Decision on Amendments to the RS Law on Political Organizations
16.09.2002	Paddy Ashdown	Decision on the annulment of the appointment of two judges from the Republika Srpska to the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision Blocking All Bank Accounts Held by and/or in the Name of the SDS and Requiring the SDS to Establish One Bank Account. Funding for the Serbian Democratic Party (SDS) from the 2004 budget has been suspended. The funds have been redistributed as follows: one-third to the State Investigation and Protection Agency (SIPA), one-third to the War Crimes Chamber of the BiH Court, and one-third to the BiH Election Commission.
22.09.2005	Paddy Ashdown	Decision Blocking All Bank Accounts Held by and/or in the Name of the SDS and Requiring the SDS to Establish One Bank Account
22.09.2005	Paddy Ashdown	Decision Ordering SDS Doboj to Submit Monthly Reports on All Financial Transactions
22.09.2005	Paddy Ashdown	Obligation of SDS Doboj to return donations received from individuals accused of committing crimes
28.10.2005	Paddy Ashdown	Directive Superseding the High Representative's Directive Reallocating Budgetary Itemisations Intended to Fund the SDS, no. 220/04 of 30 June 2004, Annulment of the decision to suspend all budgetary allocations for SDS party financing and to block SDS bank accounts; linking SDS funding to the surrender of Radovan Karadžić to the ICTY
14.09.2007	Miroslav Lajčák	Decision Withdrawing the Authentic Interpretation of Article 3 of the Law on Transfer of Social Property into State Property of Republika Srpska dated July 18, 2007

20.06.2009	Valentin Inzko	Decision Repealing the Conclusions of the Republika Srpska National Assembly No. 01-787/09 and No. 01-788/09 Adopted on 14 May 2009 (distribution of powers between the state and Entities)
01.07.2023	Christian Schmidt	Decision Preventing the Entry into Force of the Law on Amendments to the Law on Publication of Laws and Other Regulations of Republika Srpska. Prohibition on the implementation of the Republika Srpska National Assembly decisions of June 21, 2023, which provided that the decisions of the High Representative are not required to be published in the «Official Gazette of RS
01.07.2023	Christian Schmidt	Decision Preventing the Entry into Force of the Law on Non-application of Decisions of the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina
02.01.2025	Christian Schmidt	Order Declaring that the Conclusions of the Republika Srpska National Assembly No. 02/1-021-1562/24, No. 02/1-021-1563/24, and No. 02/1-021-1564/24 Adopted at Its 16th Special Session Held on 24 and 25 December 2024 Violate Republika Srpska's Obligations and Commitments under Annex 4 and Annex 10 to the General Framework Agreement for Peace in Bosnia and Herzegovina and Prohibiting Their Implementation
24.04.2025	Christian Schmidt	Decision Suspending All Disbursements of Budgetary Funds for Party Funding to Savez Nezavisnih Socijaldemokrata (SNSD) and Ujedinjena Srpska
Public property		
21.03.2005	Paddy Ashdown	Decision Amending the Decision on the Establishment of the Commission for State Property of Bosnia and Herzegovina
21.03.2005	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on the Temporary Prohibition of Disposal of State Property of Bosnia and Herzegovina, FBiH and RS
18.03.2006	Christian Schwarz-Schilling	Decision Amending the Law on the Temporary Prohibition of Disposal of State Property of the Federation of Bosnia and Herzegovina, FBiH and RS
29.09.2006	Christian Schwarz-Schilling	Extension of Law on the Temporary Prohibition of Disposal of State Property of Bosnia and Herzegovina, FBiH and RS
31.05.2007	Christian Schwarz-Schilling	Extension of Law on the Temporary Prohibition of Disposal of State Property of Bosnia and Herzegovina, FBiH and RS
28.09.2007	Miroslav Lajčák	Extension of Law on the Temporary Prohibition of Disposal of State Property of Bosnia and Herzegovina, FBiH and RS
19.12.2007	Miroslav Lajčák	Extension of Law on the Temporary Prohibition of Disposal of State Property of Bosnia and Herzegovina, FBiH and RS
25.06.2008	Miroslav Lajčák	Extension of Law on the Temporary Prohibition of Disposal of State Property of Bosnia and Herzegovina, FBiH and RS
12.09.2009	Valentin Inzko	Создание при АВП рабочей группы для инвентаризации государственного имущества
05.01.2011	Valentin Inzko	Decision Suspending the Republika Srpska Law on the Status of State Property in the Territory of Republika Srpska under Prohibition of Disposal, September 14, 2010
12.04.2022	Christian Schmidt	Decision Suspending the Application of the Republika Srpska Law on Immovable Property Used for the Functioning of Public Authority, until the final decision of the Constitutional Court of BiH on its compliance with the Constitution
12.04.2022	Christian Schmidt	Amendments to the Law on the Temporary Prohibition of Disposal of State Property
27.02.2023	Christian Schmidt	Suspension of the Republika Srpska Law on Immovable Property dated December 28, 2022
Elections		
01.08.1998	Carlos Westendorp	Formation of an international supervisory body to develop fair electoral standards that eliminate manipulation based on ethnicity. An independent expert commission has been established to draft the law.
28.03.2002	Wolfgang Petritsch	Decision to amend the BiH Election Law (if a potential candidate has previously been removed from office by the High Representative's Administration, they may not run for office)
03.04.2002	Wolfgang Petritsch	Decision on the Organization of Municipal Elections in the Municipality of Žepče

18.04.2002	Wolfgang Petritsch	Amendments to the BiH Election Law by shortening the election announcement period from 170 to 169 days
19.04.2002	Wolfgang Petritsch	Decision to amend the BiH Election Law in accordance with the new constitutions of the Entities
08.07.2002	Paddy Ashdown	Decision on the number of councilors in the municipal assembly of Žepče for the 2002 municipal elections in Žepče
28.01.2004	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Amendments to the Election Law of Bosnia and Herzegovina
04.04.2005	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Amendments to the Election Law of Bosnia and Herzegovina
27.01.2006	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Amendments to the Election Law of Bosnia and Herzegovina
28.03.2011	Valentin Inzko	Suspension of the CEC decisions of March 24, 2011, to ensure constitutional stability until the final decision of the High Representative (political crisis in the Federation of BiH)
07.06.2022	Christian Schmidt	Decision Enacting the Law on Amendments to the Election Law of Bosnia and Herzegovina
07.06.2022	Christian Schmidt	Allocation of budgetary funds for the 2022 elections
27.07.2022	Christian Schmidt	Decision Enacting the Law on Amendments to the Election Law of Bosnia and Herzegovina
02.10.2022	Christian Schmidt	Decision Enacting the Law on Amendments to the Election Law of Bosnia and Herzegovina
26.03.2024	Christian Schmidt	Amendments to the BiH Election Law (in particular: a person convicted of genocide, crimes against humanity, or war crimes may not stand as a candidate in elections)
Border		
13.01.2000	Wolfgang Petritsch	Decision imposing the Law on State Border Service
12.11.2000	Wolfgang Petritsch	Decision Establishing the BiH Law on Accreditation, Introducing EU Standards
12.11.2000	Wolfgang Petritsch	Decision establishing the BiH Institute for Accreditation
12.11.2000	Wolfgang Petritsch	Decision imposing the BiH Law on Measuring Units, introducing EU standards
12.11.2000	Wolfgang Petritsch	Decision imposing the BiH Law on Metrology, introducing EU standards
12.11.2000	Wolfgang Petritsch	Decision on the Law on Standardisation of Bosnia and Herzegovina
12.12.2000	Wolfgang Petritsch	Decision Enacting the Law on Amendments to the Law on Travel Documents of Bosnia and Herzegovina
05.02.2001	Wolfgang Petritsch	Decision which ties both the Republika Srpska and the Federation of BiH into final and binding arbitration on the Inter-Entity Boundary Line in the Sarajevo suburbs of Dobrinja I and IV
30.11.2001	Wolfgang Petritsch	Decision declaring the 6 October 2000 Žepče decision final and binding, thereby enforcing the new boundary lines.
09.09.2005	Paddy Ashdown	Appointment of the Director and Deputy Director of the State Border Service.
09.07.2007	Miroslav Lajčák	Amendments to the Law on Movement and Stay of Foreigners and Granting of Asylum
09.07.2007	Miroslav Lajčák	Amendments to the Law on Travel Documents of Bosnia and Herzegovina (the possibility of confiscating a travel document from its holder)
09.07.2007	Miroslav Lajčák	Amendments to the Law on Identity Cards of Citizens of Bosnia and Herzegovina (the possibility of imposing a ban on their use for crossing the border)
10.07.2007	Miroslav Lajčák	Order Seizing Travel Documents of Persons Who Obstruct or Threaten to Obstruct the Peace Implementation Process
09.01.2008	Miroslav Lajčák	Order Seizing Travel Documents of Persons Who Obstruct or Threaten to Obstruct the Peace Implementation Process
30.05.2008	Miroslav Lajčák	Order Seizing Travel Documents of Persons Who Obstruct or Threaten to Obstruct the Peace Implementation Process
EU		
Amendments to the constitutions of entities		
19.04.2002	Wolfgang Petritsch	Amendments to the Constitution of RS (introduction of three languages and representation of three peoples in the system of power in RS)

19.04.2002	Wolfgang Petritsch	Amendments to the Constitution of FBiH (introduction of three languages and representation of three peoples in the system of power in the FBiH; introduction of the system of «vital interests of the people»)
07.10.2002	Paddy Ashdown	Amendments to the Constitution of FBiH (immunity for deputies)
07.10.2002	Paddy Ashdown	Amendments to the Constitution of RS (immunity for deputies)
07.10.2002	Paddy Ashdown	Amendments to the Constitution of FBiH (introduction of the positions of two deputy prime ministers and two vice presidents)
02.04.2003	Paddy Ashdown	Amendments to the Constitution of RS
02.10.2022	Christian Schmidt	Amendments to the Constitution of FbiH
Appointment of officials		
14.01.2004	Paddy Ashdown	Appointment of Joly Dixon as the first Chairman of the Governing Board of the Indirect Tax Authority of BiH
05.07.2006	Christian Schwarz-Schilling	Appointment of Peter Nicoll as Chairman of the Governing Board of the Indirect Tax Authority of BiH
08.06.2004	Paddy Ashdown	Appointment of Tony Robinson as Provisional Administrator of Privredna Banka a.d. Srpsko Sarajevo
04.06.2004	Paddy Ashdown	Appointment of members and advisers to the Supreme Judicial and Prosecutorial Council of BiH
13.01.2006	Paddy Ashdown	Extension of the mandate of Joly Dixon, the first Chairman of the Board of Management of the Indirect Tax System
14.12.2009	Valentin Inzko	Extension of the mandate of Sven Marius Urke as international member of the High Judicial and Prosecutorial Council of BiH
19.12.2006	Christian Schwarz-Schilling	Extension of the mandate of Peter Nicoll as Chairman of the Governing Board of the Indirect Tax Authority of BiH
31.05.2007	Christian Schwarz-Schilling	Extension of the mandate of Peter Nicoll as Chairman of the Governing Board of the Indirect Tax Authority of BiH
08.01.2008	Miroslav Lajčák	Extension of the mandate of Peter Nicoll as Chairman of the Governing Board of the Indirect Tax Authority of BiH
07.10.2002	Paddy Ashdown	Decision on the appointment of the Director and Deputy Directors of the BiH Agency for Information and Security
19.03.2003	Paddy Ashdown	Decision on the appointment of an international judge and prosecutor to the Court of BiH and the Prosecutor's Office of BiH
27.09.2001	Wolfgang Petritsch	Decision on the appointment of international members of the Election Commission of BiH
06.12.2002	Paddy Ashdown	Decision on the appointment of new members of the Supreme Judicial and Prosecutorial Councils of BiH, FBiH and RS
29.11.2001	Wolfgang Petritsch	Decision on the appointment of new members of the Council of the Communications Regulatory Authority (CRA)
16.11.2001	Wolfgang Petritsch	Decision on the appointment of four national members of the Election Commission of BiH
06.08.2002	Paddy Ashdown	Decision on the appointment of members of the Supreme Judicial and Prosecutorial Councils
07.10.2002	Paddy Ashdown	Decision on the appointment of members of the Independent Selection and Verification Commission in accordance with the Law on Internal Affairs of FBiH
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision on the appointment of Jakob Finci (Jewish) to the position of First Head of the Civil Service Agency
Removal of officials		
29.11.1999	Wolfgang Petritsch	Removal of Dragan Meter (Croat) from the position of Mayor of Prozor Rama (FBiH)
03.04.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Ante Barišić (Croat) from the position of Minister of the Interior of Canton 10 (FBiH)
22.05.2000	Wolfgang Petritsch	Decision to remove Stjepo Andrijić (Croat) from the position of Chairman of the Board of the Federal Agency for Privatization
22.05.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Ivan Ivić (Croat) from the position of Governor of Canton 10

22.05.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Mirko Mihaljević (Croat) from the position of Prime Minister of Canton 10
17.07.2000	Wolfgang Petritsch	Decision to remove Emin Skopljak (Bosniak) from the position of Director of the Telecommunications Regulatory Agency of BiH
27.07.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Ahmed Smajic (Bosniak) from the position of Minister of Agriculture, Water and Forestry of FBiH
27.07.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Ramiz Dzaferović (Bosniak) from the position of Director of the Federal Tax Administration of FBiH and member of the Management Board of the Payment Bureau
07.09.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Petar Jodan (Serb) from the position of Deputy Minister for Refugees of the Republic of Serbia
07.09.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Hajrudin Husić (Bosniak) from the position of Head of the Department of Housing and Public Utilities of Banovići (FBiH)
07.09.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Blaško Jevrić (Serb) from the position of head of the Doboj Municipal Ministry for Refugees (RS)
07.09.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Mara Jurković (Croat) from the position of Head of the Department of General Administration, Sports, and Culture in Čapljina (FBiH)
07.09.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Zaharije Simicevic (Serb) from the position of head of the municipal office of the Ministry of Refugees in Šamac (RS)
07.09.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Sanja Srna (Serb?) from the position of lawyer with the Cantonal Housing Department Sarajevo, Municipalities Centar/Stari Grad.
07.09.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Branko Trbojević (Serb?) from the position of head of the municipal office of the Ministry of Refugees in Kozarska Dubica (RS)
07.09.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Željko Trivan (Serb) from the position of head of the municipal office of the Ministry of Refugees in Banja Luka (RS)
07.09.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Dusan Umičević (Serb) from the position of head of the municipal office of the Ministry of Refugees in Novi Grad (RS)
07.09.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Risto Žarković (Serb) from the position of head of the municipal office of the Ministry of Refugees in Trebinje (RS)
07.09.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Goran Božičković (Serb) from the position of head of the municipal office of the Ministry of Refugees in Bratunac (RS)
07.09.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Ševala Branković (Bosniak) from the position of lawyer in the appellate body of the Sarajevo Cantonal Housing Department (FBiH)
07.09.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Ivan Damjanović (Croat) as Mayor of Glamoc (FBiH)
07.09.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Dragutin Djordjević (Serb) as head of the municipal office of the Ministry of Refugees in Gradiska (RS)
12.10.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Miloš Krstić (Serbian) as member of the Demining Commission
12.10.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Enes Čengić (Bosniak?) as member of the Demining Commission
12.10.2000	Wolfgang Petritsch	Removal of Berislav Pušić (Croat) as member of the Demining Commission
15.11.2000	Wolfgang Petritsch	Decision suspending Edin Suljic (Bosniak?) without pay from the post of Chief Inspector of the Financial Police
15.11.2000	Wolfgang Petritsch	Decision suspending Dragan Zelinka (Serb?) without pay from the post of Deputy Chief Inspector of the Financial Police
01.12.2000	Wolfgang Petritsch	Decision removing Branko Matic (Croat?) from his position of Minister of Internal Affairs of Canton 10 and barring him from holding any official or appointive public office
23.02.2001	Wolfgang Petritsch	Decision removing Edhem Bicakčić (Bosniak) from his position as Director of «Elektroprivreda» for actions during his term as Prime Minister of FBiH
07.03.2001	Wolfgang Petritsch	Decision removing Ante Jelavic (Croat) from his position as the Croat member of the BiH Presidency
07.03.2001	Wolfgang Petritsch	Decision banning Zdravko Batinić (Croat) from holding public and party offices (he participated in Croat National Assembly of BiH)

07.03.2001	Wolfgang Petritsch	Decision banning Marko Tokić (Croat) from holding public and party offices
07.03.2001	Wolfgang Petritsch	Decision removing Ivo Andrić Lužanski from his post as a delegate to BiH House of Representatives and banning him from holding public and party offices (he participated in Croat National Assembly of BiH)
26.04.2001	Wolfgang Petritsch	Decision suspending Branka Dadić (Croat) from her position as Head of Legal, Personnel and Administration within the Ministry of the Interior of Canton 7, for an initial period of thirty days
26.04.2001	Wolfgang Petritsch	Decision suspending Ivan Djogić (Croat) from his position as Chief of Cabinet, Ministry of the Interior of Canton 7, for an initial period of thirty days
26.04.2001	Wolfgang Petritsch	Decision removing Dragan Mandić (Croat) from his position as Minister of the Interior of Canton 7
26.04.2001	Wolfgang Petritsch	Decision suspending Zvonko Prskalo (Croat) from his position as Deputy Head of Finance, Ministry of the Interior of Canton 7, for an initial period of thirty days.
01.06.2001	Wolfgang Petritsch	Decision removing Miodrag Josipović (Serb) from his position as Mayor of Bratunac (RS)
01.06.2001	Wolfgang Petritsch	Decision removing Mladen Tolj (Croat?) from his position as Head of the Department of Urban Planning and Housing of the Bratunac Municipality
26.06.2001	Wolfgang Petritsch	Decision removing Zvonko Prskalo (Croat) from his position as Deputy Head of Finance, Ministry of the Interior of Canton 7
26.06.2001	Wolfgang Petritsch	Decision suspending Ivan Djogić (Croat) from his position as Chief of Cabinet, Ministry of the Interior of Canton 7,
26.06.2001	Wolfgang Petritsch	Decision removing Branka Dadić (Croat) from her position as Head of Legal, Personnel and Administration within the Ministry of the Interior of Canton 7
15.01.2002	Wolfgang Petritsch	Decision removing Ivan Mandić (Croat) from his position as Head of Mostar Municipality South-West
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision suspending Kata Zovko (Croat) from her position as a judge of the Herzegovina-Neretva Cantonal Court
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision removing Milenko Tomić (Serb) from his position as a prosecutor in the Prijedor Prosecutor's Office (RS)
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision suspending Nedžo Drašković (Serb) from his position as a judge of the Republika Srpska Supreme Court
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision removing Hasan Pijanić (Bosniak) from his position as a judge of the Unsko-Sansko Cantonal Court
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision removing Željko Lalić (Serb) from his position as a judge of the Banja Luka Court of First Instance
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision suspending Jevto Janković (Serb) from his position as a judge of the Banja Luka Court of First Instance
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision removing Davor Šilić (Croat) from his position as Deputy Minister of Justice and Administration in the Herzegovina-Neretva Canton
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision removing Mirko Bralo (Croat) from his position as President of the Municipal Court in Livno (FBiH)
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision removing Katica Tadić (Croat) from her position as a judge of the Municipal Court in Livno (FBiH)
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision removing Omer Borovac (Bosniak) from his position as a judge of the Municipal Court in Goražde (FBiH)
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision removing Fatima Đukić-Bajramović (Bosniak) from her position as a judge of the Municipal Court in Zenica (FBiH)
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision suspending Nenad Gvozdić (Croat) from his position as a judge of the Municipal Court of Mostar I
14.06.2002	Paddy Ashdown	Decision removing Nikola Grabovac from his position of Minister of Finance for FBiH
24.06.2002	Paddy Ashdown	Decision removing Kemal Terzić (Bosniak) from his position as head of the Donji Vakuf Municipality (FBiH)

16.07.2002	Paddy Ashdown	Decision removing Ivan Brekalo (Croat) from his position as president of the Municipal Court in Široki Brijeg (FBiH)
16.07.2002	Paddy Ashdown	Decision removing Marinko Katić (Croat) from his position as president of the Čapljina Municipal Court (FBiH)
16.07.2002	Paddy Ashdown	Decision removing Svetislav Stanojević (Serb) from his position as a judge of the Supreme Court of RS
02.09.2002	Paddy Ashdown	Decision removing Mirko Stojčinović (Serb) from his position as Acting Head of the Municipality of Doboj (RS)
21.10.2002	Paddy Ashdown	Decision removing Munir Alibabić (Bosniak) from his position as Director of the Intelligence and Security Service of FBiH
14.11.2002	Paddy Ashdown	Decision removing Pero Marković (Croat) from his position of General Manager of the company "Šume Herceg Bosne"
26.02.2003	Paddy Ashdown	Decision removing Svetozar Ačimović (Serb) from his position of General Manager of the company "Elektroprivreda Republika Srpska"
26.02.2003	Paddy Ashdown	Decision removing Boško Lemez (Serb) from his position in the Management Board of "Elektroprivreda Republika Srpska"
07.03.2003	Paddy Ashdown	Decision to remove Mr. Milovan Bjelica (Serb) from his position as Chairman of the Municipal Assembly of Srpsko Sarajevo
14.03.2003	Paddy Ashdown	Decision to remove Edhem Bicakčić (Bosniak) from his position as General Manager of Elektroprivreda Sarajevo and to ban him from further employment in government agencies
28.03.2003	Paddy Ashdown	Decision removing Mijat Tuka (Bosniak) from his position as a member of the House of Representatives of FBiH
07.07.2003	Paddy Ashdown	Decision to remove Djojo Arsenović (Serb) from his position as member of the Republika Srpska National Assembly
09.07.2003	Paddy Ashdown	Decision to remove Dragomir Vasić (Serb) from his position as member of the Republika Srpska National Assembly and as councilor in the Zvornik Municipal Assembly (RS)
10.02.2004	Paddy Ashdown	Decision removing Mirko Šarović (Serb) from his position as deputy chairman in the Serb Democratic Party
10.02.2004	Paddy Ashdown	Decision removing Ivan Šarac (Serb) from his position as Police Station Commander in Pale
10.02.2004	Paddy Ashdown	Decision removing Veljko Borovčanin (Serb) from his position as Chief of the Center for Public Security in Srpsko Sarajevo
10.02.2004	Paddy Ashdown	Decision removing Dragan Bašević (Serb) from his position as Police Official in Srpsko Sarajevo
20.04.2004	Paddy Ashdown	Decision removing General Cvetko Savić (Srb) from his position as Chief of the General Staff of RS and from the Army of RS
20.04.2004	Paddy Ashdown	Decision removing Dejan Miletić (Serb) from his position as Head of RS Secretariat for Relations with the International Criminal Tribunal in The Hague and Research of War Crimes
29.06.2004	Paddy Ashdown	Removal of Dragan Kalinić (Serb) from his positions as Chairman of the National Assembly of RS and as President of the Srpska Demokratska Stranka
29.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Duško Kornjača (Serb) from his positions as Member of the Main Board of the SDS and Mayor of Čajnice and from other public and party positions he currently holds
29.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Božidar Vučurević (Serb) from his position as Vice President of the SDS
29.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Milan Ninković (Serb) from his position as Member of the Main Board of the SPS and Deputy of the RS National Assembly
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Momčilo Komljenović (Serb) from his position as a Member of the Main Board of the SDS
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Dragan Vučković (Serb) from his positions as President of the Municipal Board of SDS in Bijeljina (RS)
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Djuro Bulić (Serb) from his position within the Indirect Tax Administration

30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Predrag Perković (Serb) from his positions as Member of SDS Municipal Board Bijeljina
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Svetislav Jokić (Serb) from his position as Chief of Organized Crime Unit, Ministry of Internal Affairs of RS
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Goran Popović (Serb) from his position as Member of the Main Board of the SDS
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Mirko Vojinović (Serb) from his position as Chief of Personnel Unit of the Ministry of Internal Affairs of RS
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Pero Sakota (Serb) from his position in the Ministry of Internal Affairs of RS
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Vesna Ečim-Zlojutro (Serb) from her positions as Member of the Main Board of the SDS and as Deputy in the National Assembly of RS
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Zoran Žuža (Serb) from his position as Chief of Cabinet of the Speaker of the Republika Srpska National Assembly
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Stevan Tadić (Serb) from his position as Member of Novi Grad/Bosanski Novi SDS (RS)
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Nedeljko Đekanović (Serb) from his position as Vice-President of the SDS
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Miloš Glogovac (Serb) from his position as his position as President of SDS Municipal Board Srpsko Sarajevo
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Cvetan Nikić (Serb) from his position as Vice-President of the SDS
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Slavo Čeliković (Serb) from his position as Member of SDS Municipal Board in Vlasenica (RS)
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Slavko Kujundžić (Serb) from his positions as Pale Mayor and Member SDS Pale Municipal Board (RS)
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Slobodan Saraba (Serb) from his positions as Vice President of the SDS and Director of Hydroelectric Power Plants Trebisnjica
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Pantelij Čurguz (Serb) from his position as vice-chairman of the SDS
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Savo Krunic (Serb) from his position as Director Srpske Sume, Forestry Company Sokolac RS
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Miloš Tomović (Serb) from his position as Member of Municipal Board of SDS branch in Foča
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Milan Bogicevic (Serb) from his positions as Member of the Main Board of the SDS and Minister of Economy, Energy and Development of RS
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Radenko Damjanovic (Serb) from his position as Financial Director of RS Health Fund
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Mile Pejic (Serb) from his position as Chief RS Ministry of Internal Affairs/Police Support Unit in Bijeljina
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Zoran Petrić (Serb) from his position as Head of the Bijeljina Police Criminal Offenses Department
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Jovan Čizmović (Serb) from his position as Legal Advisor to the President of RS
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Ratko Mišanović (Serb) from his position within the RS Roads Directorate
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Zoran Djerić (Serb) from his position as Minister of Interior of RS
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Zvonko Bajagić (Serb) from his position as Member of SDS Board in Vlasenica
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Željko Tadić (Serb) from his positions as Member of Municipal Board of SDS in Banja Luka and Member of RS Telekom Steering Board
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Novak Gojković (Serb) from his positions as Mayor of Modriča and President of the Municipal Board of SDS Modriča (RS)
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Jovo Kosmajc (Serb) from his positions as Director of RS Pension Fund and Member of Municipal Board of SDS in Pale

30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Nemanja Vasić (Serb) from his position as Director of RS Roads Directorate
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Slavko Tošović (Serb) from his positions as Mayor of Srpsko Novo Sarajevo and President of Municipal Board of SDS in Srpsko Novo Sarajevo
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Dragan Dobrilović (Serb) from the positions of Mayor of Han Pijesak and President of the Municipal Board of SDS in Han Pijesak (RS)
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Ilija Drpa (Serb) from the position of General Director of Oil Refinery Bosanski/Srpski Brod (RS)
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Ljubisav Simić (Serb) from his position as SDS Member of the Bratunac Municipal Assembly
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Aleksandar Savic (Serb) from his positions of Mayor of Višegrad and Member of Municipal Board of the SDS in Višegrad (RS)
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Zoran Spasojević (Serb) from his position as Member of House of Peoples of the Parliamentary Assembly of BiH
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Svetozar Radulović (Serb) from the position of Director of the RS Health Insurance Fund
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Pantelija Damjanović (Serb) from his position as President of the Executive Board of the Serbian Radical Party (RS)
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Drago Djurašinić (Serb) from the position of Director of Regional Telekom Srpske in Prijedor
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Zeljko Jungic (Serb) from his position as General Director of RS Telekom
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Ljubomir Eric (Serb) from his positions as Mayor of Sokolac and Member of Municipal Board of the SDS in Sokolac (RS)
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Mirko Delić (Serb) from the position as Director of Research, Development and Coordination of Srpske Šume
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Dragomir Keserović (Serb) from the positions of Head of Department for Intelligence and Security of the Ministry of Defense of RS
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Miloš Lazović (Serb) from his positions as Director of Regional Telekom Srpske, Foca/Srbinje, Vice – President of SDS Municipal Board Foca/Srbinje
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Dragomir Ljubojević (Serb) from his positions as Member of the Main Board of the SDS and Mayor of Bijeljina
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Radomir Lukić (Serb) from his position as Member of the Main Board of the SDS
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Mihajlo Mijanović (Serb) from his positions as Member of the Main Board of the SDS and Mayor of Trebinje
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Momir Tošić (Serb) from his positions as Member of the Main Board of the SDS and Deputy Minister of Foreign Trade and Economic Relations of BiH
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Rodoljub Đukanović (Serb) from his positions as Member of the Main Board of the SDS and Member of the RS National Assembly
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Milenko Stanić (Serb) from his positions as Member of the Main Board of the SDS and Member of the Republika Srpska National Assembly
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Mile Pejčić (Serb) from his position as Chief RS Ministry of Internal Affairs/Police Support Unit in Bijeljina
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Dusan Berić (Serb) from the position of member of the Main Committee of the SDS
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Vojislav Gligić (Serb) from the position of Member of the Main Board of the SDS and Member of Republika Srpska National Assembly

30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision of the High Representative to remove Milenko Stanić (Serb) from his positions as Member of the Main Board of the SDS and Member of the Republika Srpska National Assembly
30.06.2004	Paddy Ashdown	Decision to remove Milan Tupajić (Serb) from the positions of Member of the Main Board of the SDS and Member of the Republika Srpska National Assembly
29.03.2005	Paddy Ashdown	Removal of Dragan Čović from his position as a Member of the Presidency of BiH
08.07.2005	Paddy Ashdown	Removal of Nikola Lovrinović (Croat) from the position of Minister of Education of the Central Bosnia Canton
28.10.2005	Paddy Ashdown	Removal of Milovan Pecelj (Serb) from his position as Minister of Education and Culture of RS
28.11.2005	Paddy Ashdown	Limiting the Scope of the Ban from Public Office in the Removal Decisions
04.04.2006	Christian Schwarz-Schilling	Limiting the Scope of the Ban from Public Office in the Removal Decisions
15.06.2007	Christian Schwarz-Schilling	Amendments to the Law on High Judicial and Prosecutorial Council of BiH
10.07.2007	Miroslav Lajčák	Removal of Dragomir Andan (Serb) from his position as Deputy Head of Administration for Police Education of the Ministry of the Interior of RS
30.05.2008	Miroslav Lajčák	Removal of Predrag Čeranić (Serb) from his post in the Security and Intelligence Service of BiH, accused of aiding war criminals
06.06.2009	Valentin Inzko	Removal of Radislav Jovičić (Serb, employee of the State Investigation and Protection Agency of BiH)
06.06.2009	Valentin Inzko	Removal of Himzo Djonko (Bosniak, Police Commissioner of the Herzegovina-Neretva Canton)
Review of previous decisions of the High Representative		
30.07.1999	Carlos Westendorp	Lifting the ban on holding public office from Dragan Čavić (Serb)
05.05.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Željko Trivan (Serb, lawyer at the Banja Luka Housing Authority, 2000)
05.05.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Branka Dadić (Croat, Head of the Legal, Human Resources, and Administration Department of the Ministry of the Interior of Canton 7, 2001)
05.05.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Marina Deronić (Croat, head of the Southwest Mostar Housing Authority, 1999)
03.06.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Blaško Jevrić (Serb, head of the Ministry for Refugees and Displaced Persons (OMI) of Doboj, 2000)
09.06.2005	Paddy Ashdown	Lifting ban on holding public office from Nikola Grabovac (Croat, Minister of Finance of FBiH, 2002)
25.08.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Dragan Zelenika (Croat, Deputy Chief Inspector of the Financial Police, 2000)
25.08.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Edin Sulic (Bosniak, Chief Inspector of the Financial Police, 2000)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Dragan Dobrilović (Serb, Mayor of Han Pijeska and Chairman of the SDS Han Pijeska Branch Council, 2004)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Slobodan Saraba (Serb, former Vice President of SDS and Director of the Trbišnjica Hydroelectric Power Plant, 2004)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Milan Bogićević (Serb, former Minister of Economy, Energy and Development of RS and Member of the Main Committee of the SDS, 2004)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Zoran Ostojić (Serb?, former Deputy Head of the Center for Public Security in Foča, 2004)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Miloš Tomović (Serb, former Member of the Board of the SDS branch in Foča, 2004)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Željko Tadić (Serb, former Member of the Board of the SDS branch in Banja Luka and Member of the Supervisory Board of RS Telekom, 2004)

04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Zoran Spasojević (Serb, former Member of the House of Peoples of the Parliamentary Assembly of BiH, 2004)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting of the ban on holding public office from Ratko Mišanović (Serb, former employee of RS Roads Directorate, 2004)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Ilija Drpa (Serb, former General Director of Oil Refinery in Bosanski/Srpski Brod, 2004)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Slavko Kujundžić (Serb, Mayor of Pale and Member of SDS Municipal Board in Pale, 2004)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Miloš Glogovec (Serb, President of SDS Municipal Board in Srpska Sarajevo, 2004)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Vojislav Gligić (Serb, Member of the Main Board of SDS and Member of the Republika Srpska National Assembly, 2004)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Dusan Berić (Serb, Member of the Main Board of the SDS, 2004)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting of the ban on holding public office from Dusan Umičević (Serb, Head of the Housing Office of Bosanski Novi/ Novi Grad, 2000)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Branko Trbojević (Serb?, Head of the Housing Office in Bosanski Dubica/Kozarska Dubica, 2000)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Zaharije Simičević (Serb, Head of the Housing Office of Bosanski Samac/Samac, 2000)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Stipe Marić (Croat, Mayor of Mostar South West, 1999)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Milan Kecman (Serb, Head of OMI in Foča/Srbinja, 1999)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Milan Đurić (Serb, President of the Executive Board of Bosanski Novi/Novi Grad, 1999)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Ivan Damjanović (Croat, Mayor of Glamoc, 2000)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Stipo Babić (Croatian, Minister of Justice of Canton 10, 1999)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Rasim Šahinović (Bosniak, Minister of the Interior of Una-Sana Canton, 1999)
04.11.2005	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Momčilo Ristić (Serb, Head of the Housing Authority of Teslić, 2000)
30.01.2006	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Svetozar Radulović (Serbian, Director of the Health Insurance Fund of RS, 2004)
30.01.2006	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Željko Jungis (Serbian, General Director of RS Telekom, 2004)
30.01.2006	Paddy Ashdown	Lifting of the ban on holding public office from Goran Popović (Serb, Member of the Main Board of the SDP, 2004)
30.01.2006	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Hajrudin Hušić (Bosniak, Head of the Department of Housing and Public Utilities in Banjevići, 2000)
30.01.2006	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Ševala Branković (Bosnian, Lawyer in the Cantonal Housing Department Sarajevo, 2000)
30.01.2006	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Sanja Srna (Serbian?, Senior lawyer in Cantonal Housing Department Sarajevo, 2000)
30.01.2006	Paddy Ashdown	Lifting the ban on holding public office from Miladin Pešić (Serbian, Head of OMI in Srpski Goražde, 1999)
30.06.2006	Christian Schwarz-Schilling	Lifting the ban on holding public office from Miloš Krstić (Serbian, former member of the BiH Demining Commission, 2000)

30.06.2006	Christian Schwarz-Schilling	Lifting the ban on holding public office from Ramiz Džaferović (Bosniak, Director of FBiH Tax Administration, 2000)
30.06.2006	Christian Schwarz-Schilling	Lifting the ban on holding public office from Elvedin Hrelja (Bosniak, former Mayor of Goražde, 1999) from holding public office
30.06.2006	Christian Schwarz-Schilling	Lifting the ban on holding public office from Edhem Bicakčić (Bosniak, General Manager of Public Enterprise "Elektroprivreda" Sarajevo, 2001 and 2003)
30.06.2006	Christian Schwarz-Schilling	Lifting the ban on holding public office from Kemal Terzić (Bosniak, Head of the Municipality of Donji Vakuf, 2002)
30.06.2006	Christian Schwarz-Schilling	Lifting the ban on holding public office from Kemal Brodilija (Bosniak, former Mayor of Kakanj, 1999)
30.06.2006	Christian Schwarz-Schilling	Lifting the ban on holding public office from Enes Čengić (Bosniak, former Member of the Demining Commission, 2000)
07.07.2006	Christian Schwarz-Schilling	Lifting the ban on holding positions in political parties, with the exception of individuals whose bans are related to failure to fulfill obligations before the ICTY
17.08.2006	Christian Schwarz-Schilling	Lifting the ban on holding public office from Emin Skopljak (Bosniak, Director of the Telecommunications Regulatory Agency of BiH, 2000)
17.08.2006	Christian Schwarz-Schilling	Lifting the ban on holding public office from Ahmed Smajic (Bosniak, former Minister of Agriculture of FBiH, 2000)
17.08.2006	Christian Schwarz-Schilling	Lifting the ban on holding public office from Ivan Mandić (Croat, Head of the Municipality of Mostar South West, 2002)
17.08.2006	Christian Schwarz-Schilling	Lifting the ban on holding public office from Mirko Stojičinović (Serb, Acting Head of the Municipality of Dobo, 2002)
04.12.2006	Christian Schwarz-Schilling	Lifting the ban on holding public office from Munir Alibabić (Bosniak, Director of the Security and Intelligence Service of FBiH, 2002)
04.12.2006	Christian Schwarz-Schilling	Lifting the ban on holding public office from Mijat Tuka (Bosniak, Member of the House of Representatives of FBiH, 2003)
30.03.2007	Christian Schwarz-Schilling	Cancellation of the decision dated 22 May 2000, which dismissed Stipa Andrić (Croatian) from the post of Chairman of the Governing Board of the Privatization Agency of FBiH
29.06.2007	Christian Schwarz-Schilling	Lifting the ban on holding public office from Dragan Meter (Croat, Mayor of Prozor-Rama, 1999)
09.07.2008	Miroslav Lajčák	Cancellation of the orders dated July 10, 2007 and May 30, 2008 regarding the confiscation of travel documents from certain individuals
30.07.2008	Miroslav Lajčák	Cancellation of the order dated January 9, 2008, regarding the confiscation of travel documents from certain individuals
05.09.2008	Miroslav Lajčák	Termination of the orders dated 2003-2004 regarding the freezing of bank accounts of certain individuals, and permission for them to open one new account each
13.03.2009	Valentin Inzko	Cancellation of the order dated July 10, 2007 regarding the confiscation of travel documents (passports and identity cards) from certain individuals
24.04.2009	Valentin Inzko	Cancellation of the order dated July 10, 2007, regarding the confiscation of travel documents (passports and identity cards) from certain individuals
21.08.2009	Valentin Inzko	Lifting of the ban on holding public office from Dragan Kalinić (Serb, Chairman of the National Assembly of RS and Chairman of the Serbian Democratic Party, 2004)
21.08.2009	Valentin Inzko	Lifting of the ban on holding public office from Nemanja Vasić (Serb, Director of «Roads of RS», 2004)
21.08.2009	Valentin Inzko	Lifting of the ban on holding public office from Jovo Kosmajc (Serb, Director of the Pension Fund of RS and Member of Municipal Board of the SDS in Pale, 2004)

21.08.2009	Valentin Inzko	Lifting of the ban on holding public office from Savo Krunić (Serb, General Director of the company «Šume RS» (formerly «Srpske Šume»), 2004)
05.11.2009	Valentin Inzko	Lifting of the ban on holding public office from Obren Željaja (Serb, Chairman of the Assembly of Srpska Ilidža, 1999)
05.11.2009	Valentin Inzko	Lifting of the ban on holding public office from Nejad Behram (Bosniak, Head of Housing Department of Mostar Municipality Old Town 1999)
05.11.2009	Valentin Inzko	Lifting of the ban on holding public office from Dragutin Djordjević (Serb, Head of OMI in Bosanska Gradiška, 2000)
25.01.2010	Valentin Inzko	Lifting of the ban on holding public office from Ivan Djogić (Croat, Chief of Cabinet, Ministry of the Interior of Canton 7, 2001)
25.01.2010	Valentin Inzko	Lifting of the ban on holding public office from Zvonko Prskala (Croat, Deputy for Finance in the Ministry of the Interior of Canton 7, 2001)
25.01.2010	Valentin Inzko	Lifting of the ban on holding public office from Svetozar Ačimović (Serb, General Director of Elektroprivreda RS, 2003)
14.08.2010	Valentin Inzko	Lifting of the ban on holding public office from Mladen Tolj (Croat?, Head of the Department of Urban Planning and Housing of the Bratunac Municipality, 2001)
14.08.2010	Valentin Inzko	Lifting of the ban on holding public office against Pero Madjar (Croat, Mayor of Kiseljak, 1999)
14.08.2010	Valentin Inzko	Lifting the ban on holding public office from Davor Šilić (Croat, Deputy Minister of Justice and Administration of the Herzegovina-Neretva Canton, 2002)
07.10.2010	Valentin Inzko	Cancellation of the order dated July 10, 2007 regarding the confiscation of travel documents (passports and identity cards) from certain individuals
05.03.2011	Valentin Inzko	Lifting the ban on holding public office from Nikola Lovrinović (Croat, Minister of Education of the Central Bosnia Canton)
10.06.2011	Valentin Inzko	Lifting the freeze on bank accounts belonging to a number of individuals in connection with the arrest of Ratko Mladić
10.06.2011	Valentin Inzko	Lifting the ban on holding public office for a number of former officials
10.06.2011	Valentin Inzko	Cancellation of the order dated July 10, 2007 regarding the confiscation of travel documents (passports and identity cards) from certain individuals
23.10.2012	Valentin Inzko	Lifting the ban on holding public office from Radislav Jovičić (Serb, employee of the State Investigation and Protection Agency of BiH, 2009)
23.10.2012	Valentin Inzko	Lifting the ban on holding public office from Mirko Mihaljević (Croat, Head of Canton 10, 2000)
02.02.2013	Valentin Inzko	Lifting the ban on holding public office from Bariša Letica (Croat, acting Minister of the Interior of Canton 10, 1999)
19.08.2014	Valentin Inzko	Lifting the ban on holding public office from Milovan Pecelj (Serb, former Minister of Education and Culture of RS, 2005)
19.08.2014	Valentin Inzko	Lifting the ban on holding public office from Boško Lemež (Serb, Member of the Management Board of Elektroprivreda RS, 2003)
19.08.2014	Valentin Inzko	Lifting of the ban on holding public office from Pero Marković (Croat, General Manager of the company "Šume Herceg Bosne", 2002)
19.08.2014	Valentin Inzko	Lifting of the ban on holding public office from Djordje Umičević (Serb, Mayor of Banja Luka, 1999)
19.08.2014	Valentin Inzko	Lifting of the ban on holding public office from Momčilo Ristić (Serb, representative of the Ministry for Refugees and Displaced Persons (OMI) in Teslić, 1999)
19.08.2014	Valentin Inzko	Lifting of the ban on holding public office from Ivan Ivić (Croat, Head of Canton 10, 2000)
19.08.2014	Valentin Inzko	Lifting of the ban on holding public office from Munir Alibabić (Bosniak, Director of the Security and Intelligence Service of FBiH, 2002)
19.08.2014	Valentin Inzko	Lifting the ban on holding public office from Blaško Jevrić (Serb, Head of the OMI in Doboj, 2000)

19.08.2014	Valentin Inzko	Lifting the ban on holding public office from Himzo Djonko (Bosniak, Police Commissioner of the Herzegovina-Neretva Canton, 2009)
19.08.2014	Valentin Inzko	Lifting the ban on holding public office from Ante Barišić (Croat, Minister of the Interior of Canton 10, 2000)
19.08.2014	Valentin Inzko	Lifting the ban on holding public office from Goran Božičković (Serb, Head of the OMI in Bratunac, 2000)
19.08.2014	Valentin Inzko	Lifting the ban on holding public office from Ferid Hodžić (Bosniak, Minister of the Interior of the Tuzla Canton, 1999)
19.08.2014	Valentin Inzko	Lifting the ban on holding public office from Petar Jodan (Serb, Deputy Minister for Refugees and Displaced Persons of RS, 2000)
19.08.2014	Valentin Inzko	Lifting the ban on holding public office from Dževad Mlacho (Bosniak, Member of the House of Peoples of BiH, 1999)
Brčko District		
08.03.2000	Wolfgang Petritsch	Decision on the establishment of the Brcko District of BiH
03.05.2000	Wolfgang Petritsch	Decision on the establishment of a separate telephone code for the Brcko District of BiH
18.09.2009	Valentin Inzko	Enacting the Laws on Amendments to the Law on Citizenship of Bosnia and Herzegovina, of the Federation of Bosnia and Herzegovina and of Republika Srpska for the Brčko District residents
Srebrenica		
25.10.2000	Wolfgang Petritsch	Decision on the location of a cemetery and a monument for the victims of Srebrenica
05.12.2000	Wolfgang Petritsch	Decision abolishing the illegal "Municipality of Skelani" and restoring the pre-war boundaries of the Municipality of Srebrenica
10.05.2001	Wolfgang Petritsch	Decision establishing and registering the Foundation of the Srebrenica-Potocari Memorial and Cemetery
25.03.2003	Paddy Ashdown	Decision ordering the transfer of ownership of the Battery Factory "AS" a.d -Srebrenica to the Foundation of the Srebrenica-Potocari Memorial and Cemetery and establishing an ad hoc Battery Factory "AS" a.d.- Srebrenica compensation Commission
25.06.2007	Christian Schwarz-Schilling	Enacting the Law on the Center for the Srebrenica-Potocari Memorial and Cemetery for the Victims of the 1995 Genocide
21.02.2023	Christian Schmidt	Expansion of the Activities of the Center for the Srebrenica-Potočari Memorial
20.09.2023	Christian Schmidt	Expansion of the Activities of the Center for the Srebrenica-Potočari Memorial
Courts and Prosecutors' Office		
07.05.1998	Carlos Westendorp	Establishment of municipal courts in Herzegovina-Neretva Canton to improve access to justice and relieve the judicial system
31.07.1998	Carlos Westendorp	Forced adoption of two Laws on Courts to reform the judiciary in the Herzegovina-Neretva Canton and the Central Zone of Mostar, Bosnia and Herzegovina, to eliminate ethnic bias in courts and ensure the rule of law in accordance with the Dayton Accords
06.07.1999	Carlos Westendorp	Decision on the establishment of the Cantonal Court and Municipal Courts in Konjic, Prozor-Rama, Citluk, Capljina, Stolac and Neum and the Central Zone of the City of Mostar
06.07.1999	Carlos Westendorp	Decision on the Law on Prosecution for the Central Zone of the City of Mostar, covering Bosniak and Croat municipalities
30.07.1999	Carlos Westendorp	Amending the Law on the Supreme Court of the Federation of Bosnia and Herzegovina (representation of all three peoples)
30.07.1999	Carlos Westendorp	Decision imposing the Law on Special Witness Identity Protection in Criminal Proceedings in the Federation of Bosnia and Herzegovina
30.07.1999	Carlos Westendorp	Amendments the Law on the Federation Prosecutors' Office of the Federation of Bosnia and Herzegovina
17.05.2000	Wolfgang Petritsch	Decision imposing the Law on Judicial and Prosecutorial Service in the Federation

09.06.2000	Wolfgang Petritsch	Amending the RS Law on Courts and Judicial Service
09.06.2000	Wolfgang Petritsch	Amending the RS Law on the Prosecutors' Office
12.11.2000	Wolfgang Petritsch	Decision establishing the BiH State Court
14.03.2001	Wolfgang Petritsch	Decision providing the Independent Judicial Commission (IJC) with a comprehensive mandate
27.04.2001	Wolfgang Petritsch	Decision allocating jurisdiction for the investigation, prosecution and trials of incidents of violence and intimidation in the Federation during the past month to the Cantonal Prosecutor and Cantonal Court of Sarajevo
03.08.2001	Wolfgang Petritsch	Decision amending the Law on Judicial and Prosecutorial Service in the Federation of Bosnia and Herzegovina
03.08.2001	Wolfgang Petritsch	Decision Enabling the Allocation of Court Cases to other Courts within the same Entity
08.11.2001	Wolfgang Petritsch	Decision allowing judges in the Federation to decide on the need of detention of individuals charged with serious offences during criminal proceedings
28.03.2002	Wolfgang Petritsch	Decision inserting an annex to the Federation Law on Procedure of Entry of Legal Entities into the Court Register
04.04.2002	Wolfgang Petritsch	Decision suspending all judicial and prosecutorial appointments in BiH (except to the BiH and the Entity Const. Courts, the BiH H. Rights Chamber, the BiH Court, and all courts in the Brcko District) until the judicial system is restructured
09.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision On appointment of judges and on the establishment of the Court of Bosnia and Herzegovina
22.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision on the Law on the Attorneys' Profession of the Republika Srpska
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision enacting the Law on the High Judicial and Prosecutorial Council of the Republika Srpska
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision Enacting the Law on Legal Assistance and Official Co-operation in Criminal Matters between the Federation of Bosnia and Herzegovina, Republika Srpska and the District of Brcko
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Amending the Constitution of the Federation of Bosnia and Herzegovina and of the Republika Srpska (changes to the judicial system)
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision on the Law on Centre for Judicial and Prosecutorial Training of the Federation of Bosnia and Herzegovina
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision on the Law on Centre for Judicial and Prosecutorial Training of the Republika Srpska
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision Enacting the Law on the High Judicial Council of Bosnia and Herzegovina
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision Enacting the Law on the High Judicial and Prosecutorial Council of the Federation of Bosnia and Herzegovina
06.08.2002	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on Court of Bosnia and Herzegovina
06.08.2002	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on the Prosecutor's Office of Bosnia and Herzegovina
06.08.2002	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on High Judicial and Prosecutorial Council of Bosnia and Herzegovina
06.08.2002	Paddy Ashdown	Decision on the mandate of the Independent Judicial Commission
21.08.2002	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on the Cantonal Prosecutor's Office of the Herzegovina-Neretva Canton
21.08.2002	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Amendments to the Law on High Judicial and Prosecutorial Council of the Republika Srpska
21.08.2002	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on the Prosecutor's Offices of the Federation of Bosnia and Herzegovina
21.08.2002	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on the Cantonal Prosecutor's Office of the Bosnian Podrinje Canton — Gorazde
21.08.2002	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on the Prosecutor's Offices of the Republika Srpska
21.08.2002	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on the Cantonal Prosecutor's Offices in Canton 10, Central Bosnia Canton, Sarajevo Canton, Tuzla Canton, Una-Sana Canton, West Herzegovina Canton, Zenica-Doboj Canton, Posavina Canton
21.08.2002	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on High Judicial and Prosecutorial Council of the Federation of Bosnia and Herzegovina

01.11.2002	Paddy Ashdown	Decisions Enacting the Law on Amendments to the Law on Courts of Sarajevo Canton, Canton 10, Una-Sana Canton, Posavina Canton, Tuzla Canton, Zenica-Doboj Canton, Bosnian Podrinje Canton – Goražde, West Herzegovina Canton, Central Bosnia Canton and Herzegovina-Neretva Canton
01.11.2002	Paddy Ashdown	Decisions Enacting amendments to the Laws on the Centers for Judicial and Prosecutorial Training of the Federation of Bosnia and Herzegovina and the Republika Srpska
01.11.2002	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on High Judicial and Prosecutorial Council of Bosnia and Herzegovina
01.11.2002	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Amendments to the Law on Courts and Judicial Service of the Republika Srpska
01.11.2002	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Protection Against Defamation of the Federation of Bosnia and Herzegovina
01.11.2002	Paddy Ashdown	Amending the Criminal Code of the Federation of BiH by repealing Chapter XX, Criminal Offences Against Honor and Reputation
24.01.2003	Paddy Ashdown	Decision on Police Disciplinary Proceedings
24.01.2003	Paddy Ashdown	Decision on Trial Observers
24.01.2003	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on Court of Bosnia and Herzegovina
24.01.2003	Paddy Ashdown	Decision On the new mandate of the Independent Judicial Commission
24.01.2003	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on the Judicial Police of Bosnia and Herzegovina
24.01.2003	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on Prosecutor's Office of Bosnia and Herzegovina
24.01.2003	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Criminal Procedure Code of Bosnia and Herzegovina
24.01.2003	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Criminal Code of Bosnia and Herzegovina
24.01.2003	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Protection of Witnesses under Threat and Vulnerable Witnesses
07.03.2003	Paddy Ashdown	Decision on temporary suspension of right to challenge Banking Agency anti-terrorism orders before the courts
07.04.2003	Paddy Ashdown	Decision On Appointment of a New Member of the High Judicial and Prosecutorial Council of Bosnia and Herzegovina
08.05.2003	Paddy Ashdown	Decision On Appointment of an International Judge to the Court of Bosnia and Herzegovina
03.06.2003	Paddy Ashdown	Decision On Appointment of Michael T. O'Malley as a New Member of the High Judicial and Prosecutorial Council of Bosnia and Herzegovina
14.07.2003	Paddy Ashdown	Appointment of Bernard Boland as an International Judge to the Court of Bosnia and Herzegovina
01.09.2003	Paddy Ashdown	Decision On Appointment of New Members of the High Judicial and Prosecutorial Councils of the Federation of BiH and of the Republika Srpska
09.09.2003	Paddy Ashdown	Appointment of Bernard Pierre as an International Judge to the Court of BiH
09.09.2003	Paddy Ashdown	Appointment of Myron Greenberg as an International Judge to the Court of BiH
03.10.2003	Paddy Ashdown	Appointment of Georg Halbach as an International Prosecutor to the Prosecutor's Office of Bosnia and Herzegovina
31.10.2003	Paddy Ashdown	Decisions Enacting the Law Re-amending the Law on the Prosecutor's Office and the Law on Court of BiH
20.11.2003	Paddy Ashdown	Decision Extending the mandate of the Independent Judicial Commission
20.11.2003	Paddy Ashdown	Amendments to the Law on the High Judicial and Prosecutorial Council of BiH, FBiH and RS
01.12.2003	Paddy Ashdown	Appointment of Pietro Spera as an International Judge to the Court of BiH
03.12.2003	Paddy Ashdown	Decision On Appointment of Jonathan Schmidt as an International Prosecutor to the Prosecutor's Office of BiH
09.12.2003	Paddy Ashdown	Decision On Appointment of John McNair as an International Prosecutor to the Prosecutor's Office of BiH
15.01.2004	Paddy Ashdown	On Appointment of John McNair as an international prosecutor as Deputy Chief Prosecutor and Head of the Special Department of the Prosecutor's Office of BiH

04.02.2004	Paddy Ashdown	Decision On Appointment of Asja Hadzic as a Member of the High Judicial and Prosecutorial Council of Republika Srpska
12.02.2004	Paddy Ashdown	Amendments to the Law on Court of Bosnia and Herzegovina
31.03.2004	Paddy Ashdown	Decision on certain issues related to the HJPC of BiH, the HJPC of RS and the HJPC of the Federation of BiH
31.03.2004	Paddy Ashdown	Amendments to the Laws on the High Judicial and Prosecutorial Councils of BiH, FBiH and RS
01.04.2004	Paddy Ashdown	Appointment of Ingeborg Moller as an International Judge to the Court of Bosnia and Herzegovina
07.05.2004	Paddy Ashdown	Decision on Appointment of Malcolm Simmons as an International Judge to the Court of Bosnia and Herzegovina
07.05.2004	Paddy Ashdown	Decision on Appointment of Carlos Alberto Gameiro de Campos Lobo as an International Judge to the Court of Bosnia and Herzegovina
22.06.2004	Paddy Ashdown	Appointment of Robert G. Ulrich as an International Judge to the Court of Bosnia and Herzegovina
27.08.2004	Paddy Ashdown	Appointment of Drew Engel as an International Prosecutor in the Prosecutor's Office of Bosnia and Herzegovina
03.09.2004	Paddy Ashdown	Appointment of Carolyn Temin as an International Judge to the Court of Bosnia and Herzegovina
10.11.2004	Paddy Ashdown	Appointment of Stephen Swanson as an International Judge to the Court of Bosnia and Herzegovina
26.11.2004	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Amendment to the Law on Pardon of the Federation of Bosnia and Herzegovina and of the Republika Srpska
26.11.2004	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Amendment to the Criminal Code of the Brcko District of Bosnia and Herzegovina, of the Republika Srpska, of the Federation of BiH and of BIH
26.11.2004	Paddy Ashdown	Repealing the Law on Pardon of Bosnia and Herzegovina
17.12.2004	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Criminal Procedure Codes of the Brcko District of Bosnia and Herzegovina, of the Republika Srpska, of the Federation of BiH and of BIH
17.12.2004	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on the Prosecutor's Office of the Republika Srpska
17.12.2004	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on Courts and the Judicial Service of Republika Srpska
17.12.2004	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on Judicial and Prosecutorial Service in the Federation of BiH
17.12.2004	Paddy Ashdown	Extending the Mandate of David A. Upcher as Advisor in the Office of the Disciplinary Counsel to the High Judicial and Prosecutorial Council of Bosnia and Herzegovina
17.12.2004	Paddy Ashdown	Appointment of the International Registrar to the Registry for Section I for War Crimes and Section II for Organized Crime, Econ. Crime and Corruption of the Criminal and Appellate Divisions of the Court of BiH
24.02.2005	Paddy Ashdown	Appointment of Nicholas Koumijian as an International Prosecutor to the Special Department for War Crimes in the Prosecutor's Office of BiH; Maria Jesus Moya Martinez to the Special Department for Organized Crime, Economic Crime and Corruption in the Prosecutor's Office of BiH
24.02.2005	Paddy Ashdown	Appointment of Finn Lynghjem and Jose Ricardo De Prada Solaesa as International Judges to Section I for War Crimes of the Criminal and Appellate Divisions of the Court of BiH
18.03.2005	Paddy Ashdown	Appointment of Melchior Brilman, Paul Garlick and Gerald Gahima as International Judges to Section I for War Crimes of the Criminal and Appellate Divisions of the Court of BiH
19.03.2005	Paddy Ashdown	Re-Appointment of as an International Prosecutor to the Special Department for Organized Crime, Economic Crime and Corruption of the Prosecutor's Office of Bosnia and Herzegovina
31.03.2005	Paddy Ashdown	Extending the Mandate of David A. Upcher as Advisor in the Office of the Disciplinary Counsel to the High Judicial and Prosecutorial Council of Bosnia and Herzegovina
04.04.2005	Paddy Ashdown	Appointment of Almiro Simões Rodrigues as an International Judge to Section I for War Crimes of the Criminal and Appellate Divisions of the Court of BiH
05.05.2005	Paddy Ashdown	Appointment Georges Reniers, Pietro Spera and Lars Folke Bjur Nyström of as International Judges to Section I for War Crimes of the Criminal and Appellate Divisions of the Court of Bosnia and Herzegovina

11.05.2005	Paddy Ashdown	Appointment Peter Tinsley of as an International Prosecutor to the Special Department for War Crimes in the Prosecutor's Office of BiH
11.05.2005	Paddy Ashdown	Appointment Michael P. McVicker of as an International Prosecutor to the Special Department for War Crimes in the Prosecutor's Office of BiH
11.05.2005	Paddy Ashdown	Appointment Julia A. Baly of as an International Prosecutor to the Special Department for War Crimes in the Prosecutor's Office of BiH
11.05.2005	Paddy Ashdown	Appointment of Erik Nils Larson as an International Prosecutor to the Special Department for Organized Crime, Economic Crime and Corruption in the Prosecutor's Office of BiH
03.06.2005	Paddy Ashdown	Decision Extending the Mandate of Mr. Sven Marius Urke as an International Member of the High Judicial and Prosecutorial Council of Bosnia and Herzegovina
07.06.2005	Paddy Ashdown	Further Appointing the Int. Judges to the Court of Bosnia and Herzegovina
10.08.2005	Paddy Ashdown	Decision Appointing Tore Ingvar Lindseth to Section I for War Crimes of the Criminal and Appellate Divisions and to Section II for Organized Crime, Economic Crime and Corruption of the Criminal and Appellate Divisions of the Court of BiH
10.08.2005	Paddy Ashdown	Decision Appointing Richard S. Gebelein to Section I for War Crimes of the Criminal and Appellate Divisions and to Section II for Organized Crime, Economic Crime and Corruption of the Criminal and Appellate Divisions of the Court of Bosnia and Herzegovina
06.09.2005	Paddy Ashdown	Suspending the Power to Grant Pardons for Criminal Sentences
15.09.2005	Paddy Ashdown	Decision Appointing Shireen Avis Fisher to Section I for War Crimes of the Criminal and Appellate Divisions and to Section II for Organized Crime, Economic Crime and Corruption of the Criminal and Appellate Divisions of the Court of BiH
21.09.2005	Paddy Ashdown	Decision Appointing Roland Antonius Theodora Mathieu Dekkers to Section I for War Crimes of the Criminal and Appellate Divisions and to Section II for Organized Crime, Econ. Crime and Corruption of the Criminal and Appellate Divisions of the Court of BiH
29.09.2005	Paddy Ashdown	Re-appointing Georg Halbach to the Special Department for Organized Crime, Economic Crime and Corruption in the Prosecutor's Office of BiH
29.09.2005	Paddy Ashdown	Appointing Manfred Dauster to Section I for War Crimes of the Criminal and Appellate Divisions and to Section II for Organized Crime, Economic Crime and Corruption of the Criminal and Appellate Divisions of the Court of BiH
17.10.2005	Paddy Ashdown	Appointing Philip King Alcock to Special Department for War Crimes of the Prosecutor's Office of Bosnia and Herzegovina
17.10.2005	Paddy Ashdown	Appointing Peter Kidd to Special Department for War Crimes of the Prosecutor's Office of Bosnia and Herzegovina
23.11.2005	Paddy Ashdown	Appointing David L. Upcher to the Special Department for Organized Crime, Economic Crime and Corruption in the Prosecutor's Office of BiH as well as Head of the Special Department for Organized Crime, Economic Crime and Corruption in the BiH Prosecutor's Office
12.12.2005	Paddy Ashdown	Enacting the Laws on Salaries and Other Compensations for Judges and Prosecutors in Brcko District of Bosnia and Herzegovina, in the Republika Srpska, in the Federation of Bosnia and Herzegovina and in Bosnia and Herzegovina
12.12.2005	Paddy Ashdown	Enacting amendments to the Constitution of the Republika Srpska and of the Federation of Bosnia and Herzegovina (Judges' Salaries)
26.01.2006	Paddy Ashdown	Appointment of Lynn Sheehan as an International Member of the High Judicial and Prosecutorial Council of Bosnia and Herzegovina
30.01.2006	Paddy Ashdown	Appointing Peter Korneck as International Prosecutor in the Special Department for War Crimes of the Prosecutor's Office of BiH
09.02.2006	Christian Schwarz-Schilling	Appointing Jude R. Romano as International Prosecutor in the Prosecutor's Office of Bosnia and Herzegovina

30.03.2006	Christian Schwarz-Schilling	Appointing David Schwendiman as International Prosecutor in the Special Department for War Crimes of the Prosecutor's Office of BiH
30.03.2006	Christian Schwarz-Schilling	Appointing Kwai Hong Ip as International Prosecutor in the Special Department for War Crimes of the Prosecutor's Office of BiH
26.04.2006	Christian Schwarz-Schilling	Appointing an International Judge to Section I for War Crimes of the Criminal and Appellate Divisions and to Section II for Organized Crime, Economic Crime and Corruption of the Criminal and Appellate Divisions of the Court of BiH
10.05.2006	Christian Schwarz-Schilling	Further Appointing Malcolm Simmonsto as an International Judge to the Court of BiH
02.06.2006	Christian Schwarz-Schilling	Appointing an International Prosecutor in the Special Department for Organized Crime, Economic Crime and Corruption of the Prosecutor's Office of BiH
07.06.2006	Christian Schwarz-Schilling	Appointing International Judges to Section I for War Crimes of the Criminal and Appellate Divisions and to Section II for Organized Crime, Economic Crime and Corruption of the Criminal and Appellate Divisions of the Court of BiH
07.06.2006	Christian Schwarz-Schilling	Appointing International Judges to Section I for War Crimes of the Criminal and Appellate Divisions and to Section II for Organized Crime, Economic Crime and Corruption of the Criminal and Appellate Divisions of the Court of BiH
07.06.2006	Christian Schwarz-Schilling	Appointing International Judges to Section I for War Crimes of the Criminal and Appellate Divisions and to Section II for Organized Crime, Economic Crime and Corruption of the Criminal and Appellate Divisions of the Court of BiH
19.06.2006	Christian Schwarz-Schilling	Amendment to the Law on Transfer of Cases from the ICTY to the Prosecutor's Office Of BiH and the use of Evidence Collected by ICTY in Proceedings Before the Courts in BiH
19.06.2006	Christian Schwarz-Schilling	Enacting Amendments to the Criminal Procedure Code of Bosnia and Herzegovina
30.06.2006	Christian Schwarz-Schilling	Appointing Peter Korneck from the International Community as an International Prosecutor to the Special Department for War Crimes to Special Department for Organized Crime, Economic Crime and Corruption of the Prosecutor's Office of BiH
30.06.2006	Christian Schwarz-Schilling	Re-appointing Drew G. Engel as International Prosecutor in the Special Department for Organized Crime, Economic Crime and Corruption of the Prosecutor's Office of BiH
01.08.2006	Christian Schwarz-Schilling	Extending the Mandate of Sven Marius Urke as an International Member of the High Judicial and Prosecutorial Council of BiH
23.03.2007	Christian Schwarz-Schilling	All issues related to the Decision of the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina in the Appeal of Milorad Bilbija (removal from office of the Deputy Head of the Operational Directorate of the Intelligence and Security Agency) and similar decisions should be referred to the High Representative for consideration. Any attempts by BiH authorities to challenge or review the decisions of the High Representative are inadmissible
13.04.2007	Christian Schwarz-Schilling	Amendments to the Criminal Procedure Codes of Bosnia and Herzegovina, of the Federation of Bosnia and Herzegovina, of the Republika Srpska and of the Brcko District
15.06.2007	Christian Schwarz-Schilling	Decision on Extending the Mandate of Sven Marius Urke as an International Member of the High Judicial and Prosecutorial Council of Bosnia and Herzegovina until 30 June 2008
09.07.2007	Miroslav Lajčák	Amendments to the Law of Bosnia and Herzegovina on the Execution of Criminal Sanctions, Detention and Other Measures
09.07.2007	Miroslav Lajčák	Enacting Amendments to the Criminal Procedure Code of Bosnia and Herzegovina
25.06.2008	Miroslav Lajčák	Further Extending the Mandate of Sven Marius Urke as an International Member of the High Judicial and Prosecutorial Council of Bosnia and Herzegovina until 31 December 2009
20.02.2009	Miroslav Lajčák	Enacting Amendments to the Law on the Execution of Criminal Sanctions in the Federation of Bosnia and Herzegovina
20.02.2009	Miroslav Lajčák	Enacting Amendments to the Criminal Procedure Code of Bosnia and Herzegovina

14.12.2009	Valentin Inzko	Amendments to the Law on Prosecutor's Office of Bosnia and Herzegovina (appointment of international prosecutors in the Special Department for War Crimes of the Prosecutor's Office of Bosnia and Herzegovina for a transitional period until 31 December 2012)
14.12.2009	Valentin Inzko	Amendments to the Law on Court of Bosnia and Herzegovina
22.07.2021	Valentin Inzko	Enacting Amendment to the Criminal Code of Bosnia and Herzegovina (responsibility for genocide denial)
27.04.2023	Christian Schmidt	Anti-corruption Amendment to the Criminal Codes of Bosnia and Herzegovina, of the Federation of Bosnia and Herzegovina and of Republika Srpska
01.07.2023	Christian Schmidt	Enacting Amendments to the Criminal Code of Bosnia and Herzegovina: introduction of criminal liability for non-compliance with decisions of the High Representative and courts (Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina, Court of Bosnia and Herzegovina, ECHR)
Mass Media		
11.06.1998	Carlos Westendorp	Establishment of the Independent Media Commission (controls licensing of broadcasters, stops hate speech in the media, guarantees pluralism and professionalism)
05.08.1998	Carlos Westendorp	Appointment of members of the Independent Media Commission To the IMC Council (governing body): 3 international (with a decisive vote), 4 Bosnian experts (selected based on professional, not ethnic criteria). To the Enforcement Panel (supervision of decision implementation): independent lawyers and media experts approved by the OSCE Mission to BiH
11.09.1998	Carlos Westendorp	Forced introduction of unified rules for the BiH telecommunications market to eliminate ethnic division and create a nationwide communication system
11.09.1998	Carlos Westendorp	Imposing the Law on Telecommunications before adoption by the Parliament
30.07.1999	Carlos Westendorp	Decisions on the restructuring of the Public Broadcasting System in BiH and on freedom of information and decriminalization of libel and defamation (creation of a unified national radio-television company (BHRT) instead of ethnically divided structures, guarantee of financial independence through a system of mandatory contributions, multi-ethnic composition of the management and editorial staff)
01.09.1999	Wolfgang Petritsch	Amending the Law on Radio-Television of the RS (RTPC) (de-ethnicization of broadcasting: mandatory inclusion of content for all peoples of BiH in the broadcasting grid, prohibition of propaganda of separatism and incitement to inter-ethnic hatred, introduction of an inter-ethnic board of directors)
06.12.1999	Wolfgang Petritsch	Implementation of the Law on Radio-Television of the Federation of Bosnia and Herzegovina Appointment of the Radio-Television Council
03.03.2000	Wolfgang Petritsch	Decision amending the Law on Radio-Television of the RS
16.03.2000	Wolfgang Petritsch	Decision amending the decision on Public Radio-Television of BiH
15.04.2000	Wolfgang Petritsch	Decision on the appointment of the Transfer Agent and the Expert Team for the establishment of public service broadcasting
23.10.2000	Wolfgang Petritsch	Second Decision on restructuring the Public Broadcasting System in BiH
14.02.2001	Wolfgang Petritsch	Decision imposing the publication of the Telecommunications Sector in the Official Gazette of BiH and the Official Gazettes of the Federation and RS
02.03.2001	Wolfgang Petritsch	Decision Combining the Competencies of the Independent Media Commission and the Telecommunications Regulatory Agency
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision Imposing the Law on the Basis of the Public Broadcasting System and on the Public Broadcasting Service of Bosnia and Herzegovina
24.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decisions Imposing the Laws on Radio-Television of the Federation of Bosnia and Herzegovina and of Republika Srpska
24.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision on the Liquidation Procedure to be Applied in the Winding-Up of the Public Enterprise Radio and Television of Bosnia and Herzegovina
21.10.2002	Paddy Ashdown	Amending the Telecommunications Law of RS
21.10.2002	Paddy Ashdown	Decision Regulating various matters of a transitional nature arising out of previous Decisions of the High Representative as aforesaid and Enacting the Law on Communications of Bosnia and Herzegovina

Economy and Budget		
05.03.1998	Carlos Westendorp	Law on the Policy of Foreign Direct Investment in Bosnia and Herzegovina
23.06.1998	Carlos Westendorp	Establishing the Privatization Monitoring Commission
22.07.1998	Carlos Westendorp	Imposing the Framework Law on Privatization of Enterprises and Banks in BiH Privatization Commission established under international supervision; strict sanctions for procedural violations (deal annulment, criminal liability)
30.12.1999	Wolfgang Petritsch	Extending The Validity Of Import Duties
30.03.2000	Wolfgang Petritsch	Decision extending the validity of the Council of Ministers' Decision on additional import duties to 30 June 2000
11.05.2000	Wolfgang Petritsch	Amending the Framework Law on Privatization of Enterprises and Banks in BiH by introducing a clause protecting investors
22.05.2000	Wolfgang Petritsch	Amending the Law on the Banking Agency of the RS (removal of liability for its employees)
18.08.2000	Wolfgang Petritsch	Amending the Federation Law on Funds Management Companies and Investment Funds
20.12.2000	Wolfgang Petritsch	Second Decision amending the Law on Contributions
20.12.2000	Wolfgang Petritsch	Decision imposing the Law on the Job Placement and Social Security of the Unemployed
20.12.2000	Wolfgang Petritsch	Decision imposing the Law on Internal Payments System of the Republika Srpska
20.12.2000	Wolfgang Petritsch	Decision imposing the Law on Financial Operations of the Republika Srpska
20.12.2000	Wolfgang Petritsch	Decision imposing the Law on the Assets of the Employment Bureau of Bosnia and Herzegovina
20.12.2000	Wolfgang Petritsch	Amending the Law on Wage Tax
20.12.2000	Wolfgang Petritsch	Amending the Law on Customs Policy
20.12.2000	Wolfgang Petritsch	Decision on the Law on Payment Transactions of the Republika Srpska
20.12.2000	Wolfgang Petritsch	Decision annulling the Federation Prime Minister's decision published in the Federation Official Gazette on 19 October 2000
05.04.2001	Wolfgang Petritsch	Decision appointing a Provisional Administrator for the Hercegovacka Banka
06.11.2001	Wolfgang Petritsch	Decision allowing provisional bank administrators in the Federation to make pay-outs of up to 5,000 KM to deposit holders before the completion of their final reports
04.04.2002	Wolfgang Petritsch	Decision empowering the Provisional Administrator of Hercegovacka Banka to declare the deposits and investments in Hercegovacka Banka to be totally or partially blocked beyond the period of one year
21.10.2002	Paddy Ashdown	Decision Imposing The Law On Cessation Of The Law On Deposit Insurance Of The Federation Of Bosnia And Herzegovina
21.10.2002	Paddy Ashdown	Enacting Amendments To The Law On Banks Of The Federation Of Bosnia And Herzegovina
21.10.2002	Paddy Ashdown	Enacting Amendments To The Law On The Banking Agency Of The Republika Srpska
21.10.2002	Paddy Ashdown	Enacting Amendments To The Law On The Banking Agency Of The Federation Of Bosnia And Herzegovina
21.10.2002	Paddy Ashdown	Decision Enacting The Law On Banks Of The Republika Srpska
21.10.2002	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on the Treasury in the Federation of Bosnia and Herzegovina
17.12.2002	Paddy Ashdown	Decision Enacting The Law On Execution Of The Budget Of The Federation Of Bosnia And Herzegovina For 2003
17.12.2002	Paddy Ashdown	Decision Enacting The Budget Of The Federation Of Bosnia And Herzegovina For 2003
12.02.2003	Paddy Ashdown	Decision Establishing the Indirect Tax Policy Commission
07.03.2003	Paddy Ashdown	Decisions Enacting the Law on Further Amendments to the Law on the Banking Agency of the Federation of Bosnia and Herzegovina and the Republika Srpska
07.03.2003	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on Banks of the Republika Srpska
07.03.2003	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Further Amendments to the Law on Banks of the Federation of Bosnia and Herzegovina
07.03.2003	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Further Amendments to the Law on the Central bank of Bosnia and Herzegovina

31.12.2003	Paddy Ashdown	Enacting the Law on Application of Electricity Tariff System of the Federation of BiH
28.01.2004	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on Distribution of Public Revenues in the Herzegovina-Neretva Canton
25.10.2004	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on the Indirect Taxation System in BiH
08.11.2004	Paddy Ashdown	Revoking the Banking License and instituting the bankruptcy proceedings of the "Privredna Banka a.d. Srpsko Sarajevo"
14.01.2005	Paddy Ashdown	Extending the mandate of a first Chairman of Governing Board of the Indirect Taxation System
14.07.2005	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on the Sales Tax on Products and Services
14.07.2005	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on Excise Duties in Bosnia and Herzegovina
07.04.2006	Christian Schwarz-Schilling	Extending the mandate of Joly Dixon as a first Chairman of Governing Board of the Indirect Taxation Authority
21.06.2006	Christian Schwarz-Schilling	Decision Instituting the liquidation proceedings and appointing Toby Robinson as a Liquidation Receiver for the «Privredna Banka a.d. Srpsko Sarajevo»
03.08.2006	Christian Schwarz-Schilling	The current leadership of the Banking Agency of the FBiH continues to perform their duties until new leaders are appointed by the Parliament of the Federation
30.08.2006	Christian Schwarz-Schilling	Extending the mandate of Tony Robinson as Liquidation Receiver for "Privredna Banka a.d. Srpsko Sarajevo"
30.09.2006	Christian Schwarz-Schilling	Extending the mandate of Tony Robinson as Liquidation Receiver for "Privredna Banka a.d. Srpsko Sarajevo"
15.12.2006	Christian Schwarz-Schilling	Terminating the Appointment of the Provisional Administrator of "Hercegovacka Banka" Mostar and Transferring Competencies Concerning the Provisional Administration of "Hercegovacka Banka" Mostar to the Banking Agency of the Federation of BiH
15.12.2006	Christian Schwarz-Schilling	Terminating the Appointment of the Liquidation Receiver for "Privredna Banka a.d. Srpsko Sarajevo" and Transferring Competencies Concerning the Liquidation Proceedings for "Privredna Banka a.d. Srpsko Sarajevo" to the Banking Agency of the RS
04.05.2007	Christian Schwarz-Schilling	Amendments to the Law on Payments into the Single Account and Distribution of Revenues
04.05.2007	Christian Schwarz-Schilling	Amendments to the Law on the Indirect Taxation System in Bosnia and Herzegovina
08.01.2008	Miroslav Lajčák	Enacting Amendments to the Law on the Indirect Taxation System in Bosnia and Herzegovina (if the members of the Management Board of the Indirect Taxation Authority cannot elect a chairman, then the Minister of Finance and Treasury of BiH will hold the position for one year)
29.07.2009	Valentin Inzko	Supplement to the Law on Budgets in the Federation of Bosnia and Herzegovina
29.07.2009	Valentin Inzko	Financing of the City of Mostar for the Period from 1 April 2009 to 30 September 2009
29.07.2009	Valentin Inzko	Suspending the Application of Part of the Law on Principles of Local Self-Government of the Federation of Bosnia and Herzegovina for the City of Mostar to Extend Financing until the Budget Adoption
18.09.2009	Valentin Inzko	Law on the Distribution of Assets Obtained through International Succession Following the Dissolution of the Socialist Federal Republic of Yugoslavia between the Entities
26.01.2011	Valentin Inzko	Decision Enacting the Decision on Temporary Financing of the Federation of Bosnia and Herzegovina for the Period January-March 2011
07.06.2022	Christian Schmidt	Enacting Amendments to the Law on Financing of the Institutions of Bosnia and Herzegovina
17.07.2025	Christian Schmidt	Amendments to the Law on Financing of the Institutions of Bosnia and Herzegovina
Education and Science		
22.09.2003	Paddy Ashdown	Reducing Party Funding for the HDZ at the State, Federation and Cantonal Levels (Central Bosnia Canton only): criticism of the 'two schools under one roof' concept
30.03.2004	Paddy Ashdown	Suspending All Disbursements of Budgetary Itemizations for Party Funding to the HDZ (criticism of the 'two schools under one roof' concept)

27.04.2004	Paddy Ashdown	Reducing Party Funding for the HDZ (criticism of the 'two schools under one roof' concept)
31.05.2004	Paddy Ashdown	Extending the Suspension of All Disbursements of Budgetary Itemizations for Party Funding to the HDZ (criticism of the 'two schools under one roof' concept)
07.06.2004	Paddy Ashdown	Directive Reducing Party Funding of Political Parties (HDZ, SDA, SBiH) in individual cantons for their Failure to Bring Their Legislation on Primary and Secondary Education in Line with Framework Law on Primary and Secondary Education in BiH
08.07.2004	Paddy Ashdown	Enacting the Laws on Primary and Secondary Education
08.07.2004	Paddy Ashdown	Enacting the Amendments to the Laws on Primary and Secondary Education
21.11.2024	Christian Schmidt	Order Supporting the Functioning of the National and University Library of Bosnia and Herzegovina and Other Cultural Institutions of Significance for Bosnia and Herzegovina
Refugees and Displaced Persons		
15.09.1998	Carlos Westendorp	Decision extending until 4 April 1999 the deadline for filing claims to socially owned apartments (previously in state ownership) in the Federation of Bosnia and Herzegovina
17.09.1998	Carlos Westendorp	Decision imposing the Law on Amendments to the Law on Housing Relations in the Federation (restoring to displaced persons and refugees occupancy rights cancelled under Article 47 of the old law) Forced change of the law to annul the discriminatory Article 47, which deprived refugees (mainly Bosniaks and Croats) of the right to social housing during the war (1992-1995)
05.11.1998	Carlos Westendorp	Suspending decision-making on claims to apartments in the Federation for which a permanent occupancy right was issued after 30 April 1991 (the beginning of the disintegration of Yugoslavia and the growth of ethnic tensions). A moratorium on sale of apartments until the legality of their privatization is completed.
01.04.1999	Carlos Westendorp	The High Representative's decision extending for three months the deadline for filing claims to socially-owned apartments in the Federation of Bosnia and Herzegovina
14.04.1999	Carlos Westendorp	The High Representative's decision amending the Law on Housing Relations in the RS and annulling all court-ordered cancellations of occupancy rights of refugees
14.04.1999	Carlos Westendorp	Decision cancelling all permanent occupancy rights issued in the Federation during and after the war in BiH and converting them into temporary occupancy rights
14.04.1999	Carlos Westendorp	Decision Repealing Certain Provisions of the Law on Cessation of the Application of the Law on Abandoned Apartments and the Law on the Sale of Apartments with Occupancy Rights of the Federation of Bosnia and Herzegovina
15.06.1999	Carlos Westendorp	Decision extending by six months the deadline for filing claims to socially-owned apartments in the RS
30.06.1999	Carlos Westendorp	Decision extending the deadline for filing claims to socially-owned apartments in Drvar
01.07.1999	Carlos Westendorp	The High Representative's Decision on the Law on Amendments to the Law on Cessation of Application of the Law on Abandoned Apartments (termination of temporary provisions and the earliest possible return of property to refugees)
01.07.1999	Carlos Westendorp	Amendments to the Law on Sale of Apartments with Occupancy Right (ban on the sale of illegally obtained apartments and pre-emption right for former owners)
01.07.1999	Carlos Westendorp	Decision on the Law on Amendments to the Law on the Cessation of the Application of the Law on Temporary Abandoned Real Property Owned by Citizens (simplification of the procedure for the return of property)
02.07.1999	Carlos Westendorp	Amending various provisions of the Federation Law on Sale of Apartments with Occupancy Right, providing the protection the property rights of displaced persons
02.07.1999	Carlos Westendorp	Amending the Federation Law on Cessation of Application of the Law on Temporary Abandoned Real Property by Citizens (termination of temporary provisions and the speedy return of real estate to refugees)
02.07.1999	Carlos Westendorp	Decision of the Council of Ministers amending the Federation Law on the Cessation of Application of the Law on Abandoned Apartments (acceleration of restitution and use of unclaimed apartments for humanitarian accommodation - accommodation of refugees, etc.)

27.10.1999	Wolfgang Petritsch	Amendments to the Law on Cessation of the Application of the Law on Temporarily Abandoned Real Property Owned by Citizens of the Federation of Bosnia and Herzegovina (final termination of the law regulating the status of real estate left by refugees in the period 1992-1995; simplified restitution procedure; reduction of the time for processing applications to 3 months; establishment of accelerated court procedures for disputed cases; protection of property rights)
27.10.1999	Wolfgang Petritsch	Amendments to the Law on Cessation of Application of the Law on Abandoned Apartments (Final abolition of temporary wartime regulations governing the status of apartments left by refugees (1992–1995).
27.10.1999	Wolfgang Petritsch	Amendments to the Law on Cessation of Application of the Law on the Use of Abandoned Property (final abolition of temporary wartime laws governing the status of property left by refugees (1992–1995)
27.10.1999	Wolfgang Petritsch	Decision on the Law on Amendments to the Law on Cessation of Application of the Law on Abandoned Apartments of the FBiH
27.10.1999	Wolfgang Petritsch	Decision on the Law on Implementation of the Decisions of the Commission for Real Property Claims of Displaced Persons and Refugees (CRPC) of the FBiH (all CRPC decisions (300,000+ cases) acquire the status of final court decisions, prohibition on re-examination of cases by national courts)
27.10.1999	Wolfgang Petritsch	Decision on the recognition and Implementation of CRPC Decisions for real estate claims in the FBiH and RS
27.10.1999	Wolfgang Petritsch	Decision on the Law on Amendments to the Law on Cessation of the Application of the Law on Temporarily Abandoned Real Property Owned by Citizens of the FBiH
27.10.1999	Wolfgang Petritsch	Decision on the Instruction on Application of the Law on Cessation of Application of the Law on Abandoned Real Property Owned by Citizens of the FBiH in its Amended Form
27.10.1999	Wolfgang Petritsch	The High Representative's Decision on the Instruction on Application of the Law on Cessation of Application of the Law on Abandoned Apartments in its amended form of the FBiH in its Amended Form
27.10.1999	Wolfgang Petritsch	Decision on the Instruction on Application of the Law on Cessation of Application of the Law on Abandoned Apartments of the FBiH in its Amended Form
27.10.1999	Wolfgang Petritsch	Decision on the Repeal of Articles to the Law on the Amendments to the Law on Housing Relations of the RS
10.12.1999	Wolfgang Petritsch	Extending by four months the deadline for claiming socially-owned apartments in the RS
30.12.1999	Wolfgang Petritsch	Decision extending until 30 June 2000 the Decision of 26 May 1999 'On Certain Types of State-Owned Land'
27.04.2000	Wolfgang Petritsch	Decision on re-allocation of socially owned land, superseding the 26 May 1999 and 30 December 1999 Decisions
28.06.2000	Wolfgang Petritsch	Decision suspending the enactment of the RS Law on the Privatization of State-Owned Apartments, pending correction of flaws and discriminatory elements
28.10.2000	Wolfgang Petritsch	Decision extending the deadline for the enforcement of CRPC certificates related to socially-owned property in the Federation of Bosnia and Herzegovina
12.11.2000	Wolfgang Petritsch	Decision establishing the BiH Institute for Standards, Metrology and Intellectual Property
30.03.2001	Wolfgang Petritsch	Decision extending the validity of the 27 April 2000 Decision on the re-allocation of socially owned re-allocation of socially owned land until the authorities pass appropriate legislation or latest until 31 July 2002
04.07.2001	Wolfgang Petritsch	Further Amending the Law on the Cessation of the Application of the Law on Abandoned Apartments
17.07.2001	Wolfgang Petritsch	Amending the Law on Sale of Apartments with Occupancy Rights
17.07.2001	Wolfgang Petritsch	Further amending the Law on the Privatization of State Owned Apartments
17.07.2001	Wolfgang Petritsch	Decision giving approval to the amended RS Law on Apartment Privatization
04.12.2001	Wolfgang Petritsch	Enacting Amendments to the Law on the Cessation of Application of the Law on Temporary Abandoned Real Property Owned by Citizens (FBiH)
04.12.2001	Wolfgang Petritsch	Enacting Amendments To The Law On The Cessation Of Application Of The Law On Abandoned Apartments (FBiH)

04.12.2001	Wolfgang Petritsch	Enacting Amendments To The Law On Implementation Of The Decisions Of The Commission For Real Property Claims Of Displaced Persons And Refugees (FBiH)
04.12.2001	Wolfgang Petritsch	Amendments To The Instruction On Application Of The Law On The Cessation Of Application Of The Law On Abandoned Apartments (FBiH)
04.12.2001	Wolfgang Petritsch	Amendments To The Instruction Of The Application Of The Law On The Cessation Of Application Of The Law On The Use Of Abandoned Property (RS)
14.04.1999	Carlos Westendorp	Decision cancelling all permanent occupancy rights issued in the RS during and after the war in BiH and converting them into temporary occupancy rights
04.12.2001	Wolfgang Petritsch	Decision Suspending Any Further Procedure For Approvals of the Contracts on Purchase of Apartments which have been entered into pursuant to Article 29 of the Law on Sale of Apartments with Occupancy Right
04.12.2001	Wolfgang Petritsch	Decision Consisting Of Instructions On Documentation To Be Enclosed With The Request For The Purchase Of Abandoned Apartments In Accordance With Article 8b Of The Law On The Sale Of Apartments With Occupancy Right
24.01.2002	Wolfgang Petritsch	Decision ensuring transparency in the use of funds for return of refugees and displaced persons in both Entities
17.04.2002	Wolfgang Petritsch	Amending the RS instruction related to the revalidation of contracts on the use of apartments concluded after 1 April 1992
04.12.2001	Wolfgang Petritsch	Decision Consisting Of Instructions On Documentation To Be Enclosed With The Request For The Purchase Of Abandoned Apartments In Accordance With Article 8b Of The Law On The Sale Of Apartments With Occupancy Right
22.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision On Suspension Of Application Of The High Representative Decision No. 128 From 4 December 2001 (Official Gazette Of FBiH 56/01)
22.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision On Establishment Of The Commissions For Control Of Concluded And/Or Revalidated Contracts On Use Of Apartments (Federation of Bosnia and Herzegovina)
04.12.2001	Wolfgang Petritsch	Amendments To The Instruction On Application Of The Law On The Cessation Of Application Of The Law On Temporary Abandoned Real Property Owned By Citizens (FBiH)
18.10.2002	Paddy Ashdown	Decision Establishing the Ownership and the Right of Use of certain buildings and land within the complex of "Ramiz Salcin" (formerly known as "Viktor Bubanj") in Sarajevo
21.03.2003	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on Displaced-Expelled Persons and Repatriates in the Federation of Bosnia and Herzegovina
16.05.2003	Paddy Ashdown	Amendments to the Law on the Implementation of the Decisions of the Commission for Real Property Claims of Displaced Persons and Refugees of the FBiH
16.05.2003	Paddy Ashdown	Amendments to the Law on the Cessation of Application of the Law on the Use of Abandoned Property of the RS
16.05.2003	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on the Cessation of Application of the Law on Abandoned Apartments of the FBiH
01.03.1998	Carlos Westendorp	Mostar Airport will operate under international control until a final decision is made. The goal is to ensure a neutral operation of the airport without discrimination.
30.08.1998	Carlos Westendorp	Extension for six months of the Interim Arrangement for the Mostar Airport
28.01.2004	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Decision on Amendments to the Decision on the fee for the management of areas for providing infrastructure
28.01.2004	Paddy Ashdown	Enacting Amendments To The Law On Earmarking And Channeling A Part Of The Company's Revenue Effectuated On The Basis Of The Use Of The Hydro-Power Plants Of The FBiH
02.03.1999	Carlos Westendorp	Extension for six months of the Interim Arrangement for the Mostar Airport
28.01.2004	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Constitution of the Herzegovina-Neretva Canton

06.07.1999	Carlos Westendorp	Amendments to the Mostar City Municipalities Statutes: provision on 'fundamental interests' (protection of the rights of all ethnic communities in key decision-making) and the introduction of the position of Deputy Head of the Municipality (to ensure inter-ethnic representation)
17.09.2003	Paddy Ashdown	Establishing the Commission for Reforming the City of Mostar
28.01.2004	Paddy Ashdown	Decision On The Implementation Of The Reorganization Of The City Of Mostar
28.01.2004	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Statute of the City of Mostar
26.02.2004	Paddy Ashdown	Prohibiting City-Municipalities of the City of Mostar from Assigning Names to or Changing Existing Names of Streets, Squares, Bridges and Other Such Public Places to prevent provocations
22.12.2006	Christian Schwarz-Schilling	Establishment of the Spatial Development Institute of Mostar
14.12.2009	Valentin Inzko	Enacting Amendment to the Statute of the City of Mostar
Legal and Administrative Issues		
21.11.1998	Carlos Westendorp	Settlement of disputes between Croatian and Bosniak soldiers on privatization issues in the Federation of Bosnia and Herzegovina
26.05.1999	Carlos Westendorp	Decision suspending the power of local authorities in the Federation and the RS to re-allocate socially-owned land in cases where the land was used on 6 April 1992 for residential, religious, cultural, private agricultural or private business activities
25.06.1999	Carlos Westendorp	Decision on law-signing procedures in the RS during a presidential vacancy (publish laws without his signature)
30.07.1999	Wolfgang Petritsch	Decision on the validity of public documents issued by the competent body of SFRY
30.07.1999	Carlos Westendorp	Decision on the reconnection of refugees and displaced persons to the telephone networks of BiH
30.07.1999	Carlos Westendorp	Decision imposing the Law on Administrative Fees in Bosnia and Herzegovina
29.10.1999	Wolfgang Petritsch	Decision requiring prior consultation of IPTF (UN police mission) before foreigners without visa of residence permit are expelled
07.08.2000	Wolfgang Petritsch	Amending the Law on Filling a Vacant Position of a Member of the Presidency of BiH
06.10.2000	Wolfgang Petritsch	Decision integrating the municipality of Zepce (Federation of Bosnia and Herzegovina)
12.11.2000	Wolfgang Petritsch	Decision imposing the Federation Law on Pension and Disability Insurance Organization, providing a framework for the merger of the Sarajevo and Mostar pension funds
12.11.2000	Wolfgang Petritsch	Amending the Federation Law on Pension and Disability Insurance, providing for financial feasibility and independence
12.11.2000	Wolfgang Petritsch	Amending the RS Labor Law, reducing compensation payments to employees on "waiting lists"
14.12.2000	Wolfgang Petritsch	Amending the Law on Administrative Fees of Bosnia and Herzegovina
14.12.2000	Wolfgang Petritsch	Decision imposing the Law on the Human Rights Ombudsman of Bosnia and Herzegovina
20.12.2000	Wolfgang Petritsch	Amending the Law on Claims in the Privatization Process that are based on the Difference Between Pension Amounts Received and Pension Amounts to be Received by Beneficiaries of the Rights Stemming from the Pension and Disability Plan (for the Federation of Bosnia and Herzegovina)
11.01.2001	Wolfgang Petritsch	Decision establishing interim procedures to protect vital interests of Constituent Peoples and Others, including freedom from Discrimination (equal representation of all peoples in authority in both the Federation of Bosnia and Herzegovina and the Republika Srpska)
31.01.2001	Wolfgang Petritsch	Amending the Decision of the Government of the RS on Determination of Enterprises of Strategic Importance in which the State Capital is to be Privatized under Separate Privatization Programmes and Decision on return of the vouchers and coupons and/or refund of cash invested in relation to the privatization of RTRS as proposed by the Government of RS
05.02.2001	Wolfgang Petritsch	Decision on the Special Auditor for the Cantons of the Federation of Bosnia and Herzegovina
02.03.2001	Wolfgang Petritsch	Decision on the Special Auditor for the Federation of Bosnia and Herzegovina
15.09.2001	Wolfgang Petritsch	Decision providing the Agreement on Gornji Vakuf-Uskoplje from 2 August 2001, which unites Gornji Vakuf and Uskoplje into one municipality, with a legal base

03.04.2002	Wolfgang Petritsch	Amending The Text Of Annex 1 Of The Final HR's Decision On Integrating The Municipality Of Zepce As Published In The Official Gazette Of The FBiH
30.04.2002	Wolfgang Petritsch	Decision prioritizing, as an exception to the chronological order rule, the repossession of property by returning police officers
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision Imposing the Law on Civil Service in the Institutions of Bosnia and Herzegovina
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Decision Imposing the Law on Conflict of Interest in Governmental Institutions of Bosnia and Herzegovina
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Enacting Amendments to the Law on Internal Affairs of Central Bosnia Canton, Herzegovina-Neretva Canton, West Herzegovina Canton, Sarajevo Canton, Bosnian Podrinje Canton – Gorazde, Canton 10, Una-Sana Canton, Posavina Canton, Tuzla Canton, Zenica-Doboj Canton
23.05.2002	Wolfgang Petritsch	Amendments to the Statutes of the Municipality of Stolac
28.06.2002	Paddy Ashdown	Decision Imposing the Law on Amendments to the Law on Central Registers and Data Exchange
31.07.2002	Paddy Ashdown	Decision on further extending the Decision on Land Allocation of 27 April 2000 until the 31 March 2003
01.08.2002	Paddy Ashdown	Decisions on the Special Auditors for the Federation of Bosnia and Herzegovina and the Republika Srpska
01.08.2002	Paddy Ashdown	Decision On the Use of Collective/Transit Centre Space in Bosnia and Herzegovina to Promote the Phased and Orderly Return of Refugees and Displaced Persons
14.08.2002	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Amendments to the Law on Urban Planning
21.08.2002	Paddy Ashdown	Decision Imposing the Law on Internal Affairs of the Federation of Bosnia and Herzegovina
07.10.2002	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Laws on immunity of Bosnia and Herzegovina, of the Federation of Bosnia and Herzegovina and of Republika Srpska
21.10.2002	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Statistics of Bosnia and Herzegovina
21.10.2002	Paddy Ashdown	Decisions Enacting the Laws on Land Registries in Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska
21.10.2002	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Registration of Legal Persons Established by the Institutions of Bosnia and Herzegovina
21.10.2002	Paddy Ashdown	Amendments to the Law on the Government of the Federation of Bosnia and Herzegovina
21.10.2002	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Federation Ministries and other Bodies of Federation Administration
02.12.2002	Paddy Ashdown	Amending the Structure of Expenditures of the Communications Regulatory Agency for 2002
03.12.2002	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on the Council of Ministers of Bosnia and Herzegovina
06.12.2002	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on Internal Affairs of Posavina Canton, Tuzla Canton, Zenica-Doboj Canton, Bosnian Podrinje Canton-Gorazde, Central Bosnia Canton, Herzegovina-Neretva Canton, West Herzegovina Canton, Sarajevo Canton, canton 10
31.12.2002	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on Citizenship of Bosnia and Herzegovina
01.01.2003	Paddy Ashdown	Decision On the Use of Collective/Transit Centre Space in Bosnia and Herzegovina to Promote the Phased and Orderly Return of Refugees and Displaced Persons
24.02.2003	Paddy Ashdown	Imposing Amendments to the Book of Rules on the Fee for the Form for Personal Documents
27.02.2003	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Ministerial and Government Appointments of Bosnia and Herzegovina
27.02.2003	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Ministerial and Government Appointments of the Federation of Bosnia and Herzegovina
27.02.2003	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Law on Ministerial, Government and other Appointments of the Republika Srpska
06.03.2003	Paddy Ashdown	Decisions Enacting the Laws on Gifts of the Federation of Bosnia and Herzegovina and the Republika Srpska
06.03.2003	Paddy Ashdown	Enacting Amendments and Supplements to the Law on Registration in the Court Register of the Republika Srpska
06.03.2003	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on Procedure for Registration of Legal Entities in the Court Register of the Federation of Bosnia and Herzegovina

06.03.2003	Paddy Ashdown	Enacting Amendments and Supplements to the Law on the Register of Enterprises and Entrepreneurs of the Brčko District of Bosnia and Herzegovina
14.03.2003	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on Civil Service in the Institutions of Bosnia and Herzegovina
31.03.2003	Paddy Ashdown	Decision extending the 31 July 2002 ban on the allocation of state-owned land in BiH until 15 May 2003
18.04.2003	Paddy Ashdown	Decision Enacting The Law On Amendments To The Law On Earmarking And Channeling A Part Of The Company's Revenue Effectuated On The Basis Of The Use Of The Hydro-Power Plants
18.04.2003	Paddy Ashdown	Decision Enacting the Decision on Amendments to the Decision on the fee for the management of areas for providing infrastructure
16.05.2003	Paddy Ashdown	Decisions Enacting the Laws on Construction Land of the Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska
13.06.2003	Paddy Ashdown	Reducing the Wages of the Ministers and Deputy Ministers of Herzegovina-Neretva Canton
09.01.2004	Paddy Ashdown	Prohibiting Transfer Or Conveyance Of Real Property Assets Of City-Municipalities And Suspending Recruitment Of New Personnel Of City Municipalities
21.04.2004	Paddy Ashdown	Amendments to the Laws on Civil Service in the Institutions of Bosnia and Herzegovina, of the Federation of Bosnia and Herzegovina and in the Administration of the Republika Srpska
08.11.2004	Paddy Ashdown	Amending the Statute of the Zepce Municipality
16.12.2004	Paddy Ashdown	Enacting Amendments to the Law on Auditing the Public Sector of Republika Srpska
16.12.2004	Paddy Ashdown	Conclusion Ordering the Auditor General of Republika Srpska to conduct Special Audits to conduct special audits in certain public institutions to identify violations and improve financial transparency
14.10.2005	Paddy Ashdown	Annuling the Decision of the Assembly of the Public Enterprise International Airport Sarajevo Changing the Name of the Enterprise
28.10.2005	Paddy Ashdown	Enacting the Law on Assigning Names to or Changing Existing Names of Facilities and Legal Persons of Public Interest for Bosnia and Herzegovina
22.12.2006	Christian Schwarz-Schilling	Establishment of the Commission for Issuance of Professional Assessments
15.02.2007	Christian Schwarz-Schilling	Extending the Mandate of the State Commission for the Review of Decisions on Naturalization of Foreign Citizens
19.10.2007	Miroslav Lajčák	Changes and Amendments to the Law on the Council of Ministers of Bosnia and Herzegovina (issues of replacing a minister or the chairman of the Council of Ministers with their deputies)
03.12.2007	Miroslav Lajčák	Authentic Interpretation of the Law on Changes and Amendments to the Law on the Council of Ministers of Bosnia and Herzegovina
18.09.2009	Valentin Inzko	Amendments to the Law on Transmission of Electric Power, Regulator and System Operator of Bosnia and Herzegovina
18.09.2009	Valentin Inzko	Amendments to the Law on Electricity of the Federation of Bosnia and Herzegovina and Republika Srpska (issues of energy supply of the Brčko District)
18.09.2009	Valentin Inzko	Amendments to the Law on Transmission of Electric Power, Regulator and System Operator of Bosnia and Herzegovina (issues of energy supply of the Brčko District)
30.12.2010	Valentin Inzko	Amendments to the Law on Transmission of Electric Power, the Regulator and System Operator of Bosnia and Herzegovina
21.01.2011	Valentin Inzko	Repealing Amendments to the Law on Electricity of the Republika Srpska

30 лет Дейтону: как поживаешь, Босния?
Научная монография

Подписано в печать 11.10.2024.
Формат 210×290 мм. Печать офсетная. Усл. печ. л. 51.
Тираж 300 экз.

ООО Издательский дом «Зебра Е»
119121, Москва, ул. Плющиха, 11
E-mail: zebrae@zebrae.net
www.zebrae.ru